

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

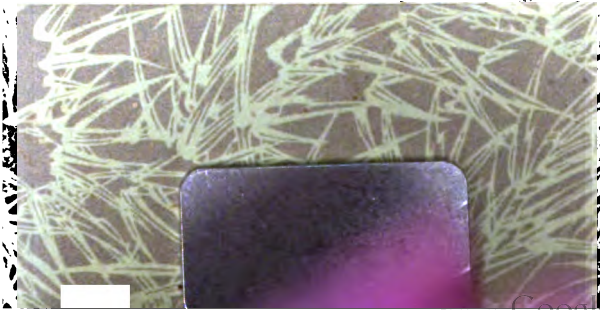
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A 472406 DUPL

КУПАЛЬНЫЕ ОГНИ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

- Туманы, романъ. С.П.Б. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.**
Ноша міра сего, романъ. С.П.Б. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
Китайскія тѣни, романъ. С.П.Б. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
**Кавказскіе разказы, съ 70 рис. Далькевича. С.П.Б.
1894 г. Ц. 1 р. 50 к.**
**Первый томъ комедій. С.П.Б. 1901 г. (изд. второе)
Ц. 2 р.**
Второй томъ комедій. С.П.Б. 1894 г. Ц. 2 р.

Гнѣдичъ, Петръ Петровичъ
П. П. ГНѢДИЧЪ

КУПАЛЬНЫЕ ОГНИ

Купальные Огни

РОМАНЪ

Изданіе Спб. Товарищества Печати и Изд. дѣла „ТРУДЪ“
С.-Петербургъ. Фонтанка, 86
1901.

89178
6572.000

Типографія Спб. Г-ва „Трудъ“. Фонтанка, 86.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зданіе министерства было построено въ царствованіе императора Николая I, и—какъ всё постройки того времени—отличалось просторомъ, обиліемъ воздуха и свѣта, шириною лѣтницъ и громадностью размѣровъ. Потомъ, въ эпоху „эмансипаціи“, казенныя зданія стали тѣснѣе, стѣны сдвинулись, потолки спустились, двери сузились и окна съѣжились соотвѣтственно всему остальному. Но императоръ Николай былъ грандіозный строитель, и все что онъ строилъ—было прочно и монументально. Каждая амбразура окна, даже въ сѣрый петербургскій день пропускавшая цѣлые потоки свѣта, казалась по толщинѣ крѣпостной постройкой, и шкапы леневаго дерева, скромно прижавшіеся по стѣнамъ, со временемъ терялись въ огромной перспективѣ залъ и комнатъ. Даже въ

архивъ, гдѣ шкапы были нагромождены въ два ряда и стояли другъ на другѣ,—и тамъ они еще далеко не доставали до потолка. Перевязанныя веревками блѣдныя пачки рѣшенныхъ дѣлъ лежали и стояли подъ слоемы пыли и напоминали собою скелеты непогребенныхъ труповъ. Свѣтлоголубыя стѣны съ каемочкой по карнизу и масляной панелью внизу смотрѣли на чиновниковъ торжественно, но сквозь эту торжественность проглядывала безконечная скука. Портреты въ золотыхъ рамахъ мало разнообразили ихъ, а только иногда, когда прощальный солнечный лучъ стыдливо пробирался въ департаментъ и игралъ алымъ пятномъ на муаровой лентѣ какого-нибудь давно умершаго министра, сторожъ вспоминали, что есть въ природѣ кромѣ сѣрыхъ и синихъ цвѣтовъ и другія краски. Старинный паркетъ былъ всегда сильно натертъ и отражалъ, какъ въ зеркалѣ, въ своей глянцовой льдистой поверхности столы и стулья краснаго дерева, зеленое или красное сукно, положенное вмѣсто скатертей въ совѣщательной комнатѣ соединенныхъ присутствій. Иногда, въ воздухѣ пролетала моль—хотя неизвѣстно, чѣмъ она кормилась въ этихъ пугающихъ залахъ,—и это было единственное живое существо, кромѣ сторожей и чиновниковъ, постоянно пребывавшее въ министерствѣ.

Въ зданіи было всегда тихо. Чиновники все были люди благовоспитанные, въ хорошихъ синихъ фракахъ и лаковыхъ ботинкахъ. По паркету они изящно скользили и въ кабинетъ начальника проходили такъ-же игриво, какъ въ будуаръ великосвѣтской барыни. Сторожа вели себя не менѣе благочинно, и даже мало скрипѣли сапогами, — что составляетъ очень большое достоинство для сторожей. Если доносились, иногда, громкіе голоса, то развѣ только изъ директорскихъ кабинетовъ, гдѣ было принято разговаривать громко и не стѣснясь. Приѣзжали на службу поздно, уѣзжали тоже поздно, такъ-какъ самъ министръ работалъ иногда до семи часовъ. Курьеры, дежурившіе на его половинѣ, иногда, обѣдали только въ девятомъ часу, не безъ гордости замѣчая:

— Аристократія пошла у насъ!

Въ праздничный день, когда въ министерствѣ никого не было, въ огромныхъ залахъ казалось какъ-будто веселѣе. Воздухъ былъ чище, прозрачнѣе, портреты смотрѣли торжественнѣе, натертые накануне полы напоминали катокъ. Чуть слышно доносилось пѣніе обѣдни изъ министерской церкви и какъ слабое эхо разливалось по заламъ. Моль порхала усерднѣе, чѣмъ въ будни; истопникъ мѣшалъ ко-чергой въ жарко-нагрѣтыхъ печахъ, и пар-

кетъ потрескивалъ звучно и властно, точно покрякивалъ послѣ сна соборный протопопъ.

Блѣдный, высокій брюнетъ, гибкій, съ нервнымъ, но ласковымъ взглядомъ и острой бородкой, въ черномъ модномъ сюртукѣ, шель быстрыми увѣренными шагами знакомымъ путемъ черезъ залы, въ сопровожденіи плотнаго, коренастаго, нѣсколько одутловатаго господина, съ начинающей лысѣть головою. Шли они по пустымъ заламъ на половину управляющаго, видимо торопясь. Высокій даже два раза посмотрѣлъ на часы.

— Обѣдня уже отошла, сказалъ онъ спутнику:—какъ-разъ во время поспѣемъ.

У закрытой двери стоялъ усатый курьеръ съ двумя медалями и издали поклонился входящимъ.

— Прикажете доложить, ваше сіятельство? спросилъ онъ.

— Да, скажите его высокопревосходительству, что я пришелъ виѣстѣ съ господиномъ Невмятулинымъ.

Курьеръ впустилъ ихъ въ пріемную, сплошь укрытую вицвѣтшимъ ковромъ съ розовыми разводами, и проскользнулъ въ слѣдующую дверь.

Невмятулинъ былъ во фракѣ. Фракъ сидѣлъ на немъ скверно, морщилъ на спинѣ и напиралъ воротомъ на затылокъ. Бантъ бѣлаго

галстука, долженствующій изображать бабочку, криво торчалъ изъ-подъ отложныхъ воротничковъ. Глаза его бѣгали безысконо, ни на чемъ по-долгу не останавливаясь. Онъ скользнулъ взглядомъ въ окошко и увидѣлъ на противоположной сторонѣ улицы вывѣску: „Искусственные зубы“. Онъ постарался улыбнуться, но улыбнулся какъ-то криво, какъ улыбается гимназистъ, плохо отвѣчающій на экзаменѣ.

— Миѣ все кажется, что напрасно мы пошли сегодня? сказалъ онъ князю.

Князь ободрительно тронулъ его за локоть.

— Полно, Павелъ Васильевичъ,—вы точно трусите. Вотъ ужъ я никакъ отъ васъ этого не ожидалъ. Иванъ Петровичъ—мильшій человекъ,—вы увидите, какъ онъ насъ приметъ,—и все дѣло будетъ устроено въ десять минутъ.

Невмятулинъ сдвинулъ брови.

— Не привыкъ я къ этому, князь,—сказалъ онъ.—Не мое это дѣло—надѣвать фракъ и ходить съ поклонами. Я человекъ свободной профессіи.

— Полно.—вы свободнымъ и останетесь. Васъ мы посадимъ за живое дѣло; вы увидите, что тутъ можно будетъ принести пользу не менѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ мѣстѣ.

— Хорошо кабы такъ,—недовѣрчиво вы-

тягивая шею, заговорилъ онъ, поправляя воротникъ рубашки, что рѣзалъ ему справа и уже натеръ красную полосу на жирной шеѣ.— Но плохо я вѣрю въ чиновничій трудъ. Много есть препонъ.

— Мы васъ будемъ посылать въ командировки,—продолжалъ князь,—вы увидите новыхъ людей, новыя положенія. Вамъ, какъ писателю, это чрезвычайно важно. Нельзя-же все время сидѣть здѣсь, въ промозломъ ингерманландскомъ болотѣ. Я знаю, вы дальше Стрѣльны и Озерковъ никуда не ѣдите лѣтомъ, а вамъ надо наблюдать.

Лицо Невмятулина еще болѣе омрачилось.

— Видите, князь, низкимъ басомъ заговорилъ онъ,—я думаю, что литераторъ всегда и вездѣ найдетъ для себя матеріалъ. Деревню нашу я знаю, изучилъ ее детально,—вамъ вѣдь извѣстна моя книга „Озими и яровые“?—Теперь я изучаю городъ,—городъ нищенствующій, просящій, больной и угнетенный. Для этого никуда не надо ѣздить изъ Петербурга,—даже въ Стрѣльну и Озерки. Если теперь я рѣшился послѣдовать вашему совѣту и пришелъ сюда кланяться и просить мѣста, это только потому, что дѣти подросли, надо платить за нихъ въ гимназію, а однимъ литературнымъ трудомъ не проживешь. Я съ отвращеніемъ пришелъ сюда, съ отвращеніемъ буду

служить, и съ наслажденіемъ уйду при первой возможности.

Князь улыбнулся.

— Я начинаю колебаться — рекомендовать ли васъ, сказалъ онъ. — Если вы кромѣ отвращенія въ дѣло ничего не внесете, то, конечно, получится картина довольно печальная.

— Я считаю себя честнымъ человѣкомъ, — еще болѣе низкимъ баскомъ заговорилъ Невмятулинъ, — и если за что-нибудь берусь, то по мѣрѣ силъ несу добросовѣстно свои обязанности. Повѣрьте, я вашу рекомендацію оправдаю.

Въ его лицѣ заиграла краска. Въ голосѣ слышалась какъ-будто обида. Князь взялъ его за руку и пожалъ ее по верху пальцевъ.

— Я знаю, какой вы дѣлецъ! весело сказалъ онъ, — и знаю, что мнѣ за васъ стыдно не будетъ.

Курьеръ отворилъ дверь и, привычнымъ движеніемъ посторонившись, сказалъ:

— Просятъ.

II.

Въ обширномъ кабинетѣ, съ нѣсколькими письменными столами, на которыхъ правильными кинами въ удручающемъ количествѣ ле-

жали бумаги, у большого камина, повернувшись къ нему спиною, стоялъ Иванъ Петровичъ. Онъ обратилъ голову ко входной двери. привѣтливо улыбался и легкимъ покачиваніемъ головы точно говорилъ вошедшимъ:

— Подойдите, подойдите.

Онъ не сдѣлалъ ни одного движенія имъ навстрѣчу, но протянулъ князю обѣ руки сразу, какъ протягиваютъ только друзьямъ дома, а отнюдь не молодымъ людямъ, дослужившимся только до „статскаго“. Князь оцѣнилъ это, пожалъ двумя своими холодными съ мороза руками его теплыя руки и, съ почтительной развязностью наклоня голову, проговорилъ:

— Вотъ, ваше высокопревосходительство, позвольте вамъ представить Павла Васильевича Невмятулина о которомъ я уже докладывалъ вамъ; вы позволили его привезти къ вамъ сегодня.

Иванъ Петровичъ повернулся къ Павлу Васильевичу и, внимательно его окинувъ взглядомъ съ головы до ногъ, перевелъ глаза съ кончиковъ густо наваксенныхъ сапоговъ на его широкій блестящій лобъ.

— Очень радъ, негромко, почти шопотомъ сказалъ онъ и подалъ ему правую руку, — не одинъ палець, а всю кисть, виѣстъ съ обручальнымъ кольцомъ. Пожалъ онъ руку гостя

очень слабо, такъ-что тому показалось, будто къ нему приложили клочокъ ваты, и пошелъ неторопливыми шагами къ самому большому столу, гдѣ стояла высокая серебряная чернильница и необыкновенно изящный телефонъ, которыми, очевидно, телефонная компанія очень хотѣла угодить Ивану Петровичу.

— Присядьте, господа! прошепталъ онъ, садясь въ сафьянное кресло и дѣлая неопредѣленный знакъ рукой, какъ-бы предоставляя выбирать имъ любое мѣсто въ мирѣ для сидѣнія. — Ну, какъ вы, князь, вчера веселились?

Онъ вынулъ портъ-сигаръ и протянулъ его сперва Павлу Васильевичу, потомъ князю. Павелъ Васильевичъ почти никогда не курилъ, но счелъ неудобнымъ отказываться и неловко вытащилъ изъ-подъ резиновой тесемочки папироску.

— Очень было оживленно, отвѣтилъ князь, говоря вѣроятно о какомъ-то вечерѣ, бывшемъ наканунѣ.

— Тамъ была Анна Федоровна, перебилъ его Иванъ Петровичъ, и Невмятулинъ догадался, что онъ говоритъ про свою жену. — Рассказываетъ она, что была скука. Ждали почему-то къ двѣнадцати часамъ принцессу. Но вѣдь это все ихъ фантазіи: съ какой стати къ нимъ принцесса поѣдетъ! Ну, къ ужину хозяева и раскисли.

Видимо, Иванъ Петровичъ не любилъ тѣхъ лицъ, о комъ они говорили, и при каждомъ удобномъ случаѣ это подчеркивалъ.

— Я къ часу былъ уже дома, заговорилъ князь.— Приѣхалъ, потолкался, поговорилъ со своими и уѣхалъ. Я занимался до пяти часовъ завтрашнимъ докладомъ.

Невмятулинъ не зналъ, какъ дотянуться до спичечницы, которая стояла далеко отъ него, и сидѣлъ съ незакуренной папирсой.

А вы служить у насъ хотите? совершенно неожиданно спросилъ Иванъ Петровичъ, смотря на его папирсу.

Невмятулинъ качнулся въ своемъ креслѣ, и ему показалось, что онъ сдѣлалъ это движеніе какъ-то скверно, подхалимнически, съ униженіемъ человѣческаго достоинства.

— Да, я желалъ-бы...—сказалъ онъ, и вдругъ услышалъ, точно со стороны, что голосъ его изъ басоваго сталъ тоненькимъ, какимъ-то младенческимъ и безпомощнымъ.

— А вы гдѣ учились? спросилъ Иванъ Петровичъ, слегка поднимая голову, словно издали обняхивая новаго чиновника.

— Я—университетскій, стараясь опуститься на болѣе низкія ноты, отвѣтилъ онъ.

— А гдѣ вы служили?

— Павелъ Васильевичъ былъ преподавателемъ, сказалъ князь:—я докладывалъ ва-

шему высокопревосходительству, что онъ принужденъ былъ оставить учительскую дѣятельность, и докладывалъ о причинахъ — почему. Затѣмъ Павелъ Васильевичъ занимался лѣтъ десять литературой, составилъ себѣ имя, — но теперь я уговорилъ его снова поступить на службу, и именно къ намъ. Намъ нужны энергичные, смѣлые дѣятели, именно такіе, какъ онъ. Такъ-какъ у насъ есть теперь вакансія, то я и являюсь за него ходатаемъ.

— У насъ работы много, сказалъ Иванъ Петровичъ. — Мы ночи сидимъ напролетъ.

— Мнѣ къ этому не привыкать-стать, ваше высокопревосходительство, опустившись на свои басы, отвѣтилъ Невмятулинъ. — Я вѣдь — ломовикъ. Коли дѣло интересное — ужь будьте покойны, не осрамлю себя. А насчетъ работы — такъ вѣдь я по восемнадцати часовъ въ сутки занимался.

— Ну, и чудесно, сказалъ Иванъ Петровичъ. — Попробуйте, послужите. Присмотритесь къ работѣ, какъ вамъ понравится. Мы къ вамъ присмотримся, вы — къ намъ. Не подойдемъ — что-жь дѣлать — разстанемся. А подойдемъ — тѣмъ лучше.

Невмятулинъ хотѣлъ сказать, что отчего-же онъ не подойдетъ, чѣмъ онъ хуже всѣхъ другихъ чиновниковъ. Но только-что онъ о

крыль ротъ, какъ Иванъ Петровичъ опять обратился къ князю.

— Вы слышали о новомъ лѣченіи чахотки?

Князь встрепенулся.

— Нѣтъ.

— Абсолютнымъ покоемъ. Понимаете, абсолютнымъ покоемъ. Больной недвижимъ остается все время... Мнѣ вчера рассказывалъ Шпакъ. И результаты удивительные...

— У вашего высокопревосходительства есть чахоточные родные? вдругъ полюбопытствовалъ Павелъ Васильевичъ, очевидно изъ желанія показаться свѣтскимъ человѣкомъ.

Иванъ Петровичъ не выразилъ никакого удивленія, но сказалъ, что у него не только родственниковъ, но даже знакомыхъ нѣтъ въ этомъ недугѣ.

— Вы подайте прошеніе, прибавилъ онъ.— Прямо отдайте швейцару. Пришлите даже по почтѣ. Лично не надо, а по почтѣ.

Онъ сдѣлалъ движеніе встать. Павелъ Васильевичъ догадался и приподнялся съ мѣста.

— Очень радъ, что у насъ будутъ служить литераторы, сказалъ Иванъ Петровичъ, и даже сдѣлалъ два шага, какъ-будто собирается проводить гостя до двери.

Въ это время противоположная дверь кабинета отворилась, и шелестя шолковыми юбка-

ми, вошла еще нестарая, сухая, породистая женщина съ черными умными глазами и блестящимъ наборомъ выпуклыхъ зубовъ.

— Милый князь! воскликнула она.— Отчего я васъ вчера не видѣла на вечерѣ?

— Я былъ, весело отозвался князь, прикладываясь къ ея рукѣ съ такимъ видомъ, точно это ему доставляло истинное удовольствіе.

Она поглядѣла на Невмятулина, тотъ поклонился.

— Пойдемте ко мнѣ, сказала она князю, продввая руку подъ его локоть.— Сегодня у насъ чай съ просвирами. Знаете для разнообразія.

И она порывистымъ, стихійнымъ движеніемъ повлекла его къ двери.

— До свиданія, очень радъ, строго сказалъ Иванъ Петровичъ, хмурия брови по направлению Невмятулина.

Тотъ поклонился еще разъ, ударился локтемъ о вызолоченную массивную ручку замка, неловко отворилъ ее и вышелъ, тяжело вдыхая воздухъ. Курьеръ поглядѣлъ на него вопросительно, желая угадать, какого сорта этотъ новый посѣтитель, но отворилъ ему на всякій случай дверь и даже поклонился.

— А папираса такъ и осталась незакурена-

ной въ углу на столѣ, вспомнилъ онъ, уже спускаясь по лѣстницѣ въ швейцарскую. — Впрочемъ, чортъ съ ней: очень надо!

III.

Анна Ѳедоровна увлекала князя по паркету все дальше черезъ залу и гостиную, въ небольшой японскій будуарчикъ, привезенный ей въ подарокъ изъ Нагасаки какимъ-то капитаномъ 1-го ранга, чувствовавшимъ, что его рангъ всецѣло исходитъ изъ ручекъ Анны Ѳедоровны, сумѣвшей, когда было нужно, написать нѣсколько записочекъ власть имѣющимъ лицамъ. Здѣсь, подъ прикрытіемъ легкихъ ширмочекъ, по которымъ летали длинноногіе аисты, красивая, высокая дѣвушка съ вьющимися по плечамъ волосами опускала щипчиками куски сахара въ маленькія плоскія чашки съ дымящимся благоуханнымъ чаемъ. Тутъ-же, въ серебряной корзиночкѣ, неимѣющей никакого отношенія къ Японіи, лежало нѣсколько неосвященныхъ просвиръ, замѣнявшихъ на сегодня, ради разнообразія, англійскія печенія, ежедневно подававшіяся къ чаю.

— Сегодня мы завтракали въ половинѣ двѣнадцатаго, говорила Анна Ѳедоровна. —

потому-что Иванъ Петровичъ куда-то ѣдетъ. Онъ не можетъ и праздника провести безъ за-сѣданій. А у меня сегодня пріемный день, и потому чай все время, какъ на постоя-ломъ дворѣ. Мери, вели подать чашку для князя. Садитесь, князь. Какова вчера была скука?

Она блеснула своими ослѣпительными зу-бами и сѣла на свое любимое кресло, — ма-ленькое и неудобное, но почему-то пользовав-шееся особенной ея благосклонностью.

Мери пожала руку князя и подавила пу-говку звонка.

— Я не нахожу, что было скучно, замѣтилъ князь. — Я уѣхалъ тотчасъ-же домой и не ску-чалъ.

— Нѣтъ, мнѣ восхитительную исторію вчера рассказывали, оживленно перебивая сама себя, заговорила Анна Федоровна. — Опять появил-ся—это уже въ третій или четвертый разъ— старецъ Авксентій. Пріѣхалъ прямо изъ Іеру-салима и утверждаетъ, что отъ Одессы пѣш-комъ шолъ сюда цѣлыхъ два мѣсяца. Конечно. лжетъ—потому-что его даромъ провезли въ ва-гонахъ. Ну, и, конечно, явился къ madame Бухе—она вѣдь ревнительница православія и поэтому не ѣздитъ на спиритическіе сеансы. Въ доказательство, что шолъ пѣшкомъ, пока-зываетъ отмороженные пальцы на ногахъ, и

madame Бухе на нихъ смотритъ, — она вѣдь ужась что себѣ позволяетъ, хотя и совсѣмъ близорука. Разказываетъ онъ, что всю заутреню простоялъ съ пальмовою вѣткой у Гроба Господня, и отъ вѣтки шло сіяніе, и теперь она еще по ночамъ свѣтится. Madame Бухе говоритъ: „продайте, мнѣ старецъ, эту вѣтку“. Онъ говоритъ: тысячу рублей. Два дня торговались, наконецъ за триста рублей онъ ее приносятъ. Поставили ее въ уголь, но она не свѣтится. Приходитъ самъ Бухе, посмотрѣлъ и говоритъ: „Да вѣдь она металлическая, такая какъ на гробъ кладутъ“. Человѣкъ онъ, вы знаете крутой, сейчасъ поѣхалъ жаловаться. Старца въ полицію. А онъ, можете себѣ представить, говоритъ: „Купилъ я эту вѣтку у турка и заплатилъ меджидіе, просилъ чтобы далъ попрочнѣе, — а изъ чего должны быть эти вѣтки—это до меня не касается; а если, говоритъ, она не свѣтится, то значитъ въ дождь есть грѣшникъ“. Такъ его и отпустили.

Она громко засмѣялась и вызывающе посмотрѣла на князя.

— Да, это курьезно, сказалъ онъ и сдѣлалъ видъ, что ему очень нравится анекдотъ.

— Мери теперь серьезно занимается живописью, продолжала Анна Федоровна.— Мясниковъ ей даетъ уроки. Она премило нарисовала

голубей на крышѣ при закатѣ солнца. Покажи Мери, свой этюдъ.

— Это никому не интересно, тамап, съ гримаской отвѣтила она, однако встала и пошла.

— Она мила, послѣ того какъ обрѣзала волосы, продолжала Анна Федоровна.— Она напоминаетъ теперь англійскій кипсекъ. Она похожа на ангела, заслушавшагося соловья. Но талантъ у нея несомнѣнный въ живописи. Она чувствуетъ воздухъ, а это, вы знаете, какая рѣдкость даже среди профессионаловъ.

Мери вернулась съ небольшой доской, на которой изображено было болото съ сѣрыми тучами.

— Правда, мило? не унималась Анна Федоровна.— Только отчего такая печальная природа? Что-то чухонское, что-то напоминающее тундры Сибири.

— Но тутъ есть задушевность тамап, возразила Мери, переходя на русскій языкъ.

Князь поднялъ на нее глаза. Она стояла передъ нимъ увѣренно и просто, смотря ему прямо въ глаза небольшими карими глазами. Лицо ея, нервное и блѣдное, казалось прозрачнымъ, губы были сжаты, но выказывали темпераментъ своей припухлостью и маленькимъ пушкомъ надъ углами рта. Концы ея волосъ завивались, или были завиты, и шелковистыми кольцами лежали по плечамъ. Въ самомъ дѣлѣ, она была похожа на кипсекъ.

— Я плохо понимаю, но это, кажется, очень хорошо, сказалъ князь, переводя глаза на картину.— Именно здѣсь есть задупешность.

— Правда? оживленно подхватила дѣвушка.— Матап говоритъ, чтобы я скопировала Капри, что у насъ виситъ въ гостиной. Но я не была въ Неаполѣ, и не знаю, такіе ли тамъ тона, какъ ихъ нишетъ Айвазовскій. А здѣсь, нашу Финляндію я знаю какъ свои пять пальцевъ, семь лѣтъ ужъ мы тамъ живемъ.

— Ненавистная страна! воскликнула матап. — Не выношу этихъ Вейнемейненовъ, и объявила Ивану Петровичу, что больше не поѣду туда. Этого сѣренькій колоритъ самаго послѣдняго декадентскаго пошиба. Точно запылили все вокругъ и нельзя очистить. Сѣверомъ могутъ увлекаться только эксцентрики, а я не эксцентрикъ, и предоставляю это Мери и Ивану Петровичу.

— А я развѣ эксцентрикъ? спросила Мери.

— Ну, конечно. Ты эксцентрично смотришь на себя, на людей, на природу. Да ничего, это очень интересно. Я убѣждена, что изъ-за тебя нѣсколько человекъ застрѣлятся.

Князь одобрительно усмѣхнулся.

— А вотъ кстати: спросите, зачѣмъ у нея всегда лежитъ въ столѣ заряженный револьверъ? Развѣ это не эксцентрично? Держать въ

казенной квартирѣ, въ зданіи министерства, оружіе, точно мы гдѣ-нибудь въ Индіи, во время возстанія сипаевъ.

— А зачѣмъ-же вы это рассказываете всѣмъ, шатап? спросила дѣвушка.

— А чтобы тобою интересовались. Я люблю, когда интересуются тѣмъ, что у меня въ домѣ. Когда въ первомъ актѣ французской пьесы говорятъ, что у дѣвушки есть револьверъ, публика начинаетъ интересоваться: или она застрѣлится, или кого-нибудь застрѣлитъ. А это очень интересно.

Мери перевела глаза на князя.

— Князь, интересно будетъ, если я застрѣлюсь?

— Я-бы предпочелъ, чтобы вы кого-нибудь застрѣлили, сказалъ онъ, одобрительно глядя на нее.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, перебила Анна Федоровна, — пожалуйста даже не говорите объ этихъ ужасахъ. Убіиства и самоубіиства хороши только на сценѣ. У Шекспира принято за правило, чтобы непременно всѣ дѣйствующія лица перемерли, а потомъ входитъ какой-нибудь принцъ и говоритъ: „Здѣсь смерть охотилась и на кровавый пиръ набила грудь дичи!“ Въ самоѣ дѣлѣ, я читала „Гамлета“ въ подлинникѣ, тамъ именно такъ написано. А въ жизни это отвратительно. Я видѣла разъ

на поѣздѣ чловѣка съ размозженнымъ черепомъ, и я знаю, какая это картина. Онъ лежалъ въ снѣгу, а отъ крови шолъ паръ, и снѣгъ кругомъ таялъ, и дѣлался желтымъ. Жена надъ нимъ плакала, пассажиры собирали ей деньги. И онъ потомъ живъ былъ около недѣли. Въ этихъ случаяхъ ужасна именно не моментальная смерть, а тѣ страданія, которыя мучительнѣе ближнимъ, чѣмъ ему самому.

IV.

Въ дверяхъ показался лакей съ степеннымъ видомъ начальника отдѣленія, и доложилъ:

— Онуфрій Захаровичъ Вобловъ.

Анна Ѳедоровна кивнула утвердительно головой и, понизивъ голосъ, сказала князю:

— Вобловъ—развѣ это не прелесть! Такъ и отзываетъ Астраханью и рыбными промыслами. Впрочемъ, онъ лѣсопромышленникъ.

Вошолъ сухой, длинный старикъ съ сѣдѣющею бородой и острымъ взглядомъ глазъ подъ нависшими, но добродушными бровями. Онъ былъ въ сюртукѣ, сшитомъ съ достоинствомъ и строгостью лондонскаго портного, но повисшемъ складками на похудѣвшемъ корпусѣ. На шеѣ у него былъ орденъ, еле виднѣвшійся изъ-подъ густой бороды.

— Здравствуйте, Онуфрій Захаровичъ, здравствуйте, милый!— живо заговорила хозяйка, стараясь быть совсѣмъ простой, и дѣлая движеніе въ своемъ креслѣ навстрѣчу вошедшему.—Очень рада васъ видѣть.

Она поцѣловала блестящій, сухой лобъ старика съ синими, надувшимися височными жилами, и назвала князя.

— Садитесь, Онуфрій Захаровичъ, продолжала она.—Я такъ жалѣла, что вы меня не застали на-дняхъ.

— Я имѣлъ честь заѣзжать къ вамъ, неторопливо, дребезжащимъ голосомъ заговорилъ онъ,—по дѣлу ночлежныхъ пріютовъ. Къ сожалѣнію, не засталъ, но дѣло терпитъ.

— Что-же, рѣшили совсѣмъ переселиться сюда, Онуфрій Захаровичъ?

— Да, придется совсѣмъ, сказалъ онъ и добродушно вздохнулъ.—Хотя, откровенно признаться, не люблю Петербурга.

— Что такъ? ласково отозвалась хозяйка.

— Чиновниковъ много, офиціальность заѣла,—просто отвѣтилъ онъ.—У насъ, на югѣ, покойнѣе. Да и въ Москвѣ какъ-то больше себя дома чувствуешь. А здѣсь, извините, точно все время подъ надзоромъ состоишь. Давленіе такое.

— И Иванъ Петровичъ оказываетъ на васъ такое-же давленіе? не безъ лукавства спросила она.

— Иванъ Петровичъ что-съ! За Ивана

Петровича каждодневно молитвы творить надо. Иванъ Петровичъ нашъ заступникъ и ходатай въ комитетѣ. Кабы всѣ были Иванами Петровичами, дышать легко было-бы.

— Когда-же вы совсѣмъ къ намъ?

— Да я ужъ совсѣмъ и теперь. Домикъ присмотрѣлъ — особнячокъ небольшой, — все-таки своимъ домкомъ легче; не привыкъ я, знаете, съ разными жильцами въ одномъ домѣ жить. Съ издѣтства такъ. У отца отдѣльная хатка была. А потомъ во всѣхъ городахъ, гдѣ жить доводилось, домиками обзаводились. Ну, и здѣсь тоже. Особнячокъ въ Сергіевскомъ приходѣ присмотрѣлъ.

Анна Федоровна обратилась къ князю.

— У Онуфрія Захаровича теперь большія дѣла съ бельгійской компаніей, сказала она. — Онуфрій Захаровичъ вѣдь ужасно богатъ. Вы не можете себѣ представить, какое состояніе у него. Да я думаю, вы сами, Онуфрій Захаровичъ, не знаете?

Вобловъ поднялъ брови и посмотрѣлъ на потолокъ.

— Наше дѣло такое—какъ вѣсы—знаете, то на одну сторону, то на другую. Я во многихъ компаніяхъ состою. И по лѣсному сплаву, и по конямъ,—шахты у меня,—и по розсыпямъ тоже, и по рыбному промыслу. Зовутъ, нельзя не итти.

Онъ дрябло засмѣялся.

— Изволите знать, есть такая оперетка „Маскотта?“ Такъ вотъ меня Маскоттой зовутъ. Говорятъ, какъ талисманъ, — куда приду, тамъ и повезетъ. Все дѣлю въ счастіи, ваше высокопревосходительство.

— Ну, да вѣдь и энергіи у васъ!

— Работать люблю. Не могу-съ не работать. Привыкъ. Съ шести часовъ на ногахъ, — будни, праздникъ — все одно. А потомъ, повторяю-съ: счастье. Много есть на свѣтѣ народа и умнѣ меня, и съ характеромъ, а не везетъ. А мнѣ пошла линія такая. Я и держусь ея строго. У меня, извините, жена до сихъ поръ по утрамъ на рынокъ ѣздитъ. Сама смотритъ за коровьимъ удоємъ. Да и я-съ тоже. Вотъ шестьдесятъ-пять лѣтъ мнѣ, — а то въ Лондонъ требуютъ, то въ Брюссель, — и вездѣ свои конторы и отдѣленія есть.

— Вы, кажется, языковъ не знаете, Онуфрій Захаровичъ? осторожно замѣтила хозяйка.

— Кромѣ православнаго никакого-съ. Да обхожусь. Жена у меня, обучена и по-англійски, и по-нѣмецки, — такъ корреспонденцію провѣряетъ. Да это все неважно-съ. Дѣло не въ этомъ. Языки мнѣ не довелось знать — учень я по букварю, и никогда къ чтеніямъ особливо охочъ не былъ. Такъ-съ и остался сърымъ мужикомъ.

— И дѣтокъ нѣтъ, Онуфрій Захаровичъ?

— Не благословилъ Господь.

Его лицо точно потемнѣло, онъ потупился.

— Скажите, Онуфрій Захаровичъ, заговорилъ князь,—но вѣдь у васъ есть родственники?

Онъ вскинулъ на него глаза.

— Мало, ваше сіятельство,—и все пустые люди. И у жены никого нѣтъ, я ее сиротой дворяночкой взялъ.

Князь хотѣлъ спросить кому-же пойдутъ послѣ смерти всѣ его милліоны, да удержался, Вобловъ точно понялъ его мысль.

— Я и капитала наживать не хотѣлъ-сь,—чего копить! Лишь-бы прожить. А онъ самъ какъ-то пришелъ.

— А вы раздайте его, вдругъ сказала Мери. Онъ неторопливо повернулся къ ней.

— Кому прикажете? серьезно спросилъ онъ.

— Тому, у кого нѣтъ,—отвѣтила она.

Онъ задумчиво посмотрѣлъ въ полъ.

— Это очень трудно-сь, проговорилъ онъ.— То-есть отдать-то легко и не жалко, а трудно сообразить, чтѣ изъ этого выйдетъ.

— Выйдетъ то, что бѣдные будутъ накормлены.

— Да бѣдныхъ-то мы кормимъ. У меня на пристаняхъ до двадцати тысячъ бѣдныхъ лѣтомъ работаетъ. Въ горячее время по рублю въ день платимъ. Бываетъ, что и по два.

— Платите имъ вдвое больше.

— Зачѣмъ-съ? Тогда они черезъ день ходить стануть. — Нѣтъ, ваше высокопревосходительство...

— Я не „ваше высокопревосходительство“ — мой отецъ былъ полковникъ, замѣтила неожиданно Мери, — я племянница Анны Ѳедоровны. а только зову ее татапа.

— Извините, я полагалъ, что вы дочка ея высокопревосходительства, — точно нѣсколько сконфузившись, сказалъ онъ, и бочкомъ взглянувъ на Анну Ѳедоровну, опять обратился къ Мери. — Я, сударыня, готовъ отдать все, что могу-съ, если буду увѣренъ, что выйдетъ отъ этого кому польза. Вотъ ея высокопревосходительство вовлекли меня въ дѣло ночлежныхъ пріютовъ, и я знаю, что въ холерное время ночлежный пріютъ — дѣло хорошее, особливо, коли при немъ доктора да аптечку держать. Тутъ и разсуждать нечего. Готовъ на себя не одинъ, а хоть два дома такихъ взять, и выстроить, и обезпечить. Но невозможно-жъ всю Россію въ ночлежный домъ обратить.

У Мери лицо разгорѣлось.

— А школы? А пріюты? Да вашихъ денегъ не хватитъ на то, чтобъ вездѣ ихъ завести.

— И не надо-съ, спокойно сказалъ онъ.

— Какъ? Школь не надо?

— Ёсть людямъ нечего. До ученья-ли?

— А вотъ будутъ учиться—и урожай пойдутъ, сказалъ князь.

Вобловъ посмотрѣлъ на него, но ничего не отвѣтилъ. Лицо его, несмотря на видимое добродушіе, было устало и измучено. Жизнь рѣзко, какъ стекой по глибѣ, провела глубокія морщины на его щекахъ и на лбу. Его жилистыя руки съ глянцовитыми костяшками были покрыты мелкими поперечными морщинками. Затылокъ былъ выгнутый, круто вдававшійся подъ черепъ, и волосъ на немъ росло мало. Острые углы висковъ выдавались рѣзко, точно кость не мягко была выгнута, а сломана въ перегибъ,—и такъ, моль, хорошо будетъ.

— Вамъ обстановку надо заводить? спросила Анна Ѳедоровна, чтобъ измѣнить разговоръ.—Это такъ скучно.

— Нѣтъ-съ, я ужь совсѣмъ готовый домикъ беру: даже съ кухонной посудой. Все это, знаете, присноровлено окончательно: люстры, амбиръ, каминны съ яшмой, въ стѣнахъ картины вдѣланы. А мнѣ-то, собственно, ничего не надо:—желѣзную койку да кіотъ съ образами. Да и супругъ мой тоже это безразлично. Ну, а такъ-какъ бельгійцы заѣзжать ко мнѣ будутъ, такъ вотъ и есть на этотъ случай танцевальный залъ съ аркой—золотымъ штофомъ обитый.

Онъ засмѣялся.

— Представительство, знаете, необходимо въ нашемъ дѣлѣ, ваше высокопревосходительство. Сами мы этими хоромами не дорожимъ и жить будемъ въ трехъ комнатахъ. Къ своимъ подушкамъ я привыкъ, на нихъ только спать могу,—а остальное, можно сказать, вполне мнѣ безразлично.

Князь смотрѣлъ на него и думалъ:

„Вѣдь достаются-же мужлану такія деньги! Какой-то славъ лѣсовъ, копи. Можетъ, онъ и хорошій человѣкъ, но все-таки свинья съ деньгами“.

Онъ посмотрѣлъ на длинныя, плоскія ступни Воблова. Онѣ стояли прижатыя другъ къ другу, какъ у египетскихъ статуй. Подъ тонкой кожей сапогъ видны были круглыя большіе пальцы, вызывавшіе въ князѣ гадливое чувство.

— Вотъ, ваше высокопревосходительство, позвольте...—говорилъ между тѣмъ Вобловъ, вытаскивая изъ бокового кармана пакетъ.—Вы изволили сказать, что ночлежные пріюты...

Анна Федоровна быстро приподнялась.

— Пойдемте ко мнѣ, сказала она.—Мнѣ надо будетъ выдать росписку. Мери, ты займешь князя?

Она протянула руку по направленію Воблова, приглашая его этимъ движеніемъ слѣдовать за собой, и пошла, шелестя платьемъ и волоча маленькій трэнъ по пестрому коврау.

V.

Мери спросила князя, не хочетъ-ли онъ чаю. Онъ поблагодарилъ и отказался. Ему было пріятно остаться съ ней глазъ на глазъ. Она интересовала его; какое-то особенное острое ощущение онъ испытывалъ всякій разъ, когда она близко подходила къ нему. Она ему нравилась тонкимъ, властнымъ профилемъ, миндалевидной формой глазъ, чистымъ спокойнымъ лбомъ и этими маленькими пухлыми губками. Ея рука, всегда теплая, была бархатиста и упруга. Маленькія, породистыя уши круглились нѣжно, какъ завитки цвѣтка. Онъ не любилъ, когда дѣвушки стриглись,—но и короткіе ея волосы нравились ему и придавали ей какую-то силу характера.

Онъ зналъ, что у нея характеръ сильный. Это чувствовалось въ томъ складѣ бровей, который обличалъ, что она умѣетъ думать. Иногда въ нихъ свѣтилось какъ-будто что-то недоброе, что-то такое, что можно подмѣтить въ глазахъ ястреба, запертаго въ клетку. Когда сегодня заговорили о револьверѣ, князю показалось, что Мери скорѣе способна убить другого, чѣмъ застрѣлиться сама.

Въ обществѣ рассказывали о какомъ-то романѣ, который былъ три года тому назадъ, и

героиней котораго была Мери. Въ нее влюбился молодой человекъ, сдѣлавъ ей предложеніе. Она отказала ему. Онъ пошелъ въ монахи, или сдѣлался сельскимъ священникомъ, — что-то такое, по словамъ рассказчиковъ, совсѣмъ романическое и неестественное. Въ городѣ говорили, что Иванъ Петровичъ даетъ за ней большое приданое. Но у Ивана Петровича едва-ли могло быть состояніе, такъ-какъ онъ былъ изъ выслужившихся университетскихъ. Да и Анна Федоровна была женщина нестарая, такъ-что едва-ли согласилась-бы на крупную выдачу въ пользу племянницы. И при всемъ томъ князь былъ-бы не прочь жениться на Мери. Что такое женитьба? Обреченіе себя на совѣстную жизнь съ женщиной, которая, быть можетъ, окажется хорошимъ другомъ, а быть можетъ — и скорѣе всего — очень плохимъ. Въ Мери есть что-то уравновѣшенное, спокойное. Она не будетъ носиться съ пеленками, и плакать, когда мужъ засидится въ клубѣ. Но зато она будетъ смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза: не продастъ и не выдастъ. Съ нею можно быть увѣреннымъ.

— Вы увлекаетесь живописью? спросилъ онъ.

Она отрицательно качнула головой.

— Увлекаюсь? Нѣтъ. Но люблю. Я люблю ее больше музыки. Музыка меня разстраиваетъ, живопись — успокаиваетъ. Мои нервы слиш-

комъ воспріимчивы для музыки. Самый легкій ноктюрнъ Шопена поднимаетъ мои нервы до боли. Я поэтому не ѣзжу въ оперу. А живописью я занялась потому, что нельзя ничего не дѣлать. Я не могу жить такъ, какъ всѣ живутъ. Я смѣясь просила дядю, чтобы онъ позволилъ мнѣ служить въ его министерствѣ, но онъ, разумѣется, не позволяетъ. Ну, вотъ я и взялась за палитру. Конечно, изъ меня ничего не выйдетъ.

— Почему знать! сказалъ князь.

Она сдвинула брови и отвернулась.

— Ну, конечно, ничего не выйдетъ, повторила она, теребя кисть отъ кресла.—Вѣдь изъ женщинъ никогда ничего путнаго не выходило ни на какомъ поприщѣ, кромѣ сцены. Да и то, говорятъ, въ средніе вѣка ихъ съ успѣхомъ замѣняли мальчики. Я работаю,—продолжала она, точно подавляя внутреннюю боль,—чтобы забыться, чтобы хоть чѣмъ-нибудь наполнить время. А времени этого много, очень много. Не знаешь, что съ нимъ дѣлать, куда дѣвать. День, ночь, опять день, опять ночь; завтракъ, обѣдъ, приѣмы, катанья;—и годъ, и два, и вотъ скоро три...

— Выйдете замужъ, найдутся интересы, неожиданно проговорилъ князь.

Она взглянула на него и ничего не отвѣтила.

„Что значить этотъ взглядъ? подумаль онъ.—Упрекъ? Нѣтъ! Недоумѣніе? Тоже нѣтъ. Неужели вопросъ:—отчего-же ты не дѣлаешь предложенія?“

Она сидѣла въ небрежной позѣ, откинувшись на спинку кресла, и все поигрывая кистью. Она еще болѣе показалась ему похожей на англичанку своей непринужденностью и спокойствіемъ.

„Сказать ей сейчасъ: я люблю васъ, если вы согласны выйти за меня замужъ—я буду счастливъ? думаль онъ,—или подождать?“

Въ это время она взглянула на него и встала съ кресла.

— Васъ папал не звала сегодня къ намъ въ ложу? спросила она.—Нѣтъ? Значить, она забыла. Она васъ позоветъ. Вы будете?

— Да, сказалъ онъ, глядя на нее снизу вверхъ.

Онъ чувствовалъ, что надо что-то договорить, что осталось между ними недоговореннымъ, и что это очень важно для нихъ обоихъ. Если онъ скажетъ,—пройдетъ то мучительное состояніе, въ которомъ онъ чувствуетъ себя послѣдній мѣсяць. И, быть можетъ, та пустота, о которой она сейчасъ говорила, наполнится,—вдругъ все измѣнится и будетъ казаться совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. И онъ рѣшился.

— Марія Валентиновна, началъ онъ:— я долженъ вамъ сказать очень важную вещь.

Она остановила его легкимъ жестомъ.

— Нѣтъ, — сдвигая брови, проговорила она.

Онъ тоже всталъ съ кресла.

— Нѣтъ? Почему-же нѣтъ? упавшимъ голосомъ спросилъ онъ и почувствовалъ, какъ все желтѣетъ вокругъ него.

Она ласково протянула ему руку.

— Вы въ театрѣ будете, да? спросила она, сжимая похолодѣвшей рукой его пальцы.— Пріѣзжайте непременно.

Она скользнула изъ комнаты въ кабинетъ тетки.

Онъ растерянно стоялъ на томъ-же мѣстѣ.

— Вы одни? Вотъ это мило! раздался голосъ Анны Ѳедоровны.— Гдѣ-же Мери? До свиданіе monsieur...

Она уже забыла, какъ зовутъ Воблова, и потому съ особеннымъ вниманіемъ прикоснулась къ его лбу губами.

— Я ждалъ только васъ проститься, сказалъ князь, выжидая, что она его пригласитъ въ ложу. Но она и не думала его приглашать.

— До свиданія, дорогой князь, говорила она,— до скорого, надѣюсь?

И она еще разъ протянула руку Воблову.

— Прикажете подвезти? спросилъ Вобловъ

у князя, спускаясь по лѣстницѣ,—ежели по дорогѣ вамъ?

— Нѣтъ, спасибо, я пѣшкомъ, сказалъ князь и, пріостановившись, спросилъ, нагнувшись черезъ перила, у швейцара:

— Перенесли съ того подѣзда сюда мою шинель?

Онъ думалъ, что департаментскому швейцару не сказано, чтобы онъ прислалъ его платье на боковой подѣздъ, но лакей безъ него распорядился. Ему это было непріятно. Онъ надѣялся вернуться наверхъ и такимъ образомъ протянуть нѣсколько минутъ, въ надеждѣ, что его позовутъ. Онъ медленно сталъ спускаться внизъ, сошелъ, очень долго доставалъ портмонэ, чтобы дать швейцару, потомъ не торопясь надѣвалъ перчатки. Швейцаръ уже взялся за ручку двери, когда занявшійся голосъ лакея донесся съ лѣстницы:

— Ваше сіятельство! Ихъ высокопревосходительство просятъ васъ къ нимъ на минутку.

— Князь, раздался голосъ сверху,—не раздѣвайтесь,—я вамъ отсюда скажу.

Онъ подошелъ къ периламъ и увидѣлъ между бѣлыми колоннами наверху гибкую, упругую фигуру Анны Ѳедоровны.

— У меня ужасная разсѣянность, говорила она.— Не пріѣдете-ли вечеромъ къ намъ въ ложу? Только въ русскій драматическій театръ.

Представьте, какое удивительное событие: мы — в русском драматическом театре! Идет эта пьеса, которая надѣлала шума за-границей: какіе-то „Камыши“, или „Тростники“ — не помню...

— Непремѣнно, очень благодаренъ! весело откликнулся онъ и, во второй разъ накинувъ на плечи шинель, весело вышелъ на тротуаръ.

VI.

— Куда мнѣ надо? вспомнилъ онъ. — Да, въ редакцію. Тамъ собираются къ двумъ, и я всёхъ увижу.

Онъ шелъ въ редакцію дать туда кой-какія свѣдѣнія и провести кой-какіе вопросы по послѣднимъ мѣропріятіямъ ихъ министерства. Дѣлалось это съ согласія Ивана Петровича. Онъ самъ даже иногда редактировалъ эти замѣтки, признавая ихъ для себя очень важными. Въ будни князю было некогда заходить днемъ въ редакцію, а въ праздники сотрудники всегда собирались въ третьемъ часу, и онъ въ это время могъ застать самаго издателя.

— Что такое Мери? думалъ онъ, шагая по скрипѣвшему отъ краснаго песку тротуару. — Что значить это „нѣтъ“, и какъ его понять? — Еслибъ „нѣтъ“ значило — не надо.

не хочу, не смѣйте объ этомъ и думать, — то она не звала-бы вечеромъ въ ложу. Значить, мой кошмаръ не прошелъ и будетъ еще Богъ вѣсть сколько времени меня мучить.

Въ редакціи было накурено, и сизый туманъ носился клубами въ воздухѣ. Въ его синеѣ точно плавали геморoidalныя лица сотрудниковъ. На диванѣ сидѣлъ одинъ военный, даже подогнувъ подъ себя ноги, на что съ безпокойствомъ смотрѣлъ издатель, видя, какъ шпора вдавила клеенку и хочетъ ее совсемъ прорвать. Князя знали немногіе, поэтому только издатель да секретарь съ нимъ поздоровались, а всѣ остальные смотрѣли ему въ глаза, но съ мѣста не двигались. Одинъ изъ сидѣвшихъ на диванѣ даже ноги протянулъ на сосѣднее кресло, чтобы вошедшій не вздумалъ сѣсть рядомъ съ нимъ.

Издатель былъ человѣкъ очень услужливый, и казалось, всегда готовъ былъ чѣмъ можно помочь своему сотруднику. Только когда заговаривалъ о деньгахъ, у него лицо начинало выражать тихую грусть. Опытные люди не обращали на это вниманія и продолжали дѣйствовать прямолинейно, покуда не отдавалось приказаніе секретарю выдать требуемую сумму. Издатель всегда отворачивался и не смотрѣлъ на выдачу денегъ, чтобъ не раздражать себя. Но какъ только деньги попадали въ бумаж-

никъ сотрудника, онъ сразу вздыхалъ съ облегченіемъ, точно избавившись отъ тягостной операціи.

Когда вошелъ князь, издатель былъ очень веселъ, онъ слушалъ длиннородаго лысаго господина, который, поддѣлываясь подъ народный жаргонъ, рассказывалъ въ лицахъ, какъ староста разговариваетъ съ земскимъ начальникомъ; при этомъ, говоря за старосту, онъ такъ кричалъ, что артельщикъ, подававшій чай, вздрагивалъ на каждой высокой нотѣ, а изображая земскаго, дѣлалъ бессмысленные глаза и пьяную физиономію.

— Кто это? спросилъ князь тихо издателя.

— А это Логиновъ — извѣстный беллетристъ-народникъ, — шепнулъ издатель. — Превосходный рассказчикъ. Большой популярностью пользуется: три раза въ крѣпости сидѣлъ.

Военный, что упирался шпорами въ клеенку, смотрѣлъ на говорившаго неодобрительно и вдругъ почему-то спросилъ:

— Да вы собственно противъ чего протестуете?

Логиновъ посмотрѣлъ на его поганы и сказалъ:

— Видите, полковникъ, я далъ себѣ слово никогда ни противъ чего не протестовать и поэтому, если вамъ кажется, что я протестую то считайте, что это кажется.

Въ это время изъ дыма нырнулъ Невмятулинъ. Онъ до сихъ поръ сидѣлъ на стулѣ спиной къ князю и писалъ: отъ него виденъ былъ только одинъ жирный затылокъ, подпертый въ складку воротникомъ рубашки. Теперь онъ кончилъ и повернулся къ князю.

— А — а! очень радъ, сказалъ князь, и подымая издателя, сказалъ: — вотъ, рекомендую: новый чиновникъ.

Издатель нѣсколько испугался и повелъ шеей.

— По какому вѣдомству?

Князь назвалъ. Невмятулину какъ-будто стало неловко.

— То-есть я собственно только хочу попробовать служить, пробурчалъ онъ и, чтобы замаять разговоръ, видимо ему непріятный, возвысилъ голосъ: — Господа, послушайте, если угодно, — сказалъ онъ, — потряхивая листомъ бумаги и быстро перебѣгая своими острыми глазками съ одного лица на другой.—Я сдѣлалъ требуемая вами поправки, и теперь проектъ представляется въ такомъ видѣ.

И онъ началъ читать. Рукопись называлась: Проектъ сліянія литераторовъ на почвѣ ежемѣсячныхъ или еженедѣльныхъ собраній, безъ всякаго устава,—просто путемъ взаимнаго общенія. Причина образованія такого сліянія — разрозненность литераторовъ и отсутствіе между ними солидарности. Главное: совѣстное раз-

рѣшеніе вопросовъ: — это самое главное; а то у насъ литераторъ совѣмъ не рѣшаетъ никакихъ вопросовъ, касающихся его дѣятельности. Въ каждомъ цѣхѣ есть свои представители, есть общія собранія, — одни литераторы не интересуются своими правами и обязанностями. Они устраиваютъ похоронныя кассы и фонды для вспомошествованія, но не смотрятъ въ корень: — не заботятся объ этической сторонѣ касты литераторовъ.

— Вы хотите образовать конные патрули для наблюденія за благонадежностью литераторовъ? — прервалъ чтеца беллетристъ-народникъ и посмотрѣлъ на офицера: дескать, смотри, я какой, — и я могу ставить вопросы полные сарказма.

Невмятулинъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

— Отчего вамъ вездѣ чудятся патрули? спросилъ онъ.

— У меня чуткій носъ, отвѣтилъ беллетристъ, — и всегда чуетъ будочника за версту. Продолжайте пожалуйста, — это я такъ, мимоходомъ замѣтилъ.

Невмятулинъ продолжалъ. Онъ говорилъ, что необходимъ товарищескій обмѣнъ мыслей, что необходимо всѣмъ сплотиться, въ виду общаго распадѣнія. Онъ говорилъ, что нуженъ комитетъ, на обязанности котораго лежало-бы раз-

рѣшеніе нѣкоторыхъ недоразумѣній между литераторами. Онъ говорилъ, что не худо-бы завести свой собственный органъ, дабы не быть въ рукахъ издателей-эксплуататоровъ (при этомъ издатель безпокойно началъ сучить ногами). Онъ говорилъ, что надо имѣть не только свой органъ, но свой домъ, ибо даже финляндцы завели собственный домъ для литераторовъ неспособныхъ къ труду...

— Не домъ, а колонію надо, ехидно замѣтилъ народникъ.

— Или дайте мнѣ читать, или говорите вы! вдругъ закричалъ Невмятулинъ, блѣднѣя.

— Ну, тогда позвольте мнѣ, — заговорилъ Логиновъ и всталъ. — Нѣтъ, господа, никакихъ комитетовъ намъ не надо! Къ чорту эти комитеты. Чтò мнѣ комитетъ разъяснять будетъ? Да я самъ этому комитету разъясню лучше его самого любой вопросъ. Я вамъ говорю, вы хотите надъ нами опеки. Мало еще опекъ надъ бѣднымъ русскимъ писателемъ? Еще свою миліцію завести хотите? Да я, первымъ дѣломъ, свободой дорожу, свободой-съ! Если меня мировой вызоветъ и оштрафуетъ на три рубля за то, что у меня болонка безъ намордника гулять вышла, я этому покоряюсь и послѣдніе кровные три рубля отдаю, ибо къ мировому судѣ я никакихъ требованій и не предъявляю. А къ литератору, ужъ извините, — я не могу

къ нему не предъявлять правъ этическихъ, и не позволю ему судить ближнихъ. Пока литераторъ и чистъ былъ тѣмъ, что всегда привлекался къ суду, а не привлекалъ. И если-бы вашъ проектъ прошелъ и были-бы выбраны пркуроры изъ писателей. я-бы въ Австралію уѣхалъ, чтобъ не видѣть этого срама.

Онъ сѣлъ на стулъ. тяжело дыша и отирая потъ съ затылка.

— Да васъ никто и не зоветъ! сказала Невмятулинъ.

— Да, не зоветъ! возразилъ народникъ. — Знаю я вашъ девизъ; кто не съ нами, тотъ противъ насъ. Не поди къ вамъ. такъ начнется травля со всѣхъ сторонъ.

Издатель, видя, что разговоръ принимаетъ непріятный характеръ, поспѣшилъ на выручку.

— Господа, телеграмма, — крикнулъ онъ. — На Рязанской дорогѣ опять разбито тридцать вагоновъ.

— Я въ прошломъ году потерпѣлъ крушеніе на югѣ, заговорилъ военный, высвобождая наконецъ ногу и проводя шпорой черту по клеенкѣ. — Мы выѣхали...

И онъ началъ рассказывать очень скучную исторію.

— Итакъ, господа, возвышая голосъ до хрипоты, заговорилъ Невмятулинъ, — если кто согласенъ на обсужденіе въ принципъ моего про-

екта, — прошу пожаловать для дебатовъ въ ресторанъ, въ какой вы захотите. Конечно, вродѣ „Золотого Якоря“.

— Зачѣмъ-же въ ресторанъ? заволновался издатель, — можно собраться у меня. Помѣщеніе моей газеты всегда къ услугамъ господъ литераторовъ. А потомъ, послѣ засѣданія, если кто захочетъ, можетъ поѣхать ужинать. Я съ своей стороны всегда готовъ предложить скромный чай.

— Собираться у васъ нельзя, сказалъ народникъ.

— Отчего? еще болѣе заволновался онъ и даже руки поднесъ къ головѣ.

— Оттого, что выйдетъ партійно. Надо нейтральное мѣсто. Поэтому кабакъ лучше.

Всѣ согласились, что кабакъ лучше.

Такъ-ли, иначе-ли, но надо сплотиться, — говорилъ Невмятулинъ. — Надо соединиться въ одну...

Онъ остановился, подыскивая слово.

— Банду, — подсказалъ Логиновъ.

— Корпорацию, — поправилъ его Невмятулинъ. — Соединиться и жить общей дружной семьей.

— Да не желаю я общей дружной семьи, закричалъ народникъ. — Я не хочу лобызаться съ вами.

— Одинъ въ полѣ не воинъ! сказалъ ге-

морозидальный секретарь и посмотрѣлся въ тусклое зеркало.

— А я одинъ буду, какъ Донъ-Кихоть, воевать — даже съ вѣтренными мельницами. Буду одинъ, пусть меня сомнетъ и убьетъ, я не отступлюсь и буду гордиться своимъ донъ-кихотствомъ, — огрызнулся народникъ.

VII.

Спорили много и долго. Клубы дыма дѣлались все гуще и синѣе, по мѣрѣ того, какъ надвигались сумерки. Чай дѣлался все болѣе и болѣе жидкимъ, лица дѣлались все сѣрѣе и туманнѣе. Нѣкоторые приходили, нѣкоторые уходили. Князь все сидѣлъ, потому-что хотѣлъ сказать нѣсколько словъ издателю по поводу напечатанной у него статьи о налогахъ, и ему это никакъ не удавалось. Наконецъ, онъ выбралъ удобную минуту, отвелъ его въ уголъ и сталъ горячо доказывать ошибку, сдѣланную редакціей, рѣшившейся на напечатаніе подобной статьи. Онъ доказывалъ горячо и обстоятельно, какъ-будто это дѣло близко касалось его. Издатель совершенно съ нимъ соглашался, крѣпко пожималъ ему руки и говорилъ, что онъ готовъ напечатать опроверженіе хоть въ цѣлую страницу.

Въ шестомъ часу князь вышелъ изъ редак-

ціи. и только на лѣстницѣ понялъ, чѣмъ дышалъ онъ все это время. Невмятулинъ вышелъ вълѣдъ за нимъ и догналъ его у сосѣдняго дома. Князь спросилъ его, куда онъ идетъ, и предложилъ вмѣстѣ пообѣдать. Князь чувствовалъ какое-то безотчетное расположеніе къ Невмятулину. Онъ ему казался такимъ непосредственнымъ человѣкомъ, такимъ далекимъ отъ того общества, въ которомъ онъ самъ вращался. Искренность и честность Невмятулина подкупали его. Онъ искренно хотѣлъ сдѣлать ему что-нибудь хорошее и, узнавъ о его тяжеломъ матеріальномъ положеніи, принялся хлопотать о мѣстѣ у Ивана Петровича. Онъ радъ былъ, что дѣло устроилось, и пригласилъ Невмятулина вмѣстѣ пообѣдать, чтобы поздравить его и выпить за его здоровье.

— Я вѣдь не могу дорого платить, нерѣшительно сказалъ Невмятулинъ.

— Это пустяки! сказалъ князь и предложилъ ему сѣсть на извозчика съ той стороны, съ которой онъ привыкъ.

— Я не люблю петербургскихъ ресторановъ, говорилъ Невмятулинъ, когда они уже сидѣли за маленькимъ столомъ, въ небольшой общей залѣ, увѣшанной картинами.—То-ли дѣло Москва. Залъ въ два свѣта, огромный органъ. половые въ бѣлыхъ рубашкахъ. А ужъ кормятъ какъ...

— Ну, я съ вами не согласенъ, мягко заговорилъ князь, — хорошій обѣдъ скорѣе можно достать въ Петербургъ, чѣмъ въ Москвѣ. Такой французской кухни, какъ здѣсь, Москвѣ не снилось.

Онъ спросилъ шампанскаго еще за бѣлоухомъ, и они чокнулись.

— Всего вамъ хорошаго, сказалъ князь.

— Спасибо, отвѣтилъ Невмятулинъ и пожалъ ему руку. — Эхъ, вотъ я и чиновникомъ сталъ. Думалъ вольной птицей остаться, а жизнь наложила кандалы. Вамъ въ диковину, что я говорю, вы человекъ другого кругозора, другихъ идеаловъ. А мнѣ горько было продать свою личность.

— Вы говорите такъ, сказалъ князь, — точно я свалился съ луны.

— Да почти-что такъ.

Онъ нахмурился и посмотрѣлъ въ сторону.

— Вы родовитый баричъ, а я демократъ, плебей. Вы — чиновникъ, а я — писатель. Намъ трудно понять другъ друга.

Князя это задѣло за-живое, онъ положилъ локти на столъ и внимательно посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Болѣе всего мы не сходимся съ вами во взглядахъ на литературу, сказалъ онъ. — Вы считаете нашу беллетристику высокой, а я считаю ее очень плохой и удивительно сѣрой.

— Я знаю, съ гримасой возразилъ Невмятулинъ: — вы поклонникъ Мопассана.

— Да, я поклонникъ Мопассана, отвѣтилъ князь. — Я люблю его за его блескъ, за его свѣтотѣни. А у насъ литература похожа по колориту на Мясницкую во время дождя. Болѣе унылаго мѣста нѣтъ на земномъ шарѣ, развѣ наша Гороховая улица.

— Наша литература знамя почетное держать.

Князь засмѣялся.

— Очень можетъ быть, сказалъ онъ. — Но ужь очень все это у васъ заключено въ узкія рамки. Черезъ вашу беллетристику смотришь на міръ Божій точно черезъ непромытое стекло. Скучная она.

Невмятулинъ сморщился еще больше.

— Да, конфетокъ у насъ мало, согласился онъ. — Да что проку-то въ этой сладости? Мы прямо сущность вещей воспроизводимъ. Мы отражаемъ природу.

— И сущности вещей вы не воспроизводите, такъ-же мягко возражалъ князь. — Кабы вы отражали природу — вы сильны были-бы, потому-что она сильна и могуча. Вамъ мило только скучное сѣренькое прозябаніе. Чуть что-нибудь сильное, мощное, выпуклое — вы ужь боитесь это воспроизводить и прячетесь за школьныя прописи. Всякая рѣзкая черта вамъ

кажется неестественной, вы возмущаетесь. А между тѣмъ, повѣрьте, въ натурѣ все гораздо рѣзче, чѣмъ вы думаете. Вояж у меня была тетка, которую пьяную на улицѣ въ губернскомъ городѣ солдаты поднимали и къ мужу — начальнику бригады — присылали въ такомъ видѣ аккуратно разъ въ недѣлю. Я знаю одну премилую женщину изъ общества, у которой красивый мужъ, а два младшіе сына отъ собственнаго лакея. Я знаю одного честнѣйшаго и убѣжденнѣйшаго человѣка, идеальнаго пурриста, который соблазнилъ дѣвушку и бросилъ ее, не женившись.

— Вы говорите про уродливыя исключенія, важно замѣтилъ Невмятулинъ.

— Какія исключенія! Повѣрьте, Собакевичи и Ноздревы въ жизни еще ярче, чѣмъ у Гоголя. Гоголь не прибавилъ къ нимъ, а отбавилъ отъ нихъ. Придумайте самое невозможное, нелѣпое положеніе, но въ жизни оно еще нелѣпѣе. Вы знаете, что была такая дѣвица-кавалеристъ госпожа Дурова, и потому вѣрите въ то, что женщина можетъ служить въ строю, да еще въ аракчеевскую эпоху, и никогда никто за много лѣтъ можетъ не узнать этой тайны. А напишите это въ романъ — всѣ скажутъ: вздоръ. Еще нелѣпѣе, если представить себѣ двадцатилѣтнюю неграмотную дѣвушку, назначенную главнокомандующимъ дѣйствующей

арміей. Но однако Жанна д'Аркъ стояла во главѣ огромнаго войска и побѣждала искусныхъ полководцевъ. А Ломоносовъ? А Петръ Великій? А Потемкинъ? Развѣ не сказки это, самыя грубо-придуманныя и неуклюжія сказки?

— Что-же вы хотите,—спросилъ Невмятулинъ,—чтобы писатели измысливали похождения въ стилѣ Рокамболя?

— Вы не желаете меня понять.

— Ей-Богу, не понимаю.

Князь сдвинулъ брови. Онъ не думалъ, чтобы Невмятулинъ былъ такъ упоренъ и такъ ограниченъ въ своемъ кругозорѣ.

— Я говорю о томъ, что жизнь даетъ такія странныя сильныя сочетанія, такую красоту характеровъ, до которой никогда не додуматься писателямъ, сказалъ онъ.—И Жанна д'Аркъ. и Ломоносовъ, и Потемкинъ найдутся и теперь—въ другой средѣ, не въ той обстановкѣ, но съ той-же силой и красотой характера. Вотъ и дайте мнѣ ихъ. А ваши куреистки, отравляющіяся во имя идеи—жалки для меня и только.

— Будетъ объ этомъ говорить, васъ вѣдь не вразумишь, рѣзко сказалъ Невмятулинъ.

Князь замолчалъ и спросилъ у татарина сегодняшнія афиши. Тотъ принесъ цѣлую грудку. Онъ нашолъ драматическій театръ, куда его звала Анна Федоровна, и увидѣлъ, что даютъ

переводную пьесу „Побѣдная пѣснь зарослей“.

— А что, авторъ дѣйствительно такъ талантливъ, какъ его считаютъ на родинѣ? спросилъ онъ.

— Разумѣется талантливъ, отвѣтилъ небрежно Невмятулинъ.— Но у насъ его не поймутъ, какъ не понимаютъ ничего новаго, яркаго, хорошаго. Не по носу табакъ.

Онъ пилъ мало, но дѣлался все раздражительнѣе. Его глазки метали искры изъ-подъ сдвинутыхъ бровей. Ему былъ противенъ и обѣдъ, и шампанское, и разговоръ. Едва допивъ кофе, онъ поднялся.

— Ну, спасибо за угощеніе, сказалъ онъ.— Мы можемъ не сойтись съ вами во взглядахъ на литературу, но подадимъ другъ другу руки какъ чиновники-сослуживцы. Такъ и будемъ считаться.

Князь его не удерживалъ. Его поразила перемѣна тона въ его протезѣ. Онъ внимательно посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и сжалъ губы.

— Неужели онъ не то, что я думалъ? почти вслухъ сказалъ онъ.

VIII.

Театръ былъ полонъ. Тутъ былъ, какъ принято выражаться, весь Петербургъ, или, вѣрнѣе, та небольшая часть Петербурга, которая

считаетъ себя центромъ и душою столицы. Первый рядъ былъ занятъ биржевыми дѣятелями, цивилизованными купцами, модными присяжными повѣренными, модными кокетками и сановниками. Со второго ряда сидѣла интеллигенція: литераторы, критики, профессора, репортеры, чиновники и инженеры съ своими женами и любовницами. Задніе ряды были переполнены тѣми зрителями, которые считаютъ ностыднымъ не быть на первомъ представленіи и простаиваютъ по три часа передъ кассой, допуская даже, какъ увѣряли газеты, разыгрывать себя мѣстному околоточному въ лотерею, лишь-бы только добиться билета. Военныхъ было мало: вообще на драму военные ходятъ несравненно меньше, чѣмъ въ оперу, что объясняется конечно вдохновляющимъ свойствомъ музыки, привлекающей къ себѣ все живое, и даже двигающей скалы. Въ ложахъ не было того блеска плечъ и бриліантовъ, что замѣчается въ балетахъ: дамы считали совершенно излишнимъ открывать свои бюсты въ театрѣ, гдѣ музыка играетъ только въ антрактахъ. Въ оперѣ, гдѣ слухъ зрителя гипнотизируется ритмическими колебаніями воздуха, а его глаза—блескомъ декорацій, костюмовъ и электричества, необходимо гипнотизировать и другія стороны его природы — одуряющими духами, испареніями и теплотой открытаго тѣла. Здѣсь—

ближе къ жизни, сѣрѣе, проще; здѣсь не было того символизма страстей и чувствъ, которые могутъ выразаться при помощи флейты, или стономъ віолончели, или порывистыми прыжками и быстрымъ маханіемъ ногъ. Здѣсь даже не принято было опаздывать и хлопать дверями послѣ того какъ занавѣсъ поднялся.

Анна Федоровна и Мери отдавали ливрейному лакею свои ротонды, когда, стуча калошами по корридолу, показался князь, съ оледенѣлою отъ мороза бородою и съ румянцемъ на молодыхъ щекахъ. Дряхленькій и пряменькій старикъ, съ гладко причесанными сѣдыми волосами—бывшій министръ Кишневъ,—ждалъ уже ихъ въ ложѣ и раскланивался черезъ бинокль съ генераломъ въ военномъ мундирѣ съ двумя здѣздами, стоявшимъ у барьера оркестра. При входѣ дамъ онъ вскинулъ себѣ въ глазъ монокль и, распространяя отъ слежавшагося сюртука запахъ камфоры, сталъ пододвигать стулья и что-то шамкать о своей аккуратности. и о томъ, что онъ никогда еще въ жизни нигда не опаздывалъ, даже съ докладами.

— Я сто лѣтъ не былъ въ драмѣ, говорилъ онъ, — забылъ, какъ называется этотъ театръ. Помню только, что сюда во фракѣ ѣздить неприлично, и что за это отсюда выводятъ.

Князь подвинулъ Мери стулъ. Она прошла

впередъ, слегка коснувшись его плечомъ, и съ-
ла—холодная, скупающая, съ такимъ грустнымъ
болѣзненнымъ выраженіемъ глазъ.

— Вы блѣдны, замѣтилъ ей князь.

— Да, голова болитъ, отвѣтила она.

Она наклонилась надъ программой.

— Вотъ какъ, герой пьесы—русскій? уди-
вилась она,—и даже знаменитый музыкантъ?
Лука Руничъ.

— Изъ сербовъ, должно быть замѣтилъ
отставной министръ.

„— Элиза, его жена, продолжала читать
Мери,—извѣстная пѣвица, по сценѣ—Риччи,
22 лѣтъ. Роза Кальверъ—знаменитая пейза-
жистка, 28 лѣтъ...“

— Кто же изъ нихъ героиня? спросила
Анна Ѳедоровна.

— Теперь не объясняютъ этого, возразилъ
Кипѣневъ,—а прежде всегда объясняли. Если
злодѣя надо—такъ его фамилія Клещовъ, а если
женихъ, то Свѣтлинскій, а если подлеца на-
до—то Припаденскій. Всегда такъ было.

— Алексѣй Алексѣвичъ, сказала Анна
Ѳедоровна, дотрогиваясь до руки Кипѣнева
вѣромъ:—расскажите намъ содержаніе пьесы.

— Но я не знаю... — стараясь показаться
забавнымъ, отвѣтилъ онъ, съ ужасомъ трясъ
головой.

— Тѣмъ лучше, что не знаете. Рассказывайте.

Онъ взялъ программу.

— Ну, вотъ видите. Русскій музыкантъ въ послѣднемъ актѣ оказывается совсѣмъ не музыкантомъ, а переодѣтымъ турецкимъ шпиономъ, а жена его не пѣвицей, а его матерью, и ей не двадцать-два, а пятьдесятъ-два года. А пейзажистка даже не женщина вовсе, а незаконный братъ...

— Будеть, будетъ, замахала вѣеромъ Анна Федоровна. — Во всякомъ случаѣ, то, что вы рассказываете, я думаю куда интереснѣе того, что будетъ на сценѣ. Смотрите, поднимаютъ занавѣсъ. Будьте послушнымъ мальчикомъ и молчите.

Въ театрѣ стемнѣло, и занавѣсъ плавно шелъ кверху. Слѣва былъ представленъ двухъ-этажный отель, увитый виноградомъ, съ такими узкими окнами второго этажа, что въ нихъ можно было просунуть только руку, но ужь никакъ не голову. Когда быстро кто проходилъ въ дверяхъ нижняго этажа, по холщевой стѣнѣ дома пробѣгала дрожь и волной уходила подъ крышу. Правѣе представлено было большое дерево, которое по странной игрѣ природы освѣщалось солнцемъ не съ той стороны, съ которой былъ освѣщенъ домъ; за деревомъ шли кусты и спускъ къ озеру. На озеро пошло очень много голубой краски, и еще больше на небо, на которомъ были намалеваны

крутя бѣлыя облака, точно гвоздемъ прибитыя: они такъ и не двигались потомъ и весь актъ провисѣли на одномъ мѣстѣ. На авансценѣ, освѣщенный снизу, изъ-подъ земли, какъ это всегда биваетъ при театральной рампѣ, сидѣлъ русскій композиторъ въ бѣлой фланели и въ соломенной шляпѣ. Онъ держалъ за обѣ руки нарумяненную и набѣленную знаменитую пейзажистку и говорилъ:

„— Вы-ли это, Роза, Боже мой! Что вы оживили во мнѣ!“

„— Оживила въ васъ, Лука? Что я въ васъ оживила?“

„— Вы не помните? А десять лѣтъ передъ этимъ? Здѣсь, вотъ тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, когда еще не было этого отеля съ зелеными водосточными трубами, помните, мы жили здѣсь, а эти заросли пѣвлі! Какъ вы поблѣднѣли вдругъ, Роза?“

Роза не могла поблѣднѣть, такъ-какъ румяна были положены тѣмъ добросовѣстнымъ слоємъ, какимъ ихъ всегда кладутъ русскія актрисы, но отшатнулась и повернула лицо къ публикѣ, что всегда требовалось режиссеромъ образцоваго театра. Она опустила глаза и закусила губу — приѣмъ, которымъ принято на драматическихъ курсахъ выражать смущеніе.

Такимъ образомъ пьеса сразу вошла въ свою колею и захватила зрителя. Знаменитый авторъ

не хотѣлъ тянуть жилы изъ публики и заставлялъ напрягать свое вниманіе до боли въ вискахъ. Онъ сразу показалъ свои карты.

„— Я не поблѣднѣла, господинъ Руничъ, говорила Роза,—я смотрю на жука, что ползетъ между нами. Посмотрите, какой чудесный золотистый жукъ, какіе у него сѣжки...“

„— Вы энтомологъ, Роза?“ печально спросилъ онъ.

Она покачала головой и отвѣтила твердо:

„— Нѣтъ!“

Мери переглянулась съ княземъ. Въ ея глазахъ свѣтилось недоумѣніе, она точно спрашивала отвѣта.

Онъ слегка пожалъ плечами.

А Роза и Лука рассказывали другъ другу, какъ они десять лѣтъ тому назадъ познакомились здѣсь, на этомъ берегу, когда онъ былъ еще дикій, когда тутъ росъ шиповникъ и верескъ. Лука только начиналъ свою дѣятельность, онъ писалъ свою первую ораторію — „Сказку зимней метели“. У него было маленькое піанино, еле установившееся въ хижинѣ фермера, и онъ часами игралъ на немъ свою ораторію и отрывки изъ будущей оперы „Дочь сфинкса“. Она, Роза, приходила сюда писать этюды. Ей было восемнадцать лѣтъ, она была похожа на цвѣтокъ, распутившійся на зарѣ, лепестки котораго еще не видѣли солнца, и

тихо плакали слезами первой росы. Они познакомились. Странное это было знакомство. Они почти никогда не говорили. Она садилась за этюды, а онъ кидался у ея ногъ въ траву и чувствовалъ звуки. А вокругъ колыхались заросли и пѣли о чемъ-то хорошемъ, молодомъ, свѣжемъ... Потомъ, передъ осенью, они разстались. При разставаніи, онъ внезапно наклонился къ ней и поцѣловалъ ее долгимъ горячимъ поцѣлуемъ. Она отшатнулась. Онъ сказалъ ей:

„— Роза, никогда не забывайте, что пѣли тростниковыя заросли!“

И они разстались. Онъ даже не спросилъ ея фамилію. Онъ не зналъ кто она — такъ былъ упоенъ своей „Сказкой зимней метели“.

„— Но, Боже мой, какъ я счастливъ теперь, встрѣтивъ васъ!“ восклицаетъ онъ.

„— Я тоже рада“, подавляя волненіе, говоритъ она.

IX.

Не прошло и получаса послѣ поднятія занавѣса, какъ артисты успѣли подробно рассказать другъ другу все то, что имъ и безъ того было хорошо извѣстно. Они не успѣли только рассказать о томъ, чего не знали: гдѣ они

были эти десять лѣтъ. Но это было необходимо автору для того, чтобы произвести извѣстный эффектъ. Вдругъ за кулисами разда-лась веселая хоровая пѣсня, и цѣлая компанія молодыхъ художниковъ, съ ящиками и зонтиками, показала въ глубинѣ. Они шли на экскурсію наверхъ, въ горы, писать ледники. Все это были молодые энтузіасты, народъ веселый, но почему-то престранно одѣтый: режиссеръ вырядилъ ихъ въ такіе костюмы, въ какихъ ходятъ въ зоологическомъ саду смотрители за слонами и тюленями. Ихъ выходъ прервалъ разговоръ героевъ; компанія весело выпила по стакану молока и хотѣла уже отправиться далѣе, какъ вдругъ одинъ воскликнулъ:

„— Те! Смотрите. Вѣдь это сама Роза Кальберъ“.

Вдругъ всѣ сняли шляпы и заплѣли гимнъ въ честь Розы. Она сконфужена. Лука пораженъ.

„— Что это значитъ?“ спрашиваетъ онъ.

Въ это время старшій изъ художниковъ выступаетъ впередъ.

„— Позвольте, великая художница, говоритъ онъ, — воспользоваться счастіемъ нашей встрѣчи и принести отъ лица художественной молодежи знаки истиннаго уваженія автору „Поющихъ зарослей“. Да здравствуетъ великая учительница! Ура!“.

Всѣ оглашаютъ воздухъ криками и вертять въ рукахъ шляпы. Ораторъ подноситъ Розѣ цвѣтокъ и говоритъ:

„— Мѣсто этой альпійской розы—на той груди, въ которой бьется удивительное художественное сердце. А теперь друзья, — на экскурсію!“

И они уходятъ. Лука пораженъ еще болѣе.

„— Какъ, Роза, въ ваши годы, и на такой высотѣ?“

Она скромно улыбается.

„— Меня цѣнитъ міръ, Лука.

„— Но о какихъ поющихъ заросляхъ говорятъ они? спрашиваетъ онъ. — Почему они знаютъ?“

„— *Поющія заросли*—моя картина, писанная по здѣшнимъ этюдамъ. Она виситъ въ кабинетѣ императрицы Луизы на Корфу. Я назвала ее такъ въ честь васъ.

— „Я преклоняюсь передъ вами, съ чувствомъ произносить Лука. — Въ далекихъ снѣгахъ моей родины, когда мои сани рѣзали невскій ледъ своими острыми полозьями, я, закутанный пушистой полостью, такъ часто уносился мечтой къ этимъ зарослямъ. Онѣ влекли меня къ себѣ таинственной силой, я не могъ отказать себѣ пріѣхать сюда, гдѣ все напоминаетъ волшебный сонъ минувшаго. И вдругъ такое счастье! Я встрѣчаю фею этого сна, мою

чудесную маленькую фею—уже въ дивной коронѣ, царицей искусства. О моя фея, я сложу въ честь васъ побѣдную пѣснь, и эту пѣснь повторятъ прибрежные тростники“.

На этотъ разъ они не успѣваютъ поговорить и четверти часа, какъ на порогѣ отеля показывается стройная двадцати-двулѣтняя красавица, тоже набѣленная и нарумяненная, которая держится всѣмъ корпусомъ въ публику, чтобы ее видѣли изъ всѣхъ ложъ.

„— Съ кѣмъ это ты, дорогой Лука?“ спрашиваетъ она.

Роза въ неясномъ предчувствіи отшатывается.

„— Кто это?“ чуть слышно спрашиваетъ она.

„— Это моя жена“, отвѣчаетъ композиторъ.

Роза беззвучно падаетъ на газонъ. Занавѣсъ опускается.

Наверху слышны аплодисменты. Верхней публикѣ нравится пьеса.

— Это намеки или нѣтъ? спросила Анна Федоровна. — Развѣ была съ какимъ-нибудь русскимъ композиторомъ такая непріятность?

— Все можетъ случиться, спокойно отвѣтилъ заштатный министр.—Одинъ нашъ савонникъ хотѣлъ бѣжать изъ Монте-Карло съ американской пѣвицей въ Нью-Йоркъ, а у са-

мого въ Петербургѣ двѣ жены осталось. Не удивляйтесь, тутъ ничего неприличнаго нѣтъ: они были изъ мормоновъ.

Мери пересѣла въ глубину ложи.

— Развѣ говорить кто-нибудь такъ. какъ они? спросила она князя.

— Нѣтъ, твердо и увѣренно отвѣтилъ онъ.

— Такъ зачѣмъ-же они такъ пишутъ?

— А не все-ли намъ равно?

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза. Она прочла въ нихъ: „Такъ никто не говоритъ, но тростники могутъ пѣть, и поютъ въ настоящую минуту для меня, и даже для васъ, и не только настоящіе тростники, а вотъ эти плохо написанные на занавѣскѣ. И вы все это знаете и чувствуете. А если знаете и чувствуете, то скажите да“.

Но она не сказала. Она вдругъ опустила глаза и отвернулась. Это движеніе у нея вышло очень похожимъ на то, что сдѣлала на сценѣ Роза, когда представилась смущенной. Только смущенія не было и слѣда у Мери, а было что-то совсѣмъ другое.

Въ ложу вошло нѣсколько знакомыхъ молодыхъ людей. Всѣ кланялись очень почтительно, особенно одинъ сенатскій, молодой человекъ изъ правовѣдовъ, собиравшійся сдѣлать административную карьеру и потому носившій проборъ по самой послѣдней модѣ. Всѣ здо-

ровались и съ княземъ, приче́мъ ему казалось, что ему завидуютъ: одни—тому, что онъ сидитъ въ ложѣ́ жены сановника, другіе—тому, что его стуль приходится сзади стула Мери. Это льстило его самолюбію, и онъ старался держаться какъ можно проще и какъ можно независимѣе, чтобы показать то, что онъ другъ дома и можетъ рассчитывать на руку Мери, если только этого захочетъ.

Молодой сенатскій чиновникъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ сообщилъ, что сейчасъ, вотъ сейчасъ—въ семь часовъ, умеръ Вехтеревъ,—управляющій департаментомъ международныхъ тарифовъ, умеръ неожиданно отъ закупорки артерій, и умеръ вдобавокъ въ гостяхъ у француженки m-lle Thérèse, на обѣдѣ, который онъ давалъ близкимъ друзьямъ. Положимъ, что Вехтеревъ вдовецъ, но во всякомъ случаѣ у него двѣ замужнихъ дочери, и для нихъ Thérèse всегда была неприятна.

— Не можетъ быть! заволновалась Анна Ѳедоровна. — Но Вехтеревъ у насъ обѣдалъ два дня назадъ. Какъ нынче часто стали дѣлаться закупорки, просто ужасно.

— Какъ вамъ нравится эта декадентщина? спросилъ молодой человѣкъ съ бѣлокурыми усами, обиженный тѣмъ, что не онъ первый сообщилъ о смерти директора.

— Я нахожу, что это очень мило, сказала

Анна Федоровна, блестя своими зубами.—'Это мнѣ напоминаетъ и Ибсена и д'Анунціо, и Вьёрнсена, и Меттерлинка. Я вѣдь специалистка по всѣмъ европейскимъ литературнымъ теченіямъ. Но меня удивляетъ видъ сегодняшняго театра. Здѣсь очень приличная публика.

Она поднесла лорнетъ къ глазамъ и стала разсматривать залу.

— Это все пріятели Каурова, сказалъ сенатскій чиновникъ,—и всѣ пришли послушать его переводъ. Онъ все лѣто, бѣдный, просидѣлъ надъ нимъ, и теперь такъ надоѣлъ директору театровъ, что его рѣшили поставить. Кауровъ премилый малый.

Когда молодые люди ушли, она спросила у министра:

— Отгадайте, что будетъ дальше?

— Дальше? не задумываясь отвѣтилъ онъ,—композиторъ построитъ ковчегъ, возьметъ художницу, и они уплывутъ по озеру на самую середину, гдѣ и погибнуть въ туманахъ голодной смертью.

Но онъ ошибся. Во второмъ актѣ Роза писала на сценѣ этюдъ морского краба. Крабы сидѣли въ исполинскомъ акваріумѣ отеля и очень интересовали путешественниковъ, особенно когда къ нимъ сажали восьминоговъ и они дрались другъ съ другомъ. Роза писала этюдъ, а русскій композиторъ сидѣлъ сзади ея.

„— Сегодня концертъ вашей жены? говорила Роза.

„— Да, отвѣчалъ онъ. — Она сегодня поетъ.

„— А вы аккомпанируете?

„— Нѣтъ. Ей аккомпанируетъ знаменитый Августъ Зейдель“.

Она опустила палитру и задумалась.

„— Какъ дивно она хороша! проговорила она.

Лука встрепенулся.

„— Вы находите?..

„— Я не встрѣчала женщинъ прелестнѣе ея. Я понимаю, почему вы отдались ей.

Лука гордо выпрямился.

„— Я никогда не любилъ ее, сказалъ онъ.

Она звонко засмѣялась.

„— Миѣ не нужно лжи, облѣпленной въ сахарѣ, сказала она. — Я гораздо болѣе дорожу скромнымъ жемчугомъ, если онъ настоящій, чѣмъ блескомъ великолѣпнаго фальшиваго ожерелья.

„— Вы ошибаетесь, другъ мой, кротко прервала Лука, — я говорю вамъ величайшую истину.

„— Полноте! возразила она. — Миѣ эта рыжая англичанка, влюбленная въ васъ и ѣздящая (артистка такъ и сказала: ѣздящая) за вами повсюду, говорила, что вы не только не любите вашу жену, — а ревнуете ее.

„— Ревную! — воскликнулъ въ волненіи Лука—и перешелъ на середину сцены, къ самой будкѣ, чтобы лучше слышать суфлера. — Я давно уже не ревную ее.

Она повернулась къ нему и строго на него посмотрѣла.

„—Разскажите“, —сказала она.

Онъ мелькомъ взглянулъ на суфлера и началъ свой разсказъ. Вѣроятно, въ немъ было немало печатныхъ страницъ. Артистъ нѣсколько разъ вынималъ платокъ и вытиралъ имъ потный лобъ, осторожно впрочемъ прикладывая его, чтобы не стерлись бѣлила. Онъ говорилъ о томъ, что онъ несчастливъ. Да, онъ несчастливъ, потому-что увлекся пѣвицей. Она привлекла его къ себѣ, какъ птица привлекаетъ самца, пѣніемъ и онъ не въ силахъ былъ устоять: всѣ фибры его сердца звучали. Но опьяненіе страстью было недолговременно: онъ проснулся съ больной головой, вялостью движеній и глумимъ гнѣвомъ на вчерашній день...

— Глухой гнѣвъ, —это хорошо!—замѣтилъ кто-то громко въ первомъ ряду.

Роза все писала краба, мокая кисть въ краску и все вода на этюдъ по одному и тому же мѣсту съ такою быстротой, словно чистила бензиномъ перчатку. Лука все говорилъ. Онъ говорилъ, что онъ понялъ свою ошибку, когда замѣтилъ тѣ плотоядные взгляды, какими смо-

трать на его жену, особенно на ея плечи, изъ залы. Она захватывала слушателей нетолько пѣніемъ, но и матовою округлостью плечъ, и мраморной шеей, гдѣ, казалось, не было ключицъ. Онъ понялъ, что плечи эти принадлежать нетолько ему, но и всей этой толпѣ; что если онъ цѣлуетъ ихъ, какъ полновластный господинъ, то всякій зритель мысленно цѣлуетъ ихъ точно также, и тѣмъ оскорбляетъ и унижаетъ ихъ брачный союзъ.

„ — И я видѣлъ каждый день, говорилъ онъ, — какъ она въ уборной снимала съ себя повседневное скромное платье и замѣняла его прозрачными тканями, открывая себя всюду гдѣ было можно. Театральный художникъ, рисовавшій для нея костюмы и знавшій, что она хорошо сложена, нарочно старался дѣлать ихъ откровеннѣе, чтобы дѣйствовать на животную сторону зрителей. И она выходила въ такомъ видѣ передъ зрителями, несмотря на мои мольбы и просьбы. Я видѣлъ, какъ тысячи биноклей устремлялись на ея ногу, обнаженную выше колѣнъ, и подъ прозрачнымъ трико чувствовали ихъ волнистую грацію. А она дарила улыбки, въ отвѣтъ на гнусные аплодисменты, и принимала дорогіе подарки, которые она могла принимать только отъ мужа“.

— Въ самомъ дѣлѣ, это ужасно! замѣтила Анна Федоровна, — у которой плечи были очень

бостлявы, и едва-ли ихъ кто-нибудь видѣлъ, даже самъ Иванъ Петровичъ.

„— Нѣтъ, Роза, — заключилъ свою рѣчь Лука. — Женщину можно любить только тогда, когда она принадлежитъ тебѣ всецѣло. Малѣйшее дуновеніе вѣтерка можетъ оскорбить человека, который ее любитъ“.

Мери поднесла руку къ виску.

— Все болитъ? — спросилъ князь.

— Да, все болитъ, — отвѣтила она.

Х.

Лука говорилъ, нервно задыхаясь и въ паузахъ лоя суфлера. Роза мокала кисть въ одно мѣсто и съ отчаяньемъ въ глазахъ смотрѣла на публику.

„— Я теперь иногда часто думаю, когда пишу крабовъ, — сказала она наконецъ, — что жизнь наша — борьба тѣхъ-же крабовъ съ осьминогами, и ничѣмъ мы ихъ не лучше. И право иногда хочется кинутся туда въ воду, къ этимъ крабамъ: пусть они вопьются въ тѣло. Пусть они ѣдятъ мозгъ, пьютъ кровь, терзаютъ сердце. Не всему-ли одинъ печальный конецъ, суровый и мрачный? Если есть иная жизнь — мы оживемъ въ ней свѣтлыми эльфами. Если нѣтъ — пусть даже праха нашего не останется въ землѣ.“

„— О, Роза! — вдругъ закричалъ Лука и

ушаль на одно колѣно, но въ бокъ отъ Розы, чтобы показать свое лицо публикѣ. — Вы, вы, стоящая на вершинѣ высокой горы, въ лучахъ лучшей въ мѣрѣ зари, — зари святого искусства, — вы ронцете, вы говорите, что душа ваша жаждетъ успокоенія въ смерти? — Нѣтъ. Роза, нѣтъ, — не искушайте небо! Вся жизнь впереди, — и я покажу вамъ такіе горизонты... “

— Я говорилъ, что ковчегъ будетъ строить, — пробурчалъ про себя министр...

На сцену вошелъ ламповщикъ съ длиннымъ фитилемъ и сталъ зажигать фонарь.

„ — Темно писать! “ сказала Роза и сняла съ мольберта этюдъ краба. Она взяла его подъ мышку, не боясь запачкаться масляной краской.

„ — Уйдемъ въ заросли, Роза! “ вдругъ чуть слышно прошептала Лука.

Она пошатнулась. Языкъ ея оцѣмѣлъ. Когда къ ней вернулась способность говорить, — его уже не было. Она въ изнеможеніи опустилась на землю и вдругъ припала губами къ травѣ.

„ — О, здѣсь касалась нога его! “ воскликнула она, конвульсивно дрожа отъ слезъ счастья. Эти слезы хлынули благодатной волной.

Она успокоилась. Вотъ она поднимаетъ голову. Передъ ней стоитъ соперница: прекрасная, юная, съ блистающими плечами, въ черномъ туалетѣ, въ которомъ она должна пѣть

передъ наѣхавшими въ этотъ концертъ туристами. Чайныя розы дышутъ на ея груди. Роза-пейзажистка чувствуетъ ея красоту, чувствуетъ, что она давить ея.

„— Вы должны отсюда уѣхать! тихо говорить пѣвица.—Слышите, я приказываю вамъ отсюда ѣхать. Я знаю все. И я не вижу иного способа покончить съ вами:—вы должны убраться отсюда со всѣмъ своимъ вонючимъ скиндарнымъ хламомъ. Иначе я распоряджусь съ вами по-своему“.

И прежде чѣмъ пейзажистка собралась съ духомъ ей отвѣтить, она гордо прошла въ залу, гдѣ ее ожидали уже распорядители съ розетками въ петлицѣ фрака.

Роза задумчиво стоитъ у стѣнки акваріума и говорить:

„— Крабы, крабы! Вѣчная борьба, вѣчная борьба за существованіе! Или я буду жить, или ты—середины нѣтъ, кто-нибудь изъ двухъ долженъ быть жертвой!“

Выходитъ Лука, тоже во фракѣ. Роза съ легкой усмѣшкой передаетъ ему сцену встрѣчи съ его женой. Онъ содрогается.

„— Вотъ какъ! восклицаетъ онъ. — Ну, мы съ вами поборемся, сударыня“.

Онъ смотритъ приэтомъ на кургаузъ и грозитъ по направленію его шапо-клябомъ.

„— Тебя, тебя одну люблю я, говоритъ

онъ Розѣ.—Мы уйдемъ съ тобой въ эти поющія пѣсны любви заросли, бросимъ все—отдадимся краскамъ и звукамъ. Мы будемъ одна душа—одна міровая душа, слившаяся въ чудную вѣчную гармонию“.

Въ это время слышны шумные аплодисменты—то пѣвица вышла на эстраду.

„— Идите туда! говоритъ Роза, показывая указательнымъ пальцемъ на концертное зало.—Тамъ ваше мѣсто, а не здѣсь!“

„— Нѣтъ, здѣсь, здѣсь!“ кричитъ онъ и опять падаетъ передъ ней на колѣно.

Въ это время раздаются звуки ея пѣнія. Лицо его искажается внутренней болью. Оно вытягивается. Вслѣдъ за лицомъ, вытягивается и онъ самъ: глаза его выкатываются. Онъ медленно поворачивается къ залу, дѣлаетъ три быстрыхъ шага, останавливается, шатается, какъ трость, колыхаемая вѣтромъ, схватывается за лобъ, и вдругъ гигантскими шагами направляется ко входу въ залъ.

„— Лука! Лука!“ слабо вопіетъ Роза.

Онъ мучительно колеблется въ дверяхъ. Но слышна высокая нота, и онъ стремительно бросается на эстраду. Роза, какъ подкошенная бурей, опускается на стулъ и говоритъ, уставясь на рампу:

„— Что-же теперь? Смерть?— Да. Смерть“.

Занавѣсъ падаетъ.

Раздаются аплодисменты—публика довольна. Публика видитъ свѣжесть во всемъ этомъ. Даже брабы кажутся ей свѣжими. Есть голоса, которые видятъ въ этой пьесѣ пленеризмъ. Есть скептики, говорящіе, что это чепуха.

Въ ложѣ у Анны Ѳедоровны опять собрались гости. И опять Мери и князь сидѣли въ глубинѣ.

— Развѣ страданія можно высказывать громко? спросила Мери, покусывая кончики раскрытаго вѣера.—Да и страданья-ли они тогда, если высказаны другимъ?

— А вы знакомы со страданіями? полушутя спросилъ князь.

Она не отвѣтила, но слегка сдвинула брови. Надъ бровью легла рѣзкая морщинка, которой въ обыкновенное время не было замѣтно. Складка эта придавала страдальческой видъ ея лицу. Безнадежная грусть, затаенная скорбь ярче всякихъ словъ отвѣтили ему. У него сжалось мучительно сердце. Точно передъ нимъ отдернули занавѣсъ и онъ увидѣлъ неожиданно ужасную истину.

— Что съ вами? почти съ испугомъ спросилъ онъ.

Но она поспѣшно отвернулась и о чемъ-то заговорила съ теткой, показывая ей кого-то въ противоположномъ ярусѣ.

Снова поднялся занавѣсъ. Сцена представ-

ляла комнату Луки. Онъ въ шлафрокъ пьетъ утренній кофе. Слуга подаетъ ему свертокъ и письмо. Онъ открываетъ свертокъ и вскрикиваетъ. Это этюдъ поющихъ зарослей, зарослей, какими они были десять лѣтъ назадъ, тотъ этюдъ, что она писала при немъ. Письмо оказывается отъ Розы.

„Посылаю вамъ ту вещь, пишетъ она. — съ которой я никогда ни на минуту не разставалась. Это грезы моей весны. Теперь мнѣ ненуженъ этотъ этюдъ. Мнѣ ничего не нужно. — и я никому не нужна. Когда вы будете читать это письмо, меня не будетъ здѣсь. Гдѣ я буду — не знаю, потому-что не знаю, какъ называется то, гдѣ я буду. Будьте счастливы. Прощай, моя живопись, величайшее и благороднѣйшее изъ образныхъ искусствъ! Прощайте, идеалы. Лука, прощай. Но и по ту сторону граней жизни я та-же. Вѣрь“.

Лука дико вскрикиваетъ. Онъ сбрасываетъ шлафрокъ, надѣваетъ фланелевый пиджакъ и кидается къ двери. Въ дверяхъ онъ встрѣчается съ длиннымъ господиномъ въ черномъ сюртукѣ.

„— Вы не узнаете меня, я братъ вашей жены, докторъ медицины и хирургіи, — говоритъ онъ.

„— Если ты братъ ея, ты проклять! восклицаетъ русскій композиторъ и бѣжитъ дальше. Элиза Риччи выходитъ изъ алькова и показы-

ваетъ лавровый вѣнокъ, полученный ею наканунѣ въ концертѣ.

„— Но твой мужъ умоизступленный! говорить братъ.

„— Это съ нимъ часто бываетъ, успокаиваетъ его сестра.

Они садятся пить кофе. Она рассказываетъ, что произошло въ предыдущіе два акта, и вводитъ эту порослей.

„— А это эту м-ше Розы! говоритъ она.— Съ какимъ удовольствіемъ я-бы швырнула его въ огонь, но каминны лѣтомъ не топятся.

Входитъ кельнеръ и говоритъ, что случилось несчастіе, что м-ше Роза пропала. Ее ищутъ и нигдѣ не могутъ найти.

— „Она честнѣе, чѣмъ я думала, замѣчаетъ Элиза.

Вдругъ врывается Лука, онъ безуменъ, дико вращаетъ глазами и показываетъ публикѣ зеленую вуаль, въ которой два акта ходила Роза. Онъ нашелъ эту вуаль на суку надъ обрывомъ, висящимъ надъ оврагомъ. Онъ созвалъ криками народъ,—и тѣло ея было вытащено изъ воды.

„— Это ты ея убійца! въ бѣшенствѣ говоритъ Лука.—Отнынѣ я все разрываю съ тобою,—гнусная, злая, нехорошая женщина. Вотъ единственное мое божество,—этотъ этудь.

эти поющіе тростники: ихъ гармонія звучить райскими аккордами“.

Элиза схватываетъ молотъ.

„ — А какъ тебѣ нравится этотъ аккордъ?“ спрашиваетъ она съ адскимъ смѣхомъ, и опускаетъ молотъ на доску, которая разлетается въ щепы.

Тутъ Лука не выдерживаетъ. Онъ кидается къ Элизѣ, ставитъ ее на одно колѣно и затягиваетъ ей вуалью горло.

„ — Вотъ какъ въ нашемъ отечествѣ наказываютъ ревнивыхъ женъ“, говоритъ онъ.

Докторъ отнимаетъ полумертвую женщину изъ желѣзныхъ клещей Луки. Но уже поздно: она помѣшалась.

„ — Что это, — говоритъ она, смотря въ окно. — Что я вижу на фонѣ разгорающагося дня? — Двухъ голубей. Я знаю: голубка — эта Роза. И летитъ она выше, выше, выше... А другая — я, я тоже лечу за ней, мы летимъ обѣ, туда, туда“.

Лука и докторъ отвертываются. Занавѣсъ медленно падаетъ.

Трудно передать тотъ содомъ, что начался въ театрѣ послѣ паденія занавѣса. Одна половина зрителей шикала, другая хлопала. Одни возмущались — другіе были въ восторгѣ. Одни говорили, что это белиберда, другіе, — что это истинная поэзія.

— Нашъ глазъ и ухо не привыкли къ такимъ рѣзкимъ и мощнымъ краскамъ, говорилъ какой-то господинъ въ корридорѣ. — Для насъ это слишкомъ ново, слишкомъ ярко, мы ослѣплены.

— Сугубая ерунда, сугубая, милый другъ! говорилъ почтенный господинъ, трепля его по плечу.

Большинство не осталось смотрѣть водевиля. Анна Ѳедоровна тоже начала собираться.

Мери, не глядя на князя, протянула ему руку и прошла одѣваться. Князь чувствовалъ себя подавленнымъ еще больше, чѣмъ часъ назадъ. Онъ запахнулъ въ свою шинель и пропустилъ Анну Ѳедоровну съ министромъ впередъ, самъ пошелъ рядомъ съ Мери.

На поворотѣ лѣстницы Мери вдругъ къ нему повернулась.

— Послѣ-завтра ровно въ пять будьте у насъ, скороговоркой по-англійски сказала она. — Мнѣ необходимо поговорить съ вами, поговорить серьезно.

Она прибавила шагу и подошла къ тетѣ.

Князь простился съ ними и министромъ на подѣздѣ и пошелъ наверхъ, между северомъ и дворцомъ. Падалъ снѣгъ бѣлыми пушистыми хлопьями. Въ воздухѣ было свѣжо и молодо. На Невскомъ ярко горѣли электрическіе фонари, разбрасывая снопы яркихъ, острыхъ лучей

среди ночной темноты. Снѣгъ покрывалъ мелкою рябью темнѣющія массы домовъ. Омнибусы шипя катались по рельсамъ, позванивая рѣзкими колокольчиками. Стало какъ будто теплѣе, сравнительно съ днемъ, и снѣгъ казался такимъ праздничнымъ, веселымъ.

Князь шелъ къ себѣ домой на Николаевскую улицу—и неясное ожиданіе чего-то хорошаго наполняло его и сообщало ему праздничное настроеніе. Послѣ-завтра многое рѣшится. Разгадана будетъ загадка; да не одна, а много загадокъ. Главная загадка,—та морщинка скорби, маленькая глубокая морщинка, что такъ выдѣлилась надъ ея бровью, дала столько страданія ея лицу.

И мысль объ этой морщинкѣ не оставила его и тогда, когда онъ пришелъ домой, прочелъ письмо отъ тетки, присланное изъ Москвы. Кухарка, прислуживавшая ему, которую онъ нынче отпускалъ на весь день со двора, спросила, нуженъ-ли самоваръ. Онъ сказалъ, что нѣтъ, прошелъ въ столовую, посмотрѣлъ на приготовленный ему холодный ужинъ: на рябчика и на вазу съ грушами, потушилъ лампу, вошелъ въ спальню, быстро раздѣлся, бросился въ постель и заснулъ здоровымъ молодымъ сномъ, радостный и довольный какимъ-то смутнымъ счастьемъ.

XI.

Мери сидѣла въ сырой полумглѣ кареты, откинувшись въ уголъ и машинально глядя на серебряные кресты и листья, нарисованные на стеклахъ морозомъ. Тетка тоже молчала, закутавшись до глазъ въ свою пушистую ротонду. Экипажъ мягко и быстро катился по гладко уѣзженной дорогѣ. Зарево костровъ, разложенныхъ на перекресткахъ, принимало сквозь замерзшія стекла кровавый фантастическій видъ и разрасталось въ цѣлый пожаръ. Анна Федоровна чувствовала пріятное томленіе. Она была упоена властью. Она еще не вполне освоилась съ высокимъ положеніемъ мужа, который всего годъ назадъ получилъ свой постъ,—и теперь всякій разъ, когда ей доводилось показываться въ обществѣ, чувствовала, что часть силы и могущества мужа перешла и къ ней,—и что она составляетъ какую-то величину, рѣзко замѣтную, и вчера на балу, и въ этомъ огромномъ театральномъ залѣ. Къ ней шли на поклонъ гуськомъ, кланялись почтительнѣе, чѣмъ годъ назадъ, слаще улыбались, говорили осторожнѣе и болѣе заискивающе. Она сама чувствовала, что въ ея обращеніи со всѣми тоже многое измѣнилось, что она хотя стала еще любезнѣе, чѣмъ прежде, но въ ея наклоненіи головы яви

лась нѣкоторая величественность, въ манерѣ протягивать руку—болѣе плавности и даже снисходительности. Она была далеко не родовая аристократка, —отецъ ея былъ чиновникъ, дослужившійся до генерала; но природный тактъ и та гибкая способность приспособленія къ окружающей обстановкѣ, которую особенно рѣзко проявляютъ женщины польской крови, помогли ей безъ особыхъ усилій войти въ надлежащій кругъ и никого не заставить избѣгать ея общества. Говорила она хорошо не только по-французки, но и по-англійски; одѣвалась, быть можетъ, слишкомъ модно, но всегда къ лицу. Она отдавала должное талантамъ мужа и преклонялась передъ ними: по крайней мѣрѣ она всѣхъ въ этомъ всегда увѣряла. Но она считала себя умнѣе, привлекательнѣе и практичнѣе мужа, даже сумѣла увѣрить сама себя, что именно она и доставила ему этотъ высокій постъ. Какъ-бы то ни было, блескъ власти пьянилъ ее, и она чувствовала себя на высотѣ величія.

— Мери! вдругъ позвала она племянницу.— У тебя теперъ чрезвычайно удачный моментъ.

Это было чрезвычайно логично по ходу ея мыслей. Но Мери не знала этого хода и поэтому не поняла.

— Что вы хотите сказать, татап? спросила она.

— Я говорю, — начала Анна Федоровна, высвобождая свой ротъ изъ мѣховой шали, — я говорю, что ты переживаешь удачный моментъ, чтобы выйти замужъ. Тебѣ стоитъ захотѣть — и весною будетъ твоя свадьба. Начиная съ этого князя, передъ тобой огромный выборъ.

Мери ничего не отвѣтила. Да тетка и не ждала отвѣта. Она опять ушла въ свои мысли и точно удивилась, когда карета остановилась, и лакей, ловко спрыгнувъ съ козелъ, открылъ дверцы и сталъ почтительно ихъ высаживать.

Иванъ Петровичъ недавно вернулся изъ за-сѣданія и изволилъ заниматься въ кабинетѣ. Анна Федоровна прошла къ себѣ и быстро переодѣлась при помощи строгой тоненькой нѣмки-камеристки. Она небрежно снимала съ себя часы и брошки, почти бросая ихъ на столикъ и зная, что Мина аккуратно приберетъ ихъ и уложитъ на свои мѣста — въ шкапы и футляры. Она надѣла плюшевый халатъ съ блѣдно-розовой подкладкой на отворотахъ, слегка напудрилась, стерла пудру душистымъ платкомъ и пошла черезъ залу въ кабинетъ мужа.

Онъ сидѣлъ у огромнаго стола, гдѣ горѣли двѣ электрическія лампочки подъ синимъ стекляннымъ абажуромъ, и дѣлалъ отмѣтки въ толстой тетради, ровно отпечатанной на ручной

машинѣ, — которыя всюду работали у него въ министерствѣ. Это было дѣло о постановкѣ памятника одному государственному дѣятелю, нѣкому Клементьеву, возникшее по его инициативѣ и нашедшее откликъ среди администраціи. Въ докладной запискѣ о необходимости постановки этого монумента, онъ говорилъ, что у насъ мало чтутъ память предковъ вообще, а администраторовъ въ особенности. Онъ настаивалъ на постановкѣ памятника „достойнаго столицы“, на площадкѣ передъ министерствомъ, и ходатайство его было уважено. Сегодня въ седьмой разъ была собрана комиссія, и онъ предсѣдательствовалъ. Несмотря на обиліе министерскихъ дѣлъ, онъ съ жаромъ предавался идеѣ этого памятника. Онъ очень любилъ памятники, и даже самъ пробовалъ вычерчивать контуръ постамента, неудовлетворявшаго его на конкурсныхъ проектахъ.

Анна Федоровна всегда заходила передъ сномъ съ нимъ проститься, и онъ не безъ удовольствія цѣловалъ ея коленую ручку съ блестящими ногтями и тремя кольцами — его подарками — на мизинцѣ и безыменномъ пальцѣ. Она цѣловала его въ лобъ, сообщала двѣ-три новости, что удалось ей услышать вечеромъ, и просила не очень утомлять себя, а скорѣе ложиться. И теперь, когда онъ услышалъ ея аги, онъ тотчасъ провелъ черту карандашомъ

на поляхъ, для памяти, гдѣ остановился, — и отодвинулъ тетрадь.

— Усталъ? спросила она, прикладывая губы къ его виску, и стараясь поймать взглядомъ нѣсколько словъ изъ дѣла, которымъ онъ занимался.

Онъ издалъ неопредѣленный звукъ, который могъ быть истолкованъ какъ угодно.

— Иванъ Петровичъ, — продолжала она, — я пришла къ тебѣ по двумъ дѣламъ.

Она опустила въ кресло. Иванъ Петровичъ снялъ очки, и старыми близорукими глазами посмотрѣвъ на нее, приготовился покорно ее слушать. Онъ всѣхъ увѣрялъ, что жена его очень умна, что въ ея умѣ есть что-то острое, и что говорить съ ней — наслажденіе. Это нисколько ему не мѣшало навѣщать ежедневно очень полную и красивую особу съ телячьимъ выраженьемъ глазъ и необыкновенно развитымъ бюстомъ, нѣкую Жозефину Бакстъ. Анна Федоровна знала эту слабость мужа и иронически улыбалась, когда представляла ее рядомъ съ Иваномъ Петровичемъ. Иванъ Петровичъ съ своей стороны цѣнилъ деликатную молчаливость жены и всегда былъ по отношенію ея болѣе чѣмъ корректенъ.

— Во-первыхъ, — начала она: — мнѣ нужны на расходъ деньги.

Онъ отодвинулъ ящикъ стола, вынулъ бу-

мажннкъ, отсчиталъ нѣсколько билетовъ, посмотрѣлъ одинъ на свѣтъ—и передалъ ей.

— Затѣмъ,—продолжала она, — я хотѣла тебѣ сказать нѣсколько словъ о Мери.

Онъ слегка повернулъ къ ней голову и насторожился.

— Мери въ такомъ возрастѣ, что ей пора замужъ. Я ее очень люблю и рада, что она здѣсь. Но мариновать ее въ прокъ тоже нѣтъ надобности,—пусть поживетъ своей жизнью.

Иванъ Петровичъ значительно сжалъ губы.

— Не ловить-же намъ за фалды жениховъ на площади? сказалъ онъ.

— Я тебѣ этого не говорю, — возразила она,—но все-таки намъ надо объ этомъ подумать.

— Что-жь,—подумай! снисходительно сказалъ онъ.

— Если-бы сдѣлалъ ей предложеніе твой князь? спросила она, слегка растягивая слова, такъ-что вышло „кня-язъ“.

— Какой мой князь?

— Борисъ Олсуфьевъ. Ты-бы согласился?

Иванъ Петровичъ какъ-будто собрался надѣть очки, но снова положилъ ихъ на мѣсто.

— Что значить „согласился“ или „не согласился“? мягкимъ шепотомъ заговорилъ онъ.— Причемъ тутъ можетъ быть согласіе сторонняго лица? Ты ей тетка; но и тетка—это, по нашему времени, понятіе, выражаясь языкомъ

твоихъ спиритовъ, — четвертаго измѣренія. Машенька — дѣвушка самостоятельная и можетъ сама распорядиться собою.

Анна Федоровна улыбнулась, такъ-что ея зубы блеснули знакомымъ ему блескомъ.

— Я не думаю, чтобъ она вышла замужъ помимо нашей воли, сказала она. — Мери — благоразумная дѣвочка.

— Я тоже благоразумень, зашепталъ Иванъ Петровичъ, — и не могу сказать дѣвущкѣ, которую люблю, какъ честное, милое существо: брось все, весь свой внутренній міръ, и отдайся всецѣло вотъ этому молодому человѣку. Лишись своей воли, своихъ взглядовъ, своихъ привычекъ, свяжи себя на всю жизнь, и торжественно обѣщай никого не пускать въ свою спальню, кромѣ его. За это онъ будетъ тебѣ измѣнять, подавлять въ тебѣ твое человѣческое достоинство и требовать отъ тебя, чтобъ ты была самкой и воспитывала дѣтенышей“. — Я не считаю себя на это вправѣ.

— Такъ вѣдь мы не за алеута ее выдаемъ?

— Алеутъ, пожалуй, лучше, точно съ сожалѣніемъ сказалъ онъ.

— Ты, Иванъ Петровичъ, съ нѣкоторыхъ поръ очень свободно смотришь на бракъ, не безъ сарказма сказала она.

Онъ развелъ руками.

— Отчего-же мнѣ не смотрѣть? Бракъ —

дѣло обоюднаго согласія. Но перевѣсъ всегда на сторонѣ мужчины, потому-что мужчина всегда опытнѣе женщины. Каждаго мужа можно было бы привлечь къ суду и засадить въ тюрьму, такъ-какъ каждая женщина можетъ доказать, что онъ ее вовлекъ обманомъ въ невыгодную сдѣлку.

— И ты меня вовлекъ?

Онъ надѣлъ очки.

— Нѣтъ, ты ничего не потеряла отъ этой сдѣлки, сказалъ онъ, и прежде чѣмъ она возразила, прибавилъ: — Машенькѣ я предоставляю полную свободу: она можетъ выходить хоть за Ефимова.

— За какого Ефимова? удивилась она.

— За старшаго курьера. Если она повѣритъ въ то, что ей будетъ хорошо съ нимъ, я съ удовольствіемъ благословляю ее. Такъ и передай ей.

Она встала, и также улыбаясь, поцѣловала его голову.

— Ты сегодня въ лирическомъ настроеніи, сказала она, подошла къ зеркалу и взглянула на прическу.— Тебѣ прислать чая? Мы пьемъ.

— Нѣтъ, ночь спать не буду. Вели дать сифонъ.

И онъ пододвинулъ къ себѣ бумаги, давая этимъ знать, что пора уходить и оставить его съ дѣлами.

XII.

Онъ со вниманіемъ сталъ перечитывать мнѣнія экспертовъ. Сегодня на засѣданіи получилось много разногласій среди членовъ комиссіи: спорили о томъ, какая лучше фигура,—стоячая или сидячая. Это вопросъ былъ совершенно праздный, такъ-какъ еще годъ назадъ та-же комиссія остановилось на стоящей фигурѣ. Приходилось комиссіи напомнить прежнее постановленіе и отстоять ту позу, которая, по мнѣнію Ивана Петровича, болѣе соответствовала дѣятельности законодателя, чѣмъ сидячая болѣе свойственная писателю или философу.

Иванъ Петровичъ считалъ себя человекомъ очень свѣдущимъ въ дѣлѣ постановки памятниковъ. Мнѣніе это онъ составилъ о себѣ вотъ по какому случаю. Дѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда еще онъ временно занималъ въ провинціи высшій административный постъ, ему довелось принять отъ его предшественника дѣло по постановкѣ одного памятника, долженствовавшего, по словамъ мѣстныхъ газетъ, составить лучшее украшеніе города. Постановка монумента не только была разрѣшена, но даже деньги на него собраны. Но нѣкій извѣстный скульпторъ никакъ не могъ вылѣпить статуи,

заказанной ему лѣтъ за пять до этого. Онъ даже не отвѣчалъ на письма, и только иногда, когда ему посылали телеграмму во сто словъ съ оплаченнымъ отвѣтомъ, — дня черезъ три отызвался совершенно уклончиво: „Стараюсь исполнить по мѣрѣ возможности“. Иванъ Петровичъ былъ вызванъ министромъ въ Петербургъ, и на другой-же день по прїѣздѣ поѣхалъ къ извѣстному ваятелю. Извѣстный ваятель встрѣтилъ его съ какимъ-то заспаннымъ лицомъ, и въ панталонахъ, у которыхъ нижняя отрешаная бахрома была запачкана въ чемъ-то известково-бѣломъ. Онъ какъ-будто удивился, увидя орденъ Станислава въ своей гостиной. Кавалеръ ордена сказалъ ему очень вѣжливо, даже добродушно, что онъ прїѣхалъ въ Петербургъ, чтобы двинуть это дѣло, и не уѣдетъ, пока его не двинетъ. При этомъ онъ просилъ показать ему, въ какомъ положеніи находится статуя. Художникъ задумался, точно сталь въ умѣ переводить берковцы на золотники, а потомъ вдругъ сказалъ:

— Сегодня, къ сожалѣнію, это невозможно. Но черезъ недѣлю — съ большимъ удовольствіемъ.

Черезъ недѣлю Иванъ Петровичъ снова звонилъ у его квартиры. Его попросили пожаловать прямо въ мастерскую. Тамъ его встрѣтилъ скульпторъ — гораздо болѣе оживленнымъ,

чѣмъ въ первый разъ. На немъ была надѣта блуза, вродѣ тѣхъ балахоновъ, что носятъ хирурги въ дни операцій. Онъ приподнялъ еще издали шелковую шапочку, хотя Иванъ Петровичъ былъ на этотъ разъ безъ ленты, и повелъ его въ студию, гдѣ стояли въ разныхъ позахъ гипсовыя Фрины, Евы и Аполлоны. По самой серединѣ мастерской высилась огромная зеленоватая масса. Сначала она показалась Ивану Петровичу безформенной, но потомъ, къ немалому удивленію, онъ увидѣлъ огромнаго голаго человѣка, съ гигантскими икрами и ребрами, рѣзко проступавшими съ обоихъ боковъ.

— Это что-же? не безъ изумленія спросилъ онъ.

— Вашъ заказъ, спокойно объяснилъ художникъ. — Вы изволите изумляться, почему онъ безъ платья? Но платье надѣть — пустяки; важно вылѣпить фигуру, чтобы всѣ части были пропорціонально связаны.

— Но онъ не похожъ, могъ только вымолвить Иванъ Петровичъ.

— Это тоже не суть важно, успокоилъ его скульпторъ. — Придать сходство — послѣднее дѣло. Если соблаговолите заѣхать деньковъ черезъ десять, все будетъ готово: пріодѣнемъ, причешемъ, сходство будетъ разительное.

И къ новому изумленію Ивана Петровича, статуя не только оказалась черезъ нѣсколько

дней одѣтой, — но и форму съ нея сняли и на чугунно-литейный заводъ отправили. Тамъ провозились всего мѣсяца два, и къ назначенному сроку открытія ее доставили въ городъ. Къ сожалѣнію, модель пьедестала по дорогѣ распалась не только на куски, но въ мелкій порошокъ, такъ-что весь постаментъ къ памятнику по собственному усмотрѣнію вытесалъ мѣстный монументный мастеръ Симха Шваркъ. Монументъ хотя и продолжалъ считаться лучшимъ украшеніемъ города, однако, въ сущности, былъ довольно грустнымъ произведеніемъ искусства. Но Иванъ Петровичъ, лично его открывавшій, съ мѣстнымъ архіепископомъ, счелъ себя специалистомъ по памятникамъ. Когда упрочилось дѣло по постановкѣ памятника Клементьеву, онъ взялъ первенствующій голосъ въ комитетѣ и усердно настаивалъ на стоящей фигурѣ, говоря, что очень важенъ контуръ общаго ансамбля.

Комиссія была составлена довольно разнообразно. Тутъ былъ одинъ очень почтенный архитекторъ съ чудесными бакенбардами и звѣздой. Тутъ былъ какой-то полковникъ съ рыжими усами, до сихъ поръ служившій по коннозаводству. Былъ одинъ писатель, думавшій все время о чемъ-то чрезвычайно важномъ, и все смотрѣвшій на потолокъ, словно онъ боялся, что вдругъ тому придетъ желаніе обва-

литься. Былъ одинъ чиновникъ изъ воспитательнаго дома; былъ предсѣдатель общества естествознанія, рисовавшій женскіе профили съ армянскими носами, и были еще невѣдомые Ивану Петровичу личности, но всѣ болѣе или менѣе украшенные орденами. Собиралась комиссія рѣдко, — въ годъ раза два, и все никакъ не могла выбрать изъ представленныхъ проектовъ ни одного достойнаго. Сегодня они разсматривали уже вторую серію моделей, — и опять пришли къ разногласію.

— Я стою за концепцію, говорилъ конно-заводскій полковникъ. — Я прямо заявляю, что рѣшительно считаю себя профаномъ въ дѣлѣ искусства и техники, формы не признаю. Концепція-же говоритъ моему мозгу. Поэтому я предпочитаю проектъ подъ девизомъ „Орелъ“. Мнѣ нравится, что у подножія памятника изображенъ нищій съ сумой, — а съ другой стороны онъ-же послѣ благодѣтельныхъ послѣдствій введенія законодательныхъ положеній — но уже въ иномъ видѣ: въ поддевки и съ балалайкой. Это идейно.

— Но мы болѣе одной фигуры помѣстить не можемъ, съ лаской въ голосъ, но съ строгимъ лицомъ возразилъ Иванъ Петровичъ. — Да и почему босые нищіе могутъ фигурировать на памятникѣ? Не породятъ-ли они въ средѣ случайныхъ прохожихъ превратныхъ толкованій?

Писатель, разсматривавшій іоническія колонны и сидѣвшій съ видомъ человѣка, который много знаетъ, но не хочетъ всего высказывать, замѣтилъ:

— Я, господа, если позволите мнѣ слово, вообще противъ человѣческой фигуры на памятникѣ. Всякая фигура въ концѣ концовъ надоѣстъ. Только архитектурный мотивъ можетъ дать умиротворяющее, спокойное впечатлѣніе.

Чиновникъ изъ воспитательнаго дома ожилъ.

— Я тоже готовъ примкнуть къ мнѣнію нашего почтеннаго беллетриста, сказалъ онъ и обратился къ Ивану Петровичу, — Я бы предложилъ просто колонну, обвитую плющемъ или лавромъ, а на колоннѣ — пеликана или орла, — судя по тому, что помѣщено въ подлежащемъ вѣдомствѣ на пуговицахъ. Дѣйствительно, ваше высокопревосходительство, нѣтъ ничего ужаснѣе, если вамъ надоѣстъ какой-нибудь предметъ, часто попадаясь на глаза. Между тѣмъ эмблема въ видѣ птицы, которую мы ежедневно видимъ на пуговицахъ, отнюдь намъ не надоѣдаетъ.

Архитекторъ думалъ иначе. Онъ снисходительно расправилъ свои превосходныя бакенбарды и сказалъ:

— Ваше превосходительство, — ужь если го-

ворить о колоннѣ, то почему-же не о скалѣ? Скала всегда знаменуетъ извѣстный подъемъ, который достигнуть тѣмъ или другимъ способомъ. Колонна-же имѣетъ характеръ слишкомъ побѣдный.

Но Иванъ Петровичъ умѣлъ руководить за-сѣданіями, никогда не сердясь и всегда оставаясь въ предѣлахъ благодушія, какія-бы глупости члены засѣданія ни говорили. И теперь онъ сложилъ руки палець-въ-палець и сказалъ:

— Все это прекрасно, милостивые государи, я совершенно согласенъ съ вами. Но объ этомъ слѣдовало говорить годъ назадъ. Сегодня-же мы собрались здѣсь для того, чтобы рѣшить, который изъ представленныхъ проектовъ лучше.

Наступило молчаніе. Никто не хотѣлъ говорить первый. Иванъ Петровичъ опять пришолъ всѣмъ на помощь.

— Ваше превосходительство, обратился онъ къ архитектору, — отъ васъ, какъ отъ наиболѣе компетентнаго сочлена, мы ждемъ сладчайшихъ медовъ.

Архитекторъ съ видомъ застѣнчивой дѣвушки наклонилъ голову.

— Если позволите, ваше высокопревосходительство, сказалъ онъ, — я выражу мнѣніе парадоксальное. Мы сегодня собрались уже на

седьмое засѣданіе, а въ сущности ни къ чему не пришли. Вотъ и результаты второго конкурса проектовъ передъ нами, — а по лицамъ комиссіи я вижу, что всѣ разочарованы. И я думаю, что если мы еще двадцать-семь разъ соберемся—все-таки изъ этого ничего не выйдетъ. Конкурсъ—путь ложный,—изъ него никогда ничего путнаго не будетъ. Надо просто заказать кому-нибудь памятникъ, и дѣло съ концомъ.

— Образовавъ для наблюденія подкомиссію, прибавилъ полковникъ.— У насъ въ коннозаводствѣ былъ такой случай...

И онъ рассказалъ коннозаводскій случай.

Иванъ Петровичъ тѣмъ не менѣе потребовалъ, чтобы были составлены протоколы: почему именно присланные проекты не удовлетворяютъ требованіямъ комиссіи. Началась подача мнѣній. Всѣ особенно расходились въ вопросѣ надписей. Одинъ изъ членовъ предлагалъ написать на пьедесталѣ: „Другу людей“,—но это не заслужило одобренія. Чиновникъ изъ воспитательнаго дома предложилъ надпись: „Славься симъ“, причемъ должны быть изображены эмблемы дѣятельности лица, коему ставится памятникъ. На это архитекторъ заявилъ, что нѣтъ ничего труднѣе изобразить эмблему чиновника, служащаго по администраціи.

Беллетристъ началъ поспѣшно рисовать огром-

ный глазъ съ рѣсницами, идущими лучами во всѣ стороны.

— Я-бы предложилъ никакой надписи не дѣлать, сказалъ онъ.— Зачѣмъ надпись? Посмотрите, какъ гениально сочинено императрицей посвященіе императору: „Петру — Екатерина“. Зачѣмъ многословіе? Подпишите: „Такому-то—потомство“.

— Хорошо было-бы прибавить барельефъ на самомъ пьедесталѣ, сказалъ предсѣдатель естественнаго общества.—Напримѣръ—изобразить генія прогресса, указующаго путь реформатору?

— Вы записываете все это, Пименъ Акимычъ? спросилъ Иванъ Петровичъ у чиновника съ медалью за коронацію, исполнявшаго должность секретаря.

— Какъ-же, ваше высокопревосходительство, сказалъ онъ, наклоняя голову съ проборомъ, выведеннымъ по стрункѣ.—Всѣ мнѣнія занову съ стенографической точностью.

Мнѣній получилось очень много, и они были весьма разнообразны. Полковникъ особенно настаивалъ на томъ, чтобъ не было аллегорій, такъ-какъ смѣшна аллегорія наканунѣ двадцатаго вѣка. Но ему не вняли и сказали, что аллегорія аллегоріи розь. Тогда онъ сталъ настаивать на стилѣ рококо, говоря что это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ стилей. Пименъ

Акимовичъ все это записалъ ровнымъ неторопливымъ почеркомъ.

— Вы мнѣ дайте нашъ брульонъ, сказалъ ему Иванъ Петровичъ, — я вамъ покажу, какъ его свести.

И хотя Пименъ Акимовичъ клялся, что къ девяти вечера онъ доставить его высокопревосходительству начисто переписанный протоколъ, онъ настоялъ на своемъ и взялъ черновку.

На подвѣздъ онъ вышелъ съ беллетристомъ, фамилья котораго была Дедюковъ.

— Много пишете? спросилъ онъ, тщетно припоминая, на обложкѣ какого журнала онъ видѣлъ его фамилію.

— Пишу, уклончиво отвѣтилъ Дедюковъ.

— Кстати, сказалъ Иванъ Петровичъ и дотронулся до пуговицы писательскаго пальто для возбужденія вниманія. — Знаете вы такого писателя по фамиліи Недо... Немля... Невмятулинъ?

— Есть такой.

— Талантливъ?

— А не читаль. Я кромѣ газетъ и Толстого ничего не читаю. Да когда-же читать?

Иванъ Петровичъ потрясъ головою въ знакъ одобренія: дескать, я понимаю, и мнѣ некогда читать.

— Онъ что-то не то про фабричныхъ, не

то про деревню писалъ. Отдаетъ отъ него заставой.

Иванъ Петровичъ поднялъ брови.

— Какой заставой?

— Знаете, за заставой въ праздникъ, гдѣ фабрикъ и заводовъ много. Гармоника играетъ, сивухой пахнетъ, подсолнухами вся земля усыпана, франты въ резиновыхъ калошахъ ходятъ. Вотъ этимъ самымъ и отдаетъ Невмятулинъ.

Иванъ Петровичъ поблагодарилъ за сообщеніе и сѣлъ въ свои парныя сани съ зеленой сѣткой на лошадахъ.

— Въ резиновыхъ калошахъ! повторилъ онъ. — Пожалуй онъ въ министерство будетъ приходить въ резиновыхъ калошахъ. Изъ чего за него такъ распинается князь?

Теперь, сидя дома, за брульйономъ Пимена Акимовича, онъ опять вспомнилъ Невмятулина, записалъ на черной дощечкѣ грифелемъ его фамилію и поставилъ возлѣ вопросительный крючокъ.

Дочитавъ до послѣдней строки рукопись, онъ сложилъ очки, потянулся, пожевалъ губами и позвонилъ въ телефонъ. Ему тотчасъ отвѣтили.

— Передайте, что завтра буду у нихъ завтракать, сказалъ онъ. — Если уже легла — не будите.

Онъ почему-то думалъ, что Жозефина ложится во второмъ часу.

XIII.

Невмятулинъ работалъ далеко за полночь. Онъ все писалъ и переписывалъ прошеніе объ опредѣленіи на службу. Ему гораздо было проще написать небольшой рассказъ, чѣмъ полстраницы прошенія. Рассказы онъ писалъ удивительно просто. Онъ всегда бралъ бѣднаго больного мужа и здоровую сварливую жену; посредникомъ между ними являлся необыкновенно умный ребенокъ, одинъ изъ „маленькихъ людей“, который или умиралъ отъ тоски, что мать не поняла отца, или мать выбрасывала его изъ четвертаго этажа на мостовую. Иногда, для разнообразія, умиралъ отецъ, — это въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было написать рождественскій рассказъ, подъ названіемъ „Печальная елка“. Но жена всегда оставалась жива, только характеръ ея круто мѣнялся послѣ катастрофы и она рыдала надъ трупомъ мужа или младенца „какъ безумная“.

Жена Невмятулина, Авдотья Романовна, всегда негодовала на его повѣсти и жаловалась родственникамъ.

— Скажите, почему онъ женъ въ неприглядномъ видѣ выводитъ? Прямо какая-то личность противъ меня.

— Я обобщаю, оправдывался Невмятулинъ.

— Знаю я твои обобщенія. Я тебѣ много матеріала дала: ты мнѣ половину гонорара долженъ отдавать.

Семейный міръ ему всегда рисовался въ видѣ геены огненной. гдѣ грѣшники кипятъ въ котлѣ, а бѣсенята подкладываютъ огонь. У него было трое дѣтей, но они мало походили на его идеальныхъ „маленькихъ людей“, а скорѣе имѣли сходство съ бѣсенятами, подкладывающими огонь. Старшій сынъ, четырнадцати лѣтъ, съ синими кругами подъ глазами, былъ гимназистомъ и съ упорствомъ сидѣлъ по два года въ каждомъ классѣ. Восьмилѣтняя дѣвочка — рыжая съ плоскимъ лбомъ и безцвѣтными глазами — все время сплетничала матери на отца, а отцу на мать, за что получала отъ обоихъ то пинки, то подачки. Младшій, толстый трехлѣтній карапузъ, былъ буйанъ и крикунъ, за что его мать сбѣкла ежедневно.

Воркотня въ ихъ домѣ поднималась раннимъ утромъ. Грязная кухарка съ ворчаньемъ поднималась чѣмъ свѣтъ и выкидывала за дверь шаршаваго кота, грѣвшаго по ночамъ ей ноги. Потомъ она начинала сурово сбрасывать со стола бѣгавшихъ таракановъ, суля имъ весьма нелестныя пожеланія. Потомъ она бранилась съ самоваромъ, который въ своей чередѣ брюзжалъ и шипѣлъ ей въ отвѣтъ.

Если являлся дворникъ, то получалъ цѣлый коробъ самыхъ отборныхъ эпитетовъ, на какіе только способна петербургская кухарка, съ малыми доходами. Вставала Авдотья Романовна, нечесаная, на босу-ногу, приходила въ кухню и сразу начинала ругать и стряпуху, и дворника, и самоваръ, и кота. Голосъ ея раздавался то въ корридорѣ, то въ гостиной, то въ спальнѣ, — всюду и всеѣмъ она была недовольна. Стулья и табуреты падали, когда она проходила мимо, платье валилось съ вѣшалокъ, даже иногда картины срывались съ гвоздей. Просыпались дѣти, и еще въ постели начинали перебраниваться другъ съ другомъ, ревѣть и покушаться на взаимное сокрушеніе реберъ. Старшій, Никита, былъ всегда заспанъ, мраченъ, одѣвался лѣниво, лѣниво пилъ чай, лѣниво шолъ въ гимназію, таща за одинъ ремень чахлый ранецъ. Дѣвочка, Софка, все время путалась у него подъ ногами, и всеѣми силами стараясь вывести изъ себя брата. Карпузь, Борька, доставалъ откуда-то молотокъ и начиналъ дубасить во всю мочь по подоконнику, крича при этомъ такъ, словно его жгли раскаленнымъ желѣзомъ. Тогда вставалъ отецъ, принималъ крутыя мѣры, разставлялъ всеѣхъ по угламъ, и временно наставляла тишина, пока у него самого не начинались стычки съ женою.

Ссорились они безъ перерыва, ссорились грубо, стараясь обидѣть другъ друга больнѣе, возвышая голосъ до крика. Въ первое время послѣ ихъ свадьбы, имъ это казалось дикимъ, и они сами съ отвращеніемъ ловили себя на перебранкѣ. Но потомъ эта перебранка такъ вошла въ обычную колею, что казалось невозможнымъ хотя-бы одинъ день прожить безъ шума и ругни. Нетолько дѣти и прислуга, но даже посторонніе не мѣшали ихъ постояннымъ пререканіямъ, и они не стѣснялись никѣмъ. Иногда сосѣди, выведенные изъ себя криками, присылали къ нимъ прислугу, съ просьбою дать покой. И тогда стряпуха съ особеннымъ наслажденіемъ докладывала:

— Отъ сосѣдней мамзели пришли сказать, что мбчи ихъ нѣтъ отъ вашей ругани, такъ чтобы вы утихли.

Тогда Авдотья Романовна, на зло сосѣдней мамзели, начинала вколачивать въ ея стѣну пробой, рассчитавъ то мѣсто, гдѣ, по ея мнѣнію, должна находиться сосѣдкина постель, а Невмятулинъ, заткнувши уши, сидѣлъ у стола и бессмысленно повторялъ одно:

— Къ чорту, къ чорту, къ чорту!..

Къ ночи содомъ нѣсколько утихалъ, всѣ уставали. Да и дѣти рано ложились спать, выпивъ свое жидкое молоко съ чернымъ хлѣбомъ, а стряпуха заваливалась спать съ девяти

часовъ. Невмятулинъ работаль по большей части по ночамъ, при свѣтѣ небольшой керосиновой лампочки, тускло озарявшей скучные узоры на обояхъ кабинета, портретъ извѣстнаго критика, сочиненій котораго Невмятулинъ никогда не читаль, и изображеніе какого-то профессора, не то Грановскаго, не то Кавелина, — хозяинъ навѣрно не зналь. Такъ его нерѣдко заставляла поздняя петербургская заря. Сегодня онъ тоже сѣлъ за работу, когда улеглись дѣти.

— Ты мнѣ перепишешь прошеніе, Дуня, предупредилъ онъ жену. — У тебя почеркъ писарскій.

Она что-то буркнула въ отвѣтъ и приѣхла въ сосѣдней комнатѣ за штонку чулковъ. Прошло и часъ, и два, а мужъ все писалъ.

— Долго ты будешь колобродить? спросила она.

По тону ея голоса онъ поняль, что надвигается буря.

— Пишетъ прошеніе! продолжала она. — Думаетъ, что выйдетъ что-нибудь изъ его прошенія! Да кто тебя на службу возьметъ? Тебѣ-бы кропать только твои рассказы, а какой ты чиновникъ! И чего ты срамишься?

— Я ужъ почти опредѣлень, пробормоталь онъ.

— Это тебя за носъ водять, никто тебя не возьметъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она подождала, прислушалась—не возразить-ли онъ, и перешла къ нему въ кабинетъ. Онъ не подымалъ глазъ. Она сѣла противъ него.

— Знаешь, заговорила она, — мнѣ иногда ужасно хочется тебя отравить. Подсыпать что-нибудь тихонько въ супъ или чай.

Онъ посмотрѣлъ на нее и опять промолчалъ.

— Сколько разъ, продолжала она, — у меня являлось желаніе задушить тебя соннаго. И я когда-нибудь задушю. Какъ ты мнѣ противенъ! Все въ тебѣ противно: твои пальцы короткіе, тупые, твой голосъ, твои скулы. Зачѣмъ я за тебя пошла?

— Да вѣдь ты просила, чтобъ я на тебѣ женился? спокойно сказалъ онъ.

Она встала и вытянулась во весь ростъ.

— Повтори, что ты сказалъ, проговорила она, блѣднѣя.

Глаза ея выкатились, она вся задрожала. Онъ вскочилъ и схватилъ ее за руки. Она рѣзко взвизгнула.

— Молчи! въ бѣшенствѣ завопилъ онъ, и зажавъ ротъ, повалилъ ее на диванъ.

Она била его ногами, наровила укусить, извивалась какъ кошка, а онъ, тяжело пыхтя, старался отвести руки подальше отъ ея зубовъ и больнѣе сдвигать ихъ. Дѣти проснулись, ка-

рагузь собрался заплакать, но сестра ткнула его въ бокъ и сказала:

— Не ори! Опять они дерутся. Спи!

XIV.

Припадокъ перешоль въ истерику. Она стихла и стала растирать руки, надавленные мужемъ до синяковъ; онъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, тяжело дыша и поводя головой изъ стороны въ сторону, какъ волъ, запряженный въ ярмо. На его короткой шеѣ налились жилы, онъ чувствовалъ какъ бьются артерин и старался остановить ускоренное дыханіе.

Она встала, подошла къ нему, стала на колѣни и поцѣловала его руку.

— Прости меня, сказала она, прижимаясь къ его рукѣ щекою.—Я сумасшедшая. Когда я говорю такія вещи, какъ сейчасъ,—бей меня. Прямо ударь, чтобъ было больно, чтобъ я опомнилась. Дай мнѣ твое прошеніе, я перепису.

Она взяла бумагу, какъ-то стыдливо опустивъ голову, подошла къ столу, сѣла въ кресло мужа и стала четкимъ, красивымъ почеркомъ переписывать прошеніе.

Онъ лежалъ на старомъ продавленномъ диванѣ и безо всякой опредѣленной мысли смотрѣлъ на портретъ чахоточнаго критика. Онъ

радъ былъ, что сегодняшняя перепалка кончилась сравнительно миролюбиво: не летали по комнатѣ чернильницы, не бились стекла и сама Дунечка не намѣревалась выброситься изъ форточки. Она даже не стукалась головой объ стѣну, съ цѣлью размозжить себѣ черепъ что случилось обыкновенно не рѣже двухъ разъ въ недѣлю. Невмятулинъ курилъ и слѣдилъ за облаками дыма, волнующимися надъ нимъ. Онъ даже подумалъ о томъ, что если-бы не припадки жены, онъ еще больше ожирѣлъ-бы, у него не было-бы даже и такой гимнастики.

Писала она долго, не торопясь, перечитывая каждое слово, иногда задумываясь надъ буквой ѣ. Лицо ея было миловидно: нельзя было подумать, что у нея сынъ по пятнадцатому году. Носикъ у нея былъ курносинькій, и тянулся кверху, сообщая лицу какую-то дѣтскую наивную простоту. Сама она была худенькая съ длинными рѣсницами и густою темною косою, которую она, заплетая по-дѣвичьи, выбрасывала за спину. Руки у нея были тоненькія, жилистые, и она держала перо, согнувъ крючкомъ указательный палецъ и крѣпко на него нажимая сверху. Мужъ смотрѣлъ на нее съ дивана и думалъ: „Гдѣ въ ней сидитъ этотъ дьяволъ, что заставляетъ ее то говорить и дѣлать, что она говорить и дѣлаетъ?“

Она кончила писать и попросила взглянуть.

Онъ взглянулъ и нашолъ, что написано прекрасно.

— Зачѣмъ ты меня сердишь? ласково проговорила она, прижимаясь щекой къ его рукѣ.

— Чѣмъ-же я тебя сержу? спросилъ онъ.

— Всѣмъ. Ты не хочешь никогда ни въ чемъ мнѣ уступить. Я одна работаю, какъ собака, а ты ходишь по редакціямъ и воображаешь, что дѣлаешь дѣло.

Она опять стала раздражаться.

— Вѣчно ты снулый какой-то, какъ мороженый окунь. Я мечусь изъ угла въ уголъ, стараюсь, чтобъ у насъ было меньше издержекъ, отказываю себѣ во всемъ, даже въ платьяхъ, а ты платишь по пяти рублей за обѣдъ у какого-то „Медвѣдя“.

— Да вѣдь этотъ князь...—началъ въ свой чередъ Невмятулинъ.

— Какое мнѣ дѣло до князей, и до всей этой аристократіи, куда ты лѣзешь! продолжала она, возвышая голосъ.—Я вижу одно—свою загубленную жизнь. Я забита въ темный уголъ и сижу тамъ лишенная всего, — всего, что только есть на свѣтѣ...

Она сѣла на полъ и горько заплакала. Онъ завозился въ креслѣ.

— Да успокойся, раздраженно заговорилъ онъ, протягивая руку по направленію ея. —

Почему ты лишена всего? Чего тебѣ не достаетъ, о чемъ ты говоришь?

Она вдругъ вскочила на ноги.

— Ты хочешь сказать, что у меня есть дѣти, и потому я не могу жаловаться на свою жизнь? Такъ нянчись самъ съ ними,—а я уйду, слышишь, уйду отсюда. Силъ моихъ больше нѣтъ!

— Что-жь, ты опять въ прачки пойдешь? спросилъ онъ, стараясь сказать это какъ можно обиднѣе и больнѣе.

— А! ты вотъ о чемъ вспомнилъ! закричала она.—Ты, какъ всегда, хочешь попрекнуть меня тѣмъ, что я гладила бѣлье и служила у чухонки. А что-же, когда ничего больше не умѣла дѣлать, и ни на какой трудъ не была способна? Зачѣмъ ты меня оттуда взялъ, кто тебя просилъ? Я помню, какъ ты стоялъ у окна и какими развратными глазами смотрѣлъ на насъ,—а мы—все молодыя красивыя дѣвушки—гладили бѣлье. Я помню, ты мнѣ самъ говорилъ, что тобой руководило только животное чувство, когда ты спустился въ наше заведеніе и спросилъ, можно-ли отдать въ стирку бѣлье. Ты говорилъ, и все время смотрѣлъ на меня... Потомъ началъ ходить подъ окнами и сощѣтъ своимъ носомъ... А потомъ ты узналъ, что я была на акушерскихъ курсахъ,—и не изъ таковскихъ, что меня можно обольстить да бросить...

— Да тише ты! проговорилъ онъ, чувствуя, что опять кровь ударяетъ въ голову и бьетъ въ виски. — Вѣдь дѣти услышатъ.

— А пускай слышатъ, — пускай! взвизгнула она. — Тебѣ какое дѣло?

— Я тебя запрю въ сумасшедшій домъ, прошипѣлъ онъ, наклоняясь къ ней и тряся ее за плечи. — Слышишь? Брось свою истерію; — иначе плохо будетъ.

— А! Я истеричная? крикнула она. — Меня въ сумасшедшій домъ надо! Такъ вотъ тебѣ, вотъ!

Она схватила свое прошеніе, скомкала его у стала рвать на куски.

— Пиши, переписывай самъ! повторяла она машинально, съ лицомъ искривленнымъ злобой, съ вытаращенными глазами. Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ. Она отскочила.

— Не смѣй дотрогиваться до меня! взвизгнула она и, кинувшись въ спальную, захлопнула дверь такъ, что боевая пружина зазвенѣла.

Въ сосѣднюю стѣну раздалось три удара. Это „сосѣдняя мамзель“ колотила по ихъ адресу, какъ-бы прося умолкнуть и напоминая, что за стѣной живутъ люди, которые хотятъ спать.

XV.

Невмятулинъ ходилъ по комнатѣ, держась за голову. Какъ онъ ни привыкъ къ такимъ сценамъ, — все-же сегодняшній припадокъ казался ему выходящимъ изъ ряда вонъ. Если такъ продолжится дальше, что-же будетъ? Съ каждымъ мѣсяцемъ все чаще и сильнѣе дѣлались эти припадки, и онъ не находилъ въ себѣ силъ ихъ предотвратить. Доктора говорили, что надо на нее дѣйствовать рѣзкими мѣрами, силой, дѣлать ей больно, чтобы заставить опомниться. И онъ начиналъ дѣйствовать рѣзко. и дѣло доходило до драки, до отвратительной драки. Въ дни своего студенчества онъ никогда-бы не повѣрилъ, что рука его „можетъ подняться на женщину“. Но она преспокойно поднялась, послѣ того, какъ жена больно ударила его по рукѣ линейкой, и линейка сломалась. Онъ понималъ собакъ, которыя, какъ по командѣ, вступали въ бой при первой встрѣчѣ, онъ чувствовалъ эту животную, волчью потребность, — едва замахивалась на него рука — отвѣчать на ударъ ударомъ. Иногда ему казалось, что ей доставляетъ наслажденіе не только та боль, что она наноситъ ему, но и тѣ побои, что сама воспринимаетъ. И знакомый психіатръ, долго ее наблюдавшій, подтверждалъ

ему, что это такъ, и что у нея есть прямо потребность въ боли, только боль и можетъ ее успокоить. Но бѣда была въ томъ, что онъ-то не страдалъ такой болѣзнию, и его жирное одутловатое тѣло было очень чувствительно къ ея щипкамъ и пинкамъ. Еще менѣе способна была сосѣдняя мамзель согласиться съ теоріей доктора и отъ души желала, чтобъ мужъ пришибъ на смерть сварливую бабу.

Онъ вспоминалъ встрѣчу съ нею пятнадцать лѣтъ назадъ. Да, это было такъ, какъ она сегодня говорила. Онъ шолъ въ осенній дождливый вечеръ по тротуару. Уже зажглись огни и ночь почти наступила. На углу у ярко-освѣщенныхъ оконъ онъ остановился. Это было большое прачешное заведеніе, помѣщавшееся ниже тротуара. Десятка полтора молоденькихъ гладильщицъ, въ бѣлыхъ передникахъ, стояли передъ покрытыми чѣмъ-то бѣлымъ столами и—красныя отъ усилія, водили обнаженными упругими руками утюги взадъ и впередъ, иногда осторожно скользя носикомъ между складокъ, иногда крѣпко напирая обѣими ладонями на ручку. Съ самага края, у окна стояла блондинка—полная, съ ямочками на щекахъ и съ сѣрымъ вызывающимъ взглядомъ. Когда онъ остановился у окна, она повернула къ нему голову и глянула свѣтлыми, веселыми глазами, въ которыхъ совѣмъ не сквозила невинность.

Онъ, не отдавая отчета что дѣлаетъ, спустился по ступенямъ, отворилъ дверь, и его охватила истонная атмосфера пара отъ влажнаго бѣлья, припеченнаго горячими утюгами. Въ воздухѣ пахло вмѣстѣ — и сырмъ глаженьемъ, и молодымъ здоровымъ разгоряченнымъ женскимъ тѣломъ. Онъ обвелъ глазами ближайшій къ нему столъ и остановился на блондинкѣ съ ямочками.

— Вы принимаете въ стирку? сказалъ онъ.

Ямочки стали еще замѣтнѣе, изъ-за припухлыхъ розовыхъ губъ блеснули зубы и грудной голосъ отвѣтилъ:

— Только вокругъ этого и ходимъ.

Въ это время къ пустому мѣсту подошла худенькая брюнетка съ печальнымъ взглядомъ. Она спокойно полупрезрительно оглядѣла молодого человѣка и принялась за глаженье.

— Такъ я принесу, пролепеталъ онъ, смотря на нее.

— Принесите, отвѣтили ямочки.

Этотъ вечеръ оказалъ вліяніе на всю жизнь Невмятулина. Черезъ недѣлю, онъ уже гулялъ по Таврическому саду съ обѣими прачками, и зналъ, что блондинка—вдова писаря, а брюнетка—годъ назадъ кончила акушерскіе курсы,—но въ чемъ-то сразу попалась и ей запретили практику. Это былъ годъ выпуска изъ

университета. Къ осени, онъ сразу получилъ мѣсто учителя—и женился.

Первое время, казалось, все идетъ хорошо. Жили они въ двухъ маленькихъ жалкихъ комнатахъ, на Пескахъ, въ четвертомъ этажѣ. Лѣстница была темная, вся пропахшая кошками, которыхъ было безчисленное множество въ домѣ; окна ихъ квартиры упирались въ чью-то сосѣднюю крышу, потолки были низкіе; но имъ было весело и хорошо. Вечернее солнце золотило ихъ кисейныя занавѣски, герань на подоконникахъ и коверъ—предметъ роскоши—висѣвшій на стѣнѣ и изображавшій русскую пляску, при чемъ лицо плясавшей дѣвушки болѣе напоминало карту Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ существо, созданное по образу и подобию божію. Грязная кухарка, еще болѣе грязная, чѣмъ та, что служить у него теперь, стряпала на кухнѣ. Откуда-то появился тощій кривой котъ, и ему обрадовались, потому-что по постелямъ бѣгали мыши. Было свѣтло и радостно, при дешевенькой лампѣ, при вязаныхъ скатереткахъ,—при запахѣ капустой и перцомъ по всей квартирѣ. Все-таки это былъ праздникъ жизни. Невмятулинъ ходилъ на службу, въ гимназію, и хотя особенно никогда не любилъ своей службы, но старался быть хорошимъ учителемъ. Два младшіе класса, доставшіеся ему, не давали „простора для его мысли“, и онъ

скрѣпи сердце объяснялъ, что такое существительное и что такое глаголь, хотя самъ сознавалъ всю нелѣпность этого объясненія и всю безцѣльность наивныхъ опредѣленій. Иногда ему хотѣлось поправить самого себя. Онъ давалъ какое-нибудь опредѣленіе, и самъ себя опровергалъ передъ мальчиками, съ какой-то злобой противъ существующаго строя грамматики:

— Если вамъ кто скажетъ, — говорилъ онъ, — что глаголь есть часть рѣчи измѣняющаяся по временамъ и лицамъ, то плюньте ему въ лицо и скажите, — что по-русски можно правильно построить фразу: — „А вотъ не приди я завтра къ нему — онъ обидится“, — гдѣ „приди“ будетъ первое лицо будущаго времени.

Начальству мало нравилась такая система преподаванія, особенно, когда онъ увѣрялъ при директорѣ, человѣкѣ старомъ, что въ предложеніи — „здѣсь нѣтъ двери“ — нѣтъ — сказуемое, а двери подлежащее. Директоръ не спалъ послѣ этого ночь и съ грустью просматривалъ грамматику Востокова и Греча, которые ему были не чужды во дни юности. Онъ сталъ коситься на Невмятулина и точно съ опаской подавалъ ему руку. А тутъ и подвернулось обстоятельство, которое навсегда заставило его покинуть учительское мѣсто.

Времена студенчества — вторая половина семидесятыхъ годовъ — прошла для него довольно

благополучно. Онъ какъ-то счастливо вылавировалъ среди безчисленныхъ подводныхъ мелей, когда многіе изъ его товарищей куда-то исчезли. Приэтомъ его нельзя было назвать „осторожнымъ молодымъ человѣкомъ“, —напротивъ, онъ усердно посѣщаль всякія сходки, былъ со всѣми знакомъ, и только не имѣлъ обыкновенія ни съ кѣмъ вести переписки. Съ женитьбой—все улеглось еще больше, и повидимому не было никакого сомнѣнія, что недалеко то время, когда на синемъ лацканѣ форменнаго фрака появится малиновый крестикъ, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ такой-же на шеѣ. Но, какъ говорилось въ старыхъ романахъ: „судьба судила иначе“.

XVI.

Туть-же, на Пескахъ, жила одна дама, по фамиліи Дятловичъ. Это была довольно помятая жизнью особа, съ распущенными по спинѣ желтыми волосами, съ вѣчной папирсой въ обкуренныхъ табакомъ пальцахъ, всегда одѣтая въ черное платье. Жила она „по принципу“ на второмъ грязномъ дворѣ, въ маленькой квартиркѣ,—но имѣла много денегъ и постоянно мѣняла юношей, которые по очереди проживали въ ея спальнѣ, иногда съ недѣлю, а иногда и до двухъ мѣсяцевъ. Деньги

она раздавала не считая, такъ-что однажды одинъ литераторъ, огромнаго роста, болѣе куластый, чѣмъ талантливый, сказалъ ей смѣясь:

— Вѣдь васъ убьютъ когда-нибудь?

Она удивилась.

— Зачѣмъ?

— А чтобъ ограбить?

Она прищурилась и насмѣшливо посмотрѣла на него.

— *Pas si bête!* Неужто вы думаете, я держу что дома, кромѣ чековой книжки?

Она считала себя революционеркой, и у нея былъ цѣлый складъ подпольныхъ изданій. У нея жила, въ видѣ служанки, „интеллигентка“ Лили. Лили читала Шопенгауэра, мыла полы, ставила самовары, сидѣла вмѣстѣ съ гостями *madame* Дятловичъ, иногда отбивала ея любовниковъ. У Лили былъ обычай,—каждому гостю сунуть потихоньку въ карманъ пальто нѣсколько брошюрокъ и книжонокъ изъ склада. То-же она продѣлала и съ Невмятулинымъ. Невмятулинъ по недосмотру притащилъ ихъ на другой день въ гимназію, а одна брошюрка затесалась среди тетрадокъ съ диктовкой и попала въ классъ. Онъ успѣшилъ выйти по прошенію. Тогда *madame* Дятловичъ стала его къ себѣ приближать, какъ-бы чувствуя невольную вину передъ молодымъ учителемъ. Но эта близость не понравилась женѣ Невмяту-

лина, которая въ одинъ изъ вечеровъ опрокинула стаканъ съ чаемъ, вскакывая изъ-за стола, и сказала, что сожалѣетъ, что чай попалъ не въ лицо хозяйки. Хозяйка выдвинула презрительно нижнюю губу и спросила при всѣхъ Невмятулина:

— Ты не находишь, что она дура?

Невмятулина хотѣла немедленно выброситься въ окно, чтобы заразъ доставить всѣмъ и удовольствіе, и непріятность. Но одна энергичная дѣвица, Сара Гольштейнъ, увела ее домой, говоря, что жизнь каждаго нужна для дѣла, а не для мертвецкой. Невмятулинъ воротился домой только утромъ и былъ неожиданно для себя избитъ толстымъ лексикономъ настолько, что ему впервые пришлось подумать о святости супружескихъ обязанностей.

Вскорѣ его арестовали. Этотъ арестъ повлиялъ на возстановленіе супружескихъ отношеній: жена вдругъ его полюбила и съ плачемъ кинулась по всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ, вымаливая прощенія и увѣряя, что онъ невиненъ, какъ голубь. Но его невинность показалась нѣсколько сомнительной, и черезъ годъ онъ очутился въ довольно далекой губерніи. Жена поѣхала къ нему чрезвычайно довольная, считала свое пребываніе съ нимъ величайшимъ подвигомъ и чрезъ недѣлю по приѣздѣ уже попрекнула его:

— Да ты долженъ въ ногахъ у меня ползати, что я забыла все и прѣехала. Ты себя мученикомъ считаешь! Скажите, какой мученикъ! Да тебѣ въ десять разъ больше было мученія въ классѣ ходить да ребятишекъ учить.

Здѣсь, въ глуши, онъ и занялся литературой. Еще въ гимназическомъ рукописномъ журналѣ онъ написалъ повѣсть „Въ невѣдомую даль“, — а теперь онъ занялся спеціально народнымъ бытомъ и экономическимъ положеніемъ деревни. Его начали печатать потому уже, что онъ писалъ изъ медвѣжьяго угла, не лгалъ на жизнь, а только иногда подтасовывалъ факты, для того, чтобы соблюсти направленіе того изданія, куда онъ писалъ. Его извѣстность, какъ писателя, возросла настолько, что даже становой къ нему прѣехалъ съ визитомъ и пообѣщавъ снабдить его матеріалами.

— У меня чудеснѣйшій архивъ, объяснилъ онъ, — и съ удовольствіемъ я могу предоставить его въ ваше распоряженіе. Могу сказать, что тѣ тайны, которыя откроются передъ вами, представляютъ величайшій интересъ.

— Главнѣйшія тайны—это взятки, — сказалъ Невмятулинъ.

Становой грустно улыбнулся.

— Никогда-съ. Глубокое заблужденіе... У насъ въ уѣздѣ никто не беретъ. Честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди. Прѣзжайте.

Но онъ не поѣхалъ. Его перевели въ болѣе близкую губернію, но здѣсь онъ не поладилъ съ губернаторомъ.

— Я требую только сердечной чистоты въ отношеніяхъ, говорилъ губернаторъ, — а у васъ я вижу, напротивъ того, желаніе покрыть все какимъ-то налетомъ.

„Налетъ“ заключался въ томъ; что Невмятулинъ былъ неизмѣнно мраченъ, когда вызывалъ его къ себѣ губернаторъ, и на лицѣ его написано было нѣчто зловѣщее. Губернаторъ былъ такъ мягокъ и сладокъ, что казался разведеннымъ на малиновомъ сиропѣ, и ему особенно тяжель былъ Невмятулинъ, отъ котораго отдавало крутой кашей съ лукомъ. Поэтому о немъ вскорѣ даны были самыя благонамѣренныя отзывы его перевели въ Петербургъ.

Появился онъ ужъ нѣкоторымъ образомъ писателемъ, хотя и не изъ крупныхъ, но замѣченныхъ критикой. Онъ отправился поэтому къ маститому критику, впервые его похвалившему. Критикъ принялъ его благосклонно и нѣсколько проэкзаменовалъ; какія-де у него убѣжденія, такъ-какъ убѣжденія ставились критикомъ всегда выше таланта. Тотъ прямо заявилъ, что критикъ могъ-бы и не спрашивать, зная о его ссылкѣ. Тогда маститый критикъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Будемъ друзьями:

Дятловичъ уже въ Петербургѣ не было. Она сбѣжала за границу и жила гдѣ-то въ Италіи съ красивымъ теноромъ, отчаяннымъ республиканцемъ, пѣвшимъ въ королевскомъ театрѣ. Невмятулинъ опять поселился неподалеку отъ Песковъ—человѣка всегда тянетъ къ прежнему насиженному мѣсту. Но литературныхъ заработковъ было мало, и онъ еле-еле съ газетной работой вытягивалъ тысячи на три. А дѣти все рождались. Онъ вздумалъ написать пьесу, слыша, что на драматурговъ льется золотой дождь. Но пьесу не пропустила цензура. Тогда онъ написалъ пьесу цензурную, но ее не пропустилъ комитетъ, найдя скучной и вялой. Тогда онъ написалъ пьесу веселую,—но ее не поставило театральное начальство, такъ-какъ никто изъ актрисъ не желалъ ее играть. Онъ упалъ духомъ. Онъ былъ долженъ въ двухъ добросердечныхъ редакціяхъ, раздававшихъ авансы, а потому ему не писалось. А тутъ его познакомили какъ-то въ редакціи съ Олсуфьевымъ. Олсуфьевъ былъ къ нему внимателенъ и предупредителенъ. Черезъ полгода знакомства онъ предложилъ ему служить у нихъ въ министерствѣ. Невмятулинъ согласился,—и вотъ его поступленіе почти устроено.

Невмятулинъ уже чувствовалъ усталость въ жизни. Его не хватало—вѣчно выносить припадки жены, вѣчно кипѣть въ горнилѣ се-

мейнаго очага. Голова работала слабѣе, не было прежнихъ силъ для ночной работы. Онъ съ завистью смотрѣлъ на другихъ писателей, которые успѣвали писать въ годъ пятьдесятъ листовъ беллетристики. Онъ кое-какъ купилъ съ закладомъ въ еврейской конторѣ выигрышный билетъ, и все мечталъ, что выиграетъ двѣсти тысячъ, и дастъ изъ нихъ двадцать литературному фонду. Но двѣсти тысячъ онъ не выигрывалъ, авансы нарастали. Состояніе духа жены, благодаря ихъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ, все обострялось. Служба давала ему поводъ уходить на полдня изъ дома и отдыхать отъ вѣчной ругни.

XVІІ.

Стало свѣтать. Слабый робкій разсвѣтъ зимняго дня пугливо заблѣлъ на небѣ и сталъ скользить по опушеннымъ снѣгомъ крышамъ. Въ кухнѣ завозилась кухарка, громко зѣвая и охая. Онъ подошелъ къ двери жены; тамъ все было тихо,—вѣроятно она спала крѣпкимъ сномъ, какъ это всегда бывало послѣ истерическихъ припадковъ. Онъ постоялъ передъ дверью, потеръ лобъ рукой. Потомъ пригладилъ волосы и пошелъ въ кухню. Тамъ

онъ вымылся подъ краномъ ледяною водою, которая его освѣжила.

— Чего это вы? забурчала старуха.— Съ вечера горло другъ другу рвете, а утромъ еще черти на кулачки не дрались—встаете.

Онъ сказалъ, что уходитъ по дѣлу, и велѣлъ подать себѣ пальто. Она недовѣрчиво на него посмотрѣла и такъ звонко захлопнула за нимъ болтъ, что гулъ покотился по всей лѣстницѣ.

Онъ вышелъ на улицу. Тушили фонари, — и они вдали умирали одинъ за другимъ, какъ послѣднія грезы ночи. Невмятулинъ поднялъ воротникъ отъ рѣзкаго утренняго холода и быстро зашагалъ по направленію Невскаго. Онъ шелъ къ своему старому гимназическому и университетскому товарищу Эдуарду Больду, — къ которому онъ всегда приходилъ въ трудныя минуты жизни. Не то чтобы любилъ его Эдуардъ, и онъ Эдуарда, но между ними установились уже давно самыя тѣсныя отношенія. Эдуардъ былъ закоренѣлый холостякъ и нисколько не боялся жены Невмятудина, чего нельзя было сказать о прочихъ его знакомыхъ. Онъ былъ холостякъ по натурѣ и относился къ женщинамъ скептически.

Невмятулинъ зналъ, что Эдуардъ встаетъ въ шесть часовъ во всякое время года. Онъ человѣкъ довольно систематичный, — все дѣлаетъ не торопясь, обдуманно, увѣренно и

смѣло. Онъ высокъ ростомъ, по старинному брѣть усы и подбородокъ, оставляя небольшія бакенбарды. Онъ близорукъ, носить очки и любитъ насмѣшливо улыбаться не только ученикамъ, когда они врутъ въ тригонометрическихъ формулахъ, но и Невмятулину, когда онъ приходилъ съ жалобами на жену.

На звонокъ онъ самъ отперъ дверь. Подбородокъ его былъ намыленъ, и онъ былъ еще въ жилетѣ. Увидя столь ранняго гостя, онъ не удивился. Онъ могъ-бы удивиться только одному—уклоненію въ природѣ отъ основныхъ математическихъ законовъ. Человѣческое страданіе и радости были слишкомъ мелки для того, чтобъ удивляться, и онъ во всѣхъ случаяхъ жизни всегда оставался неизмѣнно спокоенъ.

— Я брѣюсь, объяснилъ онъ товарищу, показывая на подбородокъ, и пригласилъ его въ гостиную. Здѣсь на столѣ было поставлено маленькое зеркало между двухъ свѣчей, и блестѣлъ превосходный бритвенный приборъ.

— Давно не видались, сказалъ Невмятулинъ, садясь на ближайшій стулъ.

— Относительно—давно, сказалъ Эдуардъ, поднявъ кверху подбородокъ, взявъ бѣлой пухлой рукой бритву и, сдѣлавъ красивый жестъ по воздуху, мягко сталъ щекотать себя по подбородку.

— А между тѣмъ много событій произошло, продолжалъ Невмятулинъ.—Я поступаю на службу.

Эдуардъ быстро перевелъ свои черные глаза съ зеркала на товарища и сказалъ:

— Хватился!

Тотъ пожалъ плечами.

— Жить нечѣмъ.

— Что-же, гдѣ паекъ получать будешь? У казны или въ частныхъ стойлахъ?

Невмятулинъ сказалъ. Эдуардъ благоговѣнно посмотрѣлъ на потолокъ, какъ пасторъ при упоминаніи о райскомъ блаженствѣ.

— Это очень почтенное учрежденіе,—сказалъ онъ.—Только поздно начинаешь,—когда дотянешь до пенсіи?

— Чего тутъ до пенсіи, сердито сказалъ Невмятулинъ,—остаться-бы живу.

Эдуардъ положилъ бритву, провелъ раза два пальцемъ по подбородку и, иронически улыбаясь спросилъ:

— А Авдотья Романовна позволила?

У гостя вдругъ вылился давно сдерживаемый потокъ краснорѣчія. Онъ рассказалъ все что случилось этой ночью. Математикъ слушалъ, все смотрѣлъ въ зеркало, кривя насмѣшливой улыбкой лицо и выражая глазами, что онъ давно все это зналъ и ничего другого и не ожидалъ отъ такой пары.

— Почтенный мой школьный товарищ, проговорилъ онъ, вставая и подходя къ большому зеркалу, висѣвшему между окнами, для окончательнаго обзрѣнія своей персоны.— Почтенный мой товарищ. Знаешь-ли то, что-бы я сдѣлалъ на твоёмъ мѣстѣ съ этой уважаемой женщиной, твоей супругой? Я-бы ее повѣсилъ давнымъ-давно. И тебѣ было-бы гораздо спокойнѣе. Сидѣлъ-бы на Сахалинѣ и пѣлъ пѣсни. Былъ-бы свободенъ какъ вѣтеръ. А теперь ты скованъ съ своимъ палачомъ, и онъ тебя бичуетъ по десяти разъ въ сутки.

Онъ подошелъ къ Невмятулину и остановился передъ нимъ, покачиваясь всей своей упитанной красивой фигурой.

— Я удивляюсь, продолжалъ онъ,—какъ ты, человекъ не разъ подвергшійся, такъ сказать, ураганамъ жизни, какъ ты не можешь прекратить это вѣчное мяуканье и царапанье домашняго звѣрка? Спрашивается, царь-ли земного міра человекъ? Говорятъ, что царь. Это по крайней мѣрѣ утверждается всеми учебниками. Какой-же ты царь, если танцуешь по дудкѣ какого-то слабаго подобія человека?..

Онъ развелъ руками и далеко вытянулъ впередъ губы, какъ-бы желая этимъ произвести большее давленіе на слушателя.

— Вѣдь надо-же оставить наконецъ это

нелѣзное мнѣніе, — что женщина вѣнецъ созданія, говорилъ онъ. — Она — на своихъ дряблыхъ ногахъ, съ большимъ черепомъ, широкими бедрами и уродливо-маленькими руками — только каррикатура на человѣка. Ее надо поставить на свое мѣсто — къ печкѣ и пеленкамъ и дальше этого не подпускать къ себѣ. А ты раскисъ, какъ сухарь въ квасъ. Развѣ ты мужчина? Посмотри въ зеркало, ты обрюзгъ, ты не помнишь ни одной тригонометрической формулы, ты самъ представляешь изъ себя ископаемый предметъ какой-то допотопной формации. Женщина рветъ твое прошemie, и ты распускаешь слюни. Добрый русскій мужичокъ давно-бы посадилъ ее на цѣпь и по средамъ и пятницамъ стегалъ-бы возжами. Ну, а ты, конечно, лежишь во прахѣ и лобызаешь пятки.

Въ это время въ двери вошелъ, очевидно воротившійся изъ булочной краснощекаій малый съ крохотнымъ носомъ и съ корзиной, откуда торчали свѣжіе бублики.

— Вотъ смотри на этого идиота, продолжалъ Эдуардъ показывая на слугу. — Я убѣжденъ, что несмотря на мои уговоры, года черезъ два онъ женится на какой-нибудь бабѣ или дѣвкѣ. Онъ сдѣлаетъ глупость, — но потомъ всю жизнь будетъ поправлять ее тѣмъ, что начнетъ ассимилировать ее съ собой при помощи побоевъ. Посмотри на него, онъ те-

перь свободенъ, воруетъ гдѣ только можетъ, крадетъ мою водку, ухаживаетъ за горничными, напивается по праздникамъ до безчувствія, словомъ выполняетъ свое назначеніе. Чего ему еще? Но помани мое слово — онъ попадетъ подъ бабій башмакъ и будетъ такой-же, какъ ты. Пошолъ, болванъ, подавай самоваръ.

Онъ потушилъ свѣчи, потому-что было уже достаточно свѣтло, и посмотрѣлся на себя въ зеркало при новомъ освѣщеніи.

— Любятъ тебя ученики? спросилъ Невмятулинъ, созерцая его фигуру.

— А не знаю, не спрашивалъ! весело отозвался онъ, поворачиваясь на каблукахъ. — Да и не все-ли мнѣ равно?

— Ты дѣтей не любишь, — я знаю. Я потому ушолъ съ кафедры, что не любилъ ихъ.

— Нѣтъ. Ты ушолъ потому, что ты республиканецъ, якобинецъ, нигилистъ. Ты человекъ вредный, тебя держать нельзя. Ты не вѣрилъ даже въ подлежащія и сказуемныя, а такихъ людей надо держать подальше. А я заставляю этихъ маленькихъ негодяевъ, будущихъ большихъ негодяевъ, заниматься математикой. Я строгъ, но терпѣть не могу ставить дурныхъ отмѣтокъ и наказывать. И это уравновѣшиваетъ мои къ нимъ отношенія. Быть можетъ, они меня и любятъ. И вдобавокъ знаютъ

и алгебру и тригонометрію лучше чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ. При этомъ, я безукоризненно вѣжливъ. Я никогда не скажу „отвѣчайте“, а: „извольте отвѣчать!“ Не „сидитесь“, а „прошу сѣсть“.

Онъ заварилъ чай, обварилъ новый лимонъ кипяткомъ, обтеръ его начисто полотенцемъ и отрѣзалъ два тоненькихъ ломтика.

— Я напишу прошеніе, сказалъ Невмятулинъ.— Дай бумаги.

Эдуардъ отперъ столъ и вынулъ нѣсколько обрывковъ бумагъ.

— Это для черновки, сказалъ онъ,— а для чистой я тебѣ дамъ превосходной царской бумаги.

Пока Невмятулинъ писалъ, Эдуардъ неторопливо намазывалъ разрѣзанный бубликъ масломъ, а сверху масла—икрой. Это былъ его обычный завтракъ, которымъ онъ подкрѣплялъ себя передъ алгебраическими занятіями. Намазывалъ онъ икру систематически, ровно—точно кругъ вычерчивалъ. Также аккуратно онъ налилъ чай, крѣпкій, ароматный, и капнулъ въ стаканъ нѣсколько капель изъ граненнаго графинчика. Онъ былъ скуповатъ, но любилъ хорошій ромъ, и бутылка у него велась мѣсяца два.

Когда Невмятулинъ кончилъ черновку, Эдуардъ попросилъ его прочитать и нашелъ ее несовсѣмъ складной.

— Во-первыхъ, почему: „имѣю честь“ а не „честь имѣю“? спросилъ онъ.— Во-вторыхъ, что за выраженіе „поступить въ министерство“? Ты писатель, и вдругъ пишешь „поступить“. Гораздо лучше сказать: „быть причисленну къ министерству“. А потомъ что это такое въ концѣ: „и потому покорнѣйше прошу“? Вѣдь это какимъ тономъ прочесть? Не лучше-ли сказать: „имѣю честь всепокорнѣйше просить“? Вѣдь такое выраженіе ни къ чему тебя не обязываетъ. Вѣдь пишешь-же ты на письмахъ „примите увѣреніе въ уваженіи“, когда никакого уваженія не чувствуешь къ своему корреспонденту.

Прошеніе было переписано. Эдуардъ далъ конвертъ. Но когда Невмятулинъ вынулъ тридцать копеекъ и просилъ, чтобъ Эдуардъ по дорогѣ послалъ посылнаго,— тотъ возмутился.

— Я наклею марку пятикопеечнаго достоинства, сказалъ онъ, взявъ пятиалтынный и давъ гривенникъ сдачи,— и опущу пакетъ въ почтовый ящикъ. На что-же существуетъ почтовый союзъ, какъ не на то, чтобы удешевлять доставленіе корреспонденціи? Твоя-же рачительность безсмысленна.

— А можно у тебя здѣсь заснуть? спросилъ Невмятулинъ.

— Очено радъ, отвѣтилъ Эдуардъ.— Если хочешь, оставайся обѣдать. У меня сегодня

свинья котлеты съ чечевичнымъ соусомъ. Помнишь этотъ библейскій соусъ, за который Исавъ продалъ свое первенство? Я съ удовольствіемъ раздѣлю съ тобою мою убогую трапезу. Будутъ щи, добрыя русскія щи съ точной кашей, будутъ свинья котлеты и компотъ. А ты ложись, — я тебѣ дамъ подушку съ чистой наволочкой.

Онъ однако заперъ дверь въ свою спальню и ключъ взялъ съ собой. Книжный-же шкапъ въ первой комнатѣ отперъ, дабы гость не скучалъ, если проснется раньше времени.

VII.

Князь Борисъ Олсуфьевъ занимался, на другой день послѣ представленія „Побѣдной пѣсни зарослей“, въ своемъ министерствѣ. Одинъ изъ служащихъ показывалъ, какъ фехтуютъ испанцы, и очень заинтересовалъ этимъ сослуживцевъ. Онъ держалъ отломившійся откуда-то кусокъ золотого обойнаго багета и дѣлалъ выпады, неистово стуча ногой по полу и дѣлая свирѣпое лицо, точно онъ поражалъ Минотавра. На лицахъ слушателей замѣчалась зависть, такъ-какъ несомнѣнно и двуглавья и треглавья мышцы у этого чиновника были развиты прекрасно. Всѣ свои артикулы онъ продѣлывалъ передъ очень

толстымъ дѣлопроизводителемъ, спокойно сидѣвшимъ на стулѣ, выпята впередъ животъ, и даже не моргавшимъ, когда багетъ почти касался его носа. Внезапно вошедшій курьеръ какъ-будто сконфузился и робко передалъ записку князю.

Записка была отъ Анны Федоровны. Она его просила, „если позволяютъ дѣла, зайти на минутку, а если не позволяютъ, то всетаки зайти“. Онъ сказалъ: „хорошо, сейчасъ“,—и еще съ минуту смотрѣлъ на испанскіе выпады, утративъ къ нимъ всякій интересъ. Потомъ онъ незамѣтно скользнулъ въ дверь и пошелъ на половину Ивана Петровича.

Въ гостиной сидѣла Мэри. Она какъ-будто нѣсколько смѣтилась при видѣ князя, и сказала, что тамап сейчасъ выйдетъ. Князь сѣлъ противъ нея, и оба молчали.

— Все равно, тѣмъ лучше, что сегодня,— сказала она, оглянувшись на дверь. — Я хотѣла съ вами говорить. Надо разрѣшить и кончить то, что есть между нами. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для насъ обоихъ. Знайте: этого никогда не будетъ.

— Чего „этого“? спросилъ онъ.

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Этого не будетъ, повторила она.—Быть можетъ, къ сожалѣнію для насъ обоихъ, но не будетъ.

Она повернулась къ окну и прижалась головой къ амбразурѣ.

— Чего не будетъ? тихо заговорилъ онъ, вставая и подходя близко къ ней.— Не будетъ того, чтобъ вы согласились быть моею женою? Я никогда не назову васъ своею, не введу васъ въ свой домъ?

Она низко наклонила голову и ничего не отвѣтила.

— Позвольте думать, что причина вашего отказа заключается не въ томъ, что я бѣденъ? проговорилъ онъ, чувствуя злость и стискивая зубы.

Она не оглянулась, не сказала: „какъ вамъ не стыдно“,— и продолжала стоять по прежнему неподвижно.

— Я попрошу васъ передать Аннѣ Федоровнѣ мои извиненія, продолжалъ онъ:— я не могу ея дожидаться.

Онъ хотѣлъ идти.— Она повернулась къ нему.

— Я люблю васъ, сказала она.

Въ его груди что-то сжалось. Онъ смотрѣлъ на нее, она смотрѣла на него.

— Я люблю васъ, повторила она.— Но я не могу идти за васъ замужъ. Не спрашивайте, почему. Довольно съ васъ: „я не могу“.

— Но почему же? растерянно спросилъ онъ.— Вы говорите такъ, точно тутъ какая-то тайна.

Она строго посмотрѣла на него.

— Вы угадали. Да тутъ есть тайна. Тайны бываютъ не въ однихъ романахъ.

— Вы... связаны кѣмъ-нибудь?

Она отрицательно покачала головой.—Нѣтъ, я свободна. Я свободна болѣе, чѣмъ вы думаете. Я совершенно самостоятельна и могу уйти отсюда каждую минуту.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она перебила его.

— Я знаю, вы хорошій, честный человѣкъ. Если вы любите, то и жалѣете меня. Теперь, въ эту минуту, я не могу сказать вамъ „да“.

— Но я могу надѣяться? спросилъ онъ.

Она сдѣлала неопредѣленное движеніе.

— Не спрашивайте меня, я ничего не могу вамъ отвѣтить. Я люблю васъ одного. Довольно съ васъ? Я никогда никому этого не говорила. Если вы этимъ не дорожите, то...

Онъ схватилъ ее за руку.—О, какъ не дорожу! воскликнулъ онъ.—Но это такъ странно, и, можетъ быть, такъ ужасно...

— Да, быть можетъ и ужасно, чуть слышно повторила она.

Послышались шаги. Онъ отодвинулся отъ нея, слегка пожавъ ея похолодѣвшіе пальцы.

Онъ точно черезъ густой чадъ видѣлъ оживленное лицо Анны Федоровны; она подошла къ нему съ вѣчной своей улыбкой и бѣлыми

зубами шурша своими юбками. Потомъ она сѣла рядомъ на диванчикъ и стала говорить что онъ ей необходимъ, такъ-какъ ей нужно сейчасъ-же съ нимъ поѣхать. Она знаетъ, что онъ такъ милъ и предупредителенъ, что не откажетъ ей. Теперь еще всего четыре часа, они сейчасъ поѣдутъ и къ обѣду вернутся. Дѣло въ томъ, что ровно въ пять—сеансъ знаменитаго Джемса Уэстлока, пріѣхавшаго только на четыре дня изъ Эдинбурга. Это человѣкъ страшной силы и неохотно показываетъ ее, развѣ только избраннымъ. Его удалось уговорить дать сеансъ въ одномъ обществѣ. Но она не рѣшается ѣхать туда одна. Тамъ ее никто не знаетъ, да она и не хочетъ, чтобъ ее знали, ей удобнѣе сохранить инкогнито. Она надѣется, что князь ей не откажетъ.

Князь не отказалъ. Онъ только спросилъ, поѣдетъ-ли Мери.

— Нѣтъ у нея мигрень, успѣшила возразить Анна Ѳедоровна.—Она полежитъ до обѣда, и къ обѣду выйдетъ здоровой, это у нея нервное.

Она быстро надѣла шляпку, ловко натянула на свои худенькія руки удивительно сидѣвшія перчатки, сказала Минѣ два слова по-нѣмецки, вѣроятно, распоряженія по хозяйству, и предложила своему кавалеру:

— Идемъ!

На лѣстницѣ имъ попался Иванъ Петровичъ, не торопясь поднимавшійся наверхъ, съ румяными щеками, свѣжій и бодрый, весь пропитанный запахомъ сигары.

— Уже уходите? удивился онъ, больше на князя, чѣмъ на жену.

— А вы только приѣзжаете, это поздно мой другъ, отвѣтила она по-французски. — Вы, кажется, начинаете манкировать вашей службой и государственнымъ саномъ.

Онъ неторопливо высморкался и сказалъ:

— Дѣла государственной важности не есть достояніе однихъ министерствъ.

— Конечно, конечно! посиѣшила она согласиться, и стала спускаться съ лѣстницы.

XVII.

— Вамъ не кажется Мери странной? спросила она князя въ каретѣ.

Вопросъ этотъ она предлагала ему не разъ и прежде, но никогда еще онъ не казался ему такимъ важнымъ.

— Да, въ ней есть что-то странное, — сказалъ онъ.

— Я начала замѣчать въ ней перемѣну послѣ этой непонятной исторіи, когда она отказала въ рукѣ одному господину, и онъ ушелъ въ священники.

— А отчего она отказала? несмѣло спросилъ онъ.

— Это необъяснимо. Онъ съ большими средствами и очень любилъ ее. Она странная дѣвушка, но чудесное существо.

Онъ не поддержалъ этого панегирика, и они замолчали.

— Кстати, продолжала она, хотя это было вовсе не кстати.—Пожалуйста не добивайтесь того, у кого вы будете. Это вамъ рѣшительно все равно. Довольно того, что я привожу васъ.

— Все тайны? сказалъ онъ.

— Не тайны, но этотъ кружокъ, куда мы ѣдемъ, еще молодъ и боится скептическаго отношенія непосвященныхъ. Между тѣмъ успѣхъ его огромный. Да это и понятно. Въ нашъ вѣкъ колебаній вѣры такъ охотно люди цѣпляются за все то, что говоритъ имъ о духѣ, а не о матеріи.

Имъ отворилъ лакей, вродѣ тѣхъ, что въ кухмистерскихъ вставляютъ свѣчи передъ вечеромъ и потомъ обносятъ гостей конфетами въ бумажкахъ: съ плохо выбритымъ подбородкомъ и накрашенными густыми усами. Онъ равнодушно посмотрѣлъ на пріѣхавшихъ и сталъ снимать съ нихъ шубы съ такой привычной ловкостью, точно обучался этому искусству по ночамъ въ глухихъ переулкахъ. Черезъ открытыя двери виднѣлась большая зала съ чер-

нымъ роялемъ и буковыми стульями. Они прошли мимо какихъ-то сомнительныхъ, такъ показалось князю, портретовъ, подозрительно смотрѣвшихъ со стѣнъ, и вошли въ большую гостиную, крытую вмѣсто ковра голубымъ сукномъ, подъ которымъ чувствовалось обильно положенное сѣно. Тамъ было человѣкъ двадцать мужчинъ и женщинъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ кучками и о чемъ-то совѣщавшихся между собой. Отъ одной толпы отдѣлился сѣдой господинъ въ пенснѣ, и, торопливо переступая по топкому сукну, подошелъ къ ея высокопревосходительству.

— Здѣсь вамъ будутъ чрезвычайно рады, — сказалъ онъ, прикладываясь къ ея перчаткѣ. — Я о васъ предупредилъ только тѣхъ, кого надо было предупредить.

Анна Федоровна назвала мужчинъ другъ другу. Князь разобралъ только одно, что представленный ему человѣкъ — докторъ-гомеопатъ.

— Уэстлокъ еще не пріѣхалъ, сказалъ докторъ, потирая нервно руки. — Но мы все ему приготовили: и аспидную доску, и грифель. То что было вчера, это было просто поразительно...

Въ это время къ Аннѣ Федоровнѣ подошла дама необычайно высокаго роста. Она была выше всѣхъ въ комнатѣ, и если-бъ не ея тонкій нѣжный голосъ, ее легко можно было бы принять за тамбуръ-мажора дворцовыхъ гренадеръ. Лицо ея, широкое и плоское, выра-

жало безконечную простоту. Она была одѣта въ дорогое черное платье съ какимъ-то мистическимъ зигзагомъ на груди.

— Привѣтъ вамъ, сказала она, крѣпко сжимающая ей руку. Потомъ повернулась къ князю, тоже пожала руку и сказала:

— И вамъ привѣтъ.

Князь поблагодарилъ и отошелъ въ сторону.—Всѣ говорили въ полголоса. Неподалеку отъ него стояла блѣдная, худая дѣвушка, съ зеленоватымъ матомъ лица и огромными сѣрыми глазами. Она прямо смотрѣла на него, но, казалось, его не видѣла. Толстая курносыя дама, маленькая, очень похожая на кедровую шишку, оживленно махала крохотными ручками, объясняя что-то томному генералу въ отставномъ мундирѣ, и видимо хотѣла вызвать его на откровенность. Сѣдая дама, съ кораллами на шеѣ, имѣла видъ окурившейся гашишемъ и бессмысленно хлопала глазами, слушая патетическую рѣчь какого-то ярко-рыжаго молодого человѣка, съ булавкой на галстукѣ, изображающей черепъ. Между ними ходилъ лакей съ крашеными усами и поливалъ на кирпичъ ароматическій уксусъ, отчего въ воздухѣ повисалъ сизый туманъ, и въ носу щекотало до боли.

„Зачѣмъ я здѣсь? спрашивалъ себя князь.— Да не сплю-ли я? Такихъ, людей, кажется,

на яву не бываетъ. Или это явь? И на яву, часъ назадъ, мнѣ отказала дѣвушка, которую я люблю больше жизни“.

Онъ только сегодня, сейчасъ, созналъ, какъ онъ ее любитъ. Теперь, когда она почти совсѣмъ ускользала отъ него, онъ понялъ, что такое для него она. Послѣдніе полтора года, она незамѣтно заняла все его существо. Онъ засыпалъ съ мыслью о ней, просыпался съ мыслью, когда онъ ее увидитъ. Сидя въ своемъ кабинетѣ въ министерствѣ, онъ ласкалъ себя сознаниемъ, что вотъ тутъ-же, подъ этой крышей, и она живетъ,—всего отдѣленная отъ него нѣсколькими комнатами. И ему было весело, радостно, празднично. А вотъ теперь цѣлая часть его внутренняго „я“ осталась пустой;—такое чувство у него было когда сгорѣлъ ихъ старый домъ, въ которомъ онъ родился и провель дѣтство.

Зеленая дѣвушка остановила глаза на немъ. Повидимому, она начинала его видѣть, потому что они начали выражать изумленіе. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему и подняла руку на уровень его лба.

— Вы несчастны? спросила она, и тихо, какъ привидѣніе, сѣла противъ него.—Отчего у васъ на лбу чувствуется преслѣдованіе какой-то мысли?

Отвѣтовъ ей не надо было. Она внимательно

осмотрѣла его волосы, носъ, галстукъ и строго спросила:

— Въ Христа вѣрите?

— Я не язычникъ, отвѣтилъ онъ.

— Здѣсь много буддистовъ и буддистокъ, сказала она. — Гомеопатъ—буддистъ. Эта дама (она показала вѣромъ, бывшимъ зачѣмъ-то въ ея рукахъ, на кедровую шишку) — буддистка. Я этого не понимаю.

— Нѣтъ, я не буддистъ, сказалъ онъ.

Она благодарно посмотрѣла на него.

— Вѣрите-ли вы въ существованіе ларвовъ, наполняющихъ нашу сферу и тормозящихъ стремленіе къ вѣковѣчному свѣту?

— Это по здѣшнему катехизису вопросъ? спросилъ князь, стараясь улыбнуться, но улыбка вышла очень кислой.

— Отвѣчайте. Знаете-ли вы, что такое ларвъ?

— Не знаю, но слышалъ. Это какое-то скверное духовное начало. Какая-то извращенная душа.

— Наивное опредѣленіе. Но пусть такъ. Вѣрите, что ларвы теперь наполняютъ эту комнату?

— Иносказательно вы это спрашиваете?

Она попросила выразаться яснѣе.

— Подъ извращенными душами, быть можетъ, вы подразумѣваете души этихъ господъ, что сидятъ и разговариваютъ вокругъ насъ?

Она грустно на него посмотрѣла.

— Тогда вы не знаете, что такое ларвѣ. Вы здѣсь впервые, я вижу. Мы вамъ принесемъ обновленіе. Вы переродитесь. Въ васъ произойдетъ очищеніе. Новыя очи откроются въ васъ и вы увидите свѣтъ, какого до тѣхъ поръ не видали. Всѣ стремятся къ свѣту изъ тѣхъ сумерекъ, куда завлекла насъ шаткая наука. Мы говоримъ: остановитесь. Ваша наука экспериментальна, но и мы экспериментальны не менѣе васъ. Вы хотите удивить насъ сгущеннымъ матеріализованнымъ воздухомъ,—а мы матеріализуемъ живого человека,—и живая дѣвочка съ кроткими глазами приходитъ изъ воздуха и теплой рукой жметъ намъ наши руки, цѣлуетъ насъ, садится къ намъ на колѣни и даетъ намъ на память куски отъ восточной кисеи, которой она обмотана поверхъ нѣжнаго дѣтскаго тѣльца.

Барышня все это говорила быстро, какъ будто не думая, о чемъ она говоритъ, а машинально читая интервью какого-нибудь репортера съ предсѣдателемъ медиумическаго общества.

— Учитесь у насъ вѣрѣ, продолжала она.— Будете вѣрить—и вамъ легко будетъ житься. Мы всѣ живемъ въ общеніи съ нашими умершими предками. Я каждый день бесѣдную съ моимъ отцомъ, когда-то великимъ грѣшникомъ,

покончившимъ жизнь на Аѳонѣ посхимленнымъ. Онъ неотступно по ночамъ стоитъ у моего изголовья и научаетъ такимъ молитвамъ, которыхъ никто не знаетъ, и которыя я могу передать другимъ только послѣ моей смерти медуимическимъ путемъ. И здѣсь почти всѣ имѣютъ связь съ покойными родственниками. Вотъ этотъ генералъ, — онъ постоянно видитъ одного фельдфебеля, замерзшаго на Шипкѣ, и онъ не только говоритъ съ нимъ о той сферѣ, гдѣ онъ находится, но разъ даже оставилъ ему розу, породы которой не могъ опредѣлить ни одинъ ботаникъ. Эта низенькая дама сообщается съ своимъ крестникомъ, семилѣтнимъ мальчикомъ. У нея подъ подушкой лежитъ всегда кусокъ дерева отъ крышки его гроба. Онъ при жизни былъ черненькій, но то астральное тѣло, въ которомъ онъ является ей, имѣетъ обликъ бѣлокураго младенца, и насколько на него не похожъ. Это чрезвычайно важно, удивительно важно!

Въ это время въ комнату вбѣжала худенькая барышня, въ сильномъ волненіи.

— Пріѣхалъ! пріѣхалъ! едва лепетала она и, схватившись за грудь, принуждена была опуститься отъ волненія на стулъ.

XIX.

Вошелъ стройный, высокій, мускулистый, коротко остриженный малый лѣтъ тридцати-пяти, съ бѣлоклыми усами и безжизненнымъ лицомъ. Такія фигуры больше всего идутъ къ велосипедамъ и къ конькобѣжному спорту. Въ вагонахъ они всегда спятъ. Въ ихъ изломѣ бровей чувствуется энергія,—въ низкомъ черепѣ плутоватость. По первому впечатлѣнію ихъ можно принять за представителей торговыхъ фирмъ, что развозятъ по Европѣ образчики товаровъ. Но они могутъ принадлежать и къ дипломатическому корпусу, и даже иногда носить титулъ барона. Онъ вошелъ увѣренно, но безъ излишней развязности. Когда его стали представлять, онъ кланялся почтительно, но даже въ этой почтительности чувствовалось какое-то превосходство. Онъ считалъ себя головой выше всѣхъ присутствующихъ, существомъ рѣзко отмѣченнымъ природой и повидимому былъ правъ.

Барышня, возвѣстившая о его пріѣздѣ, подскочила къ нему и спросила по-англійски, чувствуетъ-ли онъ въ себѣ силу. Онъ повелъ плечами, какъ-будто прислушался къ какому-то внутреннему своему міру, и сказалъ, что онъ надѣется на то, что силы его не оставили.

Гомеопатъ началъ суетиться и отбирать желающихъ. Онъ потихоньку говорилъ каждому, что желающій присутствовать платитъ пять рублей, такъ-какъ надо-же оплатить расходы по приѣзду въ далекую Россію почтеннаго мистера. Желающихъ оказалось девять человѣкъ. У мистера Уэстлока времени было мало: онъ приглашенъ къ семи часамъ на обѣдъ въ посольство и ему нельзя опоздать.

Перешли въ столовую, большую желтую комнату съ большой лампой и тяжелымъ столомъ. Мистера спросили—годится-ли этотъ столъ,— онъ сказалъ: „yes!“ Его спросили, можно-ли оставить горѣть лампу, онъ сказалъ: „о, yes“, посмотрѣлъ на часы и поторопиль:

— Pray, be ated.

Князь пришелся какъ-разъ рядомъ съ нимъ. По другую сторону князя сѣла Анна Федоровна. Томный генералъ помѣстился рядомъ съ медіумомъ на самомъ краю стола. Уэстлокъ небрежно посмотрѣлъ на всѣхъ скупающимъ взглядомъ—и точно узналъ знакомыхъ, хотя и въ первый разъ былъ въ Петербургѣ. Выраженіе лицъ было то-же, что и въ Лондонѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, гдѣ онъ послѣдній годъ давалъ сеансы. То-же напряженіе, нервность, безсиліе проникнуть въ ту область, куда невозможно проникать человѣческому уму, — все то-же отражалось на этихъ лицахъ,

и тѣ-же большіе женскіе глаза смотрѣли на него.

Онъ взялъ аспидную доску, сдѣланную какъ античная *tabula*—на петляхъ, посмотрѣлъ на нее и, передавъ генералу, просилъ написать по-англійски какой-нибудь вопросъ. Но генералъ не зналъ по-англійски, и гомеопатъ передалъ дощечку съ грифелемъ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Она написала вопросъ, его никто не видѣлъ. Потомъ она закрыла доску, заложила пазы грифелемъ и передала ее Уэстлоку. Уэстлокъ взялъ ее нервнымъ, быстрымъ движеніемъ и протянулъ вмѣстѣ съ нею правую руку подъ столъ. Потомъ онъ попросилъ генерала проконтролировать, что онъ дѣлаетъ. Генералъ влѣзъ подъ столъ и пощупалъ его руку. Онъ держалъ закрытую доску плотно прижатой къ столу.

Наступило томительное молчаніе. Слышался звонъ вагоновъ черезъ двойныя стекла и смутный гулъ зимней жизни по большой центральной улицѣ. На стѣнѣ тикали однообразно старинные часы. Изъ сосѣдней комнаты доносился неясный говоръ голосовъ, почти перешептыванье. Дѣвица, возвѣщавшая о пріѣздѣ медиума, внезапно сказала съ разочарованнымъ видомъ:

— Нисколько не страшно.

Гомеопатъ укоризненно посмотрѣлъ на нее. Всѣ сидѣли, уставившись другъ на друга, въ

какомъ-то напряженномъ состояніи. Князю это надоѣло. Онъ бѣсился на Анну Федоровну, затаскивающую его сюда. Уэстлокъ сопѣлъ громко и краснѣлъ все больше. Онъ видимо дѣлалъ надъ собой какія-то усилія, хотя ни одинъ мускулъ не двигался на его лицѣ.

— Что вы у него спросили? шепнулъ князь своей сосѣдкѣ.

— Что чувствуютъ наши души послѣ смерти, отвѣтила она, и прибавила: я всегда очень интересовалась этимъ вопросомъ.

— Шш, господа! замѣтилъ гомеопатъ. пгравшій здѣсь повидимому роль хранителя тишины и порядка.

Время тянулось мучительно долго. Князь смотрѣлъ по очереди на присутствующихъ и спрашивалъ себя, дорожатъ они временемъ. нужно оно имъ, или нѣтъ? На послѣднемъ онъ остановилъ глаза на отставномъ генералѣ, и ему почему-то пришло въ голову, что до перваго числа—до полученія пенсіи—еще осталось восемь дней—торопиться некуда.

— Не нужно-ли спѣть? предложила маленькая дама—Мы-бы спѣли хоромъ.

Медіумъ, поморщившись, посмотрѣлъ на нее. Ему перевели ея предложенія.

— Какой вздоръ! промычалъ онъ и натужился еще больше, такъ-что вены замѣтно выступили на вискахъ.

Вдругъ подѣ столомъ раздалось ясное шуршаніе. Грифель быстро писалъ по доскѣ. Мистера всего дергало. Онъ тяжело дышалъ, открывъ ротъ и сдвинувъ брови, точно испытывалъ невыносимую боль. Барыня такъ и впиалась въ его лицо, а бѣлокурая не выдержала и крикнула съ восторгомъ:

— Интересно!

Генераль сидѣлъ слегка заглядывая подѣ столъ, но ничего подозрительнаго не замѣчалъ. Лѣвая рука медіума лежала неподвижно на столѣ у всѣхъ на виду, а правая конвульсивно внизу дергалась.

Наконецъ, онъ откинулся на спинку стула и выбросилъ на столъ книжку. Она была задвинута грифелемъ, какъ и прежде. Внутри, подѣ вопросомъ, былъ написанъ неровнымъ, но яснымъ почеркомъ отвѣтъ.

Изъ сосѣдней комнаты хлынуло все оставшееся общество и тѣснымъ кольцомъ обняло столъ. Анна Федоровна должна была перевести и свой вопросъ и отвѣтъ духовъ.

„— Что ощущаютъ человѣческія души послѣ смерти“?

Она сдѣлала томительную паузу, не сразу разобравъ отвѣтъ.

„— Намъ запрещено объ этомъ говорить. Но вы можете быть покойны—имъ хорошо“.

— Ахъ! воскликнула бѣлокурая барышня.

Уэстлокъ вытиралъ руки платкомъ и обтиралъ вспотѣвшій лобъ. Онъ предложилъ сейчасъ-же продолжать сеансъ. Даровые зрители были изгнаны. Генераль вынулъ не смотря изъ бумажника ассигнацію, положилъ ее въ доску, и заперевъ грифелемъ, передалъ Уэстлоку.

Тотъ опять подвелъ руку подъ столъ. Во второй разъ духъ былъ расторопнѣе, и не прошло пяти минутъ какъ раздалось шуршаніе грифеля.

Доску открыли. Бумажка была сдвинута въ уголь, но лежала также свернутой, какъ свернулъ ее генераль, на доскѣ красиво былъ написанъ номеръ бумажки.

— Феноменально! сказалъ генераль.

— Что вы думаете объ этомъ? спросила Анна Федоровна князя.

— Право не знаю, отвѣтилъ онъ.— Богъ его вѣдаетъ, какимъ путемъ получаютъ эти отвѣты. Не будь такъ продолжительно, это было-бы интересно.

Мистеръ опять посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что у него есть еще немного времени и онъ согласенъ еще произвести опыты, такъ-какъ чувствуетъ себя въ ударѣ.

— Позвольте мнѣ предложить вопросъ? сказалъ князь. Онъ наклонился къ княгинѣ и тихо сказалъ ей:

— Спросите: въ чемъ заключается тайна, которая мѣшаетъ мнѣ жить?

— Ого! сказала Анна Федоровна, — даже мѣшаетъ жить?

Она написала его вопросъ. Медіумъ дѣйстви- тельно разошелся. Не успѣлъ онъ опустить подъ столъ руку, какъ грифель уже писалъ. Генераль сидѣлъ совсѣмъ наклонивъ голову и увѣрялъ, что внизу все спокойно, даже самъ мистеръ не дергался, какъ въ первый разъ.

Доску открыли. Подъ нестертымъ номеромъ ассигнаціи было написано:

— „Всякую тайну открываетъ одинъ ключъ—любовь“.

Князь посмотрѣлъ на сэра Уэстлока. Онъ сидѣлъ съ тупымъ выраженіемъ лица.

— Покажите, что написано, сказалъ онъ, и прочтя прибавилъ: — Общая фраза, какъ всегда—отвѣтъ уклончивый.

Онъ пренебрежительно отшвырнулъ доску и всталъ.

Гомеопатъ подбѣжалъ къ нему и тихонько сунулъ въ руку отсчитанныя кредитки. Уэст- локъ какъ-будто нѣсколько оживился, почув- ствовавъ ихъ хрустѣніе. Но сію-же минуту взглядъ его опять потухъ и сталъ такимъ-же безстрастнымъ.

— Вамъ онъ сказалъ именно то самое, что вамъ надо было? спросила у князя бѣлокурая дѣвушка.—Но вы, быть можетъ, не такъ по-

няли его отвѣтъ? Онъ говорилъ не о матеріальной любви, а о любви братской.

Князю вдругъ стало досадно на себя: зачѣмъ онъ тѣ хорошее и дорогое, что было у него такъ глубоко запрятано въ душѣ, обнаруживаетъ передъ всѣми и позволяетъ дотрогиваться до него чужимъ. Ему было это оскорбительно. Онъ ничего не отвѣтилъ барышнѣ, подошелъ къ Аннѣ Федоровнѣ и предложилъ ей вернуться домой.

— Я очень довольна сеансомъ, сказала она.— А вы?

— Я? переспросилъ онъ и машинально повторилъ про себя: „Тайну открываетъ одинъ ключъ—любовь“. Въ отвѣтъ этомъ онъ чувствовалъ что-то пошлое. Но это пошлое отвѣчало на его вопросъ.

— Я тоже доволенъ, отвѣчалъ онъ.

XX.

Въ каретѣ Анна Федоровна была молчалива. Она точно разбиралась въ своихъ впечатлѣніяхъ. Уже подъѣзжая къ дому, она сказала:

— Мнѣ этотъ англичанинъ открылъ новый міръ.

Князь ничего не отвѣтилъ. Мучительная тягость все усиливалась, но мѣрѣ того, какъ

они приближались къ министерству. Мысль — увидѣть Мери при постороннихъ, или, что еще хуже, совѣмъ ее не увидѣть, казалась ему невыносимой. Онъ думалъ; какъ-бы отдѣлаться отъ этого обѣда, и вдругъ вспомнилъ о письмѣ, полученномъ третьяго дня изъ Москвы отъ тетки — отъ родной сестры его матери. Она писала ему, что это безсовѣстно, — никогда не найти минуты заглянуть къ старухѣ, которая такъ его любитъ, — и которой совѣмъ немного времени осталось жить. — „Вѣдь умру — не къ кому будетъ ѣздить“, — прибавляла она, — и эти строки, — князь только сейчасъ почувствовалъ, — дышали старческой жалобой. Ему захотѣлось скорѣе повидать старушку, обнять ее и поцѣловать въ ея морщинистыя щеки.

Когда онъ помогаль Аннѣ Федоровнѣ выйти изъ кареты, у него уже ясно сложился планъ, что надо дѣлать, и онъ сразу почувствовалъ облегченіе.

— Я найду къ Ивану Петровичу, сказалъ онъ ей на лѣстницѣ.

— Черезъ полчаса обѣдъ! напомнила она ему.

Онъ входилъ къ Ивану Петровичу безъ доклада, если у него никого не было. И теперь Иванъ Петровичъ сидѣлъ одинъ, склонивъ свою сѣдую голову надъ работой.

— У гадалки были? спросилъ онъ, смотря на него черезъ очки.

— Я къ вамъ съ большою просьбой, ваше высокопревосходительство, сказалъ ему князь, опираясь ладонями на столъ. — Позвольте мнѣ на нѣсколько дней съѣздить въ Москву, къ больной теткѣ. Особенно важныхъ текущихъ дѣлъ нѣтъ, а много-много черезъ недѣлю я буду обратно.

— А билетъ проѣздной свободенъ? спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Это все равно.

— Почему-же все равно? Это, другъ мой, нелѣпо. Если я ѣду по казенному билету, почему-же вамъ не ѣхать?

Онъ позвонилъ курьера и велѣлъ принести билетъ на николаевскую дорогу.

— Кланяйтесь тетускѣ, сказалъ онъ. — А развѣ плоха старушка?

Князь хотѣлъ сказать — „года-такіе“, да удержался, вспомнивъ, что Иванъ Петровичъ немногимъ ея моложе.

— Я получилъ прошеніе отъ вашего господина Невмятулина, продолжалъ Иванъ Петровичъ, сразу переходя мыслями на другой предметъ. — Я не могу сказать, чтобъ онъ мнѣ понравился. Не знаю, чѣмъ онъ отзывается: поповичемъ, или просто какимъ-то хамомъ. Я ничего не читалъ изъ его произведній, но думаю, что онъ плохой литераторъ. У талантливаго чловѣка не будетъ такого взгляда, какъ у

него. Вы замѣтили: его глаза безпокойны. Это дурной признакъ. Паѳосъ, что онъ здѣсь проявилъ — тоже вышелъ не у мѣста: я въ него не вѣрю. Но за всѣмъ тѣмъ, я сдѣлалъ распоряженіе о приѣмѣ его на службу. Я предложу ему редактировать журналы нашихъ экстренныхъ засѣданій по переселенческому вопросу. Посмотримъ, насколько онъ сумѣетъ придать литературную форму нашимъ преніямъ.

Билетъ принесли. Князь положилъ его въ карманъ и поблагодарилъ Ивана Петровича за отпускъ.

— Очень радъ, — провѣтритеся, сказалъ тотъ. — Я люблю Москву: отъ нея пахнетъ лампаднымъ масломъ и овчиной, — изрѣдка и это пріятно, послѣ архивной нашей затхлости. Въ Москвѣ можно съ удовольствіемъ просидѣть нѣсколько дней, какъ въ тепломъ болотѣ.

Князь пошелъ проститься съ Анной Федоровной, уже успѣвшей переодѣться. Она изумилась его отъѣзду.

— Что-же вы раньше ничего не говорили? спросила она.

— Я не зналъ, отпустить-ли меня Иванъ Петровичъ, уклончиво отвѣчалъ онъ, и — началъ торопливо прощаться.

Онъ очень былъ радъ, что сразу такъ круто повернулъ съ своимъ отъѣздомъ. Ему надо было вырваться изъ этой сферы, — и лучше всего

было поѣхать къ теткѣ. Ее любила вся родня за ея прямой нравъ и за ея богатство. Она воспитывала множество родственниковъ; множество родственницъ выдавала замужъ, и всѣмъ дала хорошее приданое. Своихъ дѣтей у нея не было, а денегъ было много, — отъ двухъ мужей, которыхъ она давно схоронила. Дома у нея всегда жило пять-шесть челоуѣкъ молодежи, и въ воскресенье вечеромъ танцевали до того, что съ потолка обваливались лѣнные карнизы. Она платила долги не только за своихъ родственниковъ, но и совсѣмъ за постороннихъ. Какъ-то къ ней явился совершенно незнакомый офицеръ, вытащилъ изъ кобуры огромный пистолеть и заявилъ, что онъ немедленно застрѣлится, если она не дастъ полторы тысячи, которыя онъ проигралъ въ карты, позаймствовавъ ихъ изъ казеннаго сундука. Она тотчасъ-же вынесла ему на эту сумму бумажъ и потомъ рассказывала:

— Еще милосливо онъ взялъ — полторы тысячи. Я-бъ пять дала, чтобъ онъ только убрался. Меня теперь одно только утѣшаетъ, можетъ быть онъ и не совралъ, и въ самомъ дѣлѣ казенныя деньги растратилъ. Тогда Богъ съ нимъ!

XXI.

Когда князь пріѣхалъ домой, было около восьми часовъ. Онъ велѣлъ принести чемоданъ, и самъ началъ спѣшно укладывать вещи, нужныя ему на три-четыре дня. У него была небольшая квартира, состоявшая изъ столовой, кабинета и спальни. Служила ему пожилая кухарка эстонка, и ея сынъ, — паренъ съ румянцемъ во всю щеку, довольно щеголевато носившій фракъ и читавшій безъ барина за его письменнымъ столомъ какія-то толкованія евангелія на эстонскомъ языкѣ, что впрочемъ ему не мѣшало хронически пропадать изъ дома, каждый разъ, когда князь уходилъ куда-нибудь. И теперь его тоже не оказалось дома, и мать увѣряла, что онъ пошелъ ставить шявки. Отсутствіе его не помѣшало князю въ полчаса совершенно уложить сафьянный вѣнскій чемоданчикъ, съ туалетнымъ наборомъ, самому переодѣться, и сдѣлать всѣ нужныя распоряженія. Сердце его билось какъ-то дробно, точно барабанъ колотилъ походъ. Онъ смутно сознавалъ дѣйствительность. Ему хотѣлось только одно: бѣжать, бѣжать какъ можно скорѣе, и какъ можно дальше. Онъ зажегъ всѣ лампы и свѣчи, чтобъ было свѣтло, и чтобъ не забыть чего-нибудь изъ мелочей, приготовленныхъ на

столя. Онъ машинально укладывалъ дорожную шапочку, платки, туфли, затягивалъ ремнями пледъ, наливалъ въ склянку одеколонъ, опускалъ въ большой конвертъ чемодана пачку текущихъ департаментскихъ дѣлъ,—и думалъ, до чего противна и глупа эта чиновничья сутолока,— и съ какою-бы охотой онъ бросилъ службу, если-бы у него были средства. Но онъ долженъ былъ служить, потому-что его отецъ проигралъ въ карты все состояніе—и свое, и матери, — и оставилъ ему послѣ смерти нѣсколько тысячъ, да остатки старой обстановки: сафьянныя патѣ, карсельскія лампы, портреты пудренныхъ предковъ и какія-то вазы изъ каррарскаго мрамора, можетъ-быть очень дорогія, но рѣшительно ни на что не нужны. Князю было все это дорого съ дѣтства: и огромный маятникъ стоячихъ часовъ, и витыя колонки лампъ, и старыя англійскія гравюры, и экраны. Они связывали его со стариннымъ родомъ Ханыковыхъ-Олсуфьевыхъ, далеко восходившимъ къ эпохѣ галицкихъ князей,—и казались атрибутами ихъ геральдическаго знака, съ двудвѣтнымъ разсѣченнымъ щитомъ, крылатымъ ключемъ, мечами и полулуніями. — И этотъ гербъ и старыя вещи,—все это придавало квартирѣ не тотъ буржуазный видъ, что свойственъ каждому *homini novo*,—гдѣ-бы онъ ни заказывалъ свою обстановку,—а тотъ складъ до-

мовитости, спокойствія и стила, который вѣками выработывался въ старыхъ дворянскихъ и княжескихъ родахъ.

Швейцаръ снесъ его вещи на извозчика. Поднялась мятель, и весь воздухъ былъ полонъ снѣжными смерчами, крутившимися по улицамъ. Снѣгъ рѣзалъ щеки и глаза. Князь поднялъ воротникъ, и точно ушелъ отъ всего остального міра. Беспорядочныя мысли вертѣлись какъ эти снѣжные вихри въ его головѣ. Онъ смутно понялъ: если лошадь остановилась, — значитъ они подъѣхали къ вокзалу. Когда ему сказали, что не только нѣтъ свободныхъ кунь, но даже спальныхъ мѣстъ, — онъ какъ-будто этому обрадовался. Ему тяжело было оставаться одному, онъ хотѣлъ быть на людяхъ, хотѣлъ видѣть не близкихъ, а совершенно чуждыхъ людей, которымъ-бы не было до него никакого дѣла. Онъ велѣлъ занять кресло въ некурящемъ отдѣленіи, сѣлъ къ столу и вспомнилъ, что еще не обѣдалъ.

Пока ему готовили осетрину, онъ сидѣлъ безцѣльно глядя на кипящихъ вокругъ пассажировъ. Воздухъ здѣсь былъ нагрѣтый, пахло луковымъ соусомъ, пирожками и бульономъ. Какая-то толстая барыня нѣжно разговаривала съ монсомъ, слезливо мигавшимъ своей тупой мордой, и увѣряла слѣдѣвшую противъ него спутницу, что онъ очень любитъ конфеты отъ

Веггін, именно отъ Веггін, — потому-что онѣ тамъ совѣмъ особенно готовятся.

— Мое почтеніе, ваше сіятельство! разда-лось сзади князя.

Передъ нимъ стоялъ высокій старикъ въ синемъ пиджакѣ, клѣтчатыхъ сѣрыхъ панталонахъ и въ котиковой шапкѣ. Онъ узналъ въ немъ Воблова, съ которымъ познакомился у Анны Ѳедоровны. На немъ были высокія калоши, отъ которыхъ панталоны поднялись зигзагами и сообщали его худымъ длиннымъ ногамъ форму пробочниковъ, воткнутыхъ въ огромныя пробки—калоши.

— Изволите въ Москву ѣхать? продолжалъ онъ, отодвигая стулъ и безъ приглашенія опускаясь на него. — Я тоже по маленькому дѣльцу туда направляюсь. Обзавелись купнѣ? Можетъ желаете, я вамъ свое предоставлю, — а самъ къ знакомому перейду, — у насъ рядомъ два отдѣленьица? Мнѣ ничего-съ и наверху повисѣть. Мальчишкой всегда на полатцѣ лазилъ.

Князь поблагодарилъ и сказалъ, чтобъ онъ не беспокоился.

— Да мнѣ очень пріятно-съ услужить. Я во всякомъ случаѣ могу васъ пристроить. Въ крайнемъ случаѣ, намъ даже вагоны прицѣпляютъ.

Онъ порывался встать, но князь его еще разъ остановилъ.

— Я ѣду въ креслѣ, сказалъ онъ, — и мнѣ очень удобно.

— Какъ угодно - съ, съ той - же ласковой улыбкой продолжалъ Вобловъ. — А то отчего-же и не услужить нужному человѣку. Я — вамъ, а вы — мнѣ когда-нибудь. Рука руку моетъ.

Онъ засмѣялся дрябло, по-старчески, и отошелъ, шаркая калошами, къ розовому человѣку среднихъ лѣтъ, въ пенснэ и съ усиками, закрученными какъ у гусарскаго корнета. Розовый человѣкъ пилъ содовую воду съ коньякомъ и смотрѣлъ вокругъ, рѣшительно ничего не выражая на своемъ лицѣ. Вобловъ сѣлъ противъ него, постучалъ рюмкой о бутылку и сказалъ подбѣжавшему татарину:

— Дай мнѣ стаканъ кофею, чернаго и крѣпкаго, да чтобъ онъ кипѣлъ, понимаешь?

Въ вагонѣ, гдѣ помѣстили князя, всѣ мѣста были заняты. Блѣдный черноволосый господинъ, съ кавказскимъ носомъ и снулыми глазами, несмотря на жаркую топку, окуталъ немедленно обѣ ноги толстымъ тигровымъ пледомъ и сталъ читать французскій романъ, едва тронулся поѣздъ. Чреватый бритый господинъ съ лоснящимся лицомъ безъ бровей, кряхтя, втискивалъ въ сѣтку какую-то кардонку, — но она черезъ каждую минуту падала на полъ, безпомощно крякая по швамъ. Накось помѣстился старичокъ въ свѣтло-спреневомъ костюмѣ, на-

поминавшемъ о лѣтѣ, и все время сосалъ буль-дегомъ. Все это были люди чужіе, спокойные, и всѣ мечтавшіе о покоѣ.

Даже кавказскій носъ не долго былъ устремленъ во французскую книгу. Онъ скоро сталъ клевать, и велѣдъ за другими пассажирами озаботился раскладкой кресла. Синія шторки на газовыхъ фонаряхъ задернулись, и сѣрая полутьма мягкимъ дымкомъ застлала всѣ предметы. Олеуфьевъ смотрѣлъ широко-открытыми глазами въ эту полутьму и неясная скученность образовъ и однозвучный шумъ колесъ точно помогали неустанной работѣ его мозга. Но мысли плохо повиновались ему. Онъ хотѣлъ думать о завтрашнемъ днѣ, о теткѣ, къ которой онъ ѣхалъ, а мысль возвращалась назадъ, къ этой странной дѣвушкѣ, къ этой загадкѣ. Онъ точно чувствовалъ ее возлѣ себя,—точно она стояла тутъ - же, спокойная, молчаливая, какъ всегда ушедшая сама въ себя, и пристально смотрѣла на него. Онъ чувствовалъ этотъ взглядъ, проникающій его насквозь, какъ солнечные лучи, и ему было какъ-то жутко. То ему казалось, что сегодня все и навсегда порвано съ ней; то онъ чувствовалъ, что связь ихъ только начинается, и что еще долго имъ придется итти рука объ руку по дорогѣ жизни.

Потомъ его мысли еще больше перенесли его назадъ къ прошлому, и это прошлое стало

развертываться утомительнымъ безконечнымъ повѣствованіемъ, гдѣ все было однообразно, скучно; этого прошлаго не было жалко, онъ не хотѣлъ ни одной минуты возврата къ минувшему; у него не было мгновенія, которое онъ могъ-бы назвать „прекраснымъ“ и сказать: „постой!“ Его не сокрушала потеря состоянія, когда отецъ все проигралъ, хотя щемило сердце, когда мать говорила ему о грозящей имъ нищетѣ,—а онъ еще оканчивалъ лицей и смутно надѣялся на жалкое жалованье въ Сенатѣ. Но отецъ съ матерью скоро умерли,—онъ остался одинъ—съ большимъ родствомъ, съ титуломъ, со связями. Титулы и связи сдѣлали свое дѣло: онъ былъ на хорошей дорогѣ,—и въ будущемъ могъ достигнуть управленія министерствомъ. Но служба не интересовала его. Онъ любилъ бороться съ тѣмъ злымъ началомъ, которое онъ чувствовалъ нерѣдко вокругъ себя, и которому противопоставлялъ свою власть, поддерживаемую Иваномъ Петровичемъ. Это единственно, что его влекло. Но въ немъ не было чиновничьяго нерва, онъ не былъ рожденъ въ вицмундирномъ фракѣ, какъ большинство его сотоварищей. И потому прошлая дорога казалась однообразной, скучной. Ухаживанія и связи съ француженками, цыганками и какой-то балетной глупенькой корифейкой, съ которой онъ провелъ лѣто въ Италіи, таская ее по старымъ цер-

квямъ и воображая, что онъ изучаетъ какое-то искусство, — все это оставило на немъ слѣды томительной нравственной изжоги отъ пьянаго карнавала.

Мысль о бесплодности и бесполезности всего прожитаго была такъ остра, что заставила его приподняться и сѣсть. „Можно-ли такъ жить? спрашивалъ онъ себя. — Можно-ли сидѣть въ этой узкой замкнутой оболочкѣ интересовъ министерства, ходить съ докладами къ Ивану Петровичу, цѣловать ручки Анны Ѳедоровны, и вѣрить въ то, что дѣлаешь дѣло?“

Онъ оглянулся, тихо всталъ и прошелся среди спящихъ по вагону. Брюнетъ съ кавказскимъ носомъ лежалъ навзничъ, дышалъ неслышно и руки сложилъ на груди, какъ покойникъ. Толстый господинъ покрылся пледомъ съ головой, и быть можетъ, уже умеръ отъ апоплексіи. Свѣтлосиреневый старичокъ храпѣлъ отчаянно, со свистомъ, и этимъ доказывалъ свою жизнеспособность. Олсуфьевъ прошелъ въ слѣдующее отдѣленіе. Здѣсь воздухъ былъ насквозь прокурень папиросами и сигарами, — это было курительное отдѣленіе. Здѣсь занавѣсокъ у фонарей не задергивали и храпѣли при полномъ свѣтѣ, выставивъ ноги въ чулкахъ изъ-подъ одеялъ. Тѣла пассажировъ, скорчившіяся и выпрямленныя, уподобляли вагонъ полю битвы, по которому только-что проѣхалъ непобѣдимый

полководецъ и посмотрѣлъ ликующимъ взоромъ на жатву смерти. А по стѣнамъ, какъ души навшихъ, колыхались длинныя шубы и сюртуки, повѣшенные на гвоздяхъ, — точно они были живыя существа, — а ихъ владѣльцы — безжизненны.

Олсуфьевъ воротился къ себѣ, приподнялъ штору окна. Въ неясной бѣлесоватой мглѣ проносились опущенные снѣгомъ лѣса. Мѣсяцъ маленькій, какъ серебряная монета, блестя высоко наверху, молочнымъ свѣтомъ пробиваясь сквозь мерзлый туманъ, и рои искръ какъ огненные иголки проносились мимо окна и гасли въ ночной темнотѣ.

XXII.

Онъ заснулъ часа за два передъ разсвѣтомъ. Проснулся онъ отъ холода. Черезъ замороженное окно било зимнее золотое солнце. Кондукторъ въ пальто съ поднятымъ воротникомъ неслышно проходилъ вдоль вагона.

— Въ Твери ночью было двадцать-семь градусовъ, радостно сообщилъ онъ князю, точно похвастался: вотъ-де у насъ по какимъ мѣстамъ дорога проложена!

— А Тверь проѣхали? спросилъ князь и посмотрѣлъ на часы.

— Черезъ полчаса Клинь.

Въ Клину онъ вышелъ напиться чаю. Пока онъ шелъ отъ передняго вагона въ буфетъ, пассажиры заднихъ вагоновъ уже заняли мѣста у столовъ. На самомъ краю сидѣлъ Вобловъ и передъ нимъ стояло три стакана съ чаемъ. Онъ пилъ съ блюдечка, а два другихъ стакана стыли. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его розовый спутникъ. Онъ, видимо, ужъ давно всталъ и серьезно занимался своимъ туалетомъ. Онъ былъ тщательно вымытъ, причесанъ, усы носили слѣды самой строгой выхоленности. Золотое пенснэ сидѣло на его тоненькомъ носу прочно, — точно срослось съ переносьемъ. Но смотрѣлъ онъ тѣмъ-же ничего не выражающимъ безразличнымъ взглядомъ, какъ и наканунѣ.

— Ты мнѣ дашь, говорилъ онъ лакею, — стаканъ чая, рюмку финь-шампань и три бутерброда съ ветчиной.

Онъ строго повелъ на него глазами, и тотъ точно провалился сквозь полъ.

— Хорошо изволили почивать? спросилъ Вобловъ князя.

— Плохо, отвѣтилъ тотъ.

— А мы вотъ — съ Митрофанъ Провычемъ во всю выспались.

Митрофанъ Провычъ моргнулъ въ знакъ подтвержденія глазами и посмотрѣлъ, хорошо ли вылощены ногти.

— Вы дальше Москвы не поѣдете? спросилъ Олсуфьевъ, чтобъ что-нибудь спросить.

— Нѣтъ-съ. Я дня въ четыре все здѣсь оборудую. У генераль-губернатора по дѣламъ надо побывать-съ. Да за одно ко владыкѣ заѣхать. Со владыкой мы старые пріятели. Вмѣстѣ церкви строили. Всегда пеняетъ, ежели не заѣхать къ нему. Потомъ выговариваетъ.

Когда они вышли на платформу, плотникъ запахиваясь отъ крутого срътенскаго мороза, Вобловъ предложилъ князю:

— Удостоите въ гости — въ нашъ вагончикъ. Ваше креслице далеко, подъ самымъ паровозомъ. Въ Химкахъ на минуту остановимся, тогда перейдете.

Олсуфьеву было все равно. Онъ вошелъ въ предпоследній вагонъ. Оба купэ были уже убраны, и дверь между ними раздвинута. Вобловъ представилъ спутника.

— Вотъ позвольте вамъ представить: Митрофанъ Провычъ Варгинъ, — представитель московскаго купечества — крупная фирма-съ.

Варгинъ поклонился низко, но съ достоинствомъ.

— А кромѣ того-съ, продолжалъ Вобловъ, — извѣстный коллекционеръ. Музей у него свой.

Варгинъ посмотрѣлъ прямо въ лицо князя и глаза его сказали:

„Видите, я какой“.

— Какой-же у васъ музей? спросилъ Олсуфьевъ.

— Пуговичный, добродушно замѣтилъ, слегка улыбаясь, Вобловъ.—Право-слово пуговичный. Вотъ вы не изволите вѣрить. А Митрофанъ Провычъ съ дѣтства разныя пуговицы собираетъ и столько ихъ насобиралъ, что цѣлый этажъ ими занялъ. Покойный его отецъ очень былъ недоволенъ такой специальностью.

— Это не совсѣмъ такъ, поправилъ его Варгинъ, и обратился къ князю.—У меня коллекція запонъ, бляхъ, застежекъ, крючковъ и пуговицъ. Коллекція эта стоитъ огромныхъ денегъ. Довольно того вамъ сказать, что у меня есть предметы свайнаго періода, что у меня есть застежка съ кафтана Иоанна четвертаго,— что у меня есть португеза Наполеона перваго.

— Собственно вы съ какой-же цѣлью? спросилъ князь.

Варгинъ поднялъ кожу лба складками.

— Коллекція, сказалъ онъ.— Это имѣетъ научный интересъ. Ко мнѣ пріѣзжаютъ нерѣдко специалисты за справками. Теперь я издаю фототипическій каталогъ музея. Въ продажу по сту рублей поступить.

— Вотъ какво московское купечество теперь! улыбаясь проговорилъ Вобловъ.—Открываютъ музеи-сь. У насъ на Руси все такъ скач-

кѣми идетъ. Сѣрое купечество, сѣрое купечество, — а потомъ — смотришь — шагнуло такъ впередъ, и дворянство позади осталось.

Варгинъ покрутилъ усъ и посмотрѣлся въ дверное зеркало.

— Я еще дѣдушку — Силу Варгина зналъ, продолжалъ Вобловъ. — Какъ теперь его помню: старикъ былъ широкій, борода во всю грудь, сапоги бутылками, двѣ медали на шеѣ. Знаменитъ былъ не на одинъ свой приходъ. Идетъ — никому не кланяется. Квартальному руки не подавалъ, потому-что у него по праздникамъ полиціймейстеръ завтракалъ. Жили въ двадцати семи комнатахъ, въ графскомъ домѣ, — и львы каменные на подъѣздѣ лежали. А потомъ онъ умеръ. Провъ Силычъ за торговлю взялся. Этотъ дошлый по бухгалтеріи былъ. штаны на выпускъ носилъ, и къ дѣтямъ англичанку приставилъ. Все у нихъ на европейскій манеръ пошло. Теперь фабрикой у нихъ брюсселецъ управляетъ, а самъ Митрофанъ Провычъ только насчетъ вышлага контроля.

— Поколѣніе нашихъ отцовъ много сдѣлало, подтвердилъ Варгинъ. — Дѣды наши еще были азіаты; отцы поняли, что учиться имъ поздно, что они — только перешеекъ, соединяющій два элемента — азіатскую косность и европейскую культуру. И они дали дѣтямъ все, что было въ ихъ силахъ, чтобы показать, что русская

кровь, сохранившаяся въ ихъ жилахъ, способна не на одну азіатчину. Отсюда—культурное поколѣніе молодежи. Мы двинули впередъ искусство. Если въ Москвѣ стали появляться блестящія постройки, то возводимъ ихъ мы. Мы покупаемъ художественную мебель, расписываемъ плафоны, собираемъ галереи, открываемъ театры. У насъ гораздо менѣе стремленія къ сохраненію капиталовъ подъ спудомъ, или къ тратѣ ихъ на заграничнымъ курортамъ, чѣмъ въ русскомъ дворянствѣ. Наши дѣды жертвовали на монастыри и колокола; наши отцы — на университеты и техническія заведенія; а мы жертвуемъ на искусства.

Онъ говорилъ это съ полнымъ сознаниемъ своего величія. Онъ чувствовалъ себя выше золотушнаго дворянства, и родовой аристократіи, — это былъ истинный „патріотъ своего отечества“.

— Если кто поддерживаетъ народъ, продолжалъ онъ, — такъ одни мы. У насъ работаютъ милліоны рукъ. Это вздоръ, что мы эксплуатируемъ ихъ трудъ: такъ-ли эксплуатировало ихъ дворянство при крѣпостномъ правѣ! Мы открыли школы для ихъ дѣтей, пріюты для увѣчныхъ, богадѣльни для старыхъ. Посмотрите, что дѣлаетъ для государства одно московское купечество—и вы изумитесь: ни въ одной странѣ вы не увидите ничего подобнаго.

Онъ говорилъ все это какъ давно заученую рѣчь, очевидно, не разъ произнося ее передъ достойными.

— И ежели вы, князь, продолжалъ онъ, закидывая голову назадъ и смотря на него черезъ пенснэ, — ежели вы сдѣлаете мнѣ честь пожаловать взглянуть на мой музей, — вы убѣдитесь, что мы совсѣмъ не шутимъ, что мы — огромная стихійная сила, надвигающаяся на Европу. Мы ужъ дали представителей науки и искусствъ изъ своей среды, — и дадимъ еще больше въ будущемъ.

— Да вотъ, можетъ быть, князь соблаговолить со мною къ вамъ сегодня прѣхать во второмъ часу? сказалъ полувопросительно Вобловъ.

Лицо Варгина въ первый разъ оживилось. Онъ даже всталъ съ дивана.

— Я буду крайне польщенъ, если князь занесетъ свое имя въ книгу посѣтителей моего музея, сказалъ онъ. — У меня немало блестящихъ именъ вписано на ея страницахъ.

„Посмотрѣть на его пуговицы?“ подумалъ князь, — но отвѣтилъ уклончиво:

— Я сегодня очень занятъ, не знаю, успѣю-ли. Но я буду весьма радъ случаю, если мнѣ удастся.

Варгинъ вынулъ портфельчикъ бѣлой кожи съ монограммой, осыпанный маленькими руби-

нами, и подаль Олсуфьеву карточку. На ней было обозначено:

„Варгинъ, Митрофанъ Прововичъ, Преполювенка, Сошкинъ переулочъ, собственный домъ“.

XXIII.

Князь терпѣть не могъ каретъ отъ гостиницъ и велѣлъ позвать извозчика. Онъ видѣлъ, спускаясь по лѣстницѣ, какъ Варгинъ и Вобловъ усаживались въ парныя сани, запряженные огромными вороними лошадыми, у которыхъ хвостъ былъ завитъ кольцами. Лакей застегивалъ полость и кивалъ головою, очевидно, удостоверяя, что багажъ онъ привезетъ тотчасъ за господами. Лошади тронулись полной рысью, взметая снѣгъ, и кучеръ, подавшись впередъ вслѣдъ своимъ ожирѣвшимъ тѣломъ, свирѣпо крикнулъ извозчику Олсуфьева, чтобъ онъ держалъ лѣвѣе, хотя лѣвѣе стояли кареты и держать было некуда. Солнце ярко заливало Москву. Сани, попрыгивая на ухабахъ и постукивая на рельсахъ, катили по плотно-уѣзженому снѣгу, и князю какъ-то стало легче въ этомъ безвѣтренномъ холодномъ воздухѣ. Москва, какъ сказочное царство, замеченное снѣгами, казалась мифическимъ, старымъ городомъ—какой-то полувабытой, но яркой грезой. Князь не любилъ

Москвы, но любилъ изрѣдка въ нее наѣзжать: его охватывало при этомъ то странное чувство, которое поднимается въ насъ при видѣ стараго фоліанта, знакомаго съ дѣтства, при видѣ запущеннаго сада, гдѣ мы бѣгали дѣтьми. Съ этимъ чувствомъ возстаетъ все прекрасное, что скопилось въ душѣ отъ минувшихъ дней, и забывается все тяжелое, все, что достойно забвенія.

Ему казались милы и дороги эти бѣлыя казарменные стѣны, эти черныя съ золотомъ вывѣски, эти столбы съ густой паутиной проволокой, густо окутанныхъ ниеемъ. Онъ посмотрѣлъ на знакомыя Красныя ворота съ трубящимъ ангеломъ, съ неизмѣнной стойкостью украшающимъ постройку, отъ которой такъ и вѣяло эпохой маркизовъ двора Людовика XIV. Онъ вспомнилъ вдругъ жаркій лѣтній день, когда онъ гулялъ по Чистымъ прудамъ съ отцомъ, вспомнилъ, какъ отецъ зашелъ съ нимъ въ аптеку, купилъ ячменнаго сахара, потому-что онъ кашлялъ, — и потомъ, когда они вышли на площадь, онъ показывалъ эти ворота и рассказывалъ, какъ царица Елизавета Петровна въѣзжала черезъ нихъ на торжество коронаванія. Потомъ пронеслись мимо и Чистые пруды — неподалеку отъ которыхъ былъ ихъ домъ, — и зданіе почтамта съ часами, отличавшимися трогательною пунктуальностью. Пошли по Мясниц-

кой мелькать давно знакомыя вывѣски складовъ какихъ-то машинъ, редакцій, книжныхъ магазиновъ и мебелированныхъ комнатъ. Мужики въ валенкахъ, тулупахъ и оборванныхъ шапкахъ шли куда-то развалистой походкой, шли такъ-же, какъ ходили они при царѣ Алексѣѣ, и можетъ быть и при Телепневѣ-Овчинѣ. Вотъ и Лубянская площадь, и зубчатая стѣна Китай-города, и крѣпостные ворота, лишенные затворовъ, и узкая улица съ церковками, часовнями, аптекарскими магазинами и вѣчнымъ движеніемъ. Вотъ и широкій подъѣздъ гостиницы, и полутемная лѣстница обильно покрытая коврами, и нѣмецъ-швейцаръ, — все такое-же, какимъ было три года тому назадъ, когда онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ.

Ему отвели номеръ окнами на Никольскую. Пожилая горничная тотчасъ явилась съ грудой полотенецъ и поклонилась ему какъ знакомому, а толстый бритый лакей назвалъ его ванимъ сіятельствомъ. Онъ написалъ теткѣ письмо, гдѣ сообщалъ ей о своемъ пріѣздѣ, и о томъ, что къ шести онъ пріѣдетъ къ обѣду. Онъ писалъ ей съ удовольствіемъ, потому-что любилъ ее, и ему было пріятно знать, что она обрадуется его извѣщенію. Отославъ письмо, онъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на крышу противоположнаго дома, на суетившихся голубей, перелисталъ книгу объявленій, лежащую на столѣ, и вдругъ замѣтилъ, что ему до шести нечего дѣлать.

Онъ разложилъ свои чемоданы, переодѣлся и рѣшилъ пойти въ Кремль. Въ Кремль онъ давно не былъ, и ему хотѣлось опять побродить между старыми соборами, посмотреть на Замоскворѣчье, занесенное снѣгомъ и освѣщенное яркимъ солнцемъ. Онъ снова подошелъ къ окну и подумалъ:

„А что, если позвать посыльнаго, велѣть ему сейчасъ взять билетъ на вечерній поѣздъ, и выѣхать сегодня-же назадъ?“

Передъ нимъ такъ живо встала во весь ростъ Мери, опять, какъ вчера въ вагонѣ, онъ почувствовалъ ее близко, возлѣ себя; ему казалось, что она дышетъ, и ея дыханіе щекочетъ его щеку. — „Это отъ бессонной ночи!“ подумалъ онъ, и пошелъ къ кнопкѣ, чтобъ позвонить слугу и сказать, что онъ уходитъ. Въ это время въ дверь стукнули.

Вошелъ Вобловъ, — сухой, спокойный, съ глазами схимника — прозорливо глядящими вдаль.

— А ужъ я здѣсь по дѣлу, рядомъ съ вами на коридорѣ успѣлъ быть, оживленно заговорилъ онъ, — да и рѣшилъ зайти: думаю, если его сіятельство не разсердится, такъ вмѣстѣ и поѣдемъ къ Варгину.

— А зачѣмъ мнѣ къ нему ѣхать? спросилъ Олсуфьевъ.

— Пуговочки посмотрѣть хотѣли? Быть можетъ, это и занятно. Для меня это гроша не

стоящая рухлядь. Показываетъ, видите, онъ пуговицу отъ Маріи Стюартъ. Весьма возможно, что Марія Стюартъ очень была замѣчательная личность, — но пуговица, тѣмъ не мѣнѣе, едва-ли достойна вниманія. Пуговица всетаки пуговица, и отъ того, что ее застегивала эта Марія, она лучше не сдѣлалась. А вотъ профессора здѣшніе находятъ, что это въ высшей степени замѣчательно. Имъ, конечно, и книги въ руки.

Онъ широко улыбнулся, и показалъ еще цѣлые пожелтѣвшіе старческіе зубы.

— Конечно, если-бы покойный дѣдушка зналъ, во сколько тысячъ обошлись эти самыя пуговицы, онъ-бы внуку показалъ небо съ овчинку. Говоритъ внучекъ о цивилизаціи, или, какъ теперь пошло новое слово, — о культурѣ, а самъ-то такъ только, верхнимъ чутьемъ идетъ, а основательности очень мало, и даже можно сказать — совѣмъ нѣтъ. Но все-же это лучше, чѣмъ разгулъ кунавинскій, — всетаки типе. Не-хорошо, что Митрофанунка сестеръ распустилъ. Ужъ очень дѣвицы обрадовались, что на поверхность вынырнули. Тяжело подъ водой было — ну и наверхъ вытываютъ. Оно конечно, — сколько лѣтъ московская баба подъ спудомъ лежала, всякому лестно на солнышкѣ погрѣться.

„Чего онъ ко мнѣ подходитъ? подумаль князь. — Видимое дѣло, я ему зачѣмъ-то нуженъ. Да и чѣмъ хуже этотъ Варгинъ вче-

рашняго спиритическаго общества? Всетаки — музей. Была не была, — поѣду!“

Онъ всталъ и сказалъ Воблову:

— Что-жь, пожалуй.

XXIV.

Тѣ-же вороны, что были поданы къ вокзалу, повезли ихъ на Преполовенку — мѣсто, издавна считавшееся въ Москвѣ аристократическимъ. Кучеръ, должно быть, былъ предупрежденъ, что будетъ везти петербургскаго князя, и потому старался показать всю рысь купеческихъ рысаковъ.

— Лихо здѣсь ѣздить, замѣтилъ Вобловъ, когда они на поворотѣ чуть не опрокинули извозничьи сани. — Не по-петербургски.

— У насъ только съ полудѣвицами такъ ѣздить лихачи, отвѣтилъ князь.

— А здѣсь почетные граждане скорую ѣзду обожаютъ. Я лично противъ скорой ѣзды, — потому-что всякую божью тварь люблю и изнурять ее считаю даже постыднымъ. А только купечество по всей Россіи быструю ѣзду любить: чтобы съ гикомъ, со свистомъ — первое дѣло.

— Хорошій домъ у Варгина? спросилъ князь, чтобъ что-нибудь спросить.

— Съ современными требованіями, отвѣтилъ уклончиво Вобловъ.— Все это — самое послѣднее слово искусства. Вамъ это видѣе, а я — человекъ темный.

„Послѣднее слово искусства“ въ самомъ дѣлѣ было послѣднимъ. Архитекторъ, сочинявшій фасадъ дома, вначалѣ имѣлъ какую-то руководящую идею. Но вкусъ Варгина не позволилъ ему разрѣшить намѣченную задачу — и придалъ вариации собственной фантазіи. Архитекторъ или сбился съ толку, или былъ прельщенъ несообразнымъ количествомъ кредитныхъ билетовъ, — но онъ на все махнулъ рукой и въ одномъ зданіи слилъ всѣ свои архитектурныя познанія. Тутъ была и готика, и мавританія, и византия, и рококо, и барокко. Все это представляло изъ себя крошево, на подобіе московской солянки. Но все-же истые москвичи заглядывались на такой фасадъ и говорили про Митрофана Провыча:

— Изъ раннихъ воробушекъ-то! Ужьеть старикамъ гусаровъ въ носъ запускать.

Подъѣздъ былъ отворенъ швейцаромъ, на чисто выбритымъ, съ чреслами самыхъ несообразныхъ размѣровъ. Въ великолѣпной прихожей, напоминавшей Альгамбру, припахивало масломъ и лукомъ: очевидно, тянуло изъ кухни. Лакей въ чулкахъ съ кроткой вѣжливостью предложилъ гостямъ подняться на нѣсколько

стушенокъ, ввелъ ихъ въ залу, наполненную витринами, и сказалъ, что сейчасъ доложитъ.

Витрины были очаровательны: онѣ были цилиндрическія, коническія, пирамидальныя, квадратныя, параллелепипедовидныя. Всѣ были заперты прочными замками, и зеркальныя ихъ стекла были тщательно протерты. На каждой витринѣ была мѣдная дощечка съ надписью: „Ассирія“, „Херсонесъ“, „Пергамъ“ и такъ и далѣе.

Вошелъ Митрофанъ Провычъ. Онъ былъ въ изысканномъ домашнемъ туалетѣ. Концы усовъ были закручены еще идеальнѣе чѣмъ утромъ. Также почтительно онъ отдалъ поклонъ князю, — и безо всякихъ предисловій подвелъ его къ ближайшей витринѣ, гдѣ лежали комочки, напоминавшіе засахарившіяся черносливъ.

— Эти застежки, началъ онъ, — достались мнѣ въ Египтѣ, при раскопѣ гробницъ, въѣкъ которыхъ съ достаточной точностью не можетъ быть опредѣленъ. Онѣ были извлечены изъ гробовъ при мнѣ, и потому сомнѣнія въ ихъ подлинности не имѣютъ мѣста.

— А развѣ на муміяхъ одежды застеги-вали? спросилъ князь.

Митрофанъ Провычъ спокойно посмотрѣлъ на него.

— Не знаю, сказалъ онъ. — Я знаю, что это застежки изъ древней гробницы, — и съ

меня этого довольно. Вотъ здѣсь вы видите филигранныя золотыя запоны, вродѣ тѣхъ, что были найдены въ Микенахъ. Обращаю ваше вниманіе на поразительную тонкость и изящество работы, сдѣлавшей-бы честь любому современному ювелиру. Эти экземпляры приобрѣтены мною лично, во время моего путешествія по Малой Азій. Здѣсь, какъ видите, — раскопки изъ нашихъ южно-русскихъ кургановъ. Вотъ серьги, вотъ настоящія гривны, удивительной работы, вотъ застежки съ великокняжескаго плаща. Вотъ запона, которой прикрѣплялось перо на шапкѣ. Смотрите, какой дорогой камень, — снесите его Болину, — онъ дастъ вамъ за него двѣсти рублей. Тутъ — изъ раскопокъ Помпеи, — и очень интересныя вещи, доставшіяся мнѣ по очень дорогой цѣнѣ: онѣ предназначались для неаполитанскаго музея, но подкупленный мною человекъ укралъ ихъ, — и теперь ими обладаетъ Москва. Впрочемъ, вы увидите въ дальнѣйшихъ залахъ много вещей, которыя выкрадены изъ музеевъ и другихъ хранилищъ съ большимъ рискомъ.

— Неужели вы сами рисковали? спросилъ князь.

— Я подкупалъ. Подкупалъ сторожей, хранителей, истопниковъ, просто лакеевъ, — и мнѣ почти всегда это удавалось. Я никогда не бралъ цѣлую замѣтную вещь: я просилъ только

срѣзать застежку съ платья, — гдѣ-нибудь самую незамѣтную, — и вѣроятно самыя аккуратныя изъ директоровъ музеевъ никогда и нигдѣ не подмѣтили и слѣдовъ кражи.

— Митрофанъ Провычъ, — я пойду наверхъ, сказалъ Вобловъ. — Вашу рухлядь я не разъ видѣлъ, а ужъ вы позабавьте князя.

Митрофанъ Провычъ грустно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Тоже остатокъ ископаемой эпохи, сказалъ онъ, кивая головой на ушедшаго. — Весь ушелъ въ меркантильные разсчеты — и нѣтъ у него шири горизонта... Пожалуйте теперь въ эту залу.

Они вошли въ комнату, гдѣ на потолокъ изображена была какая-то жирная барыня съ толстыми, мясистыми колѣнами ярко-розоваго цвѣта. Передъ ней, склонившись, стояла тощая блондинка съ красными пятками, и принимала отъ нея какую-то бумажную ленту. На эту сцену смотрѣли двѣ голыхъ дѣвочки, съ газовыми шарфами черезъ плечо, и большой орелъ съ кровавыми глазами. Все это помѣщалось на густыхъ облакахъ, отчасти напоминавшихъ узлы съ бѣльемъ, приготовленные для стирки.

— Плафонъ-съ, началъ хозяинъ, — писанъ знаменитымъ профессоромъ Божолэ, который специально для этого пріѣзжалъ изъ Парижа. Изображаетъ онъ исторію, вручающую современности ключъ отъ археологіи.

— Ключъ? переспросилъ князь.

— Да-съ. Эта хартія — ключъ къ археологiи. Отъ нея, какъ видите, исходитъ свѣтъ, озаряющій тьму вѣковъ.

— А эти дѣвицы что-же дѣлають?

— Соприсутствуютъ. Птица—эмблема власти и силы. Плафонъ мой даже во французской иллюстраціи воспроизведенъ. Пожалуйте сюда.

— Я-съ, продолжалъ онъ, опираясь на круглую витрину, — собирая вещи эпохи Ренессансъ, руководствовался такимъ принципомъ: я не только бралъ характерную вещь даннаго періода, но старался, чтобъ она была принадлежностью какой-нибудь исторической личности. А потому вотъ, изволите видѣть, пуговица съ рясъ Игнатія Лайолы. Опять-таки она сперота съ его рясъ у меня на глазахъ, и тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Эта пряжка снята съ пояса Карла Седьмого, — и несомнѣнно ее видѣла Жанна д'Аркъ. Не скажу вамъ, гдѣ, въ какомъ монастырѣ хранился этотъ поясъ, — но пряжка эта стояла всего восемьсотъ франковъ. Я даже не вѣрю монаху, утверждавшему, что это поясъ отъ царскаго облаченія, надѣтаго при коронованіи въ Реймсѣ. Это просто пряжка отъ королевской портупей. Но она мнѣ дала возможность обличить дирекцію театровъ въ слабомъ познаніи археологiи,

когда здѣсь ставили „Орлеанскую дѣву“, такъ какъ пряжка на Карлѣ была совсѣмъ иная.

Митрофанъ Провычъ не зналъ, что къ нему въ музей приходилъ изъ театра портной-спеціалистъ, приходившійся швейцару кумомъ, долго разсматривалъ витрины — и тоже обличалъ его въ слабыхъ познаніяхъ.

— Все перепутано, говорилъ этотъ спеціалистъ куму. — Это пуговицы отъ французскихъ ботинокъ, а совсѣмъ не отъ воротниковъ Маріи Стюартъ. Мы, слава Богу, этихъ самыхъ постановокъ видѣли не мало. Опять-же пряжки испанскія! Нешто испанцы носили такія пряжки? Это только у французовъ. И вотъ тутъ написано у него: Фридрихъ Великій, — а это не болѣе, какъ графъ Ризоръ, и больше ничего.

Въ археологическихъ опредѣленіяхъ портной, такимъ образомъ, значительно расходился съ профессорами-спеціалистами, которые просиживали у Варгина цѣлые дни и даже составляли ему каталогъ, печатавшійся на японской бумагѣ золотой краской, для подношеній почтеннымъ посѣтителямъ съ надписью. На обложкѣ была изображена декадентская птица, повторявшаяся и на всѣхъ ех *libris* библіотеки Варгина, — очевидно это былъ его гербъ.

Въ концѣ третьей залы Олсуфьевъ почувствовалъ нѣкоторое головокруженіе. „Рухлядь“ рябила въ глазахъ. Яркій свѣтъ солнца про-

ливался въ окна и блестящими пятнами игралъ на стѣнахъ, пуговицахъ и застежкахъ. Было душно, — сквозь отверстія отдушниковъ лился сухой горячій воздухъ. А Варгинъ все съ тѣмъ-же огнеупорнымъ лицомъ рассказывалъ:

— Эти простыя костяныя пуговицы — носились Щепкинымъ и получены мною отъ его наследниковъ безо всякой платы, единственно для полноты моей коллекціи. Я очень ими дорожу, такъ какъ, по общимъ отзывамъ, Щепкинъ былъ величайшимъ русскимъ актеромъ половины девятнадцатаго вѣка.

Князь заглянулъ въ витрину. И тамъ, въ самомъ дѣлѣ, на ярлычкѣ возлѣ пуговицъ значилась надпись:

„Щепкинъ, М. С., знаменитый русскій актеръ.
Родился ... Умеръ ...“

XXV.

Лакей въ изысканныхъ выраженіяхъ сообщилъ, что завтракъ поданъ. Варгинъ слегка дотронулся до локтя князя и сказалъ:

— Попрошу наверхъ.

У выхода изъ музея, съдой свирѣпый лакей съ цѣпью на шеѣ, — что дѣлало его еще болѣе схожимъ съ цѣпнымъ псомъ, — предложилъ гостю перо и жестомъ показалъ ему на рас-

крытую книгу. Туда посѣтители заносили свои имена. Олсуфьевъ занесъ свое.

— Въ началѣ книги орнаментъ—работы Васнецова, замѣтилъ Варгинъ и повторилъ:— потрудитесь наверхъ.

Князь чувствовалъ голодъ. Онъ вспомнилъ, что наканунѣ не обѣдалъ и не ужиналъ. Варгинъ былъ такъ важенъ въ своемъ застывшемъ величїи, что у князя, при взглядѣ на него, невольно проступала улыбка. Онъ рѣшилъ, что останется завтракать и до конца увидить весь механизмъ жизни въ этомъ усовершенствованномъ купеческомъ домѣ.

Они поднялись въ верхній этажъ. Здѣсь, пройдя античный атриумъ и помпейскую комнату, они вошли въ высокую свѣтлую оранжерею. Потолокъ и двѣ стѣны были въ ней стеклянные и свѣтъ ярко лился сверху и сбоку. Подъ широкими листьями неизбѣжныхъ пальмъ былъ накрытъ столъ, сверкавшій на солнечныхъ лучахъ радугами граненаго стекла. Изъ серебряныхъ вазъ показывали свои головки рейнскія бутылки. Варгинъ подвелъ гостя къ двумъ дѣвицамъ.

— Мои сестры, сказалъ онъ: — одна — Агриппина, другая—Серафима.

Обѣ барышни были хорошенькія съ помпѣными личиками, и обѣ близорукія. Агриппина была новыше, Серафима была совѣмъ кро-

хотная ростомъ. Похожи у нихъ были только глаза—каріе, бѣгающіе, веселые—насколько вообще могутъ быть веселы близорукіе глаза. Платья сидѣли на нихъ превосходно и были шиты по послѣдней модѣ.

— А эта лангуста — ваша петербургская, продолжалъ Варгинъ, указывая на красное чудовище, лежавшее на блюдѣ.—Съ нами вмѣстѣ пріѣхала. Отъ вашего Гурме. У насъ въ Москвѣ не всегда такой свѣжатинки можно достать.

— Въ Парижѣ надоѣли, возразилъ Вобловъ,—но тыкнулъ вилокъ и взялъ два упругихъ кусочка, тщательно поливъ ихъ провансальемъ.

— Садитесь, предложила Серафима князю, шурясь, чтобъ лучше его разсмотрѣть.—Очень рада васъ у себя видѣть... Положить вамъ рака?

И не дожидаясь отвѣта—она, быстро дѣйствуя своими маленькими крѣпкими ручками въ кольцахъ, положила ему на тарелку кусокъ.

— Настоящей англійской мятной, басомъ сказалъ Митрофанъ, указывая лакею бровями, чтобъ серебряный подносикъ былъ пододвинуть къ князю.—А вы не желаете? спросилъ онъ небрежно Воблова.

— Нѣтъ, я православной вышью,—сказалъ Вобловъ и потянулся къ бѣлой водкѣ.—Днемъ не имѣю обыкновенія пить,—но по пріѣздѣ въ Москву—разрѣшаю.

— Правда, здѣсь много свѣта? сказала Са-
рафима, усаживаясь къ князю ближе, чѣмъ
онъ того ожидалъ. — Мы любимъ завтракать
въ оранжереѣ.

— Растенія выдѣляютъ кислородъ, нахму-
рясь сказалъ Митрофанъ, — а это очень важно
для дыханья.

— Помните бабушку Федосью Ульяновну?
спросила Агрипина Воблова. — Она также лю-
била, чтобъ въ столовой пахло цвѣтами. И
всегда у нея герань на окнахъ была, и она
всѣмъ знакомымъ совѣтовала листья герани въ
уши класть. У насъ это, я думаю, родовое
отъ нея осталось.

— Бабушка ваша была женщина сѣрая,
отозвался Вобловъ, — и голову платкомъ повя-
зывала. Цвѣты она не для очистки воздуха
держала, а для порядка. И кошки у нея для
порядка были, и скворцы, и фукціи, и ки-
тайскія розы. Я помню.

— Я бабушку какъ сейчасъ вижу, сказала
Агрипина. — И домъ нашъ старый помню на
фабрикѣ, — и скворцовъ. А дѣдушѣ у ужъ не
помню. Бабушкѣ я еще стихи дѣвочѣй писала.

— У насъ Груша — поэтъ! заявилъ Вар-
гинъ. — Скоро издастъ книгу стиховъ. Лири-
ческій характеръ, въ стилѣ музыки Шопена —
больше ноктюрны. Она вамъ покажетъ послѣ
завтрака корректуры.

— Я нахожу, заговорила Серафима, — обращаясь къ сосѣду, — что Островскій, начавъ хорошо свою дѣятельность съ изображенія нашихъ дѣдовъ, потомъ скиксоваль... Вы не удивляйтесь на такія выраженія: я на билліардѣ ежедневно играю, оттуда у меня этотъ жаргонъ. — Островскій выставлялъ нашихъ дѣдовъ и нашихъ отцовъ. Отцы у него молодые, полные силъ, боролись съ дѣдами, и ихъ отчасти побѣждали. Но дальнѣйшая судьба нашихъ отцовъ у Островскаго неясна. Гдѣ ихъ отношенія къ намъ, дѣтямъ?

— Давайте сразу за шампанское? сказалъ, морщась, Митрофанъ.

— Я лучше квасу, возразилъ Вобловъ, допивая свою чашку бульона.

— Никого не неволю, процѣдилъ сквозъ зубы хозяинъ.

— Сколько приживалоевъ у насъ было! радостно вспоминала Агрипина. — Цѣлый домъ — особенно по воскресеньямъ. Маменька у насъ добрая была. А мы ее дразнили: все говорили, что поступимъ съ Фимой на акушерскіе курсы.

— Мнѣ пятнадцать лѣтъ было, подтвердила Фима, — я бой была дѣвчонка. Вотъ прихожу я къ маменькѣ и говорю: позвольте мнѣ итти въ повитухи, чувствую призваніе. Ну, маменька вся задрожала и съ перепугу языка лишилась. Насилу отпоили мы ее съ Грушей.

— Очень смѣшно было, подтвердила Груша.

— Всегда мать вышучивали, подтвердилъ Вобловъ. — Рыхлая была старушка. Въ какую угодно сторону, ее погнуть можно было.

Князю никогда не доводилось сидѣть за такимъ столомъ. Онъ машинально взялъ горячую раковину съ запеченой рыбой и посмотрѣлъ на мутный зеленоватый аквариумъ, гдѣ сонно плавали золотыя рыбки. Ему показалось что-то общее между этими двумя рыбками и сестрами, сидѣвшими другъ противъ друга.

— Чокнемся, сказала Фима, — протягивая князю свой бокалъ. — Да что же вы не пьете совсѣмъ? Смотрите, я третій ужъ пью.

Она звонко ударила своей чашей о его чашу и поднесла къ губамъ холодную, золотистую жидкость.

— А солнышко-то весеннее, сказала Вобловъ.

— Въ прошломъ году въ это время мы были въ Сорренто и на Капри, вспомнила Груша. — Ароматъ отъ апельсиновыхъ роуцъ прямо одуряющій. Вы, князь, были въ Соррентѣ?

Князь не былъ въ Сорренто. Онъ даже не жалѣлъ объ этомъ.

— Нѣтъ, теперь тамъ хорошо, сказала Фима, кладя локти на столъ, и подбородокъ на ладони. — Я-бы хотѣла сейчасъ перенестись туда. Море совсѣмъ сиреневое, а у берега зе-

ленное. Знаете, такой зеленый ледъ бываетъ въ большихъ кускахъ. И паруса—много парусовъ по морю. И на закатъ—они какъ крылья огненныхъ птицъ.

Она бросила на столъ смятую салфетку и обратилась къ брату.

— Отпусти меня за границу.

— Да кто-жь тебя держитъ? удивленно спросилъ онъ.

Она взяла салфетку и снова ее пришила къ себѣ къ груди.

Князь посмотрѣлъ на нее сбоку. Хорошенькій профиль и маленькая фигурка Фимы давали впечатлѣніе полуробенка, хотя ей было, лѣтъ за двадцать. Но когда она поворачивалась къ нему лицомъ, въ ея глазахъ вспыхивалъ совсѣмъ недѣтскій огонекъ, и все лицо казалось вызывающимъ.

— Какая здѣсь скука! внезапно проговорила она и пододвинула бокаль брату.— Налей мнѣ.

Онъ налилъ. Видно, что имъ было въ привычку пить шампанское съ утра, и имъ заливали ту скуку, которая царилла въ музеѣ пуговицъ и въ помпейскихъ комнатахъ. Груша пила меньше, держалась солиднѣе и о чемъ-то тихо разговаривала съ Вобловымъ.

— Неужели вы хотите еще ѣсть? съ отвращеніемъ спросила Фима, когда князю подали фаршированную пулярку.

Князь засмѣлся.

— Хочу, сказалъ онъ.— Я пить не хочу, а ѣсть буду съ удовольствіемъ.

— А отчего вы не пьете? спросила она, вся поворачиваясь къ нему.

— Потому-что отъ васъ поѣду къ теткѣ.

— А ее нельзя... не ѣхать къ ней?

— Нельзя. Я написалъ, что пріѣду, значитъ долженъ пріѣхать.

Она серьезно посмотрѣла на него.

— И вы всегда такъ?

— Что?

— Ужь если скажете, такъ и исполните?

— Всегда.

Она опять сѣла, подперла щеку кулачкомъ и задумалась.

XXVI.

Къ концу завтрака Митрофанъ смотрѣлъ также прямо и сидѣлъ также неподвижно, но пересталъ совсѣмъ говорить. Фима взяла подъ руку князя.

— Пойдемте сюда, сказала она, и повела его къ диванчику, поставленному у огромнаго зеркальнаго окна, доходившаго до полу. — Намъ сюда дадутъ кофе и коньякъ.

Лакей предложилъ ему ящикъ сигаръ въ

серебряныхъ бумажкахъ. Князь сигаръ не курилъ и отказался.

— Отчего вы отъ всего отказываетесь? спросила она.

— Кромъ пуляри, отвѣтилъ онъ. Его начинала интересовать эта маленькая нервная дѣвушка съ крохотной родинкой на лѣвой щекѣ.

— Вы коньякъ будете пить? Ну, со мной? Я страшно нью коньякъ. Отъ него иногда у меня идетъ кровь горломъ.

— Зачѣмъ-же вы пьете?

Она почти упала на диванъ и заложила руки за голову.

— Скучно. Понимаете, скучно. У меня была тетка, которая со скуки повѣсилась надъ своей кроватью. Она тоже пила, только не финшампань, а простую водку. Нельзя не пить.

— Отчего нельзя!?

— Отъ того, что дѣлать больше нечего. Вы думаете, я прежде, чѣмъ дошла до этого, не пробовала ничѣмъ заниматься? Я и дѣтей въ школѣ на фабрикѣ учила, и сестрой милосердія въ фабричной больницѣ была, и по всѣмъ бѣднымъ Москвы ѣздила.

— Ну, и что-же?

— Да ничего. Поняла, что учительницы съ ребятишками лучше меня занимаются, что для ухаживанья за больными у меня меньше

и желанія и знанія, чѣмъ у фельдшерицъ. Да и глупо: сидѣть цѣлый день у постели больного ребенка, обмывать и обтирать его, а потомъ надѣть бриліанты и въ оперу поѣхать. Денегъ мы много даемъ на все эти школы, больницы, и только слѣдимъ, чтобъ поменьше воровали. А самимъ этимъ заниматься—фарисейство. Дѣла больше нѣтъ никакого, и остается пить.

Она налила себѣ рюмку коньяку и вышла залпомъ.

— А замужъ?

Она сморщилась.

— Я не люблю дѣтей, сказала она.—Что же, наплодить ихъ, запрететь въ дѣтской и разъ въ день навѣдываться о здоровьѣ? Такъ это подло, по-моему. Да и для мужа,—ну, какая я жена? Я и вѣрна-то ему не буду. Не смотрите такъ на меня. Вы удивляетесь: почему я такъ развращена? Да не больше, чѣмъ все ваши петербургскія и московскія барышни, только онѣ молчатъ, а я прямо говорю. Вы думаете, комнѣ не сватались? Какъ-же! Мой милліоны для всякаго лакомство. Стадами ходили. Я имъ всеѣмъ ставила кондиціи: дѣтей терпѣть не могу, любить буду кого захочу, будетъ притѣснять—или сбѣгу, или повѣшусь, а состояніе, если дѣтей не будетъ, передамъ сестрѣ. Одинъ тутъ былъ... ну, все равно какъ его зовутъ, не въ

этомъ дѣло. Онъ выслушалъ меня и говорить: „миѣ все равно, только выйдите за меня“. Я повторяю: „вѣдь я совсѣмъ серьезно вамъ это говорю“. Онъ говорить: „и я серьезно“. — Тогда я сказала: „Фу, какой вы негодяй — подите вонъ!“

Она протянула руку къ рюмкѣ. Князь взялъ ее за руку.

— Не надо, сказалъ онъ.

— Я хочу.

— А я не хочу.

Они посмотрѣли въ глаза другъ другу.

— Пьяная женщина противна, сказалъ онъ, — а я не хочу, чтобъ вы миѣ были противны.

Она оставила рюмбю и сѣла въ уголь диванчика.

— Вы любите кого? вдругъ спросила она.

— А вамъ что?

— Такъ. Миѣ по глазамъ показалось, что вы кого-то любите. И даже несовсѣмъ удачно. Нѣтъ, вы миѣ не отвѣчайте и не возражайте, — миѣ все равно. Я наблюдательна, и вижу гораздо больше, чѣмъ вы думаете. И не пью я совсѣмъ не потому, чтобъ это было вамъ пріятно, а потому что не хочу сказать что-нибудь лишнее. Я всегда говорю, что думаю.

Солнце уже зашло за уголь дома и лучи больше не попадали къ нимъ. Они освѣщали

противоположные дома, площадь и рядъ крышъ, уходящихъ внизъ. Вдали огромнымъ силуэтомъ высился храмъ Спаса съ его индѣйскими лувковцами и приземистымъ византійскимъ низомъ. Въ воздухѣ чувствовалась та стеклянная зеленоватость, которая присуща послѣднимъ днямъ зимы, и которая уже переходитъ въ синія и фіолетовыя краски.

— У васъ давно умерла мать? спросилъ онъ.

— Вы хотите спросить, давно-ли я такъ распустилась? поправила она. — Года четыре. Мать насъ не стѣсняла, мы на головѣ у нея плясали. И опять я знаю, что вы думаете: зачѣмъ онѣ ведутъ такую животную жизнь, — живутъ въ своихъ раззолоченныхъ палатахъ, пьютъ запоемъ, эксплуатируютъ рабочихъ, ѣздятъ по театрамъ и представляютъ собою самые подлые образцы сытой буржуазіи?

Она стала колѣнями на стулъ и оперлась руками на спинку.

— Ну, а я вамъ вотъ что скажу, всемирно-славнѣйшій князь. Вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, въ этой самой оранжереѣ, полгода подъ-рядъ собирались профессора, студенты, приватъ-доценты, пріѣзжали съ Запада экономисты, — и здѣсь происходили пренія по вопросу объ улучшеніи быта рабочихъ, и о правильномъ пользованіи ихъ трудомъ. Вы знаете-ли, что наши фабричныя работаютъ на три

часа менѣе въ день, чѣмъ на остальныхъ фабрикахъ? Знаете-ли, что рабочій, проработавшій у насъ десять лѣтъ, принимаетъ участіе въ прибыляхъ фирмы? Знаете-ли вы, что этимъ мы сократили нашъ доходъ на сто тысячъ въ годъ?

— Ну, что-же и чудесно! сказала князь. — Этимъ вы можете хвастаться.

— Я не хвастаюсь! задорно крикнула она. — Я только говорю, что вы не должны судить не присмотрѣвшись, какъ надо, къ людямъ.

Лакей въ чулкахъ внезапно выросъ изъ-за пальмы и доложилъ:

— Госпожа Пундугина съ дочерью?

Фима вся сжалась и сморщилась.

— Проведи ее къ Агриппинѣ Провнѣ, быстрымъ шопотомъ заговорила она, — и скажи, что я больна.

Лакей хладнокровно выслушалъ это приказаніе и ушелъ.

— Я не могу ихъ принять, — оправдываясь, заговорила она. — Нельзя-же съ такой рожей принимать гостей.

Она приложила руку къ разгорѣвшимся щекамъ и, заслышавъ шаги и голоса въ сосѣдней залѣ, юркнула на диванъ къ князю.

— Молчите, шепнула она: — отсюда ничего не видно, — они пройдутъ въ глубинѣ.

Она прижалась плечомъ къ его плечу и при-

слушивалась къ шуршанью шелковыхъ юбокъ и легкимъ шагамъ по тонкому ковру.

— Ну, прошли! весело сказала она и взглянула на окно.—Сегодня чудесный день. Поѣдемте кататься? Давайте обѣдать у Яра... Или нѣтъ, вы у этой тетки... Старуха вѣдь? И сварлива?

— Нѣтъ, не сварлива.

— Ну, пріѣзжайте отъ нея къ намъ. Тройки здѣсь лихія. Такъ прокатимся, что духъ захватитъ.

— Сегодня не поѣду.

Она взяла его за плечо.

— Ну, сегодня, князь, — ну, пожалуйста! молящимъ голосомъ заговорила она.—Въ васъ есть что-то такое хорошее, уравновѣшенное. Васъ ничѣмъ нельзя вывести изъ себя. А вы знаете, что сказано у Апостола? вдругъ нахмуривъ брови, прибавила она.

— Что?

— „Не будьте теплы“. Лучше быть горячимъ, или совсѣмъ холоднымъ, но не теплымъ.

Онъ всталъ.

— Ну, вотъ, и вы меня сперва узнайте, а потомъ ужъ и судите обо мнѣ, весело сказалъ онъ и пожалъ ей руку.—А теперь мнѣ пора.

— И такъ таки не поѣдете съ нами? спросила она.

— Нѣтъ.

— Какъ-бы я ни просила?

— Какъ-бы вы ни просили.

Она отшвырнула его руку.

— Ну, тогда убирайтесь къ вашей теткѣ.

Онъ повернулся и пошелъ къ двери.

— Князь! крикнула она ему вслѣдъ.

Онъ остановился. Она быстро подошла къ нему и опять взяла за руку.

— Вы не сердитесь на глупую дѣвчонку? проговорила она.—Останемтесь друзьями.

— Останемтесь друзьями, согласился онъ, пожалуй ей руку еще разъ и вышелъ въ помпейскую залу.

XXVII.

Онъ даже позабылъ проститься со всѣми остальными и, выйдя на улицу, нанялъ извозчика на Поварскую къ теткѣ. Онъ чувствовалъ круженіе въ головѣ отъ выпитаго шампанскаго, и былъ радъ, что выпилъ его немного. Весь завтракъ у Варгиныхъ казался ему мимолетнымъ тяжелымъ сномъ. Теперь онъ ѣхалъ, стучаясь полозьями саней по ухабамъ и припоминая: кто изъ родственниковъ могъ теперь жить у тетки.

Лакей узналъ его, и онъ не велѣлъ о себѣ докладывать. Въ залѣ было все попрежнему:

скрипѣлъ паркетъ, висѣли какія-то картины, изображающія маркизъ, садящихся въ лодки, а на диванахъ лежали подушки, на которыхъ были вышиты бисеромъ собачонки съ человѣческими глазами и тирбушонами. Въ сосѣдней комнатѣ попрежнему были серебристо-голубые штофные обои, и на голубомъ штофномъ диванѣ сидѣла тетка—веселая, сѣдая, съ большимъ животомъ и въ старинномъ кружевномъ чепцѣ. Противъ нея также стояла стеклянная горка съ китайскимъ фарфоромъ, а рядомъ съ ней въ креслѣ помѣщался неизбѣжный посетитель ея дома, аккуратно, каждый день приходившій къ ней круглый годъ—Богданъ Игнатьевичъ Колочагинъ—бритый, въ черной прилизанной накладкѣ, и съ густо покрашенными бровями. Онъ былъ старый повѣренный тетуски—и вель ея дѣла лѣтъ сорокъ: еще когда и судовъ новыхъ не было, онъ уже за нее ходатайствовалъ въ сенатѣ.

Прасковья Юрьевна, увидя племянника, радостно воскликнула:

— А-а будущій министръ внутреннихъ дѣлъ!

Племянникъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ сперва ея руку, потомъ щеку, потомъ опять руку, поздоровался съ Колочагинымъ и сѣлъ на уступленное имъ нагрѣтое мѣсто.

— Получилъ ваше письмо и пріѣхалъ, сказалъ онъ.

— Охъ, охъ! закричала она. — Такъ я и повѣрю, что ты для старухи дѣла свои бросишь и сюда поскачешь. Я думаю, по старуху—съ французенкой пріѣхалъ?

— Ей-Богу одинъ,—и только для васъ.

— Ну, давай вѣрить. Покажись—ка къ свѣту. Ну, что-жь—ничего. Дѣйствительнаго-то скоро получишь?

— Да не знаю...

— А впрочемъ, тебѣ въ „превосходительствѣ“ и сласти нѣтъ, — все равно „сіятельствомъ“ останешься. Ну, а повышенія у тебя никакого? Все служишь при Иванѣ Петровичѣ?

— Все при немъ. Вамъ велѣлъ кланяться.

— Донъ-Жуанъ съ Козьяго болота. Ну, а полька его что? Анна Фердинандовна?

— Анна Ѳедоровна, поправиль ее князь.

— Фердинандовна. Она Ѳедоровной всего лѣтъ пятнадцать назадъ стала, когда онъ губернаторомъ сдѣлался. Онъ и ксендзамъ съ тѣхъ поръ отказалъ отъ дома,—а то они неотлучно каждый праздникъ у нихъ дежурили. Православіе стало въ модѣ—они ксендзовъ и распустили.

— Теперь католичество опять въ моду входитъ, замѣтилъ Колочагинъ.—Въ одномъ домѣ на прошлой Пасхѣ я даже встрѣтилъ за однимъ столомъ и поповъ и ксендзовъ. И ни-

чего, сидѣли даже весьма тактично. Оно, конечно, во времена Никона это было-бы немислимо. А теперь время довольно беззаботное пошло.

— Что-жь она, попрежнему кокетничаетъ? спросила Прасковья Юрьевна. — Прежде она гримасничала на всю губернію.

— Нѣтъ, она съ тактомъ, возразилъ князь.

— Вѣдь старичокъ-то разваливается? Или все еще ручки цѣлуетъ? Помню я его лѣтъ сорокъ-пять назадъ, вотъ въ этой-же самой комнатѣ. Студентомъ онъ былъ, и каждый день мнѣ цвѣты носилъ изъ графскихъ оранжерей. Влюбленъ былъ, только не смѣлъ признаться, и таилъ все на сердцѣ. Потомъ сталъ онъ славянофиломъ, — а когда пошелъ въ чиновники особыхъ порученій, сразу съ него это славянофильство свалилось. И пошелъ онъ въ гору. Кровь-то въ немъ не ахти какая родовая, а должно быть свѣжая, — на работѣ не надорванъ, — ну, вотъ и доработался.

— А вы, тетя, не знаете племянницу Анны... Ѳедоровны... или Фердинандовны? съ запинкой спросилъ Олсуфьевъ.

— Я всѣхъ знаю, сказала она. — Ты про которую спрашиваешь, ихъ двѣ. Одна за какимъ-то несчастнымъ барономъ замужемъ?

— Нѣтъ, я про другую.

— Про Марью? Марья, говорятъ, умница.

У нея только въ прошломъ что-то темное было.

Кровь прилила къ головѣ князя.

— То-есть какъ темное? стараясь говорить какъ можно ровнѣе, спросилъ онъ.

— Къ ней присватался какой-то богатѣйшій помѣщикъ, а она ему отказала. Онъ хотѣлъ застрѣлиться, но вмѣсто этого въ поны пошелъ.

— Что-жь тутъ темнаго?

— А темно тѣ, что причины этого отказа очень сомнительныя. И кроются онѣ въ томъ, что ея мать Юзефа Фердинандовна — дрянъ. И когда была она съ дочерьми заграницей, то на старшей заставила жениться барона, — а съ младшей случилось, но что — такъ никто и не знаетъ. Но замужъ она ни за кого не идетъ.

Князь почувствовалъ, что въ виски его ударила снова кровь, въ ушахъ зашумѣло. Надвигавшіяся сумерки, и то, что онъ сидѣлъ спиной къ свѣту, скрывали его лицо. Но онъ боялся сказать слово, чтобъ упавшій голосъ его не выдалъ.

— Такъ-что отъ матери она куда-то ушла, продолжала тетка. — А Юзефа до сихъ поръ гдѣ-то игорный домъ держать, — въ какой-то изъ губерній Царства Польскаго.

— Привислянскихъ губерній, поправилъ ее Колочагинъ.

— А это развѣ не одно? спросила она.

— Царство Польское было, а привислянскія губерніи есть теперь.

— Она живетъ у Ивана Петровича, — собравшись съ духомъ, проговорилъ князь.

— А! сказала тетка. — Ну, отсюда она скоро выскочить замужъ, за кого-нибудь изъ министерскихъ чиновниковъ. Чтобъ сдѣлать пріятное Ивану Петровичу кто-нибудь женится.

Князю было больно, и тяжело. Каждое слово точно сверлило его. „Неужели это разгадка, неужели въ этомъ ключъ?“ думалъ онъ.

— Ну, а чего-жь ты, Боренька, такъ поздно пріѣхалъ? продолжала старуха. — Пріѣзжалъ-бы прямо къ завтраку.

Олсуфьевъ сказалъ, гдѣ онъ былъ.

— На Преполовенкѣ? переспросилъ Колочагинъ. — Какъ-же я этого коммерсанта знаю. На юбилеѣ фабрики напился, вышелъ къ рабочимъ и кричить: „А вы знаете, черти, что я марксистъ! Чувствуйте!“

Прасковья Юрьевна засмѣялась.

— Ты, что-жь, тамъ невѣсть ищешь? спросила она племянника.

— Тамъ двѣ барышни есть, отвѣтилъ за него Колочагинъ, — Младшая умненькая, хорошенькая, столовую для бѣдныхъ держать и ото всѣхъ скрываетъ, — больше всего отъ брата. А что насчетъ музея, — я очень этихъ музеевъ боюсь.

На кратеръ мы танцуемъ. Купецъ царить, — да семитъ-банкиръ съ нимъ объ руку. Дворянство плюгавѣтъ. И такой моментъ наступить, что все это рухнетъ: и отъ купцовъ-меценатовъ, и отъ банкировъ-семитскихъ только пухъ полетитъ.

— Это вы про что толкуете? спросила Прасковья Юрьевна.

— Толкую про то, что будетъ. Нахлынетъ волна—и все смететъ,—какъ языкомъ слижетъ.

Старуха махнула рукой. — Тогда насъ не будетъ.

— Это Помпадуръ еще сказала,—поднявъ свои огромныя брови, строго сказалъ Колочагинъ.

— Ну, я на Помпадуръ не похожа, возразила она.

— А я повторю, продолжалъ онъ: — танцуемъ мы на вулканѣ, и слѣдовало-бы оглянуться.

— Но вѣдь однако мы идемъ впередъ? спросилъ князь.

— Тихо идемъ-съ. Какъ-бы насъ снизу-то не обогнали. Въ этомъ вся задача, чтобъ намъ всегда впереди быть. Угадать духъ времени, — и на мѣстѣ не стоять, а все впередъ, все впередъ подаваться. Снизу явится требованіе, а оно уже нами удовлетворено въ полной мѣрѣ. Только такая игра и мыслима.

Въ залѣ раздался шумъ и стукъ шаговъ.

Кто-то съ звонкимъ смѣхомъ быстро бѣжалъ, и кто-то догонялъ и говорилъ басомъ. Потомъ, раскатившись по паркету, что-то ударилося о рояль, и клавиши визгливо зазвучали.

— Нина, Юра, — идите сюда! крикнула Прасковья Юрьевна.

Все сразу смолкло, только послышался какой-то шопотъ.

— Идите, идите! продолжала она. — Я васъ новому дядѣ представляю.

Въ дверяхъ показалась тоненькая дѣвочка лѣтъ шестнадцати и толстоплечій, упитанный, коротко стриженный кадетъ, — года на три постарше ея. Лица у нихъ были красныя, вспотѣвшія, и они сдерживались отъ подступавшаго къ горлу смѣха.

— Бабушка, можно обѣдать? невиннымъ голоскомъ спросила Нина.

— Сперва поздоровайся съ дядей. Это братъ дяди Кирилла Андреевича — Борисъ Андреевичъ.

Воспоминаніе о Кириллѣ Андреевичѣ сразу ободрило ихъ, они довѣрчиво подошли къ Олсуфьеву.

XXVIII.

Обѣдъ былъ накрытъ въ залѣ, потому-что наканунѣ расшалившаяся молодежь разбила въ столовой лампу и обгорѣлъ цѣлый уголь. А

молодежи здѣсь было необычайное количество. Было два гимназиста, двѣ взрослые барышни, нѣсколько подростковъ, гувернантка-нѣмка, гувернантка - англичанка, гувернантка - консерваторка. Была какая-то дальняя родственница — дѣвица лѣтъ пятидесяти, крохотнаго роста, слегка накрашенная, ежившая губки пуговкой и державшая голову набокъ, для показанія своей полной беспомощности. Всѣ они были представлены князю, всѣ глядѣли на него одобрительно и съ любопытствомъ, а одна дѣвочка даже потянулась къ нему цѣловаться, что очень развеселило остальныхъ.

— Ну, а покажите-ка ему поджигательницу, сказала Прасковья Юрьевна.

Изъ угла вытащили упиравшуюся дѣвицу лѣтъ двѣнадцати, съ свѣтлою косою и черными глазами. Она опускала лицо внизъ и упиралась, — точь въ точь какъ тѣ одалиски на картинахъ французскихъ художниковъ, которыхъ подводятъ къ султану.

— Бабушка, это не я, это Милечка! утверждала она.

— Ахъ, какъ лжетъ, ахъ, какъ лжетъ! быстро и нѣсколько шепелявя, залепетала Милечка, выскочивъ изъ толпы. — Кто задѣлъ полой щеткой за лампу? У меня и щетки не было.

Вдругъ всѣ заговорили сразу. Казалось,

комната обратилась въ птичникъ; воздухъ наполнился сплошнымъ щебетаньемъ, изрѣдка покрывавшимся гуломъ юнкерскаго баса.

Колочагинъ всегда велъ Прасковью Юрьевну къ столу. Но на этотъ разъ она подала руку племяннику, а Колочагинъ повелъ накрашенную родственницу, отчего та зардѣлась сквозъ румяна и вдругъ заговорила:

— Какой вы! Ахъ, какой вы!

Сѣвши за столъ, молодежь сразу спросила себѣ воды и выпила два графина. Прасковья Юрьевна сдѣлала видъ, что хмурится.

— Сказано вамъ, до супа не пить воды, сказала она, стуча маленькимъ, блестящимъ, точно покрытымъ лакомъ пальцемъ по краю стола.—Вѣчно не слушать!

— Когда хочется! отдуваясь сказалъ Юра и вытеръ мокрѣя губы.

— Не давать имъ больше воды! сказала старуха лакею.

Кто-то фыркнулъ въ тарелку. Англичанка издала нѣсколько неувимыхъ звуковъ, обозначавшихъ неодобреніе поведенію юношества. Юра, занимавшій амплуа перваго комика, косилъ глазами, мрачно смотря въ тарелку, что дѣлало его отчасти похожимъ на Колочагина, и что вызывало неудержимую веселость въ дѣвочкахъ.

— Хотя-бы вы новаго человѣка постыди-

лись, сказала Прасковья Юрьевна:—что онъ о васъ подумаетъ!

— Это, конечно, басомъ сказалъ Юра.

И вдругъ всѣ опять захохотали. Князю стало самому весело. Ему показалось, что съ него страхнулось четверть вѣка, и онъ самъ въ лицейскомъ мундирчикѣ сидитъ за этимъ столомъ. И четверть вѣка назадъ иногда обѣдали въ этой самой залѣ, такъ-какъ столовая была тѣсно-вата, и такъ-же было шумно, и на томъ-же мѣстѣ сидѣла бабушка, и домашній хлѣбный квасъ также стоялъ въ стеклянныхъ кувшинахъ. Только дѣтскія личики были другія. Всѣ дѣвочки—гладенькія и кудрявыя, блѣдненькія и красныя наливныя,—всѣ теперь повышли замужь, народили дѣтей, инныя даже умерли. Двѣ-три дѣтскихъ головки похожи на прежнихъ, и князю не трудно сказать сразу, чьи это дѣти. Въ залѣ другіе обои: прежніе были посвѣтлѣе, а эти пожелтѣе. Но люстра та-же, и такъ-же позваниваютъ иногда ея стеклянныя подвѣски. Прежде налѣво изъ залы была дверь въ кабинетъ Порфирія Юрьевича, брата Прасковьи Юрьевны,—но онъ уже давно умеръ, и теперь не пахнетъ болѣе оттуда жуковскимъ табакомъ, хотя стойка съ трубками попрежнему стоитъ возлѣ краснаго сафьяннаго кресла.

— А что, давно не пріѣзжалъ братъ Кирилль? спросилъ князь у тетки.

— На Рождествѣ былъ дня два, — всѣхъ перебаламутилъ. Маскарадъ затѣялъ, а самъ уѣхалъ. Дѣтвора его безъ памяти любить.

— Удивительный типъ, сказалъ задумчиво Колочагинъ. — Не то онъ послѣдователь Нитцше, не то Аракчсва. Какія-то поселенія для крестьянъ заводитъ съ дисциплинарнымъ уставомъ. Всѣмъ рассказываетъ, что онъ буддистъ, — такъ-что благочинный очень его просилъ воздержаться, особенно между низшимъ классомъ.

Князь улыбнулся.

— Да, онъ ужъ давно говорилъ, что онъ буддистъ. У него въ кабинетѣ даже Будда въ переднемъ углу стоялъ, мы съ нимъ вмѣстѣ на Апраксиномъ рынкѣ въ Петербургѣ по случаю купили. Это онъ больше рассказываетъ, чтобы гостю веселѣе было.

— Но мѣстному духовенству тѣмъ не менѣе тяжело замѣтилъ Колочагинъ. — Какъ хотите, а все-же буддизмъ своего рода язычество, и открыто это признавать — какъ-бы неудобно.

— А все-таки онъ душа-человѣкъ, перебила тетка. — Насчетъ Будды, конечно, онъ больше жену дразнить. Но что помощь онъ всѣмъ оказываетъ большую — вѣдь это такъ. Вонъ во время голода у него на двѣсти человѣкъ столовая была.

— Да, онъ странный, согласился Борисъ. —

Вы знаете, откуда его состояніе? Вы знаете, откуда у него деньги? Онъ терпѣть не можетъ объ этомъ говорить.

— Онъ что-то говорилъ о какомъ-то наслѣдствѣ...—припомнила Прасковья Юрьевна.

— Онъ получилъ деньги какъ въ сказкѣ, засмѣялся князь. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: жизнь иногда подноситъ такіе сюрпризы, что потомъ дѣлается какъ-то стыдно сознаться: я, молъ, дѣло случая. Въ Монако это было. Онъ познакомился съ американцемъ, и фамиліи его не знаетъ даже. Вмѣстѣ сидѣли за столомъ, обѣдали. Послѣ обѣда американецъ пошелъ въ казино, и ему братъ далъ триста франковъ отъ себя на счастье. А на другой день американецъ принесъ ему тюкъ банковыхъ бумагъ,—это, говоритъ, ваша часть,—раскланялся и уѣхалъ. Былъ тогда тамъ одинъ писатель—Дюво: я ему говорю, вотъ вамъ тема для разсказа. Онъ только свистнулъ:— „этому, говоритъ, никто не повѣритъ и такими повѣстями заниматься нельзя“. Сперва Кириллъ думалъ, что это не настоящія деньги, и все ожидалъ, что они обратятся въ уголья. Потомъ онъ хотѣлъ цѣликомъ отдать ихъ на благотвореніе. А потомъ купилъ себѣ „поле горшечное“ и успокоился.

— Онъ, вотъ изъ этихъ, сказала тетка, показывая глазами на сидящихъ, — за троихъ

платить въ гимназіи и корпусѣ. Самъ вызвался.

Кувшинъ съ квасомъ, передававшійся изъ рукъ въ руки, внезапно вздумалъ лечь на бокъ, на самую скатерть. Коричневое, пѣнное пятно расплзлось сразу, при общихъ крикахъ по столу. Борисъ вспомнилъ, что кувшинъ всегда падалъ и прежде. Если-бы онъ не упалъ сегодня, впечатлѣнія князя были-бы не полны. Онъ почти обрадовался и крикамъ, и шуму, и грязному пятну, и строгому постукиванью бабушки. Все это должно было такъ быть и все это было ему дорого, мило и знакомо.

XXIX.

Послѣ обѣда опять сѣли въ той-же голубой гостиной. Старуха поправила у себя за спиной подушки и слегка отвалилась назадъ.

— Ну, что-жь, милый, сказала она племяннику. — Лучше теперь или хуже живется, чѣмъ прежде?

— Вамъ виднѣе, сказалъ племянникъ.

Она въ раздумѣ покачала головой.

— Да, какъ сказать! Какъ будто-бы и лучше. Я еще помню, какъ людей на площади вкучомъ стегали. А ужъ это очень много, что теперь не стегаютъ. Теперь въ голову мысли

приходятъ, которыя раньше никогда не приходили. У насъ, я помню, въ деревнѣ по снѣгу дѣвки босикомъ по двору бѣгали. Никому въ голову не вступало, что это не хорошо.

— Система Кнэйпа, соннымъ голосомъ сказала Колочагинъ.

— Только какъ-то навыворотъ,—возразила Прасковья Юрьевна.—Теперь отъ ревматизма этимъ лѣчуть, а прежде этимъ ревматизмъ наживали. Потомъ,—прежде больше взятки брали. Бывало, за все берутъ. Полиція приходила прямо на домъ и говорила: заборъ не въ порядкѣ, — ежели не дадите сейчасъ — донесу. Теперь этого нѣтъ.

— И теперь берутъ, возразилъ опять Колочагинъ,—не полиція, такъ кто другой. Только менѣе чѣмъ за сто тысячъ на взятку нынче не идутъ.

Въ залѣ опять послышалась возня, шумъ, топотъ, смѣхъ и визги.

— Вотъ дѣти—все какъ прежде дѣти,—продолжала тетка. — Ни лучше, ни хуже. И шалости все однѣ и тѣ-же, и болѣзни, и капризы. Только прежде легче было насчетъ болѣзней. Заболѣетъ одинъ корью или скарлатиной—и всѣ заразъ переболѣютъ. А теперь—сейчасъ запрутъ больного въ отдѣльную комнату, дверь заклеятъ бумагой, никого не пускаютъ. Такъ-что другія дѣти только черезъ мѣсяць

заразятся—и на цѣлыхъ полгода лазаретъ приходится открывать. А впрочемъ, у меня, по старому, докторъ Ваксманъ ѣздитъ,—тотъ этого не признаетъ,—и лѣкарства даетъ тѣ-же, что сорокъ лѣтъ назадъ, только порошки теперь не водой разводить, а въ облаткахъ прописываетъ. И никогда-то никто изъ дѣтей не умиралъ, даже въ оспѣ ни разу не лежали.

— Ну, тетя, а какъ прислуга по-вашему стала? полюбоществовалъ князь.

— И прислуга все такая-же. Образованія прибавилось отъ того, что пятикопѣечныя газеты читаютъ. Поопрятнѣе прежняго какъ-будто.

— А народъ?

— Я не знаю, каковъ народъ сталъ.

Прасковья Юрьевна задумалась.

— Знала я народъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ, у насъ въ деревнѣ. И тогда всякаго люда много было: и хорошаго, и дурного. Должно, и теперь также. И голода такіе-же были, и народъ такъ-же пухъ и умиралъ. Только тогда не писали объ этомъ, меньше звонили. Я помню, даже по секрету сообщали. Приходитъ разъ Данила Данилычъ, повѣренный отца, дверь затворилъ, оглядывается и шопотомъ сообщаетъ: „на Волгѣ—голодь, народъ мретъ-съ“. Я потомъ у татапа спрашиваю: чего-жь такъ испугались? А она, взволнованная такая, говоритъ: „бываютъ, та chère,

голодные бунты". — А только ихъ никогда не бывало и потомъ.

— Богъ миловаль, какъ-то иронически проговорилъ Колочагинъ, — какъ-будто что-то много зналъ, да только говорить не хотѣлъ.

— Я всетаки концомъ жизни довольна, оживленно продолжала старушка. — Не знаю, что у васъ дальше будетъ, но думаю, что будетъ все лучше.

— Это неизвѣстно-съ! встряхнувъ головой, сказалъ Колочагинъ.

— Полно! почти крикнула старуха. — Человѣчнѣе люди стали. Ужъ коли военные въ военное дѣло вѣрять перестали, такъ это знаменіе.

— Однако войны идутъ-съ?

Онъ даже осклабился отъ радости и отъ презрѣнія къ человѣчеству.

— Войны идутъ-съ и никогда не прекратятся. Потому логика тутъ одна. У тебя земля лучше, а у меня хуже. А потому отдай мнѣ твою лучшую. Противъ такой логики ничего и не скажешь. Они и евангеліе такъ толкуютъ. Сказано: „люби ближняго, какъ самого себя“. А ежели ближній не отдастъ мнѣ своего имѣнья, то онъ меня не любить. А если онъ не любить меня, то онъ мнѣ не ближній, — а значитъ его бить надо.

— Скажите, тетя, спросилъ князь, — вы знали семью Анны Фердинандовны лично?

— Что тебя она так интересуешь? Ты въ племянницу не влюбленъ-ли? подозрительно спросила она и, не дождавшись отвѣта, продолжала:

— Видишь-ли, что я тебѣ скажу. Я полскъ люблю. У нихъ есть въ крови горячность на всякое дѣло. Надо, чтобъ полька мужчинѣ повѣрила, а какъ только она повѣритъ — такъ пойдетъ съ нимъ рядомъ куда хочешь, и не раскиснетъ, и въ лужу не сядетъ. Онѣ всѣ не то что умны, а умѣютъ ко всему примѣниться, и не то что показной стороною, а такъ — всей душою. А если польку на волю пустить, да безъ вліянія — ничего изъ нея не выйдетъ, — такъ — пустельга одна. Анна Фердинандовна хитра какъ чортъ, — я думаю, она мужа своего на каждомъ шагу проводить. Племянницы я совсѣмъ не знаю. Да если ты насчетъ семьи и родства — такъ брось объ этомъ думать. Твой братъ женился чуть-ли не на поповнѣ — такъ была побрякушка какая-то. А теперь не нахвалится. И умница-то она стала, и по-французски заговорила, и платья по модѣ носить. А до него — жила приживалкой по помѣщикамъ. Любочка, да Любочка, и считалась полудурьемъ... А только, знаешь, что мнѣ всегда казалось: что ты на богатой женишься, на очень богатой, а потомъ службу бросишь.

— Отчего-же это вамъ казалось?

— Да вѣдь кажется-то всегда ни съ-чего. По мнѣ такъ: женись, какъ встрѣтишь такую дѣвушку, что въ тебя повѣритъ. Повѣритъ, что ты хорошій человѣкъ, и что съ тобой можно жить — тогда это прочно. А кто она тамъ такая: полька, жидовка, татарка, поповна, — не все-ли это одно. Есть деньги — хорошо, нѣтъ денегъ — не надо.

Въ комнату вошла англичанка.

— Дѣти просятъ рядиться, — можно? спросила она по-французски, произнося гласныя на свой ладъ.

Прасковья Юрьевна только отмахнулась.

— Да пусть ихъ!

— Меня эта жизнь молодая, этотъ шумъ поддерживаешь, сказала она племяннику. — Потому и шлють ко мнѣ ребятъ со всѣхъ сторонъ, — знаютъ, что у меня пансіонъ. Я недавно шутя списокъ составляла — сколько отъ меня народа вышло изъ дома въ люди. Больше тридцати человѣкъ! А сколько замужъ выдавала. И ни съ кѣмъ вѣдь не поссорилась ни разу.

Князь всталъ и началъ прощаться.

— Постой, выпей чашку чая, — раньше не отпущу. Вотъ видишь — ужъ и несутъ его.

Онъ выпилъ чашку. Колочагинъ совѣмъ проснулся и вдругъ рассказалъ какое-то гнуснѣйшее дѣло, будто-бы случившееся въ окружномъ судѣ.

— Вы это во снѣ увидали? спросила старуха.

— Къ несчастью, эти сны снятся наяву. отвѣтилъ онъ, и въ доказательство сталъ рассказывать другой случай.

Борисъ поцѣловалъ руку тетки.

— Заѣдешь еще? спросила она, глядя его по щекѣ.— Заѣзжай. Ты знаешь, я тебя люблю.

XXX.

Князь ходилъ у себя по номеру взадъ и впередъ. Онъ, не торопясь, дошелъ до гостиницы, и теперь все продолжалъ шагать. Нервы его расходились.

— Для чего люди женятся? разсуждалъ онъ. — Иные — хотятъ семьи, дѣтей, порядка въ домѣ. Братъ говоритъ, что у него стало меньше мухъ и пыли съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился. Другіе женятся, чтобы составить себѣ положеніе и воспользоваться деньгами, которыя почему-то даютъ въ придачу за дѣвушкой. Наконецъ, третьи женятся потому, что они иначе не могутъ обладать дѣвушкой, которая имъ нравится. Что-же, и я погому хочу жениться на Мери? Денегъ у нея нѣтъ; — протекція? Да Иванъ Петровичъ скорѣе все сдѣлаетъ теперь для меня, для посторонняго чловека, чѣмъ потомъ для свояка. Для порядка

въ домѣ у меня есть прислуга. Остается — желаніе обладать ею, — Мери. Хочу-ли я обладать ею? Не знаю. Я знаю, мнѣ было-бы мучительно больно, если-бы кто-нибудь другой подошелъ къ ней, взялъ ее за руку какъ берутъ даже сестру, обнялъ-бы ее, поцѣловалъ. Я-бы былъ несчастнымъ человѣкомъ. Значить, я ее ревную къ другимъ мужчинамъ, значить я ее люблю. Но сказать, что я хочу съ ней жить такъ, какъ я жилъ съ тою французенкой — отъ которой мнѣ нужно было только одного: страстной, разжигающей ласки—этого я не могу сказать. У меня даже не совмѣщаются понятія о ея чистотѣ и о томъ, что я буду способствовать ея развращенію, — и изъ чистаго, невиннаго существа сдѣлаю обыкновенное животное, способное на дѣвторожденіе. И нужно-ли мнѣ дѣтей? Люблю-ли я ихъ? Не придется-ли ихъ подкидывать тетушкѣ Прасковѣ Юрьевнѣ? Мнѣ было-бы непріятно, если-бы Мери отдалась дѣтямъ и отвернулась отъ меня. Мнѣ она нужна, не какъ мать дѣтей, не какъ любовница, — но какъ существо, которое мнѣ дорого, которое я люблю и для котораго я готовъ положить жизнь, готовъ изойти кровью.

Онъ сѣлъ къ столу, почти машинально открылъ бюваръ и началъ писать.

„Я люблю васъ. Для меня это несомнѣнно.

Вы не хотите подойти ко мнѣ. Вы боитесь чего-то. Въ прошломъ,—я знаю,—у васъ есть тяжкія воспоминанія. Не надо думать о нихъ. Забудемъ о нихъ, забудемъ оба, и никогда ихъ не коснемся. Жизнь у насъ еще не кончена. Жизни много впереди. Будемъ жить полно, радостно. Будемъ дышать воздухомъ, который данъ для насъ. Не отталкивайте меня“.

Онъ хотѣлъ еще что-то написать, но остановился, быстро запечаталъ записку въ конвертъ, надписалъ адресъ позвонилъ и сказалъ, чтобы сейчасъ-же отослали письмо. Пока еще шаги человѣка слышались по корридору, онъ сдерживался всѣми силами, чтобъ не крикнуть его, не вернуть обратно, не взять письмо. Когда шаги замолкли, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, точно сбросилъ съ себя вьюкъ.

— Пусть будетъ, что будетъ, сказалъ онъ, прикладывая горячій лобъ къ холодному стеклу окна.— Кажется, я не ошибаюсь...

Онъ долго стоялъ глядя на фонари и на темныя окна противоположнаго дома. Мысли его какъ-будто утихали, сердце билось спокойнѣе.

Въ дверь раздались два торопливыхъ, рѣзкихъ удара. Онъ съ неудовольствіемъ повернулся и сказалъ:

— Войдите.

Дверь съ шумомъ распахнулась, — и вся

полная морозомъ, румяная, возбужденная Фима остановилась на порогѣ.

— Вы одинъ? спросила она.

— Одинъ, удивленно отвѣтилъ онъ.

Она вошла, сбросила съ себя ангорскую ротонду и шапочку.

— Видите, я даже безъ вуали, сказала она. — Продрогла. Грѣйте меня.

— Чаю хотите? сказалъ онъ, нажимая звонокъ.

— Ну, хоть чаю. Какой скверный номеръ! прибавила она, обводя глазами комнату. — Ну, да это все равно. Вы знаете, я отъ Яра. Обѣдала тамъ сейчасъ. Скука. Всѣ напились.

— И Вобловъ тамъ?

— Нѣтъ—здѣшніе все, московскіе. Сперва на тройкахъ летали, потомъ пріѣхали въ кабакъ,—опять за шампанское, за коньякъ! Мнѣ вдругъ такъ противно стало. Я, не сказала никому ни слова, накинула ротонду, сѣла въ первыя сани и поѣхала сюда. Мнѣ Вобловъ говорилъ, гдѣ вы остановились. Завтра братъ къ вамъ съ официальнымъ визитомъ пріѣдетъ, а я вотъ наканунѣ. Я ѣхала къ вамъ и боялась.

— Чего?

— Что застану васъ съ кѣмъ-нибудь.

— Ну, такъ что-же?

Она нетерпѣливо стукнула кулакомъ по столу.

— Ну, что вы притворяетесь, что не пони-

маете меня! Я говорю про женщину. Я даже рассчитывала на то, что вы меня не примете именно по этой причинѣ. Готова была прозакладывать голову, что вы съ кѣмъ-нибудь.

— А я вотъ одинъ.

— Я очень рада. Мнѣ вдругъ захотѣлось васъ видѣть. Мнѣ такъ стало мерзко на душѣ, и такъ скверно стало за то, что я вамъ говорила сегодня днемъ. Я не хотѣла, чтобы у васъ осталось обо мнѣ впечатлѣніе пьяной московской купеческой барышни. Что за гадость! Меня это мучило, и я рѣшила васъ увидѣть сейчасъ-же.

— А васъ не хватятся?

Она странно улыбнулась: въ ея улыбкѣ было и сожалѣніе и презрѣніе вмѣстѣ.

— Давно перестали! Знаютъ, что не поздно ихъ дома буду.

— И не спросятъ, гдѣ вы были?

— Да имъ-то что? Я совершеннолѣтняя, — и часть моя мнѣ выдѣлена. Сестра подумаетъ, что со мной обыкновенный нервный припадокъ; а пьяный братъ подумаетъ, что я къ любовнику поѣхала.

Она сказала это рѣзко, цинично, — вызываясь смотря на князя.

— А у васъ есть любовникъ? спросилъ онъ, прямо глядя ей въ глаза.

— А какъ выдумаете? щурясь, спросила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, у меня любовниковъ нѣтъ, сказала она.—Братъ все мѣритъ на свой аршинъ. Но нѣтъ только потому, что мнѣ никто не нравится. А то я-бы не стѣснялась. Да и чего стѣсняться? Если мнѣ нравится человѣкъ, я ему нравлюсь, — отчего-же не сойтись съ нимъ,—ни о чемъ не думал, ни о чемъ не разсуждая, кромѣ того, что вотъ мы сейчасъ милы другъ другу, и ничего намъ другъ отъ друга больше не надо?

— Это просто, сказалъ князь.

— А зачѣмъ-же усложнять жизнь? крикнула она.—Я не знаю, но мнѣ кажется вся Москва сплошной стоячей канавой. Если есть жизнь—такъ какихъ-то головастикомъ. Всѣ куда-то ѣдутъ, хлопочутъ, молятся, обманываютъ; колеса на фабрикахъ вертятся, писатели умныя повѣсти пишутъ, марксисты утопіи разводятъ,—а жизни нѣтъ ни въ комъ.

— А что вы называете жизнью?

— Сознательность. Понимаете, хоть маленькое сознание, что мы такое, зачѣмъ все это, кому нужно, куда мы идемъ. А то толчемся какъ марионетки въ гиньйолѣ,—знаете, что вотъ въ Елисейскихъ поляхъ показываютъ. Вѣчно одно и то-же—на потѣху ребятишекъ. Сегодня я сидѣла съ вами, и мнѣ показалось

у васъ въ глазахъ что-то, что я понимаю, и почему вы меня должны понять. И глаза ваши мнѣ не давали покоя. Поэтому я и пріѣхала сюда. Вы скажете, что я развратная дѣвчонка, пріѣхала для любовнаго приключенія. Мнѣ все равно, что вы будете думать. Мнѣ нравятся ваши глаза, покажите ихъ, давайте сюда ваше лицо, — ближе, ну, еще ближе. Вѣдь не кусаюсь-же я.

Она охватила цѣпкими маленькими руками его голову и приблизила ее къ своему молодому, еще горѣвшему румянцемъ мороза лицу.

— Ну, вотъ глаза, заговорила она, медленно и внимательно разглядывая ихъ. — Кажется честные, кажется хорошіе.

Она быстро оттолкнула его.

— Слушайте, сказала она. — Если-бъ у меня не было милліона, — позволили-бы вы мнѣ такъ обращаться съ собой?

— Если-бы вы были такая-же хорошенькая — позволили-бы, сказалъ князь, чувствуя, что близость дѣвушки пьянитъ его.

— Да, — но дѣло не въ томъ — хороша-ли я, или дурна. А въ томъ, что если-бы я была дочерью бѣднаго чиновника, то моему поведению не было-бы оправданія, и отъ меня бѣгали-бы какъ отъ чумы. А теперь это находятъ оригинальнымъ. Ну, что-жь, — будемъ оригинальничать. Какъ это ново, какъ это интересно, виснуть на шеѣ у перваго встрѣч-

наго петербургскаго князя! Еще скажутъ, что я вамъ денегъ дала,—про меня ужь это говорили. А мнѣ все равно, все равно, все равно!

Она встала, пошла къ окну, потомъ рѣзко на полдорогѣ повернулась къ нему.

— Почему меня никто не понимаетъ? Почему никто не хочетъ ко мнѣ отнестись просто? Моя горничная, Варя, счастливѣе меня. Она вотъ сидитъ теперь въ дворницкой у своего Никифора и не промѣняетъ его ни на какихъ князей. А у Никифора жена есть, прачка. Та накинулась разъ на Варю, и ногтями все лицо ей изорвала. И всетаки она счастлива и съ разорванной щекой, потому-что ее принимаетъ каждый за то, за что надо принимать,— за свободную дѣвушку; она любитъ Никифора и ни передъ кѣмъ этого не скрываетъ. А у насъ—все какъ-то изъ-подворотни, тайкомъ, украдкой! Гадость одна, мелочность. Пауки какіе-то, не люди.

Она подошла къ нему.

— Понимаете вы, что я вамъ говорю? спросила она, кладя ему руки на плечи.

— Понимаю,—сказалъ онъ, обнимая ее и притягивая къ себѣ.

Она отбросила со лба его волосы, тихо приложила свои губы къ его губамъ и поцѣловала его долгимъ, тягучимъ, влажнымъ поцѣлуемъ.

XXXI.

Олеуфьевъ проснулся на другое утро съ тяжелымъ смутнымъ сознаниемъ чего-то отвратительнаго и гнуснаго, совершившагося вчера. Тупая тяжесть придавливала его, — ему не хотѣлось поднять головы съ подушки. Какъ хорошо, если-бы не было всего того, что случилось наканунѣ, если-бы это былъ такой-же сонъ, какъ тотъ, на которомъ онъ поймалъ свое сознание въ минуту пробужденія. Онъ видѣлъ какой-то низенькій, маленькій домъ, деревянный, затерявшійся въ глуши рощи. Онъ стоялъ у широкаго окна вмѣстѣ съ Мери. Деревья всѣ были въ золотыхъ осеннихъ листьяхъ и солнце ихъ пронизывало ослѣпительнымъ блескомъ, такъ-что глазамъ было больно смотрѣть. Внизу росли кусты ярко-багряные, горѣвшіе какъ алая кровь. Чувство такое блаженное, такое райское, охватывало его, ему такъ хорошо было отъ близости этой дѣвушки, — какъ тонки были эти нѣжныя паутины, плававшія въ воздухѣ, — и всѣ его чувства казались такими-же паутинками. Но едва онъ перешелъ къ дѣйствительности и открылъ глаза, острое гнетущее чувство сразу навалилось на него, и сонъ исчезъ.

На столѣ стояла пустая бутылка, оставшаяся съ вечера, недопитые стаканы, на стулѣ валя-

лась ей перчатка, которую она искала передъ отъѣздомъ, не нашла, и сказала: „а ну ее!“ Въ корридоръ за дверью слышались мягкіе шаги прислуги, въ сосѣдномъ номерѣ кто-то громко утверждалъ о паденіи какихъ-то акцій. Между занавѣсками, въ щели просвѣчивалъ хмурый день. Морозъ, должно быть, собирался повернуть на оттепель.

Онъ сталъ медленно одѣваться. Онъ все хотѣлъ отдать себѣ отчетъ, да почему-же гнусно то, что случилось вчера? Ну, пріѣхала къ нему распущенная, нервная, истеричная барышня, которой ничего не дорого, которая въ двадцать-четыре года не вѣритъ ни во что, но страстно хочетъ вѣрить. Она богата, свободна—и бьется о свою клѣтку, рвется куда-то. Она плакала вчера здѣсь, у него, на диванѣ, плакала слезами непритворнаго отчаянія, и онъ утѣшалъ ее, разглаживалъ ей волосы, цѣловалъ ей щеки и шею.

— А, все вы вздоръ говорите! съ лицомъ, искривленнымъ отъ отчаянія и отвращенія, возражала она.—Что мнѣ эти утѣшенія,—слышала я ихъ сотни разъ. Не поможетъ мнѣ ничто. Я качусь куда-то подъ гору, не знаю куда. Не знаю я ничего, ничего не понимаю: зачѣмъ мы живемъ, для кого, для чего. Почему я должна была скакать на тройкахъ, сидѣть съ какими-то идіотами, ѣсть несчастныхъ

перепелокъ, и пить самое дорогое вино какое. только тамъ было? Мнѣ захотѣлось домой. Я поѣхала. А потомъ вспомнила эти пуговицы, эти пальмы, римскіе треножники, — и такъ мнѣ захотѣлось разбить шкапы, растоптать, разорвать все, что тамъ въ витринахъ. И если-бъ я тебя не застала, я такъ-бы и сдѣлала. Но меня потянуло къ тебѣ. Мнѣ показалось, что и ты несчастенъ. что у тебя есть что-то...

Она взяла его за голову.

— Смотри сюда, на меня. Я знаю, ты любишь другую. Быть можетъ, и я люблю кого. Но все равно. Тѣ, кого мы любимъ, насъ все равно не поймутъ. А мы поймемъ другъ друга. И хоть часъ, да проживемъ одной жизнью. Я свободна и ты свободенъ. Въ чемъ-же дѣло, кому мы дѣлаемъ зло?

Часа два позднѣе, когда она уѣхала, — лицо ея было холодно, безстрастно и спокойно.

— Заѣхать къ вамъ завтра! спросилъ онъ.

Она повернулась на порогъ и пожалала плечами.

— Какъ хотите. Не все-ли равно?

Когда она уѣхала, ему стало жаль ее. Ему вспомнилось, какъ она говорила ему:

— Мнѣ сестра сказала недавно, что я все равно, что самая послѣдняя скверная тварь. Я ей сказала на это, что я хуже. Тѣхъ „тварей“ толкнула на ихъ дорогу ницета, а меня

ничто не толкало. Но я лучше ихъ, потому-что презираю себя больше, чѣмъ онѣ. Я ненавижу себя, какъ ненавижу жизнь.

Онѣ хотѣлъ ей что-то возразить и объяснить,—но она ничего не слушала и не хотѣла слушать.

— Жизнь—испытаніе, ужасное испытаніе. Спокойно смотрѣть на жизнь можетъ только юродивый.

Теперь, на другое утро, князь старался отдать себѣ отчетъ во вчерашнемъ. Старался оправдать и ее, и себя, и не могъ.

— Я долженъ былъ ее остановить, говорилъ онѣ, шагая по комнатѣ.—Но почему-же, зачѣмъ? Вѣдь это смѣшно разыгрывать роль Іосифа Прекраснаго. Если-бъ она не застала меня, она поѣхала-бы къ кому другому. У нея, въ Москвѣ, вѣроятно, есть цѣлый десятокъ любовниковъ. Гадко, отвратительно гадко то, что я только что отправилъ это письмо и черезъ полчаса той-же рукой, которой написалъ письмо, сталъ обнимать другую женщину. Этимъ я оскорбилъ Мери. Или это мнѣ кажется: вѣдь Мери до сихъ поръ мнѣ чуждая дѣвушка? Но почему-же мнѣ стыдно за вчерашнее? Если стыдно, значитъ, это не хорошо. И стыдно-ли ей теперь такъ же, какъ и ему, или она привыкла ко всему—и смотреть на жизнь просто, дѣлаетъ гадости и сознаетъ ихъ?

Онъ подошелъ къ окну. Дѣловой людъ шелъ по Никольской,—всѣ въ одну сторону. Всѣ шли съ сознаниемъ того, что они дѣлаютъ дѣло, что иначе нельзя поступать, какъ поступаютъ они, и что всѣ они хорошіе, честные люди.

Вотъ этотъ купецъ ѣдетъ въ лавку. Можетъ быть, онъ завтра будетъ банкротомъ, — а можетъ быть, онъ думаетъ о томъ, какъ сдѣлать банкротомъ другого, и какъ это обработать наиболѣе законнымъ путемъ. Вотъ ѣдетъ на рысакѣ извѣстный адвокатъ. Олсуфьевъ его знаетъ, хорошо знаетъ. Онъ торопится въ судъ по дѣлу. Онъ будетъ оправдывать однихъ, и по дорогѣ топить другихъ. Онъ знаетъ, что ему надо ѣхать въ судъ, потому-что иначе онъ не получитъ семи тысячъ за защиту, а ему семь тысячъ нужны, потому-что онъ живетъ съ танцовщицей Бабониной и обѣщалъ ей такую-же ротонду, какую носить танцовщица Мамошина. Вотъ идетъ баба въ тулушѣ съ младенцемъ, который прямо, какъ кубла, торчитъ у нея изъ-за пазухи. Баба совсѣмъ деревенская, даже въ лаптяхъ, — и должно быть, городской не досмотрѣлъ, какъ это она проскочила въ такую аристократическую улицу. Но несомнѣнно, она убѣждена, что пришла за дѣломъ, и что ей надо быть не въ деревнѣ, а здѣсь. Въ томъ-же убѣжденъ приказчикъ, что стоитъ

и курить на порогъ своего магазина напротивъ. Въ томъ-же убѣждены ободренные хуже нищихъ извозчики, настегивающіе шершавыхъ оносныхъ клячъ. Въ томъ убѣжденъ красивый жандармъ, проскакавшій легкимъ галопцемъ для приведенія улицы въ порядокъ. Всѣ увѣрены, что дѣлаютъ большое, хорошее, стройное государственное дѣло, за которымъ и сѣхались всѣ сюда, въ этотъ старинный азіатскій городъ.

— А зачѣмъ пріѣхалъ сюда Олсуфьевъ? Повидаться съ теткой, съ которой, въ сущности, ему совсѣмъ не надо было видѣться? Познакомиться съ этой маленькой купеческой барышней и ни съ того ни съ сего сдѣлаться ея любовникомъ? Для чего онъ живетъ въ этой гостинницѣ, занимаетъ номеръ, ѣсть, пьетъ, пользуется услугами прислуги?

Онъ снова подошелъ къ окну. И снова прежнія мысли длинной цѣнью потянулись въ его головѣ.

— А чѣмъ-же лучше тѣ, что тамъ за окномъ? Развѣ они не развратничаютъ, не бездѣльничаютъ, не пьянствуютъ, не убиваютъ другъ друга? Развѣ въ каждомъ прохожемъ не живетъ преступленіе? Развѣ если-бы позвали ихъ всѣхъ сейчасъ на судъ, и совѣсть всѣхъ стала-бы прозрачна какъ стекло, — развѣ тогда не обнаружилось-бы скопленіе всякихъ мерзостей и

безнравственныхъ поступковъ, въ сотни разъ худшихъ, чѣмъ тѣ, что лежатъ на его совѣсти?

Вошелъ лакей и спросилъ, можетъ-ли его сіятельство принять господина Варгина.

„Какъ хорошо, что онъ пріѣхалъ, подумалъ Олсуфьевъ.— Вотъ онъ сейчасъ войдетъ сюда, спроситъ, была-ли у меня его сестра, и мы объяснимся. Самое лучшее, если-бы онъ прислалъ мнѣ секундантовъ. Я-бы принялъ вызовъ и, конечно, не стрѣлялъ-бы въ него“.

Онъ сказалъ, что проситъ господина Варгина пожаловать.

XXXII.

Господинъ Варгинъ оказался тутъ-же, за дверью. Онъ извинился, что пріѣхалъ слишкомъ рано, но онъ весь день долженъ быть на фабрикѣ.

Онъ сѣлъ въ малиновыя бархатныя кресла, составляющія неизбѣжную подробность каждаго номера, и повелъ стрѣлками своихъ усовъ, какъ жукъ. Онъ ждалъ вопроса со стороны князя, но князь молчалъ.

— Какого вы мнѣнія, князь, о моемъ музеѣ? спросилъ Варгинъ и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ:— Завтра у меня будетъ владыка,—онъ соблаговолилъ на осмотръ. Можетъ,

пожалуете на завтракъ? Стерляжью ушицу готовимъ.

— Я думалъ завтра уже быть въ Петербургѣ, сказалъ князь.

— Это непріятно! вздохнулъ Варгянъ.

— А вы вчера были за городомъ? спросилъ Олсуфьевъ.— Поздно вернулись?

— Да. Надо полагать, часамъ къ двумъ.

Онъ посмотрѣлъ на перчатку сестры, лежавшую передъ нимъ на скатерти, и повелъ глазами по угламъ: дескать, нѣтъ-ли тутъ кого,— но удивленья особаго не выразилъ.

— Буду я на фабрику, заговорилъ онъ, желая поддержать бесѣду,— все больше по фабричному вопросу. Меня весьма интересуютъ, какъ я уже вамъ докладывалъ, вопросы рабочаго труда. Мнѣ хочется быть впереди моихъ конкурентовъ: пойти навстрѣчу спросамъ времени. Я изучилъ фабричнаго, знаю его со всѣми его достоинствами и недостатками. И я выхожу-съ изъ того положенія, что рабочій прежде всего долженъ быть образованъ въ извѣстномъ смыслѣ. А потому я беру рабочаго только изъ своей школы, которая подготовила его спеціально только на мое дѣло. Если и отцы, и дѣти, и внуки будутъ итти по одному направленію, то путемъ дарвиновскаго подбора получится образцовая форма фабричнаго, со всѣми нужными элементами для работы,—

а все излишнее и ненужное отпадетъ. Особенно я стараюсь искоренить пьянство.

Олсуфьеву вдругъ стало скучно. Ему до отвращенія сталъ противенъ этотъ фабрикантъ.

— Миѣ-бы хотѣлось заѣхать проститься съ вашими сестрами, сказалъ онъ.

— Онѣ спать-съ, отвѣтили Варгинъ, безъ смущенія переходя къ новой темѣ.—Едва-ли раньше четырехъ встанутъ. Да, впрочемъ, онѣ весь вечеръ дома. Ежели желаете, то пожалуйста прямо къ обѣду, въ семь часовъ, или къ чаю попозднѣе. Чай у меня изъ Китая, особенный, дядя мой чайной торговлей занимается, такъ по родственному.

Онъ попросилъ позволенія закурить и вынулъ тоненькую сигаретку.

Князь упорно молчалъ и ждалъ, чтобы онъ ушелъ. Варгинъ тоже молчалъ и курилъ не торопясь. Онъ смотрѣлъ на стѣны, на плохую картину масляными красками, на маленькую люстру, на чемоданъ,—опять на забытую перчатку, и, кажется, чувствовалъ себя очень хорошо. Докуривъ, онъ всталъ.

— Въ такомъ случаѣ, если изволите ѣхать—позвольте проститься, сказалъ онъ, — и еще разъ поблагодарить за ваше почетное посѣщеніе. Если когда-нибудь опять заглянете въ первопрестольную—вашъ приборъ всегда безсмѣнно будетъ стоять на нашемъ столѣ.

Онъ низко поклонился, показавъ превосходно расчесанный проборъ, взявъ бобровую шапку и, мягко ступая лакированными ботинками, отправился улучшать строй фабричной жизни.

Князь тоже рѣшилъ пройтись: въ головѣ по прежнему была тяжесть, и хотѣлось на воздухъ. Онъ позвонилъ прислугу, надѣлъ шинель и вышелъ въ коридоръ. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру, какъ его остановили какія-то сдержанныя всхлипыванія. Онъ присмотрѣлся. Въ полутемномъ углу, прижавшись къ самой стѣнѣ, стояла дѣвочка лѣтъ восьми, уткнувшись лицомъ въ платокъ. Плечики ея вздрагивали, и вся она тряслась.

— Что ты? Что съ тобой? О чемъ плачешь? спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Въ полутьмѣ онъ увидѣлъ худенькое дѣтское личико съ большими глазами, на мгновеніе блеснувшими предъ нимъ и опять спрятавшимися въ платокъ.

— Что съ ней? повторилъ онъ, кладя на ея голову руку и чувствуя мягкій, пушистый шелкъ ея волосъ.

— Да что съ ней!—заговорила горничная, внезапно появляясь передъ нимъ.—Это жильцова дочка изъ того номера. Какъ онъ уйдетъ, запретъ номеръ на ключъ, она по четыре часа торчитъ въ коридорѣ. Говорить, что шалить, что ее одну оставить нельзя.—Теперь

она спать хотѣла, а онъ ее поднялъ, велѣлъ одѣться, и выгналъ сюда, а самъ ушелъ. Та-кой живодеръ, не дай Господи!

Олеуфьевъ давно зналъ эту горничную за строгую, разсудительную, холодную женщину, и не узнавалъ ее теперь: такъ она была возбуждена и разстроена, и такъ походила не на дресированную номерную, а на простую, добрую женщину.

— Чего-жь ты плачешь? еще разъ спросилъ онъ, наклоняясь къ ребенку.

— Головка болитъ, — слабо пролепетала она.

— Проведите ее въ мою комнату, положите ее на диванъ, сказалъ онъ горничной, пусть тамъ побудетъ до прихода отца.

Дѣвочка со страхомъ замахала рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ! папа браниться будетъ. Я тутъ въ уголокѣ посижу.

— Да отецъ-то ея кто? спросилъ князь.

— Кто его знаетъ — помѣщикъ какой-то. По номеру раздѣвшись ходитъ. Я говорю: „извините, не пойду“. А онъ говоритъ: „входи, ничего“. — Я говорю: „не привыкла“. А онъ хохочетъ: „графиня, говоритъ, какая!“ Бритый онъ такой, изъ себя, красный.

Олеуфьевъ вспомнилъ, что два раза встрѣтилъ въ корридорѣ краснаго бритаго человѣка съ заплаканными маленькими глазками и двойнымъ подбородкомъ. Онъ размашистой поход-

кой шель по корридору, слегка переваливаясь и отводя отъ туловища руки. Князю онъ сразу показался противнымъ. Онъ погладилъ еще разъ дѣвочку по головѣ и повторилъ горничной:

— Вы, Дуня, если она спать захочетъ, проведите ее ко мнѣ. Молока, чаю, или яицъ— дайте ей всего и велите записать.

Горничная одобрительно мотнула головой. Онъ спустился съ лѣтницы. Внизу, въ швейцарской носили какіе-то чемоданы, и сѣдая дама громко упрасивала на нѣмецкомъ языкѣ не поворачивать ящикъ вверхъ дномъ, хотя, кажется, никто и не собирался этого дѣлать.

Выйдя на улицу, онъ вспомнилъ, что надо же за одно исполнить порученіе Ивана Петровича и сдѣлать справку въ одномъ учрежденіи, которое уже полгода не давало отвѣта на довольно серьезный запросъ отъ ихъ министерства. Тамъ долженъ былъ служить Бѣлуновъ— товарищъ его по школѣ, но бывшій лѣтъ на пять моложе его. Отъ Бѣлунова онъ и надѣялся получить справку. Онъ слышалъ, что Бѣлуновъ пошелъ въ ходъ въ послѣднее время, и даже какъ-будто разыгрываетъ въ московскихъ кружкахъ какую-то роль. Въ училищѣ звали его „шибсомъ“ и щелкали его по носу. Именно поэтому онъ и сталъ теперь, по слухамъ, держать носъ насколько возможно выше.

Князь пошелъ пѣшкомъ, перешелъ театраль-

ную площадь и началъ неторопливо подниматься въ гору. Купечество цугомъ поднималось рядомъ съ нимъ на здоровыхъ поджарыхъ рысакахъ и въ уродливыхъ санкахъ съ дрянными полостями. Тротуары были узки по уличному движенію, зато окна огромныя. Прохожіе были какіе-то сѣрые, сосредоточенные, точно что-то разсчитывавшіе.

Князь свернулъ въ сторону, прошелъ переулокъ и вышелъ къ желтому казенному зданію. Извѣстно, что казенныя зданія всегда въ Москвѣ бываютъ желтыя и по архитектурѣ напоминаютъ старый ящикъ. На подъѣздѣ оказался швейцаръ, хотя и не такой внушительный, какіе бываютъ въ петербургскихъ министерствахъ, но, во всякомъ случаѣ, довольно грубоватый. Князь ему показался подозрительнымъ, потому-что пришелъ пѣшкомъ, а потому онъ, уставившись на него, строго спросилъ:

— Вамъ кого?

Князь улыбнулся и спросилъ о Бѣлуновѣ.

— Василій Николаевичъ здѣсь, нѣсколько смягчаясь, сказалъ швейцаръ, — а только теперь они васъ не примутъ. У нихъ пріемный часъ—три часа.

Князь ничего ему не отвѣтилъ, снялъ шинель и пошелъ наверхъ. Курьеры были погрязнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, лѣстницы поуже. окна потусклѣе, но пахло такъ-же пылью,

чернилами, ваксой и мышами. Приемная была довольно жалкая, съ убогими вѣнскими стульями и неизбѣжнымъ графиномъ воды на окнѣ.

XXXIII.

— Доложи господину Бѣлунову, что его спрашиваетъ Олсуфьевъ, сказалъ князь, намѣренно не называя своего титула. — Я знаю, что теперь часъ неурочный, но, все-таки, доложи, скажи, что очень надо, что я по дѣлу.

Курьеръ пошелъ неохотно. Не возвращался онъ долго. Потомъ вернулся и сказалъ:

— Обождите.

Князь опять улыбнулся.

— Надо говорить: „просить обождать“, а не „обождите“, — поучительнымъ тономъ сказалъ онъ.

Курьеръ невозмутимо посмотрѣлъ на него и вышелъ. Князь представилъ себя въ положеніи просителя и сѣлъ на стулъ. Онъ осмотрѣлъ внимательно печку, окно, графинъ, закорузлый стаканъ, плевательницу, кривоватое зеркало, старый ломберный столъ краснаго дерева, закопченный потолокъ. Онъ устроился поудобнѣе на стулѣ и сталъ ждать. Пробѣжалъ какой-то чиновникъ — молодой, въ очкахъ, съ портфелемъ. Прошелъ какой-то господинъ съ

висячими бакенбардами. Оба посмотрѣли на него разсѣяннo и недружелюбно. За дверью слышался рѣзкій дискантовый голосъ: это говорилъ monsieur Бѣлуновъ. Всего не было слышно, только выдѣлялись слова:

— Это дѣло княгини, понимаете, — личное дѣло княгини.

Оба чиновника ушли и опять все смолкло. Слышался отдаленный шумъ — то какъ пчелы въ ульѣ гудѣли канцеляристы. Въ дверь пронесли стаканъ дымящагося чая. Князю вдругъ захотѣлось чаю. Онъ подозвалъ курьера, далъ ему карточку и сказалъ:

— Доложи сейчасъ: отъ министра изъ Петербурга.

Курьеръ ударился къ двери рысцой, однимъ глазомъ кося на карточку. Едва дверь затворилась, какъ отворилась снова, и на порогѣ показался самъ Василій Николаевичъ во всемъ своемъ чиновничьемъ великолѣпнѣи.

— Mon Dieu! C'est vous, cher prince — mille pardons! Прощу васъ, что-же вы сразу не сказали, что это вы?

— Я думалъ, вы помните мою фамилію.

— Конечно, помню. Но этотъ дуракъ говоритъ Алафузовъ. А Алафузовъ — это подрядчикъ. — Садитесь. — Никаноръ — чаю. Еще разъ, ради Бога...

Онъ колыхался, какъ тростникъ, колебле-

шій вѣтромъ. Это былъ человѣкъ очень жиденькій, гнусавенькій, тощенькій и весь прозрачный. Усадивъ гостя, онъ усѣлся самъ въ кресло у большого письменнаго стола и еще разъ сказалъ:

— Какъ я радъ васъ видѣть, — но мнѣ такъ совѣстно. Столько шляется народа, что голова идетъ кругомъ.

— „Будильникъ“ читаете? спросилъ князь, показывая глазами на журналъ съ раскрашенными карриатурами.

Бѣлуновъ какъ-будто сконфузился, и заморгалъ близорукими глазами.

— Нѣтъ, это такъ, залепеталъ онъ. — Тутъ какъ-будто есть намекъ на наше учрежденіе. Ужасно распущена печать.

Князь посмотрѣлъ, серьезно-ли онъ говорить.

— Представьте, первый разъ слышу, что печать у насъ распущена.

— Да, — а между тѣмъ, это такъ. Подвергають критикѣ образъ дѣйствій лицъ, которыя должны быть совершенно изъяты изъ этой области.

— Вотъ вы, напримѣръ?

Бѣлуновъ дернулъ головой, какъ лошадь, которую неожиданно задѣли плечомъ по губамъ.

— Да, хоть-бы я, напримѣръ. Я функционирую свою часть. Мнѣ нужна спокойная увѣ-

ренность въ работѣ, а мнѣ мѣшаютъ. Меня раздражаютъ. Отъ глупыхъ намековъ я не сплю иногда цѣлую ночь, пью флеръ д'оранжъ.

Онъ сказалъ флеръ д'оранжъ такимъ вѣж-нымъ голосомъ, какимъ говорятъ только институтки о своемъ будущемъ свадебномъ вѣнкѣ. Вообще онъ былъ похожъ на институтку, но при этомъ казался весь какимъ-то расхлябаннымъ. Точно руки, ноги и голова наполовину вывинтились изъ туловища и никакъ не могли опять прійтись плотно къ своимъ мѣстамъ.

— Слушайте, Василій Николаевичъ, сказалъ князь, — отчего-же вы намъ не отвѣчаете до сихъ поръ на нашъ запросъ?

— Мы?

Василій Николаевичъ сказалъ даже *ми*, а не *мы*. Вообще буква *ы* казалась ему слишкомъ грубой.

— Я не знаю никакой бумаги. Не слыхалъ даже.

Онъ подавилъ сразу двѣ кнопки звонка и спряталъ „Будильникъ“ въ столъ.

— Мы сейчасъ все это узнаемъ. У меня порядокъ заведенъ здѣсь образцовый.

— Позвать ко мнѣ Фердышева, — хмуря брови, сказалъ онъ какому-то юному бѣлобрысому малому, съ вихромъ, не поддающимся фиксатуару.

Вихоръ исчезъ за дверью.

— Ну, что вы подѣлываете въ Петербургѣ? продолжалъ также разслабленно Василій Николаевичъ. — Я рвусь, понимаете, рвусь въ Петербургъ. Еслибъ не мое солидное положеніе здѣсь, я давно-бы былъ у васъ.

Вошелъ высокій, тучный человѣкъ съ морщиной среди бровей, какая всегда бываетъ у пьющихъ много людей. Онъ посмотрѣлъ стеклянными опухшими глазами на молодого человѣка и его гостя, но ни тому, ни другому не поклонился.

— Скажите пожалуйста... ээ... началъ Бѣлуновъ. — Какая у насъ бумага есть вотъ изъ ихъ министерства...

Тучный человѣкъ посмотрѣлъ на князя и спросилъ:

— А какое ихъ министерство?

Бѣлуновъ назвалъ.

— Есть. Давно лежитъ. Я вамъ раза три докладывалъ.

Бѣлуновъ густо покраснѣлъ и закачался на стулѣ, кляя носомъ въ бумаги.

— Я не знаю, я не помню! заговорилъ онъ. — Вы недостаточно ясно объяснили мнѣ...

— Отчего-жъ недостаточно...

— Я говорю: недостаточно, возвысилъ онъ голосъ и даже ударилъ палочкой пера объ уголъ стола.

— Какъ хотите, отвѣтилъ флегматично Фердышевъ и пожалъ плечами.

— Пожалуйста, сейчасъ, чтобъ сейчасъ все было сдѣлано, наведены справки...

— Да справки давно наведены...

— Ну, и я сейчасъ доложу... Чтобъ сегодня-же все было готово. Подите и распорядитесь.

Фердышевъ, не торопясь, повернулся и пошелъ къ двери.

— Удивительный народъ! морщась, заговорилъ Василій Николаевичъ, когда дверь затворилась. — Служить здѣсь двадцать пять лѣтъ и думаетъ, что онъ все! Вотъ какъ я отставлю его къ Пасхѣ, такъ поменьше онъ будетъ думать...

Онъ вытеръ выступившій на лобъ холодный потъ и постарался улыбнуться.

— Я думаю, впрочемъ, вамъ это не въ диковину? сказалъ онъ. — У васъ въ министерствѣ вѣдь то-же?

— Нѣтъ, я очень доволенъ моими сослуживцами, — возразилъ князь. — У меня такихъ сценъ не бываетъ.

— О, ихъ надо держать въ ежовыхъ! сказалъ Бѣлуновъ. — У васъ человѣкъ энергичный Иванъ Петровичъ. Что его супруга? Очаровательна, несмотря на свои лѣта! А потомъ тамъ живетъ эта ея племянница, съ которой была эта грязная исторія?..

Кровь опять хлынула въ виски князя.

— Какая грязная исторія, я ничего не знаю?

Бѣлуновъ оживился, — онъ попалъ въ свою сферу.

— Какъ, вы не знаете, князь?—Это ужасная исторія. Къ сожалѣнію, я самъ слишкомъ мало знаю, и мнѣ неизвѣстны подробности. А то-бы я вамъ подробно все передалъ. Она, видите, полячка по происхожденію, — и какъ всѣ полячки — страстная карьеристка. Она намѣтила одного богатаго пожилого человѣка и вступила съ нимъ въ связь... Но черезъ полгода, когда она заговорила о свадьбѣ, — онъ сказалъ: *Chère petite* — я давно женатъ, и по закону вторично жениться не могу. — Конечно, она осталась въ ужасномъ положеніи, — теперь ее никто не возьметъ.

— Въ Петербургѣ про это мало знаютъ.

— О, зато я хорошо знаю! пѣвучимъ голосомъ и подмигивая сказалъ онъ. — Это было въ Италіи, на глазахъ у моего брата, и онъ мнѣ все подробно передалъ.

Вышелъ опять Фердышевъ, съ пачкой на-чисто переписанныхъ бумагъ.

— Вотъ все дѣло, сказалъ онъ, кладя ее на столъ.

— Ну, давно-бы такъ, одобрительно за-мѣтилъ Василій Николаевичъ. — Я сейчасъ

пойду къ его превосходительству, — и сегодня же вы все получите. Сообщите, князь, вашу адресь. Только все-таки надо просмотрѣть въ чемъ дѣло.

Онъ нахмурился, надѣлъ пенснэ и сдѣлалъ видъ, что углубился въ чтеніе.

— У насъ всегда такъ, заговорилъ Фердышевъ, повертываясь добродушно къ князю: — пока носомъ не ткнешь, ничего никто не разберетъ.

„Онъ грубоватъ и пьянъ, подумалъ князь, — но дѣло свое, должно быть, знаетъ“.

Бѣлуновъ притворился, что ничего не слышитъ. Онъ просмотрѣлъ бумагу и вскочилъ на свои тоненькія ножки.

— Я сейчасъ пойду съ докладомъ, сказалъ онъ, посмотрѣвъ на часы, висѣвшіе на волосяной цѣпочкѣ. — До свиданія, дорогой князь. Если позволите, я лично къ вамъ завезу тотчасъ послѣ обѣда.

Онъ проводилъ его въ приѣмную, еще глаже причесалъ и безъ того гладко причесанные волосы, и вихляя бедрами, такъ-что фалдочки его фрака пришли въ ритмическое вздрагиванье, пошелъ къ его превосходительству.

XXXIV.

— Что-же, правда это или нѣтъ? думалъ князь, идя домой. — Въ Петербургѣ никто ни слова никогда не говорилъ. И какое подлое

отношеніе этого скота! Если даже было несчастье съ дѣвушкой! „Теперь ее никто, конечно, не возьметъ“. — Да вѣдь прошлое принадлежитъ ей, а не мнѣ. Почему, если сдѣланъ былъ невѣрный шагъ, то уже нѣтъ возврата? Да и не все-ли мнѣ равно, что-бы тамъ ни было? — Она, вѣроятно, сегодня вечеромъ получитъ мое письмо. Отвѣтитъ на него, или нѣтъ?

Онъ старался припомнить тѣ выраженія, въ которыхъ онъ написалъ ей, — и не могъ. Онъ помнилъ только общее настроеніе, но не могъ вспомнить ни одного слова. Онъ помнитъ одно, — что это вылилось искренно, совершенно искренно.

Въ корридорѣ отеля опять ему повстрѣчалась та-же Дуняша.

— Я дѣвочку къ вамъ на диванъ положила, сказала она. — Она больна, должно быть. Вся въ жару. Не оспа-ли, храни Господь.

— Отчего-же оспа, вы тоже скажете! проговорилъ князь и прошелъ къ себѣ.

На диванѣ спала дѣвочка и не проснулась при его входѣ. Онъ положилъ ей руку на лобъ, лобъ былъ горячій, губы полуоткрыты, дыханье тяжелое. Руки были сухи и горѣли.

Князь сѣлъ на диванъ возлѣ дѣвочки.

— А отецъ не приходилъ?

— Нѣтъ.

— Я не знаю, тутъ-бы доктора надо.

— Докторъ только-что вернулся — здѣсь, на концѣ корридора. Петербургскій. Ежели угодно, я позову?

— Попросите его.

Дуняша юркнула къ двери. Онъ положилъ голову ребенка повыше. Волосы у дѣвочки были темные съ рыжеватымъ слегка отливомъ. Тѣлице нѣжное, бѣленькое, рѣсницы густыя, загнутыя полудугами. Одѣта она была въ какой-то капотикъ изъ шотландской клѣтчатоу фланели.

„Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, опас“, подумалъ князь, чувствуя, что жаръ отъ ея руки и лба сообщается и его рукѣ.

Докторъ оказался рослымъ, бородатымъ нѣмцемъ съ блестящимъ шинковатымъ лбомъ. Онъ вошелъ, пожалъ руку, спросилъ: „что, дочка больна?“ — узналъ, что это не дочка, а постронняя, и вдругъ спросилъ:

— Но если ея отецъ совсѣмъ не хочетъ моего діагноза?

Князь попросилъ поставить діагнозъ, сказавъ, что онъ беретъ все на себя. Докторъ пощупалъ голову, взялъ за пульсъ, сказалъ: „О-о!“ и тихонько разбудилъ дѣвочку.

— Надо ей горлышко посмотрѣть, сказалъ онъ горничной, — да раздѣть.

„Въ самомъ дѣлѣ неудобно, подумалъ

князь, — если вернется ся отецъ. Надо будетъ предупредить“.

Онъ вышелъ изъ номера и сталъ ходить по корридолу.

„Чего я связался съ этой исторіей? думалъ онъ. — Еще, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ этотъ краснорожій обидится“.

Онъ подошелъ къ двери и прислушался. Дѣвочка слабо попискивала, а докторъ говоритъ: „ничего, душечка, ничего; здѣсь воть не больно? а здѣсь? а здѣсь“?

Онъ дошелъ по корридолу до лѣстницы, посмотрѣлъ внизъ, свѣрилъ свои часы съ тѣми, что висѣли на стѣнѣ, и опять медленно пошелъ назадъ.

— Дайте подушку, говорилъ докторъ, — и ложечку дайте. Да зажгите свѣчку.

Князь пошелъ дальше, — опять дошелъ до лѣстницы. И все онъ думалъ объ одномъ: о томъ, что дѣлаетъ тамъ въ Петербургѣ Мери, и о томъ, какой гнусной паутиной сплетни затянуть весь этотъ міръ, который претендуетъ на наименованіе „интеллигентнаго“. Почему съ такой злорадностью говорятъ о томъ, что съ такой-то дѣвушкой случилось несчастіе? Какъ всё бьютъ въ тимпаны, и пляшутъ, и кривятся, какъ-будто они сами безгрѣшны и получили свыше право швырять камнями въ тѣхъ, кто переступилъ заповѣдь, ими-же самими выдуманную?

Когда онъ дошелъ до своего номера, тамъ было уже тихо. Докторъ писалъ что-то у стола. При его входѣ, онъ слегка повернулъ въ его сторону голову.

— Сильно простужена, сказалъ онъ, — но, что у нея—окончательно не выяснилось. Пока вотъ пропишу эмульсію.

Онъ кончилъ писать, пожалъ князю руку, ловко пропустивъ въ карманъ бумажку, и сказалъ, что съ двѣнадцати онъ будетъ дома. Горничная еще долго возилась, приносила водку съ уксуомъ и растирала дѣвочку. А дѣвочка смотрѣла прямо большими, задумчивыми глазами, какъ-будто откуда-то изъ другого міра.

Потомъ горничная ушла. Князь завернулъ свои департаментскія дѣла и пріоткрылъ на половину дверь въ корридоръ, чтобы слышать, когда вернется отецъ. Начали надвигаться сумерки. Онъ отворилъ кранъ лампы на столѣ и старался сосредоточиться на дѣлѣ.

Онъ ясно понималъ то, что читалъ, и дѣлалъ отмѣтки карандашомъ на поляхъ. Но одновременно съ чтеніемъ и съ отмѣтками, въ головѣ проходилъ цѣлый рядъ мыслей совершенно другихъ, тѣхъ, которыя мѣшали ему жить, не давали покоя. И опять-таки эти мысли, летѣвшія какъ разорванныя тучи, прерывались тяжелымъ дыханіемъ ребенка, метавшагося по дивану. И все это кружилось вокругъ него въ

какой-то медлительной, тяжелой пляскѣ, точно кошмаръ душилъ его на яву.

Иногда онъ вставалъ, подходилъ къ дѣвочкѣ, прислушивался къ ея дыханію. Кто ея мать? Жива-ли она? Отчего она бросила ее? Отчего отецъ выгоняетъ ее изъ номера и тоже бросаетъ на произволь судьбы?

Потомъ онъ опять садился къ столу, и опять предъ нимъ мелькали ровныя строки отношеній и докладныхъ записокъ. За окномъ все темнѣло, и густой, холодный, влажный туманъ точно заливалъ собою весь городъ.

XXXV.

Невдалекѣ слышались смутные голоса. „Онъ, должно быть!“ подумалъ князь, чувствуя, какъ озлобленіе растетъ къ незнакомому ему человѣку.

На порогѣ явилась жирная фигура съ двойнымъ подбородкомъ. Она повела хитрыми, плутовскими глазками и уставилась на князя.

— Это ваша дочь? спросилъ князь.

Фигура подошла къ самому дивану, посмотрѣла на дѣвочку и сказала:

— Моя-сь.

Князь назвалъ себя. Лицо вдругъ расплылось въ улыбку.

— Весьма польщенъ. Фамилья моя Огнещановъ. Савелій Викторовичъ Огнещановъ, — неслужащій дворянинъ.

Онъ протянулъ потную, липкую руку князю.

— Чему я обязанъ, что вы мою наслѣдницу къ себѣ въ комнату завели, на диванчикъ уложили, и даже доктора пригласили?

Князь посмотрѣлъ въ упоръ на Огнещанова.

— Я полагаю, вы этимъ себѣ обязаны, сказалъ онъ, — я нашелъ вашего ребенка брошеннымъ въ корридорѣ. Она въ жару. Не къ горничной-же въ комнату ее уводить?

Огнещановъ потрогалъ щеку у дѣвочки.

— Жарокъ есть. Обкушалась, должно быть. Бѣтъ неимовѣрно. Это, конечно, очень рекомендуетъ ваше сердце. Такъ, знаете, къ чужому ребенку такое влеченіе почувствовать... Со стороны даже странно.

— Что такое? Я васъ несовсѣмъ понимаю, хмурясь, сказала Олсуфьевъ.

Огнещановъ вдругъ засмѣялся и добродушно похлопалъ князя по животу.

— Ничего, ничего, — я не въ претензіи, сказалъ онъ. — Вы не подумайте, что у меня дурныя мысли на вашъ счетъ. Бываетъ, конечно, нерѣдко, — вотъ еще на прошлой недѣлѣ въ газетахъ было, — что заманиваютъ къ себѣ дѣтей конфетками...

Князю очень захотѣлось взять Огнещанова

за шиворотъ и потрясти изъ стороны въ сторону. Онъ зналъ свою силу,—и зналъ, что это въ значительной мѣрѣ охладило-бы красно-рѣчіе Огнещاپова. Но онъ сдержался и только сказалъ:

— Однако, какой вы...

— Негодяй? подхватилъ Огнещاپовъ — и онять засмѣялся.—Я-съ не негодяй, а скептикъ, и даже хуже—пессимистъ. Смотрю на все-съ сквозь закопченныя очки. Когда я подхожу къ человѣку, то всегда представляю его не чѣмъ инымъ, какъ сосудомъ всякаго зла и скверны. Поэтому никогда въ жизни разочарованъ не былъ. А напротивъ—каждый день меня ждуть очарованія. Вѣдь это очень приятно-съ. Вообразите, подойдешь къ человѣку, почитая его самымъ солиднымъ мерзавцемъ, а онъ оказывается даже совѣмъ порядочнымъ. Ну, и очаруешься и размякнешь.

Онъ насильно поймалъ руку князя и вдругъ чмокнулъ его въ плечико.

— Я по глазамъ вашимъ вижу, что вы человѣкъ правдивый, сказалъ онъ,—и малѣйшая тѣнь подозрѣнія уже васъ волнуетъ. Но, простите, родной, ужь очень я въ людяхъ извѣрился.

— Мнѣ все равно, перебилъ его Олсуфьевъ,—кто вы такой, что вы такое, и рѣшительно все равно, что вы обо мнѣ думаете.

Я знаю, что вы бросили больного ребенка, куда-то ушли. Я считаю это не добродѣтельнымъ поступкомъ.

Огнещиповъ хотѣлъ что-то отвѣтить.

— Нѣтъ, вы мнѣ не отвѣчайте,—мнѣ и это все равно, остановилъ его князь.—Вы мнѣ скажите, берете вы сейчасъ эту дѣвочку или нѣтъ?

Огнещиповъ развелъ руками.

— Какъ-же я могу ее не взять-сь, если и ея законный и кровный родитель? Мать ея сбѣжала-сь. Такъ-таки самымъ обыкновеннымъ образомъ,—съ какимъ-то благороднѣйшимъ рот-мистромъ, который ѣлъ и пилъ у насъ въ домѣ втеченіе года. Въ одинъ прекрасный день забрала она свои юбки и кардонки, сѣла на поѣздъ,—вотъ оставила мнѣ это утѣшеніе, дѣвицу Поликсену,—а сама куда-то въ Ташкентъ закатилась. Да чортъ съ ней,—я не жалѣю-сь.

Онъ вынулъ накрахмаленный платокъ и вы-сморгался — громко и рѣзко, такъ-что даже дѣвочка зашевелилась.

— Женщина — вѣдь она всегда подлець,— продолжалъ онъ.—Съ женщиной никогда никакого дѣла имѣть нельзя. Она мнѣ говорила: я ненавижу твои уши.

Онъ повернулъ къ князю свое огромное, мясистое ухо съ жирной отвислой мочкой.

— А вѣдь ухо, ваше сіятельство, — оно создано природой, — вѣдь это не дѣло рукъ человѣческихъ. Не любишь — не смотри. — Да и зачѣмъ-же замужъ было выходить, вѣдь и у холостого у меня уши были такія-же? Такъ нѣтъ вотъ: пока дѣвицей, хочется хоть за чорта выскочить, а какъ выйдетъ замужъ, такъ и ангель чортомъ кажется.

Онъ, безъ приглашенія, сѣлъ въ кресло рядомъ съ дѣвочкой.

— И Поликсена — двѣ капли на мать похожа. И характеръ — Боже мой, до чего характеръ похожъ на мать! Все молчитъ, молчитъ, и вдругъ взорвется и пойдетъ, и пойдетъ. — Вы знаете, я никогда ихъ пальцемъ не тронулъ обѣихъ. Случалось, что для смиренія на хлѣбъ на воду сажалъ. Это было. Но чтобы ударить — нѣтъ! А и въ этой крохотной дѣвочкѣ уже ненависть ко мнѣ есть. Какъ дѣтки-то ненавидѣть умѣютъ! Душки-то херувимскія, а въ сердчишкѣ-то между тѣмъ ненависть бѣсовская: по глазенкамъ иногда видишь, что просто растерзать-бы тебя хотѣла. А я ее все-же люблю, — всю жизнь ей посвящаю. Ни на кого оставить не хочу.

— Что вы карамазовщину предо мной разводите! грубо сказалъ князь. — Я васъ спрашиваю объ одномъ: берете вы къ себѣ дѣвочку или нѣтъ?

Огнещановъ опять засмѣлся.

— Вотъ вы какой! Сейчасъ Достоевскимъ ругаться начали. А вы знаете-ли, что Достоевскій въ одномъ мѣстѣ своего дневника меня коснулся, — двадцатипятилѣтняго юноши! Гдѣ это, въ какомъ мѣстѣ — не скажу. Но могу сказать, что прозорливецъ былъ Федоръ Михайловичъ, ухъ, какой прозорливецъ. — А дѣвочку, — ужь если вы такъ добры и милы, — я у васъ оставлю. Хотя и неприлично молодому еще человѣку ребенка женскаго пола оставлять, но я передъ короной вашей преклоняюсь — и доврѣяю. Я-съ дома не буду. У меня дѣла-съ. Выйти долженъ.

— А вамъ не жалко ее?

— Жалко-съ. Очень жалко. Ежели она помретъ, я на панихидѣ плакать буду.

Онъ вынулъ бумажникъ.

— Сколько вы изволили доктору дать? Вы изволили говорить, что онъ еще придетъ? Ну, вотъ ему двѣ зелененькихъ. Предовольно. Въдѣ на одномъ корридорѣ-съ.

Онъ протянулъ мокрую руку князю.

— Покорнѣйше благодарю-съ, еще разъ проговорилъ онъ. — Чувствительно тронуть. Чѣмъ-нибудь отплачу-съ.

Онъ началъ, расшаркиваясь, пытаться, къ дверямъ, и только когда ударился о косякъ спиною, — повернулся и вышелъ.

Князю стало безъ него легче. Онъ позволилъ горничную и сказалъ, что Поликсена пока останется здѣсь, что надо къ ней заходить почаще, и чтобъ ему дали сюда въ номеръ обѣдать.

Онъ хотѣлъ сегодня вечеромъ ѣхать. Но случай съ дѣвочкой его стѣснилъ. Онъ не считалъ вправѣ ее бросить. Онъ послалъ записку теткѣ, рассказалъ въ полусутиливомъ тонѣ, какъ онъ попалъ въ сидѣлки. Отъ Вѣлунова принесли пакетъ, въ которомъ оказался нужный министерству отвѣтъ,—въ полученіи „кого“ онъ и расписался въ разсыльной книгѣ.

Дѣвочка приняла сквозь сонъ лѣкарство. Она не жаловалась, не стонала,—а только изрѣдка какъ-то вся подергивалась. Князь поставилъ кресло возлѣ нея, сѣлъ, пригладилъ ей разметавшіеся волосы. Какое-то тихое спокойствіе нашло на него. Та внутренняя болѣзненная дрожь, которую онъ чувствовалъ при мысли о Мери,—больше не возвращалась къ нему. Отъ этого больного ребенка точно вѣяло на него чѣмъ-то такимъ теплымъ, хорошимъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ человѣкъ, и что онъ близокъ ко всемъ живущимъ. Маленькая жизнь, что теплится здѣсь передъ нимъ, въ полутемной комнатѣ, частица одной огромной міровой жизни, что кипитъ на поверхности земли. Одна жизнь зажигается отъ

другой,—и какъ блуждающій огонекъ, то тамъ, то тутъ вспыхиваетъ среди темноты.

Онъ положилъ ея маленькую горѣвшую руку въ свою, и ему показалось, что это его пульсъ бьется, что жизнь у него и у нея общая, и не можетъ быть иной жизни. И Мери была тутъ-же, и она была то-же что эта дѣвочка,—съ такой-же кровью, съ такимъ-же бьющимся сердечкомъ. Онъ понялъ, что жизнь у всѣхъ одна, что всѣ — часть одной жизни, и нѣтъ и не можетъ быть иного существованія.

Онъ слушалъ, какъ тяжело дышетъ ребенокъ, и думалъ, уходитъ-ли эта жизнь изъ тѣла, чтобы вновь соединиться съ первоисточникомъ, или это временное угасаніе жизни? И ему вспомнилось старое поэтическое сравненіе жизни съ водянымъ пузырькомъ, что носится по поверхности воды, отражая въ себѣ солнце, и звѣзды, и лѣса, и горы, и волны; онъ то соединяется съ другими пузырьками, то снова плыветъ одинъ, переливаясь радужной игрою, преломляя въ себѣ солнечные лучи. Наступаетъ мигъ,—онъ исчезаетъ—расплывается въ водѣ, его больше нѣтъ. Почему-же нѣтъ? Онъ былъ водой до своего существованія, былъ водой, пока носился по волнамъ, и теперь распустился въ ту-же воду, чтобы снова возродиться или вѣчно представлять изъ себя матерію для новыхъ возрожденій.

Олсуфьеву стало еще легче. Онъ любилъ уже этого ребенка, но если-бы онъ тутъ сейчасъ умеръ у него на рукахъ, ему показалось-бы это такимъ простымъ и естественнымъ. И если-бы ему сказали, что и самъ онъ долженъ сейчасъ умереть — онъ пошелъ-бы навстрѣчу смерти такъ-же весело и спокойно.

XXXVI.

Письмо къ теткѣ очень скоро дало свои результаты. Не прошло и двухъ часовъ послѣ ухода разсылнаго, какъ явилась пятидесятилѣтняя краснѣющая дѣвица съ докторомъ Ваксманомъ, тѣмъ самымъ, который двадцать-пять лѣтъ назадъ пользовалъ князя, закормленнаго тетушкиными блинами. Ваксманъ посѣрѣлъ, поблѣлъ, но былъ выбритъ такъ-же чисто. Только двадцать пять лѣтъ назадъ у него были рѣдкіе, черные, прокуренные зубы, а теперь были чудесные, бѣлые, ровные. Говорилъ онъ по-русски такъ-же скверно, съ дѣтьми обращался такъ-же мягко, передъ тетушкой князя благоговѣлъ и считалъ всякое ея приказаніе закономъ. Надо правду сказать, что, благодаря ей, онъ не только былъ старшимъ докторомъ дѣтской лѣчебницы, но даже карета, въ которой онъ ѣздилъ, былъ

ея подарокъ. Его осмотръ продолжался недолго: онъ взглянулъ на грудь, на спину ребенка и сказалъ:

— Чичась ко миѣ въ клинику, чичась. Здѣсь нельзя оставаться. И вы, пожалуйста, не подходите къ ней. Я приплю сидѣлку и она перевезетъ.

Родственница въ ужасѣ вскрикнула и выскочила за дверь.

— Но вѣдь сидѣлка, спросилъ, улыбаясь, князь, — будетъ при ней? Отчего-же я долженъ не подходить?

— Ну! протянулъ удивленно докторъ, — сидѣлки — онѣ привыкли. Наконецъ, мы не даемъ ходу ихъ болѣзни. А вы человекъ свѣжій. Вѣдь вотъ мы-же, доктора, все время въ заразномъ отдѣленіи, и ничего.

Князь хотѣлъ дать ему за визитъ. Докторъ въ ужасѣ поднялъ руки кверху.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не полагайте, что возьму!

— А она опасна? спросилъ князь.

— Богъ вѣдываетъ. Тамъ будетъ видать. Посмотримъ. У насъ есть сорокалѣтній опытъ. Можетъ, онъ и поможетъ. Только при первой возможности отправьте.

Сидѣлка явилась къ одиннадцати часамъ, снабженная отъ Вакемана всеми инструкціями. Теперь слѣдовало подождать только господина Огнецапова.

Князь велѣлъ открыть номеръ рядомъ и перешелъ туда. Управляющій гостиницей попентался съ сидѣлкой и очень неодобрительно покачалъ головой, потому что докторъ отдалъ предписаніе о немедленной дезинфекціи дивана. Олсуфьеву она предложила вымыть руки одеколономъ. Ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что въ рукахъ у него какое-то почесыванье и зудъ. Но онъ это приписывалъ больше воображенію.

Въ часъ къ нему постучали и попросили къ больной. Посрединѣ его прежняго номера, въ тепломъ пальто и плюшевомъ картузѣ стоялъ Огнещاپовъ въ самомъ благодушномъ настроеніи и говорилъ сидѣлкѣ:

— А вы премиленькая!

Та огрызалась и требовала выдачи платья для больной. За княземъ послали на подмогу.

— Ха! сказалъ онъ князю, и князь увидѣлъ, что онъ совсѣмъ пьянъ. — Да я вовсе не желаю, чтобъ ее везли въ больницу.

Сонный управляющій строго заявилъ, что онъ этого требуетъ; ему все равно, куда увезутъ дѣвочку, но въ гостиницѣ оставаться она не можетъ.

— Варвары какіе, больного ребенка ворошить! жалобно сказалъ Огнещاپовъ, поворачиваясь за сочувствіемъ къ князю: теперь князь могъ убѣдиться, что онъ совсѣмъ пьянъ.

Тѣмъ не менѣе, черезъ полчаса дѣвочка была увезена въ каретѣ, все время ждавшей у подъ-

ѣзда. Диванъ куда-то вынесли; должно быть во дворъ, чтобы утромъ поставитъ въ другой номеръ. Огнещиповъ сталъ стучаться къ князю и предлагать ему одну, всего только одну бутылочку редерерцу въ благодарность за „гуманное отношеніе“. Но князь сказалъ, что онъ хочетъ спать, и не пустилъ его къ себѣ.

Онъ опять перешелъ въ прежній номеръ, заставилъ пустое мѣсто, гдѣ стоялъ диванъ, стульями, открылъ форточку и долго вдыхалъ свѣжій морозный воздухъ.

— Завтра ѣхать, рѣшилъ онъ и сѣлъ за составленіе докладной записки, на основаніи тѣхъ бумагъ, что съ нимъ были. Теперь ему работалось легко и свободно. Все постороннее далеко ушло отъ него, и онъ всецѣло углубился въ свое писаніе.

Когда онъ кончилъ работу, уже на дворѣ свѣтало и неясныя мерцающія волны разсвѣта тихо заливали сонный воздухъ, мерцая кое-гдѣ по трубамъ и крышамъ. Онъ слышалъ, когда тушилъ на ночномъ столикѣ свѣчу, что улица начинаетъ шевелиться.

XXXVII.

Онъ проснулся въ первомъ часу. На душѣ было спокойно и свѣтло, онъ чувствовалъ бодрость. Сегодня надо было ѣхать. Онъ послалъ

распорядиться купе и билетомъ, одѣлся и поѣхалъ въ клинику.

Тамъ онъ встрѣтилъ Огнещанова. Глаза его были красны, лицо растерянно.

— Плоха Поленька, совсѣмъ плоха, сказалъ онъ. — Ужь не знаю, отъ больницы-ли здѣшней ей стало хуже, или отъ вчерашняго вашего доктора.

Олсуфьевъ спросилъ Вахсмана. Онъ еще въ двѣнадцать часовъ уѣхалъ. Но сидѣлка была тамъ. Она подтвердила, что дѣло совсѣмъ „на убыль идетъ“. Онъ вышелъ на подъездъ больницы, увидѣлъ, что безъ четверти три, и велѣлъ на всякій случай ѣхать къ Варгиннымъ.

Ему сказали, что барышня дома, и что сейчасъ о немъ доложить. Его провели въ ту-же оранжерею, и онъ прямо пошелъ къ знакомому диванчику. Но тамъ никого не было. Онъ сталъ смотрѣть, какъ въ золотистой празелени акваріума плавали какія-то рыбы, а внизу по дну ползалъ черный бархатистый морской звѣрекъ. Струйка фонтанчика тонко дребезжала въ тишинѣ. Гдѣ-то побрякивалъ попугай, котораго въ прошлый разъ онъ не замѣтилъ. Только теперь увидѣлъ онъ, что стѣна, примыкающая къ дому, была расписана декораторомъ и изображала какой-то мавританскій дворецъ на ослѣнительно голубомъ небѣ. Въ домѣ

была тишина—точно все вымерло отъ томящей, гнетущей скуки.

Наконецъ вошла Фима; она была въ пестромъ театральномъ халатикѣ. Лицо было хмурое, брови сдвинуты. Она подала ему руку, мелькомъ взглянула на него и сказала:

— А братъ говорилъ, что вы уѣхали.

Она сѣла на диванчикъ и подогнула подъ себя ноги.

— Я уѣзжаю сегодня, отвѣтилъ онъ.

— Вы обѣдать съ владыкой пріѣхали?

Олеуфьевъ только теперь вспомнилъ, что владыка будетъ обѣдать.

— Нѣтъ, возразилъ онъ, — я пріѣхалъ, чтобы увидѣть васъ.

Она сонно посмотрѣла на него.

— Неинтересно. Я не въ духѣ.

— Я вижу.

— Вчера было еще хуже. Я была страшно зла на себя за то, что... что я была у васъ третьяго дня. Что за распушенность, что за гадость! Зачѣмъ, къ чему это?

— Прошлаго не воротишь.

— Знаю, что не воротишь. Но омерзение къ себѣ у меня такъ велико. Я готова была-бы изрѣзать себя на куски.

Она захватила крѣпкими маленькими зубами кончикъ кружевного платка и разорвала его сверху до низу.

— Въ такія минуты я наказываю себя. Я прихожу къ сестрѣ и говорю: знаешь, что я сдѣлала,—и рассказываю ей все.

— И вы ей сказали? почти воскликнулъ князь.

— Сказала. Она въ такихъ случаяхъ всегда приходитъ въ ужасъ, и начинается рядъ попрековъ. Я плачу,—и въ этомъ все наслажденіе покаянія. Я-бы хотѣла, чтобъ въ такія минуты меня били... Сестра теперь не говоритъ со мной. Къ вамъ она не выйдетъ,—она слышать о васъ не можетъ.

Она прислонилась головой къ высокой спинкѣ дивана и стала похожей на одалиску, обкурившуюся наргиле.

— Во всякомъ случаѣ, лѣниво продолжала она. — если когда-нибудь мы встрѣтимся съ вами,—дайте слово... Вы даете, да? Дайте слово, что вы не узнаете меня.

— Зачѣмъ? удивился онъ.

— Я не хочу, капризно возразила она. — Пусть мы будемъ чуждые, незнакомые люди. Вы дали слово,—и говорить болѣе не о чемъ.

Она взялась за голову.

— Мигрень. Голова точно налита горячимъ словомъ.

Они помолчали.

— А знаете, отчего я у васъ вчера не былъ? спросилъ князь,—и рассказалъ про дѣ-

вочку; онъ старался себя совсѣмъ поставить на задній планъ, а Огнещанова почему-то выставилъ очень занятымъ дѣльцомъ. Она выслушала его небрежно и ничего не сказала.

Онъ всталъ, поцѣловаль ея руку. Она съ гримасой высвободила ее и сказала:

— Прощайте.

Онъ пошелъ не оглядываясь. Ему было больно и неловко. Онъ думаль, что она его окликнетъ, но она его не окликнула. Въ прихожей швейцаръ у него спросилъ:

— Позвольте оставить петербургскій адресъ?

Олсуфьевъ ему сказалъ, онъ записать въ огромную шнуровую книгу. Князь заглянулъ— нѣтъ-ли на первой страницѣ рисунка Васнецова, и вышелъ.

Тетка лежала съ головной болью, и воркующая томно родственница такъ стонала, описывая ея состояніе, что онъ не рѣшился ее тревожить. Онъ просилъ кланяться ей, крѣпко поцѣловать ручку и сказать, что при первой возможности заглянетъ въ Москву.

Воротившись домой, онъ увидѣлъ на письменномъ столѣ небольшой свертокъ. Въ сверткѣ оказалась коробочка ювелира, а въ ней брелокъ съ трилистникомъ изъ яхонтовъ и сапфировъ. Подъ трилистникомъ было вырѣзано число третьяго дня. Несомнѣнно, это было отъ Фимы.

— По-купечески, сказалъ князь.— „Сувенирчикъ“ на память. Это она, вѣроятно, каждому...

Онъ, не раздѣваясь, опять спустился и поѣхалъ на Петровку къ ювелиру. Онъ хотѣлъ сейчасъ-же выбрать ей что-нибудь и послать, но ничего подходящаго не было. Онъ рѣшилъ, что подыщетъ что-нибудь въ Петербургѣ, и снова поѣхалъ домой, чтобы приготовиться къ отъѣзду.

Тамъ ждалъ его Бѣлуновъ; онъ былъ необычайно встревоженъ, и глаза его, обыкновенно неподвижные, метались изъ стороны въ сторону.

— Какъ я радъ, что засталъ васъ! говорилъ онъ, стараясь придать спокойствіе лицу, но это у него не выходило.— Мнѣ очень, очень надо побесѣдовать съ вами по предмету чрезвычайной важности. Вы слышали, что у насъ по министерству готовятся большія перемѣны? Коркуновъ уходитъ.

— Объ этомъ говорятъ уже третій годъ.

— Да, но теперь ужъ навѣрно. Приѣхала изъ Петербурга одна дама, хорошо освѣдомленная обо всемъ этомъ. Она утверждаетъ, что вопросъ его ухода можетъ считаться рѣшеннымъ...

— Можетъ быть, онъ и уйдетъ...

Бѣлуновъ нѣсколько споткнулся, но тотчасъ же оправился.

— Я къ вамъ съ просьбою, мой дорогой князь. Быть можетъ, вы поможете мнѣ...

— То-есть въ чемъ? удивился Олсуфьевъ.

— Мнѣ-бы хотѣлось... получить это мѣсто.

Князь даже назадъ откинулся, такъ-что спинка у стула затрещала.

— Но вѣдь это мѣсто настолько отвѣтственное...

— Ну, чтожь,—я готовъ на все, скромно возразилъ Бѣлуновъ:—меня отвѣтственностью не испугать. Мое нынѣшнее мѣсто тоже отвѣтственное.

Князя сталъ душить смѣхъ. Самоуниженіе этого жиденькаго человѣчка казалось ему чрезвычайно смѣшнымъ.

— Это совсѣмъ не такъ недостижимо, какъ вамъ кажется, продолжалъ Бѣлуновъ.—За меня стоитъ нѣсколько громкихъ голосовъ.

И онъ назвалъ нѣсколько „голосовъ“, изъ которыхъ одинъ былъ даже слишкомъ громкій.

— Если у васъ такая протекція, сказалъ Олсуфьевъ,—при чемъ-же я?

— Ахъ, князь,—мнѣ важно, чтобы мое избраніе сопровождалось извѣстной популярностью. А вопросъ—насколько я популяренъ...

— Я думаю, вы совсѣмъ не популярны. Васъ вѣдь въ Петербургѣ мало кто знаетъ.

— О, отчего-же? Да и, наконецъ, это часто бываетъ,—получаетъ видное мѣсто совершенно

новое лицо. Это, конечно, возбуждает толки и говоръ.

— Такъ что-же, собственно, я вамъ могу сдѣлать?

Бѣлуновъ выразилъ на лицѣ необычайную олейность.

— Собственно, я просилъ-бы васъ только прозондировать почву, — какъ-бы было воспринято мое назначеніе? Каковъ vox populi, такъ сказать?

Князя онъ начиналъ выводить изъ себя.

— Я могу вамъ сообщить мнѣніе нашего экзекутора, моего секретаря и нашего бухгалтера, сказалъ онъ. — Но достаточно-ли будетъ это для васъ?

Бѣлуновъ заложилъ одну тоненькую ножку за другую.

— Вы шутите, князь, — я знаю ваши связи. Вы не хотите, — это другое дѣло. Мнѣ важно, напримѣръ, мнѣніе Ивана Петровича. И... его супруги.

— При чемъ-же супруга?

— А, Боже мой! при многомъ. Есть люди, поддающіеся вліянію женщинъ.

— Вы вѣдь не женаты?

Бѣлуновъ дернулъ всѣмъ туловищемъ, точно попалъ подъ электрической токъ.

— О, нѣтъ, сказалъ онъ. — И не собираюсь. Я слабъ здоровьемъ.

Онъ даже сказалъ вмѣсто слабъ „слабъ“, чтобы показать свою слабость.

— Можетъ быть, современемъ, когда-нибудь, поправился онъ.—Но теперь это немыслимо. Но я знаю, какое странное воздѣйствіе на мужчинъ имѣютъ женщины. Я когда-то вліялъ на женщинъ игрою на фортепiano. Онѣ мнѣ всегда говорили, что у меня несравненное тушѣ, что такое тушѣ было только у Николая Рубинштейна, не у Антона, а у Николая. Я, право, готовъ былъ-бы взять отпускъ и показаться на мѣсяцъ въ салонахъ, чтобы вспомнили тамъ мою игру. Можетъ быть, это помогло-бы. Вотъ и Левъ Толстой говорить, что музыка дѣйствуетъ и очень сильно на нервныя натуры.

Когда князь услышалъ, что дѣло дошло до Толстого, онъ не выдержалъ и всталъ.

— Извините, мнѣ надо запереть чемоданъ, сказалъ онъ.

— Позвольте мнѣ надѣяться, говорилъ Бѣлуновъ, мягко сжимая мягкой рукой его руку и щура свои маленькіе глазки,—позвольте надѣяться, что по старой школьной дружбѣ я могу на васъ рассчитывать.

Князь считалъ необходимымъ хранить „школьныя традиціи“ и тащить своихъ школьныхъ товарищей за уши вслѣдъ за собою. Но Бѣлуновъ ему былъ какъ-то особенно противенъ,

и въ сущности онъ былъ-бы очень счастливъ, еслибъ у него уши оборвались,—а самъ онъ полетѣлъ назадъ, въ то канцелярское болото, гдѣ онъ игралъ столь видную роль.

XXXVIII.

Въ Петербургѣ князя встрѣтила оттепель. Теплый морской вѣтеръ дулъ съ запада; подъ его дыханіемъ быстро чернѣлъ снѣгъ и бѣжалъ потоками ржавой воды по трубамъ. Сани виднѣлись только кое-гдѣ и тяжело шваркались подрѣзами о камень. Стучали дрожки, звенѣли ломы, откалывающіе снѣгъ, шуршали метлы. Дома были поружѣвшіе, съ сырыми огромными пятнами. И всетаки, послѣ Москвы, ему городъ показался чище, шире и лучше.

Переодѣвшись дома, князь поѣхалъ въ министерство. Первый, кого онъ встрѣтилъ, проходя къ себѣ въ кабинетъ, былъ Невмятулинъ. На немъ еще не было форменнаго фрака, и онъ ходилъ въ потертомъ широкомъ сюртукѣ.

— Ну, поздравляю, сказалъ ему князь.

Невмятулинъ сухо пожалъ ему руку.

— Какіе безпорядки здѣсь у васъ, морщась, сказалъ онъ.—Ну, да я всехъ подтяну, и начальство, и мелюзгу. Распустились. Хожу

второй день, и у меня уже составилась планъ докладной записки министру.

— Скоро.

— Да вѣдь это видимое дѣло, — слѣпая курица увидѣла-бы. Я не знаю, что вообще всё здѣсь дѣлають. Погодите, я живо все поверну.

Князь не безъ удивленія оглядывалъ его фигуру и думалъ, — вотъ-бы его назначить помощникомъ къ Бѣлунову. Они съѣли-бы другъ друга, — только перышки остались-бы.

Онъ пошелъ-было, но Невмятулинъ его остановилъ:

— Ахъ, князь, небрежно сказалъ онъ, закладывая руки въ карманы панталонъ. — Меня просили сообщить вамъ слѣдующее: редакция даетъ сегодня нашему издателю обѣдъ, въ благодарность за его гуманное отношеніе къ насущнымъ вопросамъ. Такъ, быть можетъ, вы, какъ сотрудникъ до извѣстной степени, присоединитесь. Если хотите, я запишу?

— Запишите, сказалъ князь и пошелъ въ свой кабинетъ.

Секретарь ему обрадовался.

— Скучно безъ васъ, наивно сказалъ онъ. — Да и вопросы кой-какіе скопились.

— А ну-ка, давайте ихъ рѣшать.

Онъ сѣлъ къ столу, пододвинулъ къ себѣ кучку бумагъ и сталъ просматривать привыч-

нымъ наметаннымъ взглядомъ, слушая въ то-же время объясненіе секретаря.

Иванъ Петровичъ тоже ему обрадовался.

— Ужь вернулись? весело спросилъ онъ, когда князь вошелъ къ нему въ кабинетъ.— Что старушка-тетушка? Скрипитъ еще?

— Тетушка—молодцомъ, отвѣтилъ князь.

— И мокаетъ корочку отъ бѣлаго хлѣба въ хересь? Все по-прежнему? Въ маленькую рюмочку хереса, и тоненькіе ломточки хлѣба?

— Все по-прежнему.

Князь подаль отъзывъ, привезенный имъ изъ Москвы,—тотъ, что онъ получилъ отъ Бѣлунова. Его совѣтъ не надо было показывать Ивану Петровичу, а просто передать директору. Но ему хотѣлось заговорить о Бѣлуновѣ.

— Какой это чиновникъ, — просто подзаборный червякъ, морщась, сказалъ Иванъ Петровичъ. — Извивается, скользкій такой... Его тянутъ какіе-то тощіе молодые люди въ короткихъ пиджакахъ. Въ немъ есть, очевидно, скрытыя достоинства, намъ съ вами невѣдомыя.

Князю было пріятно то, что говорилъ Иванъ Петровичъ. Онъ спросилъ, какъ здоровье его домашнихъ.

— Да пройдите къ нимъ, онѣ завтракаютъ совѣтовалъ Иванъ Петровичъ. — Онѣ очень

рады вамъ будутъ. Машенька кисла всѣ эти дни.

Князь воспользовался предложеніемъ и сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ къ двери, когда Иванъ Петровичъ остановилъ его.

— Скажите, что это за странный фруктъ вашъ Невмятулинъ? спросилъ онъ. — На второй день службы заявляетъ о желаніи меня видѣть. Я его принимаю, и вдругъ онъ мнѣ начинаетъ изъяснять формальный доносъ. Что это, приращенное у него?

Олеуфьевъ сказалъ, что съ этой стороны совершенно его не знаетъ.

Анны Федоровны дома не оказалось: она только-что уѣхала въ церковь. Барышня была дома и просила подождать.

Князь испытывалъ странное волненіе. Онъ былъ увѣренъ, что вотъ сейчасъ Мери войдетъ, и произойдетъ что-то рѣшающее, безповоротное.

Но вошла горничная и сказала, что барышня просить въ ихъ комнату. Это его удивило, — ея комната была какая-то святая святыхъ, куда никто не входилъ. По крайней мѣрѣ, онъ тамъ никогда не былъ, и даже не зналъ какого цвѣта тамъ обои.

XXXIX.

Онъ вошелъ въ небольшую комнату, перегороденную драпировкой на двѣ части. На мягкомъ, тонкомъ коврѣ стояла простенькая мебель стиля имперіи. У письменнаго стола, въ широкомъ креслѣ сидѣла Мери, закутанная въ большую шаль. Она похудѣла, осунулась, и глаза расширились и горѣли лихорадочно.

— Видите, нездорова, — сказала она, силясь улыбнуться и протягивая ему руку.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Не знаю.

Въ лицѣ ея было какое-то безнадежное, тупое отчаяніе. Синева подъ глазами оттѣняла ея жесткій, холодный взглядъ, какого онъ никогда не замѣчалъ раньше.

— Получили вы мое письмо? вдругъ сказалъ онъ.

Она опустила глаза.

— Да.

Кромѣ этого „да“, она ничего не сказала. Но это „да“ — не сулило ему ничего утѣшительнаго. Онъ понялъ, что она не отвѣтитъ на него, какъ онъ хотѣлъ-бы, чтобъ она отвѣтила.

— Ваше письмо, начала она послѣ небольшого молчанія, поднимая на него глаза, —

лучшее, что есть у меня. Мнѣ оно дорого. Я цѣню его. Но...

Она тяжело передохнула.

— Но забудьте меня, оставьте меня. Я никому не нужна,—и болѣе всего я не нужна вамъ. Я давно уже умерла. Да, я не брежу. Я кажусь только живой—хожу, говорю, ѣзжу въ театръ, слушаю, что говорятъ другіе, но я мертва. Внутри меня все умерло, и ни одной живой искры во мнѣ нѣтъ. Я не хочу жить. Меня ничто не манитъ...

Онъ невольно вспомнилъ Фиму и то, что она говорила ему два дня назадъ. Что-то общее, родное было въ этихъ двухъ женщинахъ: въ сангвинической, подвижной, страстной,—и этой холодной, замершей въ сознаниі невозможности жить.

Она еще плотнѣе закуталась въ платокъ, точно вся ушла въ него. Видно было, какъ нервно и томительно вздымалась подъ платкомъ ея грудь.

— Забудьте меня, повторила она.—Чѣмъ ближе вы ко мнѣ подходите, тѣмъ мучительнѣе и ужаснѣе мое существованіе. Я уже сказала вамъ, что люблю васъ,—и больше я ничего не скажу. А затѣмъ — умоляю васъ, оставьте меня.

— Марья Валентиновна, заговорилъ князь:— я вѣдь знаю все.

Лицо ея совсѣмъ помертвѣло. Подбородокъ судорожно дрогнулъ, даже губы побѣлѣли.

— Что вы знаете? прошептала она.

— Я знаю все...

Она ничего не отвѣтила. Они долго молчали. Стыдъ, горечь какой-то неясной обиды, сожалѣніе и презрѣніе къ себѣ,—все это, одно на смѣну другого, поднималось въ ней и кружилось вокругъ, какъ зловѣщія, хищныя птицы.

Она встала.

— Оставьте меня. Если вы не уйдете, не оставите... то мы съ вами никогда не увидимся. Что вамъ надо отъ меня? Пожалѣйте меня. Не мучьте. Я дошла по предѣла дальше мнѣ итти некуда. Я стою на краю. Еще одинъ толчокъ—и все будетъ кончено.

Онъ оглянулся вокругъ. На столѣ лежалъ револьверъ, въ отворенномъ плюшевомъ чехлѣ, выставляя изъ него перламутровую ручку.

— Дайте мнѣ его, сказалъ онъ.—Вы въ такомъ настроеніи... не надо, чтобъ онъ вернулся вамъ подъ руку.

Она взглянула на него какъ на ребенка, который сказалъ что-то невообразимо-дѣтское.

— Возьмите, проговорила она, и какая-то отдаленная загадочная улыбка проскользнула по ея лицу.—Еслибы можно было такъ легко устранить все съ пути, продолжала она,— всѣ

пренятствія?.. Положить въ карманъ и успокоиться...

Онъ всетаки взялъ футляръ, закрылъ его и спряталъ.

Она подошла къ нему.

— Прощайте, сказала она. — Желаю вамъ всего хорошаго, всего, что только можно пожелать. Я думаю, вы стѣдите счастья, потому что вы лучше многихъ. Ну, довольно, — у меня нѣтъ больше силъ. Прошу васъ, уйдите. Прощайте.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней. Она отступила.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ какимъ-то отчаяніемъ воскликнула она; — нѣтъ! Нѣтъ, ради Бога!

Ея лицо выражало боль, ужасъ, тоску.

— Прощайте, сказалъ онъ и вышелъ.

„Что-же это такое, — такъ жить нельзя, думалъ онъ. — Надо покончить со всѣмъ этимъ. Голова горитъ, все путается“.

Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ курьеру, что онъ занятъ. Онъ присѣлъ къ столу и сдавилъ виски руками.

— Конецъ, конецъ всему! сказалъ онъ. — Зачѣмъ-же я жилъ этими иллюзіями, — какъ мальчишка, какъ недоучившійся гимназистъ!

Злоба охватила его, злоба — на себя, на все окружающее, на эти стѣны, на горшки съ пальмами, зачѣмъ-то поставленные въ его кабинетъ, на глупую высокую печку, которая

могла-бы быть гораздо ниже, — на эти дѣла въ синихъ обложкахъ, на желтый ясеневый шпашъ, грузно и приземисто стоявшій противъ печки. Еще глупѣе казалась пожелтѣвшая карта Россіи съ яркими линіями границъ, — висѣвшая уже третій годъ неизвѣстно по какой причинѣ.

— Здѣсь нельзя заниматься, нельзя! сказалъ онъ вслухъ, и самъ удивился на странный глухой голосъ.

Курьеръ доложилъ, что его хочетъ видѣть господинъ Невмятулинъ.

— Этому что надо? подумалъ онъ и велѣлъ просить.

Невмятулинъ вошелъ съ напускной озабоченностью. Лицо выражало скорбь и тихую меланхолю.

— Что скажете? отрывисто спросилъ Олсуфьевъ, перелистывая дѣло и мимоходомъ взглянувъ на него.

— Я, кажется, уйду отсюда, сказалъ онъ.

— Что-жь, уходите, совершенно равнодушно замѣтилъ князь.

Это, повидимому, поразило Невмятулина: онъ не ожидалъ такого сочувствія въ своихъ предначертаніяхъ.

— Невозможно! продолжалъ онъ уже нѣсколько упавшимъ голосомъ. — Что это за отношеніе къ дѣлу! Всеъ занимаются личными

вопросами и никто не дѣлаетъ дѣла ради его самого.

— Вы преувеличиваете, сказалъ князь, чувствуя особенное удовольствіе возражать на все, что-бы ни сказалъ Невмятулинъ. — Здѣсь служащіе очень добросовѣстно относятся къ дѣлу, — я давно служу и знаю.

— Ну, что на вашъ взглядъ добросовѣстно, — то на взглядъ другихъ — гнусно, рѣзко сказалъ Невмятулинъ.

— Мнѣ кажется, вы плохо отдаете себѣ отчетъ въ значеніи тѣхъ словъ, что произносите, замѣтилъ Олсуфьевъ.

Невмятулинъ вспыхнулъ.

— Я всегда отдаю себѣ полный отчетъ во всемъ, что говорю и дѣлаю, возразилъ онъ, возвышая голосъ. — Не хотите-ли посмотреть, что дѣлается въ кабинетѣ Колокольцева? Тамъ занимаются гимнастикой.

— Знаю. Это очень здорово отъ застоевъ крови. Тамъ виситъ на стѣнѣ гуттаперчевая гимнастика. Я-бы совѣтовалъ и вамъ заняться тѣмъ-же.

— Нѣтъ, благодарю васъ, иронически улыбаясь возразилъ Невмятулинъ. — Я не знаю ничего нелѣпнѣе комнатной гимнастики — пустая трата силъ на совершенно безцѣльную работу. Впрочемъ, я шель сюда совсѣмъ не за этимъ.

Онъ перемѣнилъ тонъ и опять сталъ серьезнымъ.

— Я сказалъ по телефону, что вы будете на обѣдѣ. Можно быть запросто въ сюртукѣ, даже въ пиджакѣ. Это совершенно не официально. У многихъ изъ членовъ редакціи даже совсѣмъ нѣтъ фрака.

— Хорошо я приду такъ, сказалъ князь и помакнувъ перо, сдѣлалъ видъ, что хочетъ писать.

Невмятулинъ закурилъ папиреску, подошелъ къ окну, посмотрѣлъ въ него, презрительно сморщился и съ дѣловымъ видомъ вышелъ.

XI.

Обѣдъ былъ назначенъ въ половинѣ седьмого. Но съѣзжаться стали гораздо раньше, — одинъ изъ сотрудниковъ забрался за цѣлый часъ и успѣлъ соснуть на диванѣ. У всѣхъ лица были голодныя, — и многіе поглядывали плотоядно на водки и закуски, потирая ладони и нервно переминаясь съ ноги на ногу. Говора не было слышно, — перекидывались недобрительными замѣчаніями и съ грустью говорили, что придется подождать виновника торжества.

Виновникъ пріѣхалъ съ феноменальной точностью, аккуратно въ половинѣ седьмого. Его встрѣтили аплодисментами, и онъ кланялся

пріятно озираясь, какъ-будто сотрудники его были не давно пріѣвшіеся люди, а какіе-то невѣдомые привозные звѣри. Лысина издателя сегодня блестяла такъ, будто онъ, спеціально для обѣденнаго торжества, дважды покрылъ ее лакомъ. Тугіе крахмальные воротнички держали его голову какъ въ желѣзномъ ошейникѣ, и ею онъ не могъ ворочать. Его вся фигура выражала полное довольство и достоинство: онъ отлично понималъ, что вполне заслужилъ за свои доблести сегодняшнее торжество.

Тотчасъ-же приступили къ закускѣ. Татары-касимовцы давно уже не видѣли у гостей такой прозорливости. Они какъ саранча накинулись на все, что было поставлено на столѣ. Безъ всякаго разбора. Рюмки зазвенѣли; сухой балыкъ, искусно подсунутый на край стола, исчезъ такъ-же быстро, какъ и сочная бѣлорыбца. Издатель спросилъ англійской мятной. Ему принесли бутылку, налили рюмочку и тотчасъ-же унесли,—а гостей оставили при рябиновой, англійской и очищенной. Толстый критикъ немедленно облилъ себѣ грудь провансалемъ и началъ говорить съ саперомъ о количествѣ ружей новѣйшей системы, заказанномъ для китайской арміи. Кусокъ бѣлаго хлѣба, застрявшій въ бородѣ критика, отчаянно бился, силясь выбраться изъ чащи волосъ на свѣтъ Божій, но совершенно безуспѣшно.

Издатель, какъ человѣкъ болѣе натасканный въ вопросахъ ресторанныхъ обѣдовъ, замѣтилъ, что сотрудники ужь слишкомъ налегли на закуски, и весело замѣтилъ:

— Господа, оставьте мѣсто для обѣда. Быть можетъ, и за столъ пора?

Задвигались стулья. Касимовцы сразу почувствовали презрѣнiе къ обѣдающимъ, особенно когда тощiй беллетристъ взялъ съ собою бутылку водки, поставилъ передъ приборомъ и громко заявилъ, что ничего кромѣ нея пить не будетъ.

— Я не люблю этихъ важныхъ рестораторовъ, сказалъ ему въ тонъ Невмятулинъ, засовывая салфетку за воротъ. — Насуютъ чортъ знаетъ сколько всего на закуску, а потомъ ѣсть не хочется.

Князь сѣлъ рядомъ съ маленькимъ, черненькимъ господиномъ, который назвалъ себя Конейщиковымъ и отрекомендовался художественнымъ критикомъ. Лицо у него было острое, движенiя быстрыя, — онъ такъ двигалъ руками, точно мухъ ловилъ. По другую сторону его сѣлъ извѣстный беллетристъ Дедюковъ, съ которымъ князь давно былъ знакомъ, но въ редакцiи никогда не видѣлъ. Дедюковъ былъ въ смокингѣ и, какъ всегда, отличался удивительной жизнерадостностью. Услышавъ, что сказалъ сидѣвшiй черезъ столъ отъ него Невмятулинъ, онъ спросилъ его:

— А вы греческія кухмистерскія предпочитаете?

— Ну, вы аристократъ! переводя все на шутку возразилъ Невмятулинъ. — Гдѣ намъ за вами: вы небось отъ Кюба не выходите. А мы грѣшныя предпочитаемъ бараній бокъ съ кашей, соляночку, да растеган, да ветчину съ горошкомъ.

— Что-же, и это дѣло хорошее, согласился Дедюковъ.

— Вѣдь вы здѣсь у насъ, продолжалъ Невмятулинъ, — рѣдкій гость: вы не нашъ. Мы все здѣсь газетныя крысы.

— Меня только въ рождественскій и пасхальный номеръ зовутъ, какъ генерала на купеческую свадьбу, подтвердилъ Дедюковъ.

— Для каждаго дня вы не по зубамъ, заявилъ издатель, поправляя брилліантовую пуговку на рубашкѣ. — За разсказъ въ двѣсти восемь строкъ взялъ двѣсти пятьдесятъ рублей! Это такой, знаете, гонораръ... Вонъ Логиновъ (онъ кивнулъ головой на народника) тотъ по пятнадцати копеекъ за строку пишетъ. Такъ это еще дышать можно.

— У него больше публицистики, чѣмъ беллетристики, сказалъ Дедюковъ.

— У меня даже больше статистики, подтвердилъ Логиновъ.

— Вдобавокъ онъ сорокъ фельетоновъ вамъ

въ годъ напишетъ:— „Голодуха“, „Голодовка“, „Голодецъ“, „Голодокъ“ ...—не безъ ехидства сказалъ Дедюковъ.—А вѣдь гуртомъ дешевле.

Стали разносить супъ: неизбѣжный бискъ съ крохотными пирожками. Невмятулинъ потребовалъ себѣ щей.

— Какъ они у васъ называются, сказалъ онъ касимовцу,—потафе или супошу? Только тащите, милый другъ, скорѣй.

— Давайте сразу пить шампанское? шепнулъ Дедюковъ князю.—А то подадутъ за жаркимъ чортъ знаетъ что.

— Давайте, согласился князь.

— Это непорядокъ! заволновался Невмятулинъ, когда хлопнула пробка.—Что вы точно инженеры,—шампанское сейчасъ послѣ супа...

— А чѣмъ я хуже инженера? спросилъ Дедюковъ.

Издатель былъ очень доволенъ. Онъ вообще былъ неразговорчивъ, и въ сущности къ литературѣ былъ человѣкъ мало причастный. Лучшее и сильнѣйшее его произведеніе—было условія подписки, печатавшіяся въ заголовкѣ каждаго номера его газеты. Но онъ любилъ общество литераторовъ, и его пріятно щекотала мысль, что литераторы не только обѣдаютъ съ нимъ, да еще и платятъ за него. Въ сущности, большинство изъ членовъ своей редакціи онъ не считалъ за литераторовъ.—но неболь-

шой кругъ избранныхъ тѣмъ ярче блисталь своимъ созвѣдіемъ. Довольство издателя выражалось тѣмъ, что онъ ежеминутно подносилъ руку къ тому карману, гдѣ у него лежалъ бумажникъ, и удостовѣрялся — тутъ-ли онъ,—не вытащили-ли его какъ-нибудь. Сознаніе, что онъ цѣль, приводило его въ самое пріятное настроеніе, и онъ мило улыбался направо и налево.

Подавали неизбѣжную „соль по-нормандски“. Невмятулинъ замѣтилъ, что осетрина всегда дастъ этой „соли“ двадцать очковъ впередъ. Поэтому Дедюковъ положилъ себѣ два куска и громко сказалъ, что это лучшая въ Европѣ рыба, хотя въ Африкѣ онъ ѣлъ еще болѣе интересное рыбье мясо. Народникъ сказалъ, что нельзя говорить „интереснѣе“, когда дѣло идетъ о мясѣ. Беллетристъ утверждалъ, что чѣмъ болѣе эпитетовъ, тѣмъ красочнѣе языкъ, а краски въ языкѣ—первое дѣло. Кто-то попросилъ позволенія курить, ссылаясь на то, что дамъ нѣтъ. Беллетристъ и тутъ возразилъ, и довольно рѣзко, хотя и не очень громко,—въ томъ смыслѣ, что если дамъ нѣтъ, то можно вести себя хамами. Воскресный фельетонистъ, человекъ очень мрачный, замѣтилъ, что хотя куреніе привычка,—а вообще отъ привычекъ надо отвѣкать, — но, тѣмъ не менѣе, куреніе есть разумный самогипнозъ, который подымаетъ

общую нервную дѣятельность, хотя лично онъ не курить, такъ-какъ его мать, умирая, закланала его не курить. Издатель на это сказалъ, что прежде курили только Жукова, что было очень пріятно. На это никто не возразилъ.

Татары изъ плотно спеленутыхъ бутылокъ налили какой-то желтоватой газированной жидкости. Редакторъ изданія, господинъ съ очень большимъ лбомъ и маленькими глазами, поднялся со своего мѣста и постучалъ ножомъ о тарелку.

— Многоуважаемый Петръ Петровичъ! началъ онъ, и тутъ многіе впервые узнали, что издателя зовутъ Петромъ Петровичемъ. — Многоуважаемый Петръ Петровичъ, — я...

Тутъ внезапно произошло пауза. Писатели вообще не мастера говорить, — а при той шепелявости, которой обладалъ редакторъ, — онъ совсѣмъ говорилъ скверно.

— Я... продолжалъ онъ. — Я долженъ извиниться за то, что отчасти я, быть можетъ, скажу что-нибудь не совсѣмъ ясное и связное. Виной этому — нѣкоторая неподготовленность, происшедшая отъ той стремительной, скажу даже головокружительной быстроты, съ которой...

Слова эти редакторъ выпиралъ изъ себя настолько медлительно, точно выталкивалъ изъ колодца тяжелыя ведра.

— Г... продолжалъ онъ, — объѣдъ,

вѣрнѣе—идея обѣда, созрѣла въ насъ съ головокружительной стремительностью, — и я не имѣлъ рѣшительно времени подготовиться. Тѣмъ не менѣе, я позволю себѣ сказать слѣдующее. Нашъ достоуважаемый патронъ являетъ собою рѣдкій примѣръ... я не скажу — дѣльца, или дѣятеля, или представителя крупнаго оригинальнаго дарованія. Нѣтъ, онъ являетъ собою рѣдкій примѣръ... Вы, конечно, догадываетесь, что я хотѣлъ сказать?.. Онъ являетъ рѣдкій примѣръ челоуѣка. Петръ Петровичъ—челоуѣкъ!

Татары, замершіе съ тарелками по стѣнамъ, вздрогнули при столь привычномъ восклицаніи и метнули глазами на оратора. Издатель сидѣлъ, съ трудомъ подавляя радостное волненіе. Онъ очень былъ радъ, что говорили въ честь его рѣчи.

А редакторъ говорилъ долго. Но, впрочемъ, онъ больше „челоуѣка“ ничего не сказалъ, — и все только повторялъ это слово во всѣхъ надеждахъ. Конецъ рѣчи былъ совсѣмъ не эффектенъ, и она кончилась чрезвычайно длинной паузой, послѣ которой редакторъ сперва высморкался, а потомъ неожиданно сѣлъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ закричали и стали пить газированную жидкость.

Издатель всталъ.

— Милостивые государи! сказалъ онъ. —

Или нѣтъ: — дорогіе мои сотрудники! Или еще разъ нѣтъ: милые друзья мои! Мое сердце переполнено, къ глазамъ подступаютъ слезы, языкъ меня не слушаетъ. Я не ораторъ. Но увѣряю васъ — чувства моя искренни. — повѣрьте!

Тутъ восторгъ сдѣлался всеобщимъ.

— Отчего всегда на обѣдахъ говорятъ такую непроходимую ерунду? спросилъ Дедюковъ у сосѣда. — Сколько я перевидалъ и переѣлъ литературныхъ обѣдовъ, и никогда не слышалъ маломальски порядочно сказанной рѣчи.

— А что-же вы сами не говорите? спросилъ Олсуфьевъ.

— Я предоставляю это другимъ, — по-моему нѣтъ ничего пошлѣе застольной рѣчи. Только апетитъ отбиваютъ.

— Не въ этомъ дѣло, сказалъ Конейниковъ, — совѣмъ не въ этомъ. Есть много вопросовъ гораздо болѣе существенныхъ и захватывающихъ самый корень нашего міросозерцанія.

И онъ мрачно умолкъ.

XLI.

Вторымъ долженъ былъ говорить критикъ-публицистъ.

— Милостивые государи, сказалъ онъ. —

Мы присутствуемъ при мирномъ праздникѣ — праздникѣ силы свѣта. Пресса — это двигатель и сила умственной націи. Количество газетъ и журналовъ прямо пропорціонально развитію интеллигенціи въ данной мѣстности. Пресса — высшій показатель духовной жизни народа. Мы счастливы, — да, господа, мы счастливы тѣмъ, что принадлежимъ къ этой великой кастѣ, къ кастѣ жрецовъ мысли. Что намъ чиниться? Передъ кѣмъ намъ притворяться? Мы — лучшіе соки земли. Мы — ея будущее. Отъ насъ народъ въ своей массѣ ждетъ свѣта и истины...

— Скромно сказано, слышалось гдѣ-то въ сторонѣ.

— Да, повторилъ критикъ, — я уже сказалъ, что скромность здѣсь неумѣстна. Будемъ говорить прямо: нашъ органъ служить лучшимъ, величайшимъ, передовымъ цѣлямъ. Мы хранимъ огонь на этомъ дивномъ алтарѣ, — мы весталки этого алтаря...

— На Тарпейскую скалу его! опять раздалось откуда-то.

— И вотъ, господа, среди насъ, продолжалъ ораторъ, дѣлая видъ, что онъ не слышалъ непріятнаго возгласа, — въ нашей тѣсной, дружно-сплотившейся семьѣ, цементомъ, объединяющимъ нашу постройку, является многоуважаемый Петръ Петровичъ.

„Цементъ“ посмотрѣлъ на оратора и улыбнулся.

— Онъ не литераторъ, продолжалъ критикъ, — но въ немъ есть то, что составляетъ необходимую принадлежность каждаго литератора: чуткость. Въ немъ есть тотъ нюхъ, который позволяетъ ему съ геніальной... да, господа, я не стыжусь этого слова, — съ геніальной прозорливостью избирать своихъ сотрудниковъ. Посмотрите, какъ умѣло и тонко онъ умѣетъ привлечь, стянуть къ своему уважаемому органу тѣ силы, которыя составляютъ славу и украшеніе нашего журнальнаго міра. Пусть онъ незамѣтенъ для читающей публики, пусть онъ невидимъ, какъ невидимъ прохожему цементъ, связывающій кирпичи. Тѣмъ не менѣе, мы-то, господа, мы хорошо знаемъ, что такое Петръ Петровичъ. И потому, господа, я предлагаю тостъ за эту великую связующую среду, за этотъ великой важности государственный цементъ. Петръ Петровичъ, ваше имя не умретъ въ лѣтписяхъ русской журналистики, а займетъ одну изъ блестящихъ страницъ. Будущій историкъ укажетъ на то обстоятельство, что вы, будучи богатымъ, свободнымъ человекомъ, вмѣсто того, чтобы помѣстить свой капиталъ въ какое-нибудь большое, выгодное предприятие, рискнули на такое невѣрное дѣло, какъ изданіе газеты. Пусть вы разоритесь, пусть вы

останетесь наги и нищи, но вы не будете никогда нищи духомъ, и ваше имя всегда останется чистымъ, свѣтлымъ и незапятнаннымъ. Господа, я пью за здоровье Петра Петровича!

Раздалось „ура“, — опять задвигались стулья, зачокались бокалы, опять „цементъ“ долженъ былъ краснѣть отъ радости, кланяться и благодарить.

— Можно-ли говорить такія идиотическія рѣчи? спросилъ Дедюковъ, наклоняясь къ князю и поднимая съ пола упавшую салфетку.

Разговоры становились все шумнѣе. Черненькій Копейщиковъ спросилъ тоже бутылку шампанскаго, чтобъ отплатить за бутылки князя и беллетриста. Онъ все хмурился и шипѣлъ, какъ самоваръ, который собирается закипѣть. Онъ очень быстро пьянѣлъ, — и вино возбуждало его. Онъ нервно барабанилъ пальцами по столу и все бормоталъ про себя.

— Дико, дико, — восемьдесятъ разъ дико!

Послѣ рѣчи критика-публициста издатель началъ цѣловаться съ нѣкоторыми изъ сотрудниковъ. Это обозначало уже значительный градусъ подпитія. Артишковыхъ никто не ѣлъ, кромѣ Невмятулина, который макалъ въ соусъ лепестки жирными толстыми пальцами съ близко обкусанными ногтями. Многіе съѣли къ столу бокомъ. Придворный поэтъ Петра Петровича прочелъ стихотвореніе, только-что имъ нани-

санное на оборотной сторонѣ меню, которое начиналось такъ:

Пока намъ подавали дичь —
Тетеревовъ и утокъ, —
Во мнѣ созрѣлъ вотъ этотъ спичъ..

„Спичу“ смѣялись и аплодировали, даже иные потянулись его списывать. Кто-то предложилъ похлопотать объ измѣненіи законовъ о печати — но всѣ посмотрѣли на оратора недо-вѣрчиво и никто даже не похлопалъ.

Вдругъ раздался рѣзкій стукъ по тарелкѣ, и громкій, энергичный голосъ покрылъ весь смутный гулъ восклицаніемъ:

— Господа!

Копейщиковъ — блѣдный, возбужденный, — стоялъ на своемъ мѣстѣ и ожесточенно стучалъ ложкой по краю тарелки.

Все притихло. Никто не ожидалъ, что такой маленькій и на видъ скромный человекъ могъ издавать такіе рѣзкіе звуки.

— Господа, повторилъ онъ. — Здѣсь много говорилось рѣчей. Здѣсь много было восхваленій самихъ себя и Петра Петровича. Очень можетъ быть, что и сами говорившіе, и самъ Петръ Петровичъ достойны такого восхваленія. Но я не объ этомъ хочу сказать.

Критикъ-публицистъ шикнулъ. Его остано-вили.

— Дайте ему договорить! слышались голоса.

— Дайте мнѣ договорить, подтвердилъ Копейщиковъ, презрительно глядя на шикальщика.— Повторяю, все сказанное здѣсь можетъ быть и очень хорошо, но для меня нисколько не интересно. Иной тостъ, господа, предложу я вамъ. Мы живемъ наканунѣ новаго великаго вѣка. Старые обломки минувшаго—развалины, среди которыхъ мы блуждаемъ, не сегодня-завтра рухнутъ. Новый свѣтъ, новая заря, новая земля, новое небо идетъ имъ на смѣну. Всюду, вездѣ слышно обновленіе. Подъ снѣгомъ гулко шумять и ревутъ вешнія воды и говорятъ о великой силѣ обновленія, что надвигается на насъ, какъ свѣтлый посланецъ Бога. Посмотрите—уже въ литературѣ тамъ и сямъ чувствуются новые всходы, согрѣтые новой, великой любовью. Посмотрите на наши выставки, на наши картины. Посмотрите, сколько новаго вдохновенія, сколько истинной силы духа принесла расцвѣтающая молодежь. Посмотрите, какъ стали блѣдны, какъ потускли прежніе мастера передъ ними. Это новое небо! новая земля! Мы—жалкіе, ничтожные пигмеи, прахъ, глина,—мы счастливы, мы безконечно счастливы, потому-что новое откровеніе ниспосылается намъ. Чувствуете вы этотъ влажный ароматный вѣтерокъ, весь напоенный свѣжестью и запахомъ

ландышей—этихъ серебрястыхъ дѣтей весны? Дышите имъ, дышите полною грудью! Ряды поколѣній, что остались позади насъ, не знали такого восторга. Навстрѣчу солнцу, навстрѣчу правдѣ! За нихъ мой бокалъ, поднятый вверхъ, насколько можетъ подняться моя слабая, человѣческая рука... Что вы говорите о мелочахъ, о вздорѣ, о прессѣ, о Петрѣ Петровичѣ? Все это на смарку! За красоту, за свѣтъ, за правду, за истину!..

Раздалось опять ура! Опять кто-то шикалъ,— кто-то кричалъ: „декаденщина! декаденщина“, — а Копейщиковъ, блѣдный, мокрый, трясущійся, отиралъ платкомъ лобъ и чокался съ Дедюковымъ, который говорилъ ему:

— Наконецъ, я слышу умное слово. За ваше здоровье.

Татаринъ просунулъ князю записку.

— Вамъ, ваше сіятельство, сказалъ онъ.— Просягъ отвѣта.

Онъ посмотрѣлъ на адресъ. Почеркъ былъ Анны Федоровны. Дыханье его вдругъ сперлось неожиданнымъ предчувствіемъ. Онъ быстро всталъ изъ-за стола и вышелъ въ сосѣдную комнату.

„Ради Бога пріѣзжайте тотчасъ къ намъ,— прочелъ онъ.— Мери отравилась. Пріѣзжайте тотчасъ-же“.

— Отвѣтъ будетъ, ваше сіятельство? спро-

силъ лакей, безучастно глядя на его искаженное лицо.

Князь посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Нѣтъ.

XLII.

Анна Федоровна встрѣтила князя въ залѣ.

— Вы понимаете, какой ужасъ, говорила она, увлекая князя въ свои комнаты.—Съ чего она? Вы были у нея передъ обѣдомъ?

— Былъ. Она была крайне возбуждена.

— Слушайте. Садитесь. Да не туда. Садитесь здѣсь...

Она его почти толкнула на диванчикъ, стоявшій посерединѣ комнаты, и сама сѣла противъ него на пуфъ.

— Она къ обѣду не вышла, какъ всегда, отговорила болью. У нея частыя головныя боли. Просить не тревожить. Послѣ обѣда прибѣгаетъ ко мнѣ нѣмка и говоритъ: „мнѣ кажется, это не голова, потому-что барышня очень стонетъ“. Я кидаюсь къ двери,—дѣйствительно, стоны. Вхожу, подхожу къ кровати, — представьте, какова сила воли: она молчитъ, взглянула на меня и закрыла глаза. Я вижу, она блѣдна какъ смерть. Не отвѣчаетъ на вопросы. А на столѣ между окнами записка.

Она подала князю сложенное зеленое письмо. Онъ развернулъ. Порывистымъ неровнымъ почеркомъ тамъ было написано:

„Я отравилась, потому что жизни нѣтъ. Если кому сдѣлала зло—простите“.

— Ну, я сейчасъ-же по телефону къ докторамъ,—разослала къ нимъ всю прислугу, велѣла привезти провизора изъ аптеки. Что тутъ было! Что за часъ я провела съ ней!..

— Что-же теперь? едва могъ спросить онъ.

— Докторъ говорить, что есть надежда. Она молчитъ, не говоритъ ничего. Отъ Мины я добилаь, что вы были у нея въ комнатѣ сегодня. Вы были?

— Былъ. Болѣе того, я взялъ у нея вотъ это.

Онъ вынулъ изъ кармана ея револьверъ.

— Она была такъ изволнована, что я почти насильно его взялъ.

— Ахъ, это хорошо, что вы взяли. Слушайте... Фу, какъ у меня путаются мысли.

Анна Ѳедоровна сжала ладонями голову.

— Но между вами вышло что-нибудь? продолжала она.—Я знаю, Мери вамъ нравится.

Борисъ не хотѣлъ говорить о своихъ чувствахъ къ Мери. Ему больно было до нихъ дотрогиваться. Да Анна Ѳедоровна и не настаивала на отвѣтъ. Она, перебивая одной мыслью другую, торопилась все высказать.

— Я знаю васъ за человѣка честныхъ убѣжденій, и готова скорѣй винить ее, но никакъ не васъ...

— Она ни въ чемъ не виновата, замѣтилъ онъ.

— Да, — но она порывиста. Она не отдаетъ отчета въ своихъ порывахъ. Вы знаете, что сдѣлала она тринадцатилѣтней дѣвочкой? Это въ Варшавѣ было. Идетъ она изъ гимназіи — и гдѣ-же, — у Саксонскаго сада, въ самомъ людномъ мѣстѣ, — знаете, гдѣ отель Бельведеръ? И видитъ, что по гололедицѣ дѣвочка тащитъ на санкахъ вязанку дровъ. Ноги скользятъ, свезти не можетъ. Мери преспокойно кладетъ свои книжки на дрова, впрягается вмѣстѣ съ дѣвочкой, — и везетъ куда-то къ какой-то прачкѣ эти дрова. Ужь гдѣ-то тамъ за театрами поймалъ ее генераль Кондратьевъ, посадилъ насильно къ себѣ въ сани и привезъ къ матери. Конечно, ее наказали. Но она упорно твердила, что дѣвочкѣ было тяжело и она плакала, — а вдвоемъ имъ было легко, и онѣ весело везли дровни, и довели-бы до Вислы, если бы не этотъ гадкій генераль, который видитъ то, чего ему совсѣмъ не надо видѣть. Конечно, это альтруизмъ, и это очень хорошо, — но все-таки въ бархатныхъ шубкахъ нельзя таскать съ прачкиными дѣтьми салазки.

— Отчего-же нельзя? спросилъ князь.

— Оттого, что веревкой натреть бархатъ, и испортится матерія на тридцать рублей. А еслибъ она дала двугривенный дѣвочкѣ, той было-бы гораздо пріятнѣе.

— А можетъ быть, у нея не было денегъ? возразилъ князь.

— А потомъ, продолжала она, не слушая его.— А потомъ эта исторія съ этимъ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, который посвятилъ себя должности сельскаго священника, прямо съ отчаянія, съ горя? За что было его такъ жестоко оттолкнуть? Въ ней есть сатанинская гордость. Я убѣждена, что изъ гордости она отравилась.

„Неужели она не знаетъ о томъ, что было тамъ, въ Ниццѣ?“ подумалъ онъ.— „Или это по общему правилу: близкіе всегда узнаютъ послѣдними“.

— Я все скрыла отъ Ивана Петровича, продолжала она.— Онъ ее такъ любитъ. Его слишкомъ поразило-бы, еслибъ онъ узналъ о ядѣ.

— А чѣмъ она отравилась?

— Не знаю, я даже не спрашивала. Да не все-ли это равно въ сущности, чѣмъ?

Въ комнату вошелъ докторъ въ черенаховыхъ очкахъ.

— Пройдите къ ней! сказалъ онъ.— Ей теперь можно говорить.

Анна Федоровна вышла.

— Какъ она чувствуетъ себя? спросилъ князь.

— Пошлалила барышня, отвѣтилъ докторъ. — Да не рассчитала: должно быть, дозу взяла недостаточную. Организмъ молодой, здоровый, — ну, и выдержала.

Онъ сказалъ это тономъ сожалѣнія и, взявшись за шляпу, прибавилъ:

— Имѣю честь кланяться. Потрудитесь передать ея высокопревосходительству, что по телефону всегда могу быть: я весь вечеръ дома, но полагаю, надобности во мнѣ не будетъ.

Вошла Мина и позвала князя къ Аннѣ Федоровнѣ.

— Идите сюда, сказала Анна Федоровна изъ-за перегородки.

Онъ вошелъ туда и увидѣлъ, на высокой постели, Мери, блѣдную, слабо освѣщенную свѣчами. Въ креслахъ сидѣла Анна Федоровна.

— Полюбуйтесь, проговорила она, указывая на племянницу.

Мери повернула голову къ нему и посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ. Онъ стоялъ молча.

Анна Федоровна встала.

— Я сейчасъ приду, сказала она. — Хорошенько ее пожурите за глупости.

Она вышла.

— Я васъ просила позвать, слабо промолвила Мери. — Мнѣ не удалось... Вышла глухая комедія. Но, повѣрьте, я это исправлю.

Князь взялъ ее за руку.

— Не надо такъ говорить, ласково сказалъ онъ. — Вы сдѣлали дурно. Но быть можетъ все къ лучшему.

— Это только отсрочка, возразила она. — Я рада васъ видѣть. Я рада.

И она съ радостью смотрѣла на него. Даже что-то вродѣ улыбки мелькнуло на ея поблѣвшихъ губахъ.

— Доктора стараются меня спасти, для того, чтобы выздоровѣвъ, я бы могла принять ту дозу, которую нужно. Теперь я ее знаю... Правда, смѣшно?

— Вы будете жить, настойчиво сказалъ онъ, взявъ ее руку и поднося къ губамъ.

Она не отнимала руки, пристально смотря на него.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что жизнь вамъ дана, и распоряжаться ею вы не имѣете права.

Она нервно пошевелила головой.

— Слышала я это. Это изобрѣтено трусами, что боятся смерти.

— Еще хуже бояться жизни.

— Я не боюсь. Я только ненавижу ее. Я хочу уйти отсюда, и уйду.

— Нѣтъ, вы не уйдете, возразилъ онъ.

— Отъ васъ шампанскимъ пахнетъ, сказала она.

Ему стало неловко.

— Я былъ на редакціонномъ обѣдѣ, виновато замѣтилъ онъ.

— Я хотѣла вамъ передать одну вещь.— Я думала, что вамъ ее передадутъ послѣ смерти... Но все равно. Приходите завтра. Все равно... я вамъ отдамъ ее. Слышите,—идетъ тетка.

Онъ слегка отодвинулъ свой стулъ отъ ея кровати.

— Находите излишнюю близость неприличной? спросила она,—и посмотрѣла на него тѣмъ взглядомъ, какимъ смотрять на ребенка, по наивности сдѣлавшаго или сказавшаго глупость.

XLIII.

Министерскій швейцаръ, подавая ему пальто, радостно осклабился.

— Я мимоходомъ слышалъ, что вы изволили говорить съ господиномъ Недыхляевымъ о ресторанномъ обѣдѣ; какъ ея высокопревосходительство спросили о васъ, такъ я сейчасъ туда курьера и направилъ.

— Съ какимъ Недыхляевымъ!

— А этотъ новый. Плотный такой. На кучера похожъ.

— Невмятулинъ!

— Невмятулинъ, что-ли. Затруднительная фамилія. Изъ татаръ должно быть.

Когда князь вышелъ на улицу, и на него нахнуло теплой сыростью оттепели, ему показалось, что онъ началъ жить сызнова, что произошелъ какой-то переломъ, рѣзкой чертой отдѣляющій его прежнюю жизнь отъ новой. Точно то, что было вчера—безконечно отошло въ какую-то безиросвѣтную даль,—и все заволкло густымъ туманомъ. Точно онъ сдѣлалъ перевалъ черезъ горы и оставилъ позади себя сѣверъ съ его тучами и холодами, а впереди него вдругъ сверкнулъ изъ-за облаковъ просвѣтъ неяснаго солнца, еще неяркаго, холоднаго—но уже манищаго, живого, сүлящаго тепло и мощные всходы, тамъ, внизу, въ долинахъ, гдѣ живутъ люди.

Онъ жадно дышалъ сыростью, она освѣжала его грудь. Ему казалось, что онъ идетъ не по обычнымъ, знакомымъ улицамъ города, гдѣ онъ родился и воспитывался, а что онъ перенесенъ на какую-то новую планету, въ новый міръ,—гдѣ все иное—и люди, и животныя, и дома, и небо. Онъ смотрѣлъ на горѣвшіе фонари,—и ему казалось, что они не

такіе какъ всегда, что онъ видитъ ихъ такими, какъ они есть въ первый разъ, а до того онъ видѣлъ такими, какими хотѣлъ видѣть. И жизнь, кипѣвшая муравейникомъ на улицахъ, получила другую окраску. Въ кажущейся бессмысленности этого муравьиного бѣганья получился смыслъ. Онъ почувствовалъ свою общность съ людьми еще въ большей степени, чѣмъ два дня назадъ, когда сидѣлъ у дивана передъ больной дѣвочкой. Онъ почувствовалъ одну живую общую искру, связывающую всѣхъ—и людей, и животныхъ,—и почувствовалъ радость, спокойствіе и новыя силы въ душѣ.

Онъ поймалъ себя на томъ, что стоялъ на Невѣ, облокотившись на гранитную набережную и смотря на тусклый синеватый ледъ. Онъ уже ни о чемъ не думалъ. Онъ точно спалъ. Мысли блуждали въ неясномъ далекомъ пространствѣ, уходили въ ту мглу, что, скрадывая очертанія зданій, скоплялась на противоположномъ берегу огромной рѣки. Неясныя кручи сѣровато-синихъ облаковъ сквозили черезъ сумракъ ночи и неслись, точно задѣвая высокій шпиль крѣпостной башни. Они неслись какъ духи воздуха, какъ герои скандинавскихъ сагъ,—неслись откуда-то съ сѣвера, изъ нѣдръ полярныхъ льдовъ. Они скоплялись въ горы и ледяныя глыбы, разсыпались на

мелкія стаи летучихъ орловъ,плыли какъ вѣтязи на парусныхъ ладьяхъ и на побѣдныхъ колесницахъ. Плыли они также мощно, сильно и стихійно, какъ и во времена старыхъ норманскихъ сагъ, когда смотрѣли на нихъ старческіе глаза норвежскихъ цѣвцовъ и свѣтлыя глазки сѣверныхъ женщинъ. Князь почувствовалъ еще болѣе странное сознаніе. Ему показалось, что онъ проникнулъ въ сущность того, что значить эльфы и трольды. Онъ понялъ, что жизнь всюду—и жизнь не та, что воплощается въ данномъ тѣлѣ, а жизнь какъ великое жизненное начало.

Городовой два раза прошелъ мимо его, наблюдая, на что такъ внимательно уставился этотъ господинъ въ бобровой шапкѣ и шинели. Князю показалась смѣшной заботливость стража. Но не желая больше беспокоить его, онъ повернулся и тихо пошелъ домой.

Онъ шелъ, легко ступая и продолжая чувствовать праздничное настроеніе. На поворотѣ къ Невскому онъ вспомнилъ, что внезапно бѣжалъ съ редакціоннаго обѣда и даже не заплатилъ свою часть. Онъ рѣшилъ зайти туда и отдать деньги.

Обѣдъ уже былъ давно конченъ. Въ угловой залѣ былъ раскинутъ зеленый столъ—и завѣдующій внутреннимъ отдѣломъ газеты ловко металъ. Предъ нимъ лежали грудки золота и

кучки круныхъ ассигнацій. Нѣсколько откупоренныхъ бутылокъ шампанскаго обличало, что это угощаль ужь самъ издатель. На диванѣ, тяжело дыша и блаженно улыбаясь, сидѣлъ Невмятулинъ. Копейщиковъ ему что-то доказываль, но Невмятулинъ смотрѣлъ на него полупрезрительно.

— Если искусство не приноситъ мнѣ пользы, не обновляетъ мнѣ душу, такъ чортъ его побери! говорилъ онъ. — За какимъ оно мнѣ дьяволомъ нужно. Форма! что мнѣ ваша форма. Искусство важно не само по себѣ, но какъ воздѣйствіе на меня. Дайте мнѣ воздѣйствіе!..

Въ это время подошелъ князь.

— А! бѣглый вернулся! крикнулъ Невмятулинъ. — А я, батюшка, принужденъ былъ за васъ отдать послѣдній луддоръ. Куда это вы сбѣжали? Говорять, за вами курьеръ пріѣзжалъ? Такая спѣшка по министерству? Или это бабы продѣлки? Тамъ по вечерамъ чиновниками управляетъ, кажется, жена Ивана Петровича.

Онъ захохоталь, показывая свои бѣлые зубы, — и князь рѣшилъ, что швейцаръ былъ правъ, найдя въ немъ сходство съ кучеромъ. Онъ расплатился съ нимъ. Невмятулинъ не отдалъ ему гривенника сдачи, и сказалъ, что это проценты, которые онъ пожертвуетъ въ пользу голодающихъ.

Дедюковъ подошелъ къ нимъ.

— Что-жь, господа, не пора-ли по домамъ? сказалъ онъ.— Двое ужъ такъ напились, что у нихъ глаза въ крови. Кончится тѣмъ, что будутъ качать Петра Петровича, уронять и кокнуть. Я не хочу быть свидѣтелемъ такихъ кровавыхъ зрѣлищъ.

— А вы куда? спросилъ Копейщиковъ.— Знаете, что? Хотите, я васъ сведу на одинъ художественный журъ-фиксъ.

— Богъ съ ними! Терпѣть не могу журъ-фиксовъ, да еще художественныхъ, возразилъ Дедюковъ.

— А вы, князь, не пойдете? не отставалъ Копейщиковъ.

— А тамъ что дѣлаютъ?

— Говорятъ, спорять, пьютъ чай, пишутъ съ натурщицы.

— Отчего-жь вы меня не зовете? спросилъ Невмятулинъ.

— Оттого, что вы отрицаете форму. Оттого, что тамъ, въ художественномъ кружкѣ, вы покажетесь ископаемымъ мамонтомъ.

— А я всетаки хочу.

— Если всё пойдутъ,—идите и вы.

Невмятулинъ взялъ развязно подъ руку князя.

— Сослуживецъ, поидемте въ вертепъ декадентизма. Вотъ и талантливый беллетристъ поидеть.

Но Дедюковъ отказался.

— Талантливый беллетристъ пойдетъ читать корректуру своего талантливаго романа, сказалъ онъ. — Талантливый беллетристъ думаетъ, что корректура—это грань алмаза, которая придаетъ блескъ всему камню. Найти художественную тему—это счастье, все равно, что найти самородокъ. А вотъ разработать, отшлифовать его—это искусство.

— Или мастерство, прибавилъ Невмятулинъ.

— Пожалуй, мастерство, — каждая вещь должна быть мастерской, согласился Дедюковъ.

— То-то нынче такъ отзывается въ литературѣ мастеровщиной, не унимался Невмятулинъ.

— Здѣсь пахнетъ выпитыми пустыми бутылками, морщась, сказалъ Копейщиковъ. — Пойдемте отсюда на воздухъ, я задыхаюсь. Ну, хоть выйдемте вмѣстѣ.

Они, не прощаясь, вышли изъ залы. На лестницѣ догналъ Невмятулина лакей и сказалъ, что съ него слѣдуетъ получить за три стакана чая.

— Это вы послѣ обѣда три стакана чая въ себя влили? спросилъ Дедюковъ.

— А вы не завидуйте, сказалъ Невмятулинъ.

— Я только удивляюсь, вотъ утроба!

XLIV.

На улицѣ, Копейщиковъ пошелъ рядомъ съ княземъ, а Невмятулинъ — съ Дедюковымъ.

— Я серьезно вамъ совѣтую, гозорилъ Копейщиковъ, — познакомиться съ кружкомъ нашихъ молодыхъ художниковъ. Вѣдь это соль земли. Это все наше лучшее будущее. Ну, если не сегодня, то въ другой разъ, но вамъ необходимо, необходимо быть тамъ.

— Но почему-же необходимо? не понималъ князь.

— Потому-что у васъ сразу расширится кругозоръ, послѣ одного часа тамъ проведеннаго. Вы увидите, какъ горизонты раскроются передъ вами. Развѣ вы не замѣчаете, какъ все дряхлѣетъ вокругъ, — все сохнетъ и гибнетъ, — отъ худосочія, лишаевъ и проказы. А тутъ — молодая поросль, которая идетъ на смѣну старому. Она въ будущемъ дастъ мощную растительность.

Но князь отказался отъ молодой поросли и сталъ прощаться со спутниками. Копейщиковъ обидѣлся, холодно пожалъ всѣмъ руки и, завернувъ за уголь, нырнулъ въ какую-то темную улицу.

— Такъ пойдѣмъ ко мнѣ? предлагалъ Невмятулинъ. — Я васъ познакомлю съ женой.

— Да можетъ быть ваша жена совсѣмъ не хочетъ меня видѣть? спросилъ Дедюковъ. — Я хожу къ знакомымъ только на приглашенія хозяйки.

Онъ подозвалъ извозчика и велѣлъ ѣхать прямо.

— Что-же, и вы мной пренебрежете? спросилъ Невмятулинъ у князя.

Князю вдругъ стало его жалко. Несмотря на довольно толстую кожу. Невмятулинъ вынесъ сегодня много чувствительныхъ ударовъ, и едва-ли былъ въ хорошемъ настроеніи. Князь убѣдился, что товарищи его не любили, а нѣкоторые, какъ Дедюковъ, на примѣръ, относились къ нему прямо-таки пренебрежительно.

— Пожалуй, пойдемъ, сказалъ онъ.

Невмятулинъ опять заговорилъ о министерствѣ и о томъ, что тамъ неурядки. Онъ утверждалъ, что онъ все исправитъ, что его сама судьба послала для блага отечества въ эту затхлую яму.

— А Ивану Петровичу показалось, что вы сдѣлали въ первый день легкой доносъ на служащихъ? сказалъ какъ-бы мимоходомъ князь.

Невмятулинъ даже остановился.

— Доносъ? съ изумленіемъ спросилъ онъ. — Да развѣ открытіе злоупотребленій и борьба съ подлыми элементами можетъ назваться доносомъ?

— Отчего-же, не все-ли равно? Доносъ, такъ доносъ и есть. Если вы потихоньку сообщаете начальству что-нибудь о недостаткахъ вашихъ сослуживцевъ — вы, значить, занимаетесь доносомъ.

У Невмятулина отъ злости сводило нижнюю челюсть.

— Я никакъ не думалъ, князь, чтобы вы были способны идти рядомъ съ доносчикомъ и подавать ему руку, проговорилъ онъ.

— О, мой другъ, холодно замѣтилъ князь, — если такъ разбирать, то кому-же придется протягивать руку?—Вы не обижайтесь,—я вамъ повторилъ только то, что мнѣ сказалъ самъ Иванъ Петровичъ.

— Онъ вамъ сказалъ самъ?

— Да. И онъ именно употребилъ это слово—доносъ.

— Гм... Я завтра объяснюсь съ нимъ.

— Не совѣтую. Вообще вы не злоупотребляйте бесѣдами съ нимъ, онъ этого не любить. Надо имѣть очень важный поводъ, чтобы беспокоить его.

Невмятулинъ посмотрѣлъ на князя сбоку.

— Однако, вы бываете у него чуть не по три раза въ день?

— Я вхожу къ нему когда угодно безъ доклада.

— Отчего-же я не могу добиться того-же?

— Добейтесь.

— И добьюсь. Мнѣ нужно одно, чтобы Иванъ Петровичъ своимъ рыхлымъ старческимъ мозгомъ понялъ, на какую кипучую дѣятельность я способенъ. Неужели вы думаете, князь, что если я пошелъ на должность какого-то дѣлопроизводителя, такъ не надѣюсь быстро пойти впередъ?

— И дойти до министра? усмѣхнулся князь.

— Дойти до чего можно будетъ дойти. Я не изъ такихъ, какъ всѣ вы. Энергія у меня хоть отбавляй. А во мнѣнїи начальства я еще поднимаюсь. Повѣрьте, я сумѣю заслужить то довѣріе, о которомъ вы и не думаете.

— Я вамъ не мѣшаю, пожалуйста.

— О, князь, всѣ мы люди! Вы говорите: я не мѣшаю. Нѣтъ, конечно, вы мѣшаете и будете мѣшать, какъ только замѣтите, что я иду прямо на ваше мѣсто.

Теперь уже князь остановился.

— Вы хотите получить мое мѣсто?

— Да отчего-же нѣтъ? Я не интриганъ. Вы видите, я, совершенно не стѣсняясь, открываю предъ вами свои карты. Я, разумѣется, буду стремиться получить ваше мѣсто.

— А меня вы куда-же перемѣщаете?

— Куда хотите, — не все-ли мнѣ равно.

— И вы что-же, будете пользоваться всѣмъ, чтобы подставить мнѣ ногу?

— Всѣмъ. То есть всѣми вашими оплошностями. Держите ухо востро, князь! Малѣйшая ваша ошибка будетъ поставлена на счетъ.

— Вы много сегодня пили? спросилъ князь.

— Много. Поэтому откровененъ. Можетъ быть, въ трезвомъ видѣ я этого не сказалъ-бы. Вотъ теперь вы уже раздумываете о томъ, какъ вамъ отказаться отъ вашего обѣщанія зайти ко мнѣ, — вамъ теперь противно быть у меня. Вы боитесь? Вы меня начали бояться? Да?

— Я васъ нисколько не боюсь, — но если хотите знать правду, — вы мнѣ стали противны.

Невмятулинъ громко захохоталъ.

— Если-бы вы знали, сказалъ онъ, — каковъ я мальчикъ, то не рекомендовали-бы министру? Ха-ха! Ну, что-же, попробуйте дѣло поправить. Подите на меня съ доносомъ... Постоите, постоите, князь ..

Онъ схватилъ остановившагося князя за руку.

— Полно, князь, — какой вы, — неужели съ вами нельзя пошутить? Право-же я шучу, потому-что перехватилъ на этомъ проклятомъ шампанскомъ, — я его терпѣть не могу. Ну, полно, будемъ друзьями.

Онъ крѣпко встряхивалъ руку князя.

— Я въ самомъ дѣлѣ подумую, что вы такъ испугались меня, что рѣшились отъ меня

бѣжать. Пойдемте, — у меня премиленькая жена, — я васъ съ ней познакомлю.

Онъ взялъ Олсуфьева подъ руку и повернулъ съ нимъ на Лиговскій проспектъ.

— Видите, какіе Пески наши, — всѣ электричествомъ залиты, сказалъ онъ. — Филадельфія да и только. Жалко, далеко отъ министерства. Но вотъ, когда получу ваше мѣсто, такъ переѣду въ болѣе центральную часть.

Онъ опять хихикнулъ въ свою кучерскую бороду, и повелъ его черезъ грязную площадь, накосъ, мимо Греческой церкви, смутно чернѣвшей своимъ низкимъ византійскимъ куполомъ въ изморози наступавшей ночи.

XLV.

— Никого нѣтъ? спросилъ Невмятулинъ у старухи, рѣзко звякнувшей болтомъ и посмотрѣвшей на пришедшихъ черезъ цѣпь.

— Сидитъ этотъ, въ очкахъ.

— Кто въ очкахъ?

Онъ наскоро сбросилъ пальто и заглянулъ въ залу. Тамъ никого не было. Рядомъ, въ кабинетѣ, у письменнаго стола, на его креслѣ сидѣла жена въ кружевномъ капотѣ. А сбоку, въ креслахъ, съ своей вѣчной загадочной улыбкой, сидѣлъ гладко-выбритый Эдуардъ Вольдь,

и не безъ любопытства смотрѣль, кто это идетъ въ двери, и почему слышно шарканье четырехъ ногъ, а не двухъ.

— Ты гдѣ-же это носишься? спросилъ Эдуардъ, не вставая и протягивая хозяину бѣлую, выхоленную руку.

— Обѣдъ редакціонный.

— Ого, — до половины двѣнадцатаго.

При видѣ князя, Авдотья Романовна смутилась и прикрыла широкими рукавами обнаженныя руки.

— Развѣ можно это, Павелъ! сказала она. — Развѣ можно приводить въ двѣнадцатомъ часу ночи въ первый разъ въ домъ гостя.

— Это мой непосредственный начальникъ. Разъ онъ соблаговолилъ къ намъ зайти, мы должны радоваться, — ибо это знаменуетъ мое удачное движеніе по службѣ. А ты дѣлаешь замѣчаніе. Теперь вѣдь я — чиновникъ, а чиновникъ долженъ всегда заискивать, и даже унижаться, если хочетъ быть отличенъ.

Болдырь очень почтительно пожалъ руку князю и сказалъ товарищу:

— Чего ты передъ нами разыгрываешь параднаго шута? Мы вѣдь это не оцѣнимъ.

— Почему-же параднаго шута? дернувъ головою, сказалъ Невмятулинъ. — Я говорю, что думаю. Ты, какъ чиновникъ, уже привыкъ къ низкопоклонничеству, а я только еще приучаюсь.

— Оставь! брезгливо сказалъ Больдъ, и сдѣлалъ такую мину, точно ему въ ротъ попало что несвѣжее.

Авдотья Романовна зоркимъ женскимъ взглядомъ окинула князя и сама пододвинула ему кресло.

— Извините меня за мой костюмъ, сказала она, все прикрывая руки.

— Отличный костюмъ, оживился Больдъ. — Авдотья Романовна и передо мной пробовала извиняться, но я извиненія такого не принялъ. Развѣ такой капотикъ не лучше во сто разъ обыкновеннаго безвкуснаго платья?

— Во-первыхъ, отчего во сто, а не въ пятьдесятъ и не въ полтораста? спросилъ Невмятулинъ. — А во-вторыхъ, съ которыхъ это поръ ты сталъ замѣчать женскую красоту? Не ты-ли мнѣ совѣтовалъ на-дняхъ придушить Дуню.

Больдъ оттянулъ губы, широко раскрылъ вѣки и посмотрѣлъ подъ столъ.

— Зачѣмъ-же такъ утрировать? сказалъ онъ. — Я говорилъ о принципиальныхъ недочетахъ брачнаго состоянія. Прошу извиненіе, ваше сіятельство: вы не изволите быть въ бракѣ?

Князь сказалъ, что нѣтъ.

— Значить, я могу быть смѣлѣе. Я возставалъ вообще противъ брачнаго состоянія и

говорилъ, что лучше носить кандалы за убійство жены, чѣмъ вѣчно тянуть кандалы Гиженея. Вотъ, что я говорилъ, и вотъ, почему я не женатъ, и вотъ, почему я счастливъ.

Авдотья Романовна странно улыбнулась.

— Вы не то говорили полчаса назадъ, сказала она.

Онъ посмотрѣлъ на нее поверхъ очковъ.

— Очень можетъ быть, сказалъ онъ.— Человѣкъ, какъ и всякое животное, приспособляется къ данному моменту.

Онъ повернулся къ князю.

— Если-бы я женился,—я самъ-бы съ собой, вѣроятно, очень скоро покончилъ-бы. Я-бы не могъ повѣрить своей женѣ ни на минуту. А такая жизнь, конечно, довела-бы до самоубійства. Я зналъ одного премилаго человѣка, который, уходя изъ дому, размѣрялъ аршинами разстоянія между креслами въ гостиной, чтобы знать, былъ-ли кто-нибудь безъ него, такъ-какъ спрашивать жену онъ не хотѣлъ, а спрашивать прислугу было-бы шпионствомъ. Я-бы не такъ дѣйствовалъ... У меня есть интересный аппаратъ для показанія вѣрности супруги.

— Это какой-же? спросилъ Невмятулинъ, хмурясь.

— Я укрѣпляю фотографическую камеру съ наводкой на ту часть комнаты, которая наиболѣе внушаетъ опасенія. А потомъ въ извѣст-

ный моментъ аппаратъ автоматически сниметь.

— Что-же, я, пожалуй, заведу такой, про- бурчалъ Невмятулинъ.

Большъ опять загадочно улыбнулся и круто оборвалъ разговоръ, повернувшись къ князю.

— Прекрасное учрежденіе ваше министерство. сказалъ онъ, съ такимъ видомъ, будто хвалилъ свое любимое кушанье.— Вы, если не ошибаюсь, состоите непосредственно при достойно чтимомъ Иванѣ Петровичѣ?

Да, отвѣтилъ князь. — Но вотъ Павелъ Васильевичъ, кажется, намѣревается занять мое мѣсто, по крайней мѣрѣ, онъ такъ сейчасъ мнѣ говорилъ.

Большъ издалъ какой-то удивительный звукъ, сморщивъ предварительно лицо. Сперва князю показалось, что онъ чихнулъ; но это была только форма смѣха.

— Развѣ Павлуша можетъ состоять при такомъ рычагѣ? спросилъ онъ.

— А почему-бы нѣтъ? спросилъ Павлуша.

— Природа ошиблась, создавъ тебя писателемъ, сказалъ Большъ. — Впрочемъ, я даже не знаю, писатель-ли ты. Я изученіе русской литературы покончилъ еще въ гимназій Гоголемъ, и съ тѣхъ поръ вашей изящной словесности не читаю. Но мнѣ всегда казалось, что

ты долженъ быть кузнецомъ, саножникомъ, пивоваромъ. У тебя лицо такое.

Авдотья Романовна засмѣялась.

— Что тутъ смѣшнаго? спросилъ мужъ.

— Я давно думала, — на кого ты похожъ, отвѣтила она. — Именно ты похожъ на пивовара.

— Послушай, Эдуардъ, заговорилъ онъ, повышая голосъ, — ты вообще несдержанъ на языкъ, но относительно меня ты позволяешь часто хватать черезъ край.

Онъ ударилъ ладонью по столу.

— Если моя жена, глухая женщина, можетъ тебѣ поддакивать, такъ съ нею нечего и спрашивать. Но ты — человѣкъ, претендующій на порядочность, какъ-же ты, въ присутствіи совершенно намъ чужого человѣка, который не только мнѣ не близокъ, — но далекъ какъ антиподъ, — какъ-же ты позволяешь при князѣ мнѣ все это говорить?

Эдуардъ улыбнулся князю.

— Я думаю, его сіятельство давно не видѣлъ такихъ жанровыхъ картинокъ, какъ та, что мы ему сегодня преподносимъ, сказалъ онъ. — Врядъ-ли князь даже предполагалъ возможность такихъ разговоровъ и сценъ.

— Отчего-же? живо возразилъ князь, — послѣ того, что мнѣ наговорилъ полчаса назадъ Невмятулинъ, — я готовъ всему повѣрить.

— А что онъ собственно вамъ наговорилъ?

Князь передалъ ихъ разговоръ.

— Я думалъ, ты умнѣе, сказала Эдуардъ.

Авдотья Романовна, все время молчавшая, вдругъ повернула свое кресло къ князю.

— Такъ что вы его скоро выгоните? — спросила она.

Этотъ вопросъ почти смутилъ князя.

— Если Павелъ Васильевичъ будетъ хорошимъ чиновникомъ, зачѣмъ-же его выгонять? уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ слушай, Павелъ, заговорила она, вставая и выпрямляясь. — Если опять тебя вышвырнуть изъ департамента, — то — вотъ я говорю при свидѣтеляхъ, при князѣ, котораго вижу въ первый разъ, и при Больдѣ, котораго давно знаю, — я преспокойно тебя брошу вмѣстѣ съ твоими ребятами. Корми ихъ, сморгай имъ носы, — а съ меня довольно.

— Куда-же ты уйдешь? спросилъ Невмятулинъ, блѣднѣя отъ стыда и злости.

— У меня есть мѣсто. Вотъ я къ Больду уйду.

Больдъ весь дернулся и сталъ внимательно смотрѣть на ногу мизинца. Князь посмотрѣлъ, куда онъ положилъ свою шляпу. Невмятулинъ стоялъ посрединѣ комнаты, тяжело дыша. Она смѣрила его взглядомъ и вышла на кухню.

— Готова селедка? спросила она громко и спокойно. — Подливку я сама сейчасъ едѣлаю.

Невмятулинъ повернулъ голову къ Больду.

— Что это такое? спросилъ онъ.

Больдъ косо усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Нервы. Развѣ ты ея не знаешь.

— Почему-же она говорить, что уйдетъ къ тебѣ?

— А ужь это ты у нея спроси.

— А ты-бы ея принялъ?

Больдъ опять пожалъ плечами.

— Я не вижу никакой цѣли и надобности говорить объ этомъ при князѣ. Мы ставимъ его въ неловкое положеніе, онъ сидитъ какъ на иголкахъ. Онъ не привыкъ ходить по такимъ пріютамъ для умоповрежденныхъ, какъ твой домъ. Съ какой стати мы разыгрываемъ эту нелѣпую сцену? Зачѣмъ, кому это нужно? Разговаривай о своихъ семейныхъ дѣлахъ съ женою глазъ-на-глазъ, но оставь, пожалуйста, постороннихъ въ покоѣ.

Онъ всталъ, потушилъ папиросу, провелъ по привычкѣ ладонью по подбородку, и пожалъ товарищу руку повыше локтя.

— Тебѣ нужно хорошенько выспаться, — и къ завтраму быть дѣятельнымъ чиновникомъ, сказалъ онъ.

— Какъ, вы уходите? спросила жалостнымъ голосомъ Авдотья Романовна. — А селедка, а сыръ, а колбаса?

— Это въ другой разъ, сказалъ Эдуардъ,

пожимая ей руку, — а вот вы дайте-ка хорошую трепку своему благовѣрному, чтобы онъ такъ не распускался.

— Что-же ты ее подзуживаешь! остановилъ его Невмятулинъ. — Она и такъ готова изъ окна выброситься.

— Хорошенько! повторилъ Больдъ уже въ дверяхъ и подмигнулъ ей на мужа.

— Теперь начнется у нихъ перепалка, не безъ удовольствія сказала онъ князю, когда они вышли на улицу.

XLVI.

Иванъ Петровичъ узналъ только вечеромъ объ отравленіи Мери. Это его чрезвычайно взволновало. Онъ пошелъ къ ней въ комнату быстрой нестарческой походкой.

— Это вы, дяди? входите! отвѣтила она на его вопросъ, можно-ли къ ней?

Онъ остановился у ея кровати и испуганными глазами обвелъ всю обстановку.

— Что это такое? заговорилъ онъ дребезжащимъ голосомъ. — Ты? Ты приняла яду? Съ цѣлью покончить съ собой?

Она не опускала передъ нимъ глазъ.

— Съ какою-же другою цѣлью можно принимать ядъ? Вы думаете, я пококетничать хотѣла передъ вами?

— Постой, постой! остановилъ онъ ее. — Видишь-ли, если-бы мнѣ сказали, что ты что-нибудь украла, взломавъ замки, мнѣ было-бы легче. Лучше посягнуть на человѣческую собственность, чѣмъ на человѣческую жизнь.

— Да вѣдь жизнь-то моя?

— Кто тебѣ сказалъ?

— Я говорю.

— Твое быть можетъ только то, что ты сама приобрѣла.

— А я ее получила по наслѣдству, перебила она. — Я не просила ни отца, ни мать о томъ, чтобъ родиться. Но я родилась съ свободной волей. Я почувствовала, что не могу жить, что должна покончить съ собой, — и я покончу, дядя. Нѣтъ, вы, пожалуйста, ничего не говорите. Отнимете отъ меня ядъ, — я выпью кислоты, которой чистятъ самовары разобью стекло у лампы и перерѣжу себѣ имъ шею. Уйти изъ жизни можно всегда.

— А куда уйти? спросилъ онъ, опускаясь на ея кровать.

Она отвернулась.

— Я не знаю.

— Ты вѣришь въ жизнь внѣ нашей оболочки?

— Не знаю. Можетъ быть, она и есть.

— Такъ куда-же ты уйдешь? Быть можетъ, смѣнишь то, что есть, на худшее?

— Пускай. Хуже не будетъ. Я готова какую угодно жизнь начать снова. Жизнь полную отчаянія, лишеній, но не ту, что я веду.

— Постой, ты не волнуйся, сказалъ онъ, кладя руку съ узловатыми синими жилами на ея маленькую, прозрачную руку.—Ты сама говоришь, что пришла сюда противъ своей воли и не знаешь, откуда пришла, какъ не знаешь, куда уйдешь. Ты знаешь только одно: люди рождаются и умираютъ. Идея во всемъ этомъ есть, — но какая — это никто не можетъ постичь. Чувствуется одно — великій непреложный законъ, данный разумной волей. Эта разумная воля говорить: тебѣ дана жизнь—живи. А ты говоришь — „не хочу этой жизни, потому что не понимаю, какая цѣль и какой смыслъ въ моемъ существованіи“.

Она сжала ему руку.

— Я это знаю, дядя. Я знаю, что составляю малую крупницу чего-то. Но я несую ношу не по своимъ силамъ, понимаете вы это? Мнѣ дана возможность стряхнуть съ себя эту ношу, и я стряхну.

Онъ засмѣялся.

— Ну, какая у тебя ноша,— и развѣ такія ноши бывають! Да мы, быть можетъ, затѣмъ и посланы сюда,— на испытаніе,— а какъ кто сумѣетъ свое дѣло сдѣлать.

— А кто-жъ это знаетъ, что мы для этого посланы?

Старикъ оживился.

— Никто. Въ этомъ вся и сила. Никто ничего не знаетъ. Мы чувствуемъ одно: великій порядокъ во вселенной. Затменіе никогда не опаздываетъ, солнце аккуратно всходитъ по календарю изъ минуты въ минуту. А поѣзда опаздываютъ ежедневно. Совершенно все то, что не создано человѣкомъ. А человѣкъ, какъ ребенокъ— подражаетъ природѣ. Всѣ его изобрѣтенія — игрушки. Онъ хвастается движеніемъ парохода, — а земной шаръ идетъ плавнѣе и лучше. Въ насъ есть слабый отблескъ того созидательнаго ума, что царитъ гдѣ-то тамъ далеко и составляетъ всю душу вселенной.

Мери посмотрѣла на дядю. Онъ никогда такъ не говорилъ съ ней. Онъ сидѣлъ въ какомъ-то пиджачкѣ,—звѣздъ на немъ не было. Прищуренные старческіе глазки смотрѣли какъ-то вдохновенно вдаль. Онъ показался ей въ новомъ свѣтѣ. Но сейчасъ-же ей пришло въ голову, что онъ обманываетъ жену, и что у него есть любовница.

— Всему этому я вѣрю, сказала она.—Но мы съ вами дѣтя земли, жалкія мошки.

Онъ остро и пронизательно посмотрѣлъ на нее.

— Ну, что-же, произнесъ онъ въ раздумьѣ, точно понявъ ея мысли.— Мы всѣ — созданыя

праха, и ничто человѣческое намъ не чуждо. Мы часто падаемъ тѣломъ, потому что дано намъ это тѣло. Но надо духъ сохранять и оберегать, надо исполнить то, на что мы обречены.

— А мы на что обречены? дрогнувшимъ голосомъ спросила она.

— На жизнь.

— Но вѣдь это жестоко! Слушайте, дядя. Вы хорошій, добрый человѣкъ. Я не знаю, какой вы въ душѣ, но по внѣшности, по поступкамъ вы хорошій человѣкъ. Неужели-же вы никогда не задумывались надъ тѣмъ, что вы дѣлаете; ваше дѣло, — то-ли это, на что призваны люди?

Онъ добродушно, по-старчески потрясъ головой.

— Милый дружокъ мой. Повѣрь—обо всемъ этомъ не разъ я думалъ и много думалъ, еще въ тѣ дни, когда я только начиналъ службу. И мнѣ, видишь-ли, что казалось. Мнѣ казалось, что я лучше и честнѣе сумѣю провести это дѣло, что я на меньшее число компромиссовъ пойду, чѣмъ мои товарищи. Я борюсь со многимъ. Я борюсь съ цѣлой арміей враговъ, и если паду въ борьбѣ,—то какъ воинъ. Знаю, многое изъ того, что дѣлается—не то, что-бы я хотѣлъ. Много тутъ есть такого... Но сразу ничего не дѣлается. Ужь и то, что мы шагъ

за шагомъ отвоевываемъ у старины—и то дѣло большое.

— Ну, задумчиво сказала она,—вы можете мириться съ окружающимъ, а я нѣтъ. Вы еще вѣрите людямъ, а я не вѣрю. Я не вѣрю никому и ни во что. Я не вѣрю даже вашимъ словамъ. Я не вѣрю любви, не вѣрю честности, не вѣрю въ благодетельство людей.

Онъ нахмурилъ брови.

— Какая ты несчастная, Марья.

— Да, я очень несчастная, подтвердила она.—Я вижу всюду лицемеріе и двоедушіе. Я вижу всюду только одни паденія. Я не вѣрю ни въ бракъ, ни въ возможность искренняго честнаго союза между женщиной и женщиной.

— О! многозначительно сказалъ онъ.—Хорошо, что тетка тебя не слышитъ, она, пожалуй, обидѣлась-бы.

— Я-бы при ней этого не сказала.

Онъ опять потрепалъ ее по рукѣ.

— Эхъ, умница. У тебя головка слишкомъ много работала, и ты перегнала жизнь. Въ тебѣ силъ много, а дѣваться имъ некуда,—и рвутъ онѣ тебя. Первое дѣло—тебѣ мужа надо, свой уголь.

— Мужа? Да вѣдь, повторяю вамъ, въ любовь я не вѣрю. Нѣтъ, дядя, — вы оставьте эти рецепты для другихъ. Я слишкомъ при-

перта къ стѣнѣ, чтобы вѣрить въ замужество, какъ въ какое-то спасеніе.

— Отчего-же? Ты должно быть не думала о дѣтяхъ. А вѣдь все дѣло въ нихъ, въ этомъ материнскомъ инстинктѣ. Ты говоришь—люби нѣтъ. Материнская любовь—это то-же солнце, которое живить все въ природѣ. На материнской любви основана вся жизнь. На самоубійство идутъ только бездѣтныя женщины. Будетъ у тебя ребенокъ, будетъ и цѣль. Все счастье земной жизни—быть можетъ въ страданіяхъ матери.

Онъ сказалъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что Мери улыбнулась.

— Вы такъ это говорите, сказала она,—точно сами испытали материнское чувство.

— Во всякомъ случаѣ, проговорилъ онъ, вставая, — помни — что жизнь, полная нравственныхъ страданій, только очищаетъ душу. Не бойся ихъ, иди навстрѣчу неудачамъ, обидамъ—всему. Я не знаю и не спрашиваю, что давить тебя—это твое дѣло. Причина вѣрно была слишкомъ серьезна, если ты посягнула на то, на что не имѣла права посягать. Но теперь, когда тебѣ не удалось достигнуть самовольнаго перехода въ новую область, — ты должна оглянуться на себя,—и начать новую жизнь. Забудь все старое.

— А если нельзя забыть?

Онъ наклонился къ ней.

— Все забыть можно, и все простить, ска-
заль онъ.

— Ну, я этого не могу.

— Можешь, стоять только захотѣть.

Онъ вынулъ часы и позвонилъ репетито-
ромъ.

— Мнѣ пора, сказалъ онъ.

„Къ Жозефинѣ?“ хотѣла спросить Мерц,
но удержалась. Онъ наклонился, поцѣловаль
ее въ лобъ, посовѣтоваль заснуть и вышелъ.

XLVII.

Невмятулинъ подмѣтилъ сразу вліяніе Ан-
ны Ѳедоровны на чиновниковъ; онъ сразу за-
мѣтилъ постоянныя ея требованія на свою по-
ловину то князя, то стараго директора-гово-
руна, знавшаго всѣ великосвѣтскія сплетни.
Поэтому, когда курьеръ вошелъ въ кабинетъ
князя и сказалъ, что ея высокопревосходи-
тельство просятъ ихъ къ себѣ, Олсуфьеву ста-
ло неловко; какъ разъ у него былъ Невмяту-
линъ и степеннымъ баскомъ извинялся за вче-
рашнее.

— Идите, идите, торопилъ онъ князя. —
Не хорошо заставлятъ дамъ ждать. Воротню,
вамъ важное порученіе.

— Васъ просить Мери, пройдите къ ней. сказала князю Анна Федоровна.— Я вотъ что скажу вамъ, князь: я думаю, что вы одни можете повліять на нее. Вы одни и никто больше. Я была на этой недѣлѣ два раза тамъ,— и нашла подтвержденіе.

Онъ сразу не понялъ.

— То-есть это гдѣ?

— Тамъ, гдѣ мы съ вами были. Въ этомъ обществѣ, кружкѣ, называйте, какъ хотите.

— Ахъ, гдѣ на аспидныхъ доскахъ писалъ этотъ англичанинъ?

— Да. Я тамъ сошлась съ одной удивительной дѣвушкой. Это послѣдняя степенъ истеріи и невралгій. Ей стоитъ прикоснуться къ блюдечку, чтобы блюдечко бѣгло по бумагѣ: карандашъ въ ея рукахъ пишетъ, едва она успеетъ его взять. Столы при ея приходѣ поднимаются. Такъ вотъ,— она мнѣ очень симпатизируетъ. И каждый день мы съ ней хоть часъ посвящаемъ разговорамъ съ разными душами. Не дѣлайте удивленнаго лица, теперь уже ничѣмъ меня не разубѣдите. Самое важное вотъ въ чемъ заключается. Она не умѣетъ рисовать совершенно, а между тѣмъ, когда приходитъ Скъявоне, она великолѣпно рисуетъ.

— Это кто Скъявоне?

— Художникъ итальянецъ. Онъ приходитъ ежедневно. И вотъ еще вамъ доказательство

непосредственности наитія. Она, эта дѣвушка, о которой я говорю, олицетворенная скромность. Между тѣмъ, когда приходитъ Скъявоне,—съ ней дѣлается положительный экстазъ, и онъ набрасываетъ миѳологическія сцены настолько свободнаго характера, что ихъ рѣшительно никому нельзя показывать.

— А молодъ этотъ Скъявоне? спросилъ князь.

Анна Ѳедоровна удивилась вопросу.

— Онъ умеръ въ 1586 году въ Венеціи. Кажется, въ преклонномъ возрастѣ. Онъ самъ намъ это сказалъ; а потомъ я ѣздила въ Эрмитажъ къ Андрею Иванычу, чтобъ онъ мнѣ все сказалъ про Скъявоне. Андрей Ивановичъ сказалъ, что Скъявоне есть, только онъ не Скъявоне, а Медула, и умеръ онъ въ 1582 году. Я начала спорить. Онъ мнѣ показалъ каталогъ. Но что-же можетъ убѣдительнаго сказать этотъ каталогъ мнѣ послѣ нашихъ сеансовъ? А потомъ онъ повелъ и показалъ мнѣ миѳологическую сцену Скъявоне,—и дѣйствительно она довольно смѣла. Такъ видите,—я вотъ къ чему клоню. Вчера вечеромъ я нарочно спросила о Мери. Пришелъ духъ одного священника, служившаго въ Коломнѣ при Петрѣ Великомъ, и сказалъ, что спасти Марію можетъ только князь сего міра. Я поняла, что это о васъ, и подумала, что не

ошиблась, пославъ за вами. Вообще, я очень счастлива; я съ каждымъ днемъ все сильнѣе чувствую приливы самой теплой вѣры. Я относилась довольно равнодушно къ религіи. Но теперь мнѣ уяснено многое, и я думаю, что просвѣщеніе мое продолжится. Ну, идите къ ней, и Господь васъ благослови.

Князь прошелъ къ Мери. Она сидѣла въ глубокихъ креслахъ у письменнаго стола. На лицѣ ея играли слегка краски.

— Ну, я вижу у васъ довольное лицо, сказалъ князь.

— Я хорошо себя чувствую сегодня, отвѣтила она.— Вѣроятно, для хорошаго настроенія духа слѣдуетъ иногда отравляться. И спала я такимъ глубокимъ, спокойнымъ сномъ, и странные такіе сны видѣла. Садитесь, насъ стѣснять не будутъ. Должно быть, мои поняли послѣ вчерашняго, что ужь поздно стѣснять меня.

Онъ сѣлъ на стулъ рядомъ съ ней и замѣтилъ на бюварѣ письмо, что писалъ ей изъ Москвы.

— Я видѣла во снѣ ту пьесу,—помните, что мы недавно смотрѣли, и которая была такъ смѣшна? Какъ она называлась? „Что пѣли тростники“.—или что-то въ этомъ родѣ? Помните, тамъ говорятъ о вуалѣ, что развѣвалась на утесѣ, откуда героиня бросилась въ

омутъ? Меня теперь преслѣдуетъ этотъ шарфъ, — я его видѣла всю ночь, — какъ онъ тихо кодышется по вѣтру, какъ флеръ на погребальной свѣчѣ. А снизу, изъ воды тихій, глухой, замирающій стоякъ. Я на-дняхъ попробую на-кинуть красками такой эскизъ, — скала и зацѣпившійся за сучекъ шарфъ. Я назову этотъ эскизъ „Самоубійство“.

— И подарите мнѣ? спросилъ князь.

— Пожалуй подарю вамъ, согласилась она.

Они помолчали.

— Вчера у меня долго сидѣлъ Иванъ Петровичъ, сказала она. — Онъ хорошій человекъ. Но не знаю, насколько онъ искренень. Онъ все пугалъ меня загробной жизнью. Вы вѣрите въ существованіе послѣ смерти?

— Вѣрю.

— Ого, отвѣчаете не задумавшись, какъ-будто знаете, что тамъ будетъ.

— Не знаю. Но знаю, что что-то будетъ. Можетъ быть, лучше, можетъ быть, хуже, чѣмъ здѣсь.

— Почему-же хуже? капризно спросила она. — Что-же сдѣлали люди, чтобы обращаться съ ними такъ жестоко? За что-же вѣчное страданіе?

— Я думаю, что вѣчнаго страданія нѣтъ, — а могутъ быть переходныя стадіи изъ одного состоянія въ другое. Но почему я такъ думаю,

я не знаю. Не надо объ этомъ ни думать, ни говорить. Все равно ни до чего нельзя ни додуматься, ни договориться. Надо ждать. Все придетъ въ свой чередъ.

— Ждать? повторила она, и опустила голову.

Они опять замолчали.

— Князь, заговорила она. — Вы сказали вчера, что знаете про меня, то-есть, про мое прошлое, все. Я не знаю, что вы знаете. Но я хочу, чтобъ вы знали. Я за этимъ и просила васъ.

Она потянулась къ столу и достала оттуда тетрадку мелко исписанную четкимъ, убористымъ почеркомъ.

— Она, эта рукопись, была запечатана въ конвертъ, проговорила она, развертывая ее, — и на конвертъ было написано, чтобъ ее передали вамъ послѣ моей смерти. Я сама не знаю, зачѣмъ я написала все это года два назадъ. Должно быть нужно было. Мнѣ стало легче послѣ того, какъ я освободилась отъ всего того, что такъ мучило меня. Быть можетъ, совсѣмъ не нужно, чтобы вы ее читали, а быть можетъ, будетъ хорошо, когда вы это прочтете. Вы говорите, что любите меня, — положимъ, что это такъ. Тогда я должна вамъ довѣриться. Мнѣ будетъ легче. Я не буду одна.

Она протянула ему тетрадку.

— Но не смѣйтесь надо мной, прибавила она:— Я глубоко несчастная дѣвушка, и только.

— Какъ вамъ не грѣхъ! сказалъ онъ.

Когда онъ воротился въ свой кабинетъ, Невмятулинъ все еще тамъ сидѣлъ. Пепельница была полна окурками.

— Отпустили? спросилъ онъ, зорко поглядывая на тетрадку. — И оттуда начали ужь снабжать дѣлами? — Сказать, сударь, у васъ огромная опека.

Князь положилъ тетрадку въ портфель и сказалъ, что идетъ домой.

— Здравствуйте! воскликнулъ Невмятулинъ.— Хорошая служба, нечего сказать.

— Ну, ужь я попрошу васъ оставить ваши совѣты при себѣ, сказалъ Олсуфьевъ, и не прощаясь, вышелъ.

„Охъ, высажу я тебя отсюда“, подумалъ ему вслѣдъ Невмятулинъ, и пошелъ въ свое отдѣленіе.

XLVIII.

Вотъ что было написано въ тетрадкѣ Мери.

...Я глубоко страдаю.

Когда уронять ребенка и у него начинается

рости горбъ,—его такъ всѣ и называютъ несчастнымъ. если не въ глаза, то въ душѣ. каждый про себя. И онъ самъ постепенно начинаетъ сознавать, что онъ несчастенъ. Онъ видитъ то-же солнце, тѣхъ-же людей, тѣ-же деревья, рѣки и горы, какъ и всѣ другіе. Но онъ не можетъ этимъ наслаждаться, какъ здоровые люди. Онъ—не то, что всѣ прочіе. И по этому у него нѣтъ того-же чувства наслажденія, какъ у другихъ. Всякое радостное, блаженное чувство у него отравляется сознаниемъ. что онъ не какъ всѣ, что онъ не имѣетъ права на то все, на что имѣютъ всѣ право. Каждое зеркало отражаетъ ему его уродство. Въ окнахъ магазиновъ онъ видитъ не выставленные предметы, а тѣнь своего ужаснаго абриса. Въ глазахъ встрѣчныхъ — онъ видитъ то-же зеркало: онъ видитъ, какъ въ нихъ отражается его уродство, и какъ они съ любопытствомъ оглядываютъ его фигуру. Контуры горъ напоминаютъ его горбъ. Во всякой изогнутой линіи онъ видитъ намекъ на себя, на свое несчастье. Это развиваетъ въ немъ озлобленность, уныніе, безвѣріе.

Но я несчастнѣе горбатаго. Я-бы примирилась съ уродствомъ. Я-бы старалась быть только доброй, безконечно доброй, и жить только для другихъ, чтобы не оправдать мнѣнія, будто всѣ уроды злы. Я была-бы счастлива тѣмъ, что

дѣлала добро, а съ уродствомъ я-бы примирилась.

Теперь-же я страдаю потому, что никто меня не считаетъ несчастной, а напротивъ, всѣ думаютъ, что я счастлива. А между тѣмъ, жизни у меня нѣтъ. И чѣмъ дольше я буду жить, тѣмъ больше будетъ вокругъ меня несчастныхъ людей, потому что несчастье заразительно, и всякій, кто подходитъ близко къ несчастью другого, дѣлается тоже несчастнымъ.

Несчастье мое въ томъ... Нѣтъ, надо писать все попорядку.

Насъ было три сестры. Я была средняя. Я была если не лучше, то умнѣе сестеръ. По крайней мѣрѣ, такъ мать говорила. Она возлагала на меня большія надежды. Отецъ мой былъ офицеръ-артиллеристъ, говорятъ, ученый, умный. Я его плохо помню: мнѣ было девять лѣтъ, когда онъ умеръ. Онъ очень любилъ мою мать; мать была красавица. Мы жили въ Варшавѣ и кое-какъ перебивались на пенсіи, что осталась отъ отца. Когда старшая сестра подросла, — мать составила вокругъ нея кружокъ молодежи. Были поляки и русскіе. Въ пятнадцать лѣтъ уже Юля была невѣстой одного богатого студента. Онъ возилъ намъ вина, закуски, подарки, и всѣ ждали, чтобъ онъ кончилъ ско-

рѣе университетъ. Но отецъ его разорился, и мальчика перестали принимать. Черезъ годъ Юля вышла замужъ за барона; ему было за шестьдесятъ. Мать думала, что у него огромное состояніе, а у него оказались жалкіе остатки чего-то. Юля забрала все, что осталось отъ старыхъ фамильныхъ бриліантовъ, и вернулась домой. Баронъ хотѣлъ застрѣлиться, жаловался на жену въ жандармское управленіе; но потомъ купилъ какую-то избушку на Комо и поселился тамъ съ тиролькой, у которой была большая ферма.

Не могу сказать, чтобы примѣръ того, какъ вела себя Юля, былъ особенно для меня поучителенъ. Мать ее не стѣсняла, да и Юля не стѣснялась. Она жила въ одномъ домѣ съ нами, но этажемъ ниже, занимала двѣ комнаты, прислуги не держала, и къ ней былъ отдѣльный ходъ. Когда гости у насъ засиживались, она иногда имъ говорила:

— Пойдемте ко мнѣ, мамѣ спать пора.

Разъ я увидѣла у нея на окнѣ рядъ выпитыхъ бутылокъ. Мнѣ показалось это неприличнымъ. Я ей сказала:

— Что это за гадость у тебя, что за кабакъ?

Она засмѣялась мнѣ въ лицо и сказала:
„Тебѣ какое дѣло?“

И возмущенная пошла къ матери. Я съ не-

годованіемъ сказала ей, что все знаю, я знаю, что наши гости не только сидятъ до утра у Юли, но что они пьютъ,—я сама видѣла много бутылокъ. Но и мать осталась совершенно покойной.

— Какое тебѣ дѣло? повторила она. — Юля—замужняя женщина, съ мужемъ не живеть и можетъ дѣлать, что хочеть.

Однако, она сказала Юлѣ о нашемъ разговорѣ. Вечеромъ Юля подошла ко мнѣ и ласково положила мнѣ руку на плечо.

— Ты жаловалась на меня мамѣ? сказала она.—Я не сержусь на тебя, но вотъ, что хочу сказать. Мнѣ скучно, во-первыхъ, а во-вторыхъ, мамѣ нечѣмъ жить. Тѣмъ, кто ко мнѣ ходять, весело со мной, и мнѣ весело съ ними. Мама должна воспитывать тебя и Зося, а средствъ нѣтъ. И мама, когда ей нужны деньги, чтобы платить за тебя въ гимназію, чтобы сдѣлать тебѣ платье,—она обращается къ нимъ, и они даютъ ей деньги. Если я не буду съ ними сидѣть до утра, слушать всякій вздоръ, что они болтають, бречать для нихъ на гитарѣ и пѣть цыганскіе романсы, — если я не буду этого дѣлать, то они не будутъ давать мамѣ денегъ, тебя исключать изъ гимназій, и ты будешь ходить въ отрепьяхъ.

Меня ошеломило это признаніе. Мнѣ хотѣлось броситься въ объятія сестры, просить ея

прощенія; но я удержалась. Мой четырнадцатилѣтній мозгъ работалъ до боли, смѣняя одну мысль другою.

— Что-же ты насупилась, или ты мнѣ не вѣришь? спросила Юля.

— Я лучше выйду изъ гимназіи и буду ходить нищей, сказала я, — чѣмъ... Чѣмъ знать, что у тебя тамъ они сидятъ ночью, они — пьяные.

Она сдѣлала шагъ ко мнѣ, но я убѣжала отъ нея, бросилась въ кровать и уткнулась въ подушку. Мнѣ было больно за нее, за себя, за маму. Я не вышла къ чаю и проплакала до утра. Это было мое первое большое горе.

Мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ, когда впервые онъ пріѣхалъ къ намъ. Я не буду называть его фамиліи — все равно. Звали его Германомъ. Это красивое имя, — у насъ русскихъ даютъ его рѣдко, хотя гдѣ-то подъ Петербургомъ есть даже моги Германа. Ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Онъ былъ очень красивъ, лицо его было смѣло, открыто, почти дерзко. Глаза у него были черные, молодые. Онъ былъ высокій, мускулистый, носилъ усы и коротко стригъ голову. Онъ былъ богатъ, уменъ, отлично говорилъ на всѣхъ языкахъ. Онъ былъ смѣль, рѣшителенъ, самоувѣренъ.

Первые раза два онъ не обратилъ на меня вниманія, и больше говорилъ съ сестрой. Въ третій разъ онъ пріѣхалъ, когда сестры не было. Я почему-то вспыхнула, выходя къ нему. Онъ, здороваясь, вдругъ поднесъ мою руку къ губамъ и сказалъ:

— А вѣдь вы не знаете, какъ вы дивно хороши.

Мнѣ показалось это оскорбленіемъ. Я знала, что я не только не дивно хороша, но и вообще гораздо хуже сестры. Я грубо вырвала у него руку и убѣжала. Меня звала мать выйти къ гостю, я не выходила. Только, когда совсѣмъ онъ уѣзжалъ, я вышла. Онъ почтительно пожалъ мнѣ руку. И такое это было теплое, хорошее дружеское пожатіе.

Я благодарно взглянула ему въ глаза. Онъ прочелъ въ моемъ взглядѣ: „никогда не обижайте меня, какъ обидѣли часъ назадъ“. И мнѣ показалось, что глаза его отвѣтили: „я никогда васъ больше не обижу“.

Онъ началъ бывать часто. Сперва черезъ день, потомъ каждый день. Онъ звалъ насъ ѣхать за границу. Мать говорила, что нѣтъ денегъ. Онъ увѣрялъ, что деньги—пустяки. Онъ достанетъ для насъ денегъ безъ всякаго векселя и безъ срока. Отдадимъ, когда будетъ

возможность. „Когда Мери выйдетъ за милліонера“, прибавилъ онъ однажды.

Со мной онъ ничего не позволялъ. Только изрѣдка взглядывалъ долгимъ и грустнымъ взглядомъ. Въ его глазахъ была печаль,—какое-то подавленное, изжитое страданіе. Когда я разъ ему это сказала, онъ отвѣтилъ:

— Я былъ очень несчастливъ.

Однажды мы сидѣли съ нимъ у окна. Была весна, и каштаны уже зеленѣли. Онъ долго смотрѣлъ на меня молча, и мнѣ было хорошо подъ его взглядомъ. Потомъ онъ медленно взялъ мою руку, поднесъ къ губамъ и тихо, чуть слышно шепнулъ мнѣ:

— Жизнь моя, радость моя,—какъ я люблю тебя.

Онъ именно сказалъ *тебя*, а не *васъ*. Я хотѣла встать и не могла, я точно оцѣпенѣла подъ его взглядомъ, а онъ тихо и медленно приближалъ свое лицо къ моему. Какое-то новое незнакомое чувство поднималось во мнѣ и охватывало меня точно жгучимъ ядомъ. Я почувствовала его усы на своихъ губахъ, и первый поцѣлуй, полный такой безграничной любви, обжогъ меня.

Я была счастлива. Всю ночь я писала какой-то дневникъ. Я любила весь міръ; я любила и мать, и сестеръ. Я молилась, полная

невѣдомымъ счастьемъ. Я поняла, какъ хороша и несравненна жизнь.

Каждый нервъ ходилъ во мнѣ, дрожалъ и бился, руки были холодны, а сама я горѣла.

— Ты любишь меня, скажи, ты любишь? спрашивалъ онъ меня на другой день, и смотрѣлъ съ дрожью восторга, какъ мои губы шептали ему въ отвѣтъ:

— Люблю.

Розовый праздничный туманъ окуталъ меня. Лихорадка какой-то безумной страсти овладѣла мною. Сна больше не было: цѣлыя ночи мои глаза были открыты и недвижно смотрѣли въ ночной мракъ. Мысли летѣли въ какой-то крутящейся бѣшеной пляскѣ. Я думала, что схожу съ ума, — мой мозгъ горѣлъ и жегъ голову...

Я замѣтила, какъ мать съ особенной любовью стала смотрѣть на меня; какъ особенно ласково она встрѣчала Германа, какъ нѣжно цѣловала его въ високъ, когда онъ почтительно цѣловалъ ей руку. Миѣ сразу сдѣлали три платья у хорошей портнихи, — сестра сама ѣздила со мною къ ней въ мастерскую. Точно состоялось какое-то безмолвное соглашеніе между всѣми нами: меня старались показать съ лучшей стороны, и каждый день меня выводили къ нему нарядную, всю трепетавшую чистой дѣвической неясной страстью. Я ждала его весь день, а когда наступалъ часъ его приѣзда, — я была

вся одно горѣнье, одна любовь. Я чутко прислушивалась къ стуку экипажа, и издали научилась различать топотъ его каравовыхъ лошадокъ, запряженныхъ въ шоры и извѣстныхъ всему городу.

Мать часто заговаривала о немъ, — и говорила о нашемъ бракѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Она говорила, какъ онъ богатъ, какъ образованъ, сколько у него знатной родни въ Петербургѣ.

Насъ нерѣдко оставляли вдвоемъ, отпускали вмѣстѣ гулять. Онъ былъ всегда почтителенъ, предупредителенъ. Смотрѣлъ такъ ласково и кротко. Разъ только въ сумеркахъ, когда мы вернулись съ гулянья, — и никого не застали дома, — едва я сбросила съ себя накидку и шляпку, онъ привлекъ меня къ себѣ, охвативъ сильной рукою за плечи, и не выпуская изъ объятій, спросилъ:

— Ты вѣдь будешь моею? Да, ты будешь?

И я ему сказала: Да.

Рѣшено было дѣлать приданое за границей. Онъ давалъ намъ денегъ на поѣздку, — и теперь мать, какъ будущая его теща, могла смѣло принять ихъ. Сестра сказалась больною и осталась въ Варшавѣ, а мы поѣхали съ младшей сестрою.

Вся эта дорога была сплошнымъ чуднымъ сномъ. Онъ какъ нянька ходилъ за нами. Мы

съ мамой ѣхали вдвоемъ, а онъ помѣщался рядомъ, въ маленькомъ отдѣленіи. Я помню, какъ онъ давалъ впередъ телеграммы объ обѣдахъ и завтракахъ, и намъ подавали ихъ уже готовыми въ вагонъ. Я помню чудныя горы Тироля, горныя рѣчонки, цвѣтушіе луга, деревеньки и городки. Не помню, какъ и гдѣ мы ѣхали,—но помню, что черезъ нѣсколько дней мы очутились въ Генуѣ.

Почему мы туда пріѣхали,—я совершенно не могу теперь отдать отчета. Кажется, у Германа было какое-то дѣло у какого-то банкира. На второй день пріѣзда заболѣла сестра. Мать неотлучно была при ней съ какимъ-то неопытнымъ итальянцемъ-докторомъ, ни слова не говорившимъ, а только поводящимъ своими выпуклыми глазами. Я съ Германомъ вдвоемъ ходила по этому тѣсному старинному городу. Смотрѣла съ нимъ какія-то обветшавшія палатки какихъ-то магнатовъ, смотрѣла на сиреневую зелень моря, слушала крики погонщиковъ, ревъ ословъ, ѣздила на какое-то чѣмъ-то замѣчательное кладбище,—и всюду вдвоемъ, всюду рука съ рукой, въ большомъ чужомъ городѣ, на яркомъ южномъ свѣтѣ.

Но прежняя грусть свѣтилась въ его глазахъ. Разъ, въ сумеркахъ, когда мы сидѣли въ городскомъ саду,—я спросила его—отчего онъ такой.

— Я одинокъ, сказалъ онъ.—Я одинокъ съ дѣтства. Я рано остался сиротой. Я никогда не зналъ материнской ласки,—никогда! Меня воспитывалъ опекунъ. У меня даже не было няньки,—за мной ходилъ ворчливый деньщикъ и оставлялъ меня по цѣлымъ днямъ голоднымъ, полуодѣтымъ. Опекунъ былъ строгъ, грубъ, даже жестокъ со мной. Меня начинала бить лихорадка, едва онъ входилъ въ комнату. Состояніе у меня было крохотное, вѣрнѣе совсѣмъ ничего не было — оно цѣликомъ ушло на мое образованіе. И когда я кончилъ его,—тутъ-то и начались мои страданія, моя борьба. Я долженъ былъ итти навстрѣчу, и зависти и злобѣ, я долженъ былъ преодолевать всѣ препятствія, что были на моемъ пути. И сколькихъ мукъ, сколько трудовъ стоило мнѣ завоевать то положеніе, котораго, наконецъ, я добился. Теперь я обезпеченъ, даже богатъ, если хотите. Но одиночество—полное одиночество еще сильнѣе даетъ себя чувствовать. Я доживаю пятый десятокъ лѣтъ: мнѣ уже сорокъ шесть. И что будетъ впереди,—я не знаю. Я все одинъ.

Я положила свою руку на его.

— А я?

Богъ порукой, что это „а я!“ было крикомъ моей тоже наболѣвшей одиночествомъ души. Еслибы Германъ былъ болѣе психологъ,—онъ-бы понялъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ

дѣвушка, которая готова на всѣ муки и страданія, лишь-бы быть съ нимъ.

— А сдѣлаю-ли я тебя счастливой? задумчиво сказалъ онъ.

— Да, да, счастье только тамъ, гдѣ ты. Мы никогда съ тобой не разлучимся. Да?

— Еслибъ это такъ было, еслибъ такъ могло быть! грустно сказала она.

Сестра не поправлялась. Докторъ говорилъ, что нечего и думать везти ее въ дорогу. Германъ видимо скучалъ. Ему надо было въ Ниццу.

— Оставьте насъ здѣсь, поѣзжайте, предлагала мать.

Онъ отрицательно качалъ головой.

— Это выше моихъ силъ. Оставьте васъ здѣсь я не могу.

Наконецъ, однажды, мать предложила:

— Возьмите Мери, поѣзжайте съ ней. Черезъ недѣлю мы будемъ съ вами.

Онъ оживился, глаза его заблестали.

— Вы отпускаете ее со мной? О, благодарю васъ, благодарю.

И прощаясь со мной передъ тѣмъ, какъ онъ уходилъ къ себѣ, онъ опять долгимъ поцѣлуемъ отуманилъ меня и сказалъ:

— Какое счастье, Мери, какое счастье!

Помню эту ночь. Было душно. Городъ спалъ. Въ какомъ-то странномъ, неясномъ пред-

чувствіи я металась въ постели. Что будетъ завтра? Я съ нимъ куда-то ѣду. Я буду одна съ нимъ, — съ этимъ лучшимъ изъ людей; и всѣ его помыслы, всѣ его заботы—все это оудеть сосредоточено на мнѣ на одной. „Счастье!“ повторяла я его слова. И въ то-же время мнѣ казалось, что меня ждетъ какое-то горе, что меня ждетъ что-то ужасное.

Къ восьми часамъ я уже была одѣта, и все у меня было уложено. Онъ вошелъ, сіяющій, въ свѣтломъ лѣтнемъ дорожномъ костюмѣ, съ яркимъ цвѣткомъ въ петлицѣ, полный здоровья, душистый и свѣжій. Счастливыми глазами взглянулъ онъ на меня, нѣжно поцѣловалъ руку, открылъ окно, глянулъ на темно-синее небо и сказалъ:

— Какой чудный день.

Мы ѣхали одни въ вагонѣ. Черные туннели неслись вереницей. Между ними, какъ въ сказкѣ, мелькали чарующія побережья моря, всѣ въ апельсиновыхъ рощахъ. Онъ сидѣлъ рядомъ со мной, отвернувшись отъ окна, держалъ меня крѣпко въ своихъ объятіяхъ и не сводилъ съ меня глазъ. Онъ дорогъ былъ мнѣ сознаниемъ, что я, я — молоденькая дѣвочка, я искуплю для него всю несправедливость судьбы, я заплачу ему за годы его несчастій. Я не помнила

и не хотѣла помнить, что я его невѣста, да и не все-ли это было равно?

Мы не доѣхали до Ниццы. Въ чаду моей страсти я ничего не замѣчала, и до сихъ поръ не могу сказать, гдѣ мы были. Я помню, какъ по вечерамъ, когда мы катались въ фаэтонѣ, онъ называлъ мнѣ разные деревушки, городки и селенія. Но мнѣ было все равно и до нихъ, и до того, какъ они назывались. Я помню двухъэтажный отель съ видомъ на безбрежное, далекое море. Помню толстаго почтительнаго швейцара и толстую хозяйку отеля, которая говорила про меня Герману: „madame votre femme“. Да и меня нельзя было назвать иначе.

Четыре дня прожили мы здѣсь. Я не жалѣла о томъ, что случилось. Я безъ страха смотрѣла впередъ. Не все-ли равно? Мы любимъ другъ друга, и должны быть однимъ существомъ. Скажи онъ мнѣ тогда: „Мери, кинься въ воду, утони, я такъ хочу!“ — я-бы даже не спросила у него, зачѣмъ ему это надо, и кинулась-бы въ волны, обнявъ его въ послѣдній разъ.

Четыре дня мы прожили здѣсь. На пятый—мы пріѣхали въ Ниццу. Тутъ было шумно и людно. Германъ сталъ одѣваться еще тщательнѣе. У него здѣсь было много знакомыхъ, и

— О-о! сказалъ онъ.—Вѣрно понравился каналья?

Я хотѣла опять возражать, но онъ не далъ мнѣ договорить.

— Мама здорова? спросилъ онъ.—Вы гдѣ остановились?

— Не все-ли вамъ равно?

— О, вотъ вы какъ!

Онъ всталъ. Лицо его перестало быть пріятнымъ, а стало прямо-таки злымъ.

— Я васъ избавлю отъ своего присутствія, продолжалъ онъ.—Но все-таки я обязанъ сказать вамъ на прощанье и предупредить вашу мать: вамъ нельзя показываться подъ руку съ Германомъ. Это шулеръ чистѣйшаго чекана...

Онъ приподнял шляпу и, прежде чѣмъ я успѣла ему отвѣтить, отошелъ отъ меня.

Гнѣвъ, горечь обиды, злость — все кипѣло во мнѣ. Когда Германъ подошелъ, онъ испугался, увидя мое лицо.

— Дѣвочка, что съ тобой? участливо спросилъ онъ.—Тебя обидѣлъ кто?

— Ты знаешь Шардена?

— Ну, знаю.

— Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что я не должна съ тобой ходить подъ руку, что это меня компрометируетъ.

— Что-же, можетъ быть, онъ правъ. Ре-

путація дѣвушки всегда страдаетъ, когда ее видятъ одну въ обществѣ мужчинъ.

— Онъ не то сказалъ...

Я съ трудомъ перевела дыханіе.

— Онъ сказалъ... что съ тобой потому нельзя мнѣ быть, что ты... шулеръ.

Мнѣ показалось, что онъ нѣсколько поблѣднѣлъ; онъ сдвинулъ нервно свою шляпу и крѣпко сжалъ рукой свою палку.

— Ты долженъ потребовать отъ него объясненія, продолжала я. — Онъ долженъ дать тебѣ удовлетвореніе.

Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, и улыбнулся.

— Съ такими людьми, какъ онъ, не дерутся, проговорилъ онъ.

— Почему?

— Потому, что это отъявленные лгуны и сплетники. Ихъ всѣхъ не перестрѣляешь. Въ глаза онъ мнѣ этого никогда не посмѣетъ сказать, а за глаза пусть говоритъ, что хочетъ.

Но меня это разстроило на весь день. Во время обѣда пришло письмо, что сестрѣ лучше, и что завтра онѣ будутъ.

— Намъ надо взять два разныхъ номера, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ это? удивилась я.

— Неудобно-же намъ при мамѣ...

— А не все-ли равно? Скажи ей, что

послѣзавтра наша свадьба. Здѣсь есть русская церковь. Обвѣнчаемся, и конецъ.

Онъ повернулъ голову къ окну и долго пристально смотрѣлъ въ него.

— Надо подумать, сказалъ онъ.

Я не понимала, о чемъ тутъ думать. Въ тотъ-же вечеръ я опять увидѣла Леона, онъ проходилъ мимо насъ и, замѣтя Германа, радужно подаль ему руку. Германъ тоже весело его привѣтствовалъ. Меня это поразило. Я отвернула голову и не отвѣтила на его поклонъ.

— Съ вами здороваются, сказалъ Германъ.

— Мы сегодня ужъ видѣлись, возразила я и, вставъ изъ-за стола, прошла къ себѣ, оставивъ ихъ бесѣдовать.

Минуть черезъ десять пришелъ Германъ.

— Отчего ты ушла?

— Оттого, что я не могу быть съ человекомъ, который публично говоритъ про тебя чудовищныя вещи.

— Но ты видѣла, онъ самъ подошелъ, самъ протянулъ руку. Такъ нельзя жить, Мери.

Ночь я спала плохо. Германъ съ вечера ухаживалъ за мной. Но мнѣ онъ казался не такимъ близкимъ, какъ день назадъ. Я не допускала и мысли, чтобъ Леонъ былъ правъ въ своихъ сплетняхъ. Но все-же какая-то под-

польная глухая тоска грызла меня. Я теперь ждала приѣзда матери, чтобъ спросить у нея — насколько она знаетъ Германа.

У него совѣсть, должно быть, была чиста, потому что онъ невозмутимо спалъ до утра, и утромъ всталъ такой-же веселый, ласковый, любящій, какъ и въ предшествующіе дни.

Отъ мамы пришла новая телеграмма, уже оповѣщавшая о выѣздѣ ея. До прихода поѣзда оставалось какихъ-нибудь четверть часа. Германъ заторопился на вокзалъ встрѣчать ее, а я не успѣла одѣться, и мы рѣшили, что я буду ждать своихъ тутъ-же рядомъ, въ приготовленномъ для нихъ помѣщеніи.

Едва онъ ушелъ, ко мнѣ постучали. Это мальчикъ принесъ на мое имя записку. Она была на французскомъ языкѣ и съ большими ошибками.

„Mademoiselle“, писалъ мнѣ неизвѣстный корреспондентъ, хотя я чувствовала, что это былъ Леонъ, а никто больше: — „Вамъ слѣдуетъ открыть глаза. Вы летите въ пропасть. Остановитесь, пока еще не поздно. Лицо, съ которымъ вы живете въ одномъ номерѣ, хорошо извѣстно во всѣхъ игорныхъ притонахъ и Парижа, и Петербурга, и Варшавы. Онъ играетъ счастливо, хотя иногда бываетъ жестоко наказанъ подозрительными партнерами. Но и это

все еще пустяки: можно любить преступника. Но едва-ли вы знаете, что онъ живетъ на счетъ своей жены,—очень богатой женщины,—которая его прогнала за вѣчныя измѣны, но посылаетъ ему ежемѣсячно значительное содержаніе. Она дурна, гораздо старше его, чувствуетъ къ нему влеченіе старой, развращенной женщины и надѣется, что онъ къ ней вернется. Когда онъ проиграется до того, что выхода болѣе уже нѣтъ,—онъ ѣдетъ къ ней цѣлуетъ ея ноги и вымаливаетъ нужную сумму. Все, что я пишу, легко провѣрить. Но дѣло даже и не въ этомъ. Хотите, я скажу вамъ, чѣмъ онъ заманилъ и увлекъ васъ? Онъ говорилъ про свое одиночество, про грустное дѣтство, про то, что его никто не любилъ. Онъ это всегда говоритъ женщинѣ и дѣвушкамъ, взаимности которой хочетъ добиться. Его любовницъ можно насчитать десятки,—въ томъ числѣ есть дѣвушки изъ порядочныхъ семействъ. Не правда-ли, и вы попались въ ту же сѣть? Но какъ-бы ни зашло у васъ далеко, — все-же лучше остановиться теперь, пока онъ не сдѣлалъ васъ царицей какого-нибудь игорнаго вертепа или не прогналъ васъ отъ себя по требованію временно примирившейся съ нимъ супруги. Прощайте. Богъ да сохранить васъ, бѣдное дитя!

Вашъ другъ“.

Внечаслѣніе этого письма было ошеломляющее.

Я ужаснулась не тому, что онъ женатъ, не тому, что онъ овладѣлъ мной, — не все-ли это было равно, если я его любила и приготовилась къ тому, чтобы провести съ нимъ жизнь. Я ужаснулась тому, что онъ ни однимъ словомъ никогда не намекнулъ на свою женитьбу. Онъ игралъ роль свободнаго холостого человѣка, онъ какъ-будто пропускалъ мимо ушей, когда говорили о свадьбѣ. Самъ онъ никогда не заговаривалъ о ней, — теперь я ясно это помнила. Онъ никогда не дѣлалъ мнѣ предложенія, онъ не говорилъ: „будь моей женой“, — онъ спрашивалъ: „ты будешь моею?..“

И я повѣрила этому анонимному письму, повѣрила не умомъ, а сердцемъ, такъ-же, какъ повѣрила недѣлю назадъ Герману.

Я была уже почти одѣта, когда принесли письмо. Прочитавъ его, я, окаменѣлая, застыла передъ зеркаломъ. Потомъ я быстро накинула шляпку, взяла зонтикъ и пошла изъ отеля, оставивъ открытыми настежь двери и захвативъ съ собою только роковую записку. Я не хотѣла, я не могла встрѣчаться ни съ нимъ, ни съ матерью. Я пошла въ сторону, противоположную той, откуда они должны были пріѣхать. Я шла быстро, ни на кого не смотря, думая

объ одномъ — скорѣе-бы миновать городъ и встрѣчныхъ англичанъ.

Самое ужасное, чего я боялась — ложь — встала передо мной во всемъ своемъ неприглядномъ, подломъ видѣ. Я не жалѣла себя, повторяю еще разъ, — я не жалѣла того, что случилось. Я жалѣла своего искренняго чувства къ нему, я жалѣла ту вѣру, что вспыхнула въ моемъ неопытномъ молоденькомъ сердцѣ такъ искренно, такъ чисто. И въ отвѣтъ на мою почти дѣтскую отзывчивую, страстную любовь, — въ отвѣтъ на это — онъ разыгралъ какую-то пошлую комедію, — о женихѣ съ невестой. Еслибъ онъ прямо сказалъ мнѣ, что у него есть жена, которую онъ не любитъ, которая его презираетъ, — быть можетъ, я отдалась-бы ему такъ-же, какъ и теперь, только не было-бы той катастрофы, того ужаса, что теперь.

Я шла все впередъ и впередъ, по бѣлой пыльной дорогѣ. Тѣнь отъ деревьевъ то заслоняла меня, то опять открывала меня солнцу. Море съ тихимъ шипѣніемъ разливалось внизу, точно нашептывало берегамъ что-то, убаюкивало ихъ змѣиной лаской. Оно было непредѣльное, туманное, измѣнчивое, наружно-спокойное и манящее, но стоило ему довѣриться, какъ тѣмъ жалкимъ далекимъ судамъ, и оно сулило гибель. Подъ горячимъ солнцемъ все спало, точно

очарованное. Колючіе кактусы — уродливые, иглистые, смотрѣли какъ злые карлики: нельзя было кого запѣвить своей острой иглою. Тополя недвижно, какъ нарисованные, стояли въ жгу-чемъ воздухѣ. Прокатился мимо возъ, и мулы подняли пыль. Шли мальчикъ съ фруктами, крестьянка съ козой на веревкѣ. Я смотрѣла на встрѣчныхъ и шла все впередъ и впередъ.

Близъ дороги бѣлѣла какая-то избушка. Молодая женщина сидѣла у дома въ синей юбкѣ. Передъ ней стоялъ старикъ и пилъ изъ кружки молоко, весело съ ней пересмѣваясь. Я подошла къ ней и попросила тоже молока. Она налила и мнѣ. Старикъ вытерся рукой, крикнулъ что-то смѣшное и пошелъ прочь.

— Это вашъ отецъ? спросила я.

— Нѣтъ, мужъ, отвѣтила она, точно обидѣвшись за него. — Онъ не старій, а только сѣдой.

Изъ двери вышелъ мальчикъ лѣтъ трехъ, совсѣмъ голый, курчавый и черный. Онъ оставилъ у притоля и сталъ исподлобья смотрѣть на меня.

— А это нашъ старшій сынъ, сказала она.

— Вы счастливы? спросила я.

Она какъ-будто не поняла вопроса, и даже отвернулась. Я попросила еще кружку, и тогда

только вспомнила, что у меня, кажется, нѣтъ денегъ. Но портмонэ оказалось въ карманѣ. Я дала ей нѣсколько монетъ. Она взяла, не поблагодарила меня, а что-то сердито крикнула на мальчика.

Я встала и снова пошла, но не назадъ, а все впередъ. Дорога вилась вокругъ скаль, то подымалась, то опускалась. И навязчивыя мысли неотступно вились надо мной, какъ надоѣдливыя жадныя, ядовитыя мухи.

„Теперь между нами все потеряно навѣкъ, думала я, — потому-что нельзя жить, если между людьми стала ложь. Это надо кончить и порвать, порвать сейчасъ-же, немедленно, ничего не дожидаясь. Говорить съ нимъ нечего и не о чемъ“.

Тѣни стали длиннѣе. Воздухъ сталъ розоватымъ. Силы мои упали. Я дальше не могла идти. Я сѣла на камень подъ одинокой пихтой, лицомъ къ солнцу. Оно было уже невысоко надъ горизонтомъ. Кровавый лиловый туманъ ждалъ его внизу, — точно оно должно было закутаться въ густой тяжелый дымъ. Я смотрѣла на его огромный шаръ и думала: ужели это то солнце, что свѣтило мнѣ въ дѣтствѣ, что свѣтило еще нынче весной; ужели это то самое солнце, что веселымъ лучемъ еще вчера прорывалось ко мнѣ въ спальню черезъ скважины зеленыхъ ставней? Нѣтъ, это было

что-то новое, что-то зловѣщее, грозно смотрѣвшее однимъ кровавымъ глазомъ на мѣръ.

Оно отражалось въ морѣ тысячами искръ. Море точно трепетало отъ его огненнаго взгляда, и все дрожало безконечною рябью. Соленный вѣтерокъ слабо долеталъ оттуда и охлаждалъ мое обожженное свѣтомъ и зноемъ лицо. Руки, ноги, тѣло—все было утомлено, избито. Душа тоже была избита, утомлена, тоже просила покоя. Мнѣ казалось, что я смотрю на себя со стороны, и вижу несчастную брошенную дѣвочку, одиноко сидящую подъ деревомъ. Я видѣла ея жалкое лицо, ея запыленную обувь, разорванную юбку. Слезъ не было на ея глазахъ—они были сухи, губы сжаты, руки нервно и крѣпко стиснуты.

Солнце скрылось. Набѣжали сумеречныя тѣни. Море вдругъ стало сѣрымъ. У самыхъ моихъ ногъ, шурша травой, прокатился какой-то звѣрекъ. Я знала, что я не могу встать, что у меня не хватитъ силъ, и что я такъ буду сидѣть всю ночь до разсвѣта.

Какое-то забытье охватило меня. Я прислонилась къ стволу дерева и, прищурясь, смотрѣла въ дымчатое море. Какъ сквозь сонъ мнѣ казалось, что меня называютъ по имени, но я знала, что это сонъ, и что некому меня

звать. Но потомъ слышались шаги, и растерянное лицо Германа наклонилось надо мной.

— Мери, что вы здѣсь дѣлаете? Насилу я нашель васъ.

Я открыла глаза, посмотрѣла на него, но ничего не отвѣтила.

— Поѣдемъ домой. Мама въ отчаяніи. Я ужъ хотѣлъ дать знать полиціи.

Онъ укутывалъ меня пледомъ и осторожно велъ до коляски. Я слышала, какъ щелкнулъ бичъ, какъ коляска покатила. Онъ что-то мнѣ рассказывалъ о томъ, какъ онъ ѣздилъ во всѣ стороны, и всюду спрашивалъ, не видѣли-ли меня. Онъ знаетъ, что я получила записку, и догадывается, что это новый пасквиль. Я молча подала ему письмо. Онъ трясущимися руками схватилъ его, пробѣжалъ и смялъ. Лицо его дергали судороги.

— Это правда? спросила я.

— Я женатъ, сказалъ онъ. — Но отъ жены никакихъ субсидій я не получаю, — никогда съ ней не вижу и ни съ кѣмъ не живу.

— А кому-же ты жаловался на свое одиночество?

Это было самое больное, самое обидное для меня изъ всего письма. Его какъ-будто смутилъ мой вопросъ.

— На это я ничего не могу сказать. Я ничего не понимаю — откуда...

— А скоро ты думаешь получить отъ жены разводъ?—спросила я.

Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, — я повторила вопросъ.

— Я просилъ нѣсколько разъ, сквозь зубы сказалъ онъ, — она не даетъ развода.

Больше мы съ нимъ не сказали ни слова.

Когда мать кинулась ко мнѣ навстрѣчу, она показалась мнѣ такой далекой и чуждой. У меня достало силъ сказать ей, что я пошла ее встрѣчать и заблудилась. Я говорила, что очень устала и просила не тревожить меня.

Я думала, что не засну, — а между тѣмъ, я спала мертвымъ, тяжелымъ сномъ, безпробуднымъ, точно опоенная чѣмъ-нибудь. Когда на утро я встала, — прошлаго не было.

Я матери рассказала все. Она выслушала гораздо спокойнѣе, чѣмъ я думала, и сказала одно:

— Какъ ты неосторожна.

Мнѣ въ голову не приходило, что она пойдетъ къ нему объясняться. Но она пошла, и черезъ часъ вернулась торжествующая.

— Онъ далъ слово, что завтра начнетъ разводъ, сказала она.

— Зачѣмъ? Неужели вы думаете, я выйду за него замужъ?

На это со стороны матери вдругъ послѣдовалъ взрывъ яростной брани. Она называла меня всевозможными оскорбительными именами, она кричала, топала ногами, — такъ что онъ пришелъ на шумъ и долженъ былъ ее успокаивать. Я никогда ее не любила, но съ этой минуты я ее возненавидѣла.

Вечеромъ я стала заговариваться и бредить на яву. Пришла я въ себя только черезъ двѣ недѣли. Монахиня съ крестомъ сидѣла у моей кровати. На столикѣ стояло лекарство. Сестра спала тутъ-же на кушеткѣ. Германа не было въ городѣ, онъ уѣхалъ.

Мы снова переѣхали въ Варшаву. Я не могла видѣть мать, особенно когда я узнала, что Германъ ей долженъ былъ выдать какіе-то документы, о которыхъ шла переписка съ его женой, и жена по нимъ заплатила. Мое паденіе было оплачено какой-то развратной старухой.

Я сказала, что не остаюсь больше дома. Началась переписка съ теткой Анной. Я любила ее, и рада была оставить свой домъ. Я поставила крестъ на все прошлое. Но не все оказалось возможнымъ порвать съ этимъ прошлымъ.

Въ послѣднее время моего пребыванія въ Варшавѣ сталъ бывать у насъ одинъ... Онъ

правился мнѣ,—но я боялась дать ему это замѣтить. Онъ самъ пошелъ навстрѣчу. Начались намеки. Я поспѣшила уѣхать въ Петербургъ.

Онъ пріѣхалъ сюда. Съ письмомъ отъ матери, онъ пріѣхалъ къ теткѣ. Его приняли. Онъ началъ бывать. Черезъ мѣсяцъ онъ сдѣлалъ предложеніе.

Я отказала ему, ужасаясь одной мысли о возможности для меня брака. Я ему сказала, что не люблю его. Это была ложь. Если я его не любила, то все-таки онъ мнѣ нравился. Въ немъ было много того искренняго благородства, той чистой вдумчивости, которая свойственна теперь нѣкоторой части молодежи. Онъ не выдержалъ моего отказа. Онъ сказалъ, что онъ уйдетъ отъ міра. И онъ ушелъ. О немъ говорятъ много страннаго, вѣроятно, преувеличеннаго.

Я не выйду замужъ,—я никогда не выйду замужъ. Я убѣждена, что женщина можетъ принадлежать только одному человѣку. Если, какъ говорятъ, можно любить только одинъ разъ въ жизни, то тѣмъ болѣе нельзя принадлежать двоимъ мужьямъ,—какъ нельзя жить два раза,—жизнь дается одна.

Женщина только чистой можетъ стоять въ вѣнчальномъ платьѣ и цвѣтахъ среди церкви

и торжественно давать обѣтъ въ вѣрности. Если она забрызгана уже грязью жизни,—къ чему эти торжественные обѣты? Въмѣсто искренней первой любви, она принесетъ мужу подогрѣтое, разсудочное чувство. Вѣчно будетъ стоять между ними призракъ того третьяго— что когда-то былъ ея властителемъ,—и мѣшать имъ жить. Какъ неизлѣчимая рана, эта старая боль будетъ то-и-дѣло напоминать имъ о прошломъ,—и никогда не дастъ имъ счастья тихо любить и вѣрить другъ другу.

А если она станетъ матерью? Если когда-нибудь ея дочь узнаетъ, что она пришла къ ея отцу не изъ своего дома, а изъ дома ея любовника? Объ этомъ ужасно подумать!

Я знаю, человѣкъ любящій все простить, все забудетъ. Но я сама себѣ не могу ничего простить, ничего забыть...

Два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я написала послѣднюю строку. И мнѣ еще тяжелѣе, еще безвыходнѣе, чѣмъ прежде.

Любовь сильнѣе меня. Я люблю. Я давлю это чувство въ себѣ, разрываю его на части, но оно снова растетъ, растетъ, наполняетъ мою грудь, сердце, голову,—я становлюсь безумной. Онъ никогда не назоветъ меня своею. Лучше смерть,—но смерть съ сознаниемъ того,—что

мнѣ ничего больше не дано въ мірѣ, что тя-
гость жизни мнѣ не по силамъ.

Я борюсь,—и все сильнѣе чувствую любовь
къ нему. И все-же я не пойду къ нему. Если
будетъ жизнь за гранью смерти, и если онъ
любитъ меня — тамъ мы будемъ вмѣстѣ.

* *
*

На этомъ кончалась рукопись Мери.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Наступила весна.

Къ удивленію всѣхъ,—особенно къ удивленію докторовъ, Мери поправлялась очень медленно. Доктора единогласно признали, что отравленіе миновало благополучно и не оставило слѣдовъ въ организмѣ. А между тѣмъ, вопреки ихъ увѣреніямъ, здоровье къ ней не возвращалось. Она чувствовала слабость, головокруженіе, тяжесть въ темени. Дышалось ей тяжело, сердце давало перебои. Щеки ея еще болѣе поблѣднѣли, глаза точно подернулись тонкой, прозрачной вуалью. Она больше сидѣла неподвижно въ креслахъ, вставала неохотно, къ обѣду не выходила, разговаривала мало, точно съ трудомъ выговаривая слова.

Иванъ Петровичъ зорко слѣдилъ за нею. На Оуминой онъ собственноручно написалъ записки тремъ докторамъ и „покорнѣйше“ про-

силъ ихъ устроить консиліумъ относительно племянницы. Хотя всѣ три доктора, — изъ которыхъ два занимали профессорскія кафедръ, — были спеціалистами по внутреннимъ болѣзнямъ, но весьма скептически относились другъ къ другу и смотрѣли другъ на друга какъ авгуры. Они рѣдко сталкивались при пациентахъ, — у каждаго изъ нихъ былъ отмежеванъ свой районъ, — и если они сами устраивали консиліумъ, то приглашали спеціалиста изъ другой области медицины. Но приглашеніе такого лица, какъ Иванъ Петровичъ, не допускало обычнаго образа дѣйствій. Вдобавокъ, Иванъ Петровичъ предусмотрительно назначилъ днемъ консиліума праздникъ, — чтобы всѣ были свободны отъ служебныхъ занятій, начиная съ него самого. Всѣ отвѣтили, что будутъ счастливы исполнить желаніе его высокопревосходительства, и пріѣхали въ назначенный часъ весьма аккуратно.

Мери была противъ этого сборища. Она сказала дядѣ, что совершенно не желаетъ, чтобы эти господа входили къ ней въ спальню, просили ее растегнуть платье, а потомъ прикладывали свои расчесанныя головы къ ея лѣвому боку, подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимо выслушать сердце. Она не хочетъ этого, и не допустить, чтобы они прижимались своими холодными красными ушами къ ея обнаженной спинѣ и просили вздохнуть поглубже. Она го-

това отвѣчать на какіе угодно вопросы, но— и только.

Иванъ Петровичъ предупредилъ объ этомъ докторовъ. Тѣ не удивились, а одинъ—уже престарѣлый профессоръ, заявилъ, что въ гаремахъ лѣчатъ всегда заглазно и помогаютъ не хуже, чѣмъ при тщательныхъ діагнозахъ. Онъ посмотрѣлъ на своихъ товарищей вызывающе. Тѣ какъ-будто согласились, а одинъ промычалъ:

— Вамъ и книги въ руки.

На вопросы этого синклита, Мери отвѣчала вяло и неохотно. Тѣмъ не менѣе, пульсъ былъ сосчитанъ, языкъ осмотрѣнъ,—обо всѣхъ, даже совершенно ненужныхъ предметахъ, вопросы поставлены. Старикъ какъ-то похихикивалъ и хитрыми глазками поглядывалъ то на пациентку, то на коллегъ. Если-бы передъ нимъ сидѣла не племянница сановника, а просто дочка почтмейстера, онъ-бы ее спросилъ:

— А жениха, сударыня, у васъ нѣтъ?

Но тутъ онъ воздержался отъ такого вопроса и согласился съ товарищами, что у пациентки „нервы“.

Когда они доложили объ этомъ его высокопревосходительству, тотъ поморщился.

— Мнѣ-бы желательно было знать, мягко заговорилъ онъ, — какъ и чѣмъ возстановить дѣятельность ея организма? За этимъ, господа, я и имѣлъ смѣлость васъ побеспокоить.

Старикъ профессоръ не выдержалъ.

— Извините, ваше высокопревосходительство, — я прямо вамъ скажу. Всѣ недуги вашей племянницы пройдутъ при первой беременности.

Иванъ Петровичъ значительно сжалъ губы.

— Вѣдь вамъ извѣстно, ваше превосходительство, что она не замужемъ? сказалъ онъ.

— Для медицины это безразлично, ваше высокопревосходительство. Я вамъ констатирую простѣйшій способъ излѣченія. Въ ея организмѣ нѣтъ уравновѣшенности. Природа создала женщину быть матерью, и ничѣмъ больше. Въ животномъ мѣрѣ такъ и всегда бываетъ. — тамъ каждый индивидуумъ въ пору половой зрѣлости дѣлается производителемъ и тѣмъ выполняетъ свое назначеніе. Ну, а мы, племена цивилизованныя, нашли, что подражать звѣрю неприлично, а потому вопросы материнства отходятъ на задній планъ.

— И ваши товарищи согласны съ этимъ? спросилъ Иванъ Петровичъ, смотря изъ-подъ очковъ на двухъ остальныхъ.

Модный аристократическій докторъ Бартольди скромно улыбнулся.

— Теоретически мой глубокоуважаемый коллега, конечно, правъ, сказалъ онъ: — какъ всегда, онъ не только удивительный діагностъ, и психологъ. Но я-бы позволилъ себѣ пе-

рейти отъ теоретическихъ разсужденій на почву чисто-практическую. Вѣдь мы-же не можемъ сказать его высокопревосходительству: „потрудитесь къ послѣ-завтрему выдать вашу племянницу замужъ“. Пожалуй, его высокопревосходительство тогда сочтетъ насъ за бѣглецовъ изъ психіатрической лѣчебницы. А потому, не позволяя себѣ вмѣшиваться въ щекотливые вопросы семейныхъ и общественныхъ положеній, я-бы предложилъ немедленно увести пациентку изъ этихъ стѣнъ куда-нибудь въ иное мѣсто. Теперь, вѣроятно, на-дняхъ уже будетъ тепло. Поѣхать надо туда, куда *захочетъ* ваша племянница. И пусть она дышетъ весной. Предоставьте ей полную свободу, — и я думаю, свобода эта возвратитъ ей здоровье.

— А почему это вы думаете, мрачно заговорилъ старый профессоръ, — что я имѣю обыкновеніе вникаться въ щекотливые вопросы семейныхъ отношеній?

— А ваше какое мнѣніе? спросилъ Иванъ Петровичъ третьяго доктора, остановивъ взглядомъ старика.

Третій докторъ, молодой, тощій профессоръ, повидимому, не имѣлъ никакого мнѣнія. Но онъ встрепенулся при вопросѣ, и сказалъ:

— Я считаю вашу племянницу совершенно здоровой. Ее излѣчитъ время. Она была чѣмъ-то больна, чѣмъ — я не знаю, да и не хочу знать.

Теперь она на пути къ выздоровленію. А меня гораздо болѣе интересуеъ здоровье вашего высокопревосходительства. Съ тѣхъ поръ, какъ я осматривалъ васъ въ послѣдній разъ, вы, по-видимому, хуже себя не чувствуете, — но я повторяю свое мнѣніе: лѣтомъ вѣдь необходимо попить виши.

Старый профессоръ съ огорченіемъ посмотрѣлъ на Ивана Петровича. На его лицѣ ясно выражался упрекъ: „Эхъ, и охота вамъ, ваше высокопревосходительство, обращаться къ такому мальчишкѣ; вѣдь лѣчились-же прежде у меня!“

— Я предлагалъ его высокопревосходительству всегда пить аполлинарисъ съ бѣлымъ виномъ, сказалъ Бартольди.

— Я и пью, отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Я-бы предпочелъ аполлинарисъ безъ бѣлаго вина, сказалъ молодой профессоръ, хмураясь.

— А я-бы предпочелъ, проговорилъ старый профессоръ, — чтобъ вы пили одно вино безъ аполлинариса. Полбутылки добраго мареобруннеръ кромѣ пользы ничего не сдѣлаютъ. Я тридцать лѣтъ лѣчу ваше высокопревосходительство, и съ натурой вашей знакомъ.

Иванъ Петровичъ улыбнулся.

— Да вѣдь рѣчь, господа, идетъ не обо мнѣ, а о моей племянницѣ. Я, слава Богу, здо-

ровъ, и до лѣта еще надѣюсь съ вами увидаться.

Такъ-какъ доктора не знали, кого изъ нихъ въ отдѣльности хочеть онъ пригласить, — или быть можетъ, онъ опять собереть ихъ всѣхъ, — то на всякій случай всѣ трое выразили на лицѣ готовность.

II.

Мери сказала, что она не прочь при первыхъ теплыхъ дняхъ переѣхать въ Финляндію, гдѣ у Ивана Петровича была вполне благоустроенная дача. Анна Ѳедоровна сказала, что она тоже поѣдетъ, чѣмъ не мало изумила своего супруга. Она не любила сѣвера и всегда по возможности оттягивала переѣздъ на дачу. Но въ послѣднее время вообще въ ней замѣчался крутой переломъ, — и въ лицѣ ея появилось что-то совершенно новое, прежде не бывалое. Глаза ея стали какъ-то разбѣгаться, зрачки сузились. Губы часто странно улыбались. Точно она узнала что-то новое, очень важное, чѣмъ не хотѣла ни съ кѣмъ подѣлиться. Былъ-ли тому виной итальянскій художникъ, или кто-нибудь другой, приходившій къ ней изъ загробнаго міра, но Анна Ѳедоровна вдругъ стала каждую пятницу ѣздить въ домикъ Петра Великаго и ста-

вить свѣчи передъ иконой. Однажды, въ дождливый апрѣльскій вечеръ, она надѣла какую-то сомнительную, вышедшую изъ моды кофточку и отправилась пѣшкомъ въ Коломну, въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ по сообщенію давно умершаго священника, въ началѣ прошлаго вѣка была деревянная церковка, въ которой онъ и священствовалъ. Какъ всѣ католички, Анна Федоровна. или вѣрнѣе — Анна Фердинандовна — была въ душѣ религіозна, даже фанатична. Она ничѣмъ не проявляла ранѣе своей религіозности, — но теперь — занятія съ карандашомъ и разговоръ съ загробными жителями произвели въ ней настоящій переворотъ. То, чего не удалось достигнуть ксендзу при помощи исповѣди и катехизиса, то въ три четыре сеанса легко достигала истеричная дѣвица, приходившая въ экстазъ отъ присутствія итальянскаго художника.

Стуки ножкой стола оказались для Анны Фердинандовны убѣдительнѣе текстовъ писанія. Ни на одну минуту не было у нея сомнѣнія въ томъ, что стучащій духъ — есть загробный житель. Вѣра въ него породила вѣру въ новый міръ, о которомъ она совсѣмъ не думала. Она примирилась съ существованіемъ этого міра съ такой-же спокойной совѣстью, съ какою прежде его отрицала. Она даже нашла, что рекрасно существованіе такого міра, и что

было-бы очень грустно, если-бы со смертью человекъ терялъ рѣшительно все. Мысль о будущей жизни въ свой чередъ отразилась и на ея теперешнемъ существованіи. Если есть жизнь за гробомъ, значить, есть связь между жизнью здѣсь и жизнью тамъ. Въ такомъ случаѣ, необходимо чѣмъ-нибудь зацѣпиться на землѣ, чтобы имѣть въ будущемъ заручку.

Когда однажды ночью мысль эта совершенно ясно образовалась и выяснилась у нея въ головѣ, — она вдругъ покраснѣла. Ей показалось, что она внезапно увидѣла свое прошлое въ видѣ длинной безконечной ленты какихъ-то тусклыхъ, сѣрыхъ изображеній. Въ нихъ не было ничего преступнаго, но не было и ничего такого, что возвышаетъ человека надъ сумеречной прозой будничной, мелкой, эгоистической жизни. Ничего того, о чемъ говорилъ ксендзъ, и что въ самомъ дѣлѣ содѣйствуетъ успѣху въ будущей жизни. Она поняла, что дѣло надо поправить. Вопросъ — какъ? — надо было рѣшить очень просто, при помощи того-же стола.

И вопросъ разрѣшился. Духъ священника изъ Коломны объяснилъ на другой-же день, что онъ умеръ схимникомъ. На вопросъ, какъ жить, онъ отвѣтилъ: „какъ я“. На вопросъ: будешь-ли ты мнѣ давать всегда совѣты, — онъ отвѣтилъ: „Буду. Но для этого надо молиться и поститься“.

Анна Фердинандовна стала поститься. Она совершенно перестала ѣсть мясо, говоря, что оно ей вредно. Она познакомилась съ однимъ извѣстнымъ проповѣдникомъ, изъ православныхъ священниковъ, который ходилъ въ шелковой рясѣ въ талію, каждое утро занимался съ гириями гимнастикой и смачивалъ бороду хиной водой, которую онъ выписывалъ непосредственно изъ Парижа. Онъ ей далъ нѣсколько книжекъ по вопросу о загробномъ житіи, но очень не одобрилъ занятій медіумизмомъ.

— Это еще до Рождества Христова имѣло мѣсто, замѣтилъ онъ: — въ книгахъ Моисея осуждаются сношенія съ умершими при помощи дерева. Нужно-ли это? Не ясны-ли и безъ того данныя намъ откровенія?

Нѣтъ, они не ясны, батюшка, убѣжденно сказала Анна Фердинандовна. — Да я не думаю, чтобы тутъ былъ грѣхъ потому уже, что ни одна душа мною не насилуется. Мой старецъ пришелъ самъ безъ всякаго зова и приходитъ каждый разъ, когда мы назначаемъ сеансъ.

На такой аргументъ проповѣдникъ даже ничего не нашелся отвѣтить, — но потомъ, собравъ мысли, замѣтилъ:

— Но увѣрены-ли вы, что подъ именемъ старца не скрывается кто иной? Бываетъ часто, что темная сила морочитъ насъ и прикрывается ложными именами?

— Но онъ меня наставляетъ на добро, за-
мѣтила Анна Фердинандовна. — Развѣ можетъ
злбный духъ учить добру?

Теперь она уже цѣлыя ночи простаивала на
молитвѣ. Молитвенный экстазъ наплывалъ на
нее какъ вдохновеніе. Она молилась со слезами
горячо, всѣмъ своимъ существомъ. Въ ея мо-
литвахъ не было ничего напускного: они были
искренни, какъ и слезы, что текли по ея ще-
камъ. О чемъ она плакала? Она плакала о
прежнихъ своихъ заблужденіяхъ. Она плакала
отъ радости, при мысли, что теперь свѣтъ
истины коснулся ея, — и она прозрѣла.

Сеансы повторялись ежедневно. Истеричная
барышня такъ развила свои силы, что каран-
дашъ почти самъ вскакивалъ въ ея руку, едва
она садилась за столъ. Разъ старецъ сказалъ
Аннѣ Фердинандовнѣ:

— Ты услышишь меня сегодня ночью.

Ночью, почти подъ утро, въ тонкомъ пред-
разсвѣтномъ снѣ, Анна Фердинандовна услы-
шала чьи-то шаги и не рѣшилась открыть глазъ.

Она почувствовала, что этотъ кто-то оста-
новился надъ ея изголовьемъ, наклонился къ
ней и тихо шепнулъ:

— Я никогда тебя не оставлю, — только
ходи по пути истинному.

Потомъ она стала иногда слышать голосъ
старца и днемъ. Онъ нашептывалъ ей:

— Уйди отъ міра. Сотвори благое.

Она не уходила. Она даже боялась сказать объ этомъ Ивану Петровичу, ревностному стороннику православія. Да и куда-же она могла уйти: въ монастырь?

Она не только стала удѣлять бѣднымъ мелкія деньги, но и старалась оказывать помощь крупными суммами. Она купила піанино сестрѣ истеричной барышни: — та готовилась въ оперетку, и ей необходимъ былъ инструментъ для ежедневныхъ экзерсицій. Ее возили въ какую-то „интеллигентную“ переплетную и тамъ она дала сто рублей на улучшеніе дѣла и попросила переплести нѣсколько томиковъ Zola и Гур. Принимавшій заказъ господинъ съ угремъ на лбу поморщился при видѣ Гур'а, и когда Анна Фердинандовна, желая его задобрить, сказала, что ей надо переплеты по рублю, онъ показалъ на Гур и спросилъ:

— Какъ? И на эту писательницу?

Въ голосѣ его было столько презрѣнія, что Анна Фердинандовна поспѣшила поправиться:

— Нѣтъ, на эту по шести гривенъ.

Но какъ-бы то ни было, Анна Фердинандовна была счастлива. Послѣ многихъ лѣтъ, она оглянулась на себя,—и рѣшила, что еще не поздно.

Ранній отъѣздъ племянницы на дачу не только не противорѣчилъ ея намѣреніямъ, но, напро-

тивъ того, давалъ ей возможность „самоуглубленія“. Вопросъ былъ только въ томъ, — можно-ли взять истеричную дѣвицу съ собою. Но Иванъ Петровичъ разрѣшилъ и этотъ вопросъ чрезвычайно просто:

— Матушка, да не все-ли мнѣ равно, кого ты возьмешь съ собой?

Она только затѣяла переклентъ на дачѣ свою комнату. До сихъ поръ она была свѣтло-сиреневая; теперь она выбрала обои темно-оливковыя съ золотыми лиліями. Она нашла и подходящей матеріи, съ такимъ-же французскимъ гербомъ, и рѣшила сдѣлать изъ нея надъ кроватью большой балдахинъ, вродѣ тѣхъ, что дѣлаютъ надъ кроватями въ Германіи.

III.

Да у Ивана Петровича въ это лѣто засѣданія совѣта кончались раньше чѣмъ всегда. Онъ получилъ отпускъ по болѣзни раньше срока. Онъ успѣшилъ покончить свои засѣданія и во всѣхъ прочихъ комиссіяхъ, даже въ комиссіи по сооруженію памятника сановнику. Последнее засѣданіе едва не вышло роковымъ: едва не рѣшили памятника совсѣмъ не ставить.

— Неловко, господа, несмѣло замѣтилъ архи-

текторъ: — все-таки мы восемь разъ собирались. Неужели-же плодъ нашихъ взаимныхъ усилій увѣнчается такимъ плачевнымъ результатомъ?

— А что-же дѣлать? говорилъ коннозаводскій полковникъ. — Что-же дѣлать, если полета фантазіи у нашихъ скульпторовъ совсѣмъ нѣтъ? Кто виноватъ въ томъ, что мы не доросли до сознанія увѣковѣчивать память великихъ людей монументами?

— Быть можетъ, мнѣніе полковника нѣсколько рѣзко, съ грустною задумчивостью сказалъ Иванъ Петровичъ, — но въ немъ есть доза правды. Мы не любимъ скульптуры. Но причины этому историческія. Церковь наша, то-есть восточная церковь, не одобряла пластичныхъ изображеній, ибо они напоминали языческія божества. Патріархи осуждали изображенія святыхъ въ церквахъ, и статуи у насъ изъ храма изгнаны.

— Это не совсѣмъ такъ, ваше высокопревосходительство, возразилъ архитекторъ. — Мы имѣемъ много образцовъ нашей старинной церковной скульптуры, не только въ видѣ горельефовъ и точеныхъ фигуръ въ архитектурическихъ мотивахъ, — какъ вавилонскія печи, украшенія фризомъ и наличниковъ, — но и въ видѣ самостоятельныхъ статуй. У меня у самого въ деревнѣ есть деревянное изображеніе Христа въ темницѣ, недурной владимірской работы. Въ

нашей академической церкви вы можете видѣть статуи апостоловъ прекрасной работы. На Ва-лаамѣ, подѣ Петербургомъ, я видѣлъ интересную статую Николая Мирликійскаго, пестро раскрашенную и пользующуюся большою популярностью среди богомольцевъ. Такимъ образомъ духъ народа, такъ сказать, нѣдра его, отнюдь не протестуютъ противъ пластическихъ изображеній. Скорѣе тутъ были политическія соображенія представителей церкви, — о которыхъ вы изволили упомянуть, — чѣмъ внутренняя основная нелюбовь къ ваянію, какъ то мы видимъ у магометанъ и іудеевъ.

Беллетристъ попросилъ слова. Ему дали.

— Я позволю себѣ возвратиться къ тому, о чемъ говорилъ полковникъ, сказалъ онъ, проводя карандашомъ по бумагѣ черту и ставя на концѣ ея кружокъ. — Я хочу сказать о бѣдности воображенія, объ отсутствіи шири, размаха, могучаго полета фантазіи у нашихъ ваятелей. Въ самомъ дѣлѣ, на что мы рассчитываемъ? Кто можетъ намъ дать то, о чемъ мы мечтаемъ: дѣйствительно монументъ, а не жалкое недомысліе? Посмотрите, что до сихъ поръ у насъ сдѣлано. Да, у насъ есть превосходный памятникъ Петра, который, кажется, обязанъ своимъ окончательнымъ созданіемъ дѣвицѣ Колло. У насъ есть оригинальный памятникъ въ Новгородѣ, — хотя я не могу одобрить ба-

лансированіе Вѣры и Россіи на шарѣ. Затѣмъ, у насъ есть приземистый, немного нѣмецкій, но все-же оригинальный памятникъ Крылову, — вотъ и все. Все остальное—какіе-то бонбоньерки, бездѣлушки, колокольчики, — или что-то громоздкое, скучное, унылое, подавляющее. Апоѳеозъ всего — памятникъ Суворова, въ позѣ стараго танцовщика, что стоитъ на Марсовомъ полѣ. Что-же, господа, мы можемъ ожидать въ будущемъ отъ нашихъ художниковъ? Я вообще думаю, что на нашу скульптуру слѣдуетъ поставить крестъ, — ея нѣтъ. — Вы меня извините, я не могу согласиться съ тѣмъ, что какой-то котъ въ сапогахъ или подслѣповатый еврей-ростовщикъ должны олицетворять нашихъ народныхъ героевъ. Однако, они стоятъ въ галереяхъ, и каталогъ увѣряетъ, что они именно изображаютъ нашихъ героевъ.

Чиновникъ изъ воспитательнаго дома тоже хотѣлъ говорить.

— Я много ѣздилъ по Европѣ, сказалъ онъ, поводя плечомъ, точно ему рѣзало подъ мышками, — и многое видѣлъ. У меня всегда какъ-то радостно сжималось сердце, когда я вижу передъ собой памятникъ тому или другому дѣятелю. Я видѣлъ въ Амстердамѣ памятникъ Рембрандту. Онъ стоитъ въ шубѣ и шапкѣ. Просто стоитъ въ небольшомъ скверикѣ, — и шилаетъ своей простотою. А развѣ не трога-

теленъ этотъ Шекспиръ въ Парижѣ? Его поставилъ какой-то англичанинъ, и городъ съ благодарностью принялъ подарокъ. Посмотрите, на памятникъ Гамбеттѣ, какъ онъ оригиналенъ. Посмотрите, какъ на тѣсномъ маленькомъ пространствѣ хорошо умѣщенъ памятникъ Жанны д'Аркъ. Пусть нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ плохи, — хотя по моему они всѣ превосходны, — но все-же это лучше, чѣмъ ничего. Поставимте, господа, памятникъ, быть можетъ неудовлетворяющій высшимъ требованіямъ эстетики, но во всякомъ случаѣ памятникъ. Мы должны почтить великаго патріота, — и почтимъ его чѣмъ сумѣемъ. Я такого мнѣнія, что поставить хоть что-нибудь, да надо. Кучу камней и наверху бюстъ. Тутъ не надо никакого полета фантазіи, о которомъ говорилъ нашъ многоуважаемый беллетристъ. Тутъ надо только желаніе, — а пусть это будетъ постройка циклопическая.

— Что-же, будемъ засорять городъ циклопическими постройками? спросилъ полковникъ.

— Зато мы очистимъ нашу совѣсть и воздадимъ должное славному предку, стоялъ на своемъ чиновникъ.

— Я повторяю, сказалъ архитекторъ, — я повторяю то мнѣніе, которое имѣлъ честь высказать на седьмомъ засѣданіи: слѣдуетъ выбрать ваятеля и поручить ему прямо лѣпить памят-

никъ. Каждый изъ насъ подастъ свое послѣднее мнѣніе, и повѣрьте, выйдетъ монументъ не хуже всѣхъ другихъ. Вѣдь никто-же и не думаетъ, что мы дадимъ гениальнѣйшее произведеніе искусства.

— А это очень жаль, что никто не думаетъ! пробурчалъ полковникъ.

— Вы пишете, Пименъ Акимычъ? спросилъ у секретаря Иванъ Петровичъ.

— По обыкновенію, каждое слово, ваше высокопревосходительство.

Его высокопревосходительство слегка звякнулъ въ колокольчикъ. Онъ не любилъ оживленныхъ преній.

— Такъ вотъ, милостивые государи, заговорилъ онъ, резюмируя все здѣсь высказанное, — я позволю себѣ притти къ такому выводу. Хотя ни одинъ изъ проектовъ двойного конкурса и не признанъ удовлетворительнымъ, тѣмъ не менѣе, постановка памятника остается желательной. Слѣдуетъ обратиться къ извѣстному художнику, предложить ему исполнить проектъ и немедленно приступить къ отливкѣ самого монумента. Для этого слѣдуетъ образовать подкоммиссію, состоящую изъ архитектора, секретаря и еще кого-нибудь по баллотировкѣ, и просить ихъ вступить въ сношенія со скульпторомъ. Подкоммиссія нужна потому, что лѣтомъ всѣ разъѣзжаются, кто за границу, кто въ

деревню... Я самъ буду пить виши... — виновато прибавилъ его высокопревосходительство, какъ-бы извиняясь за несовершенство своего пищеварительнаго аппарата. — А нашъ почтенный Алексѣй Августовичъ — онъ показаль на архитектора — живеть въ своемъ палаццо въ Петергофѣ, и ему нетрудно будетъ два-три раза въ лѣто повидаться съ ваятелемъ.

Началась баллотировка. Избрали беллетриста, Но беллетристъ сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Аѳины. Его упрекнули, что онъ не предупредилъ объ этомъ. Тогда полковникъ сказалъ, что онъ ждетъ перевода въ Москву. Впрочемъ, кажется, его никто и не собирався избирать. Въ концѣ концовъ, въ подкомиссiи оказался чиновникъ воспитательнаго дома. Это было вполне логично, такъ-какъ онъ жилъ лѣтомъ въ Петергофѣ черезъ двѣ улицы отъ архитектора. Рѣшено было собраться въ концѣ сентября для разсмотрѣнiя новаго проекта.

Такимъ образомъ и отъ этой комиссiи Иванъ Петровичъ отдѣлался на все лѣто.

IV.

Домъ Ивана Петровича стоялъ на крутомъ берегу озера и былъ выстроенъ лѣтъ двадцать тому назадъ докторомъ, собиравшимся устроить

въ этомъ округѣ санаторію, но вмѣсто этого умершимъ. Это была прочная деревянная постройка, съ большимъ количествомъ совершенно ненужныхъ комнатъ, съ башней, на которой флюгеръ, въ видѣ жестяного сига, показываль направленіе вѣтра, съ конюшнями, сараями и огромнымъ паркомъ, далеко тянувшимся по каменистому берегу. Паркъ былъ скорѣе похожъ на лѣсъ, гдѣ кудрявая золотистая береза дрожала вся прозрачная на темномъ фонѣ елей и сосенъ. Мохъ—то бархатистый, свѣтло-желтый, то блѣдно-сѣрый, напоминавшій формой кристаллы, что рисуетъ морозъ на стеклахъ, сплошнымъ ковромъ покрываль землю, перекачивался черезъ гранитные валуны, забирался даже на скалы, висѣвшія надъ водой. Извилистыя дороги по крѣпкому каменистому грунту, бѣжали змѣйками лѣсомъ и полями до станціи желѣзной дороги, куда въ двадцать минутъ, на разстояніе шести километровъ, докатывали сытые кони легкую коляску Ивана Петровича.

Мери подѣвжалась къ дому съ чувствомъ болѣзненного недовольства. День былъ сырой. Лиловыя тучи блуждали по блѣдному вечернему небу. Дача казалась такой-же мрачной, какъ и лѣсъ, озеро серебрилось стальной, холодной рябью. Но когда она проснулась на другой день и подняла штору, совсѣмъ новый приливъ чувствъ хлынулъ на нее. Май-

скій солнечный день смотрѣлъ сквозь стекла своимъ молодымъ сіяніемъ. Она отворила окна. Еще напоенный утренней свѣжестью, но уже полный тепла весенній мягкій воздухъ широкой волною мягко разлился по комнатѣ, слегка колыхнувъ кисейную занавѣску. Онъ принесъ съ собою смолистый аромат сосны и тонкій, дорогой съ дѣтства запахъ молодой березы: цѣлый аккордъ перваго дуновения весны. Вокругъ чирикали весело птицы, вдали въ лѣсу куковала кукушка; озеро голубое, точно подернутое прозрачнымъ налетомъ бирюзы сквозило кое-гдѣ серебристыми струйками. Подъ парусомъ легко шель далекій рыбацкій челнокъ, и человѣкъ, похожій на муравья, съ большой головой и тонкимъ перехватомъ шеи сидѣлъ на кормѣ и, налегая на руль, велъ куда-то въ синеватую даль свое суденышко. Облака, какъ хлопья ваты, плыли по небу и тихо качались въ озерѣ.

Мери опустила глаза. По краснымъ, усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ пробирался рыжій котъ ихъ управляющаго, осторожно переставляя бѣлыя лапы, иногда останавливаясь и чутко настороживаясь. Волны тихо лещетали внизу, играя съ прибрежной травой и охватывая влажными объятями изрытые камни. Лодка тихо покачивалась у пристани. Ее заново выкрасили въ голубоватый цвѣтъ, а по

борту пустили желтый разводь. Лѣсъ шумѣлъ своими иглистыми вѣтками, точно дремалъ подѣ благоухающую пѣсню озернаго прибоа.

Какой-то новый, еще неясный, возбуждающій приливъ силъ охватилъ Мери. Сердце какъ-то вздрогнуло, кровь сильнѣе прилила къ головѣ и быстрѣе заструилась по тѣлу. Весна точно опьянила ее. Она торопливо одѣлась, торопливо спустилась внизъ, вышла на крыльцо и пошла по знакомой дорожкѣ въ знакомую сосновую рощу.

Она шла, повинуваясь стихійной силѣ, шла, какъ тогда, на берегу Средиземнаго моря, въ то утро, когда сразу рушилось все, чѣмъ дышала ея молодая жизнь. Но какъ тогда казалось ей, что съ каждымъ шагомъ она спускается внизъ, съ какого-то обрыва, откуда уже нѣтъ болѣе возврата,—такъ теперь ей казалось, что она вздымается куда-то кверху, на вольный воздухъ, что тотъ тяжелый кошмаръ, что давилъ ее послѣдніе четыре года, проходить, и на смѣну ему идетъ жизнь. Прежде она не вѣрила въ самую возможность этой жизни,—теперь она какъ-будто вѣрила въ нее.

Она вдругъ почувствовала, что ея тѣло живетъ молодой жизнью. Она дышала и наблюдала за собой—какъ влажный утренній воздухъ свободно льется ей въ легкія, какъ взды-

мается грудь, какъ твердо переступаютъ ноги. Она взглянула на свои блѣдныя руки, поху-дѣвшія, съ синими, слегка проступившими жилками,—и онѣ не показались ей такими без-помощными, какими были вчера. Тѣнь отъ деревьевъ пестрой сѣткой ложилась на ея бѣ-лый капотъ,—сырой мохъ давалъ такой зем-листый грибной запахъ, весенній цвѣтъ сосны ярко горѣлъ на солнцѣ. Она вышла на по-ляну, гдѣ обыкновенно играли вѣкши, то ки-даясь на деревья, то прыгая межъ камней. И все было такъ ново и хорошо,—и деревья, высокія, уходившія своими тонкими вершинами въ небо, и круглыя бѣлыя облака, и камни, и сучья, и мохъ. Все это она видѣла и въ прошломъ, и въ третьемъ году,—но все это было теперь такъ ново,—какъ новъ былъ этотъ голубой стеклянный воздухъ, дрожавшій и переливавшійся въ теплѣ весеннихъ лучей.

Она повернула вправо, по тропинкѣ, ве-дущей къ озеру. Тамъ на выступѣ плоскаго камня, словно источеннаго оспенными рябинами, она всегда сидѣла въ прежнее время. Камень былъ все тотъ-же, и такъ-же непоколебимо былъ вдвинутъ въ прибрежный илъ. Уже легкіе водяные поросли кое-гдѣ пробивались надъ рябью воды. Мери сѣла на выступъ и стала смотрѣть на далекій лѣсъ, чернѣвшій и зе-ленѣвшій за озеромъ, на черныя головы камней,

какъ сказочныя чудовища выставившіяся изъ воды. И все это было ново.

Какъ чувствовала она свое тѣло, такъ почувствовала и природу. Есть люди, которые никогда не прислушиваются къ біенію своего сердца, которые никогда не задумываются надъ порханіемъ бабочки, которые ничего не видятъ и не слышатъ въ плескѣ волнъ. Есть романтики и сентименталисты, которые видятъ въ мотылкѣ — порхающей цвѣтокъ, въ шумѣ волнъ узнаютъ голоса духовъ тьмы. И есть люди, которые чувствуютъ природу, не понимая ее, но принимая ее за то, что она есть, со всѣмъ ея дурнымъ и хорошимъ. Они видятъ въ растеніи ту-же жизнь, какъ и въ себѣ, они не вѣрятъ въ Пана, не вѣрятъ въ таинственные голоса природы, но знаютъ, что голосъ природы — голосъ птицы, лѣса, грома, — это все то-же, что и человѣческій голосъ.

Въ ребяческіе годы такъ ясна связь человѣка съ природой. Гейне говоритъ, что ребенокъ потому такъ любитъ деревья, что помнитъ ясенѣ, чѣмъ взрослый, то время, когда самъ былъ деревомъ. Потомъ съ годами эта связь распадается, и много лѣтъ нужно, чтобъ, совершивъ огромный кругъ, человѣкъ снова вернулся къ своему первоисточнику. Часто бываетъ, что земное странствіе оканчивается прежде, чѣмъ этотъ кругъ бываетъ пройденъ, —

и новаго соединенія съ своимъ началомъ такъ и не происходитъ. Но еще чаще бываетъ,— у кого раньше, у кого позже,— что человѣкъ вдругъ начинаетъ понимать, что онъ и природа— звено неразрывное, что онъ одна изъ нитей той ткани, которая вѣчно движется въ земномъ круговоротѣ.

Олсуфьевъ созналъ это въ тотъ вечеръ, когда ему сказали, что Мери отравилась. Сама Мери почувствовала это теперь, когда здѣсь, сидя на камнѣ, она дышала испареніями воды и лѣса. Теперь она вспомнила его слова и поняла. Она поняла, что это небо, вода, деревья—это и есть ея мать, ея родина,—а что та толстая женщина, что продала ее Герману и теперь живетъ на полученныя отъ его жены деньги въ Варшавѣ,—та женщина только случайная ея связь съ природой.

Она сидѣла у воды долго, съ упоеніемъ смотря на мѣняющіеся цвѣта ея поверхности. Она слѣдила за полетомъ птицъ, точно купающихся въ прозрачномъ воздухѣ. Она опять вспомнила о томъ, какъ сидѣла она тамъ, далеко, на берегу Средиземнаго моря, и смотрѣла на багровое солнце. Тогда было такъ тяжело, душно,—а теперь такъ свѣжо и привольно.

Издали черезъ озеро потянуло далекимъ колокольнымъ звономъ. Это звонили въ городѣ къ обѣднѣ. Звонъ дрожа стоялъ въ воздухѣ

серебристо-бархатной волною, сливаясь въ одну сплошную, величавую ноту. Онъ не росъ и не понижался, онъ стоялъ тихимъ гуломъ, и весь трепеталъ надъ лѣсами, озерами и полями.

И едва-ли не первый разъ въ жизни Мери сказала, глядя на эту убогую картину:

— Господи, какъ хорошо!

V.

Князя не было въ Петербургъ. Его услалъ Иванъ Петровичъ въ командировку. Борисъ сначала удивился этому неожиданному распоряженію. Но Иванъ Петровичъ сказалъ ему не терпящимъ возраженія тономъ:

— Вы поѣдете, мнѣ это нужно.

Князь подумалъ, что его отъѣзда хочетъ Мери. Онъ пошелъ къ ней. Было это въ страстной четвергъ. Она только что вернулась послѣ своей первой прогулки: ее тетка возила по набережной и по Каменноостровскому проспекту. Ее утомила прогулка, она была не въ духъ. Но при видѣ князя, лицо ея прояснилось. Она ничего не знала о рѣшеніи дяди, и очень этому удивилась.

— Поѣзжайте, сказала она, подумавъ.— Намъ лучше разстаться.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы все не вѣрите мнѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтила она. — Не я вамъ не вѣрю, но мнѣ кажется, вы сами себя обманываете.

— Я?

— Да. Когда вы принесли мнѣ назадъ мою тетрадку и сказали: „не все-ли мнѣ равно, что было у васъ въ прошломъ“, я видѣла по вашему лицу, какихъ усилій вамъ стоило это сказать. Мнѣ не надо жертвъ.

— Никакихъ жертвъ съ моей стороны не было, вы ошибаетесь.

— Я видѣла ваше лицо.

— Вы видѣли то, что хотѣли, что под-сказывала вамъ подозрительность. Что я ска-залъ тогда, то повторяю и теперь. Мнѣ нѣтъ дѣла до вашего прошлаго. Будьте моей женою.

— Когда вы вернетесь, мы поговоримъ, сказала она.

Она не вѣрила, она боялась вѣрить въ свое будущее. Ей казалось, что князь играетъ въ великодушіе. Она была почти рада, что онъ уѣзжаетъ. Она думала, что поѣздка освѣжитъ его затуманенную голову. Она была слишкомъ горда, чтобъ итти замужъ за человѣка и ду-мать, что онъ когда-нибудь хотя-бы отдален-нымъ намекомъ коснется ея прошлаго.

Она просила его не писать ей; она про-сила забыть ее на мѣсяць. Онъ поникнулъ го-ловой и сказалъ:

— Хорошо, я васъ забуду.

Онъ уѣхалъ. И теперь она болѣе чѣмъ когда-нибудь не вѣрила въ возможность ихъ брака. Когда на другой день по пріѣздѣ на дачу, она съ горничной Миной поѣхала на островокъ за ландышами,—Мина спросила ее съ лукавой улыбкой.

— А когда свадьба?

Мери такъ на нее посмотрѣла, что Мина сказала только:—Извините.

Олсуфьевъ пришелъ передъ отъѣздомъ спросить у Ивана Петровича послѣднія распоряженія. Иванъ Петровичъ вдругъ обнялъ его и поцѣловалъ въ щеку.

— Вы все сами знаете, сказалъ онъ.— Поѣзжайте. Возвращайтесь, когда хотите, я васъ временемъ не стѣняю. А когда вернетесь— пріѣзжайте къ намъ въ Финляндію.

Отправивъ его, Иванъ Петровичъ озаботился другимъ отправленіемъ. Жозефины не должно было быть въ Петербургъ этимъ лѣтомъ. У Жозефины являлись какія-то особенныя, странныя потребности въ маѣ мѣсяцѣ. Она внезапно требовала себѣ новую закладку, которая каждый день должна была возить ее на Острова. Она начинала метаться по модисткамъ и заказывала какія-то удивительныя платья по парижскимъ моделямъ. Ее,

какъ птицу, тянуло куда-то вдаль, — она, взбудораженная, съ поднявшимися перьями, злобно смотрѣла на Ивана Петровича и говорила:

— Я больше не въ силахъ!

Иванъ Петровичъ повелъ серьезную кампанію. Однажды онъ, лежа на тахтѣ, наблюдалъ, какъ Жозефина, стоя въ свѣтло-зеленомъ капотѣ передъ зеркаломъ, изучала свою особу.

— Ты пополнила, Жозефина! внезапно сказалъ онъ.

Она изумленно раскрыла ротъ.

— *Vraiment? Dieu!*

— У тебя отложенія.—Иванъ Петровичъ показалъ на себя рукой, гдѣ были эти отложенія:—вотъ тутъ и тутъ.—Это не хорошо, Жозефина!

— О, это ужасно! подтвердила она и, отойдя на два шага отъ трюмо, повернулась къ зеркалу бокомъ.—Отъ этого надо избавиться.

— Надо избавиться, подтвердилъ Иванъ Петровичъ.

— Слѣдуетъ позвать доктора, сказала она.

— Слѣдуетъ поѣхать въ Карлсбадъ, сказалъ онъ.

Она удивленно посмотрѣла на него.

— Одной?

— Одной.

— Я не говорю по-нѣмцеци.

— Тамъ всё говорятъ по-французски. Наконецъ, я тебѣ дамъ компаньонку, говорящую по-нѣмцеци.

— И тамъ помогаетъ? спросила она, ощупывая свои бедра.

— Превосходно.

Она подошла къ нему и, слегка обнявъ его сѣдую голову, съ нѣжностью спросила:

— Cher oncle Jean, — ты мнѣ дашь на это немного денегъ?

— Дамъ, отвѣтилъ oncle Jean.

— А могу я оттуда проѣхать въ Парижъ?

— Можешь.

— О, merci cher!

Его высокопревосходительство получилъ страстный поцѣлуй въ лобъ.

— Только я дамъ тебѣ компаньонку, сказала онъ, охватывая ее за тонкую гибкую талию.

— Онъ ревнивъ, мой старичокъ! воскликнула она и напечатлѣла новый поцѣлуй.

— Я не ревнивъ, спокойно отвѣтилъ онъ. — Ты знаешь, что мнѣ нечего бояться, у меня слишкомъ много агентовъ, слишкомъ много ушей и глазъ, чтобы я не зналъ каждаго твоего шага.

— Развѣ? изумилась она.

— Я, знаю каждый твой шагъ, продолжалъ онъ, наслаждаясь ея изумленіемъ.

— У васъ вездѣ шпионы? спросила она съ негодованіемъ.

— Развѣ шпионы страшны тому, у кого совесть чиста? уклончиво отвѣтилъ онъ.

Какъ-бы то ни было, но вопросъ о ея отъѣздѣ былъ рѣшенъ. Тощая, сухая дуэнья была прикомандирована къ ней. Дуэнья отличалась большой силой характера и удивительной любовью къ деньгамъ.

— Вы можете быть спокойны, сказала она Ивану Петровичу.— Вы знаете, что такое я.

Иванъ Петровичъ зналъ, что такое она, и былъ совершенно спокоенъ.

VI.

Почти передъ самымъ отъѣздомъ его высокопревосходительства на дачу, когда послѣдній докладъ былъ сданъ, курьеръ доложилъ, что господинъ Невмятулинъ просить позволенія войти.

Его впустили. Онъ былъ грустенъ. Почти-тельность смѣшивалась съ оскорбленной невинностью.

— Мнѣ передалъ князь Олсуфьевъ, началъ онъ,— что ваше высокопревосходительство изволили усмотрѣть въ моемъ докладѣ о современномъ состояніи ввѣреннаго вамъ учрежденія не болѣе, какъ гнусный доносъ?

Иванъ Петровичъ протеръ очки.

— Я не уполномочивалъ князя, сказалъ онъ,—передать кому-бы то ни было о моемъ мнѣніи, касательно вашего со мной разговора.

— Однако, князь мнѣ передалъ, настойчиво продолжалъ Невмятулинъ, — и передалъ такъ, какъ-будто это было желаніе вашего высокопревосходительства. Я рѣшилъ беспокоить васъ: разъ навсегда слѣдовало-бы выяснитъ мое положеніе и мою службу. Я не привыкъ къ чиновничьей лямкѣ, я плохо знаю входы и выходы, которыми надлежитъ пользоваться на службѣ. Я первымъ долгомъ — писатель. Хорошъ-ли, дуренъ-ли, но во всякомъ случаѣ я честенъ, и взглядовъ своихъ не измѣню.

— Не можете-ли вы изъясниться толковѣе, довольно рѣзко сказалъ Иванъ Петровичъ.— Если я не ошибаюсь, вы хотите просить отставку?

Невмятулинъ даже слегка поблѣднѣлъ. Голосъ его упалъ, онъ почувствовалъ, что судьба его виситъ на тонкой гнилой ниткѣ.

— Я, значить, неясно выражаюсь, сказалъ онъ, стараясь придать лицу самое открытое и добродушное выраженіе.— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, я-бы желалъ не только для того служить, чтобъ получать жалованье, но и для того, чтобъ приносить пользу.

— Кто-же вамъ мѣшаетъ?

— Всѣ. Я вижу тормазы со всѣхъ сторонъ. Я всюду вижу злоупотребленія и долженъ молчать, потому-что меня давятъ, мнѣ замазываютъ ротъ, мнѣ не даютъ говорить.

Лицо Ивана Петровича стало еще болѣе суровымъ.

— Господинъ Невмятулинъ, почти крикнулъ онъ, ударяя ладонью по столу.—Покорнѣйше васъ прошу не говорить намеками. Если у васъ есть, что мнѣ сказать — говорите. Кто васъ давитъ? Какія злоупотребленія совершаются вокругъ васъ?

— Извольте-съ, рѣшительно заговорилъ онъ.—Кто первый злоупотребляетъ властью— это князь. Вамъ, ваше высокопревосходительство, покажется страннымъ, какъ это я, обязанный ему честью служить здѣсь, я первый подымаю на него руку и кидаю камнемъ? Но для меня справедливость прежде всего. Меня можно исключить со службы, меня можно выслать изъ Петербурга, какъ уже высылали во время оно, но меня нельзя заставить молчать. У князя всѣ дѣла въ запущеніи, — дѣла вопіющія! Рѣшить ихъ—дѣло нѣсколькихъ дней, а они валяются по окнамъ и шкапамъ цѣлые мѣсяцы. Вотъ не угодно-ли вамъ взглянуть...

Онъ быстро вынулъ изъ-подъ мышки дѣло въ печатной синей обложкѣ.

— Отъ 14 октября прошлаго года № 743, изъ

Терскаго областного правленія. Валяется это дѣло, переходитъ со стола на столъ, отъ одного чиновника къ другому, кружится въ этомъ заколдованномъ кругѣ, и ни съ мѣста. Если мы такъ удовлетворяемъ спѣшныя требованія присутственныхъ мѣстъ, какъ-же мы удовлетворяемъ ходатайства частныхъ лицъ?

Иванъ Петровичъ прищурясь посмотрѣлъ на Невмятулина.

— А отчего вы не говорили объ этомъ, пока князь былъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Мнѣ дѣло это только-что попало.

Иванъ Петровичъ, протянулъ, руку къ дѣлу, взялъ его, развернулъ, перелисталъ и проговорилъ:

— Хорошо. Я его здѣсь оставлю до приѣзда князя.

Онъ положилъ тетрадку на свой столъ.

— А Терское областное правленіе? спросилъ Невмятулинъ.

— А Терское областное правленіе подождетъ, отвѣтилъ невозмутимо Иванъ Петровичъ.

Невмятулинъ захватилъ въ себя побольше воздуха.

— Я докладывалъ объ этомъ директору Прокофью Аполлоновичу.—но они сказали: „а ну его къ чорту!“

Иванъ Петровичъ вдругъ улыбнулся.

— Какъ, какъ? спросилъ онъ.

Прокофій Анолоновичъ говорилъ въ носъ, и Невмятулинъ удачно его копировалъ. Вопросъ начальника видимо подбодрилъ его, онъ радостно улыбнулся.

— „А ну его къ чорту! повторилъ онъ.— Если князь не отвѣтилъ, такъ вамъ-то что!“

Иванъ Петровичъ расхохотался.

— Похоже! сказалъ онъ.

— Потому я обратился къ Игнатію Донатовичу, снова заговорилъ Невмятулинъ, уже совершенно ободренный и почувствовавшій, что гнилая нитка постепенно обращается въ толстый корабельный канатъ.— Игнатій Донатовичъ меня выслушалъ очень спокойно и сказалъ:— „Не надо, изволите видѣть, такъ волноваться; вы такъ волнуетесь, изволите видѣть, точно у васъ деньги украли.“

И опять Игнатій Донатовичъ вышелъ настолько похожимъ въ изображеніи Невмятулина, что Иванъ Петровичъ опять разсмѣялся.

— У васъ, почтеннѣйшій, талантъ! сказалъ онъ.

— Я наблюдателенъ, ваше высокопревосходительство, похвалилъ себя Невмятулинъ.

— Очень хорошо. Такъ какъ: „у васъ деньги украли, изволите видѣть!“

Но Невмятулинъ изъ кокетства больше не повторилъ.

— И смѣхъ и грѣхъ, сказалъ онъ, дѣлая серьезное лицо.—Если смотрѣть на всѣхъ ихъ съ нашей, писательской точки зрѣнія, то, конечно, это интересно. Но съ точки зрѣнія службы, съ точки зрѣнія исполненія долга,—это все очень грустно.

— Я вамъ вотъ что посоветую, сказалъ Иванъ Петровичъ, вытирая платкомъ наворачнувшіяся отъ смѣха слезы.—Вы дѣлайте скромно и истово свое дѣло. Старайтесь быть образцомъ для другихъ. Повѣрьте, вашъ примѣръ дастъ свои плоды. Оставьте личности, людей не передѣлать. Наблюдайте, набирайтесь матеріаломъ—это для васъ полезно. Я видѣлъ составленныя вами бумаги. Это хорошо, литературно, хотя есть злоупотребленіе въ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ. Очевидно, вы хотѣли подладиться подъ общеупотребительный канцелярскій языкъ. Едва-ли это надо. Простое ясное изложеніе одними главными предложеніями,— больше ничего.—Теперь я ѣду въ отпускъ, вмѣсто меня останется Евграфъ Ильичъ. Это человѣкъ строгій, неуклонный формалистъ. Я оставляю васъ въ хорошихъ рукахъ.

Онъ наклоненіемъ головы показаль, что аудіенція кончена.

Невмятулинъ выпелъ отъ него, высоко поднявъ голову, и съ значительнымъ выраженіемъ на лицѣ. Чиновники вообще удивлялись его

смѣлости—ходить безъ зова къ Ивану Петровичу, и не знали о чемъ онъ можетъ тамъ говорить. Единственно, что нѣсколько уясняло такіе визиты—была причастность Невмятулина не только къ литературѣ, но и къ журналистикѣ. Въ этомъ случаѣ чиновники не ошибались. Въ первый разъ оставшись глазъ-на-глазъ съ Иваномъ Петровичемъ, Невмятулинъ сказалъ ему:

— Если вашему высокопревосходительству угодно будетъ помѣстить въ газетахъ какія нибудь свѣдѣнія, касающіяся министерства, благоволите передавать ихъ не черезъ князя, а черезъ меня. Я имѣю непосредственное сношеніе съ редакціей, а князь тамъ—*homo novus*.

Выйдя теперь отъ Ивана Петровича и замѣтивъ, что взгляды служащихъ хотятъ прочесть на его лицѣ тайну состоявшагося свиданія, онъ громко сказалъ вице-директору:

— А Иванъ Петровичъ у васъ геселаго характера. Пресмѣшливый человѣкъ!

Такое фамильярное упоминаніе имени начальника произвело несомнѣнное впечатлѣніе. Его никто не зналъ за „смѣшливаго“ особенно въ разговорахъ съ подчиненными.

Вице-директоръ пошелъ къ директору передать эту новость. Но едва онъ раскрылъ ротъ, какъ директора потребовали къ Ивану Петровичу.

— У васъ тутъ служить Невмятулинъ. ска-
заль ему Иванъ Петровичъ.—Я хотѣлъ обра-
тить на него ваше вниманіе.

— Слушаю-съ, сказалъ директоръ.

— Я еще не кончилъ, остановилъ его Иванъ
Петровичъ.—Я вотъ что вамъ хотѣлъ сказать:
присматривайте за нимъ, онъ что-то слишкомъ
ретивъ,—суетъ носъ во всѣ углы. Вы его такъ
осторожно вѣжливо осадите, когда онъ слиш-
комъ зарвется. Словомъ, понаблюдайте за нимъ.
Онъ можетъ быть и полезенъ, и вреденъ. Съ
нимъ распускать поводырь нельзя, а то онъ
самъ на васъ сядетъ и поѣдетъ. Пожалуйста,
Прокофій Аполлоновичъ. Я его опредѣлилъ по
ходатайству князя, князь мнѣ за него ручался.
Но вы мою мнительность знаете?

Когда Прокофій Аполлоновичъ вернулся въ
свой кабинетъ, и вице-директоръ сообщилъ ему
о настроеніи Невмятулина,—онъ ему сказалъ:

— Дайте-ка этому писателю экстренной ра-
боты,—такъ ночки на три,—да если онъ сдѣ-
лаетъ не такъ, какъ надо, взмыльте ему го-
лову. Вотъ онъ и узнаетъ веселый характеръ
Ивана Петровича.

VII.

Князь, скоро покончивъ командировку, и
стѣсненный временемъ, рѣшилъ на одинъ день

заѣхать въ имѣнье къ брату Кириллу Андреевичу. Ему это было почти по дорогѣ. Стоило сойти на полустанкѣ, взять ямщика и проѣхать пятнадцать верстъ по хорошей дорогѣ. Онъ давно не видалъ его и его жену, но обоихъ ихъ любилъ. Тогда въ Москвѣ, у тетки, Колочагиня назвала Кирилла Андреевича послѣдователемъ не то Ницше, не то Аракчеева. Это болѣе претендовало на остроуміе, чѣмъ на правду. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда Кириллъ Андреевичъ купилъ имѣнье, одѣлся въ блузу и сталъ самъ косить и пахать, его стали звать „толстовцемъ“. Потомъ онъ былъ мировымъ судьей, потомъ земскимъ начальникомъ, потомъ весь отдался народнымъ столовымъ и народнымъ школамъ. Женился онъ на здоровой краснощекой дѣвушкѣ—изъ бѣдной помѣщичьей семьи, и жилъ съ нею уже одиннадцатый годъ, окруженный восемью маленькими князьками и княженками. Сосѣди его иные любили, иные—ненавидѣли. Иные его называли прямымъ, честнымъ человѣкомъ; другіе—домакой и лицомъ-ромъ. Срединнаго мнѣнія о немъ не было. Родные его все любили, — хотя и посмѣивались надъ нимъ.

На полустанкѣ, гдѣ высадили князя Олсуфьева,—онъ къ удивленію увидѣлъ коляску брата и рябого Василя,—кучера, который достался брату вмѣстѣ съ купленнымъ имѣньемъ

и лошадыми. На платформѣ оказался Колочагинъ, вздвигшій по порученію Прасковьи Юрьевны въ Ханыковку по какому-то таинственному дѣлу.

— Къ братцу ѣдете? спросилъ онъ, облобызавшись съ княземъ.—Онъ къ вечеру дома будетъ, поѣхалъ верхомъ къ сосѣду потолковать о заливныхъ лугахъ. А я вотъ жду поѣзда въ Москву, — черезъ двадцать минутъ долженъ прибыть. А княгиню Любовь Ивановну застанете. Все дома, все по хозяйству. Достоянная глубочайшаго уваженія женщина. Сумѣла вся уйти въ дѣтей, — и въ то-же время-съ, изъ простой провинціальной барышни обратилась въ княгиню, и зная это несетъ выеко.—Ну, что-же, скоро? прибавилъ онъ обращаясь къ толстой бесой бабѣ, бѣжавшей изъ погреба въ станціонный домикъ.

— Минуту погодьте! крикнула она и скривилась въ дверь, показавъ глянцевитыя розовыя пятки.

— И я даже такъ скажу, продолжалъ онъ, — что вашъ братецъ не цѣнитъ всей духовной красоты княгини. Княгиня это вотъ какая-съ женщина. Поставьте ее въ любое положеніе, — посадите ее въ кружокъ дипломатовъ, или свезите на Алеутскіе острова, и всюду-съ и вездѣ она займетъ то мѣсто, которое должна занять. Сама бѣлье дѣтямъ кроить. Самъ видѣлъ, какъ

княжнѣ Лидѣ штанишки шила, и на видномъ мѣстѣ гладью вышила княжескую корону, да такъ, что посмотришь любо-дорого. — Ну, а Клирилль Андреевичъ слишкомъ заносится. Онъ, какъ всѣ люди дальнозоркіе, ничего возлѣ себя безъ очковъ не видитъ. Мнѣ не нравится та рѣзкость, которую онъ при другихъ относительно супруги проявляетъ. Не хорошо это.

Баба, шлепая ступнями, принесла кувшинъ молока и стаканъ. Колочагинъ вынулъ фляжку, — въ какихъ обыкновенно берутъ въ дорогу вино, подставилъ ладонь, насыпалъ на нее изъ фляжки какой-то крупы, положилъ въ ротъ и запилъ молокомъ.

— Горчичное сѣмя-сь, сказалъ онъ удивленно смотрѣвшему на него князю. — Старинное средство. Еще моя покойница-матушка имъ спасалась. Единственное средство отъ катарра. И вамъ совѣтую-сь. Только покупайте зерно господина Дидье, а не наше русское. У меня дома и печатные отзывы есть весьма почтенныхъ людей объ этомъ зернѣ: аббата Кламель, маркиза Вилламедіана, кюре Ивана Блана, — и иныхъ прочихъ.

Василій сказалъ, что лошади совсѣмъ свѣжія, и ѣхать можно сейчасъ-же. Князь еще разъ поцѣловался съ старикомъ, просилъ кланяться теткѣ, и пошелъ-было къ коляскѣ, когда Колочагинъ его окрикнулъ.

— Совсѣмъ забылъ! крикнулъ онъ. — Помните вы дѣвочку, что Вакманъ опредѣлили черезъ васъ въ свою больницу? Она умерла вотъ на дняхъ. Все тянулась. Не знаю, что ужъ у нея было, но она умерла. И все о васъ спрашивала, поминала васъ. Очень она съ Вакманомъ подружилась. Тотъ вѣдь любитъ дѣтей, игрушекъ навезъ ей. И старикъ къ ней привязался: представьте, плакалъ, когда она умерла. — А отецъ куда-то уѣхалъ въ это время. Тетуська ваша выдала мнѣ денегъ и распорядилась похоронами. Потомъ явился этотъ Огнещиповъ, — и поднялъ бучу, — хотѣлъ генераль-губернатору жаловаться на то, что отъ него выманили дѣвочку и уморили. Такъ что ему пригрозить пришлось. Дѣвочка о немъ слышать не могла, тряслась, когда его имя упоминали. Онъ билъ вѣдь ее и голодомъ морилъ. А васъ она очень хотѣла видѣть, все просила, чтобъ вы пріѣхали.

— Отчего-же мнѣ никто не написалъ? спросилъ, нахмурясь, князь.

— Да развѣ вы-бы для этого поѣхали въ Москву?

Онъ подумалъ.

— Не знаю, можетъ быть.

Онъ сѣлъ въ коляску и приподнял шляпу. Онъ слышалъ, какъ старикъ началъ кликать опять бабу, и видѣлъ, какъ она, быстро пере-

ступая бѣлыми ногами, перебѣжала черезъ дверь на платформу.

— Поѣхаль-ли-бы я, или нѣтъ? думалъ онъ. — И ему показалось, что онъ поѣхаль-бы. Ему припомнилось разгоряченное лицо ребенка, темныя рѣсницы, маленькія руки и ноги. Онъ не могъ ясно припомнить чертъ ея лица; онѣ неясно проплывали передъ нимъ и не принимали опредѣленнаго облика. Она звала его, она хотѣла видѣть его передъ смертью. И онъ почувствовалъ, что она ему дорога, что она не совсѣмъ посторонняя, что со смертью ея что-то оторвалось отъ него.

Онъ глядѣлъ на горячее небо жаркаго майскаго дня, на легкое облачко, несшееся надъ нимъ, — и ему думалось: — а что если-бы онъ взялъ эту дѣвочку, отдалъ тетѣ, потомъ отдалъ-бы ее учиться, платилъ-бы за нее, замѣнилъ-бы отца? — Дѣвочка привязалась-бы къ нему, и полюбила его. Олсуфьеву хотѣлось-бы, чтобъ его любили. Мысль о Мери сейчасъ-же всплыла передъ нимъ, и онъ сейчасъ-же ее отогналъ.

Когда коляска въѣхала въ березовую рощу, ему попалось навстрѣчу нѣсколько деревенскихъ дѣвочекъ въ однѣхъ рубашкахъ и юбочкахъ. Одна изъ нихъ, какъ ему показалось, была похожа на умершую дѣвочку. Въ это время экипажъ медленно перевалился

черезъ бревенчатый мостъ, перекинутый черезъ канаву, дѣвочки прижались отъ пристяжныхъ къ периламъ; одна весело крикнула:

— Здравствуйте, баринъ!

Онъ опустилъ пальцы въ маленькій карманъ пальто, ощупалъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и, перегнувшись черезъ фартукъ коляски, сказалъ:

— Ну, ловите!

И онъ бросилъ въ корзинку мелочь. Василій повернулъ голову и одобрительно крякнулъ.

— И спасибо сказать не умѣютъ, воробыи! крикнулъ онъ полусутоливо на нихъ, и пустилъ вскачь рѣзвую четверню.

Кусты быстро понеслись назадъ, и князю показалось, что, мелькая за ними, бѣжала дѣвочка съ кудрявыми развѣвающими волосами. — въ клетчатомъ платьицѣ, — и улыбалась ему, и звала къ себѣ.

— Что значить провести ночь въ душномъ вагонѣ! сказалъ онъ, встряхиваясь и отгоняя невольнаго призрака.

VIII.

Княгиню Любовь Ивановну онъ засталъ въ большой угловой комнатѣ, въ свѣтломъ поло- сатомъ платьѣ, и съ здоровымъ загаромъ нѣ-

сколько пополнѣвшаго, но все еще красиваго лица. Предъ ней на столѣ лежали вырѣзанные геометрическими фигурами куски голландскаго полотна, и она, закусивъ зубами нѣсколько булавовъ и слегка наклонясь, рѣзала большими ножницами по намѣченному карандашомъ линіямъ, производя звенящій, сухой звукъ равномерными движеніями лезвій. Тутъ-же за столомъ сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти съ золотистыми волосами, похожая на мать, и бойко читала ей о царѣ Берендеѣ.

Она первая увидѣла князя и громко воскликнула:

— Дядя!

Княгиня обернулась, вынула, не торопясь, булавы изъ рта и пошла радостно навстрѣчу гостю.

— Вотъ неожиданно! груднымъ свѣжимъ голосомъ воскликнула она.—Ну, какъ будетъ доволень мой Кирь!

Онъ поцѣловалъ ея руку и посмотрѣлъ на нее.

— Попржнему цвѣтете? спросилъ онъ и наклонился къ племянницѣ.

— О, да какая она у васъ хорошая.

Княгиня вспыхнула отъ радости.

— Ну, вотъ хоть вы мое племя хвалите! сказала она.—А то Кирь находить, что это не дѣти, а откормленная убоина. Видите, у насъ какія щеки.

Она схватила упругую, какъ резиновый мячъ, розовую щеку дѣвочки и показала ея крѣпость князю.

— А развѣ ты меня узнала? допрашивалъ князь.

— Узнала.

— Да вѣдь ты меня года два не видала?

— Вы у мамы въ спальнѣ висите.

— Это помните, быстро заговорила Любовь Ивановна, отряхая обрѣзки полотна съ своего платья, — помните, какъ насъ заѣзжій фотографъ снималъ за самоваромъ въ саду? Еще у насъ была собака „Баронъ“, у вашихъ ногъ она лежитъ. Вѣрся часто на васъ смотритъ, вы такой тамъ хорошій.

— А въ дѣйствительности развѣ я хуже? засмѣялся князь.

— Въ дѣйствительности — вы прелесть! Ну, чтоже, вамъ не отвели комнату? Хотите мыться? Хотите завтракать?

— Хочу мыться, хочу завтракать.

— Мы это сейчасъ. Вѣрся, пошли Маришу наверхъ въ зеленую съ попугаями комнату, скажи, что дядя тамъ будетъ. А я сейчасъ пойду на кухню, и черезъ четверть часа приходите въ столовую.

Въ ней кипѣла жизнерадостная живая сила. Бѣлые крѣпкіе зубы, казалось, могли перекусить пополамъ булавку. Отъ нея прыскало

здоровьемъ, свѣжестью и тѣмъ особеннымъ живымъ ароматомъ женскаго тѣла, который присущъ только здоровымъ и сильнымъ самкамъ. Ея каріе глаза смотрѣли весело и лукаво, но были въ то-же время далеки отъ кокетства. Ея руки—теплыя, смѣлыя—ловко управлялись весь день по хозяйству, искусно стирала, обмывала дѣтей, вышивала и выкраивала. Походка, несмотря на нѣкоторую полноту, была у нея легкая, юношеская, — изъ сосѣдней комнаты можно было подумать, что идетъ молоденькая дѣвушка.

Черезъ четверть часа князь сидѣлъ въ высокой, прохладной столовой, за сплошь уставленнымъ столомъ, а она, радостная, оживленная, сидѣла противъ него и, подпершись локоткомъ, смотрѣла, какъ онъ ѣсть сосиски въ томатѣ.

— Водки хотите? спросила она.

— Нѣтъ, — я до обѣда водки не пью, отвѣтилъ онъ.

— А вина?

— И вина.

— Есть виши, аполинарисъ, сидръ. Что хотите?

— Да у васъ цѣлый погребокъ!

— У насъ все есть. Я люблю, когда домъ полная чаша. Мнѣ-бы родиться лѣтъ триста назадъ, когда боярны по помѣстьямъ жили. Вотъ-то-бы я изъ владовыхъ не выходила.

— Ну, а братъ попржнему мяса не ѣсть?

— Какъ найдеть на него. Иногда съ годъ не ѣсть. А потомъ вдругъ въ одно прекрасное утро требуетъ: „миѣ-бы филейчикъ жарить, пухлый и съ кровью“. Только это съ нимъ рѣдко бываетъ. И я его не люблю тогда. Онъ какъ-то пожираетъ куски и приговариваетъ. „Человѣкъ животное плотоядное!“ — и лицо дѣлаетъ такое дикое.

— Да вѣдь это онъ нарочно, — я его знаю.

А Будда у него стоитъ еще въ кабинетѣ?

— Какъ-же. Тутъ благочинный былъ проѣздомъ, и шуткой ему выговариваль. А онъ у старьевщика подъ Сухаревой башней купилъ мавританскую лампадку, и предъ Буддой зажегъ. — „Хотите, говорить, я васъ, батюшка, въ капище сведу, — у меня, говорить, не только Будда, а и волосъ Магомета есть“. — Насилу я ихъ примирила.

— А съ дѣтьми онъ возится?

— Онъ страсть ихъ любить. Но опять иногда, какъ найдеть на него, — смотритъ изъ угла волкомъ. Жерновъ, говорить, мои: висятъ на шеѣ и топятъ. Онъ вѣдь одинъ разъ ужъ уходилъ отъ меня.

— Какъ? Я этого не зналъ! воселикнулъ князь.

— Да что-же тутъ благовѣстить-то! Я ужъ и то вамъ это какъ родственнику, и зная

ваше милое сердце, говорю. Нашло на него, знаете. Началь твердить: „уйду, уйду,—не могу“. Наконецъ, разъ вечеромъ, приходитъ.— „Палку, говоритъ, въ лѣсу вырубилъ, въ ночь уйду“.—Я ему говорю: развѣ мало у тебя палокъ дома?—„Не хочу, говоритъ, чтобы мнѣ что напоминало домъ. Вотъ тебѣ ключи отъ стола. Ты знаешь, гдѣ деньги и бумаги“.— Ну, я, конечно, въ слезы. Опъ говоритъ—„не удерживай, уйду“.—И ушелъ. Мѣсяцъ пропадалъ. Я ужъ молебны служила, и къ становаму потихоньку ѣздила. Вдругъ телеграмма отъ него: „приготовь баню“. Прямо такъ, не заходя домой, въ баню и прошелъ. Тошій вернулся, опаленный. На другой день въ земство поѣхалъ—и такую бучу поднялъ. Ѣздилъ къ губернатору, писалъ въ Петербургъ,—сколько тутъ народу посмѣяли съ должностей.

— Это, когда онъ статьи-то о голодномъ краѣ писалъ? спросилъ князь, покончивъ съ сосисками и подвигая себѣ яичницу.

— Вотъ, вотъ! Одинъ земскій убить его хотѣлъ, съ револьверомъ ѣздилъ. Но вѣдь Киръ такой человѣкъ, что ему до себя совѣмъ все равно. Не смотри я за нимъ, у него на сюртукѣ пуговиць-бы не было.

— Такъ-что вамъ много возни съ нимъ?

— Какъ съ малымъ ребенкомъ боюсь.

Только хуже онъ грудного младенца. Того укачать, убаюкать всегда можно; поѣль и спить. А у Кири иногда по недѣлямъ безсонница. Слышу, всю ночь ходитъ по кабинету, какъ маятникъ какой стучаетъ. Я его, конечно, тогда не тревожу, и отдаю распоряженіе, чтобъ и мужиковъ къ нему не пускали, чтобъ онъ еще болѣе не разворонился. А потомъ сядетъ писать. Напишетъ статью,—и отведетъ душу. Легче ему станетъ. Выйдетъ чистый, причесанный, веселый, и начнетъ съ ребятами въ мячъ играть.

— А вы не устали? спросилъ князь.

Любовь Ивановна не поняла вопроса.

— Что это вы, о чемъ?

— Не устали съ нимъ? Вѣчно Киру въ глаза смотрѣть?

Она замахала на него руками.

— Да что это въ самомъ дѣлѣ? Какое-же я имѣю право устать! Если мы рѣшили съ нимъ жить до смерти, такъ ужъ тамъ что-бы ни было, а отступаться развѣ можно? Вотъ я недавно читала, что въ Англіи во время вѣнчанья и такъ заявляетъ невѣста: „что-бы съ мужемъ ни случилось, какъ-бы онъ ни былъ дурень и боленъ,—я никогда его не покину и всегда буду любить его“.—У насъ это только потому не говорятъ, что это подразумѣвается. Да вѣдь Кири,—онъ прелестный человекъ!

Ахъ, какой онъ милый, какой онъ чудесный! А только духъ въ немъ мятежный. Плещется во всѣ стороны, — рвется. Все вопросы мировые. Я съ нимъ спорю иногда. Онъ скажетъ: „ты права, потому-что ты — мать“, — уйдетъ и хлопнетъ дверью.

Окна были открыты. Сквозь спущенныя желтоватныя шторы мягко свѣтило солнце и заливало матовымъ свѣтомъ комнату. И все было подернуто этимъ мягкимъ матомъ. И бѣленькая блуза княгини, и она толстая, крѣпкія руки, и шея и кольцо съ большимъ опаломъ, — все было смягчено однимъ общимъ серебристымъ налетомъ. Только букетъ изъ фіалокъ, циворія и ландышей ярко желтѣлъ, синѣлъ и бѣлѣлъ посрединѣ стола въ большой маіоликовой вазѣ.

IX.

Обѣдали въ этотъ день поздно: потому-что только къ шести Кирилль Андреевичъ долженъ былъ вернуться домой. Пока Любовь Ивановна хлопотала по хозяйству, князь съ дѣтворой отправился въ садъ. Старшая племянница завладѣла его рукой и, перейдя съ нимъ на „ты“, весело рассказывала, какія когда цвѣтутъ деревья, на которомъ вкуснѣе яблоки, отчего у нихъ нынче мало цесарокъ и какъ зовутъ лохматыхъ дворовыхъ щезять, что весело прыгали вокругъ нихъ, шлепая во всѣ

сторомы толстыми ушами, похожими на тюленьи плавники. Она сообщила тайну: папа очень любитъ перьяки и ѣсть ихъ въ оранжереѣ потихоньку отъ мамы, и прежде чѣмъ начнетъ ихъ ѣсть, всегда проведетъ кожицей по губамъ. При дѣтяхъ была гувернантка — вся въ веснушкахъ, русская, но бойко говорившая то по-французски, то по-нѣмецки. И дѣти свободно болтали, путая слова, и шести-лѣтній Боря кричалъ:

— Sur votre Kopf пчела, mademoiselle!

До обѣда успѣли покачаться на качеляхъ, побывать на скотномъ дворѣ, посмотрѣть двухъ новыхъ жеребятъ, пройти въ парники, погладить осла и козу, которыя паслись вмѣстѣ на лужайкѣ, и при видѣ дѣтей, прямо направились къ нимъ. Отъ всего окружающаго вѣяло тѣмъ-же здоровьемъ, оживленіемъ и силой, какъ и отъ хозяйки.

Въ шестомъ часу раздался чей-то тоненькій звукъ: „папа ѣдетъ!“ На дворѣ мелькнулъ полнымъ галопомъ скакавшій вороной жеребецъ, сухой кабардинецъ съ тонкими жилистыми ногами и маленькими подрѣзанными копытами. Онъ сразу остановился у крыльца; Кирилль Андреевичъ привычнымъ, гибкимъ движеніемъ сошелъ съ сѣдла. Жеребецъ фыркнулъ и весь встряхнулся. Онъ былъ мокрый, грудь и переднія ноги бѣлѣли отъ пѣны.

— Папа! дядя пріѣхалъ! кричали ему навстрѣчу.

Лицо его вдругъ оживилось. Онъ, не выпуская хлыста, захватилъ подъ-мышку барахтавшуюся пятилѣтнюю Лиду и, вмѣстѣ съ ней, быстрыми шагами пошелъ въ комнату.

— Направо, въ угловую, пищала Лида.

Братья обнялись и крѣпко поцѣловались. Кирилль былъ выше и плотнѣе брата. Онъ былъ старше его лѣтъ на десять, — темнѣе волосами, но глаза и носъ у обоихъ были похожи. Несмотря на то, что ему было подъ пятьдесятъ, сѣдыхъ волосъ у него почти не было. Красивая борода съ подстриженными бакенбардами не закрывала его чувственныхъ яркихъ губъ. Зубы у него еще всѣ были цѣлы, и походка такая же молодая и быстрая, какъ у жены.

— Радъ, Борисъ, сказалъ онъ, — отъ души радъ. Надолго?

— До завтра. Я былъ въ командировкѣ. Кирилль на минуту нахмурился.

— Ну, тамъ видно будетъ. Пойдемъ ко мнѣ, я переодѣнусь.

— Сейчасъ обѣдъ, Кирь! крикнула ему издали жена. — Ты слышишь?

Онъ повелъ плечомъ въ отвѣтъ и, взявъ подъ руку брата, пошелъ съ нимъ въ большой угловой кабинетъ. Полъ кабинета былъ покрытъ японскими циновками. Старинный столъ корель-

своей березы съ бронзой помѣщался между окнами. У противоположной стѣны помѣщался большой мраморный умывальникъ. На третьей стѣнѣ висѣло зеркало съ толстоцековыми амурами по карнизу, а подъ нимъ, на столѣ краснаго дерева, былъ разложенъ огромный наборъ всякихъ склянокъ, ножницъ и щетокъ.

Кириллъ быстро сбросилъ съ себя запыленный пиджакъ и жилетъ, сорвалъ галстукъ и обнажилъ передъ братомъ свою сильную, поросшую густыми волосами грудь.

— Ну, какъ же живешь? спросилъ онъ.

— Тяну ляжку.

— По чину кто?

— Статскій.

— Наканунъ генеральства? А я такъ коллежскимъ секретаремъ и остался.

Онъ повернулся къ Борису, намывая густо себѣ шею и голову.

— И знаешь, что мнѣ кажется? я именно коллежскій секретарь. Не человѣкъ, а коллежскій секретарь.

— Это почему-же?

— Потому-что человѣку не должно быть чуждо nihil humanum. А коллежскому секретарю и не надлежитъ быть ничѣмъ инымъ, какъ секретаремъ.

— Ну, что ты лжешь на себя!

— Не лгу. Я ужасная дрянь. Да мы все

дрань. Такъ, мелкіе эгоистишки, безъ воли, безъ принциповъ, безъ желаній. Я не хуже другихъ.

Онъ наклонился надъ тазомъ, подставляя себя подъ толстую струю фонтана, и фыркая и брызгая, началъ смывать дорожную пыль.

— Погоди, не говори, ничего не слышу! предостерегъ онъ брата.

Тотъ подошелъ къ письменному столу и увидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ большую акварель, изображавшую тощаго мужчину въ смокингѣ и пробковомъ шлемѣ и огромное стадо быковъ, пасшееся вокругъ него на ярко-зеленомъ лугу.

— Это у меня проектъ наглядной таблицы, заговорилъ Кирилль, вытираясь и подходя къ брату. — Это изображаетъ англичанина и то количество быковъ, что по статистическимъ даннымъ онъ пожираетъ втеченіе жизни. Это къ моей брошюрѣ: „Объ употребленіи въ пищу труповъ“. Я ее ужъ началъ печатать.

— Да вѣдь самъ-то ты ѣшь мясо?

— Отъ этихъ кровожадныхъ инстинктовъ отстать трудновато. Вотъ теперь восьмой мѣсяць я уже не ѣмъ совсѣмъ убойны. Надо внушать съ дѣтства отвращеніе къ мясу. Ты замѣтъ, у ребенка инстинктивное къ нему отвращеніе есть. Ребенка ты только съ трудомъ заставишь проглотить кусокъ, — онъ всегда предпочтетъ

муку и крупу. А мы, напротивъ того, стараемся побороть въ нихъ эту естественную ненависть. Изъ-за этого у насъ главный раздоръ съ женой.

— Твоя жена нисколько не измѣнилась, — все такая-же.

— Да, все такая-же, задумчиво повторилъ Кирилль, вѣшая на буковый крюкъ полотенце. — Да съ чего ей жѣняться?

— Все-таки, столько дѣтей.

— Это нормальная функція женщины. Она рождаетъ такъ-же легко, какъ печеть пироги.

Онъ подошелъ къ шкапу, выдвинулъ полку, вынулъ чистое бѣлье и бросилъ его на кровать.

— Я ее никогда не видалъ въ дурномъ настроеніи духа. Она всегда весела, прибавилъ онъ.

— А когда дѣти больны? спросилъ Борисъ.

— У насъ дѣти больны не бываютъ, возразилъ онъ, какъ-будто сожалѣя объ этомъ обстоятельстве.

— Ну, а когда ты уходилъ на мѣсяцъ изъ дома, она тоже была весела?

— Ужь успѣли тебѣ доложить?

— Развѣ это тайна?

— Не тайна, — но не все-ли равно тебѣ, въ ту-ли или другую сторону я тогда-то пошелъ или поѣхалъ? Вѣдь это говорится затѣмъ,

чтобъ указать на то, что я несовсѣмъ нормаленъ.

— Какой вздоръ!

— Совсѣмъ не вздоръ, милый другъ. Любочка меня считаетъ немного свихнувшимся. Она въ простотѣ душевной воображаетъ себя гораздо болѣе здравомыслящей, чѣмъ меня. Она до сихъ поръ не понимаетъ, какъ можно проснуться съ ненавистью къ людямъ и не желать ихъ видѣть.

— А ты развѣ ненавидишь людей? Вѣдь опять ты на себя лжешь.

— Конечно, ненавижу. Повѣрь, всѣ ненавидятъ. Нѣтъ человѣка, который любилъ-бы ближняго. Есть такіе, что ломаются сами предъ собой и разводятъ мировую любовь. Все это вздоръ, душа моя. Любовь — чувство напускное. Въ корнѣ въ каждомъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, который готовъ съѣсть живьемъ другого. Конечно, этого звѣря слѣдуетъ въ себѣ обуздать и вмѣсто него посадить себѣ въ душу всепрощеніе и любовь. А только почти никогда ничего изъ этого не выходитъ.

Онъ прыснулъ на щетку изъ флакона и пригладилъ свои мокрые волосы.

— Ты такой-же чудакъ, какъ и былъ! ска- залъ ему братъ.

— Я человѣкъ, который самъ себя поставилъ на мертвые якоря, вмѣсто того, чтобъ плыть въ открытое море.

Въ дверь постучали. Это была Любовь Ивановна.

— Ты скоро, Кирь? спрашивала она.

— Входи, отвѣтилъ ей мужъ, заклонывая бѣльевою шкапъ.

Она вошла, съ тѣми-же ямочками на щекахъ и съ той-же улыбкой.

— Ботвинья готова, согрѣтся, сказала она.

— Пойдемте обѣдать.

Она взяла своего beau-frère подъ руку.

— Есть и уха и ботвинья—что хотите.

— Никогда не женись, проговорилъ Кирилль, шагая за нимъ большими шагами по широкому корридору, — особенно не женись на образцовой хозяйкѣ: ты погибнешь между Сциллою и Харибдой—ботвиньей и ухом.

Княгиня звонко засмѣялась, крѣпко пожимая руку Бориса.

— Вотъ онъ всегда таковой, весело сказала она.

X.

За обѣдомъ было шумно, было нѣчто напоминавшее московскій домъ Прасковьи Юрьевны. Но тутъ еще тѣснѣе и сплоченнѣе чувствовалась семья. Не только дѣти, и сама хозяйка, и гувернантка были оживлены весною и приливомъ добрыхъ силъ, но даже двѣ горнич-

ныя, въ упругихъ корсетахъ и полосатыхъ ситцевыхъ платьяхъ, и тѣ служили также весело, и звонко откликались на оклики хозяйки. Одну звали Ариша, другую Мариша. Онѣ были похожи другъ на друга, и кажется нѣсколько боялись Кирилла Андреевича. Когда онъ показалъ одной нечистую тарелку, та вспыхнула, и вся веселость сразу сбѣжала съ ея лица. Хозяйка угощала Бориса и онъ все ѣлъ, что ему ни подавали. Кириллъ Андреевичъ съѣлъ сперва ботвиньи, куда положилъ много хрѣну и горчицы, потомъ съѣлъ уху изъ ершей и отъ дальнѣйшаго обѣда отказался. Когда подали фаршированныхъ куръ, онъ спросилъ брата:

— А ты ѣшь птицъ?

— Отчего-жь не ѣсть? возразилъ онъ.

— Наступить часъ, когда никто изъ людей не будетъ ѣсть животныхъ и птицъ, когда на потребленіе ихъ для ѣды будутъ смотрѣть какъ на убійство, замѣтилъ Кириллъ.

— Ну, а пока пусть дѣти кушаютъ, замѣтила Любовь Ивановна. — Я знаю, что въ мясѣ больше бѣлка, чѣмъ въ твоей зелени.

— Никогда не женись, повторилъ Кириллъ Андреевичъ по-англійски, чтобы его не поняли дѣти.

— Отчего?

— Оттого, что еще Пушкинъ сказалъ,

что женитьба—это (онъ перешелъ на русскій языкъ) теплая мѣховая шапка, въ которую уходишь съ ушами.

Послѣ обѣда братья пошли въ паркъ,—хорошій старинный, помѣщичій, какихъ ужъ немного теперь осталось, даже въ нашихъ среднихъ губерніяхъ. Комары, жужжа, носились вокругъ нихъ, надъ деревьями тянулись утки, по небу разметались розоватые барашки облаковъ.

— Отчего ты такъ напиралъ на то, чтобъ я не женился? сказалъ Борисъ.

— А ты развѣ собираешься?

— Кажется.

Кириллъ Андреевичъ остановился. Лицо его стало серьезнымъ.

— Не дѣлай этого, сказалъ онъ. — Не обзаводись семьей. Это величайшее несчастіе на землѣ.

— Ну, этого нельзя сказать, взглянувъ на твою семью.

Онъ исподлобья посмотрѣлъ на брата.

— Ты думаешь? — Нѣтъ, другъ мой: бракъ—величайшее изъ золъ, доставшихся въ удѣлъ человѣку. Впрочемъ, если ты хочешь быть чиновникомъ, и ничѣмъ больше—тогда женись. Но если въ тебѣ есть хоть одна капля чело-вѣчности,—если ты хочешь не только пить, ѣсть, производить дѣтей и ходить въ минн-

стерство, — тогда бѣги отъ каждой женщины, какъ только она близко подойдетъ къ тебѣ.

Онъ взялъ, по своей привычкѣ, брата подъ руку.

— Любочка — лучшая изъ женъ, какую только можно представить. Она слѣдитъ за каждымъ моимъ шагомъ, она знаетъ мои привычки, мои недостатки, она вся ушла въ то, чтобы помочь мнѣ жить. И она — самый ужасный, самый злѣйшій мой врагъ. Она вяжетъ меня по рукамъ и по ногамъ, она обратила меня въ жалкую куклу... Ты удивляешься, — ты спрашиваешь — отчего?

Кирилъ Андреевичъ сорвалъ съ себя шапку и отшвырнулъ ее въ сторону.

— Оттого, что она мать моихъ дѣтей. Оттого, что она какъ насѣдка охраняетъ ихъ отъ всего, что, по мнѣнiю ея, имъ можетъ быть вредно. И первымъ ихъ врагомъ она считаетъ меня. Смотри, вотъ я сильный, здоровый мужчина, но я не могу съ ней сладить. Ея материнская логика такъ сильна, такъ проста, такъ неопровержима, что все на ея сторонѣ.

— Я не совсѣмъ тебя понимаю, нахмурился сказалъ братъ.

— А, ты не понимаешь? Ну, вотъ и она говорить, что не понимаетъ меня. А дѣло такъ удивительно просто.

Онъ нервно провелъ по головѣ и сильно втянулъ въ легкія воздухъ.

— Вот видишь-ли. Былъ у насъ здѣсь голодъ. Не здѣсь, именно въ нашемъ округѣ, а на окраинѣ губерніи. И тамъ, дальше—все шли неурожайныя мѣста, — намного версть туда, къ востоку. Какъ всегда, во время голодовокъ,—пошло много народу на сторону — и работать и побираться. Я набралъ рабочихъ чуть не въ полтора раза больше того, что мнѣ надо было. Затѣялъ дурацкія постройки, которыя мнѣ ни для чего не нужны, чтобъ была только причина платить имъ деньги. Но кромѣ этого сотни нищихъ поползли отовсюду. Я столовую открылъ, чтобъ хоть съ голода не дошли. Повалили гурьбой. Открылъ въ трехъ верстахъ отдѣленіе... Ну, тутъ и начались у насъ перекоры. Я не выдалъ на праздники деньги для подарковъ. Любочка заложила свой браслетъ въ городъ и сдѣлала елку. Я обрѣзалъ нашъ столъ, наше хозяйство, хотѣлъ продать двухъ лишнихъ коровъ. Пріѣхалъ покупатель,—а она у него ихъ перебила, и деньги мнѣ черезъ горничную прислала... Я тогда и ушелъ. Я ушелъ, чтобъ совсѣмъ уйти, чтобъ болѣе не вернуться. Я ненавидѣлъ все: вотъ эту аллею, домъ, дѣтей, Любочку, все это было мерзко и подло, потому-что нужно было совсѣмъ не то...

Онъ опять тяжело перевелъ дыханіе.

— И мѣсяць я жилъ хоршей живой

жизнью, какъ мнѣ казалось. Я ходилъ по голоднымъ деревнямъ, — и... ну, чѣмъ могъ, — ты понимаешь... Я какъ разъ за аренду двухъ мельницъ получилъ, — и пошелъ съ этими деньгами... А потомъ, — вдругъ что-то такое болѣзненное, жалкое закопошилось во мнѣ. Такъ меня страстно, животное потянуло домой. Захотѣлось видѣть ребятишекъ. Смотрю на чужихъ, ласкаю ихъ, — а самого такъ и тянетъ къ своимъ. Сначала я справлялся съ собою, а потомъ — чѣмъ дальше, тѣмъ острѣе, тѣмъ острѣе, тѣмъ больнѣе, призывнѣе это чувство. Бросилъ все, — да и деньги вышли, — и опять вернулся.

— И хорошо сдѣлалъ, сказалъ Борисъ.

— Для кого хорошо? — Для себя?

— Для всѣхъ.

— Нѣтъ, не для всѣхъ. Хорошо для жены и дѣтей, и нехорошо для себя и для всѣхъ. Жена не можетъ понять, и никогда не пойметъ того, что понимаетъ каждая кошка: положи ей, когда она кормитъ котятъ, щенка, даже крысенка, и она его будетъ кормить, какъ родного сына, по инстинкту: у нея есть молоко, и поэтому она отдаетъ его всякому, кто нуждается въ немъ. А женщина не станетъ дѣлить обѣда своего ребенка съ обѣдомъ нищаго, а подастъ ему сухую корку. Вотъ въ этомъ и состоитъ весь ужасъ семьи. Семья —

наша достаточная семья—это скотный дворъ. гдѣ откармливаются особи въ ущербъ массамъ другихъ людей. Задача семьи заключается въ томъ, чтобы не допускать въ ея кругъ другихъ голодающихъ, и не дѣлиться ни съ кѣмъ тѣмъ, что натаскано въ нору. Въ женщину вложена домовитость. И она поэтому все тащитъ въ домъ, и ничего не даетъ изъ него. Чтобъ итти во слѣдъ за Христомъ, надо отъ всего отречься, отъ жены и дѣтей. А силъ нѣтъ отречься отъ нихъ. Сжился съ ними: чувствуешь къ нимъ то эгонистическое чувство собственности, которое живо въ каждомъ изъ насъ. Обнявъ ихъ, и держишь, и чувствуешь, что и они охватили тебя, и съ ними вмѣстѣ ты не разрывень, и вмѣстѣ вы идете ко дну,—и не всплыть вамъ никогда на поверхность.

XI.

Когда стемнѣло,—они вернулись въ домъ. Борису было тяжело. Онъ не думалъ встрѣтить у брата такую мрачную глубину міросозерцанія. Насколько чисто и легко было у него на душѣ до пріѣзда Кирилла Андреевича, настолько тяжелымъ камнемъ навалилось на него его признаніе.

За вечернимъ чаемъ Любовь Ивановна замѣтила перемѣну въ гостѣ.

— Опять Кирь должно быть философствоваль? сказала она. — У него удивительная способность — окислять все, что вокруг него. Какъ отъ грома — отъ него молоко киснетъ. Пріѣхаль человѣкъ — веселый, добрый. Проговорили съ часъ — и точно его въ молоко разварили.

Кирь шагаль изъ угла въ уголь и о чемъ-то думаль, ни слова не отвѣчая жёнѣ. Повидимому, онъ находился въ томъ періодѣ, когда она особенно неприятно дѣйствовала ему на нервы, и онъ сдерживался, чтобы не сказать ей какой рѣзкости.

Борись уже раздѣлся и собирался лечь въ постель, когда къ нему постучался Кирилль Андреевичъ.

— Ты не спишь еще, можно войти?

Онъ вошелъ.

— Ты не хочешь спать съ дороги? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Мнѣ не спится. Ты меня растревожилъ. Братья рѣдко бываютъ близки, но ты мнѣ близокъ. Я давно ни съ кѣмъ не говорилъ такъ, какъ хотѣлось-бы говорить. Ты не стѣсняйся, ложись, а я похожу по комнатѣ.

Онъ поставилъ свою свѣчу на столъ и опять зашагалъ. Между его бровей легла складка. Сильные плечи порывисто дергались. На лицѣ отражалось глубокое страданіе и скорбь.

— Ну, видѣлъ ты? говорилъ онъ.—Такъ вотъ и идетъ моя жизнь—день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ. Ъзда въ земство, въ городъ, къ губернатору, въ Петербургъ—все одно и то-же, — какъ звенья одной круговой цѣпи—тянутся, тянутся безъ конца. Жизнь уходитъ на борьбу съ какими-то прохвостами и мошенниками: усѣлись во кругъ пауки и высасываютъ гдѣ могутъ соки изъ всего живого. Бьешь ихъ, давишь — съ омерзѣніемъ, сознавая всю мерзость этой дѣятельности, но воображая себѣ, что все-таки приносишь пользу, очищаешь округъ отъ гадовъ.

— Да что ты завидуешь кому-нибудь что-ли? спросилъ Борисъ изъ подъ одѣяла.

— Кому мнѣ завидовать? Посмотри вокругъ. Винтъ, водка, водка и винтъ.—У меня хоть дома ложбернаго стола нѣтъ. Было два — я снялъ сукно и поставилъ ихъ въ дѣтскую. Вотъ тутъ докторъ есть Броворовъ—хорошій хохоль, — но пьетъ, — даже не какъ сапожникъ, а такъ— всю жизнь безъ просыпу. И опять-таки женатъ. Не будь онъ женатъ—можетъ быть, интересъ былъ бы къ жизни. А тутъ весь интересъ въ здоровьѣ ребенка и въ томъ, что жена пилить — скоро-ли онъ экзамень будетъ сдавать на доктора. Куда ему къ чорту экзамень на доктора,—у него ужъ все расхлябалось, распустилось, и собрать своихъ

силъ онъ не можетъ. И обвинять я его не могу,—въ нашемъ медвѣжьешъ углу шерстью всѣ обрастаютъ. Есть только одинъ у насъ человекъ, которому можно позавидовать... Ну да онъ не въ счетъ.

Онъ тяжело опустился на диванъ и закрылъ лицо руками.

— Чего ты собственно хочешь, Кирилль? спросилъ Борисъ.

— Чего хочу? Я хочу, чтобъ слово шло въ ладъ съ дѣломъ.

— А этого нельзя?

— Нельзя!

— Да почему?

Кирилль Андреевичъ опять вскочилъ.

— Почему! Да потому, что я самъ себя запаковалъ въ ящикъ, и вылѣзти изъ него не могу. Я женился, потому-что мнѣ казалось, что вдвоемъ лучше. Любочка мнѣ тогда сказала: „парой въ дышлѣ, лошади дружнѣй бѣгутъ“.— Оно можетъ быть и такъ, и права она была, но про дѣтей ни она, ни я тогда не думали. А вѣдь ужъ, кажется, слѣдовало-бы предвидѣть ихъ появленіе. И стали они одинъ за другимъ появляться,—то на мать похожъ, то на меня. Понимаешь, какъ печатные праники. Сначала это радуешь: милыя дѣтишки пищать, прыгаютъ, мамки, няньки, акушерки. Ну, а потомъ...

Онъ запнулся.

— А потомъ, вдругъ ты чувствуешь, что не можешь-же ты бросить этихъ здоровыхъ, краснощекихъ ребятъ на произволь судьбы, что долженъ ты кормить ихъ, какъ и мать, пока они еще въ гнѣздѣ. Видалъ ты, какъ ласточки своихъ дѣтей кормятъ? То отецъ подлетитъ съ мухой, то мать. А тѣ сидятъ, клювики открыли. И имъ поочередно въ ротикъ по мушкѣ. Идиллія, братецъ, идиллія!

— Ну, и пусть идиллія! возразилъ братъ. — Вырости ихъ хорошими людьми для будущаго, и довольно съ тебя.

— Ха! крикнулъ Кирилль, — вырости! Да какъ-же ихъ выростить, когда они воспитываются въ томъ направленіи, какъ и насъ воспитывали. Имъ внушаютъ, что папенька и маменька—это первые люди на землѣ и ихъ чтить надо,—и не хотятъ понять, что это въ разрѣзъ съ заповѣдью: не сотвори себѣ кумира. Папенька все, папенька авторитетъ, что папенька скажетъ—законъ. А папенька—вотъ какъ нашъ становой—вѣчно полушьянъ и беретъ взятки даже съ утопленниковъ. Такъ и цѣловать у него ручку? Ну, и растутъ идолопоклонники, на пень молятся, а жена въ восторгѣ: „ахъ, какія крѣпенькія, какъ рѣпка“.

Онъ забарабанилъ по стеклу какой-то маршъ и вдругъ съ остервенѣніемъ повернулся къ брату.

— Ты думаешь, я могу вотъ такъ паль-

нами постучать въ окно? — спросилъ онъ. — Постучи я еще минуты двѣ — сейчасъ прибѣжитъ жена: „Что такое, кто стучитъ, почему? Фу, Кирь, какъ ты меня напугалъ!“

Онъ сѣлъ на постель къ брату.

— Какъ ты думаешь, что это весело? Каждый твой шагъ связанъ, ты знаешь, что въ каждомъ вздохѣ ты долженъ отдать отчетъ. Жена нюхомъ, верхнимъ чутьемъ знаетъ, если ты сѣлъ заниматься, — дѣтей убираютъ въ другую половину дома и запрещаютъ имъ кричать. У тебя отравлена вся прелесть работы только потому, что ты знаешь, что изъ-за тебя стѣснены дѣти...

Онъ опять всталъ и потеръ виски.

— Вчера былъ здѣсь Колочагинъ, теткинъ повѣренный, знаешь, этотъ бритый, въ парикѣ?

— Да, я его на полустанкѣ встрѣтилъ.

— Тетка прислала мнѣ три тысячи. Она выиграла какой-то старый процессъ и получила много денегъ. Колочагинъ ѣхалъ въ эту сторону, она просила его завести ихъ мнѣ и сказала, что я найду имъ употребленіе. А Любочка знаешь, что сказала: „Неужели, говоритъ, она не могла прислать на десять рублей дѣтямъ игрушекъ?..“ Какъ-будто мало у насъ своихъ мячей, пузырей и шаровъ. И она это преспокойно сказала въ глаза Колочагину. А тотъ извинился и всю вину на себя свалилъ.

Онъ, видишь-ли очень торопился, и тетка буд-то-бы его просила это сдѣлать, но что изъ Москвы онъ вышлетъ. И встъ теперь черезъ три дня надо будетъ посылать на станцію подводу за разнымъ хламомъ, и жена будетъ въ восторгѣ, что тетка бросить на него нѣсколько десятковъ рублей.

Онъ подошелъ и взялъ брата за руку.

— Мнѣ сегодня утромъ сказалъ Колочагинъ, что я съ жиру бѣшусь. Такъ-ли это? Меня пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я надѣлъ блузу и принялся за косу, сосѣди стали „толстовцемъ“ звать. Какой я толстовецъ? Я знаю, что такое толстовцы, и не сочувствую имъ. Думаю, что и Толстой даже имъ не сочувствуетъ—потому-что между нимъ и имъ бездна, — а такъ онъ — терпитъ ихъ по своему благодушію. Да развѣ до графа не носили блузъ, не пахали, не косили? Вѣдь это у насъ только въ литературѣ литераторы съ неба падаютъ и Америку открываютъ. Вотъ недалеко отъ меня живетъ полковникъ, такъ онъ съ шестидесятихъ годовъ плуга изъ рукъ не выпускаетъ. Если-бъ я по шести мѣсяцевъ въ году жилъ въ Парижѣ и меньше двухъ кокотокъ себѣ на ужинъ не бралъ, — это-бы считали совершенно естественнымъ, и даже завидовали-бы мнѣ. А такъ-какъ я столовая для нищихъ устроилъ — такъ на это всѣ пальцемъ указываютъ: съ жиру бѣ-

сится. По воскресеньямъ въ полной формѣ, со шпагой на боку въ церковь ѣздятъ, а на народные столовые косятся.

Онъ взялся за бока.

— У меня прескверная вещь, судороги этихъ мускуловъ надъ ребрами, сказалъ онъ. — Какъ нервы расходятся, такъ и начнутъ они судорожно сжиматься, съ такою болью, какъ вотъ, знаешь, въ ногѣ бываетъ. А доктора говорятъ: вы не волнуйтесь, главное. Сосѣдъ лѣкаръ умнѣе — тотъ говоритъ: „пейте запоемъ, пройдетъ“.

Онъ взялъ свѣчку.

— Тебѣ спать пора. Прощай.

Онъ пожалъ брату руку.

— А я сегодня, должно быть, опять всю ночь осужденъ колобродить, прибавилъ онъ.

Онъ вышелъ, тихо притворилъ дверь и тихо пошелъ съ лѣстницы, стараясь, чтобы ступеньки не скрипѣли.

Но и Борисъ не могъ спать. Онъ лежалъ съ широко открытыми глазами и смотрѣлъ въ темноту. Онъ неторопливо взвѣшивалъ и обдумывалъ все, что говорилъ братъ.

XII.

Ему казалось, что братъ говорилъ правду: было поздно, и ему хотѣлось спать съ дороги. Но едва затворилась дверь, шаги за-

тихли, и онъ, погасилъ свою свѣчу, стоявшую на ночномъ столикѣ, какъ онъ понялъ, что едва-ли скоро заснетъ. Его взволновалъ разговоръ съ братомъ. Онъ не былъ согласенъ съ его положеніями, но онъ видѣлъ, что братъ говоритъ искренно, что его мука не рисовка. Какой-то смутный, неясный призракъ, чудовищно-безобразный, стоялъ передъ Борисомъ и на смѣшливо скалилъ зубы. Точно, что оторвалось въ его душѣ, точно вся прошлая жизнь стерлась безслѣдно.

— Нѣтъ, такъ нельзя, думалъ онъ. — Надо разобраться въ этой путаницѣ. Быть можетъ, то чувство ужаса и отвращенія къ браку и семейной жизни, что такъ сильно проявляется у брата—чувство слишкомъ субъективное. Вѣдь не можетъ-же быть, чтобъ всѣ брачныя сожителства сводились къ такому концу. Онъ говоритъ, что бракъ мѣшаетъ любить ближнихъ; но если жену и дѣтей любить какъ своихъ ближнихъ, и дѣлать для нихъ съ любовью и охотой все, что дѣлаешь для себя и для ближнихъ, то, быть можетъ, этимъ и можно достичь извѣстнаго нравственнаго удовлетворенія? Ближній—это не братъ, и не сестра, и не мать, и не отецъ, а ближній — кто родственъ по духу. Значить, если жена родственна по духу, то она ближняя, и ее надо любить больше себя“.

Онъ смотрѣлъ съ открытыми глазами въ темноту незнакомой комнаты, и смутно видѣлъ бѣлѣвшіе подъ спущенными шторами четырехугольными оконъ, за которыми свѣтиль мѣсяць, — было майское полнолуніе. На потолокъ косою плоской пробивался голубовато-желтый лучъ и, расходясь угломъ, терялся гдѣ-то у двери. На шторѣ слабо проступали пятна листвы: это липа бросала свою тѣнь въ окно. Воздухъ былъ для него совсѣмъ непривычный: жилаго деревяннаго дома. Воздухъ этотъ напоминалъ ему дѣтство и точно тихо ласкалъ его.

— Люди живутъ, продолжалъ онъ думать. — Исполняя невѣдомый законъ; они живутъ, плодятся и умираютъ. Какое-то неясное стремленіе влечетъ насъ къ женщинамъ. Въ этомъ чувствѣ таится зерно земной жизни. И мужчина и женщина думаютъ, что они увлечены другъ другомъ, что цѣль ихъ желаній — взаимное обладаніе. Но это только имъ кажется. Природа ихъ взаимнымъ влеченіемъ только прикрываетъ неизбѣжность великаго закона — размноженія.

Онъ подошелъ къ окну и откинулъ занавѣску.

— О чемъ я думаю? Зачѣмъ я это думаю? Почему человѣкъ долженъ итти по слѣдамъ животныхъ? Быть можетъ, для того и данъ ему свѣтлый разумъ, чтобъ, насколько онъ вы-

ше животнаго міра. Быть можетъ, правы тѣ йоги, что проповѣдовали безбрачіе какъ самый существенный догматъ совершенства? Или это не йоги? Да это все равно — кто. А потомуъ была теорія—о прекращеніи человѣческаго рода—какъ и наиболѣе желательномъ концѣ.

Онъ сѣлъ на постель, свѣсивъ ноги и скорчившись. Онъ отогнулъ занавѣсъ, и теперь свѣтлая полоса была въ комнатѣ больше, и можно было различать предметы.

— Братъ чувствуетъ, что онъ не такъ исполняетъ свою задачу жизни, какъ слѣдовало-бы исполнять. Половина его силъ уходитъ на разныя общественныя отношенія, которыя ни ему, ни людямъ ненужны. Онъ не вѣритъ въ то, что онъ приноситъ пользу; онъ не вѣритъ въ людей, и не любитъ ихъ. То-есть, онъ говоритъ, что онъ ихъ не любитъ, а въ сущности онъ помогаетъ имъ всегда чѣмъ можетъ и раздаетъ все, что у него есть. Любовь Ивановна говоритъ, что она сама теперь получаетъ арендные деньги, съ той поры, какъ Кирь, получивъ ихъ—ушелъ, и потомъ вернулся через мѣсяць. И Кирь, подчиняется этому деспотизму, хотя имѣнье его, а не жены, онъ можетъ не давать ей ни гроша, и даже поселить ее съ дѣтьми въ одной комнатѣ, а въ остальныхъ устроить пріютъ для стариковъ и дѣтей. Но этого онъ не сдѣлаетъ по двумъ

причинамъ. Во-первыхъ, онъ привязанъ къ женѣ. Онъ любитъ ея крупчатое, бѣлое тѣло, ея красивые глаза, ея румяныя губы, ея смѣхъ, ея плечи. У нихъ много дѣтей и она ихъ рождаетъ легко, и съ каждымъ ребенкомъ дѣлается все здоровѣе. Онъ говоритъ себѣ, что любитъ ближняго такъ-же, какъ и ее: но съ ея плечами у него связано столько прошлаго и молодого и хорошаго, что невольно, при взглядѣ на нихъ у него дѣлается на сердцѣ хорошо и молодо. А во-вторыхъ,—я не знаю, что больше говоритъ въ ней: любовь къ нему или къ дѣтямъ? Я не знаю, на что рѣшилась-бы она, если-бы онъ вздумалъ ликвидировать свои дѣла. Очень можетъ быть, что она обратилась-бы во врачебную управу, съ просьбой объ его освидѣтельствованіи.

Онъ зажегъ свѣчи на столѣ. Комаръ закружился и защищалъ вокругъ его головы. Онъ сѣлъ къ столу и опустилъ голову на руки.

— Приносить пользу? повторилъ онъ.—Да я приношу пользу насколько могу. Я убѣжденъ, что наше министерство нужно государству и что оно лучше всѣхъ другихъ министерствъ. Я по мѣрѣ силъ дѣлаю свое дѣло. Я сокращаю насколько можно ненужную переписку, я стараюсь возможно скорѣе рѣшать текущія дѣла; по моимъ предложеніямъ, Иванъ Петровичъ уже провелъ цѣлый рядъ мѣръ чрезъ комитетъ мини-

стровъ, и я знаю, что эти мѣры хороши и полезны. И я буду работать, работать все больше, все продолжительнѣе...

— Ты не спишь? раздался голосъ изъ сада.

Онъ открылъ окно. Киръ стоялъ на лужайкѣ передъ домошъ.

— Какъ ты думаешь, негромкимъ, но веселымъ голосомъ спрашивалъ онъ, — увеличится ли человѣческое счастье отъ того, что мы не будемъ спать ночь?

Борисъ засмѣялся въ отвѣтъ.

— Если жена-бы увидѣла, продолжалъ Киръ, — что въ третьемъ часу ночи ты жжешь свѣчи, она-бы пришла въ ужасъ. Ей больше всего въ хозяйствѣ жалко свѣчей.

Борисъ вдохнулъ молодой весенній запахъ сада.

— Какая чудесная ночь, Кирилль? — сказалъ онъ.

— Да, — теперь подло спать, согласился Кирилль. — Я всегда думалъ, что ночные воры самые поэтичные люди въ мѣрѣ, — они спятъ днемъ и наслаждаются ночью. Слышишь соловья? Каково заливается? Когда я слышу соловья, я всегда вспоминаю розовый кустъ и Гейне. А когда я вспоминаю Гейне, я всегда вспоминаю богиню Гамбурга и тѣ мѣзмы, въ которыхъ заключается будущность Германіи. Вотъ что значить ассоціація идей культурнаго человѣка самаго конца девятнадцатаго столѣтія!

Гдѣ-то стукнуло стекло.

— Слышишь? еще понизивъ голосъ, сказалъ Кирилль. — Это Любочка. Она спитъ какъ кошка: можетъ спать двадцать-четыре часа подрядъ, но все время слышитъ, что вокругъ нея дѣлается. Туши свѣчи. Я иду ложиться.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по дорожкѣ. Изъ окна послышался голосъ.

— Это я, княгиня, насмѣшливо проговорилъ въ отвѣтъ Кирилль, — а не Стенька Разинъ и не Пугачевъ. Я хожу дозоромъ и оберегаю васъ и мое семейство.

Борисъ слышалъ, какъ рѣзко стукнуло окно. Шаги проскрипѣли по песку и все затихло.

XIII.

Князь проснулся въ восемь часовъ. Въ домѣ уже чувствовалась жизнь. Слышна была дѣтская топотня и голоса. Любочка громко призывала Катеньку. Щенокъ отчаянно лаялъ на кого-то на дворѣ. У самага крыльца пѣтухъ надсаживался во все горло.

— Гдѣ князь? спросилъ Борисъ у пробѣгавшей Мариши.

— Они фотографію снимаютъ съ коровы, пожалуйста вонъ туда за сарай.

Князь зашагалъ по указанному направленію. Въ тѣни амбара Кирилль устанавливалъ на

дубовомъ треножникѣ аппаратъ, плотно вдавливая въ дернъ острые гвозди ножекъ. Предъ нимъ стояла баба и держала за веревку крупную большую корову пѣгой масти, лѣниво перетиравшую свою жвачку желтыми губами.

— Вотъ вчера купилъ, сказалъ Кирилль, пожимая брату руку и кивая головой на корову. — Голландка чистокровная. Мать съ двумя медалями. Сорокъ бутылокъ въ сутки давать будетъ.

— Зачѣмъ-же ты снимаешь ее? спросилъ Борисъ.

— А кого-жъ мнѣ снимать? возразилъ Кирилль.

Борисъ на это не нашелъ, что отвѣтить, и увидѣвъ вдали Любовь Ивановну, пошелъ къ ней.

— Плохо спали? беспокойно спросила она. — Мѣшало вамъ что-нибудь? Я никогда на новомъ мѣстѣ спать не могу. Или, можетъ быть, вы кровати не любите? Мой отецъ на диванѣ спалъ, говорилъ, что слаще. У меня есть такой старый диванъ, я могу на немъ васъ положить.

— Спасибо, я сегодня думаю ѣхать.

— Я васъ не пущу, сказала она, взявъ его за руку.

— Зачѣмъ я вамъ? спросилъ онъ.

Она удивленно посмотрѣла на него выпустивъ руку и замолчала.

— Вы кажется рассердились на меня? спро-

силъ онъ, когда они прошли молча нѣсколько шаговъ.

— Охъ, ужъ ваша Олсуфьевская порода! съ капризнымъ жестомъ сказала она.

— А что?

— У васъ отъ дѣдовъ это перешло: ломаться любите. Мнѣ какъ-то Киръ вашу родословную показывалъ. То-то, я думаю, вы въ свое время наломались! А теперь—въ крови-то у васъ это осталось, а шутовъ, дворовыхъ да однодворцевъ вокругъ васъ больше нѣтъ.

Войдя черезъ крыльцо въ сѣни, она сердито отворила дверь на свою половину.

— Любовь Ивановна,—не сердитесь, сказала онъ, взявъ ея руку.

— Подите вы! крикнула она. — Я не получила княжескаго воспитанія, и никогда не скрываю то, что думаю.

Она затворила за собой дверь, и по звуку ея шаговъ онъ чувствовалъ, что она была не въ духѣ.

Недовольство на ея лицѣ осталось и десять минутъ спустя, когда она, сидя за самоваромъ, заботливо осматривала столъ и намазывала масломъ кусокъ ржаного хлѣба для старшей дочери. Она вскользь посмотрѣла на мужа и на гостя, но не сказала имъ ни слова.

— Любочка, проговорилъ князь, выпивъ стаканъ молока,—что ядъ готовый у насъ есть?

— Всегда есть, сухо отвѣтила она.

— Какой ядъ? удивился Борисъ.

— А у насъ ядомъ называются препараты для фотографіи: проявители, виражи, фиксажи. Ихъ Любочка сама приготовляетъ, мнѣ не довѣряетъ,—боится, что я отравлюсь.

— Совсѣмъ не потому, возразила Любочка,—а потому что женщина всегда аккуратнѣе мужчины.—У меня какъ у провизора все чисто.

— Ну, такъ вотъ, продолжая усмѣхаться, закончилъ Кирилль Андреевичъ,—у насъ проявитель называется желтенькимъ ядомъ, а фиксажъ бѣленькимъ,—а виражъ-фиксажъ, должно быть, мутненькимъ. Такъ, княгиня?

— Ты лучше расскажи, какъ испортилъ двѣ дюжины мохнатыхъ заграничныхъ полотенецъ своими фиксажами,—пока я тебѣ кухонныхъ полотенецъ не отдала. Хозяинъ!

— Мало-ли что портится! подтвердилъ онъ и обратился къ брату:—Ты удивился, отчего я снималъ корову. Оттого, что она характерна и типична,—гораздо типичнѣе и характернѣе нашихъ сосѣдокъ и сосѣдей. Аппаратъ у меня старой системы, но объективъ Цейса чудесный.

Для Бориса „объективъ Цейса“ было совершенно непонятное представленіе, но должно быть это было что-нибудь хорошее.

— Я вамъ покажу папинъ альбомъ. Можно, папа? спросила дѣвочка и, не дождавшись

отвѣта, побѣжала. Она притащила огромный альбомъ съ наклеенными фотографіями и залѣзла на стулъ рядомъ съ дядей.

— Вотъ это наша тѣлка Машка, рассказывала она. — Это нашъ осель, и рядомъ съ нимъ няня. Это индюшка. Это мама Бору моетъ въ ванночкѣ.

Борисъ остановилъ торопливую ручку племянницы. Въ высокой свѣлой комнатѣ, только что вынутый изъ ванны, стоялъ на табуреткѣ здоровый и крѣпкій мальчикъ съ мокрыми, скрутившимися въ колечки волосиками. Любовь Ивановна, съ засученными выше локтя рукавами, съ растрепанными кудрями на лбу, полуоткрытымъ ртомъ и смѣющимися счастливыми глазами, вытирала его простынькой. Они оба очевидно не знали момента, когда отецъ защелкнулъ ихъ аппаратомъ, — и ото всей сцены вѣяло такой домовитостью, такимъ тепломъ семейнаго очага, такимъ здоровьемъ и довольствомъ.

— А вотъ, продолжала дѣвочка, — Мариша гладить, а я ей Конька-Горбунка читаю, — вотъ тутъ на скамеечкѣ. Я совсѣмъ была маленькая. А это мама больная лежитъ на террасѣ, — когда послѣдній братецъ родился, а папа ей косу плететь. Это я сама щелкала съ нихъ. Папа умѣетъ такъ туго плести косу, какъ никто, лучше Ариши...

Кирилль Андреевичъ недовольно двинулъ стуломъ.

— Ты видѣлъ когда, какъ проявляютъ негативы? спросилъ онъ. — Хочешь посмотришь, — я пойду въ свою лабораторію.

— Постойте! Я сейчасъ все приготовлю, остановила ихъ, вскакивая, Любовь Ивановна, — а то ты только беспорядокъ тамъ сдѣлаешь.

— А это Боря ревѣлъ, ему яблока хотѣлось, а ему не давали, папа въ это время проходилъ и снялъ его, — не отставала дѣвочка. — Теперь, какъ онъ только хочетъ заплакать, такъ ему портреты показываютъ, какой у него ротъ большой... Ну, это щенки играютъ, это моя любимая карточка. Это опять мама, когда она шьетъ, а это священникъ Чонгаровъ. Правда, какой красивый?

— Странное лицо, сказалъ Борисъ, вглядываясь въ темный острый взглядъ сухого брюнета, съ тонкимъ носомъ, большимъ четырехугольнымъ лбомъ и красивой, волнистой линіей губъ. — Я-бы не сказалъ, что это священникъ.

— Это тотъ человѣкъ, сказалъ Кирилль, ударяя ногтемъ указательнаго пальца по альбому, — про котораго я вчера тебѣ сказалъ, что ему одному можно завидовать. Я тебя познакомлю съ нимъ. Мнѣ надо его сегодня повидать, это всего четыре версты отсюда, передъ обѣдомъ съѣздимъ къ нему.

— Что-же онъ такое?

— А вотъ увидишь. А теперь пойдѣмъ проявлять.

Они пошли въ его кабинетъ. Оттуда уже выходила Любовь Ивановна.

— Я на четыре приготовила, сказала она мимоходомъ мужу.

— Да, у меня снято четыре пластинки, отвѣтилъ онъ.

— А почему она знаетъ, что ты снялъ четыре пластинки? спросилъ братъ.

Кирилль пожалъ плечами.

— Она все знаетъ, сказалъ онъ. — Ты не бойся, я долго тебя не задержу. У меня и пластинки и проявители работаютъ очень быстро. Я къ нимъ примѣнился,—и дозы употребляю сильнѣе, чѣмъ принято. Это на достоинствѣ не отзывается, но зато скорѣе гораздо.

XIV.

Когда они вошли въ темную комнату, примыкавшую къ его кабинету, освѣщенную только однимъ темнокраснымъ фонаремъ, Борисъ сразу не могъ понять,—гдѣ что стоитъ,—и прямо попалъ руками въ какую-то жидкость.

— Ничего, это вода, сказалъ Кирилль, протягивая ему полотенце и открывая заднюю стѣнку фонаря, отчего въ комнатѣ стало свѣт-

лѣе. Борисъ увидѣлъ длинный столъ, по которому чернѣло семь четырехугольныхъ ванночекъ, налитыхъ водой или „ядами“ — этого не зналъ Борисъ.

— Садись сюда, сказалъ братъ, показывая на стулъ возлѣ себя. — Ну, вотъ полюбуйся, какъ мы это фабрикуемъ.

Онъ привычными руками отоменуль въ темнотѣ никелевыя задвижки аппарата; звякнула пружинка, раздался шорохъ выдвигавшагося ящика. Потомъ онъ взялъ верхнюю пластинку, вынулъ ее изъ звенящей желѣзной кассетки и осторожно опустилъ въ ближайшую къ брату ванночку.

— Ядъ? спросилъ смѣясь Борисъ.

— Ядъ, отвѣтилъ смѣясь Кирилль.

— Ты знаешь, продолжалъ онъ, колыхая желтоватую массу, волной переливавшуюся по бѣлѣвшему рѣзкимъ пятномъ негативу. — Вотъ уже пятый годъ я упорно снимаю. Я сдѣлалъ тысячи оттисковъ. И каждый разъ, передъ тѣмъ моментомъ, когда я жду проявленія негатива, я волнуюсь. Точно хирургъ, что ждетъ исхода операціи. Сознаю, что это глупо, мальчишески, — и не могу удержаться.

— Въ тебѣ говорить своего рода художникъ, сказалъ Борисъ.

— Какое это художество! Фотографія художествомъ быть не можетъ. Это только пособіе.

Но за фотографіей есть, однако, качество, не имѣющее отношенія къ искусству, но очень существенное въ обиходѣ...

Онъ поддѣлъ чернымъ плоскимъ крючкомъ стекло, и слегка его приподнялъ.

— Если ты будешь систематически закрѣплять при помощи фотографіи окружающую тебя жизнь,—получится длинная безконечная лента изображеній твоего прошлаго. Прошлое тѣмъ далѣе отходить, тѣмъ дѣлается дороже. Представь, какъ дорогъ тебѣ былъ-бы альбомъ твоего дѣтства, гдѣ-бы ты видѣлъ и себя, и отца, и мать, и прислугу, и игры,—и все то, что мило и дорого тебѣ?.. У моихъ дѣтей это будетъ.

Онъ остановился и безпокойно нагнулся надъ ванночкой.

— Смотри, проступаетъ, сказалъ онъ.

Борисъ тоже нагнулся и увидѣлъ на желтомъ четырехугольникѣ казія-то сѣрыя пятна, показавшіяся въ разныхъ мѣстахъ.

— Смори, какъ они растутъ и крѣпнутъ,—говорилъ Кириллъ.—Видишь, какъ они здѣсь чернѣютъ? Ого.—Это хорошо взято. Вотъ сейчасъ голова проступить. Смотри, вотъ завитокъ рога...

Борисъ, какъ ни таращилъ глаза, ничего не видѣлъ. Онъ видѣлъ что-то безформенное, что-то напоминавшее кочанъ цвѣтной капусты, но ужъ никакъ не корову.

— Да это что-же за черная лужа? спросил онъ, указывая на середину пятна.

— Это свѣтлый бокъ коровы.

— Отчего-жь онъ черный?

— Оттого, что онъ бѣлый, сердито отвѣтилъ Кирилль. — И небо поэтому черное, а волоса у скотницы бѣлые, оттого-что въ натурѣ они темно-рыжіе, — а въ отпечаткѣ они будутъ черные. Что ты никогда не видалъ негатива? Важно вышло.

— Зачѣмъ-же ты еще три снялъ, если первое вышло хорошо? спросилъ Борисъ.

— А почему я зналъ, что вышло хорошо? еще болѣе сердито отвѣтилъ ему братъ. — Да и тѣ, другіе, можетъ выйдутъ еще лучше.

Онъ всполоснулъ стекло и переложилъ его въ другую ванночку, а на мѣсто его опустилъ второй негативъ.

— У меня есть награда съ фотографической выставки, прибавилъ онъ. — Я выставялъ. Гляди, какой ракурсъ: задняя нога получилась величиной съ голову. Вотъ такіе снимки художники цѣнятъ.

Но Борисъ опять ничего не видѣлъ кромѣ какой-то клумбы цвѣтовъ. Онъ рѣшительно не могъ отличить ноги отъ головы, и удивлялся какъ братъ умѣлъ разбираться во всемъ этомъ.

Въ красной таинственной полутьмѣ лабораторіи онъ видѣлъ темный, точно изъ бронзы

отлитой профиль брата, его огненные, съ какимъ-то особеннымъ блескомъ руки, полотенеце переброшенное черезъ его плечо. Онъ точно колдовалъ, колыхая маленькую ванночку и строго глядяваясь въ нее.

— Пожалуй инквизиція тебя сожгла-бы, замѣтилъ князь, — если-бъ ты съ своими препаратами явился въ доброе старое время въ Мадридѣ.

— Да, сказалъ Кириллъ. — Фотографія до смѣшного требуетъ обстановки какого-то алхимика. Малѣйшій проблескъ свѣта — и все къ чорту. Самая крохотная щелка заставляетъ все выкидывать въ ведро.

Они опять замолчали.

— Зачѣмъ ты хочешь везти меня къ этому священнику? спросилъ Борисъ.

— Потому-что мнѣ нужно къ нему ѣхать, онъ прислалъ мнѣ записку, — а разставаться съ тобой я не хочу. А во-вторыхъ — его стоитъ посмотрѣть. Человѣкъ съ характеромъ А это такъ рѣдко по нынѣшнимъ временамъ. Мнѣ иногда приходится съ нимъ говорить. Онъ оригинально смотритъ на жизнь. Но, конечно, за предѣлъ человѣческаго кругозора его мысли не идутъ, — все какъ у всѣхъ насъ — вращается въ извѣстномъ очерченномъ кругѣ.

— Почему-же онъ здѣсь?

— Работаетъ по богословію. Ты знаешь, онъ какой...

Князь на минуту оторвался отъ работы и посмотрѣлъ на брата, насколько позволяла ему это сдѣлать кровавая мгла, стоявшая вокругъ нихъ.

— Если-бы ты меня спросилъ — вѣрующій-ли онъ человѣкъ, такъ, какъ долженъ вѣрить каждый священникъ—во всѣ догматы и символы своей вѣры, — я тебѣ отвѣчу — „не знаю“. — Если ты спросишь, православный-ли онъ, я и тутъ тебѣ скажу, что не знаю. У него прихода нѣтъ, и я никогда не видалъ его совершающимъ службу. Не знаю и то—долго-ли онъ будетъ священникомъ, но что или онъ самъ уйдетъ куда-нибудь въ новую сферу дѣятельности, или его удалатъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь.

— А онъ изъ какихъ? спросилъ Борисъ, и вдругъ какая-то смутная мысль мелькнула передъ нимъ.

— Онъ изъ дворянъ, богатый человѣкъ.

— И священникомъ недавно?

— Здѣсь онъ съ годъ.

— Женатъ?

— Женатъ и очень оригинально...

Борисъ хотѣлъ встать.

— Постой, ты уронишь, остановилъ его Кирилль, — ты вѣдь не у себя въ канцеляріи, чтобъ махать во всѣ стороны руками.

Борисъ сопоставлялъ конецъ дневника Мери

съ тѣмъ, что говорила Анна Фердинандовна. Теперь ему казалось, что она назвала именно эту губернію, сказала, что онъ здѣсь.

— Можно мнѣ уйти? спросилъ онъ.

— Нѣтъ ужь, пока я не кончу, потрудись сидѣть, — иначе я все перепорчу.

Борисъ снова опустился на стулъ, машинально глядя на руки брата. Онъ чувствовалъ какъ бьется его сердце, и радъ былъ, что темнота скрываетъ его лицо.

— Онъ у насъ герой, сказалъ Кирилль: — только недавно всталъ послѣ тифа. На Святой, во время ледохода, ѣздилъ черезъ рѣку къ умирающему, — по поясъ провалился въ воду, полтора часа такъ сидѣлъ — вынули его полумертвымъ. За тѣбы денегъ не беретъ, но и тѣбъ никакихъ, кромѣ исповѣди, не совершаетъ: отсылаетъ къ приходскому попу.

— Однако вотъ поѣхалъ за рѣку-то?

— Сельскій попъ отказался: пусть, говоритъ, одинъ день подождетъ. Ну, тогда нашъ Илья Николаевичъ и поѣхалъ.

Онъ посмотрѣлъ на свѣтъ послѣднюю пластинку и сказалъ: „я еще аппаратъ заряджу, а ты теперь можешь уходить, только запирай плотнѣе дверь“.

Онъ открылъ заслонку фонаря, и Борисъ, попавъ въ полосу свѣта, дошелъ до двери. Солнечный свѣтъ ему показался зеленымъ послѣ

краснаго освѣщенія лабораторіи, — онъ отвернулся отъ окна и прищурился. Въ корридорѣ онъ встрѣтился съ ватагой дѣтей, весело бѣжавшихъ, и съ Любовью Ивановной, унимавшей ихъ.

Онъ протянулъ ей руку.

— Уѣзжаете? спросила она.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, цѣлуя ея пухлые бѣлые пальчики. — Голубушка, не сердитесь вы на меня. Ей-богу, я не хотѣлъ васъ обидѣть.

Она больно потянула его за ухо.

— Не надо говорить дерзости, не надо, не надо! сказала она, въ тактъ пригибая его голову. — Это ничего, что больно, прибавила она, — дольше будете помнить.

Разскажите мнѣ про вашего сосѣда-священника, мы къ нему ѣдемъ: что это за чудище? Вы мнѣ такъ все по порядку, попросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, ужъ я сперва дѣтей покормлю, возразила она, — а разговоры потомъ.

И она пошла.

— Такъ миръ заключенъ? крикнулъ онъ ей вслѣдъ.

— Миръ! отделинулась она.

XV.

Тѣ, что она разсказала Борису передъ завтракомъ объ отцѣ Ильѣ, особеннаго ничего не прибавило къ тому, что говорилъ Кирилль.

Любовь Ивановна только особенно подчеркнула его широкую благотворительность.

— Популяричаешь! замѣтил Борисъ.

— Вотъ выдумаютъ дурацкое слово, и носятся съ нимъ! сказала княгиня. — Вѣдь это вы хотѣли сѣязвить его: популяричаешь. Кто хочетъ популяричать, тотъ денегъ не раздаетъ. А потому онъ добрый-предобрый. Это вѣдь тоже рѣдко бываетъ.

Кирилль предложилъ брату поѣхать верхомъ. Борисъ давно не ѣздилъ, и ѣздилъ вообще плохо, но тутъ онъ согласился. На него нашла та странная полоса какого-то безотчетнаго стремленія къ дѣятельности, которая временами, повидимому безпричинно, находитъ на человѣка. Онъ, кажется, готовъ былъ-бы не только ѣхать верхомъ, но править шестеркой, летѣть на аэростатѣ, взбираться на ледники. Ему подвели сѣраго плотнаго степняка подъ англійскимъ сѣдломъ, — онъ сказалъ, что на другомъ ѣздить не умѣетъ. Непривычно тяжело перекинулъ онъ правую ногу черезъ лошадь, и попросилъ конюха укоротить стремяна. Кирилль ѣхалъ на скаковомъ сѣдлѣ, увѣряя, что это легче лошади. Теперь для него была подведена сухая гнѣдая кобыла съ розовымъ носомъ и влажными задумчивыми глазами подъ густой бахромой рѣсницъ. Кровь говорила въ каждой ея жилѣ, въ каждомъ напряженномъ и вздрагивающемъ мускулѣ.

— Ну, здравствуй, сказалъ Кирилль, прикладывая свое лицо между ея ноздрей, что, по-видимому, доставило ей удовольствіе. Онъ легко вспрыгнулъ на нее, провелъ правой рукой по гладко вычищенной шеѣ, нагнувшись посмотрѣлъ на нее съ боку и, сдвинувъ ее колѣнами, тронулъ къ воротамъ.

День былъ ясный; по-небу бѣжали маленькія жемчужныя облака, ползучею тѣнью покрывая дорогу, зеленое поле и купы деревьевъ. Дорога еще была безпыльна и подковы лошадей мягко вдавливались въ ея упругій, сыроватый грунтъ. Съ поля вѣяло теплымъ запахомъ чего-то сладкаго. Лошади торопились. Степнякъ все сбивалъ на рысь, и его надо было сдерживать. Кирилль сидѣлъ на сѣдлѣ разсѣянно и лѣнливо, увѣренный въ своей никогда неспотыкавшейся кобылѣ. Едва-ли онъ о чемъ-нибудь думалъ, — онъ оглядывался по сторонамъ и широко забиралъ въ грудь воздухъ.

— Хорошо у тебя, сказалъ Борисъ.

— Это не у меня, а у всѣхъ, отвѣтилъ Кирилль. — Кто-жь кому мѣшаетъ дышать такимъ воздухомъ? Нищимъ и боснякамъ онъ доступенъ. Если прочіе не хотятъ имъ дышать, — кто-жь виновать!

Онъ свернулъ съ дороги, заставилъ кобылу перепрыгнуть черезъ канаву, и манежнымъ галопомъ пошелъ зеленой межой. Русакъ выско-

чилъ изъ-подъ его ногъ и поскакалъ, взбрыкивая задними ногами, въ полевую ширь. На князя, давно не бывавшаго въ деревнѣ, опять пахнуло дѣтствомъ, русской ширью, роднымъ полузабытымъ раздольемъ.

— А здѣсь еще есть зайцы, проговорилъ онъ, догнавъ брата и сдерживая лошадь.— Я думалъ, что они стали ископаемыми.

— Кажется, они только у меня и водятся, сказалъ Кирилль, попрежнему глядя вдаль.— Здѣсь у меня запрещена охота: звѣрью раздолье.

Онъ выпрямился на сѣдлѣ и повелъ плечами.

— На меня, Борисъ, сказалъ онъ,— иногда находить такая сила, что я какъ былинный богатырь думаю: кабы былъ столбъ отъ земли до неба, а въ немъ кольцо ввинчено, схватился-бы за кольцо и перевернулъ и землю, и небо.

Онъ помолчалъ немного.

— Ты знаешь, я противъ войны. Но я иногда жалѣю 76-года, когда шли добровольцы на югъ. Что-то было захватывающее въ этомъ движеніи. Война встряхиваетъ всѣхъ, обновляетъ. Человѣкъ свѣжѣетъ подъ грозою войны. Это тотъ предохранительный клапанъ, куда выходитъ излишекъ силъ. А теперь нашъ излишекъ уходитъ на верховую ѣзду, на проявленіе глупыхъ негативовъ, да канцелярское дѣло,— какъ у тебя.— Тощица!

Онъ внезапно пустилъ кобылу карьеромъ. Она всегда была готова къ самымъ рѣзкимъ переходамъ въ настроеніи хозяина. Когда онъ сжалъ ей бока, она только вздрогнула ушами, раздула ноздри и понесла его, легко и свободно сводя и разводя ноги и слегка пофыркивая отъ бившаго въ ноздри вѣтра. Кирилль Андреевичъ прищурясь подставилъ вѣтру лицо; его борода раздувалась, въ ушахъ шумѣлъ пробѣгавшій вихрь. Онъ зналъ, что его „Дженни“ чувствуетъ наслажденіе въ этой бѣшеной скачкѣ, и онъ чувствовалъ себя точно сросшимся съ нею — старымъ центавромъ, что несется въ погоню за убѣгающей нимфой.

Борись еле удерживалъ сѣраго, который горячился, вздрагивалъ и прыгалъ ушами. У перекрестка, гдѣ расходились дороги, онъ остановился, такъ-какъ потерялъ брата изъ вида; вдобавокъ, у него разстегнулась гамашь. Онъ подѣхалъ къ изгороди и, наклонившись, сталъ застегивать тугой крючокъ, надавливая упругую пружину.

— Что-жь ты? кричалъ ему Кирилль. — Я тебя жду. Мы почти пріѣхали.

Они свернули съ дороги въ аллею, гладко утрамбованную и усаженную аккуратно подстриженными акаціями.

— Это дворецъ какой-то, сказалъ Борись, разглядывая впереди длинное каменное зданіе

съ фронтономъ, куполомъ, колоннами и гербами.

— Это помѣстье Мытищевыхъ, отвѣтилъ Кирилль. — Не тѣхъ Мытищевыхъ, что въ Москвѣ, а петербургскихъ. Сама графиня больна и живетъ гдѣ-то въ Швейцаріи, а здѣсь родовое догниваетъ. — Илья Николаевичъ одинъздѣсь живетъ. При домѣ церковь, и свой причтъ. Но церковь третій годъ ремонтируютъ и службы нѣтъ.

Они подѣхали къ боковому, тоже каменному флигелю, бросавшему прозрачную лиловую тѣнь на гладкій песокъ широкаго двора. Рыжій малый въ полосатой рубашкѣ выскочилъ откуда-то сбоку и сдернулъ шапку.

— Кирилла Андреевичъ, въ своемъ-ли здоровьѣ? заговорилъ онъ, привычной рукой удерживая лошадь за поводъ.

— Отецъ Илья дома? спросилъ князь.

— Дома, гости у нихъ.

Кирилль Андреевичъ недовольно покосился на шарабанъ, стоявшій въ тѣни, и, оглянувшись на брата, сказалъ:

— Не люблю, когда у него лишніе.

Флигель былъ отдѣланъ, вѣроятно, для пріѣзжихъ гостей, и имѣлъ видъ скорѣе увеселительнаго павильона, чѣмъ помѣщенія священника. На стѣнахъ были изображены обычные эмблемы пастушества и поэзіи, по знакомымъ

французскимъ образцамъ начала восемнадцатаго вѣка. Хотя краска и потемнѣла, но еще не нуждалась въ ремонтѣ. На каменной лѣстницѣ была постлана пестрая ковровая дорожка, и на ступеняхъ схвачена мѣдными прутьями. Двери, ведшія съ лѣстницы въ квартиру, были лѣпныя, стиля рококо. Кирилль Андреевичъ отворилъ дверь.—и они, прямо, безъ прихожей, вошли въ широкую свѣтлую комнату; съ дубовымъ столомъ посерединѣ и съ потолкомъ, на которомъ изображены были амуръ съ посинѣвшими отъ времени лицами и съ распухшими какъ отъ водянки ногами. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ вошли братья, дверь, противоположная входной, отворилась, и навстрѣчу имъ вышла маленькая, очень странная фигура.

Это было существо, не достигшее на четыре вершка двухъ-аршиннаго роста. Но лицо было совершенно возмужалое, длинное, блѣдное, съ умными, нѣсколько на выкатѣ блестящими глазами. Шеи подъ головой не было,—и спереди и сзади былъ горбъ, съ котораго прямыми складками скатывалось до полу сѣрое платье безъ талии, схваченное на сборкахъ подъ головою. Между бровей лежала морщинка, придававшая вдумчивое и страдальческое выраженіе этому лицу.

— Марья Михайловна, сказалъ Кирилль Андреевичъ, пожимая ея руку, — вотъ мой братъ.

Я привезъ его къ вамъ, — хочу познакомить съ вашимъ мужемъ.

XVI.

Какая-то легкая тѣнь пробѣжала по лицу Марьи Михайловны. Какъ-будто она что-то хотѣла сказать, но сдержалась.

— У Ильи Николаевича сидятъ ксендзы изъ города, сказала она. — Они часто къ намъ повадились. Я не знаю, можно-ли къ нему. Подождите лучше минутку у меня. Онъ видѣлъ, что вы подѣхали, и если не выходитъ, значитъ, нельзя.

Она ввела ихъ въ сосѣдную комнату, гдѣ кругомъ трехъ стѣнъ стояли диваны, и на стѣнѣ, что была противъ оконъ, висѣла картина, изображающая голую дебелую женщину съ заплаканными глазами, опустившую ноги въ какую-то ржавую воду, и двухъ лысыхъ стариковъ, смотрѣвшихъ на нее изъ-за выступа фонтана.

— Садитесь, сказала она, зорко всматриваясь въ Бориса. — Угощать васъ надо чѣмъ-нибудь?

— Ничѣмъ, — отвѣтилъ Кирилль, постегивая хлыстикомъ по сапогу. — А вотъ вы мнѣ скажите, почему вашъ Илья Николаевичъ все съ ксендзами возится?

— Почемъ я знаю, нервно возразила она и повела плечами.—Здѣсь эти ксендзы умнѣе всѣхъ другихъ.—Сегодня онъ привезъ еще какого-то итальянца, и должно быть, важнаго.— Меня эти вопросы не интересуютъ. Мои религиозныя воззрѣнія вамъ извѣстны, и у меня уговоръ съ Ильею —никогда вѣры не касаться.

Она повернула голову къ Борису и опять прямо посмотрѣла ему въ глаза: лицо ея, казалось, говорило: „видишь ты, я какая—ну, вотъ и смотри на меня, и я нисколько не жалеюсь на свою судьбу, а даже рада“.

— Я все жду, продолжалъ Кирилль посмѣиваясь, — что въ одинъ прекрасный день Илья Николаевичъ перейдетъ въ католичество. Вотъ будетъ говору по губерніи!

— Почему вы думаете, что Илья способенъ на ренегатство? спросила она.

— Я думаю, что мы всѣ въ душѣ ренегаты, и за чечевичную похлебку отъ всего отречемся.

Она не поняла, что онъ шутитъ. Брови ея сдвинулись.

— Вы самый злой и вредный человекъ въ округѣ,—сказала она, и обратилась къ Борису.— Насколько ваша *belle soeur* очаровательная женщина, настолько циниченъ и грубъ вашъ братъ.

— Ха-ха! циниченъ! повторилъ Кирилль и показалъ брату хлыстомъ на двѣ

— Вотъ видишь, сказалъ онъ: — эта дверь ведетъ на половину батюшки, а эта на половину матушки...

На лицѣ ея проступили красныя пятна.

— Сколько разъ я васъ просила не звать меня матушкой, — какая я матушка! сказала она. — Вы знаете мое имя.

— Марья Михайловна, продолжалъ Кирилль съ прежней жестокостью, — живетъ съ Ильей Николаевичемъ на двухъ разныхъ половинахъ, какъ братъ и сестра. У нихъ таковы взгляды на бракъ, и они ни отъ кого этого не скрываютъ, а даже при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркиваютъ.

Онъ спокойно перевелъ глаза на маленькое существо и замѣтилъ, что она задыхается.

— Вамъ воды? наивно спросилъ онъ и потянулся къ графину, стоящему на столѣ.

Въ это время за дверью слышались приближающіеся голоса. Говорили по-итальянски и по-польски. Бронзовая ручка повернулась, одна половинка растворилась и на порогѣ, въ полъ-оборота, съ улыбкой говоря что-то назадъ, показалась невысокая плотная фигура съдѣнькаго человѣка въ кашемировой сутанѣ. Голова его была почти совсѣмъ голая, какъ у новорожденнаго, глазки веселые, смѣющіеся, ротикъ сходилъ сердечкомъ, на гладко-выбритомъ подбородкѣ была ямочка.

— Заблудшихъ овецъ находятъ! говорилъ онъ по-французски,—и наступитъ часъ, когда и вы будете найдены.

— А бываетъ, что заблуждаются пастухи, а не овцы,—весело отвѣтилъ ему изъ-за двери густой баритонъ.

— Хо-хо-хо? весело сказалъ старикъ и лукаво погрозилъ пальцемъ.

Онъ съ довольнымъ и добродушнымъ видомъ вошелъ въ гостиную, сложивъ на груди пухлыя ручки съ искусно отточенными ногтями. За нимъ, соблюдая почтительную позу, шелъ чернѣйшій какъ грачъ ксендзъ, повыше своего начальника и значительно его моложе. Сзади всѣхъ показался высокій, очень худой человѣкъ, въ свѣтлой рясѣ, подпоясанный шелковымъ шнуромъ, съ голубыми глазами, глубоко сидѣвшими въ темныхъ впадинахъ глазъ. На его большой лобъ крутыми локонами спускались волосы. Онъ былъ похожъ на олимпійскаго Зевса—этими волосами и широкимъ, рѣзко проступавшимъ лбомъ. Но лицо его было лицо аскета—высохшее, несмотря на молодость, съ глубокими впадинами щекъ и рѣзко обозначившимися височными ямками.

Увидя гостей, онъ улыбнулся, показалъ изъ-подъ черныхъ усовъ бѣлые ровные зубы, неторопливо подошелъ къ братьямъ, ласково пожалъ имъ руки, и сталъ знакомить другъ съ другомъ присутствующихъ.

Старикъ, прищуривъ одинъ глазъ, лукаво посмотрѣлъ на Кирилла Андреевича и долго держалъ въ своей рукѣ его руку.

— Слышалъ про васъ, слышалъ, сказалъ онъ по-французски.—Въ вашей губерніи много о васъ говорятъ.

Онъ потрепалъ другой рукой по его рукѣ и обратился къ попадѣ.

— Упрямя вашъ мужъ, — добродушно сказалъ онъ.—Стоекъ.

— Римская церковь, мой отецъ, тоже упряма, — замѣтилъ Илья Николаевичъ.

— Какъ говорить, какъ говорить! — притворно возмущился патеръ, воздѣвая руки кверху.

— Мы не сходимся по вопросу исповѣди, проговорилъ Илья Николаевичъ, обращаясь къ Кириллу Андреевичу.—Я не признаю католической исповѣди, съ тѣмъ выворачиваньемъ души на-изнанку, что практикуется въ римской церкви.

Онъ говорилъ правильнымъ французскимъ языкомъ, отчетливо выговаривая каждое слово и легко подыскивая нужные обороты.

— Мы — прачки души, — вдругъ съ оживленіемъ заговорилъ старикъ. — Наше дѣло выстирать и выгладить.

Онъ остановился и внимательно сталъ всматриваться въ купающуюся женщину на картинѣ надъ диваномъ.

— Сейчас видно библейскій сюжетъ, сколько благородства! — сказалъ онъ, и даже поднесъ кулакъ къ правому глазу, чтобъ лучше разсмотрѣть „сюжетъ“. — Одна изъ самыхъ почтенныхъ женщинъ исторіи, продолжалъ онъ, дѣлая неопредѣленный жестъ по адресу Сусанны. — Но женщина всегда останется женщиной. Даже въ такой критическій моментъ прикрываетъ со-всѣмъ не тѣ мѣста, что надо.

Грачъ вынулъ золотыя съ эмалью женскіе часы, посмотрѣлъ на нихъ и что-то шепнулъ старику.

— Да, пора, пора, — сказалъ тотъ и, разставивъ руки, положилъ ихъ на плечи хозяина и облобызался съ нимъ.

— Да сохранить васъ Господь, сказалъ онъ, — и да направитъ онъ стопы ваши на путь истины.

— И вамъ того-же желаю, высокочтимый отче, отвѣтилъ Илья Николаевичъ. — Такъ скоро ѣдете?

Скоро.

— Привѣтъ мой монсиньору Альбани. Вы вѣдь въ Римъ прямо?

Лицо старика утратило игривое настроеніе.

— Обязанъ явиться къ его святѣйшеству, сказалъ онъ. — Наше дѣло въ Варшавѣ чрезъ недѣлю будетъ покончено. — А книжечка я вамъ пришлю. — Американскимъ изданіямъ не вѣрьте,

мало-ли что про насъ напишетъ всякій бѣглый пошъ.

— Да вѣдь правда, отче! не безъ лукавства, сказалъ Чонгаровъ.

— Фуй! не будемъ говорить. Онъ насъ обвиняетъ въ намѣренномъ развращеніи дѣтей путемъ исковѣди. Я не говорю, всюду могутъ быть уродливости.—можетъ быть, и среди нашего духовенства есть люди навшіе,—но нельзя возводить исключенія въ заурядный фактъ. Духовенство—тѣ-же люди!

Онъ опять сдѣлался милымъ, любезнымъ, всѣмъ пожавъ руки, взявъ широкополую шляпу, и мягкими, плывущими шагами вышелъ изъ комнаты.

XVII.

— Дайте-ка на васъ посмотрѣть, сказалъ хозяину Кирилль Андреевичъ, когда онъ воротился въ комнаты, проводивъ гостей. — Я смотрю и думаю: пойдеть-ли къ вамъ кардинальская шапка?

Голубые глаза священника остро посмотрѣли на князя.

— Я-бы не помирился на кардинальствѣ, сказалъ онъ, смѣясь, и предложилъ гостямъ войти въ кабинетъ.

Кабинетъ представлялъ изъ себя большую

комнату, съ тремя окнами въ садъ, откуда разливали аромать крупныя гроздыя сирени. Всѣ стѣны были сплошь установлены книгами на полкахъ, обтянутыхъ синимъ сукномъ. Огромный письменный столъ былъ сплошь заваленъ бумагами и фоліантами.

— По разнымъ дѣламъ хотѣлъ повидать васъ, сказалъ Илья Николаевичъ, и лицо его стало серьезнымъ.— Вотъ не хотите-ли,—перебилъ онъ самъ себя, указывая на столикъ, гдѣ на подносѣ стояли ликеры разныхъ сортовъ и бисквиты.—Святые отцы угощались, такъ вотъ остатокъ отъ нихъ.

Кирилль Андреевичъ налилъ себѣ полрюмки мараскину.

— Ну, въ чемъ-же дѣло? спросилъ онъ.

— Въ журналъ мнѣ отказано, сказалъ Илья Николаевичъ, отбрасывая какую-то рукопись и садясь къ столу. — Найдены излишнимъ. Кромѣ того, на меня поступило двѣ жалобы: на то, что я совершаю требы въ другихъ приходахъ. Я знаю, все это вздорно и бессмысленно, но такъ все скопилось одно къ одному.

— Вотъ вамъ представитель администраціи, сказалъ Кирилль Андреевичъ,—указывая на брата. Онъ сегодня ѣдетъ въ Петербургъ и можетъ вамъ во многомъ помочь.

Хозяинъ повернулся къ нему.

— Нѣтъ, я не думаю, что кто-нибудь

могъ-бы помочь въ моемъ дѣлѣ, проговорилъ онъ.—Я думаю, это рѣшено безповоротно. И искать слѣдуетъ причины не столько въ Петербургѣ, сколько здѣсь.—Выходъ одинъ: надо найти лицо, которому разрѣшили-бы мою программу. Вотъ объ этомъ мы съ вами какъ-нибудь потолкуемъ.

Онъ открылъ ящикъ письменнаго стола.

— Жалко было-бы бросить предварительную работу, бездна сдѣлано дѣла, проговорилъ онъ, вынимая рукопись на бумагѣ большого формата.—А вотъ я вамъ хотѣлъ показать вчера полученную рукопись Смита.

— А-а, получили! оживленно сказалъ Кирилль Андреевичъ, протягивая руку.

— На самое короткое время. Я уже началъ сегодня переводить на всякій случай: это интересно будетъ для перваго номера. Но она гораздо слабѣе, чѣмъ я думалъ, это не болѣе, какъ дѣтская утопія.

Князь уже перевернулъ первую страницу, гдѣ красивымъ писарскимъ почеркомъ было написано по-англійски: *Разоруженіе мирнаго населенія*, и впился жадными глазами въ рукопись.

— Я отъ Смита ожидалъ ббльшаго, продолжалъ хозяинъ. — Кстати, мы невѣрно съ вами писали его фамилію, надо писать на концѣ th.

Князь не отвѣтилъ, онъ весь былъ погруженъ въ рукопись. Глядя на его оживленное лицо, ярко освѣщенное снизу рефлексомъ отъ бѣлой бумаги, Борисъ подумалъ: „есть еще многое, что можетъ его задѣвать и призывать къ жизни“.

Илья Николаевичъ подошелъ къ окну.

— Сегодня съ утра я еще не выходилъ изъ комнатъ, сказалъ онъ. — Кажется, хорошій день. Вотъ что, Борисъ Андреевичъ, мнѣ необходимо (онъ посмотрѣлъ на часы) взглянуть на нашего больного садовника, это часъ, когда я перевязки ему мѣняю. Или подождите меня немного, или, — если не устали, пройдитесь паркомъ до оранжереи. У насъ паркъ хорошій. А братъ вашъ пока почитаетъ.

— Да, я просмотрю, сказалъ Кирилль Андреевичъ, не отрываясь. — Ты поди съ батюшкой, есть что посмотрѣть.

Борисъ сказалъ, что очень радъ. Илья Николаевичъ открылъ шкапъ, досталъ катушку бинта изъ марли, какую-то елянку и коробку съ ватой. Онъ надѣлъ широкополую соломенную шляпу съ лентой, взялъ въ руки высокій посохъ изъ кизила и сказалъ:

— Пойдемте, князь.

Они пошли большимъ паркомъ, съ правильно вскопанными куртинами для цвѣтовъ, съ широкими дорожками, вазами, въ которыхъ росли

колючія длиннолистные растенія, съ большимъ фонтаномъ, изображавшимъ трехъ женщинъ, прислоненныхъ другъ къ другу спинами. Солнце грѣло не по весеннему: казалось, былъ іюльскій, а не майскій день, — и только сочная, молодая зелень говорила о томъ, что это была весна.

— А вы занимаетесь медициной? спросилъ князь.

— Первоначальной помощью, отвѣтилъ онъ.

— Я умѣю бинтовать, перевязывать. Приходится иногда помогать послѣ угара; утонувшіе бываютъ.

— А вы недавно сами тонули? спросилъ Борисъ, наблюдая, какъ онъ расскажетъ свой „подвигъ“.

— Не тонулъ, а провалился, сказалъ онъ. — Праздники были, возница пьянъ по обыкновенію. Впрочемъ, онъ больше пострадалъ, чѣмъ я: только на-дняхъ всталъ. Жаловаться на меня хотѣлъ, что черезъ меня не могъ работать. Однако, мы съ нимъ сладились.

— Заплатили ему? спросилъ Борисъ. Онъ чувствовалъ какую-то жесткость въ своемъ голосѣ, желаніе сдѣлать и сказать Чонгарову что-нибудь неприятное; но тотъ, казалось, этого не замѣчалъ.

— Заплатилъ, подтвердилъ онъ. — Да и то сказать, кабы я не уговорилъ его, онъ-бы не

поѣхаль. На него надо было смотрѣть какъ на нанятаго поденщика, а о какомъ-нибудь альтруизмѣ смѣшно было-бы и говорить.

— Но вы весь ушли въ альтруизмъ?

Священникъ улыбнулся.

— Къ сожалѣнію, не весь. Дѣлаю то, что вашъ братъ, что многіе другіе. Я расу надѣлю потому, что мнѣ казалось—подъ этой одеждой легче дѣлать это дѣло.

— Казалось? переспросилъ князь.

— Я не имѣю прихода, продолжалъ онъ, какъ-будто не замѣчая сдѣланнаго ему вопроса.—Я состою здѣсь, при графской церкви. Молодой графъ—мой старый пріятель, — мы товарищи по университету. Я нарочно хотѣлъ себя поставить независимо и отдаться работѣ. Современемъ, я, быть можетъ, переселюсь въ Петербургъ, но пока мнѣ въ глуши удобнѣе. Здѣсь мнѣ хорошо, я зарылся въ графскій архивъ, — да и моя собственная бібліотека весьма цѣнная. Ахъ, какъ нуженъ былъ-бы намъ журналъ! сокрушенно прибавилъ онъ.

— Духовный журналъ?

— Скорѣе духовно-нравственный. Вопросъ церковныхъ я-бы въ немъ совершенно не касался.—Интересное время, князь, мы переживаемъ, нервное, шаткое. Всюду исканья, всюду стремленье къ свѣту. Носятся по морю, безъ компаса, безъ путеводныхъ картъ, безъ

солнца, безъ звѣздъ. Кидаютъ якорь—не достають до дна. Необходимъ органъ, гдѣ могло бы ясно и опредѣленно высказываться наше *prim desiderium*. А сколько вопросовъ, сколько ~~вопросовъ!~~ Рабочій вопросъ, вопросъ о гражданскомъ строеѣ, о царствѣ Божіемъ. Анитшенство, вегетарианство, дѣвство, противленіе войнамъ и насиліямъ, — ~~томы~~ можно исписать.

— Вы, если не ошибаюсь, сторонникъ дѣвственности и вѣбрачной чистоты? ~~спросилъ онъ.~~

— А развѣ вы не сторонникъ? ~~спросилъ~~ Чонгаровъ такимъ безыскусственнымъ тономъ, точно онъ спрашивалъ: „а вы развѣ ходите съ отмычками по чужимъ столамъ?“

— Мы еще не въ той стадіи, чтобы проповѣдывать дѣвственность и безбрачіе, возразилъ князь. — Много есть на очереди болѣе важныхъ, болѣе назрѣвшихъ вопросовъ.

— Такъ разсуждать, никогда ни до чего не дойдемъ, возразилъ священникъ. — Почему о дѣвственности мужчинъ говорить рано, а о всеобщемъ разоруженіи—наступило уже время? Потому-что армія стоитъ милліоны, это тяжело и неприятно, —а нарушеніе дѣвства у мужчинъ считается недорогимъ и пріятнымъ случаемъ жизни. Вѣдь все равно, рано-ли, поздно-ли, — мы придемъ къ тому, что, по словамъ библіи, мечи будутъ перекованы на серпы, а копыя на орала. Такъ не лучше-ли заранѣе быть намъ

предтечами этого, и своимъ примѣромъ доказывать, что многое возможно теперь; что стоитъ захотѣть, — и можно стряхнуть съ себя многое, что кажется теперь невозможнымъ?

Онъ говорилъ это съ жаромъ, но почти не повышая голоса. Онъ изрѣдка бокомъ взглядывалъ на собесѣдника, и каждый разъ князь чувствовалъ на себѣ остроту его взгляда.

— Мы все работники Бога, продолжалъ Чонгаровъ. — Мы все идемъ къ опредѣленной цѣли. Такъ отчего же раньше не исполнить тотъ урокъ, что возложенъ на насъ? Зачѣмъ тормозить общее дѣло, а не помогать ему? Тогда только и начнется истинное дѣло Божье, когда мы сразу все примемъ за работу, не откладывая задачи нашимъ дѣтямъ и внукамъ. А у насъ девяносто девять изъ ста не думаетъ, и не хочетъ думать о назначеніи человѣка, а одинъ — сотый — находитъ, что слѣдуетъ человѣчеству обновиться, но ничего для этого не дѣлаетъ, а предоставляетъ это потомству. Они, какъ вы, находятъ, что рано еще начинать дѣло обновленія. И поэтому люди идутъ на войну, развратничаютъ, убиваютъ животныхъ для своего удовольствія, пьянствуютъ и мучаютъ другихъ людей.

Они подошли къ высокой металлической оранжереѣ. Сквозь зеркальныя стекла смотрѣли лопастя пальмъ, лавровъ и пихтъ.

— Я сюда, сказалъ священникъ, показывая на низенькую каменную пристройку. — Вы прогуляйтесь здѣсь, — я скоро возвращусь.

XVIII.

Онъ вошелъ въ дверь, которую передъ нимъ отворилъ мальчикъ въ чистой рубашкѣ и синихъ штанахъ. Мальчикъ сложилъ пригоршни для благословенія, но князь не успѣлъ замѣтить, благословилъ-ли его Илья Николаевичъ, — онъ только видѣлъ, какъ поднялась его лѣвая рука и легла на голову мальчика.

Князь оглянулся. И эта часть парка была столь-же благоустроенная, какъ и та, по которой они шли. Столѣтній дубъ, росшій на лужайкѣ, мощно протягивалъ въ теплый воздухъ свои корявые, извилистые сучья. И здѣсь газоны были такъ-же зелены, дорожки бѣжали такими-же правильными зигзагами, точно ихъ вычерчивалъ инженеръ-технологъ. Песокъ, казалось, былъ подобранъ крупинка къ крупинкѣ, и куски туфа, которыми были обложены куртины, были обѣчены такъ похоже другъ на друга, какъ-будто ихъ не рубили изъ общаго куска, а выдѣлывали на фабрикѣ.

— Если при больномъ садовникѣ такой

трогательный порядокъ,—что-же будетъ, когда онъ выздоровѣетъ? невольно подумалъ князь.

Онъ пошелъ по направленію легкой бесѣдки, покрытой берестой, съ рѣзнымъ флюгеркомъ на шпилѣ. Видно было, что графы для каждой мелочи обращались къ архитектору и требовали самаго тонкаго изошренія фантазіи.

— Не достаетъ только одного, проворчалъ про себя князь,—чтобы этотъ „молодой графъ“ оказался вегетаріанцемъ и дѣвственникомъ.

Для него теперь почти не было сомнѣнія, что Чонгаровъ именно и есть тотъ, о комъ упоминала въ своей рукописи Мери. Онъ вспомнилъ, какъ она одинъ разъ сказала ему:

— Я знала одного человѣка, котораго страшно было-бы полюбить. У него былъ такой взглядъ, который и манилъ и жегъ въ одно и то-же время.

Князь сразу подчинился этому взгляду. Онъ былъ и ласковый, и строгій, и холодный. и жгучій, и туманный, и ясный.— „Прекрасный демонъ въ подрясникѣ! громко воскликнулъ онъ.—Воображаю, какъ безъ ума отъ него всѣ дамы, и какъ ревнуетъ къ нимъ эта несчастная горбунья!“

Онъ былъ золъ, сердце опять колотило дробь. Онъ ненавидѣлъ этого человѣка,—и самъ не зналъ — за что. Не видя его—онъ не думалъ о немъ. Теперь, увидавъ его,—онъ вдругъ по-

думаль, что Мери еще может любить его. И эта мысль, какъ ядъ, влилась въ него и всколыхнула все его существо. Онъ рѣшилъ, что прямо спросить у негѣ, когда онъ выйдетъ, — зналъ-ли онъ Мери. Его радовала мысль, о томъ, что этотъ непроницаемый, холодный человекъ можетъ смутиться.

— Недолго я? спросилъ Чонгаровъ, подходя къ нему. — Извините, если соскучились.

— Илья Николаевичъ, сразу заговорилъ князь (онъ боялся, что черезъ нѣсколько минутъ у него не хватитъ духу на вопросъ). — Вы вѣдь, кажется, жили прежде въ Варшавѣ и бывали тамъ у Юзефы Фердинандовны?

Лицо священника дрогнуло. Между бровей мгновенно скользнула складка, и разгладилась.

— Да, коротко отвѣтилъ онъ.

— Помните ея дочерей? продолжалъ князь, не отрывая своего взгляда отъ спутника.

Илья Николаевичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ поверхъ кустовъ, какъ-бы что вспоминая.

— Три дочери, проговорилъ онъ съ разстановкой. — Старшая — Юлія — или Мальвина, вторая... Марія... младшая... не помню, какъ зовутъ. А вы почему о нихъ спрашиваете? прибавилъ онъ небрежно.

— Я знакомъ съ одной изъ дочерей, также небрежно отвѣтилъ князь.

— Съ Мальвиной, должно быть?

— Нѣтъ, съ Маріей.

Чонгаровъ быстро вскинулъ на него глаза.

— Она въ Петербургѣ, у тетки?

— Да, она въ Петербургѣ у тетки.

— Замужемъ? спросилъ онъ, внимательно смотря на тополь, какъ - будто въ первый разъ встрѣтилъ необычайно интересный экземпляръ мѣстной флоры.

— Нѣтъ.

— Говорили, что она выходитъ за какого-то чиновника, что служить при ея дядѣ...

Онъ не договорилъ и подозрительно глянулъ на Бориса. Лицо Бориса ему сказало все. Онъ усмѣхнулся и только крѣпче началъ вдавливать въ песокъ острый конецъ своей палки.

— Я не слыхалъ про это, возразилъ Борисъ, оправляясь отъ смущенія.—Я въ домѣ у Ивана Петровича свой, но я знаю, что она замужъ не выходитъ ни за кого. Болѣе того,— она всѣмъ отказываетъ.

На поворотѣ дорожки показался Кирилль Андреевичъ; онъ шелъ, блестя своими сапогами и позванивая шпорами.

— Ну, просмотрѣлъ я рукопись, обратился онъ къ священнику.—Это совершенно дѣтскія вещи. Откуда пустили говоръ, что это ге-

ніально? Гдѣ онъ — въ Бернѣ, или Цюрихѣ читалъ свою лекцію?

— Сперва онъ читалъ по всѣмъ штатамъ въ Америкѣ, сказалъ Чонгаровъ, видимо радуясь, что разговоръ о Мери былъ прерванъ.— А теперь онъ прислалъ мнѣ это изъ Цюриха. Но всетаки вѣдь это небезъинтересная утопія?

— Помишлите,—да какъ вы запретите сапожнику носить при себѣ сапожный ножъ? А если онъ имѣетъ право носить при себѣ инструментъ своей профессіи, то почему плотникъ не можетъ носить при себѣ шило? А еще Гамлетъ говорилъ, что шила довольно для того, чтобъ покончить съ жизнью. Запрещайте сколько угодно продажу кинжаловъ и револьверовъ,—будутъ отравляться мышьякомъ, сулемой, нашатыремъ,—убивать другъ друга перочинными ножами.

— А вторая половина какъ вамъ показалась? спросилъ Чонгаровъ. — Что это за изобрѣтеніе?

— Ты понимаешь, сказалъ Кирилль Андреевичъ, взявъ брата за руку.—Смитъ говоритъ, что надо обезоружить человѣчество,—надо запретить выдѣлку и продажу смертоноснаго оружія, — и только въ военное вѣдомство предоставлять извѣстное количество оружія, подъ строжайшей отвѣтственностью — не выпускать его изъ казармъ. Охоту онъ совершенно упразд-

няетъ, какъ ненужное варварство. Онъ поборникъ непротивленія злу, и поэтому не признаетъ никакихъ оборонительныхъ инструментовъ на случай нападенія злоумышленниковъ. Но такъ-какъ существуетъ иногда необходимость противодѣйствовать насилію со стороны тигра, волка, бѣшеной собаки, быть можетъ—разбойника,—то онъ и придумалъ особаго рода оружіе, секрета котораго онъ не выдаетъ, но которій долженъ перевернуть весь міръ. Не знаю, надо-ли изъ него стрѣлять, или колоть имъ,—но существо, до котораго коснулся снарядъ, впадаетъ на нѣсколько часовъ въ состояніе, напоминающее каталепсію, — а затѣмъ просыпается совершенно здоровымъ. Такъ что, понимаешь, убійцѣ не надо будетъ брать грѣха на душу—убивать на смерть жертву. Стоитъ только погрузить ее въ каталепсію, — и обобрать безъ вреда для здоровья. А если жертва успѣетъ выпустить свой снарядъ, то и убійца заснетъ съ ней рядомъ. Кто-же проснется раньше, — тотъ можетъ связать спящаго, заткнуть ему ротъ, даже пришить на смерть. Примѣръ этого убійства принадлежитъ мнѣ, а не Смиту, прибавилъ Кирилль Андреевичъ.

— Все это не такъ утопично, какъ вамъ кажется, сказалъ Чончаровъ. — Несомнѣнно, огнестрѣльное оружіе должно быть изъято изъ всеобщаго употребленія, — какъ кин-

жалы, стилеты и прочее. Количество самоубійствъ и убійствъ стоитъ въ прямой пропорціи съ имѣющимся подъ рукой оружіемъ. Огромная разница, — воспользоваться тѣмъ, что есть всегда подъ рукой, и доставать то, что продается съ большими затрудненіями.

— А гдѣ есть медвѣди, что дерутъ скотъ, тамъ тоже не нужно оружіе?

— Ну, такіе округи наперечетъ, — и тамъ избранныя лица, какъ настухи и профессиональные охотники, могутъ имѣть оружіе.

Они вошли въ домъ, гдѣ ихъ встрѣтила попадья.

— Будете обѣдать? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Кирилль Андреевичъ.

— То-то. А то вѣдь у насъ готовятъ только на двоихъ, замѣтила она.

XIX.

— Что-же, дадите порученіе брату въ Петербургъ? спросилъ Кирилль Андреевичъ у Чонгарова.

— Н-нѣтъ, сказалъ онъ. — Развѣ передать знакомымъ дамамъ поклоны. У насъ нашлись общія знакомыя.

Глаза у Марьи Михайловны зажглись.

— Какія это знакомыя? спросила она.

— Старья знакомья, Мери, отвѣтилъ онъ.

— Почему-же Мери? вспыхнувъ, сказалъ Борисъ.

Чонгаровъ поднялъ на него насмѣшливый взглядъ.

— Вы не позволяете мнѣ звать мою жену— Мери? Я люблю это имя, и особенно англійское его уменьшительное.

Марья Михайловна самодовольно улыбнулась и выпрямилась, насколько позволялъ ей горбъ.

Кирилль Андреевичъ наблюдалъ за выходкой брата. Теперь и ему стало многое ясно.

— А Марья Михайловна, кажется ревнуетъ? спросилъ онъ, смотря своимъ открытымъ, дерзкимъ взглядомъ прямо на нее.

— Какъ-же я могу ревновать! злобно воскликнула она, — когда по вашимъ-же словамъ, — я живу не съ мужемъ, а съ братомъ.

— Это не по моимъ словамъ, а по словамъ почтеннаго отца Ильи, отвѣтилъ князь.

Лицо отца Ильи было спокойно и невозмутимо.

— Не знаю я, заговорила Марья Михайловна, опять покрываясь красными пятнами, — не знаю, какая цѣль Ильѣ говорить постороннимъ то, о чемъ имъ нѣтъ никакой удобности знать. Какое кому дѣло до ней спальни, до нашихъ уговоровъ, до нашихъ отношеній на брачныя отношенія? Илья передъ

тѣмъ, какъ принять священническій санъ, долженъ былъ жениться, — и если онъ женился на мнѣ, то онъ призналъ меня передъ всеми женою. Я жена его, — имѣющая все законныя права на него, и никто отъ меня этихъ правъ не отниметь, пока я этого не захочу.

Она ударила маленькимъ кулачкомъ по столу.

— Мы живемъ такъ, продолжала она, — что могли-бы послужить примѣромъ для самыхъ нѣжныхъ супруговъ. Никогда никакихъ недо-молвокъ и перекоровъ. А между тѣмъ, мы — ка-кая-то притча для всего уѣзда. Я не знаю, какой сплетникъ распространяетъ про насъ вся-кій вздоръ, — но думаю, что это вы.

— Вотъ какъ! усмѣхнулся Кирилль Андрее-вичъ, закладывая нога за ногу и позванивая шпорою.

— Да. Съ вами Илья друженъ. Въ ми-нуты откровенности онъ вѣдь любитъ раскры-вать душу кому-нибудь хоть разъ въ сутки... Въ минуту откровенности онъ высказалъ вамъ свои взгляды на брачныя отношенія. А такъ-какъ у него слово и дѣло всегда идутъ объ-руку, такъ онъ и указалъ на свой примѣръ. А вы сѣли на свое сѣдло и стали звонить но уѣзду интересную новость: поны теперь всту-паютъ въ фиктивные браки...

— Не надо такъ горячиться, спокойно сва-залъ отецъ Илья.

— Я не амфибія, — во мнѣ живая кровь! воскликнула она, вставая и ходя по комнатѣ, такъ-что складки ея блузы надувались, какъ паруса. — Я ничего противъ не имѣю, про меня могутъ говорить, что угодно и сколько угодно. Но, вѣдь, я знаю, съ какимъ соусомъ преподносятся эти разговоры: Илья проповѣдуетъ чистоту и безбрачіе. Это надо подтвердить собственнымъ примѣромъ. Поэтому онъ женился на уродѣ: уroda нельзя любить, и потому легко соблюдать безбрачіе. Крімъ того, говорятъ, у него была несчастная любовь, и онъ пошелъ въ священники съ горя, какъ съ горя спиваются. Такъ-какъ онъ человѣкъ богатый, то поэтому онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно..

Мускуль на щекѣ отца Ильи судорожно сжимался; но судорога была едва замѣтна. Глаза смотрѣли такъ-же ясно и прямо.

— Я знаю, какъ къ нему всеъ относятся, — всеъ, безъ исключенья, продолжала Марья Михайловна, все ходя по комнатѣ. — Кирилль Андреевичъ умнѣе другихъ, и потому они, когда сходятся, говорятъ съ жаромъ, и иногда напролетъ спорятъ ночи. За глаза — Кирилль Андреевичъ, вѣроятно, не прочь позлословить насчетъ его. — Дворянство наше смотритъ на Илью, какъ на барина-самодура, который захотѣлъ удивить чудачествомъ міръ и пошелъ въ попы. Духовенство все поголовно противъ:

северный примѣръ, не беретъ за тѣбѣ, даже самъ даетъ прихожанамъ деньги, и къ начальству индифферентенъ...

Она выговорила послѣднее слово съ особенной любовью и чистотой.

— Крестьяне, продолжала она, — тоже посмѣиваются надъ нимъ, — а главное стараются взять съ него какъ можно больше денегъ. Они, пожалуй, любятъ его, — бабы ходятъ къ нему лѣчиться, даже беременныя идутъ за совѣтомъ. Но уваженія къ нему не чувствуютъ. Онъ все не можетъ пріучиться имъ ты говорить; а безъ этого мужикъ ужъ какую вѣру имѣть будетъ въ попа! И выходитъ въ концѣ-концовъ, — мы являемся какимъ-то пугаломъ для всѣхъ. Отъ насъ всѣ сторонятся. Вотъ только ксендзы зачастили въ послѣднее время, что знаменуетъ, по мнѣнію Кирилла Андреевича, переходъ твой въ католичество...

— Въ васъ много скрытой энергіи, замѣтилъ Кириллъ Андреевичъ. — Вы слыхали бываетъ такая „скрытая теплота?“ — И весь этотъ порывъ краснорѣчія я вызвалъ тѣмъ, что сказалъ, что вы ревнивы? Ну, не правъ-ли я? Вы ревнуете мужа къ мнѣнію крестьянъ, дворянства, ко мнѣ. Вамъ непріятно, когда онъ уѣзжаетъ изъ дома, вы не любите, когда къ нему на исповѣдь пріѣзжаютъ наши дамы... Развѣ не такъ?

— Нѣтъ, не такъ, сердито отвѣтила она и отвернулась.

— А я могу подтвердить, сказалъ Борисъ,— что братъ мой въ разговорѣ со мной о вашемъ мужѣ не только не позволилъ о немъ сказать чего-нибудь предосудительнаго, но даже замѣтилъ, что Илья Николаевичъ единственный человѣкъ, которому онъ завидуетъ.

Священникъ повернулся къ Кириллу Андреевичу.

— Вы завидуете мнѣ?—я этого не думалъ, сказалъ онъ.

Князю было неприятно упоминаніе брата о случайно брошенной вчера фразѣ. Но отступить онъ не хотѣлъ, и сказалъ:

— Да, я вамъ завидую.

— Чѣму-же?

— Главное тому, что у васъ нѣтъ семьи. Это такое благо, которое развязываетъ руки.

— То-есть, вы хотите сказать не семьи, а дѣтей? возразила Марья Михайловна.

— Гдѣ нѣтъ дѣтей, нѣтъ и семьи.

Илья Николаевичъ вдругъ всталъ.

— Другъ мой, сказалъ онъ женѣ. — Мнѣ надо сказать нѣсколько словъ съ гостями по дѣлу, которое тебя не касается. Уйди, пожалуйста.

Она тотчасъ встала, растерянно посмотрѣла на всѣхъ, хотѣла что-то сказать, но вдругъ

глаза ея налились слезами. Она понурила голову и быстро пошла къ двери.

— Я хотѣлъ просить васъ, Кирилль Андреевичъ, сказалъ Чонгаровъ, садясь къ столу, — быть столь любезнымъ—просмотрѣть присланныя статьи по вопросамъ народной трезвости. Тутъ я сдѣлалъ кое-какія помѣтки, —если вы будете съ ними согласны, то придется вмѣстѣ заняться переработкой. Статья о католической исповѣди у меня закончена совсѣмъ, —если вы благосволите ее просмотрѣть и сдѣлать замѣчанія, я буду очень счастливъ. Отошлю я ее только еще черезъ недѣлю, такъ что мы успѣемъ съ вами свидѣться и переговорить.

Онъ передалъ ему двѣ рукописи.

— Вѣрнѣе, я даже самъ поѣду въ Петербургъ, прибавилъ онъ. —Скопилось много дѣлъ, и слѣдовало-бы разрѣшить ихъ личнымъ присутвіемъ. Да и въ синодѣ у меня дѣло.

Борису захотѣлось спросить, заѣдетъ-ли онъ къ Аннѣ Фердинандовнѣ, но онъ удержался, вспомнивъ, что она теперь въ Финляндіи.

— Такъ брату вы ничего не поручите? повторилъ Кирилль Андреевичъ.

Илья Николаевичъ взглянулъ на него, задумался и сказалъ:

— Нѣтъ, —что-же мнѣ ихъ беспокоить.

XX.

Обратнымъ путемъ братья не вымолвили другъ съ другомъ ни слова. Кирилль Андреевичъ ѣхалъ сторонкой а не пускалъ уже болѣе лошади карьеромъ, а только одинъ разъ взялъ настоящій ирландскій банкетъ: изгородь съ канавой. Уже совсѣмъ подѣвжая къ дому, онъ сравнялся съ братомъ, такъ что ихъ стремя звякнуло другъ о друга, и сказалъ:

— За какимъ чортомъ ты объявилъ, что я завидую ему?

— Тебѣ это было непріятно? съ наивностью спросилъ Борисъ.

— Я теперь, Борисъ, въ такомъ возрастѣ, сказалъ Кирилль Андреевичъ,—когда, прежде чѣмъ говорить, взвѣшиваютъ каждое слово. Все, что я говорю тебѣ, женѣ, дѣтямъ, прислугѣ, въ земствѣ,—я готовъ повторить на площади. Тайнъ у меня ни отъ кого нѣтъ. Но надо знать,—кому и какъ сказать о томъ, что въ данную минуту думаешь. То, что я скажу тебѣ—я не скажу женѣ, и наоборотъ. Я ничего не имѣю, про то, что ты сказалъ это при попѣ, но эта дура попадья тутъ была лишней.

— Она совсѣмъ не дура, возразилъ Борисъ.

— Если-бъ она была умна, она-бы не пошла за Илью замужъ.

Въ бесѣдкѣ, высоко поднимавшейся надъ частоколомъ, отдѣлявшимъ паркъ отъ дороги, послышалось веселое дѣтское щебетанье: это дѣтворя привѣтствовала отца и дядю, и чей-то голосъ радостно кричалъ:

— У насъ къ обѣду сегодня вареники!

Любовь Ивановна была еще румянѣе, чѣмъ всегда. Она пришла прямо изъ кухни, гдѣ наблюдала за кухаркой.

— Ну, что, познакомились съ попадѣй? спросила она.

— Познакомился. Она зла какъ дьяволъ, отвѣчала Борисъ.

У княгини чуть не выпала изъ рукъ тарелка.

— Она зла? Да это добрѣйшее существо!

— Съ тобой она притворяется доброй, возразилъ мужъ и просилъ скорѣе подавать обѣдать.

— У насъ вѣдь баталія сегодня была, сказалъ онъ, когда подали всѣмъ пельмени, а ему рыбный супъ. — Попикъ сидѣлъ и хмурился, она меня честила, Борисъ меня предалъ, огласивъ то, что я сообщилъ ему въ порывѣ изліянія родственныхъ чувствъ. Ну, словомъ — весело было.

— Она очень несчастная, сказала Любовь Ивановна. — Чѣмъ она виновата, что не такая, какъ всѣ? Она знаетъ, что всѣ смотреть на

нее или съ жалостью или съ отвращеніемъ, и это ее мучаетъ.

— Зачѣмъ онъ женился на ней, вы какъ думаете? спросилъ князь Борисъ.

— Я вамъ сейчасъ скажу зачѣмъ, отвѣтила она. — У нея было три сестры и всѣ красавицы. — Она была умнѣе всѣхъ ихъ. Онъ такъ хвостомъ за Чонгаровымъ и ходили. А тутъ онъ задумалъ въ священники ядти. Надо жениться. Онъ видитъ, что на ней никто не женится, что всѣ ее обходятъ, и сдѣлалъ ей предложеніе. По-моему, это великодушно, это сдѣлано такъ хорошо, какъ мало кто сумѣеть сдѣлать.

— А по-моему, это своего рода развратъ — жениться на ней, сказалъ Кирилль Андреевичъ по-французски, — ему надобли красивыя женщины. Я знаю, какъ онъ проводилъ время въ Парижѣ. Теперь онъ, для приобрѣтенія новаго пикантнаго блюда, рѣшился взять въ жены горбунью.

— Какая гадость! закричала Любовь Ивановна. — Какъ ты смѣешь подозрѣвать въ этомъ людей?

— А по-моему, дѣло было не такъ, сказалъ Борисъ. — Онъ любилъ дѣвушку, сдѣлалъ предложеніе, ему отказали. Онъ рѣшился отомстить всѣмъ женщинамъ, и женился на зло сѣмъ на уродѣ. Но такъ-какъ ему это было

противно, то онъ и поднялъ вопросъ о чистотѣ отношеній.

Борису самому было гадко высказывать то, что ему пришло на умъ. Но онъ не могъ остановиться. Онъ слишкомъ былъ взволнованъ. слишкомъ тяжела ему была эта встрѣча. Онъ чувствовалъ, что не имѣеть права врываться въ чужую жизнь, — но онъ въ то-же время чувствовалъ наслажденіе въ томъ, что онъ, казалось ему, угадалъ чужую тайну и былъ близокъ къ истинѣ.

— Что-жь, очень можетъ быть, сказалъ Кирилль Андреевичъ. — Онъ слишкомъ самолюбивъ, чтобъ простить даже женщинѣ оскорбленіе. Онъ хоть косвенно, да отомститъ за себя.

— Какіе вы мерзкіе, гадкіе! сказала Любовь Ивановна. — Отчего вы не хотите предположить въ человекѣ искренній порывъ, подвигъ? Какое право вы имѣете во всемъ сомнѣваться. ничему не вѣрить? Вы, ей-Богу, несчастные люди. Зачѣмъ ко всему подходить со своимъ аршиномъ, и нигдѣ не хотѣть видѣть ничего хорошаго? Сами о какой-то любви къ ближнему говорятъ, а про ближняго, кромѣ гадоостей, ничего сказать не умѣютъ. Я люблю Марью Михайловну, и самъ Илья Николаевичъ мнѣ кажется совсѣмъ хорошимъ человекомъ. Онъ не постѣнялся бросить свѣтъ и пойти въ священники, и это прекрасно. Онъ взялъ бѣд-

ную, изуродованную дѣвушку — и это подвигъ, это чудесно, неподобно, и не хочу я, чтобъ вы мнѣ что-нибудь возражали.

Послѣ обѣда Борисъ сказалъ, что онъ уѣзжаетъ. Любовь Ивановна стала ему говорить, отчего онъ не пріѣдетъ погостить на недѣлю, на двѣ.

— Служба, отвѣтилъ онъ.

— Бросьте вашу службу! сказала она. — Посмотрите, какая весна у насъ цвѣтетъ, какое раздолье, — а вы — „служба?“ Вѣдь не звѣри-же у васъ начальники, чтобъ не пустили лѣтомъ подышать воздухомъ? Вѣдь не въ арестантскомъ-же вы домѣ?

Когда лошади были уже поданы, и онъ перепрощался со всѣми дѣтьми, Любовь Ивановна, стоя у крыльца, вдругъ сказала ему:

— Слушайте: пріѣзжайте къ намъ на Ивановъ день. Я въ канунъ какъ-разъ родилась, и рожденіе мое у насъ всегда торжественно справляютъ — купальные огни жгутъ. Это языческій праздникъ, но я его очень люблю. Пріѣдете?

— Не знаю.

— Нѣтъ, дайте слово, милый! Даете? Слышишь, Кирь? Я и Чонгаровыхъ приглашу, и всѣ сосѣди съѣдутся. У насъ хоробыды водятъ, „Просо“ поютъ, въ росѣ купаются.

Борисъ обѣщалъ, если будетъ какая-нибудь

возможность—пріѣхать къ нимъ. Кляръ хотѣлъ проводить брата и сѣлъ съ нимъ въ коляску.

— Она права, говорилъ онъ, когда они выѣхали на земскую дорогу.—Мы слишкомъ требовательны къ людямъ, слишкомъ многого хотимъ отъ нихъ. И требуемъ не того, что надо...

На поворотѣ дороги они обогнали малаго лѣтъ тридцати, который бодро шель, мягко ступая лаптями по придорожной тропинкѣ. Малый снялъ шапку и нѣсколько театрално махнулъ проѣзжимъ.

— Василій, спросилъ у кучера Кирилль Андреевичъ,—а вѣдь это Прокопъ?

Василій придержалъ лошадей и оглянулся.

— Прокопъ и есть, сказалъ онъ.

— Подожди-ко его. Вотъ тоже человѣкъ, обратился князь къ Борису.— Жилъ у меня пять лѣтъ маляромъ, и вдругъ уйти надумалъ. Позвалъ я его къ себѣ: „Что ты, — недоволенъ?“ — Нѣтъ, говоритъ, я много доволенъ вами, а только силъ нѣтъ — желательно размяться.— „Куда-жь ты идешь?“ — Куда глаза глядятъ пойду, можетъ, и приду куда, — а на одномъ мѣстѣ я такъ обидѣлся, что сердце чесаться начало.— Не могу-же я его держать? Вчера разсчиталъ, а вотъ сегодня идетъ.

Прокопъ догналъ коляску.

— Совѣмъ пошелъ? спросилъ его Кирилль Андреевичъ.

Онъ подошелъ къ коляскѣ, еще разъ приподнялъ свой картузикъ и сказалъ:

— Совсѣмъ, Кирилль Андреевичъ, иду. За хлѣбъ за соль еще разъ спасибо!

Онъ говорилъ это весело, показывая бѣлые, ровные зубы и щурясь.

- Не рѣшилъ, куда идешь?

— Пойду въ городъ, а тамъ дальше на кievскій трактъ.

— Къ угодникамъ?

— Не столько къ угодникамъ, сколько я Днѣпръ люблю. Съ измальства. Лучше Волги для меня. Давно не видѣлъ. Засвербѣло такъ во мнѣ, чтобъ посмотрѣть. Въ степи тоже давно не былъ. Пустыню люблю, Кирилль Андреевичъ.

— Ну, прощай. Когда захочешь вернуться, всегда приму.

— Будемъ помнить. А только теперь не скоро приду изъ степи.

— А что-же ты тамъ дѣлать будешь? спросилъ Борисъ.

— Известно — ходить буду. Спать буду. Товарищъ найдется.

— Хочешь, подвезу до станціи? предложилъ Кирилль Андреевичъ.

— Нѣтъ, что ужъ, — коли пошелъ, такъ и идти надо, — а ѣхать это ужъ не моя линия.

Лошади тронулись. Прокопъ остался позади

и, упруго подгибая колѣна, свернулъ опять на свою дорогу. Кирилль Андреевичъ оглянулся назадъ.

— Вотъ этотъ на прямой дорогѣ, сказалъ онъ.

XXI.

Душный, пыльный вагонъ, въ который вошелъ Борисъ, сразу напомнилъ ему городскую канцелярскую атмосферу, къ которой онъ возвращался. Последнiе лучи солнца догорали на избенкахъ, заборахъ и деревьяхъ. Рѣчки казались такими прозрачными, дали — такими синими, облака — такими живописными. Ему стало завидно на какую-то бабу, гнавшую телку въ гору. Онъ вспомнилъ Прокона — и его неудержимую страсть къ бродяжничеству.

— На прямой дорогѣ, повторилъ онъ слова брата, и задумался.

Въ Москвѣ онъ не останавливался, и прямо проѣхалъ въ Петербургъ. Городъ былъ весь покрытъ лѣсами, загороженъ заборами. Всюду чинили мостовую, заливали асфальтомъ тротуары, сажали деревья, проводили электричество. Надъ городомъ стояла та сизая дымчатая мгла, которая присуща каждому лѣтнему городскому утру, законченному дымомъ фабрикъ, пароходовъ и тысячами трубъ. Звонки

трамваевъ, прямолинейность улицъ, однообразныя вывѣски — особенно были неприятны ему теперь, послѣ двухъ дней въ тѣнистомъ олсуфьевскомъ паркѣ. На квартирѣ у него было душно, нахло чѣмъ-то спертымъ, хотя пыли нигдѣ не было. Снаружи красили домъ; маляръ стоялъ передъ самымъ окномъ и, напѣвая какую-то заунывную пѣсню, грунтовалъ бѣлилами стѣну, забрызгивая длинными бѣлыми каплями стекла. На дворѣ зачѣмъ-то колотили желѣзо, и каждый ударъ раздавался гулко и звонко. На столѣ все было на своихъ мѣстахъ — и перья, и чернила, и книги, — и все это было чуждо ему, подернуто какимъ-то пыльнымъ свѣтомъ. Онъ велѣлъ приготовить ванну. Она его освѣжила. Онъ забралъ бумаги и поѣхалъ въ министерство.

И тамъ былъ тотъ-же странный бѣлесоватый свѣтъ. Чиновниковъ было меньше; швейцаръ хотя былъ въ ливреѣ по-прежнему, но она стала какой-то выцвѣтшей. И полы не такъ блестяли, какъ прежде, и портреты въ рамахъ смотрѣли строже и недовольнѣе.

Онъ съ удивленіемъ узналъ, что Иванъ Петровичъ уѣхалъ въ отпускъ и прекратилъ всѣ дѣла. Директоръ былъ не въ духѣ, — онъ игралъ въ карты, въ послѣднее время былъ въ проигрышѣ и не зналъ, у кого-бы занять денегъ. Невмятулинъ второй день не приходилъ на службу и не давалъ о себѣ знать. Между тѣмъ

у князя лежалъ отчетъ о поѣздѣ, отчетъ, который Иванъ Петровичъ просилъ сдать ему въ возможно скорѣйшемъ времени. — Что-же — ѣхать съ нимъ въ Финляндію? Но, быть можетъ, Иванъ Петровичъ хочетъ отдохнуть, а не заниматься дѣлами? Онъ сперва рѣшилъ написать письмо. Потомъ нашелъ, что это будетъ слишкомъ долго. Онъ далъ телеграмму. На другой день пришелъ отвѣтъ: „пріѣзжайте сюда, побесѣдуемъ“.

Еще черезъ день онъ поѣхалъ. Миниатюрные вагоны были жарки и пыльны; народу было много. Но когда поѣздъ перешелъ границу и миновалъ дачныя мѣста, — шумное оживленіе смѣнилось задумчивымъ покоемъ. Небо, казалось, стало свѣтлѣе, стекляннѣе, прозрачнѣе. Вода тоже стала блѣдно-бирюзовой. Гранитныя глыбы блѣбли и сѣрѣли въ лѣсахъ. Чувство тихаго успокоенія, по мѣрѣ того, какъ поѣздъ ѣхалъ къ сѣверу, все больше и больше охватывало князя.

Онъ возвращался изъ своей поѣздки полный смутнаго чувства тоски. Безпричинные порывы брата — уйти изъ семьи — смущали его. Онъ боялся, что и въ немъ течетъ та-же безпокойная олсуфьевская кровь, причинявшая не мало непріятностей ему въ дѣтствѣ, и потомъ въ училищѣ. Онъ начиналъ понимать, что временно его порывы парализовались сухими отношеніями

министерства и тѣми поверхностными условіями приличія, которыя связывали его внѣшнюю жизнь съ петербургскимъ міромъ. Уже по тому чувству озлобленія, которое у него поднялось къ Чонгарову, онъ понялъ, что его демонъ живъ въ немъ, что борьба не кончена съ нимъ, а только начинается.

Онъ вспомнилъ ту ночь, когда, стоя на Невѣ и смотря на льдины, онъ пришелъ къ убѣжденію, что любитъ всѣхъ людей, что онъ и они — одно цѣлое, части одного и того-же первоисточника. И ему казалось, что это было искреннее, что онъ любитъ людей и готовъ протягивать всѣмъ руку, помогать, сторониться съ дороги. Но какъ только жизнь столкнула его съ человѣкомъ, который былъ ему чужимъ, но который вилелся невидимыми нитями въ его жизнь, онъ почувствовалъ къ нему злобу. Человѣкъ этотъ не сдѣлалъ ему никакого зла, — напротивъ, кромѣ хорошаго отъ него ничего нельзя было ожидать, но неясная, внутренняя ненависть тѣмъ не менѣе поднималась въ Борпелъ каждый разъ, когда онъ про него вспоминалъ.

Онъ старался успокоить себя тѣмъ, что ненависть такъ-же свойственна человѣческой натурѣ, какъ и любовь. Ненависть часто бываетъ безпричинной, какъ безпричинна любовь. Онъ зналъ, что люди больше ненавидятъ, чѣмъ любятъ. Отъ этой стороны своей природы онъ не

могъ отрѣшиться. Но онъ зналъ, что ненависть можетъ быть терпима только тогда, когда она остается скрытой, не переходитъ въ живую месть, въ живое непосредственное чувство озлобленія. И все-же, перебирая свое поведеніе съ Чонгаровымъ, онъ находилъ, что онъ былъ несдержанъ, что слишкомъ часто вырывались у него слова раздраженія и досады. Онъ былъ настолько несдержанъ, что, какъ ему казалось, Чонгаровъ проникъ его тайну — его любовь къ Мери — именно тогда, когда онъ заговорилъ о какомъ-то министерскомъ чиновникѣ. „Скажутъ-ли все Мери? думалъ онъ: скажутъ-ли, что я встрѣтился съ нимъ? Или не надо тревожить для нея этихъ забытыхъ тѣней?“

Онъ былъ годъ назадъ здѣсь, на дачѣ у Ивана Петровича, и, теперь, пріѣхавъ въ городъ, зналъ, куда нанять лошадь. Смолистые лѣса, съ ярко красными отъ заката стволами сосенъ, тихо, какъ очарованные, стояли въ недвижномъ воздухѣ, перепрокидываясь въ водѣ, такой-же недвижимой и стеклянной. Ни одного облачка нигдѣ не было видно. Все было напоено однимъ сплошнымъ запахомъ хвои. Какаля-то истома охватывала небо, и землю, и деревья. Точно это было какое то царство сна, дожидавшееся своего принца, который долженъ былъ притти сюда и своимъ поцѣлуемъ разорвать эти долговѣчныя чары.

Дорога сбѣжала лѣсами, выходила на берегъ озера, гдѣ мелькали купаленки дачъ, невѣдомо гдѣ скрытыхъ подъ густыми купаами рошъ. Потомъ колеса стучали по длинному деревянному мосту, и гулко въ вечерней тишинѣ раздавались частые удары подковъ о доски. Дорога опять подымалась на холмики, спускалась въ долину, — широкую, съ засѣянными полями и косыми изгородами. Птицы кружились и пѣли въ воздухѣ, наслаждаясь полно и безраздѣльно тепломъ, свѣтомъ и счастьемъ весны. Ихъ свистъ и клѣкотъ такъ и стояли надъ полемъ — такъ и гудѣли — какъ органъ вечерней службы, разливаясь въ безпредѣльную ширь. Изъ-за межи показалась тучная приземистая фигура лося съ вѣтвистыми рогами. Онъ на минуту уставился на лошадь и экипажъ, потомъ шарахнулся въ сторону и, неловко прыгая, помчался куда-то вдаль къ чернѣющей опушкѣ лѣса.

Наконецъ, вдали мелькнула башня дачи. Экипажъ свернулъ въ ворота и покотился по узкой дорогѣ съ нависшими вѣтвями сосенъ и елей. Дорога еще разъ сбѣжала на лужокъ и поднялась въ горку, гдѣ на обрывѣ надъ озеромъ стоялъ домъ его высокопревосходительства.

XXII.

Въ домѣ никого не было, всѣ были въ паркѣ. По словамъ лакея, Иванъ Петровичъ игралъ въ мячъ. Это нѣсколько удивило князя. Но лакей объяснилъ, что подписалъ имъ докторъ — четверть часа въ день бѣгать съ мячомъ и кидать его. Князь прошелъ на террасу. Оттуда онъ увидѣлъ Ивана Петровича и Невмятулина, которые шли по дорожкѣ. Невмятулинъ держалъ подъ-мышкой огромный мячъ и что-то весело рассказывалъ Ивану Петровичу, который солидно посмѣивался, видимо очень довольный собесѣдникомъ.

— Здравствуйте, князь, послышался голосъ съ конца террасы.

За жардиньеркою живыхъ цвѣтовъ, въ качалкѣ сидѣла Мери. Онъ быстро подошелъ къ ней и поцѣловалъ руку. Она загорѣла, поздоровѣла, глаза ея оживились, она радостно смотрѣла на него, — и всѣ его страхи вдругъ исчезли.

— Какъ я рада, говорила она. — А я думала, что вы пріѣдете раньше.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ея руку и сѣлъ рядомъ. Онъ хотѣлъ такъ много съ ней говорить, такъ многое слѣдовало выяснить, но глаза ея сказали ему, что ничего не надо ни

говорить, ни выяснять, что все и безъ того совершенно ясно.

Онъ началъ рассказывать о братѣ, о его женѣ, о племянникахъ. Она слушала его не прерывая, — и думала о чемъ-то совсѣмъ другомъ. Иногда она переводила глаза съ него на спокойную гладь озера, гдѣ тихо качался золотисто-пурпурный свѣтъ заката, потомъ опять взглядывала на него, и этотъ взглядъ говорить:

— Не останавливайтесь, — продолжайте рассказывать. Это хорошо, все, что вы говорите.

— Ну, какъ я радъ, сказалъ онъ, еще ближе придвигаясь къ ней и заглядывая ей въ лицо. — вѣдь вы совсѣмъ теперь поправились? Да?

Она, не отвѣчая, взяла со стола вазочку со свѣжими, только что нарванными ландышами, и подала ему.

— Вы любите это? Какой аромат! сказала она.

Она вынула три цвѣтка, отерла ихъ мокрые стебельки платкомъ и приколола ихъ къ петлицѣ князя.

— А гдѣ-же Анна Фердинандовна? спросилъ онъ, оглядываясь.

— Федоровна! поправила она его съ ласковой укоризной. — Она терпѣть не можетъ, когда ее зовутъ Фердинандовной. Она уже спать ушла. Нынче она ложится въ половинѣ деся-

таго. Я думаю, что она занимается спиритизмомъ съ какой-то безкровной барышней, что поселилась у насъ. Мы безъ нихъ пьемъ чай и ужинаемъ. Вы какъ разъ поспѣли къ чаю. Я за хозяйку.

И то, что она теперь была „за хозяйку“, показало Борису, до чего она поправилась.

— Какъ-же живете вы, — хорошо вамъ? спросилъ онъ.

Она слегка закинула назадъ голову и помолчала нѣсколько секундъ.

— Мнѣ хорошо, отвѣтила она.

Вошелъ тихими шагами лакей и доложилъ, что все готово, и что онъ идетъ въ садъ докладывать его высокопревосходительству о томъ-же.

— Пойдемте въ столовую, сказала она, протягивая ему руку.

И они пошли, весело глядя другъ на друга, весело прислушиваясь ко взаимнымъ звукамъ голосовъ.

— Давно у васъ здѣсь Невмятулинъ? спросилъ онъ.

Она пожала плечами.

— Ужь дня четыре. Онъ разыгрываетъ роль шута при дядѣ. Я удивляюсь, какъ дядѣ это не противно. Онъ занимается тѣмъ, что по очереди копируетъ всѣхъ директоровъ, и дядю это потѣшаетъ. Откуда вы его достали? Онъ

непріятень, вѣтъ непріятно, смотритъ не-то лисой, не-то волкомъ.

Въ это время вошелъ Иванъ Петровичъ съ Невмятулинымъ. Увидя князя, онъ радостно съ нимъ расцѣловался. Невмятулинъ тоже потянулся къ нему съ поцѣлуемъ, отчего ему самому стало неловко. Онъ показаль на мячъ, который все еще былъ у него подъ-мышкой, и проговорилъ:

— Вотъ видите, мы въ ребятокъ здѣсь преобразились,—это послѣ государственной работы отдыхъ. Я совѣтоваль его высокопревосходительству всѣмъ директорамъ купить по мячу, чтобы развить въ нихъ бѣольшую бодрость и скорость въ движеніяхъ.

Иванъ Петровичъ весело загоготаль и, ударивъ по плечу князя, сказалъ ему:

— Ну, какъ съѣздили, какъ васъ вѣтромъ обдуло? Садитесь, кушайте, пейте, Машенька васъ угостить. Угощай, Машенька.

Невмятулину, очевидно, впрокъ пошло упражненіе съ мячомъ. Онъ намазаль себѣ огромный кусокъ хлѣба масломъ и сталь его откусывать полукругами, отпечатывая на маслѣ свои зубы.

— Вы водворяли, князь, порядокъ въ отечествѣ? спросилъ онъ, пережевывая хлѣбъ и искоса наблюдая за Мери. Онъ въ первый разъ ее видѣль съ княземъ, и ему хотѣлось опре-

дѣлать ихъ отношенія, чтобы знать, чего держаться.

Князю не понравился тонъ его вопроса, и онъ, ему не отвѣтивъ, спросилъ о здоровьѣ Ивана Петровича.

— Да ничего, по своимъ годамъ я еще держусь, отвѣтилъ старикъ. — Началь пить по утрамъ воды. Конечно, лучше-бы для этого поѣхать въ Виши. Но я сталъ ужъ старъ для того, чтобы таскаться за границей. Да ничего и здѣсь.

Хорошее настроеніе князя сегодня не отравлялось даже Невмятулинымъ, который, казалось, хотѣлъ вскочить съ разбѣга въ душу Ивана Петровича. Онъ спокойно относился къ его шуточкамъ и намекамъ и только разъ замѣтилъ:

— А вѣдь это совсѣмъ неостроумно, что вы говорите.

Невмятулина это удивило, онъ покрутилъ головой и саркастически уставился на галстукъ князя.

— Кто въ чемъ понимаетъ остроуміе, сказалъ онъ.

Князь спросилъ, что подѣлываетъ его жена, прибавивъ, что она очень симпатичная особа.

— Я перевезъ ее на дачу въ Лѣсной. Мы вѣдь, грѣшные, не можемъ своихъ имѣній заводить. А такъ, ютимся въ полуторастарублевой дачѣ, сердито отвѣтилъ онъ.

— Вашъ товарищъ... Какъ его: Вальцъ или Бальцъ? Онъ гдѣ?

Невмятулинъ пожеваль челюстями.

— Мы взяли дачу пополамъ. Больдъ будетъ жить наверху надъ нами. У него еще не кончились экзамены.

— А я не зналъ, что вы женаты, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— У меня жена несчастная женщина—она страдаетъ истеріей, сказалъ Невмятулинъ, стараясь придать своему лицу грустное выраженіе.

Иванъ Петровичъ покачалъ головой и сказалъ, что это нехорошо.

Послѣ чая, Мери предложила князю пройти по саду. Они вышли. Соловья здѣсь не было, какъ въ Олсуфьевкѣ,—не было и майской душистой тьмы. Но зато стояла задумчивая, свѣтлая ночь, съ розовыми пятнами на водѣ и на небѣ, съ блеклыми, словно черезъ тюль просвѣчивающими красками. Пахло смолистымъ боромъ до опьяненія. Они сѣли на плоскій камень у воды, гдѣ она всегда сидѣла одна,—и долго о чемъ-то говорили. Разговоръ плелся, какъ тонкое безконечное кружево, такое-же свѣтлое, и сквозное какъ окружавшіи ихъ пейзажъ. На небѣ ярко горѣлъ Юпитеръ, въ тотъ годъ особенно большой и свѣтлый. Другой Юпитеръ тихо сіялъ внизу, въ спокойной неподвижной водѣ.

— Который часъ? спросила Мери послѣ небольшого молчанья.

— Ровно двѣнадцать, сказалъ онъ.

— Пора спать, пойдемте.

Иванъ Петровичъ еще курилъ съ Невмятулинымъ на террасѣ. Князь присоединился къ нимъ, и они еще съ полчаса посидѣли. Ему отвели комнату рядомъ съ Невмятулинымъ, и онъ долго слышалъ за стѣной его возню, фырканье и потомъ спокойный ритмическій храпъ.

Князь спалъ глубоко, спокойно, счастливо, какимъ-то дѣтскимъ сномъ. Утро его встрѣтило бодрого, веселаго, какъ-будто вновь повѣрившаго въ жизнь.

На террасѣ, куда онъ спустился утромъ, онъ встрѣтилъ Анну Фердинандовну съ ея новой компаньонкой. Въ рукахъ у нея было письмо, и она говорила Ивану Петровичу:

— Я получила вчера по почтѣ письмо отъ Чонгарова. Помнишь, который ѣздилъ къ намъ такъ часто, — а потомъ женился и былъ постриженъ въ священники?..

— Рукоположенъ, — поправилъ ее мужъ.

— Ну, все равно. Онъ будетъ по дѣламъ въ нашихъ краяхъ, и просить позволенія заѣхать къ намъ. Ты ничего не имѣешь?

— Очень радъ, равнодушно отвѣтилъ Иванъ Петровичъ и, наливъ полстакана виши, неторопясь его выпилъ.

XXIII.

Мучительное, згучее чувство ревности охватило князя. Онъ боялся одного его, — одного этого страннаго сухого человѣка, въ священнической рясѣ, съ его сверкающими глубокопосаженными глазами, съ тонкой, странной улыбкой. Какимъ-то чутьемъ Олсуфьевъ чувствовалъ, что если Мерн любить кого — такъ именно его, и къ нему относились послѣднія строки ея рукописи.

Онъ машинально слушалъ шуточки Невмятулина, явившагося съ отекившимъ и опухшимъ лицомъ; машинально слушалъ, какъ Иванъ Петровичъ тихимъ размѣреннымъ голосомъ говорилъ о необходимости развивать физическую силу въ молодежи и съ похвалою отзывался о гимнастическиххъ упражненіяхъ эпохи царствованія императора Николая I, — до шагистики включительно. Онъ слушалъ, какъ Анна Фердинандовна сообщала своей компаньонкѣ, какъ всю ночь въ потолокъ ея спальни слышались стуки, и она знала, кто это былъ. Барышня кивнула головой и дала этимъ понять, что она тоже знаетъ. Но Анна Фердинандовна на нее разсердилась.

— Вы думаете — Скъявоне? Совсѣмъ, совсѣмъ не Скъявоне.

Утромъ Мери никогда не спускалась на террасу, и ей относили въ ея комнату кофе. Князь ждалъ съ нетерпѣніемъ когда она придетъ, но долженъ былъ пойти играть въ крокетъ съ Иваномъ Петровичемъ, Невмятулинымъ и истеричной дѣвицей. Ему казалось, что Невмятулинъ особенно противно бьетъ молоткомъ по шарамъ и иногда наноситъ удары съ такимъ наслажденіемъ, точно бьетъ по головѣ своихъ враговъ. Солнце пекло невыносимо. Невмятулинъ потѣлъ, но старался угодить. Иванъ Петровичъ игралъ размѣренно, соображался съ общимъ положеніемъ дѣлъ, и разсуждалъ вслухъ:

— Крокировать и отгонять,— или сперва проходить къ пѣгу? Вотъ въ чемъ вопросъ?

И онъ, послѣ серьезнаго взвѣшиванья обстоятельствъ, шелъ къ пѣгу.

Князь бродилъ по парку, когда внезапно, на поворотѣ дорожки, онъ увидѣлъ Мери.

— Наконецъ-то! вырвалось у него.

Она молча подала ему холодную руку. Какая-то тревога, скрытая, далекая, чуть сквозила на ея лицѣ.

— Къ вамъ гость новый ѣдетъ, слышали? внезапно сказалъ онъ.

— Да, отвѣтила она и, обойдя его, сдѣлала два шага впередъ, чтобъ скрыть свое лицо; потомъ остановилась въ полъ-оборота и спросила:

— Пойдемте. Или вы не хотите?

Онъ пошелъ рядою съ ней.

— Я познакомился съ нимъ, проговорилъ онъ.

Она остановилась.

— Я былъ у него три дня назадъ. Онъ ѣдетъ сюда, я думаю, только потому, что у насъ зашелъ разговоръ о васъ,—и прежнія воспоминанія разбредили его.

Она опять пошла, опутивъ голову.

— Онъ тамъ популярничаетъ, продолжалъ князь, --- лѣчить, проновѣдуетъ, возится съ ксендзами, и кажется, собирается переходить въ католичество. Видѣлъ его жену,—горбатое, злое существо, влюбленное въ него по уши. Мнѣ кажется, вся его комедія съ женою, и даже съ поступленіемъ въ священники,—все это пошлая комедія и не больше.

Она полупрезрительно улыбнулась. Князю показалось, что это презрѣніе относится къ нему. Чувство злобы къ самому себѣ охватило его.

— Во всякомъ случаѣ, я сейчасъ уѣзжаю, продолжалъ онъ:—я хотѣлъ только проститься съ вами.

Она не возражала. Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ.

— Прощайте, сказалъ онъ, протягивая ей руку.

Она, не смотря на него, подала свою. Онъ

быстро повернулся и пошелъ къ Ивану Петровичу.

— Вы позволите мнѣ проститься съ вами? спросилъ онъ его, радуясь, что Невмятулина не было въ комнатѣ.

— А объѣдать? удивился Иванъ Петровичъ.

— Въ другой разъ. Дѣлъ въ министерствѣ скопилось много. Распоряженія отъ васъ будутъ?

— Да, милый, пожалуйста, распорядитесь вотъ чѣмъ...

Они приѣхали къ столу и позанялись съ полчаса. Князь все записалъ, что сказалъ ему Иванъ Петровичъ.

— Я и Невмятулина захвачу, замѣтилъ князь.—Что ему въ мячикъ играть здѣсь?

— Да, да, захватите,—онъ мнѣ надоѣлъ, согласился Иванъ Петровичъ.—Онъ иногда забавень, но en gros—утомителень,—и потомъ ужъ черезъ-чуръ хамовать.

Невмятулинъ что-то разбиралъ въ своемъ чемоданчикѣ, когда вошелъ къ нему князь.

— Ъдемъ, сказалъ онъ.

— Куда? удивился Невмятулинъ.

— Въ Петербургъ. Его высокопревосходительство поручилъ мнѣ васъ доставить по мѣсту служенія.

— Съ фельдъ-егеремъ, значить? постарался Невмятулинъ состричь.

— Черезъ часъ мы выѣзжаемъ, отвѣтилъ князь.

Мери къ завтраку не вышла.

— Вѣчныя мигрени, замѣтила Анна Фердинандовна.— Вы знаете, я совѣтовалась о нихъ съ духами. Скъявоне сказала, что излѣчить ихъ только благодать.

— А откуда-же вы ее достанете? спросилъ Невмятулинъ.

Этого ни Анна Фердинандовна, ни истеричная дѣвица не знали. Князь посмотрѣлъ на барыню: она еще болѣе пожелтѣла въ послѣднее время, и у нея какъ-будто стало меньше волосъ на головѣ.

Черезъ часъ подали лошадей. Иванъ Петровичъ даже вышелъ на крыльцо, проводить своихъ подчиненныхъ. Лошади тронулись, и дача осталась позади.

— Какой дикой жизнью живутъ люди! сказала Невмятулинъ на поворотѣ изъ парка на дорогу.— Эта старая идиотка вертитъ свое блюдечко; сановникъ играетъ въ мячъ, думая этимъ продлить свое существованіе на благо государству. Барышня такъ нѣжна, что страдаетъ мигренями даже отъ пѣнія пѣтуха. Карикатуры, а не люди!

Такъ-какъ князь не возражалъ ему, то онъ отвалился въ уголь коляски и тотчасъ заснулъ.

— Что она его любитъ,—это ясно, разсуждалъ князь.— Какъ вспыхнули ея глаза, какъ вся переѣнилась она послѣ этого письма. Зачѣмъ я буду остерегать ее, зачѣмъ я буду становиться на ихъ дорогѣ? Пусть живутъ, какъ хотятъ, я посторонюсь. Пока я вѣрилъ въ ея чувство ко мнѣ, хоть и сомнѣвался, но вѣрилъ,— это было одно. Теперь — другое. Надо, чтобъ достало силъ все снести.

Но въ головѣ была тупая боль, грудь невыносимо сдавливалась безпокойной тоской. Храпѣвшій Невмятулинъ былъ ему такъ гадокъ. Удушливый день накопилъ въ воздухѣ электричество. По дорогѣ стояла пыль: казалось, все ждало грозы и дождя.

Ревность—чувство совершенно безотчетное. Она также быстро появляется, какъ и проходитъ. Молчаніе Мери, нежеланіе съ нимъ говорить, то что ни однимъ словомъ она не удержала его—больше всего поднимало въ немъ нервы.

— Нѣтъ, надо все это страхнуть съ себя, говорилъ онъ.— Вѣдь не мальчишка-же я въ самомъ дѣлѣ. Почему всю цѣль жизни видѣть только въ одномъ: въ достиженіи обладанія женщиной. Вѣдь должны-же быть другіе интересы—иначе я дрянъ, а не человѣкъ.

Но какъ онъ ни старался уловить эти интересы—никакъ не могъ. Все было монотонно,

сѣро, скучно,—и мысли снова обращались къ ней.

— Забыть, забыть во чтобы-то ни стало! повторялъ онъ, поднося руки къ лицу. — Заставить себя забыть все. Вѣдь не можетъ-же быть, чтобъ во мнѣ не достало силы воли управиться съ самимъ собою!

Когда пріѣхали къ станціи, онъ едва растолкалъ Невмятулина. Тотъ не сразу опомнился, сладко зѣвнулъ раза два и пошелъ въ буфетъ пить зельтерскую воду.

Князь смотрѣлъ на далекій дымокъ приближающагося поѣзда, когда Невмятулинъ, подойдя къ нему, спросилъ:

— Вы въ первомъ ѣдете? А я во второмъ. До свиданія. Не увидимся больше. Я спать пойду, — цѣлую ночь отъ этихъ подлецовъ комаровъ не спалъ.

„А можетъ быть, все-таки не надо было уѣзжать? подумалъ Олсуфьевъ, садясь въ вагонъ.— А, да все равно!“

XXIV.

Князь засталъ дома записку незнакомаго женскаго почерка.

„Князь, прочелъ онъ,—если вы въ городѣ и можете днемъ до 4-хъ часовъ заглянуть ко

мнѣ въ „Hôtel de France“, была-бы рада. Я давно здѣсь и нездорова.

Серафима“.

Сперва князь сказалъ самъ себѣ, что онъ не поѣдетъ. Но слово „нездорова“ придавало нѣсколько иную окраску ихъ свиданію.

— Отчего-же мнѣ не навѣстить ее, если она больна? рѣшилъ онъ. — Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ она заболѣла. Конечно, ничего изъ того, что было, повториться не можетъ. Сказать, что я уѣхалъ изъ города—солгать, да и зачѣмъ?

Онъ поѣхалъ къ ней. Ему указали обширный номеръ, на площадкѣ лѣстницы, выступавшій зигзагами и фонарями на Большую Морскую. Когда онъ вошелъ въ пріемный салонъ, первый, кого онъ увидѣлъ—былъ Вобловъ въ неизмѣнномъ длиннополомъ сюртукѣ. Онъ сидѣлъ въ своей обычной позѣ, подогнувъ колѣна и тяжело поставя рядомъ ступни съ широкими саногамы. Возлѣ него, на кушеткѣ, прикрытая шалью, лежала Серафима. Князь подошелъ къ ней и увидѣлъ, что она поху-дѣла и поблѣднѣла.

— Что съ вами? Больны? спросилъ онъ.

— Да, нездоровится, сказала она.

Вобловъ какъ-то подозрительно скользнулъ взглядомъ по лицу князя.

— А вы развѣ не знали, что Серафима Провна здѣсь? спросилъ онъ.

— Въ первый разъ слышу. Вчера получилъ записку.

— И я вчера только разыскалъ ее, подтвердилъ Вобловъ.—И то потому, что получилъ письмо отъ сестры, которая пишетъ, что Фима пропала, и чтобъ я поискалъ ее по гостинницамъ. Толкнулся въ „Европейскую“, потомъ сюда, и вотъ попалъ на слѣдъ. Скрывалась.

— Отчего-же въ самомъ дѣлѣ вы раньше никому не дали знать? спросилъ князь.

— Я возилась съ докторами,—и мнѣ было не до гостей, сказала она.—Садитесь, князь, двигайте сюда кресло, и будемте бесѣдовать. Такъ что-же вы говорите про Митрошу? обратилась она къ Воблову.

— А то и говорю, сказалъ Вобловъ. — что брата вашего слѣдуетъ взять въ опеку.

— Постойте. Вѣдь онъ продалъ свой музей куда-то въ Лондонъ: получилъ большія деньги. Неужели онъ не въ правѣ располагать ими какъ хочетъ?

— Конечно, въ правѣ. Но и мы въ правѣ хлопотать объ опекѣ и объ освидѣтельствованіи его умственныхъ способностей. Постройка этой ванны—последняя капля, сударыня моя. Я ему сказалъ: какъ только вы закончите ее, такъ и пойдетъ говоръ, что Варгина въ желтый домъ пора посадить.

Серафима нетерпѣливо пожала плечами.

— Не понимаю я васъ. Доктора велѣли ему ежедневно принимать ванну въ двадцать шесть градусовъ. Онъ рѣшилъ затратить на постройку отдѣльнаго зданія полтораста тысячъ.

— Двѣсти, поправилъ Вобловъ.

— Ну, скажемъ, двѣсти. Почему-же можно бросать сумасшедшія деньги по Ярамъ, по за-границамъ, а дома нельзя устроить бассейнъ съ проточной водой? Что вы за архангелы такіе, приставленные наблюдать за московской купеческой этикой?..

— За чѣмъ? переспросилъ Вобловъ.

— За нравственностью, поправила она. — Не разорится братъ отъ двухсотъ тысячъ, а мысль, что онъ круглый годъ въ рѣкѣ будетъ купаться—его радусть. Да и вы къ нему придете. Онъ только и думаетъ о томъ, какъ будетъ созывать знакомыхъ и предлагать имъ купаться зимою.

— Да что это за купальня? спросилъ князь.

— Понимаете, живо заговорила Серафима, обращая не него свои блестящіе глаза. — Братъ терпѣть не можетъ ваннъ и все ходитъ париться въ баню. А доктора говорятъ, что это ему вредно и что нужны только тепленькія ванны. Ну, онъ и придумалъ съ архитекторомъ такую постройку, которая привлекала-бы его, куда-бы онъ шелъ съ удовольствіемъ. Понимаете,—это такая ротонда круглая, вродѣ на-

норами. Въ римскомъ стилѣ мраморный портикъ для раздѣванья, а потомъ лѣсенка велеть въ бассейнъ — кажется, двадцать пять аршинъ ширины, и вода тамъ проточная, а брать отлично плаваешь.

— Хорошо-сь, прервалъ Вобловъ, — и пушай его плаваешь, Богъ съ нимъ. Даже если онъ окуней и стерлядей туда напуститъ, и съ тѣмъ я соглашусь. А вотъ Везувій-то зачѣмъ? Онъ обратился къ князю.

— Показывалъ онъ мнѣ модель-сь. Вообразите, настоящія скалы, въ видѣ какъ-бы грота. А за гротомъ-сь море — Неаполитанскій заливъ, — и лодки, и паруса. А вдали Везувій-сь дымится. Такъ вотъ-сь за эту самую декорацию съ него пятьдесятъ тысячъ какой-то художникъ беретъ. И по желанію освѣщеніе измѣняется, какъ на театрѣ: желаете — солнечный день, и солнце изо всѣхъ щелей и изъ-за пальмъ бьетъ. Желаете — закатъ; желаете лунная ночь, — и наконецъ — настоящій дождикъ. Остается, чтобы молнію и громъ поднустить. Когда я ему про громъ сказалъ, онъ обрадовался. Вотъ, говоритъ, и чудесно: гостей пугать буду: во время купанья пускать вѣтеръ и бурю.

Серафима улыбулась.

— Ну, пусть поиграетъ. Вѣдь карты со-всѣмъ бросилъ.

Воблювъ всталъ.

— Нехорошо-съ, сказалъ онъ, — кредитъ этимъ теряется. Довѣрія прежняго не будетъ. Я его характеръ знаю. Съ нимъ о дѣлахъ начнешь, а онъ скажетъ: пойдите на Капри купаться. У него вѣдь и на ротондѣ этой будетъ написано—Капри.

Онъ протянулъ руку Серафимъ.

— Ну, поправляйтесь, сказалъ онъ. — Я еще заѣду.—А только нехорошо это...

— Что?

— Что вы здѣсь тайкомъ скрываетесь! Мало въ Москвѣ мѣста.

Она какъ-будто слегка покраснѣла.

— Я здѣшнихъ докторовъ больше люблю.

Онъ пожалъ ей руку и сталъ прощаться съ княземъ.

— Что ея высокопревосходительство? Давно изволили видѣть? Слышалъ я, что онъ въ ханжество ударились. Голоса какіе-то вокругъ нихъ; съ покойниками черезъ блюдечко разговариваютъ. Это тоже-съ признаки плохіе.

Онъ откланялся и пошелъ къ двери.

— Сестрицѣ вашей телеграфирую, сказалъ онъ уже изъ прихожей, — что видѣлъ васъ живой.

— Пожалуйста, не телеграфируйте, — я сама! крикнула она. — Вы еще напутаете.

XXV.

— Что-же съ вами было? — спросилъ онъ, усаживаясь на мѣсто Воблова, когда дверь за нимъ затворилась.

— Нездоровилось, сказала она, прямо смотря на него.

— Вы похудѣли.

— И подурнѣла?

— Этого не скажу.

Она посмотрѣлась въ ручное зеркало, лежавшее подъ подушкой.

— Я рада васъ видѣть, сказала она.

— И я радъ, отвѣтилъ онъ.

— Вспоминали вы меня когда-нибудь?

— Даже очень часто.

— Ну, едва-ли очень. Я васъ чаще вспоминала.

— Добромъ или лихомъ?

— Вообще вспоминала.

Она закинула руки за голову и какъ-то странно посмотрѣла на него, покусывая губы.

— Что вы дѣлали это время? спросила она.

— Былъ въ командировкѣ. Ъхалъ два раза черезъ Москву. Хотѣлъ къ вамъ заѣхать, да помнилъ свое обѣщаніе.

— И хорошо сдѣлали, сквозь зубы проговорила она.

— Вотъ какъ?

— Ахъ, если-бъ вы знали, какъ я васъ минутаи ненавижда! Теперь это прошло... Теперь вы мнѣ... почти милы.

Она протянула ему свою маленькую горячую руку, съ крохотными пальцами. Онъ взялъ ее въ обѣ свои руки. Она все смотрѣла на него какимъ-то утомленнымъ, долгимъ взглядомъ.

— Вѣдь если я была больна, — тихо, но внятно заговорила она, — такъ причиной этого были вы.

— Я? сказалъ онъ, — и вдругъ почувствовалъ, что кровь стукнула ему въ виски. — Что вы хотите этимъ сказать? Я виновникъ вашей болѣзни?

— Не виновникъ, а причина, поправила она. — Виноваты мы оба. Я — больше вашего.

— Пойдите, Фима, что вы говорите? все съ большимъ волненіемъ продолжалъ онъ. — Зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ?

Лицо ея вдругъ стало злымъ: — досада, обида, оскорбленіе — все заразъ отразилось на немъ.

— Не могла-же я ждать, стиснувъ зубы проговорила она. — У меня здѣсь есть доктора... которымъ я вѣрю. — Въ Москвѣ это было невысказано. Въ Москвѣ мнѣ не спрятаться. А здѣсь — никому ни до кого никакого дѣла.

Во „Франціи“ я только третій день, — я лежала въ другомъ мѣстѣ...

— И вы рѣшились? сообразилъ онъ, понявъ въ эту минуту все и съ чувствомъ какого-то ужаса смотря на нее.

— А что-же мнѣ было дѣлать! со злобой крикнула она.

— Написать мнѣ.

Она засмѣялась.

— Этого только не доставало! О чемъ? О томъ, что я отъ васъ беременна? А вы-бы мнѣ повѣрили? Пріѣхали-бы соболѣзновать, или, по чувству княжескаго благородства, предложили-бы мнѣ свою корону!.. Полноте! Я иначе поступить не могла.—Я сказала, что ѣду за границу, а сама пріѣхала сюда. Надо было рѣшиться, пока не ушло время. Сестра догадывается, если не знаетъ все.—Ну, и вотъ— все кончено, — какъ видите, я не умерла. У васъ тутъ есть спеціалисты хоть куда...

Она какъ-то горько улыбулась.

— Фима, Фима! зачѣмъ вы это сдѣлали! Этого не надо, не надо было.

— Да вы съ ума сошли! весело заговорила она.— По вашему, я должна была открыто родить незаконнаго ребенка.

— Но зачѣмъ-же вы его убили? съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ, вскакивая.— Неужели вы не понимаете, что вы надѣлали?

Она слегка поблѣднѣла.

— Я сдѣлала то, что надо было сдѣлать.

— Нѣтъ, — вы, вы ужасную сдѣлали вещь. — Неужели-же вы не могли на все лѣто, на осень уѣхать изъ Москвы? Неужели вы при вашихъ милліонахъ, не могли воспитать гдѣ-нибудь своего ребенка? Какъ вы могли промолчать, не сказать мнѣ ни слова?

Она теребила уголь шали.

— Что сдѣлано, то сдѣлано, сказала она. — Я даже адреса вашего не знала. Ну, да что говорить? Если грѣхъ совершенъ, то онъ цѣликомъ падаетъ на меня одну... Вы не при чемъ. Полно, милый, не волнуйтесь. Я совсѣмъ не хотѣла вамъ говорить объ этомъ, — да ужъ такъ пришлось. Ну, подите, сядьте сюда, ко мнѣ на кушетку.

Онъ сѣлъ и взялъ ея обѣ руки.

— Фима, вы не хотѣли мнѣ сказать, что я отецъ вашего ребенка? спросилъ онъ.

— Не хотѣла. Виновата я больше, чѣмъ вы, — я и должна была нести расплату за все. — Ну, будетъ объ этомъ. А вотъ что я вамъ скажу. Когда я начала поправляться, ты мнѣ такъ сталъ дорогъ и милъ, мнѣ такъ захотѣлось тебя видѣть. Нагнись ко мнѣ...

Онъ нагнулся; она крѣпко поцѣловала его и опять посмотрѣла ему въ глаза.

— Зачѣмъ тебя не было въ Москвѣ мѣсяцъ назадъ? спросила она.

— Ты мнѣ не велѣла понадаться на глаза. напомнилъ онъ.

— Я и теперь не снимаю съ тебя общанія. — А впрочемъ — все равно. Хочешь токайского? Вонъ тамъ на столѣ. Все равно, если и не хочешь, то долженъ со мной выпить, — за мое здоровье. Мнѣ велѣно пить токайское для подкрѣпленія силъ.

Она чокнулась съ нимъ.

— Я пью за то, чтобъ больше никогда не повторялись мѣсяцы вродѣ нынѣшняго, сказала она...

— Ты все шутишь, Фима, остановилъ ее князь.

— Хороши шутки! весело воскликнула она. — Я взяла изъ Москвы полторы тысячи, да тысячу перевела — и все не хватаетъ; — это въ три недѣли! А мнѣ еще шутя говорятъ: „вѣдь за это, сударыня, собственно говоря, въ Сибирь-съ по закону-то, — такъ какъ-же не брать“ ...

— И ты, зная чѣмъ рискуешь, все-таки шла на это?

— Я большимъ рисковала — рисковала жизнью. А можетъ быть, и не одною жизнью... а и душою.

Лицо ея опять омрачилось.

— Когда я лежала недѣли двѣ назадъ тамъ, гдѣ я была, меня по ночамъ мучили кошмары. Разъ я вижу какое-то маленькое, крохотное существо, которое будто-бы тихо лежитъ у меня на груди и дышетъ. Какъ самый крохотный котенокъ, даже еще меньше. Я лежу навзничь, не могу пошевелиться и спрашиваю — „кто тутъ?“ И мнѣ чуть слышно этотъ комочекъ отвѣчаетъ: „это я“. — И я вдругъ почувствовала такую любовь, такую страстную любовь къ этому чему-то, такую только во снѣ можно чувствовать: до боли, до муки. — „Но вѣдь тебя ужъ нѣтъ, шепчу я, — какъ-же ты опять здѣсь?“ — А оно отвѣчаетъ: — „нѣтъ, я здѣсь“. Когда я очнулась, я была глубоко несчастна, — мнѣ казалось, что я потеряла все лучшее и дорогое, что было во мнѣ, и когда подошла сестра милосердія, я ей сказала: „дайте мнѣ отравы, — все равно, какой-нибудь, — какой крысъ травятъ“ ...

Она тяжело перевела духъ.

— Ну, а Александра Павловна — у кого я лежала, — когда я ей сказала все это, только засмѣялась и отвѣтила: „мало-ли что снится: вотъ я во снѣ видѣла, что блины ѣмъ, и они сырые, и зубы къ тѣсту прилипаютъ и остаются въ немъ, и я ихъ глотаю вмѣстѣ съ тѣстомъ, и такъ мнѣ непріятно, что я всеъ зубы сѣбла... Такъ вѣдь мы на то и интеллигент-

ные люди, чтобъ въ сны не вѣрить“. — Я говорю: „и на то мы интеллигентные, чтобъ дѣлать то, что вы надо мной сдѣлали?“ „Да, говорить, — и на то. Вотъ васъ два профессора-спеціалиста вчера смотрѣли и нашли, что случай прошелъ для васъ благополучно. У меня есть одна кліентка, которая уже семь разъ здѣсь была, и здорова, какъ не знаю что. А смотрите, въ деревняхъ бабы: рѣдко у нихъ благополучно сходить, — грубые приемы“.

— Да, — это тяжелый сонъ, задумчиво сказала князь.

— Я съ ужасомъ вспоминаю о немъ, повторила она. — Да это и не сонъ былъ. Я лежала съ открытыми глазами, Только надъ головою былъ не потолокъ, а звѣздное небо. И звѣзды большія, крупныя, яркія, улыбающіяся, веселыя.

Она опять протянула ему руку.

— Послушай, спросила она, — вѣдь это онъ былъ?

— Кто?

— Тотъ, крохотный?.. Вѣдь это онъ ко мнѣ приходилъ? Да?

Она выпустила его руку и со стиснутыми зубами откинулась на подушки. Ея молодое измученное лицо отразило внутреннее страданіе и боль.

Черезъ минуту она открыла глаза.

— Дай мнѣ еще полрюмки, сказала она. — И вотъ что... вотъ о чемъ я хотѣла тебя просить... Во-первыхъ, — если тебѣ не скучно, — заходи ко мнѣ. Вѣдь я совсѣмъ одна. Книги у меня есть для чтенія. Да вѣдь нельзя-же, все книги да книги... Ты свободенъ по вечерамъ? Ты долженъ приходить. Вѣдь всетаки ты виноватъ. И потомъ: постой... вѣдь у тебя нѣтъ невѣсты, — нѣтъ? такъ ты вотъ что долженъ сдѣлать. Дня черезъ два докторъ мнѣ позволилъ проѣхать по Островамъ. Ты меня долженъ прокатить. Ты достанешь мягкую сповойную коляску, и проѣдешь со мной. Да не вечеромъ, когда ваша шушера здѣсь катается, а днемъ, когда нѣтъ ни пыли, ни народа. Ты сдѣлаешь это?..

Онъ обѣщаль.

— Ну, а теперь уходи. Я устала, мнѣ спать хочется, вдобавокъ моя Александра Павловна скоро заѣдетъ. Утомилъ меня Вобловъ, да и разговоръ съ тобой утомилъ. Прощай. Поцѣлуй меня, посмотри на меня еще разъ. Ты думаешь, я влюбилась въ тебя? Нѣтъ. А просто, нашла на меня такая полоса, что ты милѣе всѣхъ для меня. Ну, уходи, Господь съ тобой!

— При тебѣ даже горничной нѣтъ? спросилъ онъ.

— А вотъ, сказала она, показывая кнопку звонка, лежавшую передъ ней на столикѣ. —

Я велѣла сюда провести шнурокъ. Здѣсь при-
слуги хоть отбавляй... А зачѣмъ мнѣ еще своихъ
шпіоновъ привозить?..

XXVI.

Признаніе Серафимы глубоко его взволно-
вало. Конечно, среда, въ которой она росла
не только допускала, но даже одобряла такое
убійство ребенка. Убійства эти тысячами, де-
сятками тысячъ совершаются ежегодно въ боль-
шихъ городахъ и столицахъ, и всѣ проходятъ
безнаказанно, — потому-что нѣтъ потерпѣвшихъ,
которыя приносили-бы жалобу въ судъ. Князь
зналъ въ обществѣ нѣсколько дамъ, про кото-
рыхъ ходили слухи, что онѣ профессиональныя
дѣтоубійцы, и потому у нихъ или совсѣмъ нѣтъ
дѣтей, или не больше двухъ-трехъ. Иногда въ
разговорахъ князь и подобные ему хладнокровно
замѣчали, что, конечно, это язва, и что надо
преслѣдовать болѣе строго такихъ дѣтоубійцъ,
но что положительный результатъ можетъ быть
достигнутъ скорѣе всего христіанскимъ воспи-
таніемъ и развитіемъ въ дѣвушкахъ болѣе устой-
чиваго понятія о долгѣ. — Но теперь, когда
случай такъ близко коснулся его, онъ монялъ
весь ужасъ совершившагося. Его ошеломили
сразу двѣ вѣсти: то, что онъ отецъ ребенка.

и то, что этого ребенка убили и взяли за это двѣ съ половиною тысячи, — конечно, потому, что мать милліонерша, — а иначе сдѣлали-бы все за пятьдесятъ рублей. Серафима шла на убійство, мало сознавая, что она дѣлаетъ. Она думала о томъ, что нельзя оставаться въ Москвѣ въ такомъ положеніи. Скрываться цѣлый годъ за-границей ей, быть можетъ, казалось и скучнымъ и неудобнымъ, такъ-какъ все-таки тогда надо было и брата Митроху съ его купальной включить въ число сообщниковъ, — а это было равносильно тому, чтобы кричать о своемъ положеніи на Тверской. А въ Петербургѣ есть какое-то убѣжище, — какой-то великосвѣтскій притонъ, гдѣ какая-то Александра Павловна чисто обдѣлываетъ свои дѣлишки, — и доктора-специалисты, которыхъ приглашаютъ уже тогда, когда все идетъ къ концу, „констатируютъ“ благополучное окончаніе „преждевременнаго случая“. — Какъ сотни другихъ женщинъ, она безсознательно вошла въ эту усовершенствованную на научныхъ данныхъ фабрику ангеловъ, и вышла оттуда дѣтубійцей, съ легкой совѣстью. И только сонъ, этотъ страшный сонъ смутилъ ее: какъ-будто онъ поднялъ передъ ней кусочекъ той звѣздной ткани, что она видѣла надъ собою, и показалъ частицу той безмѣрной любви, что таится тамъ, высоко за нею, — и слабые отзвуки которой живутъ въ душѣ cadaго земного существа.

Князю вспоминалась одна встрѣча, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одну изъ первыхъ командировокъ. Онъ ѣхалъ на лошадяхъ, въ черноземной полосѣ Россіи. У какого-то шинка ему попалась партія пересыльныхъ: ихъ съ юга отправляли на мѣсто родины — на сѣверъ. Въ числѣ ихъ была маленькая, худенькая дѣвочка, — лѣтъ одиннадцати, какъ показалось ему, съ ребенкомъ на рукахъ, завернутымъ въ лохмотья. Дѣвочка была босонога, ея худыя безъ обуви ноженьки были въ грязи, ссадинахъ и ранахъ. Ея руки были грязны, возлѣ носа — какая-то болячка. Глаза смотрѣли тускло и устало; изъ-подъ оборваннаго платка выбивались бѣлокурые волнистые волосы. Она кутала и прижимала къ груди ребенка, безпокойно оглядываясь. Съ безотчетно-тяжелымъ чувствомъ прошелъ мимо нея князь; пока перепрягали лошадей, онъ оставался въ хатѣ и забылъ про нее. Когда лошадей запрягли, онъ вышелъ на крыльцо и опять ее увидѣлъ. Но то, что онъ увидѣлъ, было и странно и ужасно. Она сидѣла на приступочкѣ — и кормила ребенка грудью — маленькой, тощей грудью, все такъ-же безпокойно охватывая лохмотья и прижимая къ себѣ. Князь подошелъ къ ней и спросилъ:

— Это твой ребенокъ?

Въ глазахъ ея зажегся испугъ. Она стиснула лохмотья еще крѣпче и отвѣчала:

— Мой.

— Сколько-же тебѣ лѣтъ?

— Тринадцать.

— Давно ты родила?

— Въ прошломъ мѣсяцѣ... А тутъ вотъ
выслали къ теткѣ...

— Чей-же ребенокъ, отъ кого?

— Хозяйскаго сына, равнодушно сказала она.

— Что-же они не оставили внука, хозяева-то?

— Не... они и меня выгнали...

Князь пошелъ къ начальнику партіи.

— Что-же дѣлать-сѣ! отвѣтилъ тотъ, без-
помощно поднимая плечи.— Она сдана по спиеку.
Идетъ съ ребенкомъ, — ей помогаютъ, несутъ его
иногда, а то-бы свалилась. Нехорошими сло-
вами ее иные обзываютъ, — считая пропавшей.
Жаловалась она, что ее на ночлегахъ безпо-
коятъ. Народъ подлый-сѣ. А я ничего подѣ-
лать не могу.

Князь оставилъ ей пять рублей и просилъ
какъ-нибудь помочь и облегчить ей дорогу. Она
и не поблагодарила его, а также туно стояла
на своихъ израненныхъ ногахъ, и также при-
жимала своего младенца, который былъ немно-
гимъ больше новорожденнаго щенка.

Теперь князю ясно припомнился этотъ не-
счастный обольщенный ребенокъ, уродливый,
золотушный, зачѣмъ-то пересылаемый за ты-
сячу верстъ по осеннему ненастью подъ кон-

воемъ. Ему не столько припомнилась она сама, сколько то выраженіе страстной привязанности къ тому, что было завернуто въ лохмотьяхъ. Она шла впередъ подъ дождемъ, изнывая подъ тяжестью, но зная по женскому инстинкту, что она не можетъ ни оставить ребенка подъ кустомъ, ни придавить его на ночлегъ, гдѣ ее „безпокоили“ пересыльные. Умри ребенокъ — всѣ были-бы рады, никакихъ вскрытій не было бы назначено. Ей, вѣроятно, какая-нибудь старуха намекала: „Ты его не корми дня три, — онъ и то ужъ голоса не подаетъ“. Но она совала ему въ помертвѣвшія, посинѣвшія губы свою дѣтскую грудь, и все шла, шла впередъ, въ безпросвѣтную даль, прижимая къ своему глупому дѣтскому сердцу что-то слабо копошившееся въ тряпкахъ. И когда ребенокъ умеръ, она навѣрно тащила его еще сотню верстъ, пока не отняли его у нея и не сдали подъ росписку для похоронъ.

И опять мелькнулъ передъ нимъ огромный номеръ огеля, укрытый пушистымъ ковромъ, и эта золоченая мебель, и легкій запахъ духовъ, и токайское, — и блѣдное, измученное кошмарами лицо Серафимы.

„Разкажу ей, разкажу про этого ребенка“, подумалъ онъ.

XXVII.

Князь отъ Серафимы прошелъ въ министерство. Тамъ, у входа въ свой кабинетъ, онъ встрѣтилъ Воблова.

— За справочкой заходилъ-съ, проговорилъ тотъ, подымаясь къ нему навстрѣчу. — Да рѣшилъ за одно вашего сіятельства дождаться, хотѣлъ сказать вамъ два словечка.

Князь просилъ его въ кабинетъ. Вобловъ вошелъ, сохраняя все то-же выраженіе кроткаго, полувеселаго спокойствія, съ какимъ онъ всегда и со всѣми разговаривалъ. Сѣвъ на стулъ и поставивъ рядомъ ноги, онъ зорко глянулъ на князя.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ. — Я старикъ. Мнѣ шестьдесятъ пять лѣтъ. Я вышелъ изъ народа, человѣкъ неученый и полуграмотный. Но кое-что видѣлъ, кое-что знаю, и потому иногда позволяю себѣ говорить лишнее. Вы можете позвать курьера и велѣть меня выгнать отсюда, — но, быть-можетъ, и выслушаете.

— Говорите, сказалъ князь.

— Вы сегодня въ первый разъ были у Серафимы за все время ея болѣзни?

— Вѣдь я вамъ сказалъ, что первый, рѣзко отвѣтилъ ему Олсуфьевъ.

Вобловъ протянулъ по его направленію руку.

— Нѣтъ, вы не сердитесь, сказалъ онъ.— То, что я говорю, это важно, и для васъ, и для нея.— Не ѣздите къ ней больше. Вы опять гнѣваетесь, вы скажете, что я сую носъ, куда не слѣдуетъ. Но увѣряю васъ, что для нея, для Серафимы, это очень важно. Я знаю ее съ пеленокъ, знаю, что это такое. Золотое это сердечко. Я умолять готовъ васъ: оставьте ее. Это взбалмошный, неуходившійся ребенокъ. Ее придерживать надо, а не распускать. Отца у нея нѣтъ — полупьяный братъ не въ счетъ. Я за отца ей. Пожалѣйте ее, прошу васъ.

Князю стало какъ-будто неловко. Въ голосѣ старика слышалась нотка мольбы и звучало искреннее чувство.

— Она меня просила заходить къ ней, сказалъ князь, перебирая бумаги.— Она хотѣла, чтобъ я прокатилъ ее по Островамъ — ей докторъ позволилъ. Я общалъ ей — и почему же мнѣ не сдержать слово? Я цѣню ваши чувства къ ней, — но ваша подозрительность здѣсь не у мѣста.

— Тутъ о подозрительности не можетъ быть и рѣчи! воскликнулъ Вобловъ.— И рѣчи-съ не можетъ быть, повторилъ онъ, — а тутъ нѣчто иное, о чемъ позвольте мнѣ умолчать. На Острова я самъ ее свезу-съ, и заѣзжать къ ней буду... А ужъ вы пожалѣйте...

— Дѣйствительно, нашъ разговоръ очень

страненъ, сказалъ князь. — Вотъ что, господинъ Вобловъ, — меня просила Серафима Провна къ ней приходите. Я объщалъ — и долженъ исполнить обѣщаніе. Если Серафима Провна мнѣ сама напишетъ или скажетъ, что она этого не желаетъ — тогда другое дѣло. Убѣдите ее, а не меня.

Вобловъ поспѣшно всталъ.

— Слушаю-съ, сказалъ онъ. — Такъ я и сдѣлаю-съ. Простите, ради Бога, что я осмѣлился. Но я передъ собой считаю долгомъ...

Онъ не договорилъ и сталъ прощаться.

— Что еще за опека! сказалъ вслухъ князь, когда Вобловъ вышелъ. — Чего онъ ввязывается? Не влюбленъ-ли? Да вѣдь онъ, кажется, женатый?..

— Можно? спросилъ Невмятулинъ, просовывая въ дверь свою круглую голову.

— Что вамъ, спросилъ Олсуфьевъ, не сядя и ожидая его по серединѣ комнаты.

— У меня жена пропала, заговорилъ Невмятулинъ, разставляя безпомощно руки.

— Гдѣ-жь она?

— А почему я знаю. Вчера пріѣхалъ на дачу, а ея нѣтъ. Дѣти брошены на кухарку.

Князю вдругъ стало смѣшно растерянное лицо Невмятулина, но онъ сдержался.

— Такъ что-же вы — ищете?

— Конечно, ищу. Кухарка мнѣ дала нѣ-

которыя указанія. Она прочла что-то въ газетахъ, сразу собралась и выѣхала.

— Можетъ быть, заболѣла ея мать?

— Во-первыхъ, ея мать на томъ свѣтѣ, а во-вторыхъ, отчего-же не оставить записки? Она сказала, уѣзжая, старухѣ: „никому не говори, что я уѣхала, вотъ три рубля на дѣтей“. Взяла въ сакъ что-то вродѣ ночной рубашки—и скрылась.

— Когда-же это было?

— Да вчера утромъ, даже днемъ. Мы нѣсколько часовъ ее не захватили.

Онъ потерялъ свою лысину съ видомъ совсѣмъ потерявшагося человѣка.

— Я васъ посвящаю въ эти домашнія дразги потому, что долженъ-же я ее найти, и ужь до тѣхъ поръ на службу ходить не буду.

— Конечно, не ходите.

— И вѣдь одно къ одному! Надняхъ, какъ нарочно, вышелъ томъ моихъ „Писемъ о хлѣбопашцахъ“. Надо было-бы поѣздить по магазинамъ, повидать кой-кого. А тутъ эта исторія. Я очень надѣюсь на успѣхъ моего изданія. Художественная форма доведена здѣсь до очень высокой пробы. Такъ выработаны детали, что самъ Глѣбъ Успенскій облизнулся бы. Ну, а ужь что касается знанія народнаго быта, такъ ужь я, конечно, Глѣбу не уступлю. На его лицѣ разлилось самодовольство, и

видно было, что онъ искренно убѣжденъ въ своемъ глубокомъ знаніи народа.

— А развѣ Успенскій такъ высокъ, какъ беллетристъ? наивно спросилъ князь.

Невмятулинъ усмѣхнулся.

— Глѣбъ — вотъ что такое, сказалъ онъ, взявъ карандашъ. — Если мы изобразимъ Тургенева, какъ бытописателя народа, въ видѣ такой пирамиды...

Онъ нарисовалъ кривую пирамиду.

— Если Толстой представляетъ эту пирамиду, — то Глѣбъ будетъ вотъ что... Цѣлый Хеопсъ.

Онъ изобразилъ огромный треугольникъ, вершина котораго даже не умѣстилась на листѣ бумаги.

— Вотъ не думалъ! сказалъ князь.

— Это величайшій европейскій художникъ, продолжалъ народникъ. — Ни на одномъ европейскомъ языкѣ я не встрѣчалъ ничего подобнаго.

— А вы въ какихъ европейскихъ литературахъ искали его подобія? спросилъ князь.

— Ну, во французской, нѣмецкой, англійской, — во всѣхъ. Феноменальное явленіе!

Онъ пошелъ къ двери, но князь остановилъ его. Перебирая бумаги, онъ остановился на одномъ дѣлѣ, гдѣ вложена была записка Ивана Петровича. Это была переписка съ казенной палатой. Иванъ Петровичъ сдѣлалъ по-

мѣтку: „Невмятулинъ на васъ жалуется, что бумага лежитъ безъ движенія“.

— Это зачѣмъ-же вы жаловались на меня Ивану Петровичу? спросилъ онъ, хмурясь.

Невмятулинъ покраснѣлъ, глаза его забѣгали.

— Я не жаловался, возразилъ онъ, узнавая по обложкѣ дѣло, — а я только представилъ его Ивану Петровичу, какъ образецъ нашей халатности и медлительности.

— А главное для того, чтобъ сдѣлать маленькій доносъ, подставить мнѣ ногу?

Невмятулинъ гордо поднялъ голову.

— Князь, вы мой начальникъ, но я вамъ не позволю говорить ничего, затрогивающаго мою честь.

— Ну, такъ я, какъ начальникъ, заявляю вамъ, вспыхивая въ свой чередъ, заговорилъ князь, — заявляю, что, вмѣсто того, чтобъ заниматься своими дѣлами, вы путаетесь въ чужія. Я не знаю, почему и какъ это дѣло попало въ ваши руки. Какъ вы смѣли его безъ спроса унести и показать Ивану Петровичу?

— Но это возмутительное явленіе! взволнованно, и все больше наливаясь кровью, заговорилъ Невмятулинъ. — Дѣло покрылось слоемъ пыли, его забыли и забросили. Я, ни на кого въ частности не жалуясь, показалъ его Ивану Петровичу какъ образецъ халатности, беспечности и безопасности чиновниковъ.

— Это просто образец вашей...

Князь хотѣлъ сказать „низости“, но удержался.

— ...Образецъ вашего забѣганья и заискиванья передъ начальствомъ. Дѣло это лежитъ и будетъ лежать здѣсь, потому-что они сами не знаютъ о чемъ пишутъ. Лицо, о которомъ идетъ переписка, давно умерло,—его имѣнье давно переведено въ казну, а палата все разыскиваетъ съ покойника какія-то сорокъ копеекъ и извела нуды бумаги. Это дѣло тянется десять лѣтъ и на одиннадцатый вдругъ находитъ такого яраго защитника въ лицѣ васъ. Стыдитесь!

Онъ позвонилъ, вошелъ курьеръ.

— Я не держу васъ больше, идите, рѣзко сказалъ онъ Невмятулину.

Тотъ съ нечавистью посмотрѣлъ на князя и вышелъ.

XXVIII.

Вечеромъ Олсуфьевъ получилъ записку отъ Варгиной. „Докторъ позволилъ мнѣ завтра выѣхать. Въ два часа я васъ жду. У меня сидитъ Вобловъ и увѣряетъ, что я васъ должна не принимать, потому-что у меня есть женихъ, и что я не должна себя компрометировать. Это я-то!—До завтра. Фима“.

Внизу была приписка:

„Цѣлюю. Можно?“

Странное впечатлѣніе произвело на князя это письмо. Онъ былъ совершенно равнодушенъ къ Фимѣ и тогда въ Москвѣ, и потомъ — изрѣдка вспоминая о ихъ случайной встрѣчѣ. Даже какая-то неприятная гадливость, впечатлѣніе чего-то дурного, чуть-ли не преступнаго, шевелилось въ его душѣ, когда онъ случайно припоминалъ номеръ въ „Славянскомъ Базарѣ“ и ее, — холодную, раскраснѣвшуюся отъ мороза, съ сверкающими глазами и съ инеемъ въ волосахъ. Но нынѣшняя встрѣча круто измѣнила все. Теперь уже не „что-то преступное“, а прямо преступленіе было совершено, преступленіе тяжкое, непростительное, вызванное только подлыми условіями жизни. И вотъ теперь онъ чувствовалъ къ ней нѣжность, — тихую, радостную нѣжность. Онъ и не думалъ о возобновеніи съ ней прежнихъ отношеній, онъ даже не смотрѣлъ на нее какъ на женщину. Но она была ему безконечно дорога и жалка. Онъ видѣлъ, что она одинока, что вокругъ нея никого нѣтъ, и чувствовалъ, что она истинетивно льнетъ къ нему, какъ птица во время непогоды, которая садится на подоконникъ и смотритъ въ комнаты чуждаго ей дома. Ему хотѣлось пригрѣть ее, приласкать, очистить ее сердечко, на которомъ столько ско-

пилось всякихъ наростовъ и наслоеній отъ пребыванія въ безобразномъ домѣ, протянуть ей руку, какъ сестрѣ. Ему казалось, что Мери не должна была оскорбляться его отношеніями къ Серафимѣ. Да и что такое для него Мери—онъ до сихъ поръ не могъ отдать себѣ полного отчета. Онъ любилъ ее, стремился всѣми силами къ ней, но ему казалось, что она никогда, никогда не будетъ его женою. Тотъ вечеръ, прозрачный и тихій, что провелъ онъ съ нею, два дня назадъ, уже отошелъ куда-то вдаль и казался ему давно минувшимъ. Мучительное чувство ревности при воспоминаніи о Чонгаровѣ не оставляло его. „Не тамъ-ли ужъ онъ, не у нихъ-ли?“ думалъ онъ, и снова возвращался мыслями къ Фимѣ.

На другой день онъ послалъ своего лакея за коляской, на ту биржу, гдѣ его знали, и которая славилась своими лошадьми,—отсюда отпускались пары и тройки не только на всю аристократію и на купечество, но и во дворцы. Къ половинѣ второго, у его подъѣзда стояла уже модная съ иголочки коляска, съ косымъ отбросомъ верха, какъ въ экипажахъ эпохи еmрiге, съ блестящими серебряными фонарями. съ вышитыми княжеской короной маленькими сафьянными подушками подъ спину, съ огромнымъ, искусственно-подбитымъ со всѣхъ сторонъ кучеромъ и съ заводскими призовыми

жеребцами, блестящими какъ вороново крыло на яркомъ солнцѣ.

Фину онъ засталъ предъ зеркаломъ, въ шляпкѣ, съ перчаткой на одной рукѣ. Похудѣвшая, маленькая, она казалась на видъ болѣе здоровой, чѣмъ вчера.

— Вы аккуратны, сказала она, весело шурша шелковыми юбками, распространяя запахъ духовъ, и протягивая ему свободную руку.— Что, не подурнѣла я?

Онъ на нее посмотрѣлъ.

— Нѣтъ.

Она повернулась бокомъ къ трюмо и глянула сбоку.

— Я вѣдь безъ корсета, замѣтила она, съ удовольствіемъ, крѣпко проводя руками по своимъ бокамъ.— Тепло сегодня? прибавила она черезъ плечо.

Онъ сказалъ, что тепло.

— Тогда ѣдемъ! Можешь поцѣловать меня вотъ сюда.

Она показала себѣ на щеку. Онъ поцѣловалъ.

— Наступить, Боречка, время, и очень скоро, когда ты больше не будешь меня цѣловать, — и мы будемъ чужіе.

— У тебя женихъ есть? спросилъ князь.

Она засмѣялась.

— Да. Но о немъ не стоитъ говорить.

Ѣдемъ. Только ты меня тихонько сведи съ лѣстницы, и осторожененько посади въ экипажъ. Тебѣ не стыдно со мной? Я, право, одѣта не хуже вашихъ петербургскихъ: вѣдь это все изъ Парижа.

День былъ солнечный, яркій. Только - что политая торцовая мостовая дымилась теплыми испареніями. Во всѣхъ этажахъ ярко бѣлѣли четырехугольныя пятна спущенныхъ маркизъ, зонтиками нависшихъ надъ окнами. Безшумно катились экипажи. Яркіе платья и зонтики дамъ пестрѣли на тротуарахъ. Все носило характеръ праздничнаго, веселаго весенняго настроенія.

— Морская у васъ похожа на Rue de la Paix, сказала Фима, когда они тронулись, подсаженные сѣдлымъ пѣмцемъ-швейцаромъ. — Я люблю Петербургъ больше Москвы, хоть и москвичка. Здѣсь есть что-то европейское, — а ужь у насъ въ Москвѣ все отзывается какимъ-то Китаемъ.

Они выѣхали на Неву. Не тряхнувъ и не колыхнувъ сѣдоковъ, тихо шурша, катился экипажъ, и лошади дружно, какъ одна, сразу ударяли подковами о дерево. У кучера былъ какой-то необыкновенный поясъ — золотистый, съ черными орлами — что-то вродѣ штандарта. Поставщикъ, должно быть, хотѣлъ особенно угодить князю и вытащилъ изъ запаса самое блистательное облаченіе.

богаче насъ, влюбленъ въ меня по уши, — въ дѣтствѣ мы цѣловались, — а теперь онъ едва смѣетъ къ моей рукѣ подойти. Онъ безвредный, но какой-то тусклый. Теперь онъ за границей: гдѣ-то въ Бельгій или Америкѣ, фабрики изучаетъ. Вобловъ какъ сваха вокругъ ходитъ: надо ему почему-то, чтобъ я Минусиной стала. И фамилія какая нелѣпая. Откуда она: отъ минуса, или отъ чего другого? У насъ есть въ Москвѣ вдова Плюсина, — такъ я, смѣясь, ему говорила, что вотъ на комъ надо ему жениться: минусъ на плюсъ.

— Такъ ты выходишь за него или нѣтъ? перебилъ князь.

Она беззаботно глянула на него.

— А не знаю. Можетъ, и выйду Онъ безвредный такой. Вотъ потому-то я и говорила тебѣ, что ты меня на улицахъ узнавать не долженъ. Если выйду замужь — на все прошлое — крестъ. Чтобъ и намека не было. Новая жизнь.

— А новая жизнь лучше-ли будетъ прежней?

— Можетъ, распущенности будетъ меньше. А пьянства еще больше. Я сопьюсь. Особенно если дѣтей не будетъ.

Она посмотрѣла на него такъ просто и убѣжденно, какъ-будто сказала самую обыкновенную вещь.

— Ты подумай, продолжала она, кладя

свою руку на его руку. — Ты подумай только — что больше дѣлать какъ не пить? Фабрика, обѣдъ, завтракъ, ужинъ, гости, театры, то Москва, то Парижъ, то Петровский паркъ, то Булонскій лѣсъ, то Лешковская, то Гадингъ, — и все одно и то-же, и въ этомъ году и въ будущемъ — и черезъ пять, и черезъ десять лѣтъ. И все сведется къ тому, что повезутъ тебя подъ великолѣпнымъ балдахиномъ въ монастырь хоронить.

— Постой, остановилъ ее князь, — у тебя, я слышалъ, много дѣлъ благотворительности?..

Она поморщилась.

— Забава дѣтская! сказала она. — Что вся наша бабья благотворительность! Такъ — топорщима, какъ стрекозы. Я пробовала, — меня это занимало, — такой неожиданной феей являться. Узнаешь о вошющей бѣдности, о болѣзняхъ, и вдругъ, какъ съ неба слетишь на чердакъ или въ подвалъ, — и докторъ, и лѣкарства, и теплая одежда, и деньги. Вокругъ — слезы умиленія. цѣлуютъ руки. А потомъ — та-же семья начнетъ такъ тебя эксплуатировать... Лѣзутъ днемъ и ночью, иногда пьяные...

— Ну, это исключеніе, замѣтилъ князь.

— Все исключеніе. И ты исключеніе, и я исключеніе. Развѣ не исключеніе, чтобъ въ мои годы пить, какъ я пью? А такихъ, какъ я барышень сколько угодно. Только тѣ потя-

гиваютъ украдкой, держать у себя на туалетѣ вмѣсто одеклона мараскинъ и тянуть съ утра до вечера. А я открыто пью при всѣхъ, — это наследственное. Тебѣ это дико, у васъ, князей, это рѣже встрѣчается.

— У меня былъ дядя, военный генераль, задумчиво сказалъ онъ. — Такъ у него была жена алкоголичка. Она не поддавалась никакимъ лѣченіямъ и внушеніямъ. Она убѣгала черезъ форточку и шла въ первый попавшійся простой кабакъ, ее приводили оттуда солдаты. Ее поднимали по улицамъ безъ чувствъ.

— Ну, вотъ видишь, и у васъ то-же бываетъ. Ничего не подѣлать. Организмъ привыкъ, требуетъ постоянного отравленія. Я знаю, что это ужасно, что это разстраиваетъ, распатываетъ здоровье, да не все-ли равно? Кому нужна жизнь такихъ, какъ я?—никому. Ты скажешь, это ужасно дойти до такого убѣжденія, какъ я дошла, въ эти годы. Да, ужасно, я и сама знаю. Но до тѣхъ поръ, пока жизнь не скрасится, не освѣтится чѣмъ-нибудь, до тѣхъ поръ я буду жить такъ-же вяло и лѣнливо, на все махнувъ рукой.

— Ты считаешь себя несчастной? спросилъ князь.

Она повела плечомъ.

— Я ничего не считаю. Конечно, я не изъ счастливыхъ...

— А вотъ я вчера вспомнилъ про одну встрѣчу, сказалъ онъ: — какъ назвать такое существованіе?

И онъ, не торопясь, но стараясь сгущать краски, началъ рассказъ о дѣвочкѣ съ ребенкомъ. Фима слушала внимательно, изрѣдка на него взглядывая. Лицо ея было задумчиво и серьезно, но особаго волненія не отразило. Когда онъ кончилъ, она повернула къ нему голову.

— Здѣсь ужасно, сказала она, — не то, что обольстили этого жалнаго ребенка, а то, что его выкинули на улицу, да еще погнали по холоду, воображая, что это необходимо, и тѣмъ заморили его на смерть. А на счетъ обольщеній вы все лицомъ рите. Конечно, это мерзко развращать дѣтей, но, когда мнѣ говорятъ, что такой-то приказчикъ обольстил такую-то дѣвушку на фабрикѣ, я отношусь къ этому хладнокровно. Да пусть ихъ, они нравились другъ другу, подошла минута — она ему отдалась. Говорятъ, какая разница: если бы она вышла замужъ за честнаго фабричнаго. Скажите, пожалуйста! Выйдетъ она за честнаго товарища по расчету, и будетъ онъ бить ее по субботамъ, какъ кошку. Тутъ она отдалась красивому, молодому парню. Скверно не это, а то, что все отъ нея отвернутся и выбросятъ ее вонъ, на дождь и грязь. Какъ ты

думаешь, что хуже, — то, что я пріѣхала къ тебѣ тогда въ Москву, или то, что я сдѣлала вотъ теперь здѣсь, въ Петербургѣ? А почему я такъ сдѣлала? Потому, что иначе меня выбросили-бы на улицу, — не въ томъ смыслѣ. чтобъ я осталась нищей, — у меня всегда будетъ столько, что я тысячу человѣкъ прокормлю, а въ томъ, что отъ меня отвернулись-бы, и всякая дрянъ, жена фабриканта, что ужинаетъ съ первымъ встрѣчнымъ, потяхоньку отъ мужа, въ нижнемъ этажѣ Эрмитажа, — каждая такая дрянъ смотрѣла-бы на меня свысока. Вотъ, что возмутительно, вотъ, что мерзко, Боренька. А то, что, подъ вліяніемъ минуты, отдаются дѣвушки мужчинамъ, — я за это никогда въ нихъ камнемъ кидать не буду. Ты думаешь, меня уговаривалъ кто-нибудь клятвами, или я попала въ какую-нибудь ловушку. Да ничего подобнаго! Сама во всеѣ виновата. Ошибка была въ томъ, что я выбрала дрянъ человѣка, который потомъ сталъ тянуть съ меня деньги. А того, что случилось, я всетаки не жалѣю. Ты, Боренька, можетъ быть думаешь, что я мужчинъ мѣняла, какъ шляпки по сезонамъ? — Нѣтъ, дружокъ мой, ты ошибаешься. Ты всего былъ второй... — и послѣдній.

Она отдернула свою руку и отвернулась.

XXIX.

Коляска уже давно катилась по мягко-утрамбованной дорогѣ между двухъ густолиственныхъ стѣнъ зелени. Здѣсь уже не было пыли и пахло молодою листвою. Бѣлыя колонны дворцовъ и кіосковъ сверкали на фонѣ садовъ. Изумрудные газоны скатывались до самой воды, тихо плескавшей въ берега. Деревья толпились вокругъ строеній, отступали отъ нихъ, сплетались въ хороводы, скучивались въ темныя группы, бѣжали въ разсыпную, перекидываясь черезъ дорогу, и у самой воды свѣшивались надъ нею, опуская самыя вѣтви въ холодную воду. Проѣзжихъ было мало. Коегдѣ гуляли дачницы. На самой Стрѣлкѣ стояло неуклюжее четырехмѣстное ландо, и въ немъ сидѣли двѣ старушки, похожія на болонокъ, съ ливрейнымъ лакеемъ. Опоенныя лошади съ удовольствіемъ стояли, одна даже спала, сонно вздрагивая рѣсницами. Старушки смотрѣли въ лорнеты на воду, серебрянымъ разливомъ разстилавшуюся передъ ними, и о чемъ-то спорили и ссорились. Дѣвочка съ гофрированными распущенными волосами, въ пунцовыхъ чулкахъ, бѣгала съ обручемъ между скамеекъ, а ея мать, или гувернантка, читала какую-то желтенькую книжечку, прикрывшись

отъ солнца палевымъ зонтикомъ, отороченнымъ черными кружевами. Два гимназиста въ блузахъ стояли, облокотясь на перила, и смотрѣли на яхту, плавно сверкавшую на голубомъ фонѣ залива, парусомъ, острымъ, какъ крыло чайки. Больше никого не было. Они объѣхали колымагу старухъ и остановились. Голубой спокойный просторъ моря точно убаюкивалъ взглядъ и въ душѣ разросталось чувство тихаго покоя и безмятежнаго небытія. Небо безоблачное, спокойное, блѣдное, ласково смотрѣло сверху, — только вдали, въ туманной переливчатой дали, сквозили прозрачныя, какъ мечта, облачка опаловаго цвѣта. Слабый вѣтерокъ долеталъ съ моря, шевелилъ кудрями Фимы, тихо вздымалъ гривы взмылившихся коней и заставлялъ зеленныя вѣтви о чемъ-то перешептываться другъ съ другомъ.

Они оба молчали. Фима дышала полною грудью, осматриваясь по сторонамъ съ тою свѣжей, живой радостью, съ какой всегда смотрятъ вокругъ себя выздоравливающіе люди, въ первый разъ вышедшіе на прогулку. Ей было хорошо, какъ котенку, грѣющемуся на солнцѣ, и праздничное настроеніе ея по отношенію ко всему окружающему не проходило.

Они три раза сдѣлали шагомъ огромный кругъ по всей Стрѣлкѣ. Прискакалъ галопцемъ какой-то офицеръ съ амазонкой, у которой на

черной груди былъ приколотъ яркій букетикъ цвѣтовъ. Пришелъ тучный дачникъ и грузно сѣлъ на скамью, отирая потъ и отдуваясь. Прибѣжала какая-то сѣренькая собака съ хвостикомъ въ видѣ цифры 9, и суетливо стала принюхиваться къ чьимъ-то слѣдамъ.

— Хочешь кушать? спросилъ князь

— Да, хочу, совсѣмъ по-дѣтски отвѣтила Фима. — У васъ здѣсь, въ Петербургѣ, чудесныя форельки. Можно?

Онъ велѣлъ ѣхать на Каменный Островъ. Лошади опять распустили хвосты по вѣтру и, мѣрно потряхивая головами, помчали ихъ по извилистымъ заворотамъ аллеи.

— Если-бы всегда можно чувствовать себя такъ хорошо и спокойно, какъ сегодня, сказала она. — Ты знаешь, какой я себѣ рисую идеаль, какъ-бы я хотѣла устроить свою жизнь? Мнѣ-бы хотѣлось жить гдѣ-нибудь въ самой глуши Россіи, въ большомъ хорошемъ имѣньѣ, надъ большой рѣкой съ густымъ садомъ, и чтобъ никого возлѣ не было, кромѣ одного человѣка, котораго любишь, любишь вся до послѣдней капли крови и который все замѣняетъ. Чтобъ не было ни сосѣдей, ни знакомыхъ, ни родныхъ. Чтобы солнце ярко свѣтило, чтобъ закаты были ясные, тихіе, чтобъ стадо звенѣло бубенцами, чтобъ дожди были, и грозы, и опять солнце, и яркій мѣсяцъ.

Она вдругъ оборвалась и замолчала.

— Что-же ты? спросилъ онъ.

Она весело и вызывающе глянула на него.

— Вотъ только за однимъ дѣломъ стало: нѣтъ такого человѣка, съ которымъ можно было-бы вести такую жизнь.

Они помѣстились въ маленькой комнатѣ, съ широкимъ окномъ на Неву. Хотя гатчинскихъ форелей не оказалось, но это не помѣшало имъ не то позавтракать, не то пообѣдать. Изъ окна дышало теплой влажностью большой рѣки, мимо катились пароходы, купы зелени привѣтливо смотрѣли съ противоположнаго берега. Татары, обрадовавшись рѣдкимъ дневнымъ гостямъ, усиленно мелькали фалдочками своихъ широкихъ фраковъ.

Она полулежала на диванѣ, подложивъ себѣ подъ бокъ двѣ подушки; она выпила только одинъ бокалъ шампанскаго и сказала, что больше пить не будетъ.

— Ты говоришь, задумчиво сказала она, — ты мнѣ вчера это сказалъ, что я совершила тяжкій грѣхъ, грѣхъ, который ничѣмъ нельзя оправдать. Я сегодня всю ночь думала объ этомъ. И видишь-ли, что мнѣ кажется. Если Богъ есть, а я думаю, что Онъ есть, то Онъ меня простить. И не потому, чтобъ я покаялась въ моемъ грѣхѣ, а потому, что я не думала о немъ, когда рѣшилась на то, что

сдѣлала. Мнѣ даже казалось, что я иду на геройскій подвигъ, потому-что отъ этого многія умирають. Въ первый разъ я задумалась, когда увидѣлаэтотъ странный сонъ. Потомъ, когда акушерка, смѣясь, сказала о Сибири, я поняла, что тутъ есть что-то больше стыда незаконнаго ребенка. Я не понимала, на что я иду. Пойми ты, что я не знала, что тамъ уже есть жизнь.

Она крѣпко стиснула ему руку, и онъ увидѣлъ у нея на щекахъ крупныя слезы.

— Если Богъ есть, то Онъ милосердъ, иначе Онъ не былъ-бы Богомъ. Онъ не даль мнѣ способности уразумѣть, что я дѣлаю, какъ-же можно требовать съ меня отчета?..

— А ты знаешь, Фима, полусхотливо сказала князь,—что у насъ незнаніе закона не служить мотивомъ оправданія?

— Такъ вѣдь то у васъ! воскликнула она,—то ваши глупые земные законы. А вѣдь пойми, что нельзя наказывать ласточку за то, что она вѣсть мухъ, потому-что она безсознательно и инстинктивно это дѣлаетъ. Я безсознательно пошла на весь ужасъ этого, инстинктивно желая спасти себя отъ ненужнаго позора. Неужели-же за это Богъ, тотъ Богъ, что создалъ это небо, лѣсъ, тебя, меня,—этотъ Богъ осудить меня за это на вѣчную муку?

— Ну, а теперь ты-бы не рѣшилась вторично на такую вещь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Конечно, нѣтъ! съ жаромъ отвѣтила она.—Но вѣдь пойми ты, Боренька, никого-то, никого возлѣ меня нѣтъ, кромѣ глупой сестры, да пьянаго брата. Вотъ жена Воблова—она крестной матерью мнѣ приходится—она одна могла-бы дать мнѣ совѣтъ. да гдѣ ее было искать, она была гдѣ-то далеко, у себя въ имѣньяхъ на югѣ? Я уложи-лась, захватила съ собой немного денегъ и полетѣла сюда, потому-что у меня былъ записанъ адресъ этой акушерки, которую хвалила одна наша москвичка, что у нея-моль первый пріютъ въ Петербургѣ, и все ужъ такъ шитокрыто, что даже фамилій не спрашиваютъ и паспортовъ. Я хотѣла поговорить съ тобой, дать знать тебѣ, что пріѣхала, и письмо ужъ у меня было написано, да потомъ рѣшила, что нѣтъ.

— Да почему-же?

— Говорить правду?

— Конечно,

— Я не знаю тебя. Что ты за человѣкъ—доб-рый, честный, хорошій, или мелкій эгоистъ, такой-же какъ всѣ? А вдругъ ты, въ самомъ дѣлѣ, благородный человѣкъ, и вдругъ ты понялъ-бы, что ты во всемъ виноватъ настолько-же, какъ и я, и повѣрилъ-бы мнѣ, что это твой ребенокъ... И...

Она остановилась.

— И сдѣлалъ-бы тебѣ предложеніе? спо-койно договорилъ онъ.

— И сдѣлалъ-бы предложеніе, подтвердила она. — Вѣдь ты представь себѣ, какая мука ждала-бы насъ обоихъ въ будущемъ. Полюбили-бы мы другъ друга или нѣтъ — неизвѣстно. Но эта вѣчная мысль, что ты женился на мнѣ не по чувству, а по нравственному долгу, развѣ это не ужасно? Развѣ не ужасно было-бы сознаніе, которое иногда мелькало-бы у меня, о томъ, что ты даже не вѣришь, твой-ли это ребенокъ, и не было-ли это съ моей стороны только хитростью развращенной московской дѣвочки, чтобы приобрѣсти подешевле княжескій титулъ? Вотъ это, Боренька, меня и остановило. Связывать тебя на всю жизнь я не хотѣла. Пусть останется у меня хорошее воспоминаніе о тебѣ вотъ какъ о сегодняшнемъ днѣ: свѣжее, свѣтлое, теплое.

— Милая ты дѣвочка, сказалъ князь. — Я тоже не знаю тебя, но думаю, что ты была-бы чудеснымъ существомъ въ другихъ рукахъ.

— Мало-ли что было-бы... Кабы... Дай мнѣ еще кофе, да и поѣдемъ, — я чувствую, что устала. Мнѣ докторъ сказалъ, что можно покататься часа два, а я ужъ съ тобой сколько времени... Видишь, скоро шесть — ѣдемъ, милый. Потомъ какъ-нибудь еще прокатимся. А на сегодня — довольно.

XXX.

Когда они подъѣхали къ гостинницѣ, онъ, высаживая Фиму, увидѣлъ, какъ мимо проѣхалъ священникъ съ худымъ лицомъ и блестящими глазами. Онъ смотрѣлъ ни на что не устремленнымъ взглядомъ, и князя не замѣтилъ.

— Значить, онъ здѣсь, подумалъ Олсуфьевъ, — значить, онъ еще не ѣздилъ туда, къ Аннѣ Фердинандовнѣ.

Швейцаръ сказалъ, что барышню дожидается наверху госпожа Воблова.

— Ты зайди, шепнула Фима князю, — чего тебѣ скрываться? Я васъ познакомя, она премилая женщина. Вобловъ знаетъ, что я катаюсь съ тобой, и ты долженъ меня проводить до самой кушетки..

Фиму подняли на верхъ въ креслахъ. Передъ дверью она встала и вошла сама.

— Ахъ, ты гулёна! раздался свѣжій грудной голосъ изъ глубины комнаты, и съ дивана, отбрасывая газету, поднялась тучная, красивая фигура женщины лѣтъ сорока пяти, съ большими сѣрыми глазами, причесанная по старинному, съ проборомъ по срединѣ и гладко приглаженными на обѣ стороны волосами.

Она обняла Фиму, крѣпко ее поцѣловала, сѣла на стулъ, поставила ее передъ собою, какъ

маленькую дѣвочку, и, держа ее за локти, спросила:

— Что-же это ты дѣлаешь, ты какъ смѣешь хворать?

— Я, мама крестная, теперь здорова, сказала она, слегка смущаясь и стягивая перчатки.

— Похудѣла, подѣ глазами круги, да что съ тобой? Это все твой Митроша, — спаиваетъ сестеръ, да ѣздитъ съ ними по вертепамъ. Ну, влетитъ ему отъ меня.

— Вотъ, Надежда Самойловна, познакомьтесь — князь Олсуфьевъ, перебила Фима.

— Слышала о васъ отъ мужа, сказала Надежда Самойловна, — очень рада.

— Что хотите, спросила ее Фима: — чаю, кофе, обѣдать? Сейчасъ подадутъ.

— Ничего я не хочу, я заѣхала на минутку тебя посмотреть. Въ семь часовъ надо быть дома, моего старика чаемъ поить, онъ вѣдь безъ меня не можетъ.

Фима сняла шляпку, положила ее на столъ, рядомъ съ перчатками, бросила шпильку, которой была приколата шляпка, и опустилась на кушетку.

— Уфъ, какъ хорошо дома! сказала она.

— Вѣдь я тебя больше часа жду, продолжала Надежда Самойловна. — Хорошо, что меня всѣ горничныя и лакеи знаютъ: мы сами

этотъ номеръ сколько разъ занимали; я сказала, что ты моя крестница, такъ меня впустили, а то хоть на лѣстницѣ, или въ общей залѣ жди. Чего ты такъ долго?

— Мы обѣдали, катались.

— Чѣмъ ты была больна?

— Какое-то воспаленіе. Не знаю.

— Ну, о воспаленіи потомъ поговоримъ.

А завтра-же ты ко мнѣ переѣзжай. Нельзя тебѣ въ гостинницѣ жить, когда у крестной матери цѣлый домъ пустой стоитъ. Ты знаешь, я тебя не стѣсню. Да и не увидишь ты меня цѣлый день, только развѣ за обѣдомъ. Принимай, кого хочешь, ѣзди куда хочешь, вели, чтобъ коляска стояла цѣлый день у подъѣзда, и кончено дѣло.

Фима уградкой взглянула на князя. Надежда Самойловна сдѣлала видъ, что не замѣтила этого взгляда; князь всталъ со стула и началъ прощаться.

— Да я тоже ѣду, безъ двадцати семь, заторопилась Воблова.— У васъ, чай, лошади здѣсь? Подвезите меня, князь, до Сергіевской, а то мнѣ на извозцѣ придется трястись,— у меня лошади только съ-завтра будутъ, а теперь пока всего одна пара, и старикъ на ней ѣздитъ.

Она наклонилась и поцѣловала Фиму.

— Не вставай, не вставай! предупредила

она, — лежи, не ворошись. Я за тобой сама завтра приѣду. Забирай свой скарбъ и ко мнѣ. Да напиши сестрѣ, чтобъ она тоже приѣзжала. Что они какъ щенка тебя бросили. Ну, ужь семейка у васъ, нечего сказать.

Она еще разъ поцѣловала Фиму. Князь поцѣловалъ у Фимы руку.

— Когда увидимся? спросила Фима. — Заѣзжайте завтра, — позавтракаемъ. — Вы, мама, раньше двухъ не будете?

— Въ четыре приѣду, успѣете наговориться.

Она надѣла шляпу, набросила какую-то хламиду на плечи и сказала князю:

— Что-жъ, пойдѣте.

Князь пропустилъ ее впередъ. Спускаясь по лѣстницѣ, она оглянулась на него, и онъ увидѣлъ ея добрые сѣрые глаза и широкую улыбку.

— Вы не сѣрдитесь, что вамъ навязалась старуха? спросила она.

Князь засмѣялся.

— Онуфрій Захаровичъ, вѣроятно, поручилъ вамъ, сказалъ онъ, — не оставлять меня наединѣ съ Серафимой Провной?

Она круто повернулась къ нему.

— Нѣтъ, Онуфрій Захаровичъ мнѣ этого не поручалъ, отвѣтила она. — А сказалъ онъ мнѣ, что вы ему очень нравитесь, и онъ бо-

ится, что вы можете понравиться и Фимѣ. И еще сказала, что дернула его нелегкая привезти васъ къ Варгинимъ. Пустите меня съѣсть на ту сторону, я привыкла слѣва сидѣть,— Онуфрій Захаровичъ приучилъ, онъ только и можетъ ѣздить, что справа.

Коляска опять покатила по торцовой мостовой.

— Вы надолго въ Петербургъ? спросилъ онъ.

— На два года. Онуфрій Захаровичъ рѣшилъ, что, чѣмъ квартиру нанять, проще домъ купить, а потомъ продать. На особняки всегда цѣна прежняя остается. Вотъ все лѣто здѣсь сидѣть надо. Не могу-же я старичка такъ оставить, дѣтей нѣтъ у насъ. Ну, и будемъ сидѣть. Два раза въ недѣлю у него засѣданія.

— Что-жъ, довольны домомъ? спросилъ князь, чтобъ что-нибудь спросить.

— А вотъ, посмотрите—увидите. Зайдете къ намъ чайку напиться?

— А будетъ-ли пріятенъ мой визитъ Онуфрію Захаровичу?

— Онъ счастливъ будетъ, повѣрьте; онъ васъ такъ уважаетъ, отвѣтила она.

Глаза ея говорили: „Конечно, заходи, — вѣдь захочешь-же ты каждый день бывать у Фимы, а мы, хоть и купцы, а всетаки милліо-

неры, и соблюсти это самое приличіе необходимо“.

— Тамъ у насъ картинъ очень много, продолжала она.— Онуфрій Захаровичъ въ этомъ ничего не понимаетъ. Какъ онъ вышелъ изъ сѣрыхъ мужиковъ, такъ имъ и остался. Я тоже мало въ этомъ смыслу: вижу — одно живо написано, а иное такъ, какъ никогда въ натурѣ не бываетъ. А именно часто то и нравится, что никогда не бываетъ. Такъ что разобратъся въ этомъ трудно. А вы понимаете живопись?

— Какъ-будто немножко понимаю, за специалиста себя не выдамъ, а кое-что на своемъ вѣку видѣла.

— Да, и я видѣла. Въ Дрезденѣ долго я передъ Сикстинской сидѣла, и въ Ватиканѣ тоже Преображеніе подробно разсматривала, и въ Антверпенѣ тоже, и въ Амстердамѣ, ну ужъ о Парижѣ говорить нечего. Въ Парижѣ я даже Гвидо-Рени одного купила въ подарокъ. Головка Христа въ терніяхъ. Пріятная такая головка: блѣдненькая, какъ мертвая, и кровь густая, какъ вишневый сокъ. Дешево заплатила: за полторы тысячи франковъ. Случай. А такъ—у насъ картинъ никакихъ нѣтъ. Въ прежнее время олеографіи были, да потомъ ихъ на кухню снесли.

XXXI.

Домъ, передъ которымъ они остановились, былъ особнякъ, выкрашенный въ сѣренькую масляную краску, которая считается въ Петербургѣ верхомъ аристократизма. Изъ деревяннаго тамбура подъѣзда выскочилъ швейцаръ, съ такой фізіономіей, какая встрѣчается только въ купеческихъ домахъ: должно-быть, купцы считаютъ такіе усы и бакенбарды особенно внушительными. Въ прихожей все было устроено по старинному шаблону: огромный бѣломраморный каминъ, палисандровыя вѣшалки въ какомъ-то фантастическомъ стилѣ. Сверху спускался огромный золоченый фонарь. Лѣстница, тоже изъ мрамора, была украшена двумя женскими фигурами: одна изображала Флору — съ пучкомъ полевыхъ растений и цвѣтовъ, а другая — Діану, вытаскивающую изъ колчана стрѣлу и держащую лукъ безъ тетивы, что насколько не мѣшало ей глупо усмѣхаться и смотреть прямо на фонарь. Съ лѣстницы сбѣжалъ молодой, круто завитой лакей, во фракѣ и съ цѣпочкой, наводившей своею толщиной сомнѣніе въ ея золотомъ достоинствѣ.

— Кончили электротехники-то? спросила она его.

— Кончили-съ, галантно отвѣтилъ лакей.—

Только что ушли-сь.—Все проведено въ полномъ совершенствѣ.

— Пробоваль, какъ я сказала?

— Такъ точно-сь. Вездѣ пробоваль. Въ иныхъ покояхъ почти ослѣпительно.

— А Онуфрій Захаровичъ?

— Они съ секретаремъ-сь. Или, не знаю, кто они изволятъ быть: такіе гладенькіе съ портфелемъ. Изволятъ что-то въ кабинетѣ заниматься и приказали соблюдать абсолютную тишину.

Очевидно, лакей былъ вновѣ, ни разу еще не грубилъ, былъ доволенъ обстановкой дома, и потому старался выражаться возможно болѣе изящно.

— Ну, пойдете, князь, сказала Надежда Самойловна.— Вотъ и кстати, что они кончили работы, — темновато становится.

Они вошли въ огромный залъ, въ два свѣта, съ стариннымъ темнымъ паркетомъ, какого теперь и не встрѣтишь. Курчавый лакей, предупредительно скользя впередъ, отмыкалъ вездѣ токи. Электрической свѣтъ, смѣшиваясь съ дневнымъ, еще не угасшимъ свѣтомъ, давалъ какое-то мутное впечатлѣніе. Но все-же князь увидѣлъ огромный рояль, лѣпной съ золотомъ карнизъ и лѣпной потолокъ, съ котораго спускались три люстры.

— Ну, это зала какъ зала, — здѣсь засѣ-

дать будутъ, равнодушно сказала она. — А вотъ пойдѣте сюда, въ гостиную.

Гостиная была рядомъ. Видно, что прежній владѣлецъ дома пріѣхалъ въ магазинъ и сказалъ: обставьте мнѣ гостиную самыми лучшими и красивыми вещами, — и плутоватый французъ прислалъ ему все, что у него было выставлено въ окнахъ. Тутъ были и мозаиковые столы, и яшмовыя вазы, и часы съ Коперникомъ, и длинные столы изъ ляписъ-лазури, и маркетри, и буль, и рококо, — и чего только не было. Съ картинами вышло гораздо труднѣе. Въ магазинѣ купить ихъ владѣлецъ дома не рѣшился, а собиралъ ихъ откуда пришлось, — и потому они были въ рамкахъ самага разнообразнаго фасона.

— Тутъ подъ картинами ужъ очень громкія имена написаны, сказала Надежда Самойловна, — я даже думаю, что это больше для красы.

Имена, въ самомъ дѣлѣ, били въ глаза: Пуссенъ, Клодъ Лоренъ, Караваджіо, Боттичелли, Орасъ Верне, Лосенко, Тиціанъ, какой-то Карповъ, Андреа дель-Сарто, Доминикино, Роза, Дольчи, — такъ и рябили. Былъ даже Леонардо-да-Винчи и Рембрандтъ, — Да-Винчи представлялъ Мадонну съ фероньеркой на лбу, и съ такимъ голубымъ небомъ, какое бываетъ только на именинныхъ чашкахъ. Рембрандтъ

изобразилъ какого-то голландца въ каскѣ эпохи Вареоломеевской ночи, на такомъ черномъ фонѣ, точно дѣло происходило во время египетской тьмы. — Ботичелли былъ въ рамѣ съ завитушками, и представлялъ нѣсколько барановъ съ человѣчными лицами, стоявшими вокругъ младенца съ нечеловѣческимъ лицомъ и съ большимъ посохомъ въ видѣ креста, что всегда обозначаетъ Іоанна Предтечу. — Господинъ Карповъ нарисовалъ мальчика, сидящаго въ травѣ, — и никакихъ дальнѣйшихъ претензій не обнаружилъ, развѣ кромѣ того, что написалъ почему-то въ углу: *Karoff pinxit.* — Тиціанъ былъ очень маленькій, и трудно сказать, что именно изображалъ. Должно быть, сюжетъ былъ миеологическій, потому что отовсюду смотрѣли здоровыя круглыя плечи, пятеи, ляжки и спины, — такъ что съ перваго взгляда картину можно было принять за груды наваленыхъ плодовъ, а никакъ не за изображенія дамъ и младенцевъ. — За то Орасъ Верне нарисовалъ зуава, скакавшаго на лиловой лошади. Лошадь касалась однимъ концомъ лѣвой задней ноги до земли, а остальные три были на воздухѣ и отъ нихъ шла такая густая пыль, точно всадникъ перепрыгивалъ черезъ Юпитера, слетѣвшаго въ видѣ облака на Іо. — Лосенко очень можетъ быть былъ настоящій, потому-что красный носъ какого-то сановника былъ вытѣпленъ съ не-

сомнѣннымъ мастерствомъ, и атласъ его жилета былъ написанъ съ такими рефлексами, какъ дай Богъ каждому.

— Я думаю, что всѣ эти итальянцы и французы — копіи, сказалъ князь. — Вотъ еще Верне, пожалуй, оригиналь. А ужъ Да-Винчи — гдѣ-же! За оригиналы его по полумилліонному платятъ.

— Что-жь, намъ вѣдь это въ вѣдѣ припека досталось, спокойно сказала Воблова: — гуртомъ весь домъ купили. Я тоже значенія этому не придаю.

— Вотъ Карповъ этотъ настоящій...

Онъ наклонился, чтобъ разобрать подпись.

— Да и то не такъ, усмѣхнулся онъ, — на дощечкѣ-то написано — Карповъ, а на самой картинѣ — Polikaroff, только Poli за рамку спряталась.

Въ комнату вошла баба, въ темненькомъ ситцевомъ платьѣ, съ засученными рукавами и въ синемъ маленькомъ платкѣ на головѣ. Она была босая, и твердо ставила свои ноги съ прямыми пальцами на мягкій коверъ.

— Домнушка, готовъ самоваръ? спросила Надежда Самойловна, не смущаясь ея видомъ.

— Готовъ, сейчасъ подала, пожалуйста заваривать. Здравствуйте, батюшка, поклонилась она князю.

— У Онуфрія Захаровича Чучковъ сидитъ?

— Чучковъ, матушка. — Ну, что видѣли Фимушку-то?

— Видѣла, Домнушка. Похудѣла, позеленѣла, больна была.

— О! воскликнула старуха и приложила съ соболѣзнованіемъ руку къ щекѣ. — Чего-жь у нея такое было?

— Да кто ее знаетъ. Вотъ она завтра приѣдетъ — разспроси ее. Она совѣмъ къ намъ.

— Совѣмъ? Ну, слава Богу! Какую-жь ей комнатку приготовить?

— А я думаю, что она сама выберетъ.

— А пуцай сама выберетъ, согласилась старуха. — Дѣло молодое, капризное. Что поправится, что нѣтъ — неизвѣстно. А долго-ли кроватку-то принести. Пожалуйте въ столовую, — самоваръ кипитъ. — Я вамъ тамъ письма заграничныя положила у подносика.

— Спасибо, Домнушка, спасибо.

Она повела князя въ столовую, темную дубовую, съ высокими сининками стульевъ, колоссальными буфетами, напоминающими своими остроконечными башенками старинные готическіе соборы. У дверей стояли огромные рѣзные подсвѣчники, въ видѣ пажей, державшихъ факелы. Въ переднемъ углу висѣлъ рѣзной складень тоже итальянскаго образца. Къ нему — должно быть Домнушка — хитро прикрѣпила лампадку, и она освѣщала сквозь синее стекло

Богородицу-Троеручицу, въ старинномъ серебряномъ окладѣ, очевидно, не перешедшую отъ прежняго владѣльца.

— Старушку мы сюда привезли, Домнушку нашу, сказала Надежда Самойловна, садясь за самоваръ. — Она ужъ пятьдесятъ пять лѣтъ живетъ у Онуфрія Захаровича, изъ одной съ нимъ деревни.

Она заварила чай и пересмотрѣла груды писемъ.

— Это изъ Брюсселя, сказала она, — это изъ Лондона, это изъ Вѣны... Все моя канцелярія.

Она даже надорвала одно письмо и просмотрѣла.

— А вы развѣ... началъ князь, да остановился.

Она установилась на него своими сѣрыми глазами и улыбнулась.

— Хотѣли спросить, знаю-ли я по-французски? Не только знаю, а и англійскую, и нѣмецкую корреспонденцію сама веду, Онуфрій Захаровичъ секретарямъ не довѣряетъ.

— Вотъ я-бы не сказалъ, что вы такая, откровенно сознался Олсуфьевъ.

— Да вы думаете, я изъ какихъ? весело спросила она. — Я вѣдь гувернанткой была. Отецъ мой чиновникъ былъ. Помѣстилъ въ институтъ, а потомъ умеръ. Кончила я курсъ.

пошла учить ребятшекъ. Попала къ родственникамъ Онуфрія Захаровича. Онъ какъ-то приѣхалъ, надо ему было нѣмецкое письмо написать, меня позвали. А потомъ ко мнѣ вся корреспонденція перешла. А потомъ онъ овдовѣлъ, и черезъ полгода предложеніе мнѣ сдѣлалъ. Давно это было: во время франко-прусской войны. Помните, когда нѣмцы съ французами воевали? Такъ вотъ и живемъ съ той поры не разставаясь. И полюбили насъ деньги. Такъ полюбили, такъ полюбили, что сыплются, сыплются—конца-края нѣтъ. И намъ-то онѣ нужны, и наслѣдниковъ-то у насъ нѣтъ, и остановить-то ихъ мы не можемъ. Вокругъ Онуфрія Захаровича десятки тысячъ народа кормятся. Какъ оставишь такое дѣло? — знаешь, что на тебѣ отвѣтственность такая.

Послышались шаги, и въ столовую вошелъ Вобловъ, съ очками на носу, и въ сопровожденіи бѣлокураго, толстаго человѣка съ портфелемъ.

— А у насъ гость, Онуфрій Захаровичъ! сказала Надежда Самойловна.

— А! Очень радъ! проговорилъ Вобловъ, подходя къ князю и пожимая ласково и добродушно руку.

— Меня проводилъ князь отъ Фимы, продолжала Надежда Самойловна.

— А! очень радъ, еще разъ сказалъ онъ и посмотрѣвъ на бѣлокураго, сказалъ:

— Садись, пей чай.

Тотъ издали поклонился князю и скромно сѣлъ на концѣ стола.

— Видѣли домикъ? спросилъ Вобловъ, принимая отъ жены стаканъ и накладывая себѣ варенья.

— Видѣлъ, хорошій домикъ, отвѣтилъ князь.

— Сколько трухи-то ненужной! радостно говорилъ онъ. — Ходишь и только оглядываешься, чтобы не разбить чего.

— Завтра Фима переѣдетъ къ намъ, сказала Воблова.

— Ну, и славно. А вы катались сегодня? спросилъ старикъ князя, и лицо его вдругъ распустилось въ улыбку. Такъ улыбаются великорусскіе мужики: широкой, радостной, спокойной улыбкой. — Къ Фелисьену заѣзжали и обѣдали, чай; съ шампанскимъ?

— Да, заѣзжали, подтвердилъ князь. — И шампанское пили.

— А я въ ротъ его не беру. Никогда не любилъ шампанскаго. Тенерифъ я всегда пью. Теперь рѣдко кто ужъ пьетъ тенерифъ, изъ моды вышелъ, а я еще пью, кажется, одинъ во всей Россіи. На желудокъ хорошо дѣйствуетъ.

Онъ обратился къ женѣ.

— На Дону какая-то эпидемія, сказалъ онъ, — не разберешь только, какая: телеграмму прислалъ Степанъ Ивановичъ. Покажи-ка!

Онъ протянулъ руку къ секретарю и передалъ женѣ.

— Прочти, что тутъ.

— „Эпидемія шахматахъ слѣдственное паренъ мѣропріятіе очень незаступить жду распоряженій Степанъ“, — прочла она.

— Должно, барышни на телеграфѣ сидятъ, сокрушенно замѣтилъ старикъ. — Особенно тутъ „паренъ“ не на мѣстѣ.

— Это вѣрно „принять“, сказалъ почтительно секретарь. — „Принять мѣропріятія“. — А „шахматахъ“ — это „шахтахъ“. Теперь идетъ турпиръ международный, такъ вотъ они и путаются.

— Вы завтра обѣдать къ намъ не придете? спросила у князя Надежда Самойловна.

— Я не рассчитывалъ, уклончиво отвѣтилъ онъ и посмотрѣлъ на Воблова.

— А я завтра утромъ къ его высокопревосходительству въ Финляндію поѣду сказалъ тотъ. — Они меня звали, и Анна Федоровна тоже. А тутъ какъ разъ дѣльце такое навернулось спѣшное. Вы бывали тамъ, ваше сіятельство? Какъ къ нимъ проѣхать-то?

Князь сказалъ.

— Далекое! Чего добраго заночевать придется. Не люблю я ночевать въ чужомъ домѣ, — охъ, не люблю. Лучше ужъ въ гостиницѣ.

Князь началъ прощаться. Старикъ сошелъ

съ лѣстницы вмѣстѣ съ нимъ, и прощаясь, еще разъ, сказалъ:

— Ежели надумаете завтра, милости просимъ, чтобъ моимъ бабамъ скучно не было.

Князь не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ, и вышелъ на улицу.

XXXII.

Вобловъ пошелъ обратно въ столовую.

— Позвольте итти? спросилъ Чучковъ.

— Иди, братецъ, и навѣдайся послѣ-завтра, сказалъ Вобловъ. — А греку дай телеграмму, что больше восьмисотъ тысячъ пудовъ мы не возьмемъ.

Вобловъ облачился въ халатъ и туфли, предупредительно и ловко ему поданные завитымъ лакеемъ, и пошелъ къ Надеждѣ Самойловнѣ читать иностранную корреспонденцію. Какъ всегда, онъ ходилъ по комнатѣ, а она, не торопясь, слово за словомъ, переводила ему письмо. Иногда онъ останавливался, пытливо смотрѣлъ на нее, какъ-бы стараясь прочесть между строкъ то, что имѣлъ въ виду корреспондентъ, и опять принимался ходить. Когда Надежда Самойловна дочитывала письмо до конца, онъ тутъ-же дѣлалъ свою резолюцію, и она карандашемъ записывала конспектъ того, что слѣдуетъ на письмо

отвѣтить, или что надо сдѣлать. Такъ велось уже тридцать лѣтъ изо-дня въ день. Только одно лѣто, когда Надежда Самойловна заболѣла, и ее надо было увезти въ Карлсбадъ и серьезно лѣчить, у нихъ на шесть недѣль прекратились эти занятія. Надежда Самойловна давно привыкла ко всѣмъ коммерческимъ терминамъ, и, при ея способности къ языкамъ, вела переписку такъ, что впору любому коммерческому клерку.

Изрѣдка Вобловъ прихлебывалъ холодный чай изъ стакана. Иногда подходилъ къ женѣ и близко отъ нея останавливался, такъ что она слышала, какъ тяжело дышала его грудь, пораженная астмой.

— Послѣднее письмо отъ Минусина, сообщила она:—онъ, кажется, покончилъ свои дѣла въ Бельгii и ѣдетъ назадъ.

— Пора! откликнулся Вобловъ.

Она стала читать. Минусинъ писалъ, что Бельгii ему дала не больше Америки, и ему нечего здѣсь дѣлать. И то ужъ полтора года, какъ онъ изъ Москвы, и что онъ давно-бы ужъ былъ тамъ, еслибъ не хорошо извѣстное Воблову обстоятельство, которое пугаетъ его и заставляетъ откладывать отъѣздъ съ недѣли на недѣлю.

„Она не написала мнѣ ни строчки въ эти полтора года, оканчивалъ онъ, — а вѣдь она,

для родныхъ, по крайней мѣрѣ, считается моею невѣстой. Уѣзжая, я сказалъ ей, что она свободна. Я-бы хотѣлъ знать одно: какъ мнѣ смотрѣть на нее? Еслибъ она сама мнѣ отвѣтила. Пусть прямо скажетъ—нѣтъ, и покончимъ все. А такъ тянуть жилы, какъ она тянетъ изъ меня, никто не вынесетъ“.

— Да онъ пьетъ теперь или нѣтъ? спросила Надежда Самойловна, окончивъ чтеніе.

— Ни капли. Я имѣю свѣдѣнія. Еще въ Америкѣ пересталъ. Совсѣмъ его перетряхнула эта поѣздка. Онъ тутъ прислалъ отцу на заводы мастеровъ - англичанъ, такъ тѣ превосходно о немъ отзывались. Да ужь какъ хочешь, а въ Америкѣ съ простого рабочаго началъ.

— Да вѣдь и ты былъ простымъ рабочимъ? замѣтила она.

— Я былъ когда! когда у меня была одна пара сапогъ, да двѣ кумачевыя рубашки, а онъ родился милліонеромъ. Мы съ тобой ихъ немногимъ перегнали: у нихъ, по моему счету, милліоновъ за дватцать.

Она какъ-то неопредѣленно усмѣхнулась.

— А у насъ-то много больше?

Онъ подумалъ.

— Нашъ капиталъ трудно счесть, сказалъ онъ. — Но зато, что онъ свыше тридцати, я поручиться могу.

— Охо-хо! вздохнула она.— И что мы съ ними дѣлать будемъ, и какъ-бы намъ за нихъ на душу грѣха не взять?

Онъ развелъ руками.

— Господь посылаетъ. Самъ доходъ идетъ. Вѣдь сама видишь, насильно мнѣ дѣла навязываютъ. Шахты мнѣ навязали, нефть навязали, сплавъ по Камѣ навязали, рыбные промыслы на Каспій навязали. Люди тонули, банкротились, а у меня вонъ оно какъ пошло. Я самъ вижу, что мнѣ идетъ линія такая, и что за все, за что я ни берусь,—все счастье. И я понимаю, почему такъ бельгійцы вокругъ меня ходятъ. Сперва приглашали меня въ семи милліонахъ, потомъ въ двухъ, а теперь безъ гроша — только поди къ нимъ въ компанію. Это вѣдь тоже, что въ рулетку. Нашла полоса — и держись ея.

— Отвѣчать-то будешь Минусину?

Онъ прошелся.

— Поговори ты съ Фимкой. Что здѣсь она это дѣлаетъ, отъ чего лѣчится? Она думаетъ, что ужъ никто не видитъ и не знаетъ. А вотъ я встрѣтилъ у нея доктора Притвица. Дѣло извѣстное, что онъ по женской части. Вотъ завтра переѣдетъ сюда—поговори съ ней, заставь написать Минусину. Хорошій парень. Чего ей еще надо? Теперь она на этого князя зубы точить. Такъ онъ и женится, какъ-же!

Такъ вотъ, по Фелисьенамъ съ ней пообвѣдать — туда сюда, а въ жѣны — нѣтъ.

— Да почему-бы и нѣтъ? спросила она.

— Да потому. Во-первыхъ, родня у него такая, а потомъ онъ шагаетъ по службѣ какъ! Вѣдь за послѣднюю командировку онъ „дѣйствительнаго“ получилъ. Посмотри, какъ онъ лѣтъ черезъ десять министерствомъ заворочаетъ. Тогда ему что-же такая жена? Ему и принять надо въ домъ, и то и другое. А Фима что-же! Пока молода, еще туда-сюда. А пройдетъ тоже нѣсколько лѣтъ, станетъ такая-же, какъ мать была, заплыветъ отъ жира. Да и кромѣ того, что шампанское тянуть, ничего вѣдь она не умѣетъ.

— У нея нравъ добрый, замѣтила Надежда Самойловна.

— Ну, и пусть себѣ, и очень радъ. При ней ея нравъ и останется, а князю онъ не нуженъ. Ты ей все это скажи. Будете вы цѣлые вечера сидѣть вмѣстѣ, открой ты ей глаза, скажи, чтобъ она и не думала объ Олсуфьевѣ.

Онъ потеръ поясницу.

— Опять я гулять сталъ мало, сказалъ онъ, — такъ и разломило всего. Верстъ-бы пятнадцать каждый день дѣлать — какъ рукой-бы сняло.

— А кто-жь тебѣ мѣшаетъ?

— Времени нѣтъ. Я и такъ чуть поспѣваю. Онъ донилъ остатки чая.

— Эхъ, не хочется мнѣ ѣхать завтра къ Ивану Петровичу, а ничего не подѣлать, — слѣдуетъ заручиться разговоромъ съ нимъ. Человѣкъ прямой. Что слово — то дѣло. Теперь куда тяжелѣе стало. Помню я, сорокъ лѣтъ назадъ, на моихъ глазахъ дѣла обдѣлывали какъ просто. Прямо говорили: „желаете сто тысячъ, или двѣсти, или шестьсотъ“, — и поканчивали въ три минуты. Да вѣдь не за подлогъ какой платили, а такъ, чтобъ только ускорить. Никому никакого отъ этого вреда не было. А теперь кричатъ: какъ можно, взятка? Ну, и не берутъ, и дѣло задерживаютъ. Такъ какая-же польза? Хочешь — бери, не хочешь — не бери, твое дѣло, да не тормози только. Вотъ вѣдь въ чемъ честность-то по нашему заключается.

— Много съ Баку получилъ нынче? спросила Надежда Самойловна, — я знаю, что Чучкинъ тебѣ, отчетъ приносилъ.

Онъ, опять улыбнулся.

— Много. Половины не ждалъ. Ну, да ихъ я и въ банкъ не повезу — раскассирую чуть не все. Возьми-ка ты бумажку, запиши. — Градоначальнику, для раздачи по его усмотрѣнію бѣднѣйшимъ жителямъ — три тысячи;

на костоправную клинику имени Пирогова, что у насъ открываеся въ Усть-Бигоевъ — двадцать тысячъ; на иконостасъ на минеральныхъ водахъ — одиннадцать тысячъ; на ландо и коляску, что новья заказаль, три тысячи пятьсотъ... Ну-ка, сочти... Подъ сорокъ тысячъ? Ну, вотъ тебѣ и половина получки. Деньги приходятъ, деньги уходятъ.

Онъ подошелъ къ большимъ часамъ въ стилѣ Людовика XIV и посмотрѣлъ на нихъ.

— Что-же, на боковую пора, сказалъ онъ.

Жена поцѣловала его и пошла къ себѣ. Онъ сказалъ лакею, что встанетъ въ семь часовъ, и чтобъ тотъ спросилъ у Домнушки, какой и какъ ему приготовить чемоданъ для отъѣзда на одинъ день. Потомъ онъ отпустилъ лакея, умылъ лицо и руки, надѣлъ очки, подошелъ къ огромному кіоту съ большой старинной лампадой, зажегъ отъ ламады тоненькую восковую свѣчку, открылъ старый, потертый молитвенникъ въ кожаномъ переплетѣ, перекрестился и началъ чтеніе своихъ вечернихъ молитвъ.

Читалъ онъ долго, около полчаса. Читалъ онъ нараспѣвъ, въ полголоса, какъ читаютъ читальщики надъ покойникомъ. Иногда онъ елания въ полъ, отставляя въ сторону свѣчу и крѣпко прикасаясь лбомъ къ коврику. Его сухое лицо казалось еще суше и строже, освѣщенное снизу краснымъ пламенемъ отъ воска.

Большая тѣнь отъ него ложилась по ковру на стѣну, переходила на потолокъ, и тамъ шевелилась фантастическими контурами. Иногда изъ-подъ очковъ его показывались слезы, и тогда онъ вытиралъ ихъ фуляровымъ платкомъ, торчавшимъ изъ бархатнаго халата, и снова кланялся, и снова губы его шептали:

— ... „и по множеству грѣховъ моихъ очисти мя“...

А завитой лакей внимательно наблюдалъ за нимъ въ замочную скважину. Онъ хотѣлъ близко изучить характеръ своего новаго барина.

— Леригіозность! замѣтилъ онъ самъ себѣ, усмѣхаясь.—Грѣхи замаливаетъ. У этого купеческаго люда много, такъ сказать, преступленій въ минувшемъ прошломъ. Вообще образованія въ нихъ не переложили.

XXXIII.

Чухонецъ, повезшій Воблова со станціи на дачу Ивана Петровича, долженъ былъ поминутно сдерживать лошадь, потому-что экипажъ, ѣхавшій впереди, пускалъ густыя облака пыли, и въ то-же время не позволялъ себя перегонять. Едва дрожки догоняли его, какъ раздавался свистъ кнута, и опять мохнатая шведка уносила передняго путника впередъ. Сначала

Вобловъ думалъ, что его непріятный спутникъ свернетъ куда-нибудь въ сторону. Но верста мелькала за верстой, а онъ ѣхалъ все впередъ и впередъ.

Онъ велѣлъ совсѣмъ отстать и ѣхать тише. Но когда въѣхали уже въ паркъ дачи. Вобловъ снова увидѣлъ передового путника, подъѣзжавшаго къ подъѣзду. Онъ узналъ въ немъ тсго сухого священника, который ѣхалъ съ нимъ въ одномъ вагонѣ и весь путь читалъ какую-то нерусскую книгу.

На подъѣздѣ они сошлись и приподняли шляпы. Лакей заявилъ, что его высокопревосходительство въ саду, въ бесѣдкѣ читають газеты, а ея высокопревосходительство изволятъ быть на террасѣ. Священникъ просилъ передать извозчику, чтобъ онъ его обождалъ, такъ-какъ онъ часа черезъ два поѣдетъ назадъ. Вобловъ сказалъ на это:

— И моему тоже скажи: пусть подождетъ, я его не обижу.

Анна Фердинандовна съ искренней радостью воскликнула при видѣ Чонгарова. Она даже всплеснула руками и поднялась съ мѣста.

— Dieu! воскликнула она: — въ первый разъ увидѣла васъ въ этомъ видѣ! Къ вамъ идетъ *cette* ряса. У васъ совсѣмъ *l'air d'un évêque, et pas d'un pape.*—Благословите!

И она неожиданно подставила ладони.

У него дрогнула одна бровь. Но онъ благословилъ ее и быстро спряталъ руки подъ широкия рукава рясы.

— Вы незнакомы? продолжала Анна Фердинандовна. — Monsieur Вобловъ, monsieur... или теперь вы не monsieur... Чончаровъ, священникъ. — Я тоже вамъ очень рада, Онуфрій Захаровичъ. Вы не придете-ли къ Ивану Петровичу, онъ сидитъ въ саду и очень радъ будетъ вамъ? А monsieur Чонгарова я оставляю при себѣ... Ахъ, простите, я опять назвала васъ monsieur. Но я право такъ привыкла. Мнѣ объ очень, объ очень многомъ надо съ вами поговорить. Вы знаете, предо мною буквально отверзся свѣтъ — и вы скорѣе, чѣмъ кто-нибудь, можете мнѣ уяснить то, что мнѣ еще неясно.

Она повела его къ себѣ въ комнату и велѣла сейчасъ-же сварить кофе.

— Я помню, вы любитель кофе, а здѣсь дирныя сливки. Вы видите, какъ я помню васъ? Ну, садитесь, батюшка. Какъ я рада васъ видѣть.

— Всѣ ваши здоровы? осторожно спросилъ онъ.

— Всѣ, всѣ здоровы, всѣ будутъ рады вашему приѣзду. А особенно я. Вы не можете себѣ представить, какая бездна вопросовъ у меня, и какъ вы мнѣ легко можете помочь и разсѣять эту тьму.

— Я къ нашимъ услугамъ, сказалъ онъ.

— Во-первыхъ, вы мнѣ должны сказать: вѣрите-ли вы въ возможность общенія съ умершими? Можетъ быть, я не ясно выражаюсь? Такъ я иначе у васъ спрошу. Вѣрите-ли вы, что существуетъ возможность сношенія съ нашими умершими, то-есть возможность разговаривать съ ними такъ, какъ я съ вами разговариваю?

— Полагаю, что нѣтъ, отвѣтилъ онъ.

Это ее смутило.

— Какъ? вырвалось у нея. — А мнѣ казалось, что уже по вашему сану, вы должны въ это вѣрить.

— При чемъ-же мой санъ? спросилъ онъ.

— Какъ при чемъ-же! Вы вѣдь должны вѣрить въ безсмертіе души.

Онъ улыбнулся.

— Да я и безъ того вѣрю.

— Ну, конечно, подтвердила она. — Вѣдь бессмертная душа существуетъ, потому-что, если она небезсмертна, а только появляется каждый разъ, когда новый человѣкъ родится, то значить, каждый разъ она формируется заново и потомъ рассыпается, значить существуетъ вѣчная созидательная творческая сила. Если-бы не было творческой силы, то не было-бы никакой души—ни смертной, ни бессмертной. Вѣдь нельзя-же говорить, что душа — результатъ совокупности всѣхъ физи-

ческихъ отправленій, такъ-какъ результатъ физическихъ отправленій не можетъ быть духовный, а только физическій; это вѣдь ясно, совершенно ясно, не правда-ли? А если съ каждымъ новымъ рожденіемъ Творецъ долженъ творить и новую душу, то не проще-ли предположить, что душа сотворена давно, и существуетъ въ такомъ-же безсмертіи до рожденія, какъ и послѣ рожденія. Иванъ Петровичъ съ этимъ несогласенъ, и утверждаетъ, что мы будемъ безконечно жить послѣ смерти, а не жили безконечно до рожденія. Но вѣдь не можетъ этого быть, чтобы міръ или вселенная, со всѣми звѣздами, чтобы все это постоянно наполнялось новыми и новыми душами, что все-бы, откуда неизвѣстно, души появлялись, — и наконецъ, накопилось-бы ихъ такъ много, что некуда дѣвать. Тогда какъ взявши за аксіому, что нашъ духъ существовалъ вѣчно, мы сейчасъ-же увидимъ, что въ мірѣ все сохраняется въ полномъ равновѣсіи, и количество элементовъ, его составляющихъ, и четыреста квадриллионовъ лѣтъ тому назадъ, и теперь — не разнятся ни на одну сотую килограмма, или миллиметра. Вѣдь это ясно?

Все это Анна Фердинандовна сказала однимъ духомъ. Все это давно уже созрѣло въ ея головѣ — и она быстро дѣлала выводы.

— Мнѣ кажется, я не ошибаюсь, monsieur...

то-есть, батюшка? Я не думаю, чтобы вы были противъ этого?

— Да, я согласенъ съ тѣмъ, сказала Чонгаровъ,—что если есть безсмертіе съ одной стороны жизни, то оно есть и съ другой.

— Voilà! Я рада, что вы того-же мнѣнія, и теперь мнѣ гораздо легче уже говорить. Я боялась главнаго: чтобы вы не сказали, что не вѣрите въ вѣчность. Теперь вопросъ: сохраняется наша душа послѣ смерти субъективность или, если хотите, индивидуальность?

— Не могу вамъ отвѣтить навѣрно, но думаю—да.

— А знаю навѣрное, что да. Я счастливые васъ.

— Очень радъ, вѣжливо сказалъ священникъ.

— Теперь дальше, батюшка. Мнѣ такъ много, такъ много надо вамъ сказать, что я даже путаюсь. Такъ вотъ,—если субъективность сохранена, то почему-же духъ не можетъ тѣмъ или инымъ способомъ выражать свои мысли, соображенія, дѣлать вопросы, давать отвѣты? Мнѣ кажется, это такъ логично выходить одно изъ другого. Поэтому почему-же не можетъ то или другое лицо, умершее тогда-то или тогда-то, дать мнѣ, еще живущей на землѣ, указаніе на счетъ того, что для меня важно и составляетъ главный вопросъ жизни?

— Не знаю, отвѣтилъ Чонгаровъ.

— Но вѣдь двадцать лѣтъ назадъ никто-бы не повѣрилъ въ телефоны, какъ сто лѣтъ назадъ никто не вѣрилъ въ телеграфы, и всѣ находили, что это дьявольскія выдумки. Но какъ тѣ, кто испробовалъ на себѣ дѣйствія этихъ изобрѣтеній, такъ и тѣ, кто понялъ и испыталъ, что возможно сообщеніе съ загробнымъ міромъ, — они, я думаю, заслуживаютъ не насмѣшки, а скорѣй удивленія и поддержки. Неправда-ли? Вѣдь это-же совсѣмъ, совсѣмъ ясно. Если творятся чудеса, такъ вѣдь кто-нибудь ихъ творить?

— А развѣ творятся чудеса? полюбопытствовалъ Чонгаровъ.

— Развѣ это не чудо, что случилось со мной? Я, вы знаете, католичка. Всѣ католички такія ревностныя, а я совершенно игнорировала все это, хотя всегда глубоко вѣровала и чтила Христа. И я вѣровала не такъ, какъ теперь вѣрують, что Христось училъ и далъ намъ завѣтъ, а вѣровала по старинному, что онъ воскресъ, воскресъ черезъ три дня, и на Фаворѣ преобразился, и ходилъ по водамъ, а совсѣмъ не такъ какъ пишетъ этотъ хваленый Фарраръ, который самъ не знаетъ, какъ претворилась вода въ вино. А вотъ я именно въ это вѣрую, въ это самое, что была вода и вдругъ отъ одного прикосновенія стала виномъ. Такъ вотъ

видите, задатки вѣры у меня были. Но вдругъ теперь какой-то, когда-то жившій итальянецъ, писавшій мифологическіе сюжеты скабрёзнаго содержанія, но потомъ раскаявшійся, внезапно переворачиваетъ всѣ мои міровоззрѣнія, и дѣлаетъ изъ меня не только вѣрную и ревностную дочь церкви, но и сочувствующую православію. Мнѣ начинаетъ многое нравиться въ православной церкви. И это дѣлается благодаря католику. Уже чудо то, что католикъ меня возвращаетъ, такъ сказать, въ православіе. Только безсмертная душа способна на это. Но этого мало; есть еще цѣлый циклъ чудесъ. Какъ неученные рыбаки говорили на всѣхъ языкахъ, такъ и теперь дѣвушки, подъ наитіемъ духа, совершенно преображаются, пишутъ и рисуютъ то, о чемъ онѣ не имѣютъ никакого представленія. Довольно того сказать, что, вода рукой вполне цѣломудренной дѣвушки, духъ заставилъ ее изобразить такой рисунокъ, что я, несмотря на глубокое уваженіе къ вамъ и на вашъ санъ, не рѣшусь вамъ его никогда показать. Вотъ вамъ живое, ясное доказательство того, что происходитъ иногда на этихъ сеансахъ, которые скорѣй мистеріи, чѣмъ сеансы.

— То-есть, вы спиритизмомъ занимаетесь? спросилъ Чонгаровъ.

Анна Фердинандовна недовольно повернулась въ креслахъ.

— По моему, спиритизмъ—слово очень глупое и опошленное, сказала она.—Спиритизмомъ занимаются гимназисты и гимназистки, когда надоѣсть имъ играть въ фанты. Если-же я вступаю въ непосредственныя сношенія съ загробнымъ міромъ, то мнѣ кажется, это нѣсколько побольше того, что принято называть терминомъ—спиритизмъ.

— Чѣмъ-же я могу быть вамъ полезенъ, какимъ совѣтомъ? снова перебилъ ее Чонгаровъ.

XXXIV.

Анна Фердинандовна собралась отвѣчать, когда въ комнату вошла истеричная барышня.

— Вотъ, я очень рада, сказала Анна Фердинандовна:—вотъ вамъ живая свидѣтельница. Позвольте познакомить: Эленъ Пятначева. Медіумъ совершенно европейскаго характера.

Эленъ вспыхнула, съ удивленіемъ глядя на священника.

— Monsieur Чонгаровъ,—продолжала Анна Фердинандовна—очень хотѣлъ познакомиться съ вами. Подтвердите ему, что всѣ наши сеансы не есть грубый обманъ самихъ себя, а не болѣе какъ откровеніе. И я даже думаю, что все это, всѣ сношенія съ отвлеченными существами, есть такой-же физическій законъ, какъ расширеніе

ртути, распространение электричества или свѣтвое явленіе. Для того, чтобы электрической токъ прошелъ съ одного конца на другой, нуженъ проводникъ. Безъ проводника никакого явленія не будетъ. Поэтому и для сообщенія съ міромъ загробнымъ, съ міромъ, гораздо болѣе тонкимъ и афемернымъ, чѣмъ электричество, тоже нуженъ проводникъ. Эленъ обладаетъ всѣми элементами такого провода, — и вотъ она представляетъ собою то, что называется на пошломъ жаргонѣ общества медиумомъ. Черезъ ея посредство, вы, при помощи блюдечка, можете получить самые сложные отвѣты, причемъ совершенно не нужно ни тьмы, ни музыки, ничего того, что требуется обыкновенно профессиональными медиумами, на-половину шарлатанами. Садитесь, Эленъ, мы сейчасъ покажемъ батюшкѣ вашу силу. Вызовите Скьявоне; и пусть онъ нарисуетъ тотъ библейскій сюжетъ, который задумаетъ monsieur Чонгаровъ.

— У меня голова болитъ, отозвалась Эленъ, — и сегодня я не могу напрягаться.

— Какъ это жаль, ma chère, — ну, а безъ напряженія ничего не выйдетъ. Вы знаете, — это дѣло требуетъ чрезвычайно сильнаго напряженія. Иногда я слышу въ тишинѣ, какъ бьется сердце Эленъ: оно отбиваетъ правильный ритмъ, какъ метрономъ. Очень жаль, Эленъ. Я вамъ совѣтую пойти и лечь. У васъ должна

пройти ваша голова къ обѣду. Послѣ обѣда мы покажемъ monsieur Чонгарову что-нибудь удивительное.

— Да, я думаю лечь, сказала Эленъ, и вышла изъ комнаты.

— Я потому такъ хотѣла васъ видѣть, — продолжала Анна Фердинандовна, — что я въ домѣ не нахожу ни въ комъ поддержки своему направленію. Я стала счастлива съ того момента, какъ увидѣла и уразумѣла ту область безконечнаго, которая соприкоснулась со мной. Но меня не понимаютъ, не хотятъ понимать. Вы знаете огромный государственный умъ Ивана Петровича? Но онъ, при всемъ своемъ колоссальномъ кругозорѣ, не можетъ уразумѣть тотъ міръ, въ которомъ я живу. Ему кажется эта область, населенная прекраснѣйшими существами, — она ему кажется граничащей съ областью сумасшествія, по крайней мѣрѣ онъ открыто это высказывалъ и разъ навсегда отказался говорить со мною обо всемъ абстрактномъ. Что касается Мери, то она прекрасная дѣвушка, я искренно ее люблю. Но она меня ужасаетъ своими взглядами. Я убѣждена, что она не вѣритъ въ жизнь послѣ смерти. Если-бы она вѣрила, она не рѣшилась-бы на то, что она сдѣлала съ собою тогда, три мѣсяца назадъ.

— А что она сдѣлала? спросилъ Чонгаровъ, сдвигая брови.

— Какъ-же, она покушалась на самоубійство. Только энергія пяти докторовъ возвратила ее къ жизни.

— Какія-же причины? еще болѣе понижая голосъ, точно боясь говорить объ этомъ предметѣ, спросилъ Чонгаровъ.

— Отсутствіе истинной вѣры; вотъ причина, вотъ единственная и главная причина. Если-бы она знала, что ожидаетъ ее за гробомъ, конечно, она не рѣшилась-бы на такой шагъ. Но она, не сказавъ мнѣ ни слова, вдругъ принимаетъ что-то такое, что послѣ этого втеченіе трехъ мѣсяцевъ едва бродитъ и становится похожей болѣе на тѣнь, чѣмъ на человѣка.

Чонгаровъ нервно пощипывалъ себѣ бороду.

— Нѣтъ, я ничего объ этомъ не слышалъ, проговорилъ онъ.—Напротивъ, до меня доходили слухи о замужествѣ...

— Ахъ, никогда она не выйдетъ замужъ! Это такая странная дѣвушка. Но ее не исправить, monsieur Чонгаровъ, а вотъ не будете-ли вы добры дать мнѣ совѣтъ, что мнѣ дѣлать?

— Насчетъ медиумизма? Да что-же,—продолжайте, хотя, по моему, вы похудѣли, и у васъ истомленный видъ. Но если вы думаете, что эти сеансы нравственно васъ поддерживаютъ, такъ не покидайте ихъ. А вотъ, судя по вашимъ словамъ, въ помощи и лѣченіи гораздо болѣе нуждается ваша племянница.

— Ахъ, она, конечно, нуждается, нечего и говорить, что она нуждается, и особенно въ такомъ совѣтѣ какъ вашъ. Она странная,—но, я думаю, все-же она захочетъ васъ идѣть, Миѣ кажется, вы можете повліять на нее въ отношеніи безсмертія.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— У меня есть дѣло къ Ивану Петровичу, сказалъ онъ,—но если она удѣлитъ миѣ нѣсколько минутъ, я буду очень радъ.

— Вы торопитесь! воскликнула Анна Фердинандовна. — Нѣтъ, какъ хотите, вы непременно должны у насъ остаться. Вечеромъ явленія у Элея гораздо интенсивнѣе, и я хочу, чтобъ вы познакомились съ этими явленіями. Это будетъ безбожно, если вы не поможете намъ. Вы пастырь, вы должны врачевать душевные недуги, а мы больны, мы всѣ больны.

Она встала.

— Я сейчасъ позову Мери,—сказала она, и отойдя нѣсколько шаговъ, остановилась и еще разъ окинула взглядомъ Чонгарова. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, къ вамъ очень идетъ духовный костюмъ. Въ васъ есть что-то мистическое. Я представляю такими, какъ вы, столпниковъ. *C'est le mot* — именно столпниковъ.

Она вышла. Онъ сидѣлъ, неподвижно положивъ руки на локотники кресель, и глаза его были уставлены на одну точку. Нервная дрожь

охватывала его. Лихорадочный огонь, горѣвшій въ глазахъ, теперь принялъ оттѣнокъ какого-то безумія: Казалось, онъ на что-то рѣшался. Мускуль на щекахъ, какъ всегда въ минуты волненія, дрожалъ, губы были крѣпко сжаты:

Онъ долго такъ сидѣлъ. Съ озера слышался шумъ волнъ, немолчный, протяжный, то замиравшій, то усиливавшійся. Букетъ послѣднихъ ландышей тихо увядалъ въ вазочкѣ на столѣ. Тѣни отъ деревьевъ скользили по полу переливчатой сѣтью.

Наконецъ, послышались шаги. Онъ прислушался. Это шаги не Анны Фердинандовны. Шаги ближе, вотъ кто-то у самой двери. Ручка повернулась, дверь открылась,—и на темномъ фонѣ сосѣдней комнаты, вся въ лучахъ солнца, въ бѣломъ платьѣ, появилась Мери.

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу. Онъ былъ блѣденъ, руки его дрожали.

— Я не думалъ, что намъ доведется встрѣтиться, сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

Она подняла на него свои глаза, глубокіе, загорѣвшіеся, какъ и у него, страннымъ огнемъ, и тихо отвѣтила:

— А я знала, что мы встрѣтимся. Это было неизбѣжно.

XXXV.

Онъ смотрѣлъ на Мери тѣмъ испытующе-восторженнымъ взглядомъ, какимъ смотрятъ художники на давно ими невиданное произведеніе гениальной кисти. Онъ упивался ея лицомъ, ея головкой, звукомъ ея голоса. Онъ былъ блѣденъ, только глаза, широко раскрытые, не отрывались отъ нея.

— Что съ вами было? тихо спросилъ онъ.

— А что? осторожно переспросила она.

— Вы хотѣли покончить съ собой!

Она не отвернулась. Она прямо и просто выдержала его взглядъ.

— Да, спокойно отвѣтила она.

— Зачѣмъ?

— Такъ надо.

— И теперь вы того-же мнѣнія?

— И теперь.

— Нѣтъ исхода? Всѣ окна заколочены? Всѣ дороги загорожены?

— Да.

— А Богъ?

Она пожала плечами и ничего не отвѣтила.

— Возвращеніе къ жизни вамъ ничего не дало?

— Ничего. Вначалѣ мнѣ было легче, а послѣдніе дни...

Она остановилась и вдруг спросила:

— Зачѣмъ вы пріѣхали?

Онъ вздрогнулъ.

— Я пріѣхалъ, началъ онъ, — чтобъ увидѣть васъ. Я случайно о васъ услышалъ, и у меня со дна души поднялось все то, что, какъ я думалъ, осѣло и навсегда успокоилось.

Она взглянула на его рясу.

— Вы вѣдь окончили со всѣмъ прежнимъ, сказала она, стараясь улыбнуться. — Къ чему вся эта комедія? Князь передавалъ мнѣ о томъ впечатлѣніи, что производите вы на постороннихъ. Вамъ не вѣрятъ, думаютъ, что вы лицемерите. Я вамъ тоже не вѣрю. Вы играете своимъ положеніемъ и рисуетесь имъ. Къ чему эта женитьба на горбатой? Что вы хотѣли кому доказать?

— Неужели вы придаете этому значеніе? медленно выговаривая слова, началъ онъ. — Развѣ дѣло въ рясѣ, въ горбатой женѣ, въ томъ, что говорятъ сосѣди? Развѣ нѣтъ тутъ еще чего-то, что выше всего этого?

Она дѣлanno улыбнулась.

— Не знаю, можетъ быть, есть, но я не могу этого понять.

— А между тѣмъ, это такъ просто. Вы пришли къ тому, что самоубійство — единственный выходъ. Я пришелъ къ тому-же, и надѣлъ рясу. Жена моя... но вы сами знаете ея

недостатокъ. Повѣрьте, вы меня нисколько не укололи, упомянувъ о ней. Скажу вамъ больше: она счастлива.

Рѣсницы ея опустились; она хотѣла что-то сказать, но сдержалась.

— Я не люблю ее, продолжалъ онъ. — Болѣе того, — я ненавижу ее. Но я говорю это только вамъ. Ни однимъ взглядомъ, ни однимъ движеніемъ я не выкажу никогда моихъ чувствъ къ ней. Но я ни одну минуту не раскаиваюсь въ томъ, что женился на ней. Я взвалилъ на себя огромный грузъ; и священства, и благотворительности, и урода-жены, — и несу его, не сгибаясь, съ сознаниемъ того, что такъ надо. Я взялъ отъ жизни самое тяжелое изъ того, что можно было взять. Я подошелъ совершенно сознательно къ священническому сану. Я зналъ, что я беру на себя. И я взялъ. То что говорю я вамъ, никогда никому изъ людей я не сказалъ бы. Но вы знаете, что причина всего того, что случилось — вы. Не перебивайте меня, я вѣдь ни въ чемъ васъ не обвиняю, да и въ чемъ могу обвинять? Въ томъ, что вы не любите меня? Въ томъ, что отказали мнѣ въ рукѣ? Но почему-же я стою этой руки? Я захотѣлъ себя замуравить — и замуравилъ, замуравилъ хорошо и плотно. Выйти отсюда уже нельзя. Можно только...

Онъ на минуту заплулся.

— Можно только убѣжать.

Они опять смотрѣли въ упоръ другъ на друга, и казалось, читали взаимно мысли. Двѣ одинаково-сильныхъ природы столкнулись и одна осилить другую не могла.

— Зачѣмъ вы пріѣхали? повторила съ разстановкой она.

— Я хотѣлъ васъ видѣть, повторилъ онъ.— А что я хочу,—то дѣлаю всегда, и никакія силы меня остановить не могутъ.

Она силилась подавить то, что волновало ее. Ея губы сложились въ улыбку, она еще разъ окинула его взглядомъ и сказала:

Мнѣ кажется, что вы все шутите, и что вы ряженный. Неужели вы, вы имѣете власть разрѣшать грѣхи, отгонять бѣса во время крещенія и соединять умирающаго съ небомъ?

Въ его глубокихъ зеленовато-сѣрыхъ глазахъ что-то затеплилось. Лицо стало строго.

— Мнѣ дана эта власть, сказалъ онъ.

— И вы вѣрите въ нее?

— Да, вѣрю.

— И въ бѣса вѣрите?

— Вѣрю и въ бѣса. Вѣрю и въ то, что отъ новорожденнаго еще отогнать его можно, а ужъ отъ взрослого никогда. Коли ужъ онъ поселится въ кожъ—царство его прочно.

Она напряженно засмѣялась.

— Ну, развѣ все это искренно? спросила она.

Но онъ продолжалъ смотрѣть на нее серьезно, не спуская глазъ.

— И въ васъ есть бѣсъ, сказалъ онъ, — и бѣсъ сильный. Неужели вы не чувствуете его? Неужели не слышите, какъ онъ по ночамъ мучить ваше больное самолюбіе, разжигаетъ его, клеветаетъ и на людей, и на васъ самихъ; заставляетъ не вѣрить въ добро, нашептываетъ вамъ все злое, все то, что накипаетъ за день, раздуваетъ, преувеличиваетъ и говоритъ: „умри, умри, — умрешь, будешь богомъ, будешь загадкой; ты будешь внѣ времени, внѣ пространства! Рискини, — одинъ мигъ, — надави на курокъ, и конецъ“.

Онъ наклонился къ ней. Она отшатнулась. Его глаза раскрылись еще шире и смотрѣли въ упоръ на нее.

— А вы думаете, продолжалъ онъ, — что во мнѣ нѣтъ этого самаго бѣса? Что не шепчетъ онъ мнѣ даже въ алтарѣ того, что можетъ только шептать сомнѣніе и безвѣріе? Вы думаете, не родные братья наши бѣсы, и не одною паутиной они связываютъ насъ?

Ей стало не по себѣ. Она вскочила съ кресла.

— Что съ вами? спросила она.

Она видѣла, какъ потъ выступилъ на его лбу, и въ глазахъ явился жесткій огонь. Она слышала въ сосѣдней комнатѣ шаги, и почти рада была, что кто-то идетъ.

Вошелъ ладей и сказалъ, что его высокопревосходительство проситъ батюшку къ себѣ.

Чонгаровъ отвѣтилъ, что сейчасъ придетъ. Ладей, приотворивъ дверь, дожидался провести его.

— Да, съ какой-то страшной улыбкой закончилъ онъ:—и оба эти бѣса единокровные и единоутробные,—трудно сказать, гдѣ одинъ начинается и гдѣ другой кончается. Аминь.

Онъ повернулся къ почтительно слушающему ладю, и сказалъ:

— Ну, веди меня къ его высокопревосходительству.

XXXVI.

Когда онъ вышелъ, Мери долго безжолвно смотрѣла ему вслѣдъ, потомъ тихо пошла изъ дома. Тотъ покой, что началъ водворяться въ ея душѣ съ переѣздомъ на дачу, опять смѣнился тупой, безсодержательной мыслью о томъ, что дышать тяжело, что жить нельзя. Ей весь міръ казался огромнымъ стекляннымъ шаромъ, затмѣеннымъ, потускнѣвшимъ, гдѣ воздухъ сперся и гдѣ роятся вокругъ въ блѣдныхъ солнечныхъ лучахъ какія-то затхлыя пылинки, и эти пылинки—люди. И она сознавала себя одной изъ такихъ пылинокъ, тихо, сонно

плывшей въ центрѣ этого шара—безъ мысли, безъ желаній, безъ вѣры.

— Что ему надо отъ меня? повторяла она, бродя вдоль озера, переступая съ камня на камень, прислушиваясь къ ударамъ топора, что-то рубившаго за озеромъ.—Зачѣмъ было пріѣзжать, зачѣмъ я вышла къ нему? Къ чему онъ говорилъ объ этихъ бѣсахъ? И все это вздоръ: нѣтъ никакихъ бѣсовъ, а есть совокупность какихъ-то обрывковъ мыслей, въ которыхъ никто не можетъ отдать себѣ отчета. Никто не понялъ, что такое жизнь,—и никто не пойметъ никогда. Да и не надо понимать. Надо жить такъ, какъ живутъ лавочники, дворники, лакеи — жить настоящимъ днемъ, не думать о завтрашнемъ. Жить, какъ живетъ вонъ тотъ, что рубитъ тамъ дерево. Зачѣмъ его рубятъ? Можетъ быть, на гробъ? Кто-нибудь умеръ—старуха или ребенокъ, и вотъ имъ готовятъ этотъ жалкій ящикъ? Ну, и пусть. И чѣмъ скорѣе мнѣ приготовятъ его, тѣмъ лучше. Въ гробу не душно и не тѣсно, потому что въ гробу нѣтъ ничего, кромѣ тлѣнья, а для тлѣнья и гроба слишкомъ много. Хорошо-бы пропасть безслѣдно, сгорѣть, слиться съ воздухомъ, съ водою.

Она остановилась и стала смотрѣть на пчелу, что жужжала вокругъ семьи цвѣтовъ, выросшихъ у камня. Мери смотрѣла, какъ пчела;

въ своей собольей пушистой пелеринкѣ, подлетала къ цвѣтку, сгибала свое полосатое брюшко и крѣпко охватывала лапками цвѣтокъ. Цвѣтокъ шатался, кивалъ головкой, пригибался къ землѣ, а она, раздвинувъ вѣнчикъ, запускала свое жало въ сочную сладкую сердцевину. Потомъ она бросала этотъ цвѣтокъ, перекидывалась на другой, съ другого на третій, пачкая свою шубку въ цвѣточной пыли, и высасывая драгоцѣнные соки. Мери близко къ ней наклонилась, но хлопотливому насѣкомому не было дѣла до этого большого блѣднаго лица и задумчивыхъ глазъ. Казалось, всѣмъ своимъ движеніемъ она говорила:

— Работать, работать, работать! Жизнь— работа.

Мери шла въ лѣсъ все дальше и дальше. Гранитныя глыбы становились все больше. Разноцвѣтный мохъ пестрымъ одѣяломъ покрывалъ камни. Остовы столѣтнихъ сосенъ въ паутинахъ сгнившихъ вѣтвей тлѣли на землѣ. Съ тихимъ шуршаньемъ пролетали стрекозы, гулко гудѣли жуки. Бѣлки весело прыгали по деревьямъ и сбрасывали сверху шишки. Она вышла на опушку, къ полю, спугнула русачка, притаившагося у кочки, сама испугалась его порывистаго скачка и того шума, съ какимъ сорвалась прикурнувшая тутъ-же въ кустахъ вертлявая сорока. Она пошла зеленымъ бе-

рогомъ озера, смотря на тихую, ведрошавную и единую струйкой голубую гладь.

Удары топора все доносились — глуше и глуше. Тишина все больше наплывала на нее и охватывала со всѣхъ сторонъ. Вокругъ не видно было ни дома, ни человѣка, — только сѣренкіе изъ коемыхъ бревенъ заборы безконечною цѣпью разметались по полю, то скатываясь въ желобины, то вздымаясь на косогоры. Сладкій запахъ клевера и кашки стоялъ въ воздухѣ и напоминалъ ей дѣтство, — то далекое премелькнувшее дѣтство, которое, казалось, отошло въ такую туманную даль, что почти слилось съ вѣчностью, бывшею до нея.

До нея была вѣчность, и послѣ нея будетъ вѣчность. Между этими двумя вѣчностями дано нѣсколько жалкихъ лѣтъ на жизнь, — точно злобная насмѣшка надъ человѣкомъ. И вдобавокъ, въ нему приставленъ бѣсъ, который какъ неотвязный тюремщикъ, сторожитъ его и днемъ и ночью, и не отходитъ отъ него.

— Вернись домой! вдругъ ясно кто-то шепнулъ надъ самымъ ея ухомъ.

Она быстро повернулась. Никого не было. Вокругъ кружились бабочки, въ воздухѣ стояла прежняя тишь.

— Ворочайся къ нему, продолжалъ голосъ. — Въдѣ есть еще возможность выйти изъ тюрьмы, есть. Онъ тебѣ самъ сказалъ: надо бѣжать.

Слова доносились едва слышно, размыренно, совсѣмъ въ тактъ бѣнію ея сердца. Точно кто другой думалъ, а она прислушивалась къ его мыслямъ.

— Вѣдь стоять тебѣ сейчасъ повернуть къ дому, войти туда, подойти къ нему и сказать: „я согласна на все“. И все будетъ кончено. И вдругъ взойдетъ такое яркое, такое ослѣпительное солнце, такимъ блескомъ зальетъ все вокругъ, такъ согрѣетъ обоихъ. И это будетъ далеко отсюда, гдѣ-нибудь на обрывѣ швейцарскихъ горъ, у ледниковъ. Тамъ вы пойдете рука объ руку, — и колокольцы стада будутъ звенѣть, спускаясь съ горъ. А можетъ быть это будетъ гдѣ-нибудь еще ближе, на Норвежскомъ фіордѣ, — да не все-ли равно гдѣ?..

— Два бѣса сольются въ одинъ торжествующій духъ. Это не будетъ духъ зла, это только будетъ торжество земной жизни. Это будетъ роскошный праздникъ, — это будетъ вызовъ, кинутый въ лицо всѣмъ — и людямъ, и небу, — если небо можетъ принять вызовъ. И это такъ будетъ, стодитъ только сейчасъ, вотъ сейчасъ это сдѣлать.

Она упала ничкомъ въ траву, положила на руки голову и осталась недвижной. Сердце такъ громко стучало. Оно пѣло старую пѣсню, — пѣсню обиды и оскорбленія.

— Тебя оскорбила жизнь, оскорби теперь

ты ее. Что за дѣло до условныхъ понятій о томъ, что чисто, что нечисто, что честно, что нѣтъ? — Сбрось всё условности, забудь все прежнее и выходи на новую дорогу. Или это жизнь, или смерть. Смерть — небытіе. Небытіе всегда успѣетъ захватить тебя и потомъ. А пока еще можно поймать хоть недолгіе, немногіе, но все-же ясные дни. Еще звенять альпійскіе звонки, — и ихъ легкій звонъ — звонъ радости жизни. Вѣдь эти сѣро-зеленые глаза такъ глубоки, что въ ихъ глубинѣ ты можешь увидѣть много неизвѣданнаго, и страшнаго, и ласковаго, и свѣтлаго. Вѣдь ты не даромъ отсюда, изъ этого поля, чувствуешь его взглядъ. Онъ зоветъ тебя, манить.

Она встала, отряхнула платье и быстро пошла къ дому. Она торопливо шла, точно боясь, что опоздаетъ, шла какъ на далекій призывъ къ чему-то неизбѣжному, неотвратимому. Стрекозы, пчелы, бабочки, — тѣ тоже стали озабоченнѣе, и быстрѣе сновали назадъ и впередъ вокругъ нея.

У входа въ лѣсокъ, переходящій въ ихъ паркъ, она остановилась.

— А вдругъ онъ не пойметъ, не пойметъ зачѣмъ я пришла? спросила она. — Вдругъ онъ засмѣется въ отвѣтъ на мой порывъ къ нему? Вдругъ онъ скажетъ: зачѣмъ вы мнѣ? у меня есть горбатая жена. Я ее ненавижу, но она

счастлива. Я взялъ на себя эту ношу и до-
несу ее до конца жизни.

Она взялась за пылающую голову.

— Что это: сонъ, кошмаръ, или это явь?
Явь подъ властью бѣса? Не лучше-ли сейчасъ
все покончить? Револьверъ остался у князя,
надо написать, чтобы онъ мнѣ прислалъ его.
Вотъ тоже этотъ князь. Любить меня,—но лю-
бовь его какая-то тепленькая, соразмѣренная.
Зачѣмъ я дала ему тогда рукопись? Я думала,
что онъ ужаснется. Но онъ и тутъ пришелъ съ
своими подогрѣтыми чувствованьями и выка-
залъ благородство высшей пробы. Онъ хорошій
человѣкъ, милый,—но развѣ можно имѣть его
мужемъ? Развѣ есть въ немъ сила подчинить
себѣ женщину и повести за собою?..

Она съ трудомъ привела въ порядокъ свои
мысли. Почему она стала думать о князѣ?

— Да, револьверъ. Написать, чтобы онъ
прислалъ, или привезъ. Впрочемъ, къ чему
револьверъ? Развѣ нельзя обойтись безъ
него?

Она засмѣялась.

— Одна, была одна, одною и останусь. Еслибъ
я тонула, я-бы не хваталась за другого: лучше
тонуть одному, чѣмъ двоимъ. Утѣшатся, всѣ утѣ-
шатся,—вѣчной печали нѣтъ. Вытрутъ слезы,
если будутъ слезы—и дѣло съ концомъ.

Она пошла вдоль опушки, огибая лѣсокъ.

Она не уходила отъ дома, но и не приближалась къ нему. Топоръ замолокъ, и только жужжаніе мухъ неотвязнымъ стрекотомъ стояло вокругъ. Голова горѣла все больше, дыханье было прерывисто. У ней не было ни зонтика, ни шляпы, и июньское солнце палило ее.

Пусть, все равно, твердила она, сама не со- знавая, къ чему это относится: къ пылающей-ли головѣ, или ко всему тому, что ждетъ ее впереди. Бѣлка опять прошуршала мимо нея, вверхъ по стволу дерева, — она даже не оглянулась.

Тамъ, гдѣ лѣсъ острымъ угломъ выбѣгалъ на дорогу, она остановилась: ей послышался быстрый топотъ копытъ и стукъ экипажа. Ей не хотѣлось, чтобъ видѣли ее. Она осталась, заслоненная группой молодыхъ пахучихъ березокъ, и ждала, чтобы проѣхали. Шумъ приблизился, слышно было понуканіе кучера и дробный бѣгъ финской лошади. Потомъ онъ сталъ глуше — слился съ звукомъ колесъ. Она вышла изъ своей засады, взглянула вдоль дороги и вскрикнула. Она поняла, что это былъ онъ. Его шелковая ряса блестя на солнцѣ и черныя, не дошедшія до плечей кудри волосъ разлетались по вѣтру.

— Остановитесь! крикнула она. — Пойдите!

Но было далеко, лошадь шла полной рысью, и съ каждымъ мгновеніемъ дѣлалось все дальше и дальше.

Она схватилась рукой за заборъ, приподня-

лась и жадно стала смотрѣть ему вслѣдъ: а вдругъ онъ оглянется?

И онъ оглянулся. Но онъ смотрѣлъ не сюда, на онушку, а въ сторону дома. Она махнула платкомъ, — онъ ее не видѣлъ. Дорога круто повернула въ сторону, онъ исчезъ, — и только легкая нить забѣла въ воздухѣ на самомъ поворотѣ.

XXXVII.

Невмятулинъ былъ серьезно встревоженъ исчезновеніемъ жены. И прежде съ ней бывали минуты, когда она, подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, послѣ ссоры, уѣзжала на ночь къ своей золовкѣ. Но теперь ей рѣшительно некуда было поѣхать, такъ-какъ знакомыхъ даже въ городѣ не было. Дѣти смотрѣли недоумѣвающе, старуха ворчливо ходила за ними. Эдуардъ Больдъ, поселившійся надъ ними подъ крышей въ двухъ комнатахъ, занялся серьезно культурой садовыхъ растеній, которыя собрался разводить въ ящикахъ, прикрѣпленныхъ съ трехъ сторонъ къ балкону. Онъ былъ молчаливъ, на вопросы Невмятулина только загадочно подымалъ брови и еще загадочнѣе сжималъ губы. Его бѣлая кожа совершенно не принимала загара, и руки, шея, щеки, все на-

поминало какъ и зимой, размоченную въ молокъ булку.

— Да вѣдь надо-же что-нибудь предпринять, говорилъ Невмятулинъ, сидя у него на балконѣ и слѣдя, какъ его голова то наклонялась къ ящику, то поднималась кверху, взглядывая на него черными точками умныхъ глазъ изъ-подъ выпуклыхъ стеколъ очковъ.

— Я тебѣ тысячу разъ повторялъ, мой почтенный другъ, отвѣчалъ Больдъ, — что отъ женщины ты не имѣешь никакого права требовать логики въ поступкахъ. Какъ ты не хочешь понять, что организмы наши слишкомъ различны. Женщина назначена природою для воспроизведенія и кормленія дѣтей; слѣдовательно, логически разсуждая, вся ея нервная система, всѣ функціи ея мозговыхъ отправления вращаются только въ одномъ опредѣленномъ кругу: въ мысляхъ объ упроченіи семейнаго очага.

— Какое-же это упроченіе семейнаго очага, завопилъ Невмятулинъ, — если она бросаетъ дѣтей и дереть чортъ знаетъ куда?

Больдъ остановился, отряхнулъ съ бѣлыхъ пальцевъ землю и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на друга.

— Смотри глубже, сказалъ онъ. — Если ты строго логически обсудишь дѣйствія каждой женщины, то увидишь, что она всегда права,

какъ-бы повидимому ни была предъ тобой виновата. Возьми самое ужасное: жена бросаетъ мужа и уходитъ къ другому мужчинѣ. Что въ данномъ случаѣ ею руководить? Недовольство семейнымъ очагомъ, сознание его совершенства. Она жаждетъ лучшаго очага, вѣрить въ его возможность, надѣется, ищетъ. Она бессознательно руководится инстинктомъ матери устроить лучшее логовище для своихъ дѣтей, хотя-бы вопреки мнѣнію свѣта, собственной репутаціи и прочее и прочее.

— Это все софизмы, сказалъ, морщась, Невмятулинъ.

— Это аксіомы, почтеннѣйшій, аксіомы. Приравнять женщину къ мужчинѣ, требовать чтобъ ея умственный складъ совпалъ съ мужскимъ. — то-же, что найти квадратуру круга.

— Такъ, по твоему, сложить руки, сидѣть и ждать, а не волноваться, не искать, не рыскать по городу.

Больдъ сморщился и склонилъ голову на-бокъ.

— Конечно, ждать, сказалъ онъ. — Повѣрь, она отыщется сама, пріѣдетъ, или дастъ знать.

Онъ не ошибся. Въ то-же утро, ему принесли отъ жены телеграмму. Она сообщала, что лежитъ больная въ гостинницѣ въ Кронштадтѣ и проситъ пріѣхать.

— Ну, вотъ видишь, говорилъ Больдъ, — кто правъ?

— Ты поѣдешь со мной? спросилъ Невмятулинъ.

— Я?

Онъ оттепырилъ губы и посмотрѣлъ на сундукъ, стоявшій въ углу.

— Зачѣмъ-же мнѣ ѣхать?

— Потому-что... Какъ ты не понимаешь!.. Потому, что я могу надѣлать глупостей, а ты меня удержиши. Я слишкомъ вѣбънонъ, а могу позволить что-нибудь лишнее.

Большъ иронически улыбулся.

— Но не будеть-ли комичнымъ нашъ выходъ? сказалъ онъ. — Вѣдь ужъ и такъ говорятъ о насъ слишкомъ много. Что-же мы поѣдемъ въ двухъ персонахъ за однимъ хрупкимъ созданиемъ?

— А, чертъ, какое мнѣ дѣло, что говорятъ о насъ! закричалъ Невмятулинъ, топая ногой. — Я плюю на всѣ эти разговоры.

Онъ взялъ пріятеля за руку.

— Я прошу тебя ѣхать со мной, сказалъ онъ. — Что-нибудь одно изъ двухъ: или она здорова, или больна. Если здорова, — я могу перехватить въ объясненіи съ ней. Если больна, ты мнѣ поможешь. Незнакомый городъ, и все такое.

— Да, поѣдемъ, согласился Эдуардъ. — Но я остаюсь при своемъ мнѣніи, что это глупо.

День былъ сѣрый. По небу неслись тучи.

но дожда не было. Теплый западный вѣтеръ дулъ второй день. Дышалось глубоко; влажный воздухъ легко вливался въ грудь. Больдъ, вѣчно запасливый, вытащилъ респисаніе поѣздовъ и пароходовъ, долго въ него смотрѣлъ и, наконецъ, рѣшилъ, что имъ удобнѣе, ближе и скорѣе ѣхать на парходѣ.

Пока они добрались до пристани, пересеживаясь изъ парового трамвая на извозчика и колеса по мостамъ и узкимъ улицамъ и переулкамъ, прошло не мало времени. Больдъ занималъ своего друга, и нельзя сказать, чтобъ его рѣчи носили слишкомъ утѣпительный характеръ.

— Я прочелъ твою книгу, говорилъ онъ, — кончилъ только сегодня ночью. Ты знаешь, я привыкъ говорить прямо. Я считаю ее нѣсколько нечистоюплотной.

Невмятулинъ захохоталъ.

— Ну, да, ты такъ вылащиваешь себѣ ногти, что тебѣ претивень всякій живой и реальный образъ мужика, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не то, спокойно возразилъ Эдуардъ. — Мужикъ и долженъ пахнуть мужикомъ; я ничего не имѣю, если ты будешь подробно смаковать его запахи, описывать клоновъ, блохъ и прочую фауну, составляющую домашнее хозяйство нашего землянина. Даже это будетъ своего рода *socialism*, — я со всеѣмъ этимъ согласенъ. Но, по моему, ты нечестенъ, какъ писатель.

Невмятулинъ повернулся въ дрожкахъ.

— Я нечестенъ? Я? завопилъ онъ.—И ты мнѣ смѣешь это говорить?

— Не волнуйся, другъ мой, не надо волноваться, надо спокойно выслушать, а потомъ возражать.

— Не могу я спокойно слушать, когда ты предъявляешь ко мнѣ такія обвиненія.

— Ты выслушай, выслушай. Можетъ быть, съ точки зрѣнія твоего лагеря, ты совершенно правъ. Ты выставляешь представителей крестьянства носителями той идеи, которая присуща этому лагерю. Идеи эти удивительно благородны, кристальны, заслуживаютъ самыхъ горячихъ аплодисментовъ. Но, вѣдь ты ихъ навязалъ своимъ почтеннымъ героямъ? Вѣдь эти Юмы и Проклы, которыхъ ты хорошо знаешь, ничего подобнаго не перевариваютъ въ своихъ православныхъ мозгахъ. Они не то, чтобы тупы для этого, а это совсѣмъ имъ не нужно. А тебѣ, ради извѣстнаго направленія, хочется во что-бы то ни стало вырядить мужика и фабричнаго въ костюмъ, котораго-бы тебѣ нравился. Прежде мужички являлись въ нашей литературѣ балетными танцорами, въ плисовыхъ штанахъ, лихо ямщицкой шапкѣ и съ балалайкой. Потомъ они покрылись коростой, колтуномъ и вшами. А теперь они являются пионерами современной философіи, и сквозь коросту ты видишь міро-

вую душу, которая свѣтитъ, какъ солнце, на всю вселенную.

— Да, вижу, подтвердилъ Невмятулинъ.— Вижу въ немъ душу живую, великую, носительницу лучшихъ завѣтовъ, а если ты не видишь, такъ тѣмъ хуже для тебя.

— Все ты выдумываешь, спокойно возразилъ Больдъ.— Ты эту душу, ношеніе великихъ идей и прочее вычиталъ въ книжкахъ, да и то переведенныхъ съ нѣмецкаго. И совершенно насильственно, какъ царь Петръ, перерядилъ фабричнаго изъ ситцевой рубахи въ социалистическую блузу. Вѣдь это-же, душа моя, ложь на жизнь и правду.

Невмятулинъ густо покраснѣлъ.

— Конечно, если ты весь свой вѣкъ будешь сидѣть въ классѣ и доказывать равенство прямыхъ угловъ, ты никогда не будешь итти вровень съ жизнью, и все тебѣ будетъ казаться утрировкой, сказалъ онъ.

— Да много-ли ты-то въ послѣднее время съ крестьянами возился? не унимался Больдъ.— Неужто ты думаешь, я хоть одну минуту вѣрю въ существованіе твоихъ мужиковъ? Да, они у тебя хорошо говорятъ своимъ жаргономъ, ты съумѣлъ это уловить. Но то, что они говорятъ, — говорятъ социаль-демократы, а не они. Вотъ еслибъ у насъ было время, мы взяли-бы въ судьбу нашего возчика, — и онъ навѣрно оказался-бы на моей сторонѣ.

— Ну, извозчикъ — существо испорченное столицей, строго замѣтилъ Невмятулинъ.

— Вотъ и ты такой-же, сказала Эдуардъ. — И ты еще больше испорченъ: столицей, редакціей, переводными нѣмецкими философами. Ты лжешь на жизнь; и втискиваешь ее въ рамки, которыя тебѣ нравятся. Вотъ это я и называю безчестнымъ, конечно, по отношенію къ правдѣ, а не по отношенію къ направленію.

XXXVIII.

Они подъѣхали къ парходной пристани за нѣсколько минутъ до послѣдняго звонка. Вѣтеръ продолжалъ дуть съ той-же силой. Вѣчно аккуратный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, Больдъ сказалъ;

— Пойдемъ сію-же минуту внизъ, закажемъ себѣ обѣдъ и уничтожимъ его. Тамъ, на морѣ, при этомъ вѣтрѣ, куса не проглотить.

Онъ съ аппетитомъ выпилъ рюмку воды, закусилъикрою, засунулъ салфетку себѣ за галстукъ, и сталъ дожидаться соланки, обѣщанной парходнымъ лакеемъ „подать моментально“. Кажется, Больдъ былъ доволенъ, что рѣшился ѣхать, и не безъ пріятности поглядывалъ на какую-то курносенькую барыню въ пенсенѣ, умиравшую отъ хохота надъ телячьей

котлетой. Причиной ея неумѣреннаго смѣха былъ лейтенантъ, до того юный и милый, что напоминалъ едва опушившагося цыпленка. Невмятулинъ разсѣянно поглядывалъ вокругъ, смотрѣлъ на часы, безпокойно повертывалъ свое тучное тѣло, вынималъ зачѣмъ-то бумажникъ и рылся въ немъ. Эдуардъ оставилъ его въ покоѣ и внутренно наслаждался тѣмъ урокомъ, что задалъ пріятелю по дорогѣ сюда.

Они слышали послѣдній звонокъ. Запумѣла вода по бокамъ. Сквозь окна было видно, какъ черная стѣна пристани начала отодвигаться въ сторону. Въ каютѣ стало свѣтлѣе. На мгновеніе наступила тишь, послышалось новое кинѣнье воды, и пароходъ тронулся впередъ, слегка тарахтя и вздрагивая отъ расшатавшей машины.

Эдуардъ со вкусомъ ѣлъ солянку и пилъ портеръ. Съ немольшимъ аппетитомъ, онъ, соблазненный барыней въ неяснѣ, ѣлъ такія-же теллячи котлеты, какія ѣла она, съ бобами, морковью и цвѣтвой капустой. Потомъ онъ предложилъ выпить пунша, рѣшивъ, что здѣсь его хорошо готовятъ, потому-что ѣздятъ много моряковъ. Пуншъ еще больше поднялъ его расположеніе духа, и его бѣлое лицо послѣ втораго стакана нѣсколько покраснѣло.

Они вышли наверхъ. На палубѣ почти никого не было. Вѣтеръ всѣхъ загналъ въ сте-

клянную рубку. Они постояли у борта, подставляя свои лица и платья порывамъ морского вѣтра. Петербургъ уже тонулъ позади. По свинцовой водѣ тянулся широкій слѣдъ отъ ихъ парохода. Густой дымъ относило въ сторону безконечной рыжевато-черной полосой. Порою брызги отъ колесъ долетали до палубы и осыпали ихъ грудь и щеки. Суда подъ полными парусами плавно шли имъ на-встрѣчу. Берега раздвигались все шире, а впереди, казалось, ничего нѣтъ, и было одно безконечное море.

Эдуардъ купилъ газетъ и пошелъ въ рубку. Невмятулинъ остался на палубѣ и, надвинувъ покрѣпче на виски шляпу, смотрѣлъ на зловѣщія черныя волны съ бѣлымъ кружевомъ пѣны. Онъ все думалъ, зачѣмъ его жена поѣхала въ Кронштадтъ, когда у нея никого тамъ не было, и влекло-ли ее туда стремленіе „оберечь семейный очагъ“? Вѣтеръ свистѣлъ, визжали рулевья цѣпи, шумѣли колеса. Флагъ отчаянно трепался на коршовомъ флагштокѣ, рѣзко хлопая по вѣтру. Пароходъ нырялъ то носомъ, то кормою, и горизонтъ впереди то поднимался, то опускался.

У Невмятулина голова горѣла. Онъ снялъ шляпу, и вѣтеръ охватилъ его лысую голову, и освѣжилъ ее. Борода пріятно трепетала подъ его порывами и забрасывалась на правое плечо.

Чухонская лайба совѣмъ у носа перерѣзала путь парохода. Капитанъ что-то кричалъ и сдерживалъ ходъ. Спасательныя лодки качались на своихъ подвѣскахъ.

Невмятулинъ пошелъ въ рубку. Больдъ сидѣлъ въ перчаткахъ, окруженный газетами. Одну изъ нихъ онъ протянулъ пріятелю и сказалъ, не смотря на него:

— Прочти фельетонъ, о тебѣ.

У Невмятулина неприятно екнуло въ груди. Его уже похвалили въ газетѣ Петра Петровича, нашли въ немъ глубину: о немъ писалъ тотъ самый критикъ, который нашелъ тогда за обѣдомъ, что Петръ Петровичъ — цементъ ихъ объединяющій. Но та газета, которую подалъ ему Больдъ, была другого лагеря, и критикъ Шипоносовъ его не долюбивалъ. Поэтому онъ съ неяснымъ предчувствіемъ взялся за газетный листъ.

„Невмятулинъ ужъ далеко не новичекъ въ литературѣ, читалъ онъ, — и книга, выпускаемая имъ нынѣ, чуть-ли не пятый томъ. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ авторъ составилъ себѣ имя, его должно быть читаютъ, и даже называютъ знатокомъ народнаго быта. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ вовсе лишенъ таланта, — но желаніе во что-бы то ни стало быть маленькимъ — вредить ему на каждомъ шагу. Онъ расшаркивается передъ читателемъ, пускаетъ

ему пыль въ глаза, ршеуется мнимой начитанностью, толкуеть что-то о фабрикахъ, о лѣсо-стребленіи, о нълнетвѣ. Все это очень добро-совѣстно и безупречно честно...“

— Ага,—честно? злобно подчеркнулъ Невмятулинъ, указывая Эдуарду ногтемъ это слово.

Эдуардъ спокойно посмотрѣлъ на него.

— То, что критикъ считаетъ честнымъ, по моему нечестно,—вотъ и все, сказалъ онъ и снова погрузился въ свое чтеніе.

Невмятулинъ тоже продолжалъ читать. Шинковосовъ видимо что-то имѣлъ противъ него, и все старался его уколоть и уязвить. Въ концѣ концовъ онъ завляля:

„Въ общемъ книга г. Невмятулина отзы-вается какимъ-то чиновничествомъ. Въ ней нѣтъ свободы мысли. Точно г. Невмятулинъ пишетъ и оглядывается.—„а что, молъ, скажетъ начальникъ отдѣленія“? Прежде въ его писа-ніяхъ этой черты мы не замѣчали!“

— Ну, не мерзавецъ-ли! воскликнулъ Невмятулинъ.—И знаешь-ли, Эдуардъ, чѣмъ это все вызвано?

Эдуардъ съ вопросительнымъ выраженіемъ лица ждалъ отвѣта.

— Тѣмъ, что я не былъ на его юбилей-номъ обѣдѣ. Прежде онъ меня по головкѣ гладилъ, а теперь—противъ шерсти. И вѣдъ отзывъ такого идиота все-же вліяеть на ходъ книги.

— Я тебѣ всегда говорилъ, началъ Больдъ, весь сіяя своимъ собственнымъ достоинствомъ, — что литература у насъ не можетъ обезпечить человѣка, что надо служить, что служба — единственная прочная база въ нашемъ государствѣ. Литература — придатокъ, но въ серьезъ ее брать нельзя. Литературой надо заниматься изъ диллетантизма, но отнюдь не смотрѣть на нее какъ на насущный хлѣбъ. Я не говорю о тѣхъ немногихъ избранныхъ, у которыхъ обезпечено получение десяти-пятнадцати тысячъ въ годъ за ихъ литературный трудъ. А въ массѣ — повѣрь — великій учитель, даже русскаго языка, болѣе обезпеченъ, чѣмъ представитель нищущей братіи.

— Ну, мы съ тобой никогда не сойдемся, сказалъ Невмятулинъ, и, еще болѣе возбужденный и разгоряченный, вышелъ опять на палубу, впустивъ въ рубку черезъ открытую дверь струю сырого и холоднаго воздуха, отчего одна дама въ клѣтчатой накидкѣ, смѣвняясь съ края, взвизгнула и закрылась, точно защищаясь отъ чумной заразы.

XXXIX.

Пріатели наняли извозчика и поѣхали въ гостиницу, адресъ которой былъ указанъ въ телеграммѣ. Дребезжащія дрожки долго трясли

ихъ по улицамъ и, наконецъ, остановились передъ зданіемъ, очень мало внушавшимъ довѣріе. Его фасадъ былъ грязенъ и облупленъ; изъ широкой пасти подъѣзда, куда вели три обгрызанныхъ временемъ ступени, пахло помоями и сквернымъ масломъ. За посинѣвшими и побурѣвшими стеклами виднѣлись сомнительнаго достоинства занавѣски, и бахрома ихъ являлась не результатомъ фабричнаго производства, а слѣдствіемъ той-же сокрушающей руки времени. Навстрѣчу подъѣхавшимъ никто не выбѣжалъ, никто ихъ не встрѣтилъ, и Эдуардъ уже усумнился, та-ли эта гостинница, и нѣтъ-ли въ городѣ другой, носящей столь-же громкое названіе „Сѣверной Пальмиры“.

— „Пальмира“ у насъ одна, и достаточно знаменита, сказалъ извозчикъ, — я ужъ здѣсь восемнадцать годовъ вожу.

— А чѣмъ-же она знаменита? спросилъ, вылѣзая, Невмятулинъ.

Но извозчикъ рѣшительно не зналъ мотивовъ знаменитости. Путешественники поднялись по деревянной вонючей лѣстницѣ во второй этажъ и вошли въ какой-то мутный широкій корридоръ, освѣщенный керосиновой лампой съ закопченнымъ стекломъ. И тамъ ихъ никто не встрѣтилъ. Эдуардъ дошелъ до конца, воротился назадъ, пошелъ въ другую сторону, и, наконецъ, наткнулся на грязнаго малаго, съ

грязной салфеткой и бифштексомъ, плававшимъ въ горячемъ жиру. На вопросъ о госпожѣ Невмятулиной, онъ, не укорачивая шага, и очевидно, желая какъ можно скорѣе освободиться отъ запаха жаркого, дымящагося передъ его носомъ, показалъ салфеткой на черную доску, гдѣ выставлялись имена посѣтителей. и юркнулъ въ какую-то дверь, откуда вывалился цѣлый клубъ табачнаго дыма. На доскѣ былъ начертанъ рядъ именъ, но, къ сожалѣнію, письмо напоминало іератическія буквы египетскаго алфавита, и были доступны только избранной кастѣ. Отчасти можно было разобрать только начальныя прописныя буквы, но такъ какъ три фамиліи повидимому начинались съ Н. то рѣшить, гдѣ находится Авдотья Романовна, было затруднительно.

— Что за дьявольщина! сказалъ Невмятулинъ.

— А вотъ когда этотъ молодой человекъ выйдетъ опять изъ щели, куда ушелъ, я его возьму за воротъ и буду трясти, а ты спрашивай фамилію жены. Можетъ тогда добьемся.

Но Болду не пришлось прибѣгать къ этой средневѣковой мѣрѣ. Рядомъ растворилась дверь, и показалась женщина лѣтъ пятидесяти, вся въ черномъ, съ плоскимъ любопытнымъ лицомъ и масляными глазами.

— Вы не Авдотью-ли Романовну спрашиваете? сладко зашѣтила она.

Невмятулинъ чуть ее не опрокинулъ, такъ стремительно надвинулся на говорившую.

— Здѣсь она, здѣсь, вотъ за этой дверью. А только лучше не входите: только-только започивала. Вы супругъ ихъ будете? обратилась она къ Больду.

— Нѣтъ, я мужъ, быстро сказалъ Невмятулинъ.

— Онѣ очень о васъ спрашивали, я и телеграмку вамъ послала.

— Но, позвольте,—я желаю войти.

— Развѣ соблюдете полиційную тишину. Извольте подойти, глазкомъ глянуть и назадъ. Докторъ только-что былъ.

— Да что-же съ ней?

— Помяли. Очень помяли.

Невмятулинъ отеръ потъ съ лица.

— Что такое? Кто помялъ? За что?

— Развѣ толпа можетъ руководствоваться здравымъ смысломъ,—имени и отечества, извините, не знаю. Толпа—все равно, что медвѣдь,—она ломить. Да неудобно-ли вамъ войти въ сосѣдственный номеръ. Онъ свободный. Тамъ я вамъ все доложу въ порядкѣ, такъ-какъ я была свидѣтельницей всего того, что произошло, и что привело къ столь неожиданной катастрофѣ.

Они пошли въ мрачную большую комнату

съ зеленой занавѣсью, по которой были изображены коричневые цвѣты, а постояльцами прибавлены желтыя пятна. На стѣнѣ висѣло изображеніе неизбежнаго князя Серебрянаго, которому свѣтлорозовая боярыня подносила кубокъ съ виномъ. Отъ времени олеграфія выцвѣла, хотя мухи и старались возстановить ее въ прежнемъ видѣ.

— Какъ вы знаете Авдотью Романовну? спросилъ Эдуардъ.

— Я, можно сказать, вовсе ихъ не знаю, заговорило плоское лицо.—А просто случайное совпаденіе, когда насъ стиснули вмѣстѣ. Я неподалеку отсюда, изъ Сергіевской пустыни. Извольте знать, тутъ на возморьѣ?

— Позвольте, почтеннѣйшая, возразилъ Больдъ.—Эта обитель, сколь мнѣ извѣстно, мужская. Я туда не разъ пикникомъ ѣздилъ на тройкѣ зимою.

— Я тамъ не въ монастырѣ живу, а въ самой слободкѣ,—ради пѣнія и устава монашескаго.—И часто сюда наѣзжаю, ради благодати, чтобы благословеніе получить. И вотъ прошлую пятницу тоже я прибыла. И прибыли несмѣтныя толпы народа сюда-же, чтобы преселиться съ батюшкой,—а онъ на лѣто уѣзжаетъ всегда. Ну, и прибыла съ прочими сюда Авдотья Романовна, такъ-какъ она непременно хотѣла насчетъ семейныхъ вопросовъ имѣть бесѣду.

— Семейныхъ вопросовъ? удивился Невмятулинъ и посмотрѣлъ на Большаго. Тотъ скривилъ лицо, что выражало ироническую улыбку.

— Ну, и остановилась Авдотья Романовна, продолжала быстро любительница мужского хора, такъ быстро, точно отбивала зорю на барабанѣ, — остановилась здѣсь, въ этомъ самомъ отелѣ. И пошла она къ ранней литургіи, чтобъ потомъ тамъ устроиться, чтобъ повидаться съ пастыремъ и получить душеспасительный совѣтъ. Но такъ-какъ сошлись миллионы народа, всѣ тоже желая получить благодать, то можете себѣ представить, какое вышло скопленіе? Все было запружено не только въ соборѣ, но и вокругъ. — Авдотья Романовна пошла въ самую центру близъ двери. Я, какъ человѣкъ удрученный опытомъ, уже знала возможность невѣжественнаго давленія въ толпѣ и потому укрѣпилась на выступѣ въ весьма безопасномъ пунктѣ. И вотъ когда все заволновалось и двинулось, то раздались крики весьма раздражительные, — и особенно кричали старухи и дѣти. Конечно, взрослымъ легче, — наприимѣръ, если мужикъ съ широкой костью: онъ разставитъ локти и дѣлу конецъ...

— Я-бы васъ просилъ, строго замѣтилъ Невмятулинъ, — передать мнѣ только факты, касающіеся моей жены.

— Вотъ я какъ разъ ихъ и передаю, подтвердила рассказчица. — Когда толпа ринулась...

— Позвольте, куда-жь она ринулась? спросилъ Больдъ.

— Да оставь ты ее рассказывать, остановилъ его Невмятулинъ.

— Въ сборъ ринулась, — въ соборъ. И тутъ началась давка, какъ это всегда бываетъ. И хотя болѣе или менѣе все было чинно, такъ-какъ не гулянье это было и не празднество, однако, нѣкоторыхъ сдавили до того, что они впали какъ-бы въ безчувственное состояніе. Я стою на своемъ выступѣ и вижу Авдотью Романовну, что она выдержать не можетъ, потому тисками на нее пруть какіе-то мучники или крючники, — все народъ здоровый. Я ей протянула руку, говорю: просуньтесь ко мнѣ, здѣсь полная безопасность. Она протиснулась, а въ это время произошло общее волненіе всей толпы; ее и придавили.

— Ну? все отирая потъ, понукалъ Невмятулинъ.

— Ну, я тутъ стала кричать не своимъ голосомъ. Это обратило нѣкоторое вниманіе. Авдотью Романовну втащили ко мнѣ, и кѣ стѣнѣ приставили. А такъ-какъ въ то-же время нятерыхъ еще хуже придавили, то скоро народъ рѣдѣть началъ. Я воды достала, попрыскала, и

енрашиваю: „гдѣ изволили остановиться?“ У насъ вѣдь здѣсь есть еще „Пале-Рояль“ и „Бель-Вю“, кромѣ вотъ этой „Пальмиры“. Ну, а онѣ глазки открыли и сообщили адресъ. Я сейчасъ-же соорудовала извозца и привезла ихъ. Хозяинъ обездокоился о ихъ здоровьѣ, потому-что онѣ безъ паспорта. Сами знаете, ежели помрутъ безъ документа, большія непріятности могутъ быть. Ну, позвали сейчасъ доктора. Хорошій такой докторъ, бывалый, изъ морскихъ. Онѣ сейчасъ осматрѣлъ и говоритъ: основательныхъ поврежденій нѣтъ, даже говорить, ребры и тѣ цѣлы. А очень, говоритъ, большая испуга, и конечно, нѣкоторая, помятость. Но такъ-какъ онѣ не тяжелы, то опасности никакой нѣтъ—и скорѣе поврежденія въ мозгу надо опасаться, чѣмъ иного прѣчаго.

Невмятулинъ схватилъ шляпу.

— Гдѣ этотъ докторъ?

— погоди, остановилъ его Эдуардъ:—это мое дѣло. Оставайся здѣсь, на случай, если она проснется, а я его разыщу и поговорю.

— Да ихъ и искать нечего, — они черезъ дѣнь живутъ, — объяснила ихъ собесѣдница. — Вотъ тутъ, противъ рядовъ. Они, кажись, обѣдать понли. И зовутъ ихъ Аристархъ Аристарховичъ. Они ужъ всегда, ежели несчастный случай, пользуютъ: флотскихъ докторовъ

на это взять, вся ихъ практика въ томъ, что люди съ мацъ валятся, и они очень удовлетворительно утѣютъ все возстановить, если что перетряхнуто.

— Такъ я пойду, сказалъ Эдуардъ и отправился къ Аристарху Аристарховичу.

XL.

— Во всякомъ случаѣ, я очень вамъ благодаренъ, проговорилъ Невмятулинъ, когда Больдъ ушелъ. — Будьте добры, сообщите ваше имя.

— Матрца Герасимовна, батюника.

— Я вамъ очень благодаренъ. Матрена Герасимовна. Быть можетъ, вы расходы производили какіе, такъ я, конечно, возмещу.

— Расходовъ всего на тридцать копѣекъ было, потому доктору сами Авдотья Романовна по два рубля платили. Онъ въ третій разъ нынче былъ, такъ вотъ за сегодня онъ извинился — сказали: мужъ пріѣдетъ — тогда. Ну, Аристархъ Аристарховичъ такіе, знаете, любезные, — махнули рукой — „Я, говорить, за удовольствіе считаю васъ ежедневно осматривать, а вы о деньгахъ“.

— Не изъ молодыхъ онъ? безпокойно спросилъ Невмятулинъ.

— Да еще не старь. Годковъ шестьдесятъ пять-шесть — не больше Онъ женился года четыре назадъ, на вдовѣ французскаго учителя. Лѣчилъ ее лѣчилъ, да вдругъ „Исаіе, ликуй!“ „Гряди, голубица!“

— Такъ вы полагаете, никакихъ серьезныхъ поврежденій Авдотья Романовна не получила? переспросилъ онъ.

— Да вѣдь сказалось-бы, батюшка: сегодня вѣдь третій день. Лежитъ она съ легкимъ духомъ, только спитъ по ночамъ плохо. Погодите, я взгляну, можетъ, и проснулась.

Она вошла и сейчасъ-же воротилась.

— Пожалуйте, батюшка, просять.

Онъ торопливо сунулся въ сосѣднюю комнату. На кровати лежала Дуня, съ отекившимъ, какъ ему показалось, лицомъ, но одѣтая въ свой обычный утренній капотъ.

— Дуня,—это что-же такое? заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, растопыривая руки съ короткими пальцами.—Какъ-же это назвать? Ни слова, ни записки. Уѣхала и провалилась. Попала въ толпу, тамъ ее чуть не убили.

Она нервно заворочала головой.

— Ахъ, оставь свои поученія, заговорила она.—Я знаю, ты радъ былъ-бы остаться вдовцомъ.

— Вздоръ ты говоришь, Авдотья.

Онъ сѣлъ къ ней на кровать, наклонился и поцѣловалъ ее въ щеку.

— Здравствуй, сказалъ онъ. — Расскажи, какъ-же все это случилось.

— Не хочу, не буду, капризно заговорила она. — Я его жду, посылаю телеграмму, въ головѣ мысленно десять разъ все рассказываю ему, во всѣхъ подробностяхъ, — а онъ, чуть переступилъ порогъ, — сейчасъ нотацин. Уходи, не хочу тебя видѣть. Оставь мнѣ пятнадцать рублей, и ничего мнѣ больше отъ тебя не надо.

— Да брось ты свои капризы. Я съ Эдуардомъ пріѣхалъ.

Она оживилась.

— Онъ здѣсь? Гдѣ? Зови его.

— Онъ, небось, интереснѣе меня? злобно сказалъ онъ.

— Конечно, интереснѣе. Ему я все расскажу. Онъ никогда не смѣетъ мнѣ ничего сказать.

Онъ погладилъ ее по рукѣ.

— Ну, полно, Дуняха, полно. Не надо, успокойся.

— Я хочу Больда, зови мнѣ Больда.

— Онъ къ доктору ушелъ.

Она отвернулась къ стѣнѣ.

— Ну, а куда онъ не придетъ, я не скажу тебѣ ни слова.

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Ты-бы хоть про дѣтей спросила, про-

говорилъ онъ, поглаживая свою зысню, что всегда было примѣтой его взволнованности.

— Что-жь дѣти? откликнулась она, не поворачиваясь къ нему. — Дѣти здоровы. Если-бы съ ними что случилось, я-бы почувствовала.

— Много ты чувствуешь, пробурчалъ онъ. — Вотъ меня сегодня въ газетахъ обругали, ты почувствовала это?

Она сразу повернулась къ нему.

— А обругали развѣ? И сильно? А? Сильно?

Въ ея голосѣ звучало удовольствіе, и даже глаза у нея загорѣлись.

— Чему-же ты радуешься, я не понимаю? спросилъ Невмятулинъ.

— Это очень хорошо, когда ругаютъ, заговорила она. — Ругаютъ, значить, ты задѣваешь кого-нибудь. Плохо, когда молчатъ. Я очень рада за тебя.

— А я не радъ, возразилъ онъ, — совсѣмъ не радъ, потому-что полшивная ругня меня менѣе обижаетъ, чѣмъ эти истины, что нарекаются съ высоты величія. Книга только-что пошла... Надо будетъ принять мѣры... Повѣхать къ нему... Или устроить, чтобъ насъ свели... Надо поподличать передъ нимъ... Я не хочу губить книгу въ самомъ началѣ. Я вѣдь не иску какъ калачи. Иной вотъ каждый годъ по... а нѣтъ такъ по двѣ; — балетристы —

тѣ даже по три выпускаютъ. Я не ремесленникъ.

Онъ молча заходилъ по комнатѣ.

— Ну, поди сюда, заговорила она послѣ паузы.—Садись на постель. Ты очень обо мнѣ беспокоился?

— Ну, понятно, очень. Еще-бы не беспокоиться!

— Все къ лучшему. Близость смерти заставила меня оглянуться. Я многое поняла и увидѣла.

— Зачѣмъ ты ѣхала сюда?

Она нахмурилась.

— Для тебя.

Этого онъ никакъ не ожидалъ.

— Какъ для меня?

— Мнѣ нуженъ былъ совѣтъ. Я хотѣла захватить отца Іакова, пока онъ еще не уѣхалъ. Я прочла въ газетахъ, что онъ уѣзжаетъ, и поторопилась.

— Да зачѣмъ онъ тебѣ былъ нуженъ? продолжалъ Невмятулинъ, отирая потъ, непротеревшій на его жирномъ затылкѣ.

— Посовѣтоваться о семейной жизни. Я не могу такъ продолжать. У меня путаница въ понятіяхъ о мужѣ, о дѣтяхъ. Я ѣхала съ твердымъ намѣреніемъ открыть душу отъисповѣдываться, приобщиться, и все, все рассказать. Но вдругъ это случилось. Ты знаешь, что это

за ужасъ—толпа, которая, какъ адская машина, сжимаетъ тебя со всѣхъ сторонъ. Быть безпомощной въ толпѣ, и умереть отъ того, что слишкомъ много вокругъ людей, это такъ страшно, какъ ты себѣ представить не можешь. Я точно тонула. Меня сжали и несли. Я ногами не доставала земли. Если-бы я упала, по мнѣ пошли-бы какъ по мостовой.

— Зачѣмъ-же ты лѣзла туда? спросилъ онъ въ отчаяніи.

— Я не лѣзла. Всѣ шли, и я шла. Если-бы не эта женщина, Матрена Герасимовна, я не знаю, что-бы со мною было. Я не знаю, какъ-бы ты меня нашель, если-бы меня раздавили. Вѣдь здѣсь никто не зналъ, кто я. Такъ-бы и похоронили.

При мысли о томъ, какія это были-бы печальныя похороны, Авдотья Романовна не выдержала, она повернулась въ подушку и вдругъ стала рыдать.

— Ну, такъ тебѣ и не удалось побесѣдовать обо мнѣ? спросилъ Невмятулинъ, стараясь ее отвлечь отъ непріятнаго направленія мыслей.

Она отерла глаза и опять повернулась къ нему.

— Нѣтъ. И, знаешь, я не жалѣла. Даже что-то очень странное во мнѣ произошло. Когда я на другой день совсѣмъ ужь пришла въ себя, мнѣ никакой бесѣды не нужно было, — и я рада

была, что не видѣла отца Іакова. Я безъ того поняла, что люблю дѣтей больше жизни. Потому что когда меня сдавили, и я теряла сознание, я думала о дѣтяхъ. Вотъ ты никогда не былъ въ такомъ положеніи, а я увѣрена, что попади ты въ такую толпу и будь на волосокъ отъ смерти, ты-бы многое понялъ изъ того, что теперь не понимаешь. Мнѣ, напримеръ, ясно, что жизнь дорога, и что дѣти дороги, и что ты дорогъ, — и что поэтому жить стоитъ. И такое странное ощущеніе у меня по ночамъ. Будто я вся въ ватѣ лежу, или въ мыльной пѣнѣ. И такъ мнѣ мягко и спокойно, какъ въ люлькѣ.

Въ двери послышался стукъ и вошелъ Эдуардъ.

— А! потерпѣвшая! сказалъ онъ, стараясь мягко улыбнуться, и подходя къ больной.

— Хорошо вамъ смѣяться! воскликнула она, и въ ея голосѣ послышалась нотка кокетства. — Я вотъ мужу говорила, что желаю ему испытать, что сама испытала. А вотъ вамъ я искренно желаю, чтобъ васъ раздавили такъ, чтобъ изъ васъ выдавили эту привычку вѣчно надо всѣмъ смѣяться.

Онъ пожалъ ея руку и сказалъ;

— Ну, да вѣдь все обошлось благополучно, — значить, не о чемъ сокрушаться. Я сейчасъ былъ у вашего доктора.

— Ну, что-же? накинулся на него Невмятулинъ.

— Да ничего. Показалъ мнѣ коллекцію браминскихъ идоловъ.

— А насчетъ Дуни?

— А насчетъ Авдотьи Романовны говорить, что должно быть ничего нѣтъ, потому что ничего не болитъ. Онъ совѣтовалъ ей сѣсть въ ванну, и чтобъ ее эта салопница крѣпко растерла, тогда-бы обнаружилась гдѣ-нибудь боль.

— Почему-же салопница! съ горечью воскликнула Авдотья Романовна. — И откуда я возьму ванну, когда я не встаю съ постели, а здѣсь въ гостинницѣ ея нѣтъ?

— Я про то и говорю, подхватилъ Больдъ, — что все обошлось превосходно безъ ванны.

— Представь, сказалъ Невмятулинъ, — она сюда пріѣхала, чтобы совѣтоваться обо мнѣ и дѣтяхъ съ отцомъ Іаковомъ.

— Женщина всегда заботится о семейномъ очагѣ! торжествующе говорилъ Больдъ. — Ты мнѣ не вѣрилъ. Она всегда права, потому что никогда ни о чемъ не думаетъ и поступаетъ по инстинкту.

День закончился мирно. Къ постели больной былъ пододвинутъ обѣденный столъ; къ обѣду была приглашена Матрена Герасимовна и не безъ удовольствія приняла это приглашеніе.

Большъ самъ ходилъ внизъ, въ буфетъ, и умолялъ со слезами на глазахъ, нельзя-ли приготовить кушанье не на жиру, а на маслѣ. Въ буфетѣ висѣла картина, на которой были изображены нимфы въ гротѣ, нисколько не похожія на нимфъ, но повидимому доставлявшія удовольствіе посѣтителемъ своими многообъщующими улыбками. Матрена Герасимовна чокнулась съ Большомъ и выпила двѣ рюмки водки, отчего стала еще разговорчивѣе и сообщила много очень поучительныхъ чертъ изъ жизни своего покойнаго мужа, который былъ тихъ и кротокъ какъ теленокъ въ трезвомъ состояніи, а въ пьяномъ видѣ билъ ее объ уголь печки и выбрасывалъ изъ окна, такъ что она нарочно и приступеку такую устроила подъ окномъ, чтобъ не больно было падать. Оттуда у нея было и знакомство со всякими поврежденіями на тѣлѣ.

— И жалостливая съ той поры стала, рассказывала она.— Ежели бьютъ кого, или давятъ, у меня сердце рвется, помочь хочу.

Послѣ обѣда рѣшили ѣхать немедленно, но черезъ Ораніенбаумъ, чтобъ было теплѣе. Авдотья Романовна говорила, что она очень слаба. Но ее благополучно доставили сперва на пароходъ, потомъ въ вагонъ, а съ вокзала повезли на дачу въ каретѣ. Пріѣхали они только къ двумъ часамъ утра, и вылѣзая изъ экипажа, Авдотья

Романовна такъ растрогалась, что снова залилась слезами: она не могла удержать порыва своихъ чувствъ при видѣ кровли дома, гдѣ горѣлъ ея семейный очагъ.

XLI.

Князь все не могъ рѣшить — ѣхать-ли ему на Сергіевскую обѣдать. Онъ заѣхалъ въ Hôtel de France, — и уже не засталъ Фимы: она уѣхала съ Вобловой, — и вещи ея стояли въ прихожей, въ ожиданіи отправки. Еще утромъ онъ получилъ отъ Вобловой записку, съ просьбою пріѣзжать. Въ пять часовъ посыльный принесъ записку отъ Фимы. Она писала: „Милый, пріѣзжай, пожалуйста. Мнѣ тяжело, грустно, кисло, горько. Ты одинъ хоть немного разсѣешь меня. Не долго я къ тебѣ буду приставать, — потѣшь меня напоследокъ“.

Онъ поѣхалъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ былъ уже доволенъ тѣмъ, что онъ здѣсь. Въ „картинной галлерей“ сидѣла Воблова съ Фимой. Противъ нихъ, на тоненькомъ золоченномъ стулѣ, помѣщался худой блондинъ съ цѣлой шапкой густыхъ волосъ. Лицо его было утомлено, почти печально; но въ сѣрыхъ глазахъ свѣтился умъ и они добро смотрѣли на всѣхъ.

— Петръ Ананьевичъ Минусинъ, сказала Воблова.

Олсуфьевъ какъ-то дрогнулъ. Это, должно быть, былъ женихъ Фимы. Но онъ тотчасъ-же поборолъ себя,—и пожалъ ему руку. Онъ сѣлъ на указанное ему кресло и сталъ слушать, что говорилъ еще до его прихода Петръ Ананьевичъ.

— Въ общемъ я очень доволенъ моей работой, говорилъ онъ, не торопясь и отчетливо произнося слова съ московской оттяжкой.— Теперь дѣло я знаю и практически, и теоретически, такъ, что меня ни одинъ американецъ не проведетъ, а еще каждому изъ нихъ пять очковъ впередъ дамъ.

— А скучали тамъ? спросила Воблова.

— По первоначально было скучно. Ну, да вѣдь и къ острогу привыкаютъ, тутъ я все-же по своему дѣлу. Безъ русскаго языка скучно. Потомъ-то ужъ русскіе нашлись, ходить стали. Да вѣдь и это не люди, а такъ—оскребыши. Только норовили денегъ урвать. А такъ-то—цѣлый день въ работѣ; измаешься, какъ послѣдній прохвостъ. Только и радъ одному—скорѣе до койки добраться.

— А вы на койкахъ спали? спросила опять Воблова.

Онъ усмѣхнулся.

— По началу, я въ гостинницѣ жилъ, и съ фабрики въ фіакрѣ домой ѣздилъ, и прямо въ ванну. А потомъ переѣхалъ на общежитіе, и ванну бралъ только по субботамъ; въ воскре-

сенье по утрамъ пѣлъ гимны съ рабочими, а по вечерамъ пилъ съ ними гдѣ джинъ, гдѣ виски, гдѣ пуншъ. Ничего, сошлись. На одной фабрикѣ, кромѣ управляющаго, никто и не зналъ, кто я, — только знали, что русскій. Однако, прощальный обѣдъ мнѣ устроили: я, уходя, на ихъ рабочій госпиталь тысячу фунтовъ далъ на устройство операціонной, — части переломы и раздробленія, — знаете: блузу втянетъ машина въ себя, — шабашъ. Я раза два чуть не попался: благо сила у меня есть, пополамъ перервалъ полу, ну, и устоялъ.

Онъ рассказывалъ это не радуясь, а съ какимъ-то сожалѣніемъ и покорностью судьбѣ. Онъ помогалъ словамъ, жестами, довольно часто поднимая загорѣлую тонкую руку съ веснушками и дѣлая какіе то странные зигзаги. Говоря, онъ больше смотрѣлъ на Воблову и на князя, на Фиму-же взглянулъ раза два мимоходомъ, Она сидѣла, поджавши ноги на диванѣ, смотрѣла разсѣянно по сторонамъ и обмахивалась японскимъ вѣеромъ. Онъ видимо избѣгалъ ее, — она смотрѣла на него равнодушно.

— Вотъ Петръ Ананьевичъ пробылъ нѣсколько лѣтъ за границей, объяснила Воблова князю: — изучалъ фабричное дѣло, теперь воротился совсѣмъ въ Россію.

— Думаете примѣнить теперь знанія на практикѣ? спросилъ князь.

— Да уж коли потерялъ столько времени на изученіе,—такъ ужь, конечно, отвѣчалъ онъ.

— Почему-же потеряли?

— Да, строго говоря, конечно, все это пустяковинное дѣло. Жили до сихъ поръ безъ этихъ усовершенствованій, и впередъ-бы прожили. Такъ все больше пустяки и мелочи, — для удобства рабочимъ. Все это какъ-то, знаете, шатко и валко. Чтобы рабочему легче было работать, а не дѣлать лишнихъ движеній, приспособленія разныя изобрѣтены; а когда онъ дома жену и дѣтей бьетъ, — до этого никому дѣла нѣтъ. Заботятся все о рабочемъ, а не заботятся о Джемсѣ, Жакѣ, Карцѣ. Рабочій ихъ интересуется, какъ разумный регуляторъ машины. Они и школы для этого заводятъ, и все, — а развратъ среди фабричныхъ все такой-же. Ходятъ за границей разныя барыни и попы — раздаютъ душевспасительныя книжки да Евангеліе, — да вѣдь у насъ то-же дѣлаютъ, а это дѣло непригодное. Евангеліе понять надо. Суньте такъ его въ руку рабочему, — пачнетъ онъ читать съ начала: „Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Иакова“, — мало пользы будетъ, — да и печать для рабочаго въ маленькихъ изданіяхъ мелка.

Лакей доложилъ, что подали кушать.

— Пойдемте, сказала князю Воблова. — Мы новаго повара пробуемъ, — отъ какого-то гра-

фа, — вотъ вы и скажете, какъ готовить. Только я ему весь обѣдъ испортила: велѣла вмѣсто закуски подать раковъ по-русски, — онъ чуть не плакалъ съ горя. — говоритъ, что это нигдѣ не дѣлается. Вы кушаете раковъ, князь?

— Да, — я выросъ на рѣвѣ, гдѣ раки стояли двѣ копѣйки ведро, отвѣтилъ Олсуфьевъ.

— Ну, и чудесно, — пойдите.

Въ темной столовой былъ накрытъ небольшой столъ. Передъ складнемъ горѣла лампада. Минусинъ глянулъ на него разсѣянно, и по привычкѣ перекрестился. Въ граненыхъ хрустальныхъ графинахъ стояли вина. Въ майоликовой вазѣ были цвѣты, вѣроятно привезенные Минусинымъ.

— А мы вѣдь вчера только получили ваше письмо, Петръ Ананьевичъ, сказала Воблова.

— Да, я вслѣдъ за письмомъ выѣхалъ, отозвался онъ. — Для себя совсѣмъ неожиданно. У меня окна на востокъ выходили. Ночью не спалось мнѣ — сталъ я смотрѣть на зарю. Вотъ думаю, — ужъ въ Россіи солнышко взошло. И потянуло меня туда, на разсвѣтъ. Въ тотъ-же день и уѣхалъ.

Фима не ѣла раковъ, — и смотрѣла на нихъ съ отвращеніемъ. Она положила локти на столъ и, отрѣзая маленькими ломтиками красную редиску, намазывала ее команберошъ и лѣниво, кусочекъ за кусочкомъ, клала въ ротъ. Изрѣдка

князь ловилъ ея взглядъ. Взглядъ этотъ, казалось ему, говорилъ:

— Это ничего, все ничего, — не надо обращать вниманія.

— Вы не находите, что Фима похудѣла и похорошѣла? спросила у Минусина Воблова.

Минусинъ оставилъ на минуту раковъ, вытеръ руки, неторопливо повернулъ свою голову къ Фимѣ и прямо посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ.

— Да, Серафима Провна какъ-будто была больна, медленно сказалъ онъ, рассматривая ее. — А собой она такая-же, какъ и прежде, я разницы не вижу. Всегда она была прелестна.

Краска густо залила щеки Фимы. Она бросила редиску и откинулась на спинку кресла, которое было ей поставлено вмѣсто стула.

— Вы выучились комплименты говорить, сказала она.

Онъ ничего не отвѣтилъ, и все смотрѣлъ на нее. Потомъ съ трудомъ оторвалъ отъ нея глаза и тоже отодвинулъ отъ себя тарелку.

— А вотъ у васъ нездоровый видъ, сказала Воблова.

— Да, у меня было нервное разстройство, отвѣтилъ онъ. — Я недавно присутствовалъ при смертной казни. Это на меня повліяло.

— Зачѣмъ-же вы присутствовали? спросила Воблова.

— Такъ пришлось. Я былъ по дѣлу у министра... Казнь была назначена на другой день: одного рабочаго, который убилъ пять человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ дѣтей, чтобы взять изъ комода нѣсколько грошей. Меня пригласили въ видѣ особенной любезности, точно я былъ корреспондентъ „Times“. Я хотѣлъ испытать свои нервы. Передъ этимъ я видѣлъ ампутацію ноги, и выдержалъ. Тутъ я имѣлъ неосторожность принять приглашеніе.

Онъ остановился и провелъ руками по своей мощной шевелюрѣ. Всѣ смотрѣли на него. Даже интеллигентный лакей, забывъ свое достоинство и приличіе, уставился на него.

— Ну; и что-же, расскажите! воскликнула Воблова.

— Нѣтъ, увольте, сказалъ онъ, и въ глазахъ его что-то дрогнуло.—Я послѣ этого двѣ недѣли не спалъ. Для должности даже помощника палача нужно имѣть специальную нервную систему.

Всѣ замолчали.

— Я пошелъ туда, продолжалъ онъ, — потому-что слишкомъ былъ возмущенъ грубостью, животностью, звѣрствомъ этого Сноба, убійцы. Онъ на глазахъ параличной старухи рѣжетъ шестилѣтнюю дѣвочку, двухлѣтняго мальчика, послѣ того какъ зарѣзалъ двухъ прислугъ въ кухнѣ. Старуху онъ

пришибаетъ каминными щипцами, проломивъ ей голову, и всетаки она живетъ послѣ этого пять сутокъ и показываетъ на него. Онъ ни минуты не рассказывался въ томъ, что сдѣлалъ, пока отослалъ къ чорту, на судѣ заявилъ, что сожалѣетъ, что не добилъ старуху сразу, но что ей давно пора умирать. Что касается дѣтей, то онъ съ удивительнымъ цинизмомъ говорилъ, что быть можетъ изъ нихъ выпли-бы образцовые мерзавцы, и быть можетъ, онъ, убивъ ихъ, освободилъ міръ отъ чумы, и ему же общество должно быть благодарнымъ. Его единогласно приговорили къ смерти. Мнѣ хотѣлось взглянуть на него.

— Какой-же онъ? спросила Фима.

— Короткошей, бритый, съ усами. Въ немъ было презрительное спокойствіе. Онъ мнѣ казался человѣкомъ, который могъ ходить, говорить, ѣсть, курить, но у котораго не было сознанія того, что онъ дѣлаетъ? Въ то время, какъ всѣ вокругъ него сдерживались, чтобы не показать своего ужаса, онъ былъ совершенно покоенъ. Да оно и понятно. Убійство въ этотъ моментъ совершалъ не онъ, а другіе.

— А вы смертную казнь допускаете? спросила Фима.

Онъ пожалъ плечами.

— На это трудно отвѣтить. Одно убійство не искупится другимъ убійствомъ. Но у насъ

очень узко смотреть на казнь. Мы на фабриках предаемъ иногда медленной смерти рабочихъ, и это не считается преступленіемъ. Мы переутомляемъ машинистовъ до обморока. Мы доводимъ до чахотки дѣтей; мы заражаемъ и развращаемъ подростковъ, и на это всѣ смотрятъ легко. Между тѣмъ, и тамъ и тутъ смерть и смерть насильственная. Убить безвозвратно испорченнаго человѣка—преступленію, а отравить цинкомъ или ртутью ничѣмъ неповинную цвѣтущую дѣвушку—это не преступленіе. Надо ужь быть послѣдовательнымъ, и прежде чѣмъ вопіять о смертной казни, не казнить смертью невинныхъ.

— Это все силлогизмы и рогагы, замѣтилъ князь.

— Очень можетъ быть-сь, сухо возразилъ онъ,—но я собственно высказываю не силлогизмы, а свое мнѣніе.

XLII.

Послѣ обѣда Фима взяла князя подъ руку и вышла съ нимъ въ залу.

— Я зла, сказала она.—Зачѣмъ его принесло сюда?

— Да, скажите, женихъ онъ вамъ или нѣтъ? спросилъ князь.

— Да ничего подобнаго! воскликнула она. —
 Такихъ жениховъ я вамъ десятокъ начту. Сестра,
 братъ и Вобловы хотятъ, чтобы я шла за него
 замужъ. Онъ мнѣ дѣлалъ предложеніе, я отка-
 зала. Онъ меня спросилъ: „а надѣяться можно?“
 Я ему на это отвѣтила: „Надежда—кроткая
 посланница небесъ“, и этимъ все кончилось.
 Теперь увидимъ, что будетъ. Но, пока онъ не
 женихъ мнѣ.

Она вздохнула, точно сбросила съ себя тяжесть.

— А теперь, князь, вотъ что: мы ѣдемъ
 куда-то, въ какой-то вертепъ на Острова. По-
 ѣдемъ съ нами. Пойдите; не перебивайте.
 Васъ никто не заставляетъ садиться въ нашъ
 экипажъ, и даже въ нашу ложу. Но будьте
 въ театрѣ. Голубчикъ мой, ну сдѣлайте это.
 Вѣдь я такъ мало отъ васъ чего прошу. Я
 знаю, мы вамъ не компанія, вамъ и скучно,
 да и неприлично, можетъ быть, съ нами—ну,
 да ужь, что дѣлать! Поѣдешь? Да?

Князь сказалъ, что пріѣдетъ попозже. Ему
 и не хотѣлось быть съ ними, и въ то-же время
 онъ чувствовалъ къ Фимѣ какую-то безотчетную
 жалость. Судьба связала его съ этой полу-жен-
 щинной, съ полу-ребенкомъ, и онъ считалъ себя
 же вправѣ отойти отъ него.

Онъ все анализировалъ свое чувство къ Мери,
 и все болѣе и болѣе запутывался въ этомъ
 анализѣ. Между Фимой и Мери было много

общаго въ ихъ странной, жалкой судьбѣ. Но Мери казалась ему гордой, чистой, несмотря на все прошлое, сдержанной, отзывчивой и въ то-же время скрытной женщиной. Фима была вся порывъ, вся судорожная полу-дѣтская шалость, но въ ней не было чистоты, въ ея глазахъ свѣтился чертенокъ познанія добра и зла. Она была плохо воспитана, да онъ и не зналъ—образована она или нѣтъ. Къ обѣимъ изъ нихъ имѣють отношенія, какъ-будто даже права на нихъ, посторонніе люди, дѣлавшіе имъ предложенія. Для Мери Чонгаровъ потерянь навсегда, онъ священникъ и женатъ. За Минусина Фима можетъ завтра выйти замужъ. Но, въ то-же время, скажи князь одно слово,— и Фима пойдетъ за нимъ, а Мери, точно также,— быть можетъ, ждетъ одного слова Чонгарова. И отношенія обоихъ: и Чонгарова и Минусина къ обѣимъ женщинамъ были вполне понятны: оба любили, сдѣлали предложеніе, обоимъ отказали. Оба круто повернули въ сторону: одинъ принялъ санъ священника, другой уѣхалъ рабочимъ въ Америку. Но связь ихъ не порвалась съ этими женщинами: ихъ снова влечетъ къ нимъ сюда, и они идутъ въ неясной надеждѣ на возможное счастье.

Но онъ самъ, князь Олсуфьевъ, — что-же онъ стоитъ помѣхой между этими людьми? — Что ему нужно отъ Мери? Вѣдь она сказала ему

прямо, что замужъ за него не выйдетъ. Что ему нужно отъ Фимы? — Фима — случайная встрѣча. Если-бы онъ любилъ ее — онъ ни одной минуты не остановился-бы — и взялъ ее въ жены. Но была какая-то неуловимая для него черта, которая не допускала его близко подойти къ ней, которая отталкивала его отъ нея. А если такъ, — то зачѣмъ-же онъ ѣдетъ сегодня въ этотъ увеселительный притонъ, — зачѣмъ онъ обѣдалъ у этой купчихи и ѣлъ стряпню графскаго повара, скорѣе отзывавшуюся дешевымъ рестораномъ?

— Порвать это все! думалъ онъ, глядя на тучи заката, столпившіяся на сѣверо-западѣ и яркимъ пурпуромъ загорѣвшіяся надъ Невой. — Порвать все, взять отпускъ, уѣхать къ брату на мѣсяцъ, пить молоко, гулять, возиться съ племянниками, слушать вѣчное скрипѣнье Кира, который съ жира бѣсится. Такъ и надо сдѣлать. Поѣду къ Ивану Петровичу и попрошу объ отпускѣ. Но поѣхать туда, — опять увидѣть ее, и быть можетъ, съ нимъ? — И такъ онъ уже глупо по-мальчишески себя велъ, когда такъ внезапно бѣжалъ отъ нихъ послѣдній разъ. Написать ему? Нѣтъ — чего-же бояться? Надо всегда всему открыто смотрѣть въ глаза.

Онъ подъѣхалъ къ увеселительному саду часу въ одиннадцатомъ, — ко второму отдѣленію въ закрытомъ театрѣ, — когда съѣзжаются сюда

„порядочные“ люди. Взявъ себѣ кресло, онъ прошелъ черезъ садъ, безвкусно украшенный разными постройками въ мнимо-русскомъ вкусѣ, и — несмотря на бѣлую ночь, еще безвкуснѣе освѣщенный разноцвѣтными лампіонами. Пестрая толпа, праздная, скучающая, недовольная, бродила по дорожкамъ, равнодушно останавливалась передъ сценой, гдѣ какіе-то крохотные мальчики и дѣвочки, подъ руководствомъ огромнаго, заплывшаго отъ пива нѣмца, прыгали и кувыркались, — мелькая своими худенькими какъ палочки ноженками и рученками. Въ тирѣ стрѣляли изъ монте-кристо, и всѣ цѣплялись въ какой-то стеклянный шаръ, по которому нулька скользила, но котораго никакъ не могла разбить. За накрытыми столиками сидѣли подкращенныя женщины и голоднымъ взглядомъ смотрѣли на проходящихъ мужчинъ, стараясь имъ улыбнуться. Онѣ просили хлѣба на пропитаніе и въ обмѣнъ за это сулили самую искреннюю любовь и страсть, — всего на нѣсколько часовъ. Какіе-то молодые люди въ котелкахъ и цилиндрахъ нагло разсматривали ихъ, выбирая, которая помоложе и которую пріятнѣе взять. И едва эти женщины встрѣчали ихъ взглядъ, какъ спѣшили сдѣлать ласковое лицо, которое говорило: „видишь, какая я; позови меня, я пойду съ тобой куда хочешь, и буду готова на все, на что способна женщина, страстно лю-

башая мужчнну. Но ты долженъ мнѣ за это заплатитъ. Мы сперва условимся, сторгуемся. — а затѣмъ ты увидишь такую поддѣлку подъ искренность и ласку, что право ничѣмъ она будетъ не хуже законной любви вашихъ супруговъ“.

Князь пробирался мимо нихъ, задѣвая полами пальто и локтями ихъ накидки, зонтики и широкіе рукава. Ему съ омерзѣніемъ вспомнился тотъ періодъ неизбѣжнаго городского разврата, когда онъ, еще бывши въ училищѣ, ѣздилъ съ товарищами по увеселительнымъ заведеніямъ и хвастался на другой день своими подвигами въ разныхъ вертепахъ, куда худшихъ, чѣмъ это заведеніе. Онъ скоро отсталъ и бросилъ товарищей, — хотя еще года два онъ встрѣчалъ ласково ему улыбающихся знакомыхъ барынь съ подведенными глазами, кивавшихъ ему, какъ старому другу. Теперь уже никого у него не осталось въ этомъ кругу, — да и товарищи его, затянувшись въ прокурорскіе и вице-губернаторскіе мундиры, давно поженились, завели, кромѣ женъ, любовницъ, и рѣшительно оставили этотъ мальчишескій разгулъ.

Въ первомъ ряду онъ увидѣлъ знакомыя лица. Тутъ сидѣли завсегдатаи вертепа: какіе-то старцы, напоминавшіе давно высохшія мощи угодниковъ; необычайно тучные мужчины съ

усами, еле помѣщавшіеся въ креслахъ и сонѣвшіе на всю залу носомъ; молоденькіе офицеры въ чистенькой съ иголочки формѣ и съ невинно-растеряннымъ полудѣтскимъ выраженіемъ лица. Въ ложахъ видѣлись дамы съ своими мужьями или лицами, занимавшими эту должность; даже въ одной изъ ложъ можно было замѣтить молоденькихъ дѣвушекъ, привезенныхъ сюда полупьянымъ отцомъ, потѣшавшимся ихъ радостной конфузливостью. Мизерный, рѣзкій оркестръ гремѣлъ и раздиралъ уши. Гдѣ-то въ литерной ложѣ хохотали. Старикъ банкиръ, котораго зналъ Олсуфьевъ, сидѣлъ въ этой ложѣ сзади французской артистки и что-то ей строго выговаривалъ, а она поспѣивалась и бросала изъ бонбоньерки конфеты на головы музыкантамъ.

Князь года три не бывалъ здѣсь, — но увидѣлъ, что все по старому, — только у молоденькихъ офицеровъ были другія лица. Даже фамиліи тѣхъ особъ, что были выставлены на афишѣ, очень мало отличались отъ прежнихъ. Прежде была англичанка Пэль, а теперь англичанка Мэль. Прежде пѣла Сесиль Ро, а теперь поетъ Сесиль Ру. Прежде платья на исполнительницахъ были короткія, и корсажи открывали ихъ выхолощенное, вымазанное тѣло до пояса и спереди и сзади. Теперь платья были до полу и декольте было самое умѣренное, что нисколько

не препятствовало артисткамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно усилить текстъ шансонетки, показывать свои колѣни.

И вотъ стали онѣ выходить поочереды, — эти парижанки, съ чувственными, красивыми губами, пухлыми щеками, слегка подкрашенными вѣками и невинно-напускнымъ взглядомъ плотоядныхъ глазъ. Длинное платье не мѣшало имъ въ каждомъ движеніи и поворотѣ болѣе трогать инстинкты толпы, чѣмъ еслибъ онѣ были въ самыхъ легкихъ туникахъ. Та скромность и невѣдѣніе, что искусно сквозили въ ихъ жестахъ, голосѣ и лицѣ, прикрывали собою самый чудовищный цинизмъ и пошлость самыхъ грязнѣйшихъ монмартровскихъ кабаковъ.

Всѣ онѣ пѣли законный номеръ, обозначенный въ программѣ. И публика слушала ихъ сонно. Но раздавался *bis*, и все оживало. Оживали слушатели, оживалъ оркестръ, оживала сама исполнительница. Новая пѣсенка сопровождалась такой интонаціей, что порою публика не выдерживала, и раздавались восклицанія:

— Ахъ, чортъ тебя дери!

Или:

— Bravo! Bravo! Восторгъ!

Барыни закрывались вѣерами, хихикали, толкали локтемъ и колѣномъ своихъ кавалеровъ, и все глубже и глубже погружались въ смрадъ

ную атмосферу этих полунамековъ, намековъ, поднятыхъ выше головы ногъ, атласныхъ подвязокъ и кружевныхъ юбокъ. Одурающее ритмическое движеніе голыхъ плечъ и рукъ, однообразный ритмъ оркестра, глаза, выражающіе какое-то болѣзненное, судорожное наслажденіе грязенькимъ, сквернымъ развратикомъ, — все это постепенно все сильнѣе и сильнѣе охватывало залу, и давало надежду тѣмъ дѣвицамъ, которыя сидѣли у столиковъ внѣ театра, что и на сегодня ихъ ловъ разгоряченныхъ кавалеровъ окажется удачнымъ.

Блондинка въ черномъ платьѣ, пѣла о томъ, какъ у ней не было часовъ, и какъ она все справлялась въ квартирѣ сосѣда—который часъ. Одинъ изъ перворядниковъ до того ржалъ при нѣкоторыхъ словахъ, что надъ нимъ смѣялись больше, чѣмъ надъ скабресными намеками блондинки. Брюнетка въ палевомъ платьѣ и съ кустиками черныхъ волосъ подъ мышками бѣлыхъ и полныхъ рукъ, до локтей покрытыхъ перчатками, пѣла о какомъ-то святомъ, который купался, и какое чудо совершилось съ нимъ во время купанья, и какъ за это святая католическая церковь его канонизировала. Чудо было такого свойства, что по театру раздалось:

— Охо-хо! однако!

Потомъ танцовали двѣ англичанки, и такъ

неосторожно, что многіе отворачивались: ужь очень было противно. Князь вспомнилъ про „Торжествующую пѣснь зарослей“, что онъ тогда смотрѣлъ въ театрѣ вмѣстѣ съ Мери, и ему стало смѣшно это сопоставленіе.

XLIII.

Съ ощущеніемъ какого-то тягучаго чувства изжоги, вышелъ онъ, не дожидаясь конца, изъ кресель, и замѣтивъ въ крайней ложѣ Воблову, пошелъ къ ней. Впереди сидѣла Фима, сзади ея стоялъ пустой стулъ, очевидно, оставленный для него. Минусинъ сидѣлъ позади Вобловой, надѣвъ цилиндръ нѣсколько по-московски — на-бокъ, сложивъ на груди руки и откинувшись на спинку стула. Онъ не смотрѣлъ на сцену. Взглядъ его скользилъ мимо уха и завитковъ круто вьющихся волосъ Фимы, выбившихся изъ-подъ ея шляпки. Онъ видѣлъ ея кругленькую, теперь нѣсколько похудѣвшую щеку и крохотную руку, которой она держала маленькій бинокль, съ маркизами и цвѣтами. При входѣ князя, онъ слегка дотронулся до шляпы и пододвинулъ ногу, чтобъ тому было удобнѣе пройти.

— Какая мерзость, сказала Фима Олсуфьеву.

— Вольно-же вамъ было сюда ѣхать, отвѣтилъ онъ.

— И все это одно и то-же, замѣтилъ Минусинъ.— Годъ назадъ всѣхъ ихъ я видѣлъ и въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Въ Парижѣ за это „Чудо“ шикали.

— Я больше не останусь, мнѣ надоѣло, сказала Воблова, отодвигая стулъ.

— Чаю напьемся? спросилъ Минусинъ.

— Здѣсь неудобно, замѣтилъ князь.

— Все равно, сказала Воблова:— не велики мы аристократы, и здѣсь напьемся, чѣмъ по новымъ кабакамъ ѣздить. Позвала-бы я васъ къ себѣ, да боюсь, что старикъ вернется усталый. Онъ хотѣлъ на послѣднемъ поѣздить.

Они пошли, выбрали мѣсто подъ навѣсомъ большого крытаго загона и расположились тамъ. Воблова сбросила на стулъ свое верхнее платье, на которое съ завистью глядѣли сосѣдки съ сосѣднихъ столовъ, и Минусинъ распорядился чаемъ.

— Кому нужна эта гадость?—спросилъ онъ, обводя усталыми глазами вокругъ.

— А вотъ намъ, смѣясь, сказала Фима.— Когда людямъ некуда дѣваться, когда они чувствуютъ, что въ городѣ можно задохнуться отъ пыли, они ѣдутъ сюда.

— И дышать тоже пылью: посмотрите — столбомъ стоять.

Воздухъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ мутный. Какъ въ банномъ пару, жидко просвѣчивали сквозь него желтыя и бѣлыя пятна электрическихъ шаровъ. Въ туманѣ двигались шляпы и цвѣты, мелькали зонтики и налки. На эстрадѣ какой-то панславянскій оркестръ что-то такое дудилъ и заслуживалъ одобреніе сидящихъ вокругъ. Пахло духами, цвѣтами, пивомъ и луковымъ соусомъ, въ перемежку съ тѣмъ сквернымъ табакомъ, который, по мнѣнію курильщиковъ, въ Россіи лучше чѣмъ гдѣ-нибудь.

— А вы въ Москву скоро? спросила Воблова Минусина.

— Не знаю, какъ управлюсь въ дѣлахъ, сказалъ онъ и мелькомъ взглянулъ на Фиму.

— Я на-дняхъ уѣзжаю въ отпускъ, внезапно проговорилъ князь, хотя его никто объ этомъ не спрашивалъ.

Фима повернулась къ нему.

— Надолго?

— На двадцать восемь дней.

Она ничего не сказала.

— Боже мой, кого я вижу! раздался пьяный голосъ съ сосѣдняго стола. — Ваше сіятельство! Какъ я счастливъ встрѣчей!

И тяжело вставая, и роняя стулъ, къ нему съ улыбкой приблизилась фигура Огнешапова. Лицо его было мокро и красно, уши какъ-то повисли по сторонамъ. Онъ подошелъ шага на

два къ князю, разставилъ ноги, приподнялъ шляпу, но подать руки не рѣшился.

— Смотрю, — знакомое лицо, продолжалъ онъ, взглядывая на своего собесѣдника, усатаго. плохо выбритаго господина, какъ-бы призывая его въ свидѣтели.— Думаю, ужели такое пріятное обстоятельство? Взглядываюсь, и вижу, князь Олсуфьевъ, во всемъ блескѣ, собственной персоной.

Князь рѣзко взглянулъ на него.

— Это вы? сказалъ онъ.

— Я, я, Огнещановъ. Отецъ, несчастный отецъ благодѣтельствованной вами дѣвочки.

— Ну, хорошо, вы видите: я не одинъ, тихо сказалъ князь, — идите. Мы потомъ поговоримъ.

— Публично-съ, публично! Всегда готовъ утверждать, съ кровель домовъ вошіять буду: благодѣтель! Тонкая, отзывчивая душа. Василій Ивановичъ, Василій Ивановичъ...

Онъ обратился къ своему усатому собесѣднику.

— Вотъ, Василій Ивановичъ, вотъ видишь его сіятельство. Преклонитесь, преклонитесь мы передъ нимъ должны...

Василій Ивановичъ снялъ потертый цилиндръ и слегка поклонился.

— Это ничего, что мы здѣсь среди блистательной обстановки, не только среди сливокъ,

но, такъ сказать, среди пѣнокъ современной цивилизаціи. Тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе чести...

Лицо его все болѣе наливалось кровью. Ротъ улыбался, но его маленькіе подловатые глаза смотрѣли какъ-то зло и исподлобья.

— Понимаешь, Василій Ивановичъ, продолжалъ онъ.—Понимаешь, какая душа у князя. Увидитъ онъ дѣвочку, маленькую десятилѣтнюю дѣвочку, и ту не пропуститъ, сейчасъ ведетъ къ себѣ въ комнату, ласкать начинаетъ: ты, говоритъ, душечка больна. ты, говоритъ, то, да се: жарокъ у тебя. Я, говоритъ, доктора тебѣ сейчасъ пришлю. И потомъ свезутъ дѣвочку въ больницу, смотришь, и совсѣмъ ее убрали: крестикъ да могилка.

— Вы пьяны! сказалъ князь. — Вы сами не понимаете, что говорите. Идите на свое мѣсто.

— Я-съ на своемъ мѣстѣ, князь, отвѣтилъ Огнещиповъ. — Воиѣтъ на стогнахъ могу съ легкимъ сердцемъ, и говорить: княже, княже, отдай мою дочь!

— Не поѣхать-ли намъ? сказала Воблова.

Минусинъ бросилъ на столъ ассигнаціи и сказалъ:

— Конечно, пойдѣте.

— И эту прелестную особу узнаю, продолжалъ Огнещиповъ, снимая шляпу передъ Фимой.—Какъ-же, какъ-же, все это воспоминанія

одной категоріи. Помню-сь, какъ вы мнѣ всю ночь спать не давали; все за стѣной: „ты понимаешь, я несчастна, понимаешь, я въ заколдованномъ кругу, я подъ гору качусь“ ...

— Я васъ не знаю, что вамъ надо, залепетала Фима.

— Гдѣ-же вамъ меня знать, мелкую букашку? завопилъ Огнещاپовъ. — Но я васъ знаю. Всю ночь отъ замочной скважины тогда уха не отнималъ.

Минусинъ шагнулъ къ нему и взялъ его рукой повыше локтя.

— Вы-бы замолчали, сказалъ онъ.

Огнещاپовъ поблѣднѣлъ.

— Вы такъ можете руку сломать, проговорилъ онъ, сисясь вывернуться изъ клещей, сдавившихъ его.

— И сломаю, спокойно сказалъ Минусинъ.

Онъ, не отпуская его локтя, посадилъ его на стулъ и сказалъ дамамъ:

— Пойдемте.

Среди улыбокъ, взглядовъ и подсмѣиваній, они пошли къ выходу.

— Я останусь здѣсь, сказалъ князь, — и распоряжусь съ нимъ.

— Вотъ охота возиться съ пьянымъ, замѣтилъ небрежно Минусинъ.

— Онъ вашъ знакомый? спросила Воблова, какъ-то бокомъ взглянувши на князя.

— Я его вижу второй разъ въ жизни, отвѣтилъ князь.—Онъ жилъ рядомъ со мной въ комнатѣ, въ гостиницѣ, и тиранилъ больную дѣвочку дочь. Я принялъ въ ней участіе, помѣстилъ въ больницу. Вотъ и все.

Они уже стояли въ крытомъ подъѣздѣ вертепика и поджидали коляску.

— Совершенно справедливо, раздался голосъ Огнещاپовъ сзади.— Все справедливо, даже то, что дѣвочку тиранилъ, незабвенную мою дѣвочку и голодомъ и холодомъ ее морилъ.

— Нельзя-ли насъ избавить отъ этого господина? спросилъ Минусинъ подходящаго полицейскаго.

— Не отъ чего избавлять-сь, съ ужимкой отвѣчалъ Огнещاپовъ.—Идетъ простой разговоръ, я такой-же посѣтитель въ этомъ почтенномъ учрежденіи, какъ и вы.

— Но ежели съ вами не желаютъ говорить? спросилъ околоточный.

Огнещاپовъ схватилъ его за руку.

— Понимаете вы чувства отца, у котораго отняли дочь? спросилъ онъ, и пьяныя слезы выступили на его глазахъ.

— Въ такомъ случаѣ это дѣло суда, сказалъ полицейскій.

— Не унижусь! воскликнулъ Огнещاپовъ и потрясъ потнымъ кулакомъ въ воздухъ.— Страдать буду, но въ судъ не пойду.

— Что-же это лошадей не даютъ? волну-
валась Воблова.

— Большой сегодня съѣздъ-съ, объяснилъ
околоточный.

— Вы понимаете, господинъ офицеръ, про-
должалъ Огнещановъ, взявъ за пуговицу по-
лицейскаго. — Я говорю, что знаю эту особу,
ибо подслушивалъ въ теченіе цѣлой ночи, какъ
она жаловалась на свою судьбу его сіятельству
князю Олсуфьеву и говорила: „милліонъ у
меня—а я несчастна, какъ гусеница“ ...

Минусинъ шагнулъ къ нему. Огнещановъ
юркнулъ за околоточнаго.

— Вы опять мнѣ руку хотите ломать, ска-
залъ онъ. — Я не дамъ вамъ. Господинъ офи-
церъ, — у меня синячище съ подтеками вотъ
здѣсь, — и сдѣланъ онъ мнѣ вотъ этимъ со-
вершенно мнѣ невѣдомымъ господиномъ, съ ци-
линдромъ, который онъ носитъ нѣсколько по-
казацки—на-бокъ. И теперь онъ другой под-
текъ на другой рукѣ посадить желаетъ, но я
совершенно на это несогласенъ.

Въ это время подкатили рысаки Вобловой
съ четырехмѣстнымъ ландо. Посыльный въ чер-
номъ кафтанѣ съ синимъ кушакомъ, висѣвшій
на подножкѣ, ловко соскочилъ и началъ под-
саживать господъ.

— Не виновать-же я, что у меня есть ор-
ганъ слуха, кричалъ въ это время Огнеща-

повь,—при помощи коего я могу воспринимать циклъ ощущений, доступныхъ каждому живому существу. И ежели за стѣнной всю ночь истерика и крики...

Экипажъ тронулся.

— Отдай мнѣ мою дочь! Поликсену! Поленьку! вдругъ воскликнулъ Огнещаровъ, поднимая вельдъ кулакъ.

— Нѣтъ, ужь это потрудитесь оставить! сказалъ околоточный и взялъ его за поднятую руку.

Но тутъ случилось то, чего полицейскій совѣтъ не ожидалъ. Голова, столь грозно поднятая кверху, вдругъ опустилась къ нему на грудь; онъ схватилъ околоточнаго за шею и началъ безутѣшно рыдать. Шляпа съ него свалилась,—одинъ изъ кармановъ пальто вывернулся, и ноги едва стояли.

— Нехорошо, безобразно, говорилъ околоточный.

— Дочь у меня, дочь отняли! повторялъ Огнещаровъ.

XLIV.

Пока лошади быстро несли въ ночномъ полусвѣтѣ коляску, князь, чтобы загладить впечатлѣніе, началъ подробно рассказывать исторію больной дѣвочки. Его слушали молча. Но всѣ

трое, — онъ это зналъ, — интересовались не тѣмъ, что говорилъ пьяный о своей дочери, а то, что онъ говорилъ про Фиму. А что-же могъ сказать князь объ этомъ? Фима, поблѣднѣвшая, сидѣла глубоко, прижавшись въ уголь раскинутого ландо. Воблова снаружи казалась позойной, но видно было, что внутри ея все билось и клочотало. Минусинъ сидѣлъ, покусывая набалдашникъ своей палки. Князь кончилъ и замолчалъ. Онъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ нелѣпомъ положеніи, какъ сегодня. Онъ сумѣлъ-бы распорядиться съ Огнещиповымъ, не упомяни онъ про Фиму. Онъ вспомнилъ, что тогда въ Москвѣ, въ гостинницѣ, въ ту роковую ночь, когда Фима пріѣхала къ нему отъ Яра, — за стѣной слышалось подозрительное шуршаніе, — и онъ даже нѣсколько разъ просилъ ее говорить потише. Очевидно, Огнещиповъ зналъ все. Очевидно, онъ караулилъ въ корридорѣ Фиму, когда та выходила отъ него, или случайно видѣлъ ее, когда она разсыпывала его номеръ, — но онъ былъ убѣжденъ, и не ошибся, что Фима и женщина бывшая у него — одно лицо.

И Фима думала о томъ-же. Она ясно вспомнила, — какъ слѣдомъ за нею, когда она вышла отъ князя, пробѣжалъ толстый человѣкъ, то забѣгая впередъ, то возвращаясь. Онъ выскочилъ за ней даже на Никольскую, и когда она

сѣла въ санки, стоялъ безъ шапки и смотрѣлъ, въ какую сторону она поѣхала.

Когда подковы застучали по каменьямъ города, Воблова въ первый разъ нарушила молчаніе.

— Вы гдѣ живете, князь? спросила она. — Велите туда ѣхать.

— Вамъ большой крюкъ, сказалъ онъ, но не отговаривался, — и лошади свернули мимо Лѣтняго сада на Фонтанку. На Аничковомъ мосту стояла толпа: былъ какой-то уличный скандалъ. Князь только повелъ плечами, — вѣдь и сейчасъ было ничуть не лучше — тамъ, въ этомъ притонѣ.

У своего подъѣзда онъ простился со всѣми. Фима не подняла на него глазъ. Ландо завернуло и покатилося на Сергіевскую. Минусинъ помогъ барынямъ выйти изъ коляски, и самъ поплелся за ними слѣдомъ. Хотя его не звали, но это показалось всѣмъ вполнѣ естественнымъ. Самъ Вобловъ не пріѣзжалъ еще. Самоваръ былъ готовъ. Воблова велѣла его подавать, а сама пошла переодѣваться, прося Фиму остаться въ гостиной.

Фима осталась. Сбросивъ шляпку, она сѣла въ кресло и молча стала разсматривать свои ногти. Минусинъ ходилъ по комнатѣ, нахмуренный и пасмурный.

— Фима, сказалъ онъ, подходя къ ней. —

Въ такомъ положеніи быть какъ вы, довести себя до того, до чего вы довели,—это ужасно. Такъ продолжать нельзя.

Она подняла глаза на него.

— Не пора-ли встряхнуться, сбросить съ себя все это,—опомниться?

Она не говорила ни слова, но взглядъ ея какъ будто ободрилъ его на продолженіе разговора.

— Выходите за меня замужъ, проговорилъ онъ, дѣлая надъ собой усиліе,—и дѣло съ концомъ.

А если князь—мой любовникъ? спросила она, прямо глядя въ его глаза.

Что-то дрогнуло въ его лицѣ.

— Я спрашиваю васъ, заговорилъ онъ,—согласны-ли вы выйти за меня замужъ?

— Какъ вы думаете, люблю-ли я васъ? опять спросила она.

— Ахъ. Боже мой, сказалъ онъ, дѣлая нетерпѣливый жестъ головой.—Отвѣчайте на мой вопросъ *да* или *нѣтъ*. Я знаю васъ, Фима. Я знаю, что словомъ *да* вы отдѣлите себя отъ всего прошлаго. И тогда, съ этого момента, вы будете моею. А что было раньше,—это умерло. Отвѣтъ мнѣ нуженъ сейчасъ. Завтра я ъду въ Москву. Если вы скажете *нѣтъ*, моя жизнь пойдетъ въ одну сторону, если *да*—въ другую.

— Пріѣзжайте завтра въ двѣнадцать часовъ, задумчиво сказала она.—Я вамъ отвѣчу.

— Спасибо, отвѣтилъ онъ, пожалъ ея руку и быстро вышелъ изъ комнаты. Внизу сонный швейцаръ съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ господинъ Минусинъ далъ ему пятирублевку на чай и, выйдя на улицу, пошелъ пѣшкомъ, сдвинувъ на бокъ цилиндръ и увѣренно переступая по троттуару мускулистыми, крѣпкими ногами.

Фима сидѣла въ гостиной, все разсматривая ногти. Воблова вошла къ ней.

— А гдѣ же... онъ? удивленно спросила та.

— Должно быть уѣхалъ, отвѣтила Фима.— Да не беспокойтесь, онъ вернется. Онъ будетъ завтра въ двѣнадцать часовъ.

Она встала.

— Я, должно быть, за него выхожу замужъ. Сквозь зубы сказала она.

Воблова сдѣлала къ ней шагъ, но она уклонилась отъ нея, быстро прошла въ свою комнату и два раза повернула ключъ своей двери.

Она долго ходила по ковру. Потомъ подошла къ столу, вынула листъ почтовой бумаги и написала:

„Минусинъ повторилъ свое предложеніе. Я ему сказала о моихъ отношеніяхъ къ вамъ. Онъ настаиваетъ. Какъ по вашему, — выходить мнѣ за него?“

Она запечатала конвертъ и бросилась не раздѣваясь, въ постель. Ночь плыла тихая, свѣтлая, постепенно смѣняясь зарею. Глаза ея были открыты и слѣдили за перемѣнами тѣней на лѣпномъ потолокѣ и на полу съ деревянной мозаикой узоровъ. Японская ваза, зачѣмъ-то стоявшая у окна, казалась ей урной, гдѣ лежитъ пепель отъ всего прошлаго, сожженнаго и забытаго. Иногда ея маленькое тѣло вздрагивало отъ судоржныхъ конвульсій. Она повертывалась лицомъ въ подушку и долго лежала такъ. Эта ночь, и вся жизнь, и князь, и Минусинь,—все это было однимъ тяжелымъ кошмаромъ.

Въ десять часовъ утра она позвонила, отдала письмо и велѣла, чтобы тотчасъ принесли отвѣтъ.

Черезъ часъ ей возвратили письмо обратно: князь съ первымъ утреннимъ поѣздомъ выѣхалъ въ Финляндію.

XLV.

Въ Финляндіи князь узналъ, что наканунѣ были и Чонгаровъ и Вобловъ. Вобловъ уѣхалъ только вечеромъ, а Чонгаровъ черезъ часъ послѣ пріѣзда. Сегодня Мери была больна и не выходила. Анна Фердинандовна, напротивъ, была очень оживлена.

— Онъ многое мнѣ уяснилъ, говорила она про Чонгарова.—Онъ главное сказалъ мнѣ, что не видитъ грѣха въ этомъ итальянцѣ и въ томъ, что я говорю съ нимъ.—Вы не повѣрите, князь, какое наслажденіе—не ощущать тяжести на сердцѣ. Меня все время давила мысль: а что, если церковь меня осудитъ, и если этимъ путемъ я закрою себѣ ворота для области болѣе чистой и суждена буду находиться въ низшихъ слояхъ, что примыкають непосредственно къ землѣ? Вѣдь это ужасно было-бы, неправда-ли?

Князь согласился, что это было-бы ужасно.

— Теперь я знаю, что все небо раздѣлено на ярусы. То-есть, я неправильно выражаюсь. Никакого неба нѣтъ, а есть пространство, въ которомъ плаваютъ планеты. Это пространство заполнено элементами живыхъ душъ. И если я умерла, то душа моя можетъ отойти отъ земли и можетъ не отойти. Это зависитъ отъ того, совокупность чего въ ней перетягиваетъ. Если совокупность земного, то она остается прикованной еще къ сферѣ земли, а если совокупность отвлеченнаго, то она сразу попадаетъ въ высшія сферы. Въ высшихъ сферахъ съ ней совершается рядъ испытаній, и она постепенно восходитъ, пока не доходитъ до Бога. Спрашивается, зачѣмъ-же я буду затруднять себѣ доступъ до Бога, занимаясь дурнымъ дѣломъ, вызывая души и такъ

далѣе? Да Богъ съ ними, съ этими душами, если за это впослѣдствіи придется расплачиваться. Я уже и тому рада, что метаморфоза совершилась со мною на землѣ, и что я здѣсь прозрѣла; это меня отъ многого избавляетъ въ будущей жизни. Подумайте, какое было-бы несчастье, еслибы я умерла полгода назадъ, — какъ это было-бы неприятно?

— Да, это было-бы очень неприятно, — согласился князь.

— И вы помните, князь, этотъ незабвенный день, когда мы съ вами поѣхали тогда въ этотъ кружокъ посмотрѣть на этого медіума? Мы относились ко всему скептически и думали, что вся задача жизни заключается въ свѣтскихъ отношеніяхъ и животныхъ инстинктахъ. И какая радость, что съ тѣхъ поръ передъ нами открылась эта чистота новой сферы.

— Вы счастливѣе меня, сказалъ князь. — передъ вами открылась новая сфера, а предо мной нѣтъ.

— Какъ не открылась? Я-же вамъ объясняю. Если вы меня внимательно слушаете, то должны понять. А если поймете, то должны быть счастливы.

— Я хочу быть счастливъ, но ничего не понимаю.

— Боже мой, вы совсѣмъ какъ Мери! воскликнула Анна Фердинандовна: — та то-же упер-

лась и ничего не хочется понять. А вѣдь все это очень просто. Во-первыхъ, Богъ. Вы знаете, гдѣ Богъ?

— Не знаю.

— Земля вертится вокругъ солнца, солнце—вокругъ созвѣздія Геркулеса, созвѣдіе Геркулеса — вокругъ великаго солнца, великое солнце—вокругъ еще величайшей силы, и такъ до безконечности. Центръ всей этой силы и есть сама сила, сама жизнь,—то-есть Богъ. Все отдѣлилось отъ этого центра, и все опять съ нимъ соединится. Цѣли, почему все это такъ, и почему мы живемъ, намъ не открыто. Но разъ мы сознаемъ, что мы часть Бога — этого довольно, и мы должны быть счастливы.

— Ну, а я вотъ не сознаю, что составляю часть Бога, мнѣ кажется, что я скорѣе усовершенствованная душа какой-нибудь допотопной птицы, засмѣялся князь.

— Нѣтъ, князь, нѣтъ, не смѣйтесь, строго прервала она его.— На землѣ есть много вещей, надъ которыми слѣдуетъ задуматься. Появленіе злыхъ существъ, появленіе злой воли—это вѣдь, знаете, до чего интересно. Какъ разъ теперь одинъ ученый, Викторъ Курбэ, разрабатываетъ этотъ вопросъ, и книга его выйдетъ очень скоро. Существуетъ цѣлый рядъ чудовищъ, который производитъ только ужасающее впечатлѣніе на окружающую природу. Огромныя змѣи, кро-

кодилы, скорпионы, спруты. Все это существа самых фантастических формъ, созданныя затѣмъ, чтобъ устрашать умъ и чувства другихъ животныхъ. До потопа они были еще ужаснѣе, еще отвратительнѣе. Конечно, это не созданія Бога,—это злобное, отрицательное начало создало такіе образы. И если они, эти отвратительныя формы есть на землѣ, то и въ иныхъ сферахъ есть ихъ прообразы, еще болѣе ужасныя, потому что духовное ихъ строеніе такъ-же ужасно. И человѣческой духъ нельзя сравнивать съ этими исчадьями дьявольскихъ ухищреній. Тутъ нѣтъ ничего общаго.

Князь замѣтилъ, что въ послѣднее время Анна Фердинандовна стала до такой степени свободно разбираться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ загробной жизни, какъ-будто не только была о ней хорошо освѣдомлена изъ непосредственныхъ источниковъ, но и ежедневно навѣдывались туда. Онъ не могъ опять удержаться отъ улыбки.

— Откуда всѣ ваши знанія? спросилъ онъ.

Она зажмурила глаза.

— А! сказала радостно она. — Если вы думаете, что все это я узнала изъ книгъ, изъ бесѣдъ или при помощи блюдечка и духа итальянца,—вы въ глубокомъ заблужденіи.

— А какъ-же? спросилъ онъ.

Она положила свою руку на его.

— Такъ и быть, я вамъ довѣрюсь, сказала она.

Она оглянулась вокругъ, не подслушиваетъ ли ихъ кто, и, понизивъ голосъ, сказала:

— Я была тамъ.

Князь съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на нее.

— Гдѣ тамъ?

— Если и не совсѣмъ тамъ, то въ преддверіи.

— Что-же это за преддверіе?

— Не могу вамъ сказать; не могу вамъ сказать и того, съ кѣмъ я говорила. Не могу, потому что сама не видѣла, а только чувствовала блаженное присутствіе возлѣ себя.

— Женщины или мужчины? спросилъ князь.

Она задумалась.

— Скорѣе—мужчины. А, можетъ быть, оба элемента здѣсь соединялись.

— Гмъ! проговорилъ князь.

— Мнѣ было сказано: „хочешь видѣть то, что тебя ожидаетъ?“ И я сказала всей своей душой — „да“. И я увидѣла пространство, огромное яркое пространство, все звенящее тихой мелодіей, полное какихъ-то неувимыхъ ароматныхъ волнъ.

— Во время сна? спросилъ Олсуфьевъ.

— Нѣтъ, это было днемъ, у меня въ комнатѣ. Мнѣ моя компаньонка читала книгу. Былъ свѣтлый день. Это былъ такой экстаз!

Я упала въ восторгѣ на колѣна, но тутъ меня компаньонка подняла. Она не замѣтила, какъ я съ дивана упала на полъ.

— На полъ?

— Ну, да, на колѣна. Глаза мои засти-
лались туманомъ, и я сразу не могла притти
въ себя.

— Какое-же это было преддверіе, гдѣ вы
были?

— Пространство. свѣтлое пространство, —
это и есть преддверіе. И тамъ есть существа.
Не знаю какія, — они невидимы, — но нервы
мои чувствовали ихъ, когда они были близъ меня.

— А на здоровье ваше это не повліяло?

Она улыбнулась.

— О, нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я стала
вегетаріанкой, я совершенно здорова. Я нѣ-
сколько похудѣла, какъ вы видите, но это отъ
моціона. Я по воскресеньямъ хожу за десять
километровъ въ городъ къ обѣднѣ пѣшкомъ.
Усталости я не чувствую, но, разумѣется, уто-
мленіе сказывается въ томъ, что пропадаетъ
подкожный жиръ. Иногда, когда я иду лѣ-
сомъ и полями, мнѣ кажется, что я стала со-
всѣмъ другимъ существомъ и иначе совсѣмъ
отношусь къ природѣ, чѣмъ прежде. Я сли-
лась теперь съ природой. И вотъ вчера monsieur
Чонгаровъ совсѣмъ меня окончательно
одкрѣпилъ духомъ.

— А отчего онъ такъ недолго у васъ былъ? спросилъ Олсуфьевъ.

— Онъ прѣвзжалъ по дѣлу съ какой-то просьбой къ Ивану Петровичу. Но Иванъ Петровичъ принужденъ былъ ему отказать. Это, кажется, не входигъ въ его компетенцію, а къ министрамъ онъ потому никогда не обращается съ просьбой, что его просьбу, навѣрно, исполнили-бы. — Мнѣ очень жаль, что monsieur Чонгаровъ какъ-будто обидѣлся, и такъ поспѣшно уѣхалъ, что я даже не успѣла его поблагодарить за то, что онъ для меня сдѣлалъ.

— Какой чудный день сегодня, проговорилъ князь, подходя къ окну. — На озерѣ пѣсни, всѣ разряженные.

— Сегодня праздникъ, Ивановъ день. Вѣдь у нихъ по новому стилю, на двѣ недѣли раньше нашего, отвѣчала она. — Кажется, для нихъ Иванъ Петровичъ вечеромъ что-то устраиваетъ. Онъ любитъ тамъ, гдѣ живетъ, быть популярнымъ. Пройдите къ нему, онъ, должно быть кончилъ свои занятія.

XLVI.

Мери не выходила весь день. Къ ея вѣчнымъ недомоганіямъ привыкли, и мало обращали вниманія на ея нездоровье. Иванъ Пет-

ровичъ былъ въ отличномъ настроеніи. Онъ мечталъ о реформахъ въ министерствѣ, и обрадовался приѣзду Олсуфьева особенно потому, что могъ развивать передъ нимъ сколько угодно свои идеи. Онъ пробовалъ наканунѣ говорить объ этомъ съ Анной Фердинандовной, но та сказала:

— Ахъ, Жан, я не знаю, какъ на это посмотрять „тамъ“.

— Я постараюсь доложить въ извѣстной формѣ, объяснилъ онъ.

— Ты меня не понимаешь. Я подъ именемъ „тамъ“ подразумѣваю то, въ чемъ мы даемъ отчетъ за гробомъ.

Иванъ Петровичъ потрясъ головой и больше уже не вступалъ съ нею въ разговоръ.

Идеи его были чрезвычайно цѣлесообразныя.

Онъ, обдумывая на досугъ разныя части управления, замѣтилъ крайнюю неравномѣрность работъ въ „департаментъ разрѣшеній“ и въ „департаментъ запрещеній“. Послѣдній работалъ дни и ночи, выработывая мотивы запрещеній, тогда какъ департаментъ разрѣшающій утверждалъ безо всякаго раздумья и работы. Поэтому Иванъ Петровичъ хотѣлъ учредить новый департаментъ — „сомнѣній“, который-бы указывалъ на сомнительность возможности разрѣшеній. Ему рисовалось это учрежденіе, какъ одна изъ интереснѣйшихъ функций

государственной машины. Департаментъ долженъ былъ сомнѣваться во всемъ, кромѣ резонности собственнаго существованія. Департаментъ не долженъ вѣрить ничему и твердо стоять на убѣжденіи, что всякое прошеніе незаконно, и предлагаемая мѣра государству не нужна. Высказавъ такое сомнѣніе, департаментъ могъ начать сомнѣваться въ его правильности, и постепенно притти къ отмѣнѣ своего первоначальнаго рѣшенія. Для того, чтобы онъ дѣйствовалъ успѣшно, Иванъ Петровичъ мечталъ составить его изъ юристовъ, какъ университетскихъ, такъ лицейскихъ и правовѣдскихъ. Каждый изъ этихъ молодыхъ людей долженъ быть ревностенъ къ службѣ, талантливъ, и глубоко сомнѣваться во всемъ, начиная съ собственной матери: „а ея-ли я сынъ, можетъ быть я наслѣдный принцъ, или сынъ подпаска — подкидышь?“ Директоръ-же долженъ быть такъ натасканъ въ сомнѣніяхъ, что, только подавляемый большинствомъ голосовъ и резолюцій министра, могъ-бы приходить къ какому-нибудь рѣшенію.

Князь выслушалъ проектъ, сказалъ, что, по его разумѣнію, слѣдовало-бы назвать новое учрежденіе департаментомъ „мнѣній“, а не „сомнѣній“, — такъ-какъ, собственно говоря, официальное учрежденіе едва-ли можетъ въ чемъ-нибудь сомнѣваться. Иванъ Петровичъ

согласился и сказалъ, что даже помещеніе нашель новому учрежденію—сейчасъ изъ швейцарской налѣво, гдѣ теперь находится „департаментъ послѣдствій“. А департаментъ послѣдствій будетъ переведенъ во второй этажъ, рядомъ съ „департаментомъ упраздненій и сокращеній“.

Между прочимъ, одинъ изъ департаментовъ долженъ былъ озаботиться проведеніемъ исключительно важной мѣры: возможно большаго упраздненія переписки. Иванъ Петровичъ по этому поводу говорилъ съ директоромъ. Тотъ предложилъ не отвѣчать на запросы другихъ учрежденій безъ крайней необходимости, а со своими департаментами сносятся словесно. Но эта мѣра была уже слишкомъ рѣзка. По мнѣнію Ивана Петровича слѣдуетъ уменьшить самый форматъ бумагъ и сдѣлать печатныя бланки въ восьмушку. Форма должна быть опредѣленная: „вслѣдствіе отношенія отъ такого-то учрежденія за номеромъ такимъ-то, министерство доводитъ до свѣдѣнія означеннаго министерства, что,“—а потомъ многоточіе для вписыванія.

Въ такихъ разговорахъ прошелъ день. Послѣ обѣда Иванъ Петровичъ пришелъ еще въ лучшее настроеніе и заявилъ, что устраиваетъ сегодня для мѣстнаго населенія коки, для чего являющій купилъ смоляныхъ бочекъ и во-

друзилъ ихъ на отмели, на берегу залива. Кроме того, Иванъ Петровичъ, желая жить въ мирѣ съ окрестнымъ финскимъ населеніемъ, выставилъ ему пива, а для дѣвиць пряниковъ. Онъ находилъ, что обостренное отношеніе наше къ финансамъ—результатъ административныхъ соображеній. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ, какъ финляндскій дачникъ, не старался быть возможно болѣе популярнымъ среди „убогихъ пасынковъ природы“.

Кюки зажгли только въ половинѣ десятаго вчера, когда закатилось солнце. По безоблачному небу высоко поднялся желтовато-бурый столбъ дыма, и красный огонь вспыхнулъ колоссальной свѣчей, отразившись золотою рябью въ водѣ. На террасу сошелся весь домъ. Вышла даже Мери, закутанная въ платокъ, молча поздоровалась и глубоко сѣла въ качалку.

— Я собираюсь въ русскую Иванову ночь быть у брата, сказалъ князь, — тамъ тоже жгутъ костры.

— Я люблю этотъ обычай, заговорилъ Иванъ Петровичъ, считавшій себя глубокимъ знатокомъ народнаго быта.—Купальный огонь я помню съ дѣтства: у насъ по деревнямъ водили хороводы, прыгали черезъ костры, парни и дѣвки были въ цвѣтахъ. Говорять, остатокъ язычества. Отчего? Это живое общенье съ природой. свадьба человѣка съ лѣтомъ.

Развѣ это не во сто разъ умнѣ обрученія венеціанскаго дожа съ моремъ? У меня была нянька старуха, она говорила, что купальнымъ огнемъ можно ото всякаго недуга излѣчиться: стоитъ только перепрыгнуть три раза костеръ. И я только теперь понялъ эту аллегорію: чего добраго, если-бъ я былъ въ состояніи прыгать черезъ костры, такъ и болѣзней у меня-бы не было.

Мери посмотрѣла на него и перевела задумчиво глаза на столбъ пламени, поднимавшійся на много сажень кверху.

— Если сгорѣтъ въ этомъ огнѣ, онъ избавитъ ото всѣхъ недуговъ, сказала она среди наставшей тишины.

— У насъ неправильно зажигаютъ костры, продолжалъ Иванъ Петровичъ, не слыша Мери.— Вы знаете, князь, для того чтобы огонь очистилъ, онъ долженъ быть живымъ? Вы не слыхали, что такое живой огонь? Живой огонь добыть надо, не пользоваться готовымъ, а взять два куска дереваи путемъ тренія вызвать его къ жизни. И тутъ вѣдь красивая аллегорія, неправда-ли? Изъ двухъ сухихъ кусковъ вызываютъ пламя, и получается лѣсной огонь. Нянька мнѣ говорила: „Это, батюшка, царь-огонь, потому онъ вкарственный“. И я совѣмъ не радуюсь, что родъ съ каждымъ годомъ живой огонь за-

бываетъ и думаетъ, что шведскія спички его замѣняютъ. Царь-огня теперь никто ужь не видитъ. Такъ, кое-гдѣ въ иныхъ мѣстахъ еще гдѣ поглуше, вспоминаютъ про доброе старое время и кое-какъ зажигаютъ костры. Огонь вѣдь имѣетъ въ себѣ что-то таинственное, привлекаетъ и манитъ къ себѣ. Въ ночное время отъ костра не оторваться.

Князь смотрѣлъ на него и думалъ:—Какъ хорошо было-бы у нихъ въ департаментѣ добыть такого живого огня и спалить на немъ половину предписаній и отношеній.—Онъ смотрѣлъ на умную, характерную, сѣдую голову Ивана Петровича и соображалъ:—Вѣдь вотъ какъ хорошо говоритъ онъ о живомъ огнѣ, какъ искренно жалѣетъ, что его забыли,—а самъ не зажигаетъ его въ своихъ канцеляріяхъ, и думаетъ, что бьющія въ глаза электрическія лампочки—это есть „царь-огонь“.

Мери встала, подошла къ периламъ, облокотилась и стала пристально смотрѣть на пламя. Вѣтра не было, и смоляной костеръ горѣлъ тихо, какъ свѣча. Вокругъ видны были фигуры дачниковъ и крестьянъ, долетали звуки скрипки и тихаго тягучаго финскаго пѣнія.

— Я думаю, вотъ здѣсь, въ глуши озеръ еще жгутъ огни, говорилъ Иванъ Петровичъ.— Здѣсь еще поютъ про Вейнемейнена, и еще

завѣты народныхъ былинъ живы, значить и огонь живъ.

— Миѣ кажется, очищать можетъ только огонь небесный, замѣтила Анна Фердинандовна.

Мужъ повернулъ къ ней голову.

— Что ты называешь небеснымъ огнемъ? спросилъ онъ.

— Нематеріальный огонь, отвѣтила она.

— Съ нѣкоторыхъ поръ, съ обычной мягкостью заговорилъ онъ, — ты начала говорить на такомъ тарабарскомъ языкѣ, что я рѣшительно ничего не понимаю. Какой нематеріальный огонь, что это такое?

— А вотъ хотя-бы тотъ, что сходить въ Іерусалимъ на гробъ Господень въ пасхальную ночь, спокойно отвѣтила она.

— Ну, вотъ видишь, какъ-же съ тобой говорить, — ты пускаешься въ такія отвлеченности. Все ищешь Буй да Кадуя, а Буй да Кадуя у воротъ сидить.

— Это кто-же Буй да Кадуя?

— Такъ, присказка народная.

Князь слѣдилъ за Мери. Ея глаза не отрывались отъ огня. Точно она всматривалась въ него и спрашивала рѣшенія загадки.

Когда костеръ сталъ потухать, и пламя опустилось внизъ, и въ послѣдней судорожной агоніи стало лизать оставшіяся капли смолы, Мери повернулась къ князю. Лихорадочный

блескъ ея глазъ потухъ: живой огонь сгорѣлъ, и едва можно было уловить слабое мерцаніе послѣднихъ перебѣгающихъ искръ.

XLVII.

Огонь догорѣлъ,—но дымъ еще стлался по блѣдному прозрачному небу—точно гигантская туча саранчи зигзагомъ протянулась надъ лѣсомъ. Мери медленно поднималась къ себѣ по лѣстницѣ. Тихо подошла она къ окну и опустилась въ глубокое кресло. Горничная спросила, не нужно-ли чего барышнѣ,—но барышнѣ ничего не было нужно. Шумъ и говоръ въ домѣ постепенно затихалъ, и ночь надвигалась безмолвная, блѣдная, спокойная, вся мерцающая серебромъ и прозрачными алыми пятнами пушистыхъ облаковъ.

Мысли Мери блуждали гдѣ-то далеко, такъ-же безцѣльно, какъ и ея глаза. Въ душѣ у нея было спокойно, какъ на этомъ ясномъ озерѣ и на этомъ ясномъ небѣ. Когда тоненькимъ звономъ часы пробили два,—она точно проснулась отъ смутнаго сна.

— Конечно! сказала она, точно въ отвѣтъ на какую-то мысль, неотвязно, какъ осенняя муха все время проступавшую передъ ней.

Она пододвинула къ окну мольбертъ съ чи-

стымъ холстомъ, не торопясь открыла ящикъ съ красками, и стала систематически выдавливать ихъ на палитру. Она совѣмъ этимъ лѣтомъ забросила живопись: ей было лѣнь прикоснуться къ кисти. Но теперь ей захотѣлось закрѣпить на полотно то впечатлѣніе, что оставилъ на нее „царь-огонь“. Опаловая дымка утренней зари была похожа на вечернюю зарю, и она, провѣряя впечатлѣніе, началъ по памяти заносить тона одинъ за другимъ, смѣло, не по-женски, стараясь передать не столько натуру, сколько свое личное ощущеніе тихой мелодіи ночи.

Кисть быстро переходила съ палитры на холстъ, съ холста на палитру, — но мысли были опять далеки отъ того, чѣмъ были заняты ея руки. Машинально она докончила эскизъ, машинально отодвинула ящикъ, машинально легла на кушетку, все не сводя широко раскрытыхъ глазъ съ розовѣвшаго неба.

— Да, я не должна была говорить Олсуфьеву, что я его не любила, хотя въ ту минуту, когда я говорила ему это, мнѣ казалось, что я люблю его. Я и теперь готова его любить, но любить издали, чтобъ онъ не былъ тутъ возлѣ меня, не говорилъ мнѣ ничего про свои чувства и не заявлялъ своихъ правъ на меня. Мнѣ надо совѣмъ отойти отъ него.

И мысли опять перешли на Чонгарова, и

опять точно острый огонь обжегъ ее: она вздрагивала отъ одного воспоминанія о немъ.—Вѣдь если-бы тогда, когда его дрожки катились по пыльной дорогѣ, если-бы тогда онъ оглянулся на ея крикъ,—вѣдь теперь все было-бы иначе, и не было-бы этой тусклой ночи и ясный огонь горѣлъ-бы не только среди камней побережья, но и въ нихъ самихъ, и жегъ-бы, жегъ и обновлялъ ихъ въ этомъ жженіи.

То что чувствуетъ она къ князю, и даже то, что князь чувствуетъ къ ней,—все это не живой огонь, а такъ, слабое лампадное пламя, которымъ жить нельзя, которое не согрѣетъ. Временами она чувствовала къ Олсуфьеву нѣжность: отсутствіе ласки заставило ее привязаться къ кому-нибудь,—поманить кого-нибудь за собою. Она, съ какой-то радостной болью отдала ему рукопись съ страничкою своей жизни: пусть онъ прочтетъ, пусть онъ узнаетъ то, чего не знаетъ никто. Это было какое-то злорадство надъ самой собою, какое-то желаніе сдѣлать больно своей ранѣ. Если-бы князь отвернулся отъ нея, въ этомъ униженіи и презрѣнніи она нашла-бы сладость и была-бы рада новому болевому чувству. Но князь спокойно просто подошелъ къ ней и сталъ играть на великодушійи и забвеніи. Все это было не то, все это было тяжело, невыносимо, скучно.

Между тѣмъ, отъ шелковой рясы Чонгарова

вѣсть какой-то силой—чѣмъ-то мощнымъ, такимъ, чего ей не доводилось видѣть въ окружавшей средѣ, что подчиняетъ стихійной мощью. Она вспомнила день, когда давно, нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ дѣлалъ ей предложеніе. Когда она отказала ему,—лицо его, все горѣвшее надеждой, силой, энергіей, вдругъ какъ-то потухло, стало мертвеннымъ, сѣрымъ. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ заговорить, и не могъ; когда онъ протянулъ ей руку, эта рука была холодна, и ощущеніе холоднаго пожатія долго преслѣдовало ее.

Но это все давно прошло. Теперь,—какъ часто бываетъ въ долгія безсонныя ночи, когда десятки тысячъ мыслей мятущимся хороводомъ проносятся черезъ воспаленный мозгъ,—ей стало казаться, что она только теперь совершенно ясно сознала свое настоящее положеніе, увидѣла со стороны, что такое она. Она катилась куда-то внизъ, съ какой-то снѣжной лавиной. Это не было отвѣсное паденіе въ пропасть: она мягко, безболѣзненно скользила, но туда-же, въ ту-же темную, непроглядную бездну, куда-бы она могла сбросить себя однимъ толчкомъ. Просвѣта не было нигдѣ и ни откуда.

— Что же дѣлать? спрашивала она.—Работать? Я ничего не умѣю. Любить людей, помогать имъ? Я съ отвращеніемъ отношусь къ людямъ. Мнѣ кажется, имъ незачѣмъ жить,

какъ незачѣмъ жить и мнѣ.—Я живу на содержаніи у тетки гнуснымъ, отвратительнымъ паразитомъ, какъ сотни и тысячи другихъ такихъ-же дѣвушекъ, паразитовъ.—Дядя толчетъ воду въ своемъ министерствѣ, тетка вертитъ блюдечко. Вокругъ ходятъ люди, которые тоже не говорятъ ни о жизни, ни о людяхъ, а о министерствѣ и о медіумахъ. Развѣ это жизнь? Развѣ можно такъ жить? Ни цѣли, ни унованій, ни вѣры!—А силы есть во мнѣ, я иногда чувствую ихъ. Но куда ихъ приложить, что съ ними дѣлать? Вѣдь даны-же онѣ зачѣмъ-нибудь?

Она опять заломила руки за голову.

— Отчего я не убила Германа, тогда, въ Ниццѣ? спросила она сама себя.—Я боялась рискнуть. Не надо было бояться. Надо было ему сонному приставить къ виску дуло и спустить курокъ. Мгновенная, чудесная смерть. Нѣтъ,—это слишкомъ хорошо для него. Онъ-бы тогда не узналъ, за что его вычеркиваютъ изъ жизни. Ну, такъ что-жь? И пусть не узналъ-бы. Узнали-бы другіе. Узнали-бы и поняли, что не все можно дѣлать, что есть за вину наказаніе.

Лучъ солнца подобрался къ ея щекѣ и теплымъ прикосновеніемъ точно заставилъ ожить ее; она отодвинула голову и лѣниво смотрѣла, какъ по ея бѣлому платью медленно ползетъ колыхаясь матовая тѣнь отъ листвы—вся въ боль-

шихъ и маленькихъ свѣтлыхъ кружкахъ. День опять начался; — на подоконникъ съѣла какая-то птичка, повертѣла головкой, чирикнула и вспорхнула. Знакомая вѣшна прыгнула на карнизъ дома, пробѣжала по немъ и соскочила, раздувъ султаномъ хвостъ, на ближнюю сосну.

Когда внизу застучали ложки, Мери посмотрѣла на часы — было половина восьмого. Она подошла къ зеркалу, поправила волосы, вышла на балконъ. Въ цвѣтникѣ стоялъ князь и смотрѣлъ на озеро. Онъ не поднималъ головы наверхъ и не видѣлъ ея. Она долго на него смотрѣла. Она слышала, какъ на дворѣ раздался шумъ подъѣхавшаго экипажа, и голосъ лакея съ нижней террасы доложилъ:

— Ваше сіятельство, лошади поданы, можно ѣхать.

— А, онъ ѣдетъ по утреннему поѣзду! подумала она, и внезапно совершенно ясно встала передъ ней опредѣленная мысль:—Что, если...

Она неторопясь спустилась по деревянной, поскрипывавшей лѣстницѣ. Въ прихожей стоялъ князь въ пальто и шляпѣ и надѣвалъ перчатку. Его никто не провожалъ. Чемоданчикъ уже былъ положенъ въ коляску, и лакей, держа зонтикъ, отстегивалъ фартукъ экипажа.

— Ѣдете? спросила она.

— Да, коротко отвѣчалъ онъ.

— Мнѣ надо сказать вамъ два слова, про-

говорила она.—Войдемте въ залу. Не снимайте пальто, не надо.

Она сама пошла впередъ; дойдя до середины комнаты, она обернулась къ нему. Лицо ея было блѣдно, правая рука нервно перебирала платокъ.

— Вы мнѣ три раза дѣлали предложеніе, сказала она,—и три раза я вамъ отказывала. Теперь, если хотите... Если хотите, я буду вашей женой.

И прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ къ ней движеніе, она повернулась и быстро пошла изъ комнаты.

XLVIII.

Князь остался смущенный, растерянный. Опомившись, онъ догналъ ее на лѣстницѣ.

— Пойдите, Мери, сказалъ онъ съ нижней ступеньки.—Я не понимаю. Вы серьезно мнѣ это сказали?

Она остановилась, и въ полъоборота сверху посмотрѣла на него.

— А вы думали, что я шучу? усмѣхаясь, спросила она и опять сдѣлала движеніе итти.

— Пойдите-же минуту, продолжалъ онъ.— Вѣдь въ такомъ случаѣ я останусь и долженъ сказать объ этомъ Ивану Петровичу.

— Нѣтъ, вы не оставайтесь, а сказать дядѣ можете, даже я попрошу васъ объ этомъ.

И она скрылась за поворотомъ лѣстницы.

Князь предупредилъ кучера, что поѣдетъ на слѣдующемъ поѣздѣ, и пошелъ отыскивать Ивана Петровича, который ходилъ по лѣсу, изрѣдка отхлебывая свое виши изъ бутылки, стоявшей подъ деревомъ.

Услышавъ отъ князя новость, Иванъ Петровичъ довольно неожиданно снялъ шляпу и перекрестился такимъ жестомъ, какимъ обыкновенно привѣтствуютъ извѣстіе о новомъ покойникѣ.

— Давно пора, сказалъ онъ:—это куда лучше, чѣмъ отравляться. Ну, что-жь, я радъ, она будетъ хорошей женой.

Онъ взялъ князя подъ руку и пошелъ съ нимъ дальше.

— Она изъ тѣхъ женщинъ, отъ которыхъ не бѣгутъ, а къ которымъ идутъ, проговорилъ онъ.—Въ ней есть апокалипсическая загадка: въ ней что-то есть запечатанное семью печатями. Съ такой женщиной нужно одно: наблюдать вѣчно за собою, и не распускаться,—а не то она преспокойно уйдетъ отъ мужа. Возьметъ картонку со шляпой и зонтикъ—и уйдетъ. И вдобавокъ, не къ пѣвцу и не къ присяжному повѣренному, а просто переѣдетъ въ гостинницу, да тамъ и останется. Смотрите, князь, за собою—строго смотрите.

— Вы думаете, мы подходимъ другъ къ другу? спросилъ князь совершенно машинально,

не чувствуя, что онъ скорѣе думаетъ вслухъ, чѣмъ спрашиваетъ его мнѣнія.

— А, въ этомъ самый главный вопросъ и есть! проговорилъ Иванъ Петровичъ. — Очень трудно сказать впередъ — подходите-ли вы или нѣтъ. Обыкновенно въ первый разъ люди жестоко ошибаются. Вторичные браки всегда счастливѣе первыхъ. Люди ужъ помятые жизнью сходятся и внимательнѣе смотрятъ другъ на друга. Ну, что-же, надо порадовать жену — поздравить съ новымъ племянникомъ. Она, должно быть, еще не одѣта, я пойду на ее половину.

Анна Фердинандовна была непричесана и на ней была широчайшая блуза съ огненными цвѣтами неестественной величины. Она сидѣла за небольшимъ столикомъ со своей компаньонкой и сосредоточенно двигала фарфоровое блюдо съ кривою, нарисованною чернилами стрѣлой по листу бумаги, гдѣ въ разбродъ были написаны буквы русскаго алфавита. Приходитъ мужа она видимо была недовольна, но когда онъ сообщилъ ей цѣль своего прихода, она вскрикнула и уставилась на барышню.

— Каково! воскликнула она. — Вотъ и не вѣрьте послѣ этого. *Chère* — покажите намъ протоколъ. Вотъ что сейчасъ продиктоваль духъ Скъявоне.

Иванъ Петровичъ взглянулъ на протянутую

бумагу, но не взялъ ея въ руки, сказавъ недовольно:

— Что тамъ еще? Прочти пожалуйста сама.

— Скъявоне намъ сказалъ, торжественно заговорила она: — „Союзъ вяжетъ мужнину и женщину“.

— Для такихъ новостей не стоитъ вставать изъ гроба, — процитировалъ Иванъ Петровичъ. — И ты мнѣ ничего кромѣ этого не скажешь? Ну, прощай, я пойду допивать свое виши.

Князь уѣхалъ, не повидавшись съ Мери. Она прислала ему записку: „Поѣзжайте. Послѣ-завтра утромъ ждите меня въ городѣ“.

Только часа черезъ два послѣ отъѣзда князь очнулся отъ окутавшаго его тумана. То, чего онъ такъ долго добивался съ такой жадностью, вдругъ совершенно свободно досталось въ его владѣніе, и именно въ ту минуту, когда, какъ ему казалось, у него начала проходить любовь. или по крайней мѣрѣ сглаживаться ея острое чувство. Его опять сразу повлекло въ ней, съ той неудержимой стремительной страстью, которая всегда безпричинна въ своемъ основаніи — и не поддается никакой логикѣ.

Записка Фимы, ждавшая его дома, не поразила его. Фима сразу отошла на другой планъ. Не удивило его, а даже обрадовало письмо княгини Любочки, которая сообщала, что она въ Петербургѣ на два дня по дѣламъ, и спра-

шивала, не поѣдетъ-ли князь вмѣстѣ съ нею къ нимъ въ деревню, согласно его обѣщанію. Князь отправился къ ней и засталъ ее въ меблированныхъ комнатахъ на Невскомъ, среди вороха разложенныхъ по всеѣмъ стульямъ и диванамъ дѣтскихъ платьевъ. Она, какъ всегда, не стѣсняясь, крикнула радостно и громко при видѣ beau-frère'a, — и даже обняла его за шею и звонко чмокнула своими свѣжими сочными губами.

— А я уже отчаялась! говорила она, — думала, вы всеѣмъ застряли среди своихъ чухонь. Ну, что, — ѣдете со мной? ѣдете? Кирьмиѣ не велѣлъ безъ васъ возвращаться.

Тутъ князь замѣтилъ, что они не одни, а рядомъ съ ними стоитъ Колочагинъ, въ неизмѣнномъ сюртукѣ.

— А вы какъ здѣсь? спросилъ князь.

— По дѣламъ-съ. Прасковья Юрьевна прислала.

Онъ повелъ своими черными бровями, какъ-бы говоря: о чемъ-же тутъ спрашивать: вѣдь Прасковья Юрьевна—все.

— Здорова тетя? спросилъ князь.

— Здорова, — отвѣтилъ онъ. — Она въ Петровскомъ-Разумовскомъ на дачѣ. Наѣхало родственной дѣтвора видимо-невидимо. Цѣлый день толкутся, какъ раки въ рѣшетѣ.

— Ну, такъ ѣдемъ, или нѣтъ? не отставала княгиня.

— Да я не знаю, сказалъ Борисъ.

— Не знаете, значить, ѣдемъ.

— Нѣтъ, видите-ли какое обстоятельство...
сказалъ онъ запнувшись: — я — женюсь.

— Же-енитесь? протянула она, — на комъ?

— На племянницѣ нашего Ивана Петровича, — на Мери.

Брови у Колочагина вдругъ заиграли.

— На дочкѣ Юзефы Фердинандовны? спросилъ онъ.

Князь какъ-будто дрогнулъ.

— Да, на дочкѣ Юзефы Фердинандовны, подтвердилъ онъ. — Я ее не знаю, никогда не видѣлъ, да и не интересуюсь. По-моему, репутація родителей не касается ихъ дѣтей.

— Это конечно, согласился Колочагинъ, но игру бровей не остановилъ.

— А какая-же ея такая репутація? удивилась княгиня. — Сказать нельзя?

— Я не знаю, — пожавъ плечами, отвѣтилъ Борисъ. — Вотъ, можетъ быть, Богданъ Игнатьевичъ знаетъ.

— Я ничего не знаю, оживленно заговорилъ тотъ. — Я ровно ничего не знаю. А ваша тетушка, Прасковья Юрьевна, говорила, яко-бы эта Юзефа игорный домъ держитъ.

На щекахъ князя слегка заиграла краска.

— Я съ своей стороны, продолжалъ Богданъ Игнатьевичъ, — не придаю значенія этимъ

генеалогическимъ деревьямъ. По мнѣ все равно. Я знаю, что иногда прекрасныя жены выходятъ изъ особъ, непосредственно взятыхъ даже изъ притоновъ разврата. Иногда къ родовой крови очень полезно бываетъ прилить что-нибудь со стороны. А вотъ, пожалуй, тетушкѣ вашей это не понравится. Говорила она тогда при васъ, когда вы изволили быть въ Москвѣ, что полекъ она не любить,—а сама, по вашему отъѣздѣ разъ пять къ этому предмету возвращалась: а не женился-бы Боренька на этой полкѣ!

— Да ей-то что? удивился князь.

— Какъ что? Вѣдь вы одинъ изъ ея наслѣдниковъ. Ей очень важно, чтобъ супруга ваша пришлась ей по нраву.

— Иначе она денегъ не оставитъ? засмѣялся князь.

— А какъ-бы вы думали? Ну, конечно. Вотъ княгиня Любовь Ивановна такъ пришлась по нраву тетушкѣ, что она, кажется, больше родной дочери ее любить.

— А вначалѣ какъ она ко мнѣ присматривалась! подхватила Любовь Ивановна.—Цѣлый экзаменъ сдѣлала. Расскажите, говорить, что вы любите, и что вы не любите. Ну, я ей и рассказала—на этомъ мы и сошлись. Я знаю, что она меня очень любитъ. Эту правду сказалъ Богданъ Игнатьевичъ. Да, я знаю, что и вы меня любите. Правда?

— Я не знаю,—кто васъ не любитъ, отвѣчалъ Богданъ Игнатьевичъ,—вы всѣхъ опутали, про васъ только и слышишь, что всѣ восторгаются.

— Меня только Кирь не любитъ!

— И Кирь васъ любитъ,—а только онъ зазнался у васъ. Какъ котъ отъѣвшійся: позовите его: кисъ-кисъ,—онъ только глазами поморгаетъ, а самъ хвостомъ не шевельнетъ. Вашъ Кирь за жирѣлъ слишкомъ. Вы его распустили.

— Покажите портретъ вашей невѣсты, пристала къ князю Любовь Ивановна.

— У меня нѣтъ, сказалъ князь.

Она всплеснула руками.

— Нѣтъ? У васъ нѣтъ портрета невѣсты? Да вѣдь это невозможно!.. Даже я, когда съ Киромъ заневѣстилась, такъ сейчасъ въ городъ поѣхала и снялась, какъ разъ въ томъ платьѣ, въ которомъ была, когда онъ предложенье дѣлалъ. У меня такой мордовскій костюмъ былъ,—сама я вышивала. И тутъ такъ много-много бусъ на груди. И Киръ заставилъ, чтобъ я одну нитку коралловъ въ ротъ взяла,—потому что, когда онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „давайте, поидемъ парой въ дышлѣ“.—мнѣ такъ стыдно стало, что я кораллы жевать начала.

— Да вѣдь я женихъ только съ сегоднешняго утра, объяснилъ Борисъ.

— Вотъ что! протянула она.—Ну, такъ я все-же васъ поздравляю,—благо невѣсты вашей нѣтъ. Давайте сюда вашу голову.

И она еще разъ его поцѣловала.

— А я за одно поздравляю васъ и съ генеральствомъ, замѣтилъ Богданъ Игнатьевичъ.—Прочелъ, что васъ произвели въ дѣйствительные, и обрадовался.

Любовь Ивановна сдѣлала удивленные глаза.

— Какъ-же вамъ теперь на конвертахъ писать: „сіятельство“ или „превосходительство“?

— Нѣтъ, ужь лучше „сіятельство“, засмѣялся Борисъ.

Онъ пригласилъ ихъ на другой день къ себѣ на завтракъ,—и отправился въ свое министерство.

XLIX.

Тамъ вице-директоръ встрѣтилъ его нахмурившись и, плотнѣе заперевъ дверь кабинета, сказалъ:

— Тутъ чортъ знаетъ что относительно васъ дѣлается. Невмятулинъ вчера привелъ ко мнѣ какого-то Огнешапова, и тотъ несъ необычайную околесицу: хочетъ притянуть васъ къ суду за умерщвление его дочери.

— Этого Невмятулина придется выгнать, сказалъ князь.

— Помилуйте, продолжалъ вице-директоръ,—онъ заставилъ Огнещاپова въ канцеляріи рассказывать какую-то длинную странную исторію, происшедшую въ номерѣ гостиницы. Онъ хочетъ сперва подать жалобу Ивану Петровичу, а если ничего не выйдетъ, то въ судъ. Ужь вы, князь, примите мѣры,—я нарочно хотѣлъ васъ предупредить.

Князь недоумѣвалъ, какимъ образомъ сошлись эти два достойные человѣка и соединились для похода противъ него. А между тѣмъ дѣло было такъ просто.

Наканунъ явился въ министерство Огнещاپовъ—опухлый, грустный, въ широкомъ фракѣ, въ узенькомъ галстухѣ и въ желтой рубашкѣ, пузырившейся и отставшей на груди. Онъ сталъ спрашивать швейцара о князѣ—въ какомъ онъ служитъ отдѣленіи и чѣмъ заѣдуеть. Чуткое ухо только-что пришедшаго Невмятулина услышало фамилію князя,—и онъ немедленно оказалъ посѣтителю содѣйствіе.

— Вамъ что собственно нужно отъ князя? спросилъ онъ.

Глаза Огнещاپова налились слезами.

— Милостивый государь, сказалъ онъ,—повѣрьте, мнѣ горько рѣшиться сказать то, что я долженъ сказать вамъ; только чело-

вѣкъ, повергнутый въ самую кипѣнь несчастія, можетъ быть подвигнуть на то, на что былъ подвигнуть я.

Онъ оглянулся.

— Если позволите, то не девань ле жансь. Небольшое укромное помѣщеніе. Два квадратныхъ аршина довольно для того чтобъ я обнаружилъ передъ вами все, что у меня на душѣ накопилось и наслоилось...

— Пойдемте навверхъ, предложилъ Невмятулинъ въ неясномъ предчувствіи чего-то неизвѣстнаго, но пріятнаго, что можетъ выставить князя въ скверномъ свѣтѣ.—Пожалуйста, —я окажу вамъ всякое содѣйствіе.

— Благодарю васъ, милостивый государь, говорилъ Огнещаровъ, слѣдуя за нимъ,—искренно благодаренъ. Вѣрьте мнѣ, мною руководить только чувство отца и ничего болѣе. Быть можетъ, и вамъ не чуждо это чувство, если вы имѣли счастье быть отцомъ.

— Да, у меня есть дѣти, сказалъ Невмятулинъ.

Они вошли въ пріемную, гдѣ никого, кромѣ сторожа, не было. Невмятулинъ предложилъ освѣтителю желтый ясеневый стулъ, и самъ помѣстился противъ него.

— Я слушаю, сказалъ онъ.

— Я дворянинъ-сь, началъ Огнещаровъ,—столбовой дворянинъ. И отцы мои, и дѣды

владѣли родовымъ имѣньемъ на рыбной рѣкѣ, называвшимся Младо-телкино. Тамъ я родился, былъ воспринятъ отъ святой купели самимъ губернаторомъ, генераломъ Юлодинымъ, честиѣйшимъ человѣкомъ, попавшимъ впоследствии подъ судъ за послабленіе и небреженіе. Тамъ я ловилъ младенцемъ бабочекъ, тамъ и былъ обвинчанъ нѣкогда съ дѣвицей Людмилой Брезе, которая подарила меня черезъ десять мѣсяцевъ послѣ брака новой дѣвицей—Поликсеной.

Невмятулинъ слушалъ его съ нѣкоторымъ усиленіемъ.

— Я не понимаю... началъ онъ.

— Знаю-сь. Вы не понимаете, къ чему это все вамъ знать? Но если вы были столь великодушны, что согласились выслушать скорбящаго отца, то безъ вступленія я никоимъ образомъ не могу ознакомить васъ съ самой сутью. Я веду къ тому, что, происходя отъ столбового дворянства, несомнѣнно лишенъ, хамскаго міросозерцанія и благороденъ въ своихъ порывахъ. По лицу вашему вижу, что и вы человѣкъ благородный, не такъ-ли?

И мокрая его руки прикоснулись, почти прилипли къ большимъ рукамъ Невмятулина.

— Я жилъ, наслаждался тихой усладой семейной жизни, продолжалъ онъ.—И вдругъ безоблачное небо подернулось тучами. Моя Людмила вне-

запно сбѣжала съ офицеромъ, не имѣвшимъ, по-видимому, никакихъ данныхъ для подобнаго поступка. Тогда я проклялъ свою, прежде столь обожаемую спутницу жизни, отслужилъ по ней панихиду, какъ-бы этимъ похоронивъ ее въ нѣдрахъ своего сердца,—сжегъ всѣ ея платья и вещи на дворѣ родового дома,—какъ послѣ заразнаго больного, и всѣ силы своей любви устремилъ на маленькое созданіе—на Поликсеночку—живое воплощеніе развратной матери.

— Позвольте,—но зачѣмъ-же вы жгли вещи вашей супруги? спросилъ Невмятулинъ.

Огнещановъ развелъ руками.

— Натура-съ. Что вы подѣлаете, если весь строй души моей—чисто вулканической формации. Съ дѣтства, и будучи студентомъ, я былъ судимъ, былъ на скамьѣ подсудимыхъ,—и удостоился счастья быть замѣченнымъ покойнымъ Федоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ—этимъ глубокимъ сердцевѣдцемъ, столь прозорливымъ, что передъ его взоромъ только оставалось падать ницъ и трепетать. Зналъ я, что онъ дѣломъ моимъ интересуется настолько, что лично въ судъ прибылъ, что съ нимъ рѣдко бывало, и прикурпувши къ углу, оттуда наблюдалъ за ходомъ дѣла. И когда меня оправдали, онъ, какъ показалось мнѣ,

точно флеромъ лицо свое задернулъ... Я на другой-же день пошелъ къ нему.

— А вы были знакомы съ нимъ? заинтересовался Невмятулинъ.

— Нѣтъ, не имѣлъ чести. А только вѣдь къ Ѳедору Михайловичу всѣ ходили. Гусемъ, вереницей шли,—и всѣхъ утѣшалъ и успокаивалъ сей духовидецъ.—И я пошелъ. Онъ узналъ меня, какъ будто вздрогнулъ, и воззрися на меня,—остро, такъ прожигая: точно изъ каждаго его глаза раскаленные прутья идутъ. — „Что, говоритъ вамъ?“—Я говорю: „Учитель, — я каяться пришелъ, искупать грѣхъ.—Меня оправдали вчера, — уликъ нѣтъ. А, между тѣмъ, вѣдь я виновенъ, вѣдь я всю эту мерзость продѣлалъ, преднамѣренно, глубоко обдумавъ каждый шагъ“. И началъ я ему послѣдовательно все излагать,—а самъ отъ сладострастія трепещу, самъ своей мерзостью упиваюсь. А Ѳедоръ Михайловичъ сидитъ весь блѣдный и нервно пальцами пошевеливаетъ. Я все больше разгораюсь.—„Вотъ, говорю,—не могъ выдержать, каяться пришелъ передъ великимъ. Хотя и трудно винить меня: ибо съ молодыхъ ногтей я полнъ извращенными инстинктами,—и никто на меня узду не накидывалъ“.—А сердцевѣдецъ-то вдругъ и говоритъ: „Вы все лжете; вы съ молодыхъ ногтей на себя клевете: я убѣжденъ, что

вы все на себя нагнали, и судъ правъ, что не осудилъ васъ“.— Ну, вотъ тутъ то между нами борьба и началась. Я смотрю ему прямо въ глаза и говорю: „а это такъ, между тѣмъ,—и все о чемъ въ протоколѣ говорится — было, — и было еще нѣчто гораздо худшее, гораздо болѣе гнусное“.— И такія гнусности я началъ рассказывать, что у самого волосы на головѣ зашевелились...

— И опять солгали? спросилъ Невмятулинъ.

Глазки Огнешапова хитро замигали.

— Въ томъ-то и дѣло, что неизвѣстно. Какъ ни прожигалъ меня Ѳедоръ Михайловичъ взоромъ—мое лицо все огнеупорно по-прежнему. Онъ и такъ и этакъ,—ничего. И впалъ онъ въ сомнѣніе: точно-ли лгу я, или лгалъ на судѣ; что нибудь изъ двухъ:—или слезныя покаянія тамъ были притворствомъ, или притворство здѣсь—въ нервномъ трепетѣ всего рассказа.—Такъ и оставилъ я его съ загадкой. А потомъ, прочтя его вдохновенныя строки о моемъ процессѣ, я понялъ, что нѣтъ выше духовидца, какъ онъ...

— Все это очень интересно,—остановилъ его Невмятулинъ,—а только вы-бы къ дѣлу подступали.

Огнешаповъ опять схватилъ его за руки:

— Виновать-съ, виновать,—тысячу и одинъ

разъ виновать. Простите великодушно. Но горе-съ, горе отуманило меня, отшибло всякую способность къ логическому мышленію.

— Я не понимаю, при чемъ тутъ князь, нетерпѣливо сказалъ Невмятулинъ.

— Позвольте, сейчасъ все уяснится. Такъ вотъ-съ, докладывалъ вамъ, что осталась у меня дѣвица Поликсена,—такъ знаете—существо не то изъ романа Диккенса, не то изъ заоблачныхъ сферъ. Святое дитя. Сидитъ въ уголку по цѣлымъ днямъ, не играетъ, не смѣется, а только глядитъ большими глазами. А глаза—точно не съ земли, а прямо изъ рая смотрять. И невѣдѣніе въ нихъ, и страданіе, и скорбь, и любовь, и тоска, — все-съ. Ангелочекъ, — только крыльевъ нѣтъ.—Весъ я жилъ только ею одной. И свѣта мнѣ было только въ ея личикѣ,—хотя,—по справедливости сказать долженъ,—строгъ я былъ къ ней, повадки не давалъ. По три дня ангелочекъ у меня не ѣвши сидѣлъ, и даже веревкой къ ножкѣ постели былъ привязанъ за строптивость... Ну-съ, да не въ этомъ дѣло...

Огнещаровъ перевелъ духъ.

— Пріѣхалъ я въ Москву по дѣламъ. Рядомъ со мной въ номерѣ останавливается красивый молодой человекъ,—вашъ князь, какъ оказывается по фамиліи внизу, въ швейцарской. Цѣлую ночь у него оргія-съ.—Пріѣхала

къ нему купеческая дочка—развратнѣйшая натура—знаете, московская прокисшая устрица. Ну, и не стѣсняясь тѣмъ, кто за стѣной, они говорили Богъ знаетъ что,—такъ, что я уши завязалъ фуляромъ, и на каждое ухо еще по три носовыхъ платка положилъ, чтобъ только не слышать.—А на утро-съ, пользуясь моимъ отсутствіемъ, князь заманилъ къ себѣ мою дѣвочку...

— А-а! обрадовался Невмятулинъ.

— Меня дѣла задержали, вернулся я только къ вечеру, и застаю Лику всю въ жару, мечется, никого не узнаетъ, — докторъ какой-то тутъ сомнительный. Все валятъ на дифтеритъ. А какой-же дифтеритъ, — помилуйте. почему?

— Ну-съ, и что-же? торопилъ его Невмятулинъ.

— Ну-съ, и свезли мою дѣвочку въ больницу, въ отдѣленіе для заразныхъ. А тамъ, черезъ нѣсколько дней всѣ концы и схоронили. Видѣлъ я ее ужъ въ гробикѣ. Лежитъ какъ живая. Потомъ ужъ я узналъ, что старшій врачъ больницы, домашній докторъ тетюшки князя, пользуясь соответственнымъ гонораромъ, всегда сбываетъ на кладбище всѣхъ ненужныхъ людей.—Въ тѣ поры слезы меня туманили, я и сообразить ничего не могъ, — ну, а теперь за умъ пришлось взяться. Хочу требовать съ князя отвѣтственность за его поступки.

— Что-жь, это хорошо, радостно проговорилъ Невмятулинъ.

— Миѣ денегъ не надо. А вотъ, если разрыть могилу и узнать — не отравлена-ли дѣвочка. И какіе мотивы этого отравленія. Вѣдь дѣло не безъинтересное?

— Безъинтересное, согласился его собесѣдникъ.

— Такъ вотъ-съ, я и желалъ-бы предварительно-съ, прежде чѣмъ обращаться къ судебнымъ учрежденіямъ, — это ужъ послѣднее дѣло къ судебскимъ крючкамъ за помощью итти, — желалъ-бы я непосредственно давленіе произвести на князя черезъ начальство.

— То-есть съ какой-же цѣлью?

— Ни съ какой. Только чтобъ освѣтить князя Олсуфьева односторонне, такъ сказать, чтобы вся эта позолота съ него слиняла. Больше ничего не надо.

— Хорошее дѣльце, сказалъ Невмятулинъ проходящему мимо вице-директору. — Не хотите-ли послушать?

А тутъ и директоръ подошелъ. Огнещاپовъ опять прослезился. И когда рассказывать началъ, глухія рыданія не разъ прерывали его рѣчь.

— Что-же вы раньше думали? спросилъ директоръ. — Черезъ три мѣсяца хотите гробъ вырывать.

— Горемъ былъ обуянъ! Не могъ воздержаться отъ слезъ, духомъ былъ смущенъ, — плакалъ Огнещановъ.— А теперь, какъ началъ разсуждать здраво, и стало мнѣ обидно. Отчего-же, думаю, дѣвочка моя въ могилѣ спитъ, а ея убійцы по свѣту ходятъ, высоко поднося голову? — Ужели-же безнаказанными ихъ оставить?

— Но все это, почтеннѣйшій, надо доказать, сказалъ директоръ;—а то такіа обвиненія всегда припахиваютъ шантажемъ.

— Почему-же? спросилъ Огнещановъ, по-видимому, нисколько не обидѣвшись на предположеніе.—Шантажъ имѣетъ въ виду выманиваніе денегъ,—а я ничего подобнаго не желаю-сь—это просто месть.

Разсказъ Огнещанова взволновалъ министерство, хотя никто ему не повѣрилъ. Одинъ Невмятулинъ еще просидѣлъ съ нимъ около часа и научилъ, какъ написать прошеніе министру.

Г.

Когда князь узналъ все это, ему стоило большого усилія не разыскать сейчасъ-же Невмятулина,—и не надавать ему пощечинъ. Ему казалось, онъ видитъ испуганное, побѣлѣвшее его лицо, выпученные глаза, и чувствовалъ его

горло подъ своими пальцами. Князь былъ силенъ, въ его пальцахъ была гибкость и способность сжиманія, которой удивлялись даже спеціалисты атлетическихъ игръ.— Невмятулинъ понялъ, увидя подходящаго къ нему Олсуфьева, что онъ знаетъ все и что онъ подходитъ требовать отчета. Но онъ не струсиль и подзадоривающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

— А, ужъ вы вернулись! сказалъ онъ.

Князь подошелъ къ нему настолько близко, что тотъ понятился.

— Слушайте, сказалъ онъ. — Я не желаю болѣе видѣть васъ. Предупреждаю: съ завтрашняго дня не попадайтесь мнѣ на глаза, иначе будетъ плохо.

Невмятулинъ косо улыбнулся.

— Не пугайте, пожалуйста, сказалъ онъ. — Если вамъ не нравится моя фізіономія, — переходите въ другое вѣдомство.

— Ну, посмотримъ, кто раньше уйдетъ отсюда, проговорилъ князь, задыхаясь. — Повѣрьте, я сумѣю оградиться отъ всѣхъ вашихъ подлостей и интригъ. Рукъ о васъ, конечно, я мараить не буду, вызывать на дуэль тоже не стану, — но замолчать васъ заставлю.

— Я замолчу, камни возопіютъ! сказалъ Невмятулинъ.

Князь былъ взволнованъ предательствомъ Невмятулина. Онъ не вѣрилъ въ то, что изъ

подлой шантажной исторіи Огнещанова выйдетъ что-нибудь серьезное; но въ то-же время онъ предчувствовалъ надвигающуюся тучу. Жалоба будетъ подана, очевидно, Ивану Петровичу. Очевидно, онъ не придастъ ей никакого значенія,—но скандалъ будетъ произведенъ. Что-же дѣлать? Пойти навстрѣчу врагу и самому нанести первый ударъ? Но какъ и съ чего начать?

Князь ходилъ встревоженный, взволнованный по кабинету. Сразу онъ не могъ придумать, за что взяться, что предпринять. Скандалъ съ Огнещановымъ разыгрывался на глазахъ у Ивана Петровича, наконецъ, на глазахъ Мери, и въ то самое время, когда она объявила себя его невѣстой.

Вдругъ блестящая мысль мелькнула предъ нимъ: въ Петербургѣ Колочагинъ, старый, опытный дѣлецъ. Поѣхать развѣ къ нему посоветоваться?

Онъ засталъ Колочагина въ персидскомъ халатѣ, какихъ ужъ теперь никто не носитъ. Колочагинъ только-что проснулся послѣ обѣда и пилъ холодную воду съ клубничнымъ проплогоднымъ вареньемъ, купленнымъ изъ сосѣдняго фруктоваго магазина. Какъ всегда, онъ встрѣтилъ гостя съ неизмѣнной любезностью, слегка подрыгивая бровями.

— Съ глицериномъ у васъ здѣсь варенье варятъ, сказалъ онъ.—На вкусъ чувствую.

Князь подробно рассказал о причинѣ своего посѣщенія. Колочагинъ вѣлъ ложку за ложкой, изрѣдка подливая ледяной воды въ запотѣвшій стаканъ: Когда князь кончилъ, онъ сказалъ:

— Я еще тогда видѣлъ въ Москвѣ господина Огнещاپова. Не страшень-сь. Не медвѣдь, — свалить не трудно-сь. У меня и въ Питерѣ знакомство большое. Мы его очень скоро обуздаемъ. Да и Невмятулина тоже.

— Да вѣдь вы ихъ не знаете? удивился князь.

— По вашимъ словамъ знаю-сь. Съ меня этого довольно. Вы не безпокойтесь. Завтра-же я все устрою. Не хитрое дѣло. То-ли мнѣ доводилось дѣлать.

— А какъ-же вы найдете адресъ Огнещاپова, гдѣ онъ остановился?

— А мнѣ Невмятулинъ скажетъ. Онъ знаетъ. Если у нихъ началась игра въ бирюльки, то, несомнѣнно, гдѣ одинъ, тамъ и другой.

Тонкій нюхъ стараго дѣльца не обманулъ Колочагина. Въ тотъ-же вечеръ онъ подѣзжалъ къ дачѣ Невмятулина въ Лѣсномъ. Въ полисадникѣ играли дѣти. На вопросъ, дома-ли папа, — дѣвочка сказала, что дома — сидитъ съ гостемъ.

— Хорошо-бы, кабы это и былъ Огнещاپовъ, подумалъ Колочагинъ.

И, дѣйствительно, это оказался Огнещاپовъ.

Онъ пріѣхалъ за полчаса раньше Колочагина. — и вдвоемъ съ хозяиномъ обсуждалъ форму прошенія. Колочагинъ однимъ глазомъ покосился на черновку, и когда хозяинъ, посадивъ его, спросилъ: „По какому дѣлу?“ Онъ показаль на бумагу и, постучавъ по ней ногтемъ, сказалъ: — А вотъ по этому самому.

Невмятулинъ дернулъ головой. Огнещавовъ насторожился.

— Вы это бросьте, продолжалъ Колочагинъ. — Не выгорить.

— Позвольте, позвольте, заговорилъ Невмятулинъ. — О чемъ вы говорите, и что собственно вамъ нужно?

Колочагинъ положилъ портфель на столъ. Онъ успѣлъ уловить на титулѣ исписаннаго листа слова „его высокопревосходительству“, — и понялъ, что попалъ какъ разъ въ самый разгаръ совѣщанія.

— Я пріѣхалъ движимый, если хотите, чловѣколюбіемъ, заговорилъ онъ. — Узнавъ, что вы заняты составленіемъ проекта прошенія къ его высокопревосходительству, въ коемъ желаете помѣрѣ силъ очернить и выставить въ невыгодномъ свѣтѣ князя Бориса Олсуфьева, я явился сюда предупредить васъ: даромъ порохъ тратите, — сами себя взорвете.

— Вы-бы пошли вонъ отсюда, — сказалъ Невмятулинъ.

— Не совѣтую вамъ гнать меня, замѣтилъ невозможно гость. — Я вѣдь очень опасный человекъ. Господинъ Огнещиповъ меня знаетъ.

Лицо Огнещипова вдругъ расплавилось въ улыбку.

— Боже мой! воскликнулъ онъ. — Да вѣдь я имѣлъ счастье встрѣчать васъ въ Москвѣ! Какъ-же, какъ-же, — припоминаю. Вы тогда, когда вышла печальная исторія съ моей безвременно погибшей дѣвочкой. — тоже покрывали фактъ смерти, въ совокупности съ докторомъ Ваксманомъ. Очень радъ теперь встрѣтяться, душевно радъ.

Онъ обратился къ Невмятулину.

— Они намъ даже полезными могутъ быть въ качествѣ свидѣтеля по этому гнусному дѣлу.

— Ну, вотъ какъ хорошо, что вы меня признали, — проговорилъ Колочагинъ, — теперь намъ легче будетъ бесѣдовать. Во-первыхъ, вы знаете, что если вы покажетесь въ Москву, васъ оттуда вышлютъ?

Огнещиповъ побагровѣлъ.

— Миѣ кажутся ваши шутки очень странными, сказалъ онъ.

— Да я-же не шучу, возразилъ Колочагинъ. — Что за шутки! А просто все дѣло въ томъ, что мѣщанка Жаровава показала, что письма ваши съ вымогательствомъ денегъ у

купца Полуэктова она писала подъ вашу диктовку.

— Ложь, ложь! закричалъ Огнещановъ. — Мъщанку Жарову я точно знаю, но она зла на меня за то, что я хотѣлъ предать ее полиціи за кражу пяти рублей. И поклялась она отомстить...

— Ну, вотъ видите, — и она показала, что вы подъ угрозами, и даже при помощи побоевъ, заставляли ее писать угрожающія письма. въ которыхъ вымогали денегъ отъ разныхъ купцовъ. И были столь при этомъ вы неосторожны, что собственной рукой одинъ изъ черновичковъ написали.

Невмятулинъ кусалъ губы. Болѣе всего ему не нравилось тѣ, что Колочагинъ говорилъ настолько громко, что все было слышно на балконѣ. Эдуардъ и жена притихли: очевидно, они интересовались разговоромъ.

Колочагинъ обратился къ Невмятулину.

— И едва-ли-съ ваше заступничество за профессиональнаго шантажиста, господина Огнещанова, можетъ принести вамъ пользу, сказалъ онъ. — А даже напротивъ — можетъ повлечь за собою немедленное ваше увольненіе со службы.

— Не смѣйте! вдругъ заревѣлъ Огнещановъ. — Не смѣйте меня позорить. Я докажу вамъ, кто я!

— И доказывать нечего, я знаю, — возразилъ Колочагинъ.

Въ дверяхъ показался Больдъ. Онъ, въ противуположность Невмятулину, былъ блѣденъ.

— Если вы еще поднимете голосъ, заговорилъ онъ, обращаясь къ Огнещипову, — я попрошу васъ оставить этотъ домъ.

— А почему-же? осѣкшись, спросилъ Огнещиповъ. — Кто-же здѣсь хозяинъ? Вы, или господинъ Невмятулинъ?

— Я такой-же хозяинъ, какъ и онъ. И потому прошу васъ не кричать.

Огнещиповъ притихъ и заговорилъ шопотомъ.

— Не буду, не буду. Затравили меня, — со всѣхъ сторонъ затравили, — какъ волка, цѣлой стаей.

Больдъ посмотрѣлъ на Колочагина тоже недружелюбно, но Колочагинъ не обратилъ на это никакого вниманія.

— Такъ вотъ-съ, — я васъ хотѣлъ предупредить, господинъ Невмятулинъ, вы хода этой самой просьбѣ не давайте, продолжалъ онъ. — Всѣ-съ предупреждены. Даже градоначальнику не безызвѣстно ваше намѣреніе помогать по мѣрѣ силъ Огнещипову. А взявши въ расчетъ то обстоятельство, что нѣкогда вы находились подъ весьма сомнительнымъ угломъ зрѣнія, — не лучше-ли не трогать старыхъ дрожжей? И въ отставку вы ужь лучше самолично подайте, —

и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. А то, смѣю васъ увѣрить, мечъ занесенъ, и ударъ его неотвратимъ.

Большъ заложилъ руки въ карманы и усмѣхнулся.

— А вѣдь это очень возможно, cher Paul, сказалъ онъ, — и чего добраго, торопиться надо.

Колочагинъ всталъ, взялъ неторопливо портфель, сдѣлалъ что-то вродѣ полупоклона и пошелъ черезъ садъ къ своему извозчику. У забора его догналъ Большъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ: — все, что вы говорили, это серьезно?

Колочагинъ посмотрѣлъ въ упоръ на него.

— Я думаю, отвѣтилъ онъ, — и вамъ совѣтую, если хотите добра вашему товарищу, настоять, чтобъ завтра-же имъ было подано прошеніе объ отставкѣ.

Большъ опять усмѣхнулся.

— Онъ подастъ въ отставку, утвердительно сказалъ онъ.

Колочагинъ уже занесъ ногу на дрожки, когда кто-то дотронулся до его локтя. Это былъ Огнещачовъ.

— Не подвезете-ли меня? спросилъ онъ.

Тутъ даже Колочагинъ удивился.

— Фу, до чего вы наглы, сказалъ онъ.

— Да дождикъ идетъ-съ, оправдывался Огнещачовъ.

— Ну, садитесь, — подвезу до конки. А тамъ лѣзьте въ омнибусъ.

— Чудесно. Мнѣ больше никакого снисхожденія и не надо.

Они поѣхали. Огнещаровъ сидѣлъ вѣжливо, бочкомъ и улыбался.

— А и негодяй этотъ Невмятулинъ, сладко заговорилъ онъ. — Какъ онъ старается этого князя опутать!

Колочагинъ посмотрѣлъ на Огнещарова.

— Я съ вами согласенъ, сказалъ онъ. — Невмятулинъ тоже человѣкъ наглый.

Огнещаровъ засмѣялся.

— Это „тоже“ очень хорошо-съ, — превосходно! проговорилъ онъ.

— Ну, вотъ и вагоны, оборвалъ его Колочагинъ. — Слѣзайте.

— Искренно благодаренъ, сказалъ Огнещаровъ, приподнимая шляпу. — Чувствительно тронуть. И пожалуйста, если вамъ нужно будетъ показать что-нибудь относительно Невмятулина, — такъ я къ вашимъ услугамъ — мигните только.

— Что это за перемѣна? спросилъ Колочагинъ.

— Не перемѣна-съ, — а вамъ дѣйствительно я готовъ служить чѣмъ могу. Особливо, если взять въ расчетъ, что у васъ имѣются документы по шантажному дѣлу кушца Полуэктов

Раздавить чело́вѣка недолго. Долженъ-же я оберечь себя и заискать нѣсколько ваше расположеніе! Нѣтъ, вѣдь я серьезно-сь. Въ самомъ дѣлѣ, Господь знаетъ этого Невмятулина, — я всегда на все пойду противъ него. Потому, что мнѣ этотъ Невмятулинъ? Ничего я отъ него ждать не могу-сь. Тогда какъ вы — дѣло иного рода: теперь за васъ подержаться выгодно-сь.

— Пошелъ, — сказалъ Колочагинъ извозчику, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ протянутой руки Огнещанова.

— Вы горды, — крикнулъ Огнещановъ: — люблю гордыхъ! — Коли я вамъ нуженъ — Hôtel Новая Рига! — кричалъ онъ уже издали. — Повѣрьте, всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.

И голосъ его затерялся въ шумъ звонковъ, топотъ лошадей и въ стукъ колесъ громающихся экипажей.

II.

На другой день, во время завтрака у князя Бориса, пріѣхала Мери. Князь познакомилъ ее со свояченицей. Княгиня Любочка обладала способностью немедленно привлекать всѣхъ на свою сторону съ первой встрѣчи. Мери,

пріѣхавшая въ городъ вмѣстѣ съ медіумической дѣвицей—mademoiselle Пятначевой, не ожидала встрѣтить родственниковъ своего будущаго мужа и сначала была непріятно удивлена этой встрѣчей, но черезъ десять минутъ ея мнѣніе о Любочкѣ измѣнилось, и она стала улыбаться.

— Какія у васъ чудесныя ямочки на щекахъ, княгиня, — внезапно сказала она, незамѣтно для самой себя впадая сразу въ фамильярность. — Я такихъ не видывала.

— Да, — мой Киръ когда-то говорилъ, что онѣ аппетитныя такія...

Она запнулась: ей показалось, что она сказала что-то не то, — тѣмъ болѣе, что Колочагинъ какъ-то крякнулъ.

Къ концу завтрака, Любовь Ивановна уже неотступно звала Мери къ себѣ въ деревню.

— Да я не знаю вашего мужа, — возражала Мери.

— Да вамъ и не нужно его знать! оживленно размахивая пухлыми ручками, говорила княгиня. — Совсѣмъ не нужно. Вы ѣдете ко мнѣ въ гости, и значить, онѣ долженъ быть радъ. Вѣдь онѣ премилый у меня, — только весь обросъ зеленью, — знаете, какъ пруды заростають. Онѣ философъ, — и никакъ не можетъ ни до чего додуматься. Все у него колесомъ въ головѣ, — и все онѣ хочетъ какъ

можно больше счастья человечеству принести. Даже ночью думаетъ.

— Ну, вотъ видите, — я могу помѣшать, — продолжала сопротивляться Мери.

— Вы-то помѣшать! закричала Любочка, — да вы сойдетесь съ нимъ съ перваго-же раза. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ поѣдемъ съ нами. И еще послѣ завтра ѣду, — успѣете собраться.

Элень Пятначева, пріѣхавшая къ своей сестрѣ, которая пѣла въ опереткѣ увеселительнаго заведенія „Стовратныя Оивы“, была снова командирована въ Финляндію за платьями и разрѣшеніемъ Анны Фердинандовны — ѣхать въ деревню.

— А она позволить вамъ, душечка? спрашивала Любочка.

— Позволить, отвѣтила Мери. — Но если-бы не позволила, я все-таки уѣхала-бы.

Элень была дѣвушка разсудительная. Черезъ день послѣ отъѣзда она воротилась съ полнымъ разрѣшеніемъ, причемъ наметнула, что большую услугу въ дѣлѣ этого разрѣшенія сыгралъ Скъявоне, который категорически заявилъ, что „Ангель осѣняетъ путницу“.

Князь Борисъ долженъ былъ выѣхать днемъ позже княгини и невѣсты. Онъ усадилъ ихъ въ вагонъ и обѣщалъ пріѣхать какъ можно скорѣе, — какъ только повидаетъ тетку Прасковью Юрьевну.

— Смотрите, говорила ему княгиня:— вы общались прѣхать къ Купальнымъ огнямъ. Это черезъ три дня. Не опоздайте. Если-бъ не Петровъ постъ, какъ хорошо было-бы вамъ жениться какъ разъ въ этотъ день. Говорять. у славянъ браки всегда въ этотъ день устраивались. Повѣнчалъ-бы васъ отецъ Чонгаровъ— есть у насъ такой,— прелестный священникъ. Вотъ вы съ нимъ познакомитесь. душечка...

Она не замѣчала смущенія князя и его невѣсты,— она торопила только, чтобы князь выходилъ изъ вагона, потому-что уже раздались два удара предпоследняго звонка. Ея маленькая рука въ сиреневой перчаткѣ махала платкомъ ему изъ окна, и сама она такъ мило и любовно улыбалась, точно она была невѣста, а не та строгая съ профилемъ камен дѣвушка, что видѣлась рядомъ съ нею...

Когда поѣздъ, закрываясь клубами дыма и паромъ, началъ скрываться вдали, между вереницами вагоновъ, князю стало жутко и больно на сердцѣ. — Ему показалось, что не надо было ее отпускать, что если Чонгаровъ тамъ— ихъ встрѣча можетъ быть роковой. Надо было сейчасъ-же ѣхать вслѣдъ за ними и не отпускать ее отъ себя ни на шагъ.

— Фу, какой вздоръ! опомнился онъ, снямая шляпу и проводя рукой по волосамъ.—

Я точно влюбленный гимназистъ. Развѣ можно вѣчно бояться, вѣчно подозрѣвать, вѣчно думать о всевозможныхъ случайностяхъ и разныхъ печальныхъ исходахъ?..

Онъ вышелъ на площадь — шумливую, душную, и ему показалось, что онъ остался запертымъ въ какой-то темной каморѣ. Колочагинъ, шедшій возлѣ него, спросилъ:

— Мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Москву?

— Да, — радостно цѣпляясь за мысль — не быть одному, — сказалъ князь. — Да, — непременно поѣдемъ вмѣстѣ. — Мнѣ необходимо поговорить съ вами о многомъ.

— Ко мнѣ сейчасъ пріѣзжалъ Больдъ, — сожитель господина Невмятулина, продолжалъ Колочагинъ. — Онъ сообщил мнѣ, что отставка послана имъ самимъ. Отставку эту вынудила написать его жена, а когда онъ написалъ, то заявила, что больше жить съ нимъ не будетъ, и ушла отъ него. Все это Больдъ мнѣ рассказалъ и такъ кривилъ свое лицо, что мнѣ показалось, будто Невмятулина ушла отъ мужа къ нему.

— Даже навѣрно, — подтвердилъ князь.

А вагонъ съ молодыми женщинами несся въ это время къ юго-востоку. Онѣ сидѣли другъ противъ друга, и княгиня, взглядываясь въ лицо своей спутницы, говорила:

— Душечка, отчего вы такая грустная?

Развѣ можно быть такой грустной? Развѣ невѣсты такія бываютъ? Я вспоминаю время, когда я была невѣстой моего Кира. Если-бъ вы знали, какъ это было чудесно. Мнѣ казалось, что у меня крылья выросли, и я не хожу, а летаю. И такая я добрая стала, что мнѣ все хотѣлось всёми отдать. Я вѣдь совсѣмъ бѣдная была, и приданого у меня никакого не было—такъ нѣсколько платьишекъ да бусы. Киръ и денегъ мнѣ далъ на то, чтобъ обшиться мнѣ. Вотъ сдѣлаю я то, другое,—куплю въ городѣ лентъ, матеріи, полотна,—а потомъ вдругъ и отдамъ кому-нибудь—у кого нѣтъ. Такъ мнѣ вдругъ стыдно передъ Киromъ станеть—лгать я должна была, притворялась. Сколько разъ сама себя слово давала: вотъ ужъ это въ послѣдній разъ, никогда больше никому лоскутка не отдамъ, а смотришь—попросить кто, и опять съешь все, что есть. Не могла удержаться: ужъ очень хорошо было. Вижу, что у другихъ нѣтъ, а у меня есть. Какъ-же не дать? У меня еще, кромя всего, и счастье свое есть, а у другихъ—ничего. А мнѣ хотѣлось, чтобъ всёми, всёми было хорошо. Три мѣсяца я невѣстой была, и все мнѣ казалось, что я сплю, и такъ я боялась проснуться. Думаю: проснусь—и опять буду мучиться, какъ по грошамъ у сосѣдей набрать денегъ, чтобъ въ гимназію за сестренку

внести. И выходило такъ странно, не какъ у другихъ, а наоборотъ:—во снѣ я видѣла, что все осталось попрежнему и я не выхожу замужъ. Проснусь—и сейчасъ за футляръ съ браслетомъ—онъ у меня подъ подушкой и лежалъ. Киръ мнѣ подарилъ съ такимъ крупнымъ бриллиантомъ браслетъ. Я пощупаю его и подумую: „Нѣтъ: меня Киръ любитъ, и я счастлива“.

Мери улыбнулась.

— Я не могу быть такъ счастлива, какъ вы,—сказала она.

— Да отчего-же, душечка? Отчего-же вы не можете быть счастливы? Вы не задавайтесь никакими философіями, первое дѣло. Выходите за Бореньку, ни о чемъ не думая, а только любя его. Будете любить, все остальное потомъ придетъ.

— Жить тяжело, княгиня.

— Совсѣмъ не тяжело. Не только жить, но даже родить, душечка, не тяжело, — стоитъ только посмотрѣть на это какъ на долгъ. Вѣдь это очень просто. Вы представьте себѣ, что вы должны что-нибудь дѣлать, непременно, хотя-бы вамъ это и было скучно. И вы такъ свыкнетесь съ этой мыслью, что вамъ и скучно не будетъ,—а будетъ даже весело.

— Почему-же весело?

— А потому что у васъ сознание будетъ, что вы долгъ выполняете, а это вѣдь очень пріятно. Вы платили когда-нибудь долги?

Мери покачала головой.

— Нѣтъ, я никогда никому не была должна.

— Ну, видите, какая вы счастливая, а я когда была незамужней, всегда всѣмъ была должна. У горничныхъ въ чужихъ домахъ занимала. И потомъ, какъ отдашь долгъ, такъ легко станетъ, точно корзинку съ плечъ сбросишь. Право, милочка, вы подумайте объ этомъ, это совсѣмъ не такъ глупо.

— Я не говорю, что глупо... А только, я думаю, не всякій можетъ стать на вашу точку зрѣнія.

— Всякій, всякій можетъ, а только не хочетъ! воскликнула княгиня.

— Нѣтъ, стояла на своемъ Мери.— Бываютъ люди, у которыхъ есть какое-то внутреннее убѣжденіе, что долга нѣтъ, что это выдуманно людьми, что, ускоряя смерть, мы помогаемъ природѣ...

— Что вы, что вы! замахала на нее руками Любовь Ивановна. — Да какъ у васъ языкъ поворачивается это говорить. Развѣ можно чтонибудь ускорить?—И вообще, милочка, не будемъ говорить объ этой философіи,—Господь съ ней. У меня умъ за разумъ заходитъ, когда я на звѣзды смотрю. И восторгъ у меня, и чувство, что я такая маленькая-маленькая, сравнительно со всѣми этими

мірами. И я тогда молюсь, — такъ горячо, искренно, даже слезы текутъ... Вы посмотрите на звѣзды, — въ первую-же ночь, какъ къ намъ пріѣдемъ, — и вы увидите, чѣмъ вѣетъ изъ этой глубины, изъ неба. Это лучше всякихъ словъ, это вамъ все объяснить сразу...

— Да, это было-бы счастьемъ, — почти прошептала Мери.

ЛII.

Князь Борисъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Колочагинымъ. Къ завтраку, къ двумъ часамъ, они уже были у Прасковьи Юрьевны. Старушка сидѣла въ большихъ креслахъ на широкомъ балконѣ и слушала французское чтеніе какой-то дѣвочки съ налитыми румяными щеками и кукольными глазами, бойко смотрѣвшими изъ-подъ пухлыхъ вѣкъ. Прасковья Юрьевна обрадовалась обимъ. Борисъ сразу разсказалъ, что онъ женится, и объявилъ на комъ.

— Давай тебѣ Богъ, — задумчиво сказала она. — Когда будешь вѣнчаться — пришлю тебѣ образъ. У меня есть одинъ — Ахтырской Богоматери, древняго письма, еще моей бабушки. Ты-то, чего добраго, не молишься, а польки —

онѣ образа любятъ и чтутъ, имъ все равно— православный или католическій.

Дѣвочка ушла, оставивъ на столѣ книжку. Это было французское Евангеліе. Князь развернулъ его на удачу, — и подумалъ: что со мной будетъ, и съ ней;—и что случится.

Онъ прочелъ:

„Or Dieu n'est point le Dieu des morts, mais des vivants; car tous sont vivants devant Lui“.

Онъ задумался надъ этимъ текстомъ, стараясь вникнуть въ его смыслъ. „Богъ — не Богъ мертвыхъ—но живыхъ,—такъ какъ для Него всѣ живы“...

— Такъ-ли это? еще разъ подумалъ онъ, но Прасковья Юрьевна перебила нить его мыслей.

— А когда свадьба? спросила она.

— Не знаю, тетя. Еще не сговаривались. Дѣвтомъ, я думаю.

— Торопись, сказала она: со свадьбой никогда не надо тянуть.

Борисъ думалъ, что тетка теплѣе отнесется къ его браку. Но у ней лицо было точно какимъ-то туманомъ подернуто. Онъ у нея обѣдать не остался, отговорился дѣлами и уѣхалъ.

У князя, въ самомъ дѣлѣ, были кой-какія дѣла. У него была лѣсная дача—очень небольшая — подъ Серпуховомъ. Онъ задумалъ ее продать, и Колочагинъ торопился съ довѣ-

решностью, такъ-какъ князь поручалъ ему совершить эту операцію. Было воскресенье, и всѣ нотаріусы были закрыты, приходилось ждать слѣдующаго дня. — Князю хотѣлось узнать что-нибудь о Фимѣ, но ни ѣхать къ ней, ни посылать онъ не хотѣлъ.

На другое утро ему посчастливилось. На Театральной площади, въ конторѣ нотаріуса онъ встрѣтился съ Бѣлуновымъ, который тоже возился съ какой-то купчей. Но въ этомъ приличномъ молодомъ чиновникѣ онъ замѣтилъ значительную перемену. Онъ былъ гораздо болѣе сдержанъ, улыбался совсѣмъ не такъ мило, какъ прежде, и даже подавалъ руку нѣсколько свысока.

— Ахъ, это вы, князь? спросилъ онъ, притворяясь близорукимъ, и потому говоря вмѣсто вы—ви.— Давно въ Москвѣ? А я здѣсь въ плѣну. Вѣдь у меня назначеніе новое. Не слышали? Какъ-же. Я получилъ мѣсто Каркунова.

Колочагинъ оглянулся при этихъ словахъ и поигралъ бровями. Брови эти говорили: „и какъ тебя, такого жидкаго, на этакое мѣсто взяли!“

— Поздравляю, сказалъ князь.

— Да, да! повторилъ Бѣлуновъ, — какъ-же! Вчера я принялъ должность. На будущей недѣлѣ мнѣ будутъ представляться. Какъ я подтяну, Боже мой, какъ подтяну!

И онъ сдѣлать жестъ, которому позавидовалъ-бы любой кварталный надзиратель добраго стараго времени.

— Я такъ вычищу наше учрежденіе, продолжалъ онъ, — что не оставлю камня на камнѣ.—я все переверну.

— Хотите,—я рекомендую вамъ отличнаго помощника? спросилъ князь.

— *Vraiment? Qui est ça?*

— Невмятулинъ, писатель. Превосходный человѣкъ. Онъ тоже любитъ реформы, у насъ хотѣлъ все министерство перевернуть.

— Ну, и что-же?

— Оказался синицей: говорила, что море сожжетъ, а такъ и не сожгла.

Вѣлуновъ пожевалъ губами.

— Ну, что-жь? Онъ литераторъ. Отъ литератора нельзя ничего требовать. Тутъ, во-первыхъ, нуженъ порядочный человѣкъ, изъ общества, который-бы имѣлъ принципы и зналъ, на что идти.

— А вы на что собственно идете? спросилъ князь.

— Э-э... Какъ вамъ сказать. Я начну съ переформированія самого состава служащихъ. Нельзя держать какихъ-то мастодонтовъ и ихтіосавровъ. Надо-же новый элементъ ввести въ дѣйствительную службу. Я знаю нѣсколько прекрасныхъ молодыхъ людей—*très comme il*

faut, изъ общества, безукоризненнаго образованія, вполне корректныхъ. Я ихъ всѣхъ посажу вмѣсто стариковъ,—и вы увидите, какъ у насъ пойдетъ дѣло. А то вѣдь это рутинна. Теперь я хочу заложить кое-что изъ моихъ имѣній. Нужно, понимаете, отдѣлать квартиру. У меня еще отъ покойной татаи, остались дивные гобелены. Я и наше правленіе отдѣлаю. Всѣ стѣны будутъ выкрашены въ тепловатый тонъ,—знаете въ такой тѣлесный, желто-розовый,—это будетъ очень хорошо. А то эта казенная голубая краска,—она претитъ. Не правда-ли, это будетъ очень мило?

Ему никто не отвѣтилъ.

— У меня очень просторная казенная квартира,—продолжалъ онъ,—такъ что въ залѣ можно поставить четыре рояля. У меня будутъ по четвергамъ концерты. Ко мнѣ вся Москва будетъ прїѣзжать.

— А вы еще не женаты?

— Я женюсь. Это вопросъ рѣшенный.

— На комъ?

— Пока секретъ.

— На старшей сестрѣ Варгиной, подсказалъ Колочагинъ.

Новый администраторъ рѣзко къ нему повернулся.

— Вы знаете? строго спросилъ онъ.

— Знаю, спокойно отвѣтилъ тотъ.

— Откуда-же вы знаете?

— Да вся Москва объ этомъ знаетъ.

Бѣдуновъ усмѣхнулся, такъ что монокль выскочилъ у него изъ глаза.

— Да, вся Москва! повторилъ онъ. Я знаю, что Москва теперь мною интересуется, тѣмъ болѣе, что вѣдь Варгина миллионерша. Отлично образована. Отецъ ихъ былъ коммерціи совѣтникъ, и благословлять ее будетъ миллионеръ Вобловъ. Я думаю даже завести конюшни, то есть скаковыя конечно. Я люблю лошадей. Наши двѣ свадьбы будутъ почти одновременно. Ея сестра тоже выходить...

— Фима? невольно сказалъ князь.

Бѣдуновъ опять посмотрѣлъ строго.

— Вы хорошо ее знаете, — называете полуименемъ—это смѣло? сказалъ онъ.

Князь на это не отвѣтилъ, а только спросилъ:

— А когда-же ваши свадьбы?

— Въ августѣ. Во второй половинѣ. Милости просимъ. Я вамъ пришлю билетъ.

Онъ вставилъ монокль и посмотрѣлъ на князя правымъ, растопыреннымъ глазомъ.

— Нѣтъ, меня въ Москвѣ не будетъ. А свадьба Серафимы Провны объявлена уже?

— Да, — она вернулась на-дняхъ изъ Петербурга невѣстой. Конечно, мнѣ не совсѣмъ приятно родство съ нею и какимъ-то купцомъ.

ея мужемъ, но никто-же не заставляеть насъ водить знакомство. А на улицѣ мало-ли съ кѣмъ приходится кланяться.

Онъ обратился къ нотаріусу.

— Ну, скоро-ли тамъ у васъ? капризно спросилъ онъ. — Вѣдь я занятой человекъ. Заставляете по четверти часа ждать.

Онъ выпрямился и даже какъ-будто при-топнулъ ногой. Лицо его было гнѣвно.

— Миѣ потому непріятно это родство, продолжалъ онъ, обращаясь къ князю, — что вѣдь нашъ родъ — шестая книга. И со стороны матери, — я тоже по шестой книгѣ.

— Ваша матушка урожденная Розанова, — сказала Колочагиня. — Зналъ ее; и папеньку ея зналъ...

Бѣлуновъ весь вспыхнулъ. Его дѣдъ былъ благочинный въ Рязани. Онъ опять подошелъ къ писцу и сталъ его торопить.

— Тоже въ августѣ она выйдетъ замужъ, — подумалъ князь про Фиму. — Долженъ-ли я Мери все сказать про нее, или нѣтъ? Конечно, долженъ. Но зачѣмъ? Вѣдь это прошлое. Прошло — и надъ нимъ поставленъ крестъ — и навсегда.

LIII.

Кирилль Андреевичъ познакомился съ Мери. Оба, повидимому, понравились другъ другу. Вечеромъ Кирилль сказалъ женѣ:

— Твоя будущая belle-soeur умна и сдержана, а это ужь очень много.

— Ты долго съ ней гулялъ по аллеѣ, — замѣтила Любочка.

— Ты ревнуешь?

— Сумасшедшій! — отвѣтила она и прошла въ свою комнату.

Но тотъ червякъ, который вѣчно точилъ Кирилла и заставлялъ его всему и всѣмъ противорѣчить, — на слѣдующій день проявилъ себя и по отношенію къ будущей свояченицѣ.

— Вы зачѣмъ собственно выходите замужъ? спросилъ Кирилль у нея, когда они встрѣтились одни въ саду.

Она нѣсколько удивилась вопросу.

— Потому что, и я, и Борисъ, мы...

Она хотѣла сказать „любимъ“, но удержалась.

— Потому, что мы симпатизируемъ другъ другу.

— Ну, это еще не поводъ для такого важнаго шага.

Они прошли съ минуту молча.

— А что-же по вашему является поводомъ? спросила она.

— Если вы хотите имѣть дѣтей, отрѣзаль онъ. — Если вы думаете, что это хорошо, умно, здорово, нужно, тогда пожалуйста. Вѣдь это единственное назначеніе женщины. Ну, а если вы думаете, что замужество, — это кислосладкая маниловщина, и что весь смыслъ брака заключается въ томъ, что вы будете класть другъ другу въ ротъ бонбошки, — то это ошибка.

— Развѣ любовь — маниловщина? спросила она.

— Ну, конечно, — въ большинствѣ случаевъ. Вѣдь жена въ мужѣ любитъ не человѣка — а животное, — особь своего вида, но мужского пола. Она дѣйствуетъ по инстинкту, вложенному въ каждую тварь. Что общаго между этой любовью и любовью къ ближнему? Я не знаю, способна-ли вообще женщина на христіанскую любовь. Я думаю, въ ней материнскіе инстинкты побѣдили всякую идею возвышенной и чистой любви. Мужчина можетъ полюбить не только женщину, но и другого мужчину, можетъ полюбить идею, науку, все человѣчество. Женщина можетъ любить только ребенка, въ крайнемъ случаѣ мужа, кошку, собаку. Мужчина тоже можетъ быть собачникъ. Но собачникъ равно любитъ всѣхъ псовъ, если они породисты. А женщина любитъ именно Кадошку

или Милку, — именно данный субъектъ, — и она ей кажется лучшей изъ всѣхъ собакъ. Это манюловщина и есть: ласкать и чесать свою болонку, мыть ее, поить сливками, и не видѣть, что за окномъ дрожить бездомная собака. Женщина въ такихъ случаяхъ оправдывается тѣмъ, что она не видала того, что дѣлается на улицѣ. А надо не столько видѣть, сколько чувствовать.

Мери улыбулась.

— Вы строги къ намъ, сказала она.

— Какъ-же не быть строгимъ! возразилъ Кирилль Андреевичъ. — Какъ не относиться строго къ самому ужаснѣйшему акту жизни — браку? Посмотрите на весь ужасъ брачныхъ узъ. Посмотрите, какъ бѣгутъ отъ нихъ, какой адской паутиной они охватываютъ несчастныхъ. Вотъ сейчасъ, теперь, вспомните нашихъ знакомыхъ, переберите. Вы ужаснетесь количеству разошедшихся, разведенныхъ, измѣняющихъ, ненавидящихъ. Дѣти не спасаютъ: все равно, ненависть слишкомъ велика, слишкомъ неудержимо въ человѣкѣ стремленіе къ свободѣ, чтобъ онъ могъ приковать себя къ дому. И вотъ, всѣ бѣгутъ, закрывъ глаза, чего-то ищутъ; ждуть, губятъ и другихъ, и себя, и дѣтей.

— Вы преувеличиваете, сказала Мери.

— Я преувеличиваю! крикнулъ онъ. Нѣтъ,

я слишкомъ блѣдно изображаю то, что есть. Десятипроцентовъ браковъ, кромѣ несчастья ничего за собой не ведутъ. Кажущагося влеченія хватаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ, много на два года. А потомъ все то, что пряталось за размалеванную кулису, выступаетъ наружу, какъ грязныя кирпичныя колонны на сценѣ, когда уберутъ размалеванные дворцы.

— Таковъ-же будетъ, по вашему, бракъ и мой съ Борисомъ?

— Ну, конечно, такой-же. Чѣмъ Борисъ лучше другихъ?

— Однако, вотъ вы сами...—начала она.

— Я? По вашему, мой бракъ счастливъ? Да, онъ можетъ быть лучшей изъ лучшихъ, но развѣ я не напоминаю человѣка, связаннаго по рукамъ и по ногамъ и брошеннаго въ яму?

— Вы оригинальничаете.

— Хороша оригинальность! Жена какъ насѣдка сидитъ надъ дѣтьми и надо мною. Я такой-же птенецъ, какъ и они, то-есть, по ея мнѣнью. Я не могу пошевелиться, безъ того, чтобъ эта любящая женщина не справилась о моемъ здоровьѣ и настроеніи духа. Ни одинъ кадетъ не подчиненъ въ корпусѣ такому надзору, какъ я здѣсь, въ моемъ собственномъ домѣ. Бойтесь создать такую тюрьму для брата. Не показывайте ему никогда недовольства тѣмъ, что онъ уходитъ отъ васъ, мало съ вами зани-

мается, мало о васъ думаетъ. Иначе жизнь его будетъ каторгой. Дайте ему жить своимъ внутреннимъ міромъ, не разыгрывайте изъ себя сіамскихъ близнецовъ, не увѣряйте, что смерть одного повлечетъ за собой смерть другого. Это все вздоръ. Умираютъ отъ любви только птички-инсепарабли, знаете, есть такія, а люди не умираютъ.

— Я стѣснятъ его не буду, задумчиво сказала Мери.

— Дайте ему жить внутренней своей жизнью, продолжалъ онъ.— Не заставляйте его думать вслухъ: это худшая изъ пытокъ. Вслухъ могутъ думать Пульхерія Ивановна и Аѳанасій Ивановичъ, имъ это и оставьте.

Онъ какъ-будто спохватился.

— Вы извините, что я все это говорю. Все это можетъ-быть и старо и скучно, но что-же дѣлать, если до сихъ поръ такъ-же легкомысленно и такъ-же противно всякой логикѣ уходятъ съ головой въ тину.

— Вы никогда не любили? спросила Мери.

Князь какъ-будто задумался.

— А не знаю, протяжно проговорилъ онъ.— Богъ меня знаетъ. Должно-быть, что любилъ.

— А я думаю, что нѣтъ. Кабы вы любили, такъ не говорили-бы того, что говорите. Настоящая, великая любовь встрѣчается рѣдко.

Но если она есть, такъ можно и думать вслухъ, и считать себя сіамскими близнецами.

Князь посмотрѣлъ на нее.

— Вотъ вы какая, сказалъ онъ улыбаясь.

— Идеалистка? спросила она.

— Утопистка. Вѣра еще у васъ есть. Ахъ, какъ хорошо, когда есть у человѣка вѣра. Хоть во что-нибудь. Вы знаете, кто счастливѣе всѣхъ? Нищіе. У нихъ душевный подъемъ, ощущенія радости и счастья сильнѣе, чѣмъ у насъ—испорченныхъ, промозглыхъ людей. Имъ гривенникъ — радость, двугривенный — счастье, цѣлковый—блаженство. А мы? Развѣ мы способны придти въ восторгъ, дай намъ сотни тысячъ?

Онъ снялъ шляпу, вытеръ платкомъ съ княжеской короной потъ лба, посмотрѣлъ на свою спутницу, и вдругъ разсмѣялся здоровымъ, молодымъ смѣхомъ.

— Экіе глаза у васъ хорошіе! сказалъ онъ.— Сколько въ нихъ свѣта и... и тайны.

— Тайны? Почему тайны?

— Потому, что глаза — странная тайна. Развѣ есть что-нибудь глубже глазъ? Они и говорятъ, и жгутъ, и обдаютъ холодомъ. Въ нихъ вся сила, вся душа человѣка. Зрачокъ бездонно черный, и въ его тьмѣ есть что-то жуткое. Черезъ нее нашъ мозгъ видитъ и воспринимаетъ все окружающее, невѣдомо таинственно,

при помощи вибраціи какихъ-то нервовъ. Пусть естественники говорятъ, что это очень просто, что въ глазу есть хрусталикъ, который всему дѣлу причина, что вотъ тутъ зѣница, а тутъ роговая оболочка: все это вздоръ, который ничего не объясняетъ. Не это важно. Важно то, почему эти нервы дрожать, почему все видимое отражается въ глазу, и почему мы понимаемъ то, что видимъ...

Онъ опять засмѣялся.

— Съ чего это я философствую предъ вами? спросилъ онъ.—И философствую-то глупо, по дѣтски, какъ недоучившійся семинаристъ.

LIV.

Они шли нѣкоторое время молча. Она вдругъ остановилась.

— Такъ вы думаете, мы не будемъ счастливы? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ. — Вы слишкомъ умны и развиты для этого. Братъ будетъ счастливѣе васъ. Ему будетъ дольше казаться, что онъ счастливъ.

— А потомъ? спросила она.

— А потомъ начнется то, что у всѣхъ насъ. Подавленная негодующая нервность, недомолвки, раздраженія. Все сведется къ личностямъ. То-

мительная скука навалится какъ кошмаръ. Если будутъ дѣти, они временно явятся барьеромъ, черезъ который не сразу вы рискнете перепрыгнуть. Но наступитъ время, и этотъ барьеръ покажется порогомъ.

— А почему-же я приду ко всѣмъ этимъ печальнымъ выводамъ раньше Бориса?

— Потому-что Борисъ... Какъ-же я вамъ скажу, что такое Борисъ, вамъ, невѣстѣ!..

— Мнѣ кажется, именно невѣстѣ и надо говорить о ея женихѣ все.

Онъ почесалъ себѣ бороду.

— Какъ вамъ сказать, чтобъ и его и васъ не обидѣть? Братъ — человѣкъ безусловно хорошій. На подлость не пойдетъ, никого не продастъ, преднамѣреннаго зла не сдѣлаетъ. И притомъ, собой не дурень. Такъ вѣдь? Для домашняго обихода вѣдь и это важно.

— Продолжайте, сказала Мери, когда онъ остановился.

— Но развѣ вы не видите, продолжалъ онъ, — что Борисъ человѣкъ самый обыденный, одноцвѣтный? Снимите съ него его титулъ да вицмундирчикъ, вмѣстѣ съ чиномъ, и посмотрите, что отъ него останется. У него прекрасные порывы. О, я знаю: онъ мучается, бьется какъ муха объ стекло, жужжитъ, думаетъ, что ему тѣсно и душно, что онъ скованъ и не можетъ вырваться на свободу. Онъ

бьется лбомъ объ стѣну, и въ душѣ очень радъ тому, что вотъ, молъ, у него какое самосознаніе собственной дряблости и безсилія. А самъ онъ не видитъ и не хочетъ понять, что сколько муха въ стекло ни бьется, никогда его не пробьетъ, пока не догадается, что на свободу надо выбраться черезъ открытое окно. Въ открытое окно его не пускаетъ виць-мундиръ: онъ прикованъ за фалдочки къ канцелярскому стулу. Вреда онъ не приноситъ, но и пользы отъ него не ждите. Дальше сокрушенія о немощахъ и горестяхъ человѣчества онъ не пойдетъ. Будетъ сидѣть на рѣкахъ вавилонскихъ и плакать.

Она молчала и шла, потупивъ голову.

— А вы не такая,—продолжалъ Кирилль Андреевичъ.—Вы можете пойти на многое: сорвать покрывало съ того, къ чему онъ боится прикоснуться. Я слышалъ, вы хотѣли убить себя? Я понимаю васъ; я самъ два раза былъ на краю...

Онъ оборвался и замолчалъ. Она повернула къ нему взволнованное лицо.

— Да?

— Да.—Разъ—заряженный револьверъ лежалъ цѣлый день въ карманѣ, и въ столѣ на видномъ мѣстѣ было положено духовное завѣщаніе. — Въ другой разъ... на повздѣ. Я стоялъ на площадкѣ вагона. Мнѣ такъ хотѣ-

лось броситься въ промежутокъ вагоновъ, что я почти покончилъ въ умѣ счеты со всѣмъ земнымъ. Но сила воли пересилила.

— Не безволье-ли? шепнула она.

Его брови сдвинулись.

— Сила воли, подтвердилъ онъ. — Только люди безвольные идутъ навстрѣчу смерти, не дожидаясь ея прихода, — и умираютъ, не держа въ груза жизни. Подвигъ въ томъ, чтобы собрать всю силу воли и дышать въ этомъ гадкомъ мѣрѣ...

Онъ задумался и поднялъ глаза къ небу.

... Absent thee from felicity awhile,
And in this harsh world draw thy breath in pain.
To tell my story... *

— проговорилъ онъ.

— Да неужели-же вы такъ несчастны! воскликнула она. — Неужели ваша княгиня, эта вѣчная воплощенная забота, эта лучшая изъ женщинъ — не дала вамъ счастья?

Онъ ничего не сказалъ и отвернулся.

— Слушайте, продолжала она. — Вы не вѣрите въ то, что въ бракѣ возможно счастье?

— Не вѣрю.

Они опять замолчали.

— Я васъ разстроилъ? спросилъ онъ, за-

* ... „Откажись пока отъ блаженства (смерти) — и живи еще. — какъ-бы ни-было тяжело. — въ этомъ грустномъ мѣрѣ, чтобы повѣдать повѣсть моей жизни“...

глядывая ей въ лицо.

Она усмѣхнулась.

— Да, пожалуй, и разстроили. А впрочемъ, не все-ли вамъ равно? Скажите мнѣ прямо: вы противъ нашего брака?

— Противъ.

— Почему?

— Потому-что... Потому-что во всемъ этомъ есть какая-то ложь. Скверная, подлая ложь. — Бѣгите, пока есть время.

— Вы хорошо знаете Чонгарова? неожиданно спросила она.

— Да. А что?

— Какой онъ человѣкъ?

— Чонгаровъ — сила. Онъ не въ своей колеѣ. Если-бъ съ его колоссальной эрудиціей онъ былъ писателемъ...

— Я не спрашиваю васъ объ эрудиціи, — сказала она, — мнѣ до нея нѣтъ никакого дѣла. Что онъ за человѣкъ по-вашему?

— Силы воли необычайной. Скрытный, сдержанный. Онъ не на своей дорогѣ. Я убѣжденъ что ряса — временная его одежда. Онъ ею не удовлетворится. Одна изъ сторонъ его мятежныхъ исканій — этотъ санъ. Но въ немъ есть сила. Я самъ видѣлъ, какъ онъ сидѣлъ на кровати больного въ сыпнотъ тифѣ, и какъ послѣ напутствованія склонился и поцѣловалъ его въ лобъ...

— А зачѣмъ-же вы тамъ были?

— А я и привелъ его къ больному. Ну, и остался посмотрѣть — не испугается-ли онъ тифа.

Она опять какъ-то зло усмѣхнулась.

— Вы экзаменовали другъ друга? проговорила она.

Онъ засмѣялся.

— Что-жь, пожалуй, вы и правы. Это былъ своего рода экзамень: смотрѣли, кто первый выскочитъ изъ смрадной избы. Не дождались, и вышли подъ руку.

Она исподлобья посмотрѣла на него.

— Что-же, по-вашему, онъ не пошелъ-бы къ больному, кабы не вы?

— А не знаю. Можетъ, и пошелъ-бы, можетъ, и нѣтъ. Я-бы одинъ не пошелъ: нечего мнѣ было въ этой заразной избѣ дѣлать. Видите, я откровенно сознаюсь.

— А больной этотъ выздоровѣлъ?

— Нѣтъ, умеръ. И потомъ вся его семья перехворала.

— А вы заразы не боялись?

— Я ничего не боюсь.

— Но у васъ дѣти?

— Ну, и Богъ съ ними. Вѣдь не заразились!

Онъ сердито посмотрѣлъ въ сторону и весь передернулся. Но потомъ сладилъ съ собою.

— Сколько мы съ вами вздора наговорили, — весело сказалъ онъ. — Забудьте, пожалуйста, про нашъ разговоръ. Выходите замужъ за Бориса. Борисъ не хуже другихъ, и во всякомъ случаѣ лучше меня. Онъ уравновѣшаннѣе, — какъ всякій сорокалѣтній статскій генераль. Чинъ даетъ такимъ людямъ удивительную устойчивость.

Вдали показалась Любовь Ивановна. Она шла со старшей дѣвочкой къ нимъ навстрѣчу.

— Князь не поспѣетъ къ сегодняшнимъ огнямъ, сказала она. — Онъ прислалъ телеграмму: пріѣдетъ въ ту ночь.

Княгиня показалось, что Мери вздрогнула. Она взглянула на мужа. Тотъ шелъ посвистывая и ничего не замѣчая.

IV.

Темная, звѣздная, тихая, благоуханная ночь царила въ старомъ заповѣдномъ лѣсу, надвинувшимся на студеную рѣчку, что бѣжала подъ густымъ орѣшникомъ. Огромные столѣтніе дубы распластали въ воздухѣ свои узловатые сучья, и ни одинъ затѣйливо-вырѣзанный листокъ не шелестилъ въ неподвижной ихъ зелени. Могуціе корни, какъ оцѣпенѣлые сказочные звѣри, рылись внизу, въ землѣ, широко расплзаясь

во всѣ стороны. Кое-гдѣ сквозь черную листву ярко горѣли звѣзды. Роса унизала траву и брызгала холодными каплями съ каждаго куста, съ каждаго стебля.

На полянѣ столпился, скучился народъ — въ своихъ праздничныхъ яркихъ одеждахъ. Было разставлено разное угощеніе, было раскинуто даже два самодѣльныхъ шатра. Костры горятъ не блѣдно, какъ въ Финляндіи, а яркимъ, краснымъ пламенемъ, разсыпая искры, почти не посылая дыма къ далекому небу. — Слышны стародавнія пѣсни. Старички стянулись отдѣльнымъ скопищемъ; въ сторонкѣ скучились старушки. Парни и дѣвки, сплетая руками, водятъ вокругъ костра хороводы. По деревьямъ и листьямъ ходятъ фантастическія тѣни, то красныя, то золотыя, точно и тамъ, среди дубовъ, великаны справляютъ свой праздникъ. — Говоръ, шумъ, звонъ посуды, хлопанье руки объ руку, пѣніе, смѣхъ, поцѣлуи и старческой кашель, — все слилось въ одинъ общій непрерывный гулъ. Стариной, глухой стариной вѣетъ отъ полузабытыхъ пѣсней, — точно воскресаютъ старые боги, — и самъ златокудрый Перунъ несется надъ вершинами лѣса, слышавъ, какъ поминаютъ его собрата — Дида-Ладо. Хоры поютъ:

— А мы просо вытопчемъ!

Вытопчемъ!

— Ой, Дидъ-Ладо, вытопчемъ,

Вы топчемъ!

—и разливается широкая пѣсня,—знавшая Владимира Святого, сохранившая весь свой стихійно-дѣвственный напѣвъ.

Не смущаетъ эта языческая пѣсня молодого священника, что стоитъ, сверкая глазами, въ шелковой рясѣ, на краю полянки. А возлѣ него, потушившись, крѣпко стиснувъ руки, стоитъ Мери.

Мери нашли сегодня вечеромъ въ полузабытѣ на травѣ, недалеко отъ княжескаго дома. Послѣ разговора съ княземъ, она не вернулась домой,—и ее долго искали. Она ушла на траву, когда князь съ женой ушли отъ нея,—и долго такъ лежала, ничего не сознавая, ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета. Она чувствовала одно,—что ей теперь тяжело, чѣмъ было тогда, въ Ниццѣ, когда она сидѣла подѣ деревомъ и смотрѣла на солнце.

—Зачѣмъ я это сдѣлала, зачѣмъ? повторяла она.—Какъ я могла ему сказать, что иду за него замужъ? Это ложь, не люблю я, не люблю его...

И на смѣну этой мысли приходила другая: ужели она увидитъ Чонгарова, увидитъ теперь же, сейчасъ? Ужели онъ подойдетъ къ ней, заговоритъ съ ней? Ужели скажетъ ему княгиня, что она невѣста?..

Ее нашли дѣти, — испугались и побѣжали къ княгинѣ. Та тоже испугалась. Мери хотѣли

перенести въ залъ, но она сказала, что ей лучше, и что съ ней это бываетъ. Она сама дошла до дома: Любочка уговаривала ее не ѣхать. Но она сказала, что поѣдетъ.

— Надо подышать ночной прохладой въ тѣсу, мнѣ душно здѣсь, говорила она.

Огни горѣли всего въ четырехъ верстахъ. Когда они пріѣхали, праздникъ былъ уже въ полночь разгарѣ. Они пошли къ огню, среди разстроившейся толпы крестьянъ. Ликованіе, пѣніе, молодость, смѣхъ и веселье охватили ее; она чувствовала, что голова ея кружится, она ступала неуверенно и боязливо по травѣ. Она подошла къ огню, насколько позволялъ жаръ, и остановилась. Она стала смотрѣть на пламя. Языки вспыхивали, пропадали, слетались, дробились, разсыпали искры. Когда-то поглощенные изъ солнца тепло и свѣтъ снова вырывались наружу и горѣли ярко прощальнымъ, солнечнымъ блескомъ. — „Какъ хорошо, думала она, — кинуться въ этотъ огромный пламень и сгорѣть, какъ горѣли христіане при язычникахъ, какъ горѣли еретики на ауто-да-фе!“

Она подняла глаза. Чонгаровъ стоялъ предъ ней и смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ. Появленіе его было такъ неожиданно и странно, что она сдѣлала шагъ назадъ.

— Вы? сказала она.

— Да, чуть шепнулъ онъ.

— Какой страшный огонь, сказала она.

— Чѣмъ страшный? отвѣтилъ онъ. — Очищающій, свѣтлый, радостный.

— Правда, что онъ добытъ изъ сухого дерева?

— Да, онъ не зажженъ отъ готоваго, а добытъ вновь.

— Дядя говорилъ, задумчиво продолжала она, все не подавая руки и переводя взглядъ на огонь, — что онъ называется живымъ огнемъ. И только онъ одинъ, этотъ огонь и можетъ очистить.

— Очищеніе огнемъ — дѣло сѣдой старины, отвѣтилъ онъ. — Все живое очищаетъ. Огонь, сжигая зараженное мѣсто, даетъ жизнь, отгоняетъ смерть.

— Купальный огонь! повторила она, — огонь, дающій жизнь...

— Что съ вами? спросилъ Чонгаровъ, наклоняясь къ ней.

— Ничего. Уведите меня отсюда. Здѣсь страшно.

— Страшно? переспросилъ онъ, все вглядываясь въ нее. — Что-же тутъ страшнаго?.. Свѣтло, тепло, ярко...

— Уйдемте, я боюсь. Пойдемте туда, въ лѣсъ.

Она повернулась и пошла. Они вышли изъ круга толпы и вошли въ чащу, гдѣ было тем-

нѣе и дубы чернѣли колоссальными стволами. И тутъ вездѣ были люди, они разбрелись отдѣльными парами. И тутъ вездѣ шептались, играли и пѣли.

— Дальше, дальше пойдѣмъ, — говорила Мери, по-дѣтски цѣпляясь за его руку. — Уйдемъ, я не могу быть здѣсь.

И она уводила его дальше и дальше въ чащу. Онъ съ трудомъ слѣдовалъ за ней въ темнотѣ.

— Куда-же мы? спросилъ онъ, — останавливая ее.

— Не знаю, отвѣтила она, и тяжело дыша, прислонилась къ стволу.

Онъ не видѣлъ ея лица, только слышалъ ея горячее дыханье. Онъ наклонился къ ней и взялъ за руку. Она тихо высвободила руку.

— Пойдемъ дальше, сказала она.

Онъ бессознательно, послушно пошелъ за ней. Теперь она шла впередъ, продираясь черезъ кусты. Ея платье рвалось и трещало, на вѣткахъ оставались цѣлые клочки, — она шла, ничего не чувствуя, ничего не сознавая.

— Куда вы? спросилъ онъ, наконецъ.

Она не отвѣчала. Шумъ праздника замиралъ сзади ихъ, и долетали только отдаленные, неясные звуки. Два раза она оступилась, и должно быть ушибла ногу, но она все шла впередъ и впередъ.

Наконецъ, блеснулъ свѣтъ. Они вышли на

полянку, которая шла въ гору. За полянкой была роща молодыхъ порослей. Они прошли ее. Вдругъ она остановилась.

— Обрывъ? сказала она.

— Да, отвѣтилъ онъ, узнавая мѣсто. — Это черная заводь.

Здѣсь рѣчка дѣлала крутой заворотъ и подымала нагорный берегъ, на которомъ они стояли. Подъ ними шель отвѣсный обрывъ на нѣсколько сажень внизъ.

— Конецъ! сказала она, — дальше итти некуда. Хотите, впрочемъ, — сирыгнемъ вмѣстѣ!

— Хорошо, отвѣтилъ онъ, — и вдругъ привлекъ ее къ себѣ своими гибкими, сильными руками. Она не сопротивлялась.

— Я невѣста, только сказала она.

Онъ сразу рознялъ руки.

— Я — невѣста, повторила она, дѣлая шагъ назадъ. — Черезъ два часа пріѣдетъ мой женихъ, Борисъ Олсуфьевъ. — Но я его не люблю и никогда не любила. Я люблю только тебя. только одного тебя и никого больше. Но и твоей я тоже не буду, потому-что на ложь я не пойду... Купальные огни меня могутъ очистить, но мнѣ страшно сгорѣть въ нихъ...

— Что ты говоришь? спросилъ онъ, дѣлая къ ней шагъ.

— Нѣтъ, не подходи! остановила она его, — не подходи ко мнѣ.

Онъ остался на мѣстѣ.

— Я все вижу сонъ, одинъ и тотъ-же сонъ, все это время, продолжала она. — Я зимой смотрѣла какую-то пьесу, глупую, переводную; тамъ героиня—несчастливая дѣвушка—бросилась въ воду съ обрыва, и на обрывѣ нашли ея длинную вуаль. Я теперь каждую ночь вижу обрывъ съ вуалью, — и знаю, что это вуаль моя... Я-бы вотъ сейчасъ бросилась внизъ, съ этой кручи... Да нѣтъ вуали... Какъ-же узнаютъ мѣсто?.. А впрочемъ, зачѣмъ-же кому знать?

Она была какъ въ бреду. Онъ сдѣлалъ быстрое движеніе къ ней, схватилъ ее за плечи и отвелъ отъ края обрыва.

Она засмѣялась.

— Вотъ какъ! Ты боишься, что я тоже брошусь, какъ та старая дѣва? Нѣтъ,—пусти меня... Я не подойду даже туда.

Онъ снова отпустилъ ее.

— Слушай! сказала она, кладя ему руки на плечи. — Человѣкъ не можетъ жить, если нѣтъ въ немъ живого огня. А во мнѣ—все погасло. Спасти нельзя меня. Хочешь,—цѣлуй меня, но не говори о жизни.

Онъ похолодѣвшими губами коснулся ея щеки.

— Ты можешь молиться? спросила она.

— О тебѣ? Да, отвѣтилъ онъ.

Она провела рукой по его лицу.

— Что это, у тебя слезы? съ удивленіемъ сказала она. — Какъ, ты плачешь? Ты можешь плакать? Ну, хорошо, тѣмъ лучше. Давай молиться вмѣстѣ. Молись, какъ хочешь, какъ умѣешь, — и помни, что я люблю тебя.

Она тихо опустилась на колѣни и потому припала съ глухимъ воплемъ къ землѣ. Глаза ея были сухи, а грудь вся трепетала отъ рыданій.

— За что, за что! говорила она.

Потомъ она приподнялась, поправила въ темнотѣ распавшіеся волосы и сказала тихо:

— Милый!

— Что? отозвался его подавленный голосъ.

— Прощай!

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ. Въ это время мелькнулъ живой огонекъ и слабо треснулъ выстрѣлъ. Онъ бросился къ ней, дрожащими руками схватилъ ее за голову; — изъ ея губъ вырвался не то стонъ, не то вздохъ. — Она лежала ничкомъ, лицомъ въ землю. Онъ взялъ ее за голову, — приподнял и почувствовалъ горячую кровь на своей рукѣ. Она лилась изъ виска прямо въ его подставленную ладонь. теплой стружкой. Онъ не вскрикнулъ, не отступилъ въ ужасъ, онъ вдругъ приникъ къ ея губамъ съ самымъ страстнымъ, изступленнымъ поцѣлуемъ, и все только спрашивалъ:

— Ты жива? Ты жива? Да?

Но ему никто не отвѣчалъ. Струйка крови все бѣжала. Его руки, одежда, лицо,—все было въ этой крови. Она растекалась по травѣ, впитывалась въ землю и уходила въ нее. Онъ слышалъ ея прѣный ароматный запахъ, одурявшій его.

Онъ искалъ—гдѣ-же ея револьверъ? Но нигдѣ его не было. Онъ куда-нибудь отлетѣлъ въ сторону.—Что-то шарахнулось надъ нимъ, встряхнуло вѣтку и понеслось тихо въ сторону,—точно летѣла душа, вырвавшаяся изъ своего заточенія.

А звѣзды были тихи, спокойны и ярки. Онѣ переливались всеми цвѣтами. Онѣ были ярче купальныхъ огней, и тоже говорили объ очищеніи. Онѣ спокойно глядѣли на трупъ, на человѣка, сидѣвшаго возлѣ, — на черную кровь, смѣшавшуюся съ черной распутившейся косою, — и въ ихъ улыбкѣ горѣлъ живой огонь и какъ-будто чувствовалось всепрощеніе всеѣмъ заблужденіямъ земли.

LXI.

Редакція въ концѣ лѣта снова давала кому-то обѣдъ, и опять достопочтенный издатель, Петръ Петровичъ, кланялся, благодарилъ и отвѣчалъ на тосты. Опять сидѣлъ на концѣ

стола народникъ, пилъ водку и квасъ и приводилъ въ смущеніе лакеевъ тѣмъ, что разрѣзаль ножомъ артишоки. Но обѣдъ этотъ, по составу присутствующихъ, отличался тѣмъ, что тутъ былъ новый сотрудникъ—критикъ Шипоносовъ, тотъ самый, что такъ жестоко отнесся къ Невмятулину. Критикъ поссорился съ своей прежней газетой и перебрѣжалъ—какъ это часто дѣлается — въ другую. Поэтому Петръ Петровичъ, исполняя обязанность цемента, сказалъ прекрасную рѣчь. Онъ сказалъ, что ихъ семья обогатилась новымъ членомъ—человѣкомъ искренно-талантливымъ, искренно-честнымъ и высоко-державшимъ свое знамя. Онъ приглашалъ выпить за „знамененосца“. Всѣ выпили. Критикъ покраснѣлъ, всталъ и, отдувшись, началъ благодарить, говоря, что онъ тронутъ до слезъ, такъ-какъ никогда за его здоровье никто не пилъ.

Послѣ обѣда Невмятулинъ шепнулъ что-то народнику. Тотъ сказалъ: „ахъ, да!“ и повелъ его къ критику.

— Вы знакомы? спросилъ онъ, представляя Невмятулина.

— Мы встрѣчались, сказалъ Шипоносовъ, нѣсколько конфузясь и давая мѣсто Невмятулину рядомъ съ собой на диванѣ.

— Да, мы встрѣчались, подхватилъ Невмятулинъ.

— Къ сожалѣнiю, продолжалъ мягко критикъ, — не такъ давно мнѣ пришлось дать о вашей послѣдней книгѣ довольно рѣзкiй отзывъ.

Невмятулинъ снисходительно улыбнулся.

— Читалъ-съ, сказалъ онъ.

— Вы отлично знаете, продолжалъ критикъ, — какъ я цѣню вашъ талантъ. Я вѣдь о васъ отзывался не разъ съ большой похвалою. Но вы сами знаете, что значить приходъ! Издатель не допускалъ и мысли, чтобъ можно было отнестись сочувственно къ вашей книгѣ, до такой степени она противорѣчила его взглядамъ. Вы сами знаете эти приходскiе взгляды. Вспомните, какъ Катковъ отказался напечатать конецъ Анны Карениной. И кому же отказалъ, — столбу, всемирному столбу!..

Онъ поднялъ указательный палецъ кверху, какъ-бы желая тѣмъ показать, какой это столбъ.

— Кроме того, фельетонъ мой, подъ давленiемъ издателя, который воспользовался моимъ отсутствiемъ изъ Петербурга, продолжалъ онъ, — появился не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ моего пера. Все положительное, что было о васъ мною сказано, оказалось вымараннымъ, и оставлены только отрицательныя стороны.

Невмятулинъ зналъ, что критикъ вретъ, но ему приятно было слушать эту завѣдомую ложь.

— Вы знаете, какъ тяжела должность газетнаго критика, продолжалъ Шипоносовъ. — Вы знаете, какъ трудно всѣмъ угодить. Кто-нибудь всегда останется недоволенъ. — Кромѣ того, свобода мысли парализуется съ одной стороны — знакомствами, — съ другой приходскими взглядами издателя, и съ третьей цензурными условіями. Результатомъ всего этого является то, что хочешь писать одно, а пишешь совсѣмъ другое. — Но повѣрьте, здѣсь, гдѣ Петръ Петровичъ обѣщалъ мнѣ полную свободу дѣйствій, я чрезвычайно сочувственно буду къ вамъ относиться.

„Такъ тебѣ и позволили-бы относиться ко мнѣ несочувственно!“ подумалъ Невмятулинъ, но ничего не сказалъ.

— А что вы теперь пишете? — спросилъ Шипоносовъ.

— Я задумалъ романъ, сказалъ Невмятулинъ.

Теперь настала его очередь лгать: никакого романа онъ до этой минуты не собирался писать.

— Это напрасно, — сказалъ критикъ. — Теперь романы являются слишкомъ грузнымъ и утомительнымъ вкладомъ для читателя. Въ наше нервное время, когда всѣ торопятся, и никто ничего не успѣваетъ сдѣлать, небольшіе рассказы куда болѣе достигаютъ цѣли. Да вѣдь дѣло и не въ длинѣ вещи, вѣдь не на

аршинъ-же мѣрить литературныя произведенія? Согласитесь, что „Старосвѣтскіе помѣщики“ куда лучше любого историческаго романа, который въ пятьдесятъ разъ ихъ длиннѣе.

— Позвольте, остановилъ его Невмятулинъ.— А вотъ въ одномъ изъ вашихъ фельетоновъ, года два тому назадъ, вы высказали по моему адресу упрекъ, что я все пишу маленькія вещи, занимаюсь пустяками,—отчего не напишу что-нибудь покрупнѣе?

— Да, покрупнѣе! старался вывернуться критикъ. — Но зачѣмъ-же романъ? Это уже слишкомъ крупно. А какой у васъ сюжетъ?

Невмятулинъ на минуту запнулся. Онъ перебиралъ съ своей памяти событія послѣднихъ мѣсяцевъ.

— Видите, — я временно служилъ въ одномъ министерствѣ. Ну, и понялъ вполне, и оцѣнилъ всю эту чиновничью махинацію. Я полагаю, что можетъ быть весьма интересно описаніе департаментскихъ отношеній и той духоты, которую ощущаетъ каждый свѣжій человекъ, попавшій въ подобное учрежденіе.

— Но цензурно-ли это? спросилъ критикъ. Да и стоять-ли пережевывать это старье: чиновничьи порядки—дѣло извѣстное.

— Но рутина...—началъ Невмятулинъ.

— И рутина—дѣло извѣстное. Вы намъ новенькое что-нибудь дайте...

— Тутъ я думалъ еще вплести романическую фавулу. Одна дѣвушка, невѣста князя, застрѣлилась наканунѣ свадьбы...

— Охъ, батюшка, опять перебилъ критикъ, — оставьте вы въ покоѣ князей. Такъ нынче эти князья одолѣли, куда не повернешься — вездѣ торчатъ! Вы, сударь мой, тряхните настоящимъ черноземомъ, укажите новѣйшіе идеалы марксизма... Собственно эта дѣвушка, — отчего она рѣшилась на самоубійство? Ей противна была самая мысль пріобрѣсти титулъ?

— Отчасти. Она поняла всю пустоту своего жениха. Вдобавокъ, до нея дошли слухи о его развращенности. А она, повидимому, вѣрила въ его чистоту. Ну, вотъ все и разрѣшилось самоубійствомъ.

Шпионосовъ потрясъ головой.

— Нѣтъ, оставьте эту тему, — сказала онъ. — Это неинтересно, это не захватываетъ, это не даетъ задуматься надъ общественнымъ строемъ жизни. Кому какой интересъ въ томъ, что какая-то дура влюбилась въ какого-то идіота и, сознавъ свою глупость, покончила съ собой? Сочувствія вы этимъ ни въ комъ не вызовете. Если еще введете нѣкоторую идѣйность, тогда такъ. Напримѣръ, если вы сдѣлаете изъ нея хотя-бы просто земскую акушерку. Если вы введете элементъ новый — изъ

четвертаго сословія, который откроетъ ей глаза, укажетъ ей идеалы истинной жизни, — ну, тогда еще туда сюда. Да и князя этого не дѣлайте чиновникомъ, — а лучше участникомъ какого-нибудь коммерческаго предпріятія, владѣльцемъ большихъ промысловъ или мануфактуръ. Покажите, какъ онъ давитъ рабочихъ, покажите рабочій бунтъ, — и самого просвѣтителя вашей героини выпустите изъ рабочей среды. Пусть онъ будетъ главаремъ дѣла, пусть она невольно перейдетъ на ихъ сторону... Даже въ такомъ случаѣ она можетъ быть не акушеркой, а интеллигентной женщиной. Пусть она безсознательно предастъ своего жениха въ руки толпы, — и когда она увидитъ, что онъ валяется съ разбитымъ черепомъ, — пусть тогда сознаетъ свое невольное предательство и покончитъ самоубійствомъ. Изъ этого можно сдѣлать романъ, можно затронуть много современныхъ вопросовъ. Уничтожьте, задавите капиталъ, забейте его въ грязь, — покажите страданіе новыхъ рабовъ — фабричныхъ, а тогда я первый буду вамъ аплодировать. Не бойтесь красокъ, не жалѣйте ихъ, — дайте пожаръ фабрики, покажите пронаганду, словомъ, дайте идейную вещь. А чувствованья мелкія, жалкія, — все это бросьте, не то время. Если есть читатели, которыя такія благоглупости читаютъ, и на читателей этихъ — плюньте.

— А что-же, такъ, какъ вы говорите, это хорошо! замѣтилъ Невмятулинъ. — Но все-же я думаю, надо вывести литератора честныхъ убѣжденій, который борется съ чиновничьимъ зломъ, ни передъ кѣмъ не льститъ, не унижается, держится гордо, независимо — всѣ на него начинаютъ шипѣть, — бѣгаютъ, подкапываются подъ него, — и наконецъ добиваются своего: онъ долженъ уйти, — и уходить, съ такой-же высокоподнятой головой, какъ вошелъ — чистымъ и незапятнаннымъ.

— Что-же, это пожалуй, вяло отозвался критикъ. — Это еще можно. А вотъ какого мы ликера выпьемъ? Хотите какао?

— Давайте, — согласился Невмятулинъ.

Имъ принесли ликеръ, они пододвинулись къ столику, и стали мирно бесѣдовать о томъ, существуетъ-ли четвертое сословіе и какую роль оно должно сыграть въ литературѣ, что такое честный литераторъ, и какъ надо писать романы, чтобы они являлись оздоровляющимъ элементомъ въ жизни нашего неустойчиваго общества.

1899—1900 г.

К О Н Е Ц Ъ .

5-2

UNIV. OF MICH.

MAR 24 1910

